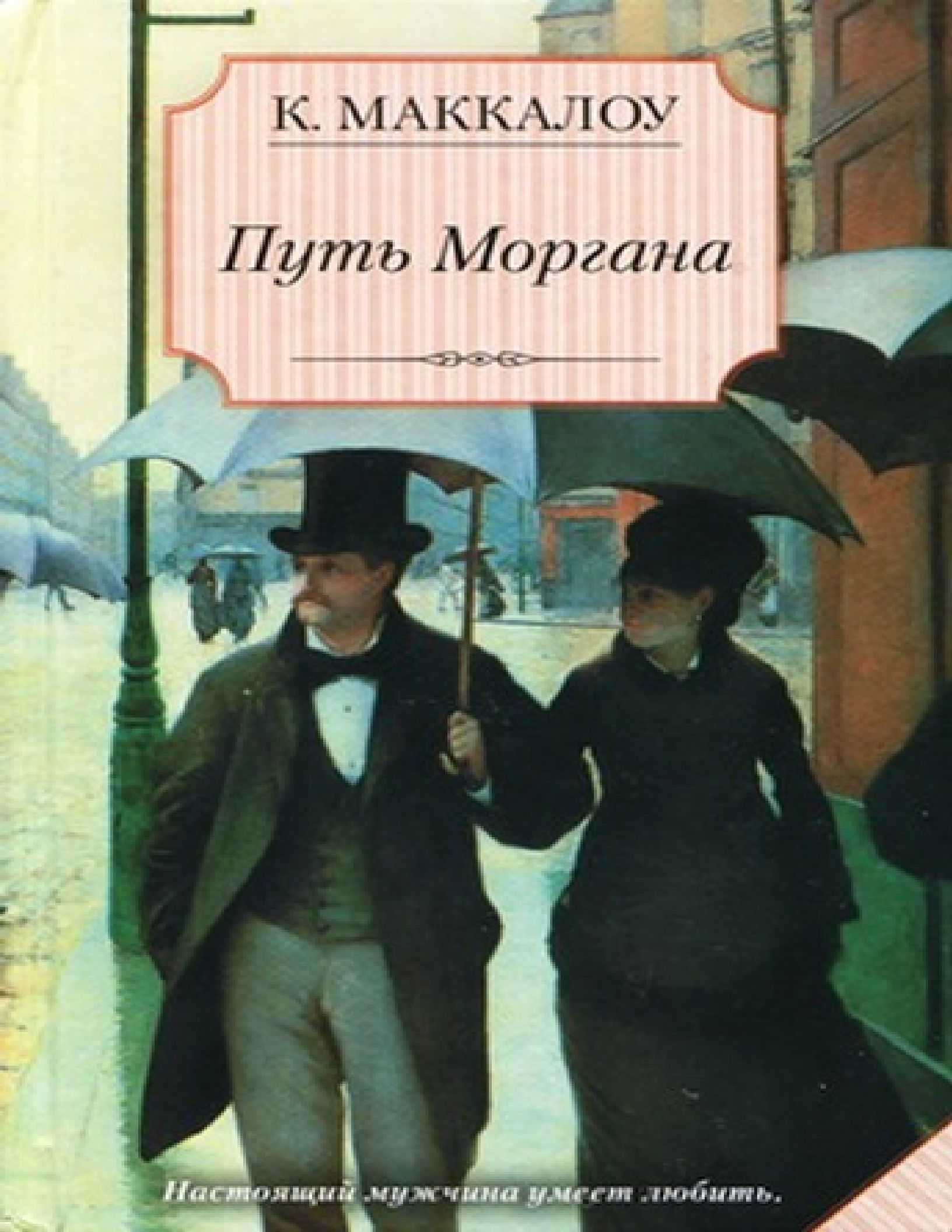

Κ. ΜΑΚΚΑΛΟΥ

Путь Моргана

Настоящий мужчина умеет любить.

Annotation

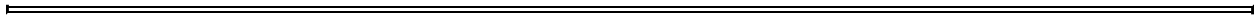
«Путь Моргана» — одно из лучших произведений великой Колин Маккалоу, автора самого знаменитого любовного романа XX века — «Поющие в терновнике»!

Это — история Ричарда Моргана. Сильнейшего из сильных. Мужественнейшего из мужественных. История жизни человека, который умел ненавидеть и любить. Ненавидеть всеми силами души — и любить со всей страстью, на какую только способен настоящий мужчина.

- [Колин Маккалоу](#)
  - [Часть 1](#)
  - [Часть 2](#)
  - [Часть 3](#)
  - [Часть 4](#)
  - [Часть 5](#)
  - [Часть 6](#)
  - [Часть 7](#)
  - [Послесловие автора](#)
  -
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)

Колин Маккалоу

Путь Моргана

Посвящается Рику, брату Джону, Джо, Уэйд, Хелен и множеству других ныне живущих людей, способных проследить свою родословную до Ричарда Моргана.

Но прежде всего эта книга посвящается моей обожжаемой Мелинде, правнучке Ричарда Моргана в пятом колене.

С самого рождения нам присуще много качеств; об обладании некоторыми из них мы даже не подозреваем. Все зависит от того, какой путь предначертан нам Богом.

Часть 1

Август 1775 года — октябрь 1784 года

— Мы вступили в войну! — выпалил мистер Джеймс Тислтуэйт.

Все, кроме Ричарда Моргана, вскинули головы и обернулись к двери, где в тусклом свете застыла громоздкая фигура. Минуту стояла такая тишина, что казалось, будет слышно, как упадет булавка, а затем нестройный хор возгласов донесся из-за каждого стола таверны — кроме того, за которым сидел Ричард Морган. Ричард почти не обратил внимания на тревожную весть: что значила война с тринадцатью американскими колониями по сравнению с участием ребенка, которого он держал на коленях? Четыре дня назад кузен Джеймс-аптекарь привил малышу оспу, и теперь Ричард томился в ожидании, не зная, подействует ли вакцина.

— Давай, Джимми, прочти нам газету, — подал голос из-за стойки Дик Морган, хозяин таверны и отец Ричарда.

Снаружи сияло полуденное солнце, его лучи били в кронгласовые окна, но в большом зале таверны «Герб бочара» царила полутьма. Поэтому мистер Джеймс Тислтуэйт прошествовал к стойке — туда, где горел масляный светильник. Из обоих карманов его пальто торчали рукоятки пистолетов. Водрузив на нос очки, он начал читать вслух, с пафосом повышая и понижая голос.

Сквозь плотный туман тревоги Ричарда Моргана проникали лишь обрывки фраз — «явный и открытый мятеж... настойчивое стремление подавить мятеж и предать изменников суду...»

Почувствовав на себе укоризненный взгляд отца, Ричард добросовестно попытался сосредоточиться. Но неужели жар все-таки начинается? Так ли это? Если да, значит, вакцина подействовала. А если подействовала, неужели Уильям Генри все-таки заболит оспой? И все равно умрет? Боже милостивый, нет!

Мистер Джеймс Тислтуэйт закончил чтение громогласным восклицанием:

— «Жребий брошен! Колонии должны покориться или восторжествовать!»

— Странно, однако, выразился король, — заметил хозяин таверны.

— Странно?

— Похоже, король считает победу колоний возможной.

— Вряд ли, Дик. Тот, кто пишет ему речи — полагаю, какой-нибудь недоучка-секретарь этого лоботряса лорда Бьюта, — наверняка питает пристрастие к риторике. — Последнее слово он сопровождал жестом, прижав к губам указательный палец.

Хозяин таверны усмехнулся и плеснул рома в небольшую оловянную кружку, а затем обернулся, чтобы сделать пометку мелом на грифельной доске, висящей на стене.

— Дик, Дик! За такую весть мне полагается выпивка за счет заведения!

— Ну уж нет! Рано или поздно мы все равно узнали бы ее. — Хозяин таверны поставил локти на стойку в том месте, где за долгие годы образовались заметные потертости, и воззрился на вооруженного мистера Тислтуэйта в теплом пальто. Да он безумен, как мартовский заяц! Пальто — в такую нестерпимую жару! — Сказать по правде, Джимми, это вовсе не гром с ясного неба, и потом, все дурные известия одинаковы.

Никто даже не пытался вмешаться в разговор; Дик Морган пользовался уважением посетителей, а Джимми Тислтуэйт давно снискал репутацию одного из самых чудаковатых жителей Бристоля. Посетители довольствовались тем, что слушали беседу, потягивая каждый свое излюбленное питье — ром, джин, пиво, «бристольское молоко».^[1]

Обе миссис Морган хлопотали поблизости, принося пустые кружки Дику, который наполнял их и делал на грифельной доске новые пометки. Близился обед; аромат свежего хлеба, только что принесенного Пег Морган от булочника Дженкинза, смешивался с обычными запахами таверны, расположенной неподалеку от бристольской пристани. Большинство собравшихся в таверне мужчин, женщин и детей не торопились, намереваясь отведать свежего хлеба со сливочным маслом и ломтем сомерсетского сыра и завершить трапезу дымящейся говядиной с картофелем в густой подливке, поданной на оловянном блюде.

Отец не спускал с Ричарда недовольного взгляда. С отчаянием чувствуя презрение Дика, Ричард отважился вступить в разговор.

— Мы надеялись, — нерешительно начал он, — что ни одна из колоний не поддержит Массачусетс — ведь их предупредили, что дело может пойти слишком далеко. Неужели они и вправду рассчитывали, что король удосужится прочесть их послание? И если прочтет, то согласится пойти на уступки? Они же англичане! Подданные нашего короля!

— Вздор, Ричард! — оборвал его мистер Тислтуэйт. — Слепая привязанность к ребенку лишила тебя способности мыслить! Король и его лизоблюды-министры стремятся ввергнуть наш благословенный остров в

пучину бедствий! За последний год из тринадцати колоний было возвращено восемь тысяч тонн грузов, отправленных из Бристоля! Хозяин саржевой мануфактуры в Редклиффе разорился, четыреста человек лишились работы! Не говоря уже о работниках той фабрики близ Порт-Уолла, где расписывали ковры для Каролины и Джорджии! А те, кто делает трубки, мыло, бутылки, сахар и ром, — ты только подумай, Ричард! Мы живем за счет торговли по другую сторону океана, особенно с этими тринадцатью колониями! Объявить войну колониям — значит, своими руками погубить торговцев и тех, кто поставляет им товар!

— Насколько мне известно, — вмешался хозяин таверны, щурясь от дыма, — лорд Норт обнародовал «Воззвание о подавлении вооруженного мятежа».

— В этой войне нам нечего рассчитывать на победу, — заявил мистер Тислтуэйт, оборачиваясь и протягивая пустую кружку Мэг Морган.

Ричард предпринял еще одну попытку:

— Да полно тебе, Джимми! Мы победили Францию в Семилетней войне, Англия — величайшая страна мира! Король Англии не проигрывает в войнах...

— Только потому, что ведет их вблизи от Англии, или против язычников, или против невежественных дикарей, которых предают их вожди. Но жители тринадцати колоний, как ты справедливо заметил, англичане. Это цивилизованные люди, знакомые с нашими обычаями. В их жилах течет наша кровь. — Мистер Тислтуэйт распрямил плечи, вздохнул и сморщил аристократический, красный от неумеренных возлияний крупный нос. — Они мнят себя просвещенными людьми, Ричард. Навязывают свою волю, смеют спорить, смотрят сверху вниз. Да, они англичане, но отнюдь не в строгом смысле слова. И они находятся очень далеко, о чем в своем невежестве забывают король и его министры. Ты мог бы возразить, что мы выигрываем войны благодаря нашему флоту, — но сколько времени прошло с тех пор, когда мы в последний раз одержали победу или потерпели поражение за пределами наших островов благодаря сухопутным войскам? И разве мы способны выиграть войну на море, сражаясь против врага, у которого нет флота? Нам придется воевать на суше. На тринадцати клочках земли, не имеющих даже общих границ. С врагом, неспособным вести слаженные боевые действия.

— Ты только что опроверг самого себя, Джимми, — вставил хозяин таверны с улыбкой и не подумал взяться за мел, протягивая Мэг заново наполненную ромом кружку. — Наша армия не имеет себе равных. Колонистам не выстоять против нее.

— Согласен, согласен! — воскликнул Джимми, жестом благодаря обычно скуповатого владельца таверны за дармовой ром. — Колонисты вряд ли выиграют эту битву. Но все дело в том, что им не понадобится вступать в сражения, Дик. Им требуется всего лишь выжить. Ибо нам придется воевать за их землю, а не за Англию.

Он сунул руку в левый карман пальто, извлек массивный пистолет и с грохотом опустил его на стойку под испуганные вскрики посетителей таверны. Ричард, держащий на коленях маленького сына, отвел дуло в сторону стремительным движением, которое никто не успел заметить. Все знали, что пистолет заряжен. Оставаясь глухим к вызванному им переполоху, мистер Тислтуэйт порылся в глубинах кармана, вытащил несколько свернутых листков тонкой бумаги и принялся изучать их один за другим сквозь очки, стекла которых увеличивали его бледно-голубые, налитые кровью глаза. Темные выющиеся волосы мистера Джеймса Тислтуэйта выбились из-под ленточки, которой он небрежно перетянул их, — он не разменивался на парики и косицы.

— Вот оно! — наконец воскликнул он, разворачивая лондонскую газету. — Леди и джентльмены, завсегдатаи «Герба бочара», семь с половиной месяцев назад в палате лордов состоялись шумные дебаты, во время которых знаменитый старик Уильям Питт, граф Чатем, произнес свою величайшую речь. В защиту колонистов. Но меня взволновали не слова Чатема, — продолжал мистер Тислтуэйт, — а реплика герцога Ричмонда, цитирую: «Да, мы способны сеять ужас и разрушение, но все это не значит, что мы умеем править!» Как верно, как справедливо! А вот еще отрывок, где содержится одна из великих философских истин, хотя у лордов он вызвал лишь саркастические усмешки: «Ни один народ нельзя заставить подчиниться форме правления, воздействия которой он не ощущает».

Он огляделся и кивнул.

— Вот почему я утверждаю, что все битвы, которые мы выиграем, будут бесполезны и никак не повлияют на исход войны. Если колонисты выживут, они победят. — Блеснув глазами, он свернул газету, сунул всю пачку бумаг обратно в карман и отправил туда же пистолет. — Ты слишком много знаешь об оружии, Ричард, и в этом твоя беда. Ни ребенку, ни кому-либо из присутствующих не грозила опасность. — В горле у него зародилось ворчание, от которого задрожали поджатые губы. — Я всю жизнь провел в этой зловонной выгребной яме под названием Бристоль, от скуки развлекаясь тем, что превращал гноящиеся раны правительства тори, всех этих квакеров, шейкеров и «делателей королей», в темы для своих

пасквилей. — Он помахал поношенной треуголкой своим слушателям и прикрыл глаза. — Если колонисты выживут, они победят, — повторил он. — У каждого жителя Бристоля найдется тысяча знакомых колонистов — город кишит ими, как ночь — летучими мышами. Распад империи, Дик, — вот первый предсмертный хрип наших английских глоток. Я знаком с колонистами и уверен, что они победят.

Странный зловещий звук ворвался в зал с улицы — гул множества сердитых голосов; фигуры смутных очертаний, неторопливо проплывающие за окнами, сменились быстро мелькающими тенями.

— Мятежники! — Вскочив на ноги, Ричард протянул ребенка жене. — Пег, скорее унеси Уильяма Генри наверх! Мама, ступай с ними. — Он обернулся к мистеру Тислтуэйту. — Джимми, ты намерен стрелять с обеих рук или, может быть, одолжишь мне второй пистолет?

— Боже упаси! — Дик вышел из-за стойки, и все присутствующие убедились, что он не уступает Ричарду ни ростом, ни крепостью телосложения. — Здесь, на Брод-стрит, мятежники не появлялись даже в те времена, когда из Кингсвуда нагрянули углекопы и сцапали старину Брикдейла. Такого не случалось, даже когда матросы подняли бунт! Что бы там ни было, это не мятеж. — Он направился к двери. — Но я хочу узнать, что происходит, — заключил он и затерялся в толпе. Посетители «Герба бочара» последовали за ним, среди них были и Ричард, и Джимми Тислтуэйт с торчащими из карманов рукоятками пистолетов.

На улице бурлила толпа, люди высовывались из каждого окна, рискуя свернуть шею; не видно было ни единого камня на мощеной улице, ни одной плиты тротуара, недавно проложенного по обе стороны Брод-стрит. Людской поток подхватил троих мужчин и понес к перекрестку Уайн-стрит и Корн-стрит. Но они оказались не в окружении мятежников, а в толпе состоятельных, донельзя рассерженных горожан, среди которых не было ни женщин, ни детей.

На противоположной стороне Брод-стрит, ближе к торговому кварталу вокруг муниципалитета и биржи, располагался постоялый двор «Белый лев», штаб-квартира «Общества непоколебимых». Так назывался клуб тори, оплот его величества короля Англии Георга III, подданных которого члены клуба с легкостью обрекали на смерть. Очагом волнений стала соседняя «Американская кофейня»; вывешенный над ней красно-белый полосатый флаг большинство американских колонистов считали своим знаменем — в тех случаях, когда флаг Коннектикута, Виргинии или другой колонии был неуместен.

— Пожалуй, — заговорил Дик Морган, тщетно приподнимаясь на

цыпочки, — лучше будет вернуться в «Герб бочара» и посмотреть из окон верхнего этажа.

Так они и сделали, поднявшись по ветхой скрипучей лестнице за стойкой и прильнув к окнам мансарды, опасно нависающей над Брод-стрит. Из дальней комнаты слышался плач маленького Уильяма Генри, над колыбелью которого ворковали и хлопотали мать и бабушка. Суматоха на улице ничуть не интересовала Пег и Мэг, поскольку успокоить Уильяма Генри никак не удавалось. Шум не соблазнял и Ричарда, которого тянуло присоединиться к женщинам.

— Ричард, в ближайшие несколько минут с ним ничего не случится! — рявкнул Дик. — Иди сюда и смотри, черт бы тебя побрал!

Ричард нехотя подошел, выглянул в распахнутое окно и изумленно ахнул:

— Отец, янки! Господи, а это что за штуковины?

Штуковинами он назвал два сшитых из тряпок чучела, весьма умело набитых соломой, обмазанных еще дымящейся смолой и вываленных в перьях. На головах у них красовались эмблемы колонистов — чудовищно старомодные, но очень удобные шляпы с низко опущенными широкими полями, в окружении которых низкая круглая тулья смотрелась точно желток посреди яичницы.

— Эй! — взревел Джимми Тислтуэйт, заметив знакомого, облаченного в дорогой костюм. Тот сидел на краю повозки, груженной высокими бочонками. — Мастер Харфорд, что происходит?

— «Общество непоколебимых» приговорило к повешению Джона Хэнкока и Джона Адамса! — выкрикнул в ответ богач квакер.

— Потому что генерал Гейдж отказался помиловать их после подписания соглашения?

— Не знаю, мастер Тислтуэйт. — Явно опасаясь язвительных насмешек, Джозеф Харфорд спустился со своего наблюдательного поста и растворился в толпе.

— Лицемер! — буркнул себе под нос мистер Тислтуэйт.

— Это не Джон, а Сэмюэл Адамс, — сообразил Ричард, в котором пробудилось любопытство. — Разве нет?

— Если «Общество непоколебимых» вознамерилось повесить богатейших купцов Бостона — тогда да, это должен быть Сэмюэл. Но Джон больше пишет и болтает, — откликнулся мистер Тислтуэйт.

В портовом городе добыть две веревки и затянуть петли не представляло труда; эти веревки появились как по волшебству, и вскоре две твердые, вываленные в перьях куклы в человеческий рост были вздернуты

на вывеске «Американской кофейни», лениво покачиваясь и продолжая медленно тлеть. Ярость угасла, толпа членов «Общества непоколебимых» постепенно вливалась в гостеприимно распахнутые синие двери «Белого льва».

— Тори — мерзавцы! — заявил мистер Тислтуэйт, спускаясь по лестнице и лелея мечту о кружке рома.

— Ступай прочь, Джимми! — отозвался хозяин таверны, спеша запереть дверь на засов, пока не кончатся уличные волнения.

Ричард не последовал за отцом вниз, хотя к этому призывал его долг: его имя было вписано рядом с именем Дика в книге Корпорации бристольских торговцев. Ричард Морган, трактирщик, заплатил пошлину и был признан фрименом — почетным, наделенным избирательным правом жителем города, образующего отдельный округ в отличие от соседних Глостершира и Сомерсетшира, гражданином второго по величине города всей Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии.

Из пятидесяти тысяч душ, проживающих на территории Бристоля, только семь тысяч считались фрименами и имели право голосовать.

— Вакцина действует? — спросил Ричард у жены, склоняясь над колыбелью. Уильям Генри забылся беспокойным сном.

— Да, дорогой. — Нежные карие глаза Пег вдруг наполнились слезами, губы задрожали. — Теперь будем молиться, Ричард, чтобы он не заболел оспой. Впрочем, жар у него не такой сильный, как был у Мэри. — И она легонько подтолкнула мужа. — Ступай прогуляйся как следует. Можно и шагать, и молиться одновременно. Иди, Ричард, прошу тебя. Если ты останешься здесь, отец разворчитя.

После кратковременной паники, которая охватывала город за считанные минуты, едва возникала угроза мятежа, Брод-стрит погрузилась в апатию. Проходя мимо «Американской кофейни», Ричард на минуту остановился, рассматривая раскачивающиеся чучела Джона Хэнкока и Джона или Сэмюэла Адамса. Из столовой «Белого льва», где обедали члены «Общества непоколебимых», до него долетали взрывы смеха и злобные выкрики. Губы Ричарда презрительно скривились; Морганы были преданными сторонниками вигов, их голоса обеспечили успех Эдмунду Берку и Генри Крюгеру на выборах в прошлом году — и каким же посмешищем они стали! А как разозлился лорд Клер, почти не получив голосов!

Быстрыми шагами Ричард двинулся по Корн-стрит мимо знаменитого постоянного двора «Куст», принадлежащего Джону Уику, где разместился клуб союза вигов. Возле него Ричард повернул на север, на Смолл-стрит, и

вышел к Ки-Хед и Стоун-бриджу. Оттуда открывался изумительный вид — нечто вроде широченной улицы, заполненной кораблями в паутине такелажа. Над дубовыми корпусами судов возвышались только мачты, рей, штаги и тучи. С берега реки Фрум не было видно ничего — кроме множества кораблей, терпеливо ждущих, когда закончатся положенные двадцать недель стоянки и начнется новый рейс.

После отлива стремительно начинался новый прилив: за каких-нибудь шесть с половиной часов уровень воды во Фруме и Эйвоне поднимался на тридцать футов, а затем вновь падал на те же тридцать футов. Во время отлива корабли погружались в зловонный ил, круто спускающийся к середине реки, и медленно колыхались в нем; во время прилива корабли вновь держались на плаву, как и положено. Немало килей покривилось и покособилось во время отлива в бристольском иле.

На время отвлеченные видом стройного ряда судов, мысли Ричарда вновь потекли по привычной колее.

«Господи Боже, услышь мою молитву! Спаси и сохрани моего сына! Не отнимай его у меня и его матери...»

Он был не единственным, но старшим сыном своего отца; его брат Уильям имел свою лесопилку на берегу Эйвона, близ Каколд-Пилл и стекольных заводов, а три сестры удачно вышли замуж за фрименов. В городе насчитывалось немало Морганов, но сам Ричард принадлежал к клану давних эмигрантов из Уэльса, которые прожили в Бристоле так долго, что сумели обрести твердое положение в обществе. И действительно, кузен Джеймс-аптекарь, гордость клана, владел крупным предприятием, входил в гильдию купцов и корпорацию, отправлял щедрые пожертвования в богадельни и надеялся когда-нибудь стать мэром.

Отец Ричарда не был ни гордостью клана, ни его позором. Окончив начальную школу, он некоторое время служил помощником трактирщика, получил патент, уплатил пошлину, стал фрименом и поставил перед собой цель купить собственную таверну. Женился он согласно своему положению в обществе: Маргарет Биггз происходила из состоятельной фермерской семьи, живущей близ Бедминстера, и вдобавок ко всем прочим достоинствам умела читать, хотя писать ее так и не обучили. Дети, первой из которых стала девочка, рождались у супругов слишком часто, и поэтому, потеряв кого-нибудь из них, родители не оставались безутешными. К тому времени как Дик научился владеть собой и вовремя отстраняться от жены, в семье остались двое сыновей и три дочери — неплохой выводок, достаточно малочисленный, чтобы родители могли обеспечить его. Дик мечтал дать образование только одному сыну и возложил свои надежды на

Ричарда, когда стало ясно, что Уильям, который был моложе брата на два года, не способен к учению.

Поэтому, когда Ричарду минуло семь лет, его записали в Колстонскую школу для мальчиков и обрядили в пресловутый синий сюртук, извещающий бристольтцев, что его отец — бедный, но респектабельный приверженец англиканской церкви. И само собой разумеется, на протяжении следующих пяти лет в голову Ричарда вдалбливали азы грамоты и арифметики. Он учился писать четким почерком, считать в уме, корпел над «Галльскими войнами» Цезаря, речами Цицерона и «Метаморфозами» Овидия, поощряемый жгучими ударами трости и язвительными замечаниями наставника. Поскольку учился Ричард прилежно, но не блестяще и был наделен неброской привлекательностью, годы пребывания в благотворительном заведении мистера Колстона он перенес лучше многих и с большей пользой для себя.

Когда Ричарду исполнилось двенадцать лет, пришло время дополнить образование изучением какого-нибудь ремесла. К изумлению родных, он не пошел по стопам Морганов. Среди достоинств Ричарда были способности к механике, к складыванию кусочков мозаики и поразительное для столь юного существа терпение. По собственному выбору он был отдан в ученики к сеньору Томасу Хабитасу, оружейному мастеру.

Этому решению втайне обрадовался отец Ричарда, довольный тем, что хоть кто-то из Морганов избрал стезю ремесленника, а не торговца. Кроме того, война была неотъемлемой частью жизни, а оружие — атрибутом войны. Человек, умеющий делать и чинить оружие, едва ли стал бы пушечным мясом на поле боя.

Семь лет ученичества принесли Ричарду немало радостей во всем, что касалось работы и учения, хотя удобства оставляли желать лучшего. Как и всем подмастерьям, ему не платили; он жил в доме хозяина, прислуживал ему за столом, питался объедками и спал на полу. К счастью, сеньор Томас Хабитас был добрым человеком и превосходным оружейником. Хотя бы умел делать роскошные дуэльные пистолеты и охотничьи ружья, ему хватило проницательности сообразить: чтобы процветать в этих краях, надо быть по меньшей мере Ментоном, а быть Ментоном за пределами Лондона невозможно. Поэтому он решил заняться изготовлением армейского мушкета, известного каждому солдату и моряку под названием «смуглая Бесс»: все сорок шесть деревянных и стальных дюймов этого оружия были коричневыми, словно орех.

В девятнадцать лет Ричард успешно завершил учебу и покинул дом Хабитаса, но не его мастерскую. Став мастером, он продолжал

изготавливать «смуглых Бесс». А потом он женился, что запрещалось ученикам, но позволялось мастерам. Жена Ричарда была дочерью брата его матери и, следовательно, его двоюродной сестрой, но поскольку англиканская церковь не запрещала подобные браки, церемонию в церкви Святого Иакова провел сам кузен Джеймс-священник. Брак по расчету превратился в брак по любви, с каждым годом супруги все крепче привязывались друг к другу. Впрочем, путаница с именами возникала не раз, ибо Ричард Морган, сын Ричарда Моргана и Маргарет Биггз, взял в жены еще одну Маргарет Биггз.

Но пока оружейная мастерская Хабитаса процветала, на одинаковые имена никто не обращал внимания: молодая пара снимала две комнаты на Темпл-стрит, на другом берегу Эйвона, близ мастерской Хабитаса и синагоги.

Этот союз был заключен в тысяча семьсот шестьдесят седьмом году, через три года после бесславного завершения Семилетней войны с Францией; несмотря на победу, Англия погрязла в долгах и была вынуждена пополнять казну, повышая налоги и уменьшая расходы на содержание армии за счет массовых отставок. Оружие перестало пользоваться спросом. Один за другим ученики и подмастерья Хабитаса покидали мастерскую, пока наконец в ней не остались только Ричард да сам сеньор Томас Хабитас. А потом, вскоре после рождения малышки Мэри в тысяча семьсот семидесятом году, Хабитас нехотя отпустил Ричарда.

— Поработай у меня, — великодушно предложил Дик Морган. — Спрос на оружие — временное явление, а спрос на ром вечен.

Все разрешилось на редкость удачно, несмотря на путаницу с именами. Мать Ричарда все привыкли звать Мэг, а жену Ричарда — Пег, двумя разными уменьшительными от одного и того же имени Маргарет. Но и в масштабах страны подобные затруднения были нередкими: если не считать чудаковатых протестантов, нарекавших потомство мужского пола такими вычурными именами, как Крэнфилд и Онсифор, почти всех мужчин Англии называли Джонами, Уильямами, Генри, Ричардами, Джеймсами и Томасами, а почти всех женщин — Энн, Кэтрин, Маргарет, Элизабет или Мэри. Это был один из немногочисленных обычаев, объединявших все сословия — от высшего до низшего.

Пег, обаятельная, покладистая Пег, познала радость материнства не сразу. Своим первенцем, дочерью Мэри, она забеременела почти через три года после свадьбы, и вовсе не из-за недостаточного усердия супругов. Само собой, родители надеялись, что у них появится сын, и потому были

разочарованы, когда им пришлось выбирать женское имя. Ричард остановил выбор на имени Мэри, редком для клана Морганов и, как откровенно высказался его отец, пахнущем католицизмом. Но это не имело значения. С той минуты, когда Ричард впервые взял новорожденную дочь на руки и с трепетом взглянул на нее, он обнаружил в себе неизведанный океан любви. Наделенный неистощимым терпением, он всегда любил детей и охотно возился с ними, но оказался совершенно не готов к чувствам, которые испытал, держа на руках малышку Мэри. Кровь от его крови, кость от его кости, плоть от его плоти.

Таким образом, теперь, когда у Ричарда появился ребенок, новое ремесло трактирщика устраивало его больше, чем оружейное дело: таверна принадлежала его семье, он мог постоянно быть рядом с дочерью, видеть ее и жену, наблюдать, как прекрасная грудь Пег служит подушкой для детской головки, а крошечный ротик впивается в сосок. Пег не жалела для малышки молока, с ужасом ожидая дня, когда Мэри придется отнять от груди и начать поить легким пивом. Ребенка, живущего в Бристоле, не пристало поить водой — впрочем, как и маленького лондонца! Несмотря на название, легкое пиво по праву причисляли к спиртным напиткам. Пег, дочь фермера, а вслед за ней и Мэг упорно твердили: дети, которых слишком рано начали поить пивом, в конце концов становятся пьяницами. Хотя Дик Морган, трактирщик с сорокалетним стажем, редко соглашался с сумасбродными выдумками женщин, на этот раз он охотно признал их правоту. Пег перестала кормить грудью дочь, когда ей минуло два года.

В то время им принадлежала первая собственная таверна Дика — «Колокол». Она располагалась на Белл-лейн и была частью лабиринта доходных домов, складов и подвалов, принадлежащих кузену Джеймсу-аптекарью, который занимал южную сторону узкого переулочка вместе с богатыми американскими торговцами шерстью, компанией «Льюсли и К^о». Следует добавить, что розничную торговлю кузен Джеймс-аптекарь вел в элегантной лавке на Корн-стрит; однако гораздо больше прибыли ему приносили производство и вывоз медикаментов и химических соединений — от сулемы (для лечения твердых шанкров) до лауданума и прочих опиатов.

В прошлом году, когда истек срок аренды таверны «Герб бочара» на углу Брод-стрит, Дик Морган не преминул воспользоваться случаем. Таверна на Брод-стрит! Хотя платить корпорации за аренду приходилось двадцать один фунт в год, чистый барыш владельца составлял целых сто фунтов в год!^[2] Дела шли успешно, поскольку семейство Морган не

боялось тяжелой работы, Дик Морган никогда не разбавлял ром и джин, а еда, которую подавали в таверне на обед (около полудня) и на ужин (около шести вечера), была превосходной. Мэг прекрасно готовила простую пищу; все запутанные правила, восходящие к временам доброй королевы Бесс и ограничивающие деятельность бристольских трактирщиков — не выпекать хлеба, не покупать мяса нигде, кроме как у добросовестного мясника, — неукоснительно соблюдались, и сам Дик Морган считал их вполне разумными. Тот, кто своевременно платил по счетам, неизменно пользовался благосклонностью поставщиков. Даже когда наступали трудные времена.

«Я хотел бы, — мысленно рассуждал Ричард, обращаясь к незримому высшему существу, — чтобы ты не был так жесток. Твой гнев слишком часто обрушивается на невиновных. Прошу, спаси и сохрани моего сына...»

Вокруг него среди холмов и низин раскинулся Бристоль, утопающий в пыли и дыму, которые почти скрывали из виду шпили церквей. Лето выдалось на редкость жарким и сухим, и даже конец августа не принес облегчения. Листва вязов и лип на западе города, возле Колледж-Грин, и на юге, близ площади Королевы, выглядела увядшей и блеклой, лишенной блеска и свежести. Там и сям в небо поднимались столбы дыма — над литейными мастерскими во Фрайере и Касл-Грин, над сахароварильнями в окрестностях Льюин-Мид, над шоколадными фабриками Фрая, стекольными заводами и печами для обжига извести. Если бы не западный ветер, к этому адскому смогу примешалась бы копоть из Кингсвуда — места, к которому бристольтцы старались не приближаться без крайней необходимости. Угольные шахты и обширные плавильные заводы породили племя полудикарей, скорых на расправу и пылающих ненавистью к преуспевающим жителям Бристоля. Но те, кто знал о воздействии удушливых миазмов Кингсвуда, не удивлялись местным нравам.

Ричард приближался к территории, всецело принадлежащей судам, — к сухому доку Томбса, еще одному сухому доку, испарениям горячей смолы, недостроенным кораблям на стапелях, подобным остовам гигантских животных. В Кэнон-Марш он выбрал путь через канатный двор, а не по пружинящей под ногами тропе, вьющейся по берегу Эйвона. Ричард кивал канатчикам, которые мерили шагами положенные треть мили, скручивая пеньковые или льняные нити, выполняя очередной заказ — на тросы, швартовы или линии. Их руки и плечи напоминали веревки, которые они перевивали, ладони так загрубели, что совсем потеряли чувствительность, — разве они могли наслаждаться прикосновениями к

женской коже?

Миновав единственный стекольный завод в конце Бэк-лейн и скопление печей для обжига извести, Ричард направился к Клифтону. Вдалеке возвышался мрачный Брэндон-Хилл, а впереди, среди беспорядочного нагромождения поросших лесом холмов, спускающихся к Эйвону, раскинулся один из районов города, о котором грезил Ричард, — Клифтон, где воздух был чист, вид живописных низин вызывал благоговейный трепет, ветер покачивал ветки адиантума и очанки, вереска в пурпурном цвету, майорана и диких гераней. Деревья сияли свежестью, в глубине парков виднелись величественные особняки — Манилла-Хаус, Голдни-Хаус, Корнуоллис-Хаус, Клифтон-Хилл-Хаус...

Заветной мечтой Ричарда было поселиться в Клифтоне. Жители Клифтона не страдали чахоткой, не болели дизентерией и флегмонозной ангиной, редко умирали от оспы. Здесь хватало места и беднякам, живущим в коттеджах и ветхих хижинах вдоль Хотуэллской дороги, у подножия холмов, и надменной знати, прогуливающейся в парках вокруг особняков с колоннами. Кем бы ни был житель Клифтона — матросом, канатчиком, мастером-корабелом или хозяином поместья, — он не знал болезней и не умирал задолго до приближения старости. Здешний люд мог уберечь своих детей.

Мэри была отрадой и утешением Ричарда. Все восхищались ее голубовато-серыми глазами, кудрявыми черными волосами, точеным материнским носиком и безупречной смуглой кожей, унаследованной от родителей. Она взяла лучшее от них обоих, со смехом повторял Ричард, а малышка льнула к его груди, с обожанием устремляя на него взгляд серых глаз — его глаз. Мэри была папиной дочкой, в этом никто не сомневался; оба не могли нарадоваться друг на друга. Эти двое казались единым целым, что вызывало легкое недовольство Дика Моргана. Вечно занятая Пег только улыбалась, ни разу не упрекнув обожаемого Ричарда за то, что ему досталась вся привязанность дочери, по праву принадлежащая матери. В конце концов разве так важно, от кого исходит любовь, если она есть? Не каждый мужчина способен быть хорошим отцом, большинство склонны воспитывать детей в строгости. Но Ричард ни разу не поднял руку на дочь.

Весть о второй беременности привела в радостный трепет обоих родителей: все три года, прошедших после рождения Мэри, они не переставали ждать и тревожиться. Теперь-то наконец у них появится сын!

— Это мальчик, — уверенно заявила Пег, едва ее живот округлился. — Я чувствую себя совсем иначе, не так, как в первый раз.

А потом вспыхнула оспа. Это случилось далеко не впервые, подобные

вспышки переживало каждое поколение; смертность от оспы, как и от чумы, постоянно снижалась и вновь возрастала лишь во время самых опустошительных эпидемий. На улицах часто можно было встретить людей с лицами, изрытыми оспинами, — болезнь обезобразила их, но оставила в живых. На лице Дика Моргана виднелось несколько отметин, а Мэг и Пег в детстве перенесли коровью оспу и потому почти не пострадали. В деревнях бытовало поверье, что переболевшие коровьей оспой никогда не заразятся ею вновь. Поэтому, едва Ричарду минуло пять лет, Мэг отправила его в Бедминстер, на ферму к деду, где мальчик учился доить коров до тех пор, пока не заразился и не перенес неопасную и даже полезную оспу.

Точно так же Ричард и Пег намеревались поступить с Мэри, но вспышки коровьей оспы в Бедминстере прекратились. Девочке не исполнилось и четырех лет, когда у нее вдруг начался сильный жар. Изнывая от пронизывающей боли во всем теле, Мэри плакала и звала отца. Когда кузен Джеймс-аптекарь (Морганы доверяли ему больше, чем любому жителю Бристоля, гордо именуящему себя врачом) осмотрел маленькую пациентку, его лицо омрачилось.

— Если жар спадет, как только появятся пятна, она выживет, — сообщил Джеймс. — Никакие лекарства не отменят волю Божью. Хорошенько согревайте ее и не вздумайте проветривать комнату.

Ричард помогал ухаживать за дочерью, часами сидел возле собственноручно сколоченной им колыбели, которая благодаря шарнирам покачивалась плавно и бесшумно. На четвертый день после начала лихорадки появились пятна — багровые гнойники, в середине которых сидели будто свинцовые пули. Ими были усыпаны лицо, руки до локтей, голени и ступни. Омерзительное, жуткое зрелище. Ричард разговаривал с малышкой, успокаивал ее, держал за мечущиеся ручонки, пока Пег и Мэг меняли белье и омывали маленькие ягодицы — сморщенные и высохшие, как у старухи. Но жар не утихал, волдыри лопались, оставляя рывтины, а жизнь в малышке теплилась еле-еле, как пламя свечи на ветру.

К тому времени кузен Джеймс-священник изнемог от множества заупокойных служб. Но поскольку родственные чувства были сильны у всех Морганов, он отпел трехлетнюю Мэри Морган, строго следуя обрядам англиканской церкви. Чуть не падающая от усталости, отягощенная животом Пег тяжело опиралась на руки тетки и свекрови, а Ричард безутешно рыдал, никому не позволяя приблизиться к нему. Его отцу, которому не раз довелось переживать смерть детей — а кто избежал этой участи? — такое проявление чувств казалось унижительным, недостойным мужчины. Но Ричарда не заботило то, что подумает о нем отец. Он ничего

не замечал. Его крошка Мэри умерла, а он, который с радостью отдал бы за нее жизнь, остался в живых и испытывал щемящее чувство одиночества. Нет, Бог вовсе не добр, не благ и не милосерден. Бог — чудовище, более злобное, чем дьявол, который хотя бы не притворяется воплощением добродетели.

Дик и Мэг Морган искренне радовались тому, что вскоре Пег предстояло родить второго ребенка. Лишь появление нового малыша могло бы утешить Ричарда.

— Он может возненавидеть младенца, — тревожилась Мэг.

— Только не Ричард! — фыркнул Дик. — Он слишком чувствителен.

Дик оказался прав, а Мэг ошиблась: Ричард Морган во второй раз погрузился в океан любви, уже имея представление о том, как неизмерима его глубина. Он знал, как велик этот океан, как свирепы его штормы, понимал, что океан любви вечен. Ричард поклялся, что на этот раз научится держаться на плаву и перестанет попусту растрачивать силы в борьбе. Но решимости хватило ему всего на одну минуту, пока он вглядывался в лицо сына, рассматривал пухленькие ручонки, слышал биение сердца нового существа, поселившегося в юдоли скорбей. Кровь от его крови, кость от его кости, плоть от его плоти.

В те времена женщинам не полагалось выбирать имена своим детям. Эта задача была возложена на Ричарда.

— Назови его Ричардом, — посоветовал Дик, — по традиции.

— Ни за что. У нас в семье уже есть Дик и Ричард, как же мы будем звать малыша — Диконом или Ричем?

— А я бы хотела, чтобы его звали Луи, — невзначай заметила Пег.

— Еще одно имя католиков! — возмутился Дик. — И лягушатников!

— Я назову его Уильямом Генри, — решил Ричард.

— Биллом, в честь дяди? — переспросил довольный Дик.

— Нет, отец, не Биллом. И не Уиллом. Не Уилли, не Билли и даже не Уильямом. Его будут звать Уильям Генри, о нем узнают все, — заявил Ричард так решительно, что на этом спор и закончился.

Сказать по правде, это решение было благосклонно воспринято всем кланом. Тому, кто носит имя Уильям Генри, суждено стать великим человеком.

Свое мнение Ричард высказал вслух, показывая новорожденного сына мистеру Джеймсу Тислтуэйту. Тот только фыркнул.

— Хочешь, чтобы он повторил судьбу лорда Клера? — отозвался он. — Тот сначала был школьным учителем, женился на трех тучных, безобразных и до неприличия богатых старых вдовах, к счастью, быстро

свел их одну за другой в могилу, стал членом парламента от Бристоля и познакомился с принцем Уэльским. Какой-то Роберт Наджент! Катающийся как сыр в масле, щедро одалживающий деньги Джорджи-Порджи-Мясному-Пудингу,^[3] нашему разжиревшему наследнику. Без процентов и требований возврата — до тех пор, пока на этот долг не обратил внимание сам король. Так пресловутый Роберт Наджент вознесся до титула виконта Клера, а теперь в честь его названа улица Бристоля. В конце концов он станет графом: осведомители из Лондона сообщают мне, что принц до сих пор пользуется его щедростью. Признайся, дорогой мой Ричард, этот школьный учитель многого добился.

— И вправду, — согласился Ричард, ничуть не оскорбленный сравнением. — Но я бы предпочел, — добавил он, помолчав, — чтобы Уильям Генри получил титул, став первым лордом адмиралтейства, военноморским министром. Генералы выходят из знати, поскольку армейским офицерам приходится платить за чины, а адмиралам хватает вознаграждений за победы в бою и так далее.

— Речь истинного бристольца! Любой житель Бристоля помешан на кораблях. Право, Ричард, ты же видел их только издали. — Мистер Тислтуэйт отхлебнул рома и подождал, пока внутри распространится согревающее тепло.

— Мне достаточно того, что я могу любоваться кораблями, — ответил Ричард, прижимаясь щекой к головке Уильяма Генри.

— И ты никогда не мечтал побывать в других странах? Или хотя бы съездить в Лондон?

— Никогда. Я родился в Бристоле и умру здесь же. Я не бывал нигде, кроме Бата и Бедминстера. — Он приподнял Уильяма Генри и заглянул ребенку в глаза, взгляд которых был на удивление пристальным и осмысленным. — А ты, Уильям Генри? Может, ты когда-нибудь станешь путешественником?

Вопрос не требовал ответа. Ричарду было достаточно уже того, что Уильям Генри есть на свете.

Но и Пег, и Ричарда по-прежнему снедала тревога. Оба взволнованно обсуждали каждую мелочь в жизни Уильяма Генри — не слишком ли жидкий у него стул? не слишком ли горячий лоб? может, в его возрасте ребенок должен быть более подвижным? В первые шесть месяцев жизни Уильям Генри не давал родителям повода для серьезных волнений, но его бабушку и дедушку тревожило будущее: что произойдет, когда малыш станет более наблюдательным, начнет ползать, говорить и думать? Заботливые родители могут вконец избаловать свое чадо! Пег и Ричард с

живым интересом и тревогой прислушивались к любым словам кузена Джеймса-аптекаря о том, чему уделяли внимание лишь немногие бристольтцы и прочие англичане: о состоянии сточных канав, загрязненности воды во Фруме и Эйвоне, о вредных испарениях, которые зловещим туманом висели над городом и зимой, и летом. Замечание о загаженной выгребной яме на Брод-стрит заставило Пег несколько часов подряд простоять на коленях в чулане под лестницей, вооружившись тряпками и ведром, щеткой и дегтем, старательно отмывать древнее каменное сиденье и пол, а затем безжалостно белить стены. Тем временем Ричард отправился в муниципалитет и поднял там такой скандал, что выгребную яму наконец вычистили, а ее содержимое вывезли на повозках и сбросили во Фрум в Ки-Хед, по соседству с рыбным рынком.

Когда Уильяму Генри исполнилось полгода и у него начал складываться характер, дедушка и бабушка поняли, что такого ребенка невозможно избаловать. Он был настолько милым и послушным, что с благодарностью принимал любые знаки внимания, однако не жаловался, даже если не получал его. Он плакал лишь от боли или оттого, что его пугал какой-нибудь болван из таверны, хотя мистера Тислтуэйта, самого беспокойного из завсегдатаев «Герба бочара», малыш ничуть не боялся, как бы громко тот ни разглагольствовал. Уильям Генри рос вдумчивым и тихим ребенком и, хотя улыбался охотно, смеялся только изредка и никогда не капризничал и не дулся.

— Клянусь вам, у него темперамент монаха, — твердил мистер Тислтуэйт. — В вашей семье появился картезианец!

Пять дней назад до «Герба бочара» донесся слух, что в городе вспыхнула оспа, но случаи заболевания были еще слишком редкими, чтобы прибегать к карантину, первой и последней отчаянной надежде каждого города.

От испуга глаза Пег стали огромными.

— О, Ричард, только не это!

— Мы сделаем Уильяму Генри прививку, — решил Ричард и сразу послал письмо кузену Джеймсу-аптекарю.

Услышав, что от него требуется, аптекарь ужаснулся.

— Боже, Ричард, ни в коем случае! Оспу прививают взрослым людям! Никогда не слышал, чтобы вакцинации подвергали младенца, едва выросшего из пеленок! Она его погубит! Лучше бы вы отправили его на ферму или оставили здесь, но никого не подпускали к нему. И молитесь, что бы вы ни выбрали.

— Вакцинацию, кузен Джеймс. Она необходима.

— Ричард, я не стану делать ее! — Кузен Джеймс-аптекарь обернулся к Дику, который мрачно прислушивался к спору. — Дик, объясни же ты ему! Скажи хоть что-нибудь, умоляю!

Но неожиданно Дик пришел на выручку сыну.

— Джим, то, что ты предлагаешь, нам не подходит. Чтобы вывезти Уильяма Генри из Бристоля... нет, ты выслушай меня! — так вот, чтобы вывезти его из города, понадобится нанять повозку, а как знать, кто до этого сидел в ней? Или кого мы встретим на переправе в Роунхэм-Мидс? И потом, можно ли никого не подпускать к ребенку здесь, в таверне? По воскресеньям тут не протолкнешься. Ко мне собираются посетители со всего города. Нет, Джим, придется сделать вакцинацию.

— В таком случае я ни за что не ручаюсь! — воскликнул кузен Джеймс-аптекарь и, ломая руки, выбежал прочь — просить друга-врача найти жертву оспы, волдыри на теле которой уже лопнули.

Выполнить его просьбу было нетрудно: к тому времени в городе уже насчитывалось множество больных, преимущественно не старше пятнадцати лет.

— Помолись за меня, — попросил друга кузен Джеймс-аптекарь, погружая обычную штопальную иглу в лопнувший волдырь на лице двенадцатилетней девочки и поворачивая ее в ране, чтобы она покрылась гноем. Бедная маленькая пациентка! Ее миловидное личико навсегда останется обезображенным. — Помолись за меня, — повторил он, поднимаясь и укладывая иглу на слой корпии в жестяную коробку. — Молись, чтобы я не совершил убийство.

Аптекарь немедленно отправился в «Герб бочара», благо идти было недалеко. Усадив полуголого Уильяма Генри на колени, он достал из саквояжа штопальную иглу и крепко сжал ее в пальцах. Господи, а если малыш все-таки погибнет? Если он убьет его, да еще на глазах у посетителей таверны, самого мистера Тислтуэйта, негромко посвистывающего сквозь зубы, и Морганов, столпившихся вокруг, словно для того, чтобы удержать аптекаря, если он вдруг задумает побег? Все свершилось в одну секунду: аптекарь сдавил кожу на ручке Уильяма Генри чуть ниже левого плеча, воткнул в нее иглу и тут же вытащил ее.

Уильям Генри не вздрогнул и не расплакался: он устремил на потное лицо кузена Джеймса вопросительный взгляд огромных глаз, словно спрашивая: «Зачем ты это сделал? Мне же больно!»

«И вправду, зачем я сделал это? Никогда не видывал таких больших и удивительных глаз — ни у животного, ни у человека. Станный ребенок!»

Утирая слезы, аптекарь осыпал Уильяма Генри поцелуями, сунул иглу

в коробку, чтобы затем сжечь ее в жарко натопленной печи, и передал малыша Ричарду.

— Вот и все. Теперь мне осталось лишь молиться. Но не о душе Уильяма Генри — душа младенца безупречно чиста, — а о моей собственной, чтобы я не совершил убийство. У вас найдется уксус и деготь? Мне надо обработать руки.

Мэг принесла кувшинчик уксуса, бутылку с дегтем, оловянное блюдо и чистую пеленку.

— В ближайшие три-четыре дня ничего не произойдет, — объяснял аптекарь, протирая руки уксусом, — а потом, если вакцина подействовала, у него начнется жар. Если жар будет не слишком сильным, все обойдется. Место укола воспалится, на нем образуется волдырь, который вскоре лопнет. Если нам повезет, этот волдырь будет единственным. Но утверждать наверняка я не стану; я сам не рад, что ввязался в это дело.

— Ты лучший человек в Бристоле, кузен Джеймс! — весело выкрикнул мистер Тислтуэйт.

На пороге кузен Джеймс-аптекарь помедлил.

— Я тебе не кузен, Джимми Тислтуэйт, — у тебя нет родных! Даже матери, — ледяным тоном процедил он, поправил парик и скрылся за дверью.

Хозяин таверны затрясся от хохота.

— Здорово он тебя поддел, Джимми!

— Верно, — невозмутимо усмехнулся Джимми. — Не бойся, — обернулся он к Ричарду, — Господь пощадит кузена Джеймса.

Погруженный скорее в раздумья, чем в молитву, Ричард вернулся в «Герб бочара» как раз к ужину. Сегодня посетителей предстояло кормить ячменным супом с говядиной и пухлыми жирными клецками, а к нему подать хлеб, сливочное масло, сыр, пироги и напитки.

Паника давно угасла, Брод-стрит стала прежней — только чучела Джона или Сэмюэла Адамса и Джона Хэнкока еще покачивались на шесте возле «Американской кофейни». «Вероятно, они провисят здесь до тех пор, пока ветер не выдует солому и от чучел останутся лишь грязные тряпки», — размышлял Ричард.

Мимоходом кивнув отцу, Ричард поднялся по лестнице к себе в комнату, которую Дик отгородил по обычаям того времени — дощатой стеной, не доходящей до потолка, напоминающей остов корабля и испещренной щелями, куда без труда можно было заглянуть.

В комнате Ричарда и Пег стояли превосходная двуспальная кровать с плотными льняными занавесками на прутьях, соединяющих четыре

высоких столбика, несколько сундуков для одежды, шкаф для обуви, на стене висело зеркало, перед которым прихорашивалась Пег, там же был вбит десяток крючков и покачивалась колыбель Уильяма Генри. Здесь не было ни обоев стоимостью пятнадцать шиллингов за ярд, ни штор из дамаста, ни ковров на дубовом полу, почерневшем еще два столетия назад, но эта комната ничем не уступала домам, владельцы которых занимали такое же положение, а именно принадлежали к среднему классу.

Пег сидела у колыбели, осторожно покачивая ее.

— Как он, дорогая?

Пег подняла голову и удовлетворенно улыбнулась:

— Вакцина подействовала. У него начался жар, но не сильный. Пока ты гулял, заходил кузен Джеймс-аптекарь, осмотрел малыша и вздохнул с облегчением. Он уверен, что Уильям Генри не заболеет оспой.

Ричард догадался, что малыш спит на правом боку потому, что ранка на левой руке еще ноет. Левую руку он удобно уложил на грудь. Там, где в руку вонзилась игла, вспух багровый волдырь. Поднеся к нему руку, Ричард ощутил жар.

— Но еще слишком рано! — воскликнул он.

— Кузен Джеймс говорит, что такое часто бывает при вакцинации.

У Ричарда, узнавшего, что его сын переживет страшное испытание, вдруг задрожали колени. Он подошел к крюку, вбитому в стену, и снял с него плотный парусиновый передник. «Надо помочь отцу. Слава Богу, слава Богу!» Продолжая благодарить Господа, он спустился по лестнице, совсем забыв, что, пока на ручке Уильяма Генри не появился волдырь, он даже не рассчитывал на Божью помощь.

В таких заведениях, как «Герб бочара», спокойная атмосфера долгих летних вечеров сама по себе была благом. Таверну постоянно посещали люди, зарабатывавшие себе не только на хлеб, — торговцы и ремесленники вместе с женами и детьми. За три-четыре пенса каждый из них получал обильную и вкусную снедь, а также большой кувшин легкого пива. А те, кто предпочитал крепкое пиво, ром, джин или «бристольское молоко» (херес особенно нравился женщинам), еще за шесть пенсов выпивали ровно столько, чтобы благополучно добраться домой и тут же заснуть вдали от случайных прохожих и ночных грабителей, которыми кишели улицы после наступления темноты.

Ричард спустился в большой зал, освещенный золотистыми лучами заходящего солнца и масляными светильниками, свисающими со стен и потолочных балок, которые казались особенно черными рядом с чисто выбеленными стенами. Единственная переносная лампа в таверне стояла

на противоположном конце стойки от Джинджера, местной достопримечательности.

Джинджером прозвали большого деревянного кота, которого Ричард вырезал после того, как прочитал о знаменитом «старом Томе» из Лондона, и загордился собой, так как сумел усовершенствовать оригинал. Этот огненно-рыжий полосатый кот с приоткрытым ртом и лихо задранным хвостом сидел, повернувшись кормой к посетителям таверны. Желая выпить рома, посетитель клал в рот коту трехпенсовую монетку, нажимал на гибкий язык и слышал громкий щелчок. Затем он подставлял кружку под весьма натуралистичную мошонку кота, дергал его за хвост и немедленно получал почти полпинты чистого рома.

Само собой, чаще всего услугами Джинджера пользовались дети старшего возраста; немало пап и мам выпивали больше, чем следовало, лишь бы доставить чадам удовольствие сунуть монетку в рот коту, дернуть его за хвост и посмотреть, как он изливает струю рома. Даже если бы Ричард больше ничего не сделал для таверны, он все равно сумел оправдать щедрость отца, который взял его на работу.

Шагая по усыпанному опилками полу с деревянными мисками дымящегося супа в обеих руках, Ричард обменивался замечаниями с завсегдатаями таверны и оживлялся, сообщая о том, что состояние Уильяма Генри больше не внушает опасений.

Мистера Тислтуэйта в таверне не было. Обычно он приходил в одиннадцать утра и до пяти часов сидел за «своим» столом возле окна, вооружившись чернильницей и несколькими перьями (по требованию Дика Моргана бумагу он покупал сам) и сочиняя фельетоны. Их печатали в книжной лавке Сендолла на Уайн-стрит и там же продавали, хотя мистер Тислтуэйт также сбывал свои творения на лотках в Пай-Паудер-корт и на конском рынке, подальше от заведения Сендолла, чтобы не лишать его законной прибыли. Фельетоны пользовались спросом, ибо мистер Тислтуэйт любил и умел находить сочные эпитеты. Обычно его жертвами становились главы корпорации — от мэра до начальника таможни и шерифа, а также священники, подверженные плюрализму, и судьи. Но почему он ополчился против лудильщика Генри Бергама, оставалось загадкой. Да, Бергам был хамом и мужланом, но чем он насолил мистеру Джеймсу Тислтуэйту?

Час ужина наступил и миновал, оставив приятное ощущение сытости и довольства. Как только старые часы, висящие на стене рядом с грифельной доской, пробили восемь, Дик Морган объявил:

— Платите по счетам, джентльмены!

Доверху наполнив жестяную кассу, он выпроводил за дверь последнего посетителя и задвинул тяжелый засов. Кассу Дик уносил с собой наверх и прятал под кровать, привязывая веревкой к большому пальцу ноги. Воров в Бристоле было в избытке, некоторые отличались удивительным мастерством. Утром Дик пересыпал монеты в холщовый мешок и относил его в Бристольский банк на Смолл-стрит — учреждение, которое возглавляли Харфорд, Эймс и Дин. Какому бы из трех бристольских банков ни отдавал предпочтение горожанин, его деньгами неизменно распоряжались квакеры.

Уильям Генри крепко спал, лежа на правом боку. Ричард перенес колыбель поближе к кровати, снял передник, просторную белую рубашку, льняные панталоны, башмаки, толстые белые нитяные чулки и фланелевое белье. Облачившись в льняную ночную рубашку, заботливо разложенную Пег на подушке, он развязал ленточку, перехватывающую длинные локоны, и надел на голову ночной колпак. Покончив с туалетом, он со вздохом нырнул под одеяло.

Разнообразные звуки доносились из-за стены, отделяющей спальню Ричарда от комнаты, где спали Дик и Мэг. Эти звуки казались итогом всей жизни. Дик издавал звучный храп, а Мэг сопела с присвистом. Улыбаясь, Ричард перекатился на бок и обнял Пег, которая поближе придвинулась к нему и поцеловала в щеку. Бережным жестом Ричард приподнял свою ночную рубашку и рубашку жены, прижался к Пег и подхватил ладонью ее высокую упругую грудь.

— О, Пег, как я люблю тебя! — прошептал он. — Лучшей жены не доставалось ни одному мужчине.

— Ни одной женщине не доставалось лучшего мужа, Ричард.

В полном согласии они поцеловались, соприкасаясь бархатистыми языками. Пег прильнула к набухшему орудию мужа и довольно замурлыкала.

— Может быть, — пробормотал Ричард немного погодя, чувствуя, как у него слипаются глаза, — у Уильяма Генри скоро появится брат или сестра...

Едва успев договорить, он погрузился в сон.

Несмотря на усталость, Пег оправила мужу ночную рубашку, а затем одернула свою, ощутив влажное пятно на простыне. «Какая досада, что мать и отец храпят, — подумала она. — Ричард не храпит, и я тоже, как уверяет он. Но с другой стороны, если они храпят — значит, спят и ничего не слышат. Спасибо тебе, Господи, за заботу о моем мальчике. Знаю, он так послушен, что ты наверняка не прочь забрать его на небеса, но ему

найдется место и на земле, так пусть он попытает удачу. Но почему, Господи, мне кажется, что у меня больше никогда не будет детей?»

Пег и вправду так казалось, и эти мысли были мучительными. Целых три года она ждала первой беременности, затем прошло еще три года, прежде чем она забеременела во второй раз. И дело было вовсе не в том, что она с трудом вынашивала детей, мучилась тошнотой или судорогами. Просто сердце подсказывало Пег, что ее чрево утратило плодovitость. Ричард ни в чем не виноват. Стоило ей бросить в его сторону призывный взгляд, он охотно принимал предложение и никогда не разочаровывал ее в постели — за исключением тех случаев, когда бывал болен ребенок. Какой внимательный и добрый возлюбленный, заботливый и любящий муж! Собственные удовольствия и желания значили для него гораздо меньше, чем потребности близких — особенно Пег и Уильяма Генри. И Мэри. Слезы заструились по щекам Пег и закапали на подушку все быстрее и быстрее. «Дети не должны умирать раньше своих родителей. Это нечестно, несправедливо. Мне всего двадцать пять лет, а Ричарду — двадцать семь, — думала Пег. — Но мы уже потеряли своего первенца, и как же мне недостаёт его! Как я тоскую по дочери!»

Выплакавшись и начиная засыпать, Пег решила завтра же отправиться на кладбище у церкви Святого Иакова и положить цветы на могилу Мэри. Скоро наступит зима, когда цветов уже не найти.

Наступила зима — привычные для Бристоля туманы, изморось, сырой холод, пробирающий до костей; не скованные льдом, который зачастую брал в объятия Темзу и другие реки Восточной Англии, воды Эйвона поднимались на тридцать футов и опять опускались так же ритмично и предсказуемо, как летом.

До Бристоля доходили вести о войне в тринадцати колониях, даже те, о которых не сообщали газеты. Генерал Томас Гейдж покинул пост главнокомандующего армии его величества короля Великобритании, его место занял сэр Уильям Хоу.^[4] Поговаривали, что мятежный Континентальный конгресс^[5] обратился к французам, испанцам и голландцам за помощью и деньгами. Ожидалось, что король отомстит бунтарям: на святки парламент запретил торговлю с тринадцатью колониями и объявил, что Англия слагает с себя обязанность защищать их. Эти вести повергли Бристоль в смятение.

Среди влиятельных бристольцев насчитывалось немало тех, кто жаждал мира любой ценой и был готов удовлетворить любые требования американских мятежников; находились и такие, кто сурово обличал

мятежников, но мечтал укрепить могущество Британской империи, опасаясь, что, если побережье Англии длиной в тысячу миль останется незащищенным, французы вернутся вместе с испанцами; были и те, кто негодовал, проклинал мятежников, называл их предателями, которых давно пора четвертовать и повесить, и не желал слышать даже о малейших уступках. Естественно, последние пользовались особым влиянием среди прихожан местных церквей, но, какого бы мнения ни придерживались состоятельные горожане, все они предрекали беду, собравшись в гостиных лучших домов, и впадали в мрачную задумчивость над портвейном и черепаховым супом в «Белом льве», «Кусте» и «Плюмаже».

Помимо тонкой прослойки влиятельных бристольтцев, существовал обширный слой горожан, которые знали только, что найти работу становится все труднее, что все больше кораблей подолгу простаивают на якоре в порту, что давно прошли те времена, когда можно было бастовать, требуя грошовой прибавки к жалованью. Поскольку парламент умел тратить деньги, но отнюдь не раздавать их нуждающимся, заботы о растущем числе безработных легли на состоятельных прихожан — при условии, что они действительно прихожане, внесенные в церковные книги. Каждый безработный прихожанин получал по семь фунтов в год из суммы, собранной корпорацией, — на эти деньги и жили бедняки.

В некотором отношении Бристоль отличался от всех английских городов — по причине, которую не так-то легко объяснить. Его высшие классы питали необычную склонность к филантропии — как при жизни, так и после смерти. Вероятно, причина заключалась в том, что богадельни, дома призрения, больницы и школы называли в честь тех, кто жертвовал на них средства, и таким образом благодетели обретали своего рода бессмертие, даже если не могли похвастаться аристократическим происхождением. В том, что касалось происхождения и родословных, высшие классы Бристоля отличала полная посредственность. Лорд Клер, бывший школьный учитель Роберт Наджент, стал образцом дворянина, какого было только способно породить высшее общество Бристоля. Могущество Бристоля прочно опиралось на алтарь Маммоны.

Итак, тысяча семьсот семьдесят шестой год наступил подобно зловещей тени, видимой лишь краем глаза. К тому времени все сошлось во мнении, что королевские армия и флот растопчут последние угли революции в Нью-Гемпшире и Джорджии. Но о славной победе было что-то не слышать, хотя все, кто умел читать — а они считались образованными людьми, — то и дело собирались на постоянных дворах, ожидая приезда лондонского дилижанса, привозящего газеты и журналы.

Хозяевам и посетителям «Герба бочара» тоже пришлось потуже затягивать пояса и с горечью убеждаться в том, что с каждой неделей число завсегдатаев неуклонно уменьшается. Но вместе с тем сокращались и расходы: Мэг приходилось реже стряпать, Пег приносила меньше хлеба от булочника Дженкинза, а Дик покупал больше кислого дешевого вина, чем густого ароматного рома, изготовленного самим мистером Кейвом.

— Я никого не хочу обидеть, — заявила Пег однажды январским днем, когда из-за снегопада приток посетителей в «Герб бочара» резко сократился, — но наверняка некоторым горожанам не пришлось бы голодать, если бы они пили поменьше.

Дик метнул в Ричарда выразительный взгляд, но промолчал.

— Дорогая, — произнес Ричард, забирая у матери Уильяма Генри, — так уж устроен мир, именно поэтому не приходится голодать нам. Давай не будем об этом, чтобы ненароком кого-нибудь не оскорбить. Мужчины и женщины вольны сами выбирать, чем наполнить желудок. Некоторым и жизнь не в радость без ежедневной полупинты рома или джина, а кое-кто так страдает, что совсем не может обойтись без спиртного. — Он пожал плечами, взъерошил темные кудряшки Уильяма Генри и улыбнулся, глядя в удивленные глаза сына. — У каждого своя боль, Пег.

Наступил январь, а число кораблей, стоящих у причалов, не уменьшилось. Сочувствие к мятежникам давно вытеснили горечь и раздражение. «Юнион-клуб» на постоялом дворе «Куст», некогда осаждавший короля петициями с требованием прекратить облагать налогами колонии и управлять ими издалека, хранил гробовое молчание; в «Белом льве» тори разглагольствовали все громче, уверяли короля в преданности и поддержке, собирали средства на экипировку местных войск и пытались разузнать о двух членах парламента от партии вигов и Бристоля — ирландце Эдмунде Берке и американце Генри Крюгере.

«Общество непоколебимых» утверждало, что за год войны Бристоль успел истечь кровью, тем более что виги в парламенте представлены красноречивым ирландцем и немногословным американцем. Настроения резко переменились, горожане пали духом. Пора покончить с войной в стране, расположенной за три тысячи миль от родины, старые связи изжили себя, пора заняться новыми делами, причем как подобает! И пусть мятежники катятся ко всем чертям!

Ночью шестнадцатого января, во время отлива, кто-то поджег корабль «Саванна Ла-Мар», готовый отправиться с грузом на Ямайку, а покамест стоящий у большого причала, неподалеку от гавани Старого Ника. Судно обмазали смолой, маслом и скипидаром, и спасти его удалось только чудом;

к тому времени, как двое городских пожарных прибыли с сорокагаллонной бочкой воды, несколько сотен матросов и портовых рабочих уже потушили пламя, к счастью, не успевшее нанести кораблю серьезный ущерб.

Утром портовые власти и полиция обнаружили, что корабли «Слава» и «Гиберния», стоящие к югу и к северу от «Саванны Ла-Мар», тоже были обмазаны горючими веществами и подожжены. Непостижимым образом оба судна не загорелись.

— Измена в Бристоле! Мог загореться весь порт, доки, а затем и город! — взволнованно объявил Дик Ричарду, едва вернувшись с пристани, где произошел поджог. — Да еще во время отлива! Ничто не могло помешать пламени перекинуться на соседние суда. Господи, Ричард, это было бы страшнее большого лондонского пожара! — И он вздрогнул.

В то время люди ничего не боялись сильнее, чем огня. Даже углекопы из Кингсвуда не внушали такого ужаса — разъяренная толпа представляла меньшую опасность, чем пожар. Толпы состояли из мужчин и женщин, волокущих за собой детей, а огонь направляла могущественная десница Бога, он вел напрямиком к вратам ада.

Восемнадцатого января мертвенно-бледный кузен Джеймс-аптекарь привел плачущую жену и детей к Дику Моргану.

— Ты не мог бы приютить Энн и девочек? — с дрожью спросил Джеймс. — Я никак не могу убедить их, что в нашем доме им ничто не угрожает.

— Боже милостивый, Джим, в чем дело?

— Пожар, — выдохнул аптекарь и схватился за стойку, чтобы не упасть.

— Вот, возьми. — Ричард протянул ему кружку лучшего рома, а Мэг и Пег захлопотали вокруг Энн и перепуганных детей.

— Дай выпить и ей, — велел Дик. Мистер Джеймс Тислтуэйт бросил перо и подошел поближе. — Ну, рассказывай, Джим.

Потребовалась целая четверть пинты рома, чтобы кузен Джеймс-аптекарь вновь обрел дар речи.

— Посреди ночи кто-то взломал дверь моего большого склада — а ты ведь знаешь, Дик, как она прочна, сколько на ней замков и засовов! Злоумышленник разыскал скипидар, облил им большой ящик и наполнил его паклей, опять-таки вымоченной в скипидаре. А потом ящик прислонили к бочонкам с льняным маслом и подожгли. Разумеется, в то время на складе никого не было. Никто не видел поджигателя, никто не заметил, как он исчез.

— Ничего не понимаю! — вскричал Дик, побелев, как его кузен. —

Отсюда недалеко до угла Белл-лейн, но клянусь тебе, мы не слышали ни звука, ничего не видели и не почуяли запаха гари!

— Ящик не загорелся, — странным тоном отозвался кузен Джеймс-аптекарь. — Слышишь, Дик, не загорелся! А он должен был вспыхнуть! Придя утром на склад, я нашел его. Сначала я думал, что дверь взломал тот, кто нуждался в опиатах или других лекарствах, но едва вошел, как почуял запах скипидара. — Голубовато-серые глаза Моргана блеснули при этом воспоминании. — Это чудо! — воскликнул он. — Чудо! Бог спас меня, и я непременно пожертвую церкви Святого Иакова тысячу фунтов для бедняков!

Эти слова произвели впечатление даже на мистера Тислтуэйта.

— Я был бы счастлив написать панегирик, кузен Джеймс, и воспеть тебя в печати. — Он нахмурился. — Но я чувствую, в Бристоле что-то назревает, — это несомненно. И «Саванна Ла-Мар», и «Гиберция», и «Слава» принадлежат американской компании «Льюсли», а их контора расположена по соседству с твоим домом, на Белл-лейн. Вероятно, поджигатель ошибся дверью. На твоем месте я сообщил бы об этом хозяевам «Льюсли». Тори явно сговорились выжить американцев из Бристоля.

— Ты во всем видишь происки тори, Джимми, — с улыбкой вмешался Ричард.

— Так или иначе, тори — презренные трусы. — Мистер Тислтуэйт опять уселся за стол, иронически закатывая глаза при виде женской истерики. — Лучше бы ты выпроводил их домой, Дик. Оставь здесь Ричарда с одним из моих пистолетов — вот, возьми, Ричард! Я сумею защититься и одним. Но мне совершенно необходима тишина. Меня посетила муза, у меня появилась тема для нового панегирика.

Никто не обратил на его слова никакого внимания, но когда таверну начали заполнять посетители, пришедшие на обед, а град вопросов о том, что же все-таки произошло на складе Моргана, усилился, Ричард решил последовать совету мистера Тислтуэйта. Сунув в один карман пальто кавалерийский пистолет, а в другой — десяток картонных гильз, он проводил Энн Морган и ее двух дурнушек дочерей в элегантный особняк, расположенный в Сент-Джеймс-Бартон. Там Ричард устроился на стуле в прихожей, чтобы одним своим видом отпугивать поджигателей.

За каких-нибудь два дня, с четверга до субботы, весь Бристоль охватили беспомощность и паника. Сторожа и заново назначенные констебли рьяно взялись за исполнение своих обязанностей; уже в пять часов дня зажигали фонари на тех улицах, где они имелись; фонарщики

суетились с лестницами, наполняя резервуары фонарей, чем прежде они занимались крайне редко. Люди рано расходились по домам, горько сожалея о том, что стоит зима и над городом витает запах древесного дыма. В ночь на субботу в городе почти никто не спал.

Девятнадцатого января, в воскресенье, все бристольтцы, за исключением евреев, собрались в церкви, моля Бога о милосердии и прося его отомстить слугам дьявола. Кузен Джеймс-священник, которому никогда не изменяло красноречие, прочел свою лучшую проповедь, слегка изумившую прихожан церкви Святого Иакова: ее сочли явно иезуитской и вместе с тем — методистской.

— Лично мне, — заявил Дик в ответ на одно такое замечание, — все равно, кого напоминал его преподобие — иезуита или методиста. Поджигателя следует повесить, чтобы мы могли спать спокойно. И потом, разве вы не помните, каким отважным проповедником был отец его преподобия? Он произносил проповеди под открытым небом, обращаясь к углекопам в Крус-Хоул.

— «Общество непоколебимых» обвиняет в случившемся американских колонистов.

— Маловероятно! Американские колонисты скорее кажутся жертвами. — Этими словами Дик положил конец разговору.

В ночь с воскресенья на понедельник Ричард вдруг очнулся от тревожного сна.

— Папа, папа! — громко звал Уильям Генри из колыбели.

Рывком вскочив, Ричард зажег свечу и с колотящимся сердцем склонился над ребенком, который сидел в постели.

— Что случилось, Уильям Генри? — прошептал Ричард.

— Пожар, — отчетливо выговорил малыш.

Видимо, беспокойство о здоровье сына лишило Ричарда обоняния: комнату переполнял дым.

В решающие минуты Ричард действовал быстро, аккуратно и хладнокровно; одеваясь, он разбудил отца, но не стал ждать его, а бросился вниз по лестнице со свечой, схватил два ведра, отодвинул засов на двери таверны и помчался по скользкому от дождя тротуару. Добежав до угла Белл-лейн, Ричард в ужасе застыл: все склады компании «Льюсли и К^о» пылали, пламя вырывалось из-под крытых черепицей крыш, озаряя узкую грязную улицу зловещим багровым светом. Слышался оглушительный рев и треск, огонь пожирал испанскую шерсть, зерно и бочонки с оливковым маслом так стремительно, как не мог бы пожрать даже пеньку и скипидар.

Люди с ведрами в руках сбегались со всех сторон, выстраивались в

шеренги, растянувшиеся от Фрума до складов компании. Отлив еще не начался, и потому было довольно просто окунать ведра в воду и передавать их по цепочке. Общими усилиями горожане не выпустили пламя за пределы складов «Льюсли и К^о» и нескольких ветхих доходных домов; склады кузена Джеймса-аптекаря, расположенные по соседству, остались невредимыми. Жертв не оказалось — видимо, поджигатель стремился прежде всего уничтожить собственность, а не отнимать жизни. Обитатели доходных домов вовремя покинули их, вцепившись в скудные пожитки и прижимая к себе ревущих детей.

Покрытый копотью Ричард вернулся в «Герб бочара», едва шериф и его помощники объявили, что Белл-лейн вне опасности. Он потерял оба ведра; только Богу было известно, кому они достались. Его отец и кузен Джеймс-аптекарь сидели за столом, выказывая явные признаки усталости; принадлежа к старшему поколению, они некоторое время пытались угнаться за молодыми мужчинами, а затем охотно передали ведра подоспевшим жителям дальних кварталов.

— Завтра во всем городе вырастет спрос на ведра, Ричард, — сообщил Дик, протягивая сыну кружку пива, — поэтому я отправлюсь к меднику спозаранку и куплю сразу десяток. Куда катится мир?

— Дик, — произнес кузен Джеймс-аптекарь, на лице которого был написан восторг, — уже второй раз за эти сутки Господь пощадил меня и моих родных! Я чувствую себя, как... как Павел на пути в Дамаск!

— Неудачное сравнение, — заметил Ричард, жадно отхлебывая пиво. — Ты же никогда не преследовал верующих, кузен Джеймс.

— Да, Ричард, но мне было откровение. Дабы отблагодарить Бога, я пожертвую фунт стерлингов каждому узнику тюрем Ньюгейт и Брайдуэлл.

— Ха! — осклабился Дик. — Поступай, как тебе угодно, Джим, но знай, что они потратят деньги на выпивку в тюремном погребе.

Их голоса долетели до комнат верхнего этажа. Мэг и Пег спустились вниз, закутанные в шали. Пег несла на руках Уильяма Генри, глаза которого блестели.

— Вы невредимы! Какое счастье!

Ричард отставил кружку и подхватил на руки малыша, сразу прильнувшего к нему.

— Отец, меня разбудил Уильям Генри. Он произнес «пожар» так, словно знал, что это такое.

Кузен Джеймс-аптекарь задумчиво воззрился на Уильяма Генри.

— Странный ребенок... Должно быть, сразу после рождения его подменили эльфы.

Пег ахнула:

— Кузен Джеймс, не говорите так! Если эльфы подменили моего сына, когда-нибудь его заберут обратно!

С трудом поднимаясь на ноги, кузен Джеймс-аптекарь вспомнил о давнем деревенском поверье и понял, что странности Уильяма Генри не ускользнули от взгляда его матери. И вправду, обычный ребенок вряд ли пережил бы вакцинацию.

Уничтожив склады компании «Льюсли и К^о», поджигатель не успокоился. Уже в понедельник пламя заплесало над десятком других складов и фабрик, принадлежащих американцам. Во вторник запылал сахарный завод олдермена Барнза; его владелец не скрывал, что сочувствует колонистам. Но к этому времени переполошился весь Бристоль, люди оставались начеку, и потому пожары потушили прежде, чем огонь успел причинить ущерб строениям. Через три дня сахарный завод олдермена Барнза вспыхнул вновь, и его опять удалось спасти.

Политические круги пытались нажиться на чужом горе: тори обвиняли вигов, а виги предъявляли обвинения тори. Эдмунд Берк предложил пятьдесят фунтов за сведения, гильдия купцов — пятьсот, а сам король — тысячу. Поскольку тысячу пятьсот пятьдесят фунтов невозможно было заработать и за целую жизнь, все бристольтцы превратились в сыщиков и принялись выискивать подозреваемых — но, конечно, награда никому не досталась. Подозрение пало на шотландца по прозвищу Джек-маляр, который жил то в одном, то в другом доме на Питэй, кривой улочке, выбегавшей к Фруму близ церкви Святого Иакова: после второй попытки поджога сахарного завода олдермена Барнза Джек вдруг исчез. Хотя никакой видимой связи между ним и пожарами не существовало, все бристольтцы пришли к убеждению, что он и был поджигателем. Поднялись шум и суматоха, масла в огонь подливали лондонские и местные газеты. Жители всех графств Англии, от Тайна до Ла-Манша, требовали поскорее схватить маньяка. Беглец был пойман во время попытки ограбления дома разбогатевшего в Индии купца из Ливерпуля и после уплаты ста двадцати восьми фунтов из средств корпорации и гильдии купцов в кандалах доставлен в Бристоль для дознания. Но здесь перед искателями правосудия встало неожиданное препятствие: никто не понимал ни единого слова, произнесенного шотландцем, кроме его имени — Джеймс Эйтен. Поэтому его отправили в Лондон, полагая, что в столице найдется человек, знакомый с шотландским диалектом. И бристольтцы не ошиблись. Джеймс Эйтен, он же Джек-маляр, сознался во всех поджогах, совершенных в Бристоле и еще в Портсмуте, где дотла сгорела канатная мастерская

королевского флота. Это последнее преступление было признано чудовищным: без множества миль канатов ни один корабль не сумел бы отойти от причала.

— Не понимаю только одного, — сказал Джек Морган Джимми Тислтуэйту, — каким образом Джек-маляр добрался из Бристоля до Портсмута? Канатная мастерская сгорела в декабре, когда его еще видели на улице Питэй.

Мистер Тислтуэйт пожал плечами:

— Он всего лишь козел отпущения, Дик, не более. Англии давно необходим покой, а для этого требовалось найти виновного. Этот шотландец — идеальный обвиняемый. Не знаю, как насчет Портсмута, но пожары в Бристоле — дело рук тори, клянусь жизнью!

— Думаешь, пожары будут вспыхивать и впредь?

— Ни в коем случае! Хитрость удалась. В Бристоле не осталось ни гроша из былых американских капиталов. Тори могут преспокойно почить на лаврах, возложив всю вину на беднягу Джека-майлара.

И вина действительно была возложена на него. Джеймса Эйтена, известного под прозвищем Джек-маляр, предали суду в Гемпшире по обвинению в поджоге канатной мастерской королевского флота и признали его виновным. После суда его доставили в Портсмут, где была сооружена виселица для публичных казней. Опускающаяся подставка виселицы имела высоту шестьдесят семь футов; с нее Джек-маляр и переселился в вечность — без головы, сорванной с плеч петлей, а не отрубленной топором. После казни эту голову выставили на всеобщее обозрение в Портсмуте, и в Англии воцарился покой.

Джек-маляр заверил суд, что только он один виновен во всех поджогах.

— Его уверения меня не убедили, — заявил кузен Джеймс-аптекарь. — Но Пасха наступила и прошла, а пожары больше не вспыхнули ни разу, поэтому неизвестно, кто виноват на самом деле. Я уверен лишь в том, что Господь пощадил меня.

Два дня спустя в «Герб бочара» явился оружейный мастер сеньор Томас Хабитас.

— Сэр! — воскликнул Ричард, приветствуя его улыбкой и дружеским рукопожатием. — Садитесь, прошу вас! Стакан «бристольского молока»?

— Благодарю, Ричард.

В таверне было пусто, если не считать мистера Тислтуэйта; от бывшего процветания остались лишь воспоминания. Поэтому неожиданный гость очутился в центре внимания, и это, по-видимому, польстило ему.

Португальский еврей, переселившийся в Англию тридцать лет назад,

сеньор Томас Хабитас был невысоким и худощавым, с оливковой кожей, темными глазами, вытянутым лицом, крупным носом и полными выпяченными губами. Некоторая замкнутость роднила его с квакерами; пожалуй, он слишком хорошо осознавал, как заметно отличается от заурядных бристольтцев. Но город радушно принял его, как принимал всех евреев, которым в отличие от папистов позволяли поклоняться Богу согласно их обычаям и иметь кладбище на Джейкоб-стрит и две синагоги на берегу Эйвона; считалось, что иудаизм угрожает обществу и экономике в значительно меньшей степени, нежели римский католицизм. Но самое главное — ни евреи, ни квакеры не претендовали на трон его величества короля Англии, который был родом из Германии. Воспоминания о Красавчике принце Чарли и тысяча семьсот сорок пятом годе были еще слишком свежи, а до Ирландии — рукой подать.

— Что завело вас так далеко от дома, сэр? — спросил Дик Морган, подавая гостю большой стакан (изготовленный еврейской компанией «Джейкобс») янтарного приторно-сладкого хереса.

Взгляд прищуренных черных глаз обвел пустой зал и остановился не на Дике, а на Ричарде.

— Дела идут неважно, — подытожил гость неожиданно гулким голосом с едва заметным акцентом.

— Да, сэр, — согласился Ричард, усаживаясь напротив Хабитаса.

— Весьма сожалею об этом. — Сеньор Хабитас сделал паузу. — Я мог бы помочь вам. — Он положил длинные чуткие руки на стол и переплел пальцы. — Знаю, всему виной эта война с американскими колониями. Но благодаря войне кое-кто стал получать большую прибыль — в том числе и я. Ричард, ты мне нужен. Ты не хотел бы вновь поработать у меня?

Ричард приоткрыл рот, чтобы ответить, но Дик опередил его.

— А на каких условиях, сеньор Хабитас? — напористо осведомился он, слишком хорошо зная, что Ричард сначала согласится, а уж потом откажется спросить об условиях.

Выражение загадочных глаз на гладком лице не изменилось.

— На самых выгодных, мистер Морган. Четыре шиллинга за мушкет.

— Годится! — поспешил отозваться Дик.

Мистер Тислтуэйт с жалостью поглядывал на Ричарда. Неужели ему так и не представится случай самому выбирать себе судьбу? Но голубовато-серые глаза на привлекательном лице Ричарда Моргана не выразили ни гнева, ни недовольства. Поистине его терпение неиссякаемо! Он терпел по отношению к отцу, жене, матери, посетителям таверны, кузену Джеймсу-аптекарю — перечень бесконечен. Похоже, Ричард готов

броситься в бой за одного-единственного человека — за Уильяма Генри, да и то действуя обдуманно, а не повинаясь порыву. «Что таится в твоей душе, Ричард Морган? Знаешь ли ты самого себя? Будь Дик моим отцом, я закатил бы ему такую оплеуху, что он рухнул бы на пол. А ты терпишь его прихоти, хандру и вспышки, его едкие замечания, даже плохо скрытое презрение к тебе. Каковы твои житейские принципы? Откуда ты черпаешь силу? Ты ведь силен, я точно знаю. Но кто твой союзник — смирение? Нет, вряд ли. Ты для меня загадка, и все-таки ты нравишься мне больше всех, кого я знаю. И мне страшно за тебя. Почему? Да потому что, имей я такое терпение и стойкость, Бог наверняка пожелал бы испытать меня».

Не подозревая о размышлениях мистера Тислтуэйта, Ричард вернулся в мастерскую Хабитаса и взялся за изготовление «смуглых Бесс» для солдат, воюющих в Америке.

Оружейник делал оружие, но его детали получал от других мастеров: стальные стволы из листа, свернутого в трубку, привозили из Бирмингема, как и стальные детали замка; ореховые приклады доставляли из различных городов Англии, бронзовые и медные части — из окрестностей Бристоля.

— Надеюсь, ты будешь рад узнать, — сказал Хабитас, когда Ричард отчитывался о первом рабочем дне, — что мы получили заказ на короткие мушкеты для армии — они немного легче и проще в обращении.

И вправду, эти мушкеты были на четыре дюйма короче длинных, 42-дюймовых, которыми были вооружены солдаты во времена Семилетней войны. Пехотинцы одобрительно отнеслись к новому оружию: точность его стрельбы не снизилась, а весило оно на полфунта меньше и было менее громоздким.

Ричард сидел у верстака на высоком табурете; вокруг было разложено все, что могло ему потребоваться. Отполированные приклады с длинными полукруглыми подставками для ствола, выстроились на стойке слева. По правую руку разместились стволы с хвостовиками, каждый имел замок с шипом с нижней стороны. В блюдах на верстаке лежали различные части кремневого замка — пружины, курки, спусковые рычаги, защелки, кулачки, винты, кремни, — а также медные скобы, стержни, фланцы и подставки, с помощью которых собирали ружье. Рядом Ричард разложил инструменты, принадлежащие ему: он приносил их с собой в прочном ящике красного дерева с медной пластинкой, на которой было выгравировано его имя. В нем умещались десятки напильников и отверток, клещи, кусачки, щипчики, молоточки, сверла и инструменты для работы по дереву. Обученный опытным мастером, Ричард сам изготовил наждачную бумагу, посыпав жесткими черными опилками парусину, смазанную крепким рыбьим клеем,

и таким же способом сделал напильники и точила разного размера — и заостренные, и округлые, и короткие, и толстые. Опиловка деталей составляла по меньшей мере половину всей работы оружейника, и Ричард так поднатерел в этом деле, что только ему одному брат Уильям доверял точить пилы, когда видел, что их зубья затупились.

Выбирая первый ствол, чтобы отчистить его от ржавчины, а затем смазать жидкой сурьмой — так называемым сурьмяным маслом, — Ричард вдруг понял, как стосковался по своему ремеслу. Шесть лет — огромный срок. Тем не менее его руки двигались уверенно, а мысли были заняты сборкой деталей механизма, предназначенного для того, чтобы убивать людей. Но оружейники предпочитали не размышлять о том, какое применение найдут их изделия, — они просто любили свою работу и не думали о разрушительной силе оружия.

Важнейшей задачей считалась сборка кремневого замка. Приклад надо было аккуратно выдолбить, чтобы замок входил в него, а потом много раз опиливать, подгонять и опять опиливать и подгонять все движущиеся детали, добиваясь механической гармонии, и лишь затем установить замок на место. Жители Норфолка и Суффолка, изготавливающие кремни, тоже были прежде всего ремесленниками — не рассуждая, они придавали кремням точную форму, соответствующую их назначению. А Ричарду предстояло выбрать угол, под которым кремень ударял бы по прочной, похожей на листок, Г-образной стальной детали в дюйм шириной, прикрывающей полку для пороха. При движении курка вперед и ударе кремня полка для пороха приподнималась, а кремень высекал сноп искр. Если кремень был правильно расположен в зажимах, этих искр хватало, чтобы воспламенить порох; пламя вырывалось сквозь крохотное отверстие в задней части ствола и здесь, в свою очередь, воспламеняло порох, засыпанный под заряд. Зарядом для «смуглой Бесс» служили маленькие свинцовые пули.

Конструкцию «смуглой Бесс» Ричард знал как свои пять пальцев. Ему было известно, что стрелять из такого мушкета в цель, расположенную на расстоянии более 100 ярдов, бесполезно; его дальность стрельбы не превышала 40 ярдов. А это означало, что противники должны сойтись почти вплотную, прежде чем открывать стрельбу. Опытный солдат обычно успевал сделать два выстрела, а потом либо отступал, либо бросался в штыковую атаку. Ричард знал, что лишь в некоторых сражениях солдаты стреляют из своих «смуглых Бесс» больше десяти раз. Знал он и то, что засыпать на полку следует не более 70 гранов пороха, менее одной пятой унции, и был сведущ в изготовлении ружейного пороха, поскольку во

времена ученичества провел немало времени в пороховых мастерских в Тауэр-Харратс на Эйвоне, в Темпл-Мидс. Помнил он и о том, что только одной из четырех собранных им «смуглых Бесс» предстоит участвовать в сражениях. Ричард знал, что калибр (пуля была двумя размерами меньше диаметра гладкого изнутри ствола) мушкета близок к калибру французских, португальских и испанских ружей, поэтому заряды из этих трех стран годились и для «смуглых Бесс». А еще Ричарду было известно, что при попадании пули в живую мишень у последней практически нет шансов выжить. Попад в грудь или живот, пуля способна разворотить все внутренности; при попадании в конечности пуля дробила кости, и единственным средством спасения человека оставалась ампутация.

Чтобы собрать первую за сегодня «смуглую Бесс», ему понадобилось два часа, но вскоре навыки вернулись к нему, и к концу дня он собирал мушкет всего за час. За каждое ружье Ричард получал баснословную сумму — четыре шиллинга, но, разумеется, сеньор Хабитас выручал с продажи оружия гораздо больше денег. За вычетом стоимости деталей и платы за труд Ричарда с каждого ружья сеньору Хабитасу причиталось десять шиллингов. Существовали оружейники, которые запрашивали гораздо меньше, зато изделия Хабитаса стреляли. В руках опытных солдат они не давали осечки, а порох на полке не воспламенялся сам по себе. Кроме того, сеньор Хабитас лично присутствовал при испытании оружия, изготовленного его мастерами.

— Подмастерьям я не доверяю, — говорил он Ричарду, шагая к мишеням, еще отчетливо видимым в сумерках. — Я полагаюсь лишь на опытных оружейников, а еще лучше — на тех, кого я обучил сам. — Он вдруг посерьезнел. — Не обольщайся, дорогой Ричард, все имеет свой конец. Эта война продлится еще три-четыре года, и за это время Франция успеет собраться с силами, чтобы вновь напасть на нас. Пока нам хватает работы, но вскоре все изменится, и я снова отпущу тебя. Именно поэтому я согласился платить тебе по четыре шиллинга за ружье. А еще потому, что я никогда не видел такого добросовестного и расторопного работника, как ты.

Ричард не ответил; впрочем, зная его привычки, Томас Хабитас и не ждал ответа. Ричард был прирожденным слушателем. Он живо воспринимал все, что ему говорили, но воздерживался от замечаний, никогда не испытывая желания просто поболтать. Сведения укладывались на полки у него в мозгу и оставались на своих местах до тех пор, пока это устраивало Ричарда. «Вероятно, — думал Хабитас, — еще и по этой причине я так привязался к нему. Ричард — на редкость добродушный и

сдержанный человек, для которого работа превыше всего».

Десять «смуглых Бесс», собранных Ричардом, стояли в стойке, принесенной десятилетним парнишкой, подручным Хабитаса. Ричард взял первое ружье, вынул шомпол из пазов под прикладом, поддерживающим снизу ствол, и достал из кармана гильзу. Внутри этого картонного цилиндрика хранились пуля и порох. Ричард набрал полный рот слюны, вцепился зубами в основание цилиндрика и увлажнил его, высыпал порох в ствол, растер бумагу и отправил ее вслед за порохом, а под конец втолкнул в ствол пулю. Одного удара шомполом хватило, чтобы отправить весь заряд в глубину ствола. Приложив мушкет к плечу, он слегка встряхнул его, чтобы прочистить отверстие в конце ствола, и спустил курок. Стальные челюсти сжали кремнь, опустили его и ударили им по бойку. Посыпались искры, из ствола вылетел густой дым, и бутылка, стоящая на расстоянии сорока ярдов на полке, со звоном разбилась.

— А ты не утратил мастерство, — довольно заметил сеньор Хабитас, пока босой мальчишка сметал осколки и ставил на полку еще одну тускло-коричневую бутылку бристольского стекла.

— Посмотрим, как будут стрелять остальные девять, — с усмешкой откликнулся Ричард.

Девять ружей оказались безупречными. На десятом понадобилось подпилить пружину — пустяковая работа, поскольку деталь находилась снаружи спускового механизма.

Едва вбежав в «Герб бочара», Ричард подхватил Уильяма Генри с высокого детского стульчика и крепко прижал к себе, борясь с желанием задушить малыша в объятиях. «Уильям Генри, Уильям Генри, как же я люблю тебя! Как жизнь, как воздух, как солнце, как Бога на небесах!» Прижавшись щекой к кудряшкам сына, он прикрыл глаза и ощутил первую дрожь, прошедшую по хрупкому тельцу. Она была почти неуловима, как дрожь мурлыкающего кота; Ричард чувствовал ее кончиками пальцев. Мучительная дрожь. Мучительная? С какой стати? Открыв глаза, Ричард отстранил от себя Уильяма Генри и всмотрелся ему в лицо. Загадочное, замкнутое.

— Похоже, он по тебе ничуть не скучал, — беспечно заметил Дик.

— И съел весь ужин до последней крошки, — с гордостью добавила Мэг.

— Рядом со мной он был счастлив, — заключила Пег с победной улыбкой.

Колени Ричарда подогнулись, он опустился на стул возле стойки и снова прижал к себе сына. Легкая дрожь прошла. «О, Уильям Генри, о чем

ты думаешь? Неужели ты решил, что папа больше не вернется? Прежде папа расставался с тобой всего на час-другой, но неужели никто не сообщил тебе, что папа вернется в сумерках? Нет, никто. И я забыл предупредить тебя. И все-таки ты не плакал, не отказывался от еды, не выказывал беспокойства. Но ты думал, что больше никогда меня не увидишь. Что я за тобой не приду».

— Я всегда буду рядом с тобой, — прошептал Ричард на ухо Уильяму Генри. — Всегда.

— Как прошел день? — спросила Пег. Убедившись за восемнадцать месяцев, что Ричард привязан к Уильяму Генри, она не переставала удивляться слабости мужа — или его мягкости? «Это выглядит странно, — думала она. — Наш ребенок нужен ему, чтобы удовлетворять какую-то потребность, о которой я понятия не имею. Но я-то люблю Уильяма Генри ничуть не меньше, чем Ричард! И теперь мой сын будет всецело принадлежать мне!»

— Хорошо, — ответил ей Ричард и перевел отчужденный взгляд на Дика. — Отец, сегодня я заработал два фунта: один тебе, второй — мне.

— Нет, — отрезал Дик. — Десять шиллингов мне, тридцать — тебе. Этого мне хватит с избытком — даже когда от нас уйдет последний посетитель. Отдавай мне два шиллинга за еду для твоей семьи, а двадцать восемь клади в банк на свое имя. Надеюсь, он будет платить тебе каждую субботу? А не раз в месяц или когда заплатят ему самому?

— Каждую субботу, отец.

Этой ночью, когда Ричард придвинулся к Пег и попытался осторожно приподнять подол ее ночной рубашки, она сердито оттолкнула его руки.

— Нет, Ричард! — яростно прошептала она. — Уильям Генри еще не спит, а он уже подросток и все понимает!

Ричард долго лежал в темноте, прислушиваясь к храпу и сопению из соседней комнаты; он устал до изнеможения от непривычной работы, но никак не мог уснуть. Сегодня для него началась новая жизнь. Работа, которую он любил, разлука с обожаемым сыном, отчуждение любимой жены, осознание того, что он невольно может причинить боль своим близким. Еще совсем недавно жизнь казалась ему такой простой и понятной. Им руководило не что иное, как любовь, — он должен работать, чтобы прокормить семью, чтобы его близкие ни в чем не нуждались. Но Пег оттолкнула его впервые с тех пор, как они поженились, а Уильяма Генри пронзила мучительная дрожь.

«Но что я могу поделать? Где выход? Сегодня я отдалился от своей семьи, пусть даже из лучших побуждений. Я никогда не просил о многом и

ни на что не рассчитывал — кроме того, что близкие будут рядом. В этом и заключается счастье. Я принадлежу им, а они — мне. Или мне так казалось? Неужели отчуждение всегда возникает, как только меняется заведенный порядок? Но насколько глубока эта пропасть? Насколько она широка?»

— Сеньор Хабитас, — заговорил Ричард, явившись в мастерскую рано утром на второй день, — сколько мушкетов я должен собирать за день?

Томас Хабитас и глазом не моргнул — он вообще редко моргал.

— А почему ты спрашиваешь, Ричард?

— Я не хочу проводить в мастерской целые дни, с рассвета до заката, сэр. Теперь все не так, как прежде. Я нужен своим близким.

— Понимаю, — мягко отозвался сеньор Хабитас. — Это можно уладить. Человек зарабатывает деньги, чтобы обеспечить свою семью, но семья нуждается не только в деньгах, а быть одновременно в двух местах невозможно. Я плачу тебе за каждый сделанный мушкет, Ричард. Значит, сколько мушкетов ты соберешь, столько и получишь. — Он пожал плечами — непривычный для него жест. — Да, я предпочел бы получать пятнадцать — двадцать мушкетов в день, но соглашусь и на один. Тебе решать.

— А десять в день, сэр?

— Это меня вполне устроит.

Ричард вернулся домой, в «Герб бочара», в середине дня, успев собрать и испытать десять мушкетов. Сеньор Хабитас был доволен, а Ричард теперь мог проводить больше времени с Уильямом Генри и Пег и вместе с тем приближаться к своей мечте — дому в Клифтон-Хилле. Его сын уже начинал ходить; соблазны Брод-стрит манили его к открытой двери таверны, в Уильяме Генри пробуждалась тяга к приключениям. К счастью, до сих пор ножки вели его по дорожкам цветника, а не по тротуарам, пропитанным вонью Фрума.

Но первым, кто встретил Ричарда дома, были не Пег и не Уильям Генри: мистер Джеймс Тислтуэйт вскочил из-за стола и заключил Ричарда в объятия.

— Пусти меня, Джимми! Твои пистолеты могут выстрелить!

— Ричард, Ричард! А я уж думал, что больше не увижу тебя!

— Не увидишь меня? Но почему? Даже если бы я работал с рассвета до заката — а на это я не согласился, — зимой мы продолжали бы видеться, — возразил Ричард, высвобождаясь и протягивая руки к подковылявшему к нему Уильяму Генри. Затем подошла и Пег с виноватой улыбкой на лице и поцеловала мужа в губы. Усевшись за стол рядом с Джимми Тислтуэйтом, Ричард почувствовал себя так, словно его мир вновь

стал прежним. Пропасть между ним и близкими исчезла бесследно.

Он отхлебнул пиво из принесенной Диком кружки, наслаждаясь чуть горьковатым привкусом, но не вождедея его. Сын сдержанного трактирщика, Ричард тоже был сторонником умеренности во всем, пил только пиво и не злоупотреблял им. И за это, помимо естественной привязанности, сеньор Томас Хабитас ценил своего мастера. Для работы требовались уверенные, ловкие пальцы и чистый, ничем не замутненный разум, а найти мужчину, не питающего пристрастия к спиртному, было не так-то просто. Почти все горожане пили слишком много, чаще всего — ром или джин. За три пенса можно было купить полпинты рома или почти целую пинту джина, в зависимости от его качества. Злоупотребление спиртным не считалось преступлением, хотя существовали законы, карающие почти все прочие злоупотребления. Благодаря налогу на продажу спиртного казна быстро пополнялась, и потому правительство только поощряло любителей выпить.

В Бристоле продавали и выпивали больше рома, чем джин; джин считался напитком бедняков. Монополия на ввоз сахара на всю территорию Британских островов принадлежала Бристолю, и потому он же стал признанным производителем рома. По крепости эти ром и джин почти не отличались, но ром был гуще и вызывал более длительное опьянение, за которым не следовало мучительное похмелье.

Мистер Тислтуэйт пил только лучший ром и считал «Герб бочара» своим вторым домом потому, что Дик Морган покупал ром у мистера Томаса Кейва из Редклиффа. Ром Кейва не имел себе равных.

К приходу Ричарда мистер Тислтуэйт уже успел захмелеть, что обычно случалось с ним к трем часам дня. Ему недоставало Ричарда, он пришел к выводу, что отныне Ричард будет появляться в таверне не раньше пяти, к тому времени, как самому Джимми придется уходить. Мистер Тислтуэйт взял себе за правило покидать таверну ровно в пять — из чувства самосохранения: он знал, что, задержавшись здесь хотя бы на минуту, к вечеру он окажется в сточной канаве на Брод-стрит.

Убедившись, что отныне он будет видаться с Ричардом каждый день, мистер Тислтуэйт неуклюже поднялся и собрался уходить.

— Знаю, еще слишком рано, но меня образумил твой приход, Ричард, — объявил он, нетвердым шагом направляясь к двери. — Впрочем, не знаю почему, — продолжал он, выходя на Брод-стрит. — Ума не приложу, почему, — ведь ты всего-навсего сын трактирщика! Загадка, загадка. — Его голова, увенчанная лихо сдвинутой набок треуголкой, просунулась в приоткрытую дверь. — Неужели взгляд захмелевшего

человека способен проникнуть в будущее? Верю ли я в предчувствия? Ха! Зовите меня Кассандрой, ибо я готов подражать этой глупой старухе. Хо-хо, пусть воздух Беотии ворвется в мои аттические легкие!

— Совсем спятил, — подытожил Дик. — Безумен, как мартовский заяц.

Война против тринадцати американских колоний продолжалась; к изумлению граждан Бристоля, англичане одержали столько побед, что со дня на день следовало ожидать капитуляции колонистов. Но о капитуляции до сих пор не было ни слуху ни духу. Все знали, что колонисты успешно вторглись в Бостон и выбили оттуда сэра Уильяма Хоу, однако сэр Уильям поспешно ретировался в Нью-Йорк, явно намереваясь разделять и властвовать, оттеснив Джорджа Вашингтона в Нью-Джерси и заняв прочную позицию между северными и южными колониями. Его брат адмирал Хоу разгромил молодой американский флот в сражении при Нассау, и Британия отвоевала титул владычицы морей.

До тех пор колониальное правительство Пенсильвании сохраняло нейтралитет и пыталось примирить враждующие стороны — монархистов и мятежников; но теперь, когда, по мнению бристольтцев, поражение американцев стало неизбежным, Пенсильвания отреклась от монархии и решительно примкнула к мятежникам! Этот ход казался бессмысленным, особенно бристольтским квакерам, кровным родственникам пенсильванцев.

В августе тысяча семьсот семьдесят шестого года газеты сообщили, что Континентальный конгресс принял выдвинутый Томасом Джефферсоном проект Декларации независимости и подписал его, не дожидаясь согласия Нью-Йорка. Президент конгресса Джон Хэнкок первым поставил свою подпись — размашистый росчерк, которому позавидовало бы его чучело, по-прежнему болтающееся на вывеске «Американской кофейни». После того как измученная армия генерала Вашингтона одобрила Декларацию, Нью-Йорк ратифицировал ее. Независимость была воспринята единодушно, хотя жители Манхэттена продолжали сочувствовать монархистам.

На флаге Континентального конгресса теперь красовалось тринадцать полос, красные чередовались с белыми.

Мирные переговоры на Стейтен-Айленде были прерваны, когда колонисты наотрез отказались отменить Декларацию независимости, и вскоре сэр Уильям Хоу вторгся в Нью-Джерси с английскими солдатами и десятью тысячами гессенских наемников, которыми король пополнил свою армию. Никто не мог устоять перед натиском англичан; однако Вашингтон маршем пересек Делавер по пути в Пенсильванию, а затем, несмотря на

суровую зиму, проделал обратный путь и разгромил гессенцев, праздновавших победу в Трентоне. После второй, менее значимой победы в Принстоне армия мятежников отступила за холмы Морристауна, а измотанный боями генерал Хоу вернулся в Манхэттен вместе со своим заместителем, лордом Корнуоллисом. Семье последнего принадлежал Корнуоллис-Хаус на Клифтон-Хилле, и потому бристольтцы приняли поражение лорда близко к сердцу.

Для Ричарда тысяча семьсот семьдесят шестой год прошел под знаком мушкетов и денег; в Бристольском банке у него скопилось 400 фунтов, а благодаря двенадцати шиллингам в день, которые он отдавал отцу, двери «Герба бочара» были открыты, даже когда большинство подобных заведений надолго захлопнули их. Лишения терпели и средний, и низший классы. Страшные времена!

Уровень преступности достиг небывалых высот, сопровождаясь особым симптомом злополучной, досадной американской войны: преступников и должников больше не отправляли в тринадцать колоний и не продавали там как бесплатную рабочую силу. Освященный временем и весьма удобный, этот обычай некогда позволил правительству ввести самые суровые во всей Европе меры наказания и одновременно сократить расходы на содержание тюрем. На каждого повешенного француза приходилось десять англичан, на каждого немца — пятнадцать. Иногда вешали и женщин. Но подавляющее большинство тех, кто был признан виновным в менее тяжких преступлениях, нежели разбой, убийства или поджоги, продавали подрядчикам, которые на судах — многие из них были приписаны к Бристолю — перевозили каторжников в тринадцать колоний и выгодно перепродавали их как белых рабов. Разница между белыми и черными рабами заключалась в том, что рабство первых, по крайней мере теоретически, рано или поздно должно было окончиться. Но зачастую свобода оставалась для них недостижимой, особенно для женщин. Молль Флендерс^[6] просто повезло.

Белых рабов вывозили преимущественно в тринадцать колоний потому, что владельцы плантаций в Вест-Индии предпочитали рабов-негров. Они были убеждены, что чернокожие привыкли к жаре и лучше приспособлены к работе и, кроме того, они в меньшей степени походили на хозяев и хозяек плантаций. С началом войны вывоз каторжников за пределы Англии прекратился, но английские суды не переставали сурово карать тех, кто был признан виновным даже в незначительных преступлениях. Английские законы не предусматривали защиту прав только аристократии — они защищали права всех граждан, сумевших

сколотить хоть какое-нибудь состояние. Тюремные переполнились, замки и старые крепости были превращены в места временного заключения, в ворота которых непрестанно вливался поток осужденных.

В это смутное время Дункану Кэмпбеллу, лондонскому подрядчику и спекулянту шотландского происхождения, пришлось в голову превратить в тюрьмы старые корабли, которые уже отслужили свое. Он приобрел одно такое судно, «Блюститель», поставил его на якорь у берега Темзы, близ Королевского арсенала, и разместил в нем двести каторжников. Новый закон запрещал привлекать осужденных к работам, надзор за которыми осуществляло правительство, поэтому обитателям «Блюстителя» пришлось чистить русло важного судоходного пути и строить новые доки — за такую работу свободные люди предпочитали не браться, если им не предлагали высокую плату. Каторжники же работали за пищу и жилье, которым служил трюм «Блюстителя». Вскоре Кэмпбелл понял, что гамак — неподходящее ложе для осужденных, закованных в кандалы. Поэтому он приказал соорудить в трюме нары и сумел разместить на борту «Блюстителя» еще сто узников. Правительство его величества короля Великобритании благосклонно отнеслось к нововведениям Кэмпбелла и охотно возместило ему убытки. Каторжники могли ютиться в трюмах кораблей, пока не закончится война и не возобновится их перевозка в колонии. Какое удобство!

Любой хозяин таверны знал, чем объясняется большинство мелких преступлений: чаще всего их совершали под воздействием спиртного. В условиях безработицы ром и джин стали драгоценными для тех, в ком еще теплился луч надежды. Шелковая одежда, носовые платки и безделушки были привилегией более влиятельных горожан. Мужчины, женщины и даже дети, вынужденные просить милостыню, топили ярость и досаду в спиртном, едва у них появлялась лишняя монета, а захмелев, воровали шелковые платки и украшения — вещи, которые не принадлежали им и не могли принадлежать. Имущество тех, кому повезло. И в Лондоне, и в Бристоле краденые вещи можно было без труда обменять на еще один стакан рома, еще несколько часов блаженного забвения. А когда такие воришки попадались, суд приговаривал их к смертной казни, к четырнадцати, а чаще всего — к семи годам тюремного заключения или каторги. В текстах приговоров часто повторялось слово «ссылка». Ссылка куда? Ответить на этот вопрос было невозможно, и он оставался без ответа.

Ричард надеялся, что и тысяча семьсот семьдесят седьмой год пройдет под знаком мушкетов и денег, но в самом начале года, пока Вашингтон с остатками своей армии переживал суровую зиму близ Морристауна, на

Морганов из «Герба бочара» обрушился сокрушительный удар. Мистер Джеймс Тислтуэйт вдруг объявил, что покидает Бристоль.

Дик рухнул на стул — это случилось с ним крайне редко, за стойкой он обычно стоял, опираясь на нее заглубившими локтями.

— Уезжаешь? — слабо переспросил он. — Уезжаешь?

— Да, — напористо отозвался мистер Тислтуэйт, — уезжаю, черт возьми!

Пег и Мэг расплакались; Ричард велел им унести перепуганного Уильяма Генри наверх и хорошенько выплакаться, а затем обернулся к взбудораженному мистеру Тислтуэйту.

— Джимми, ты же здешний старожил! Ты не можешь просто взять и уехать!

— Никакой я не старожил! Я уезжаю!

— Сядь, Джимми, сядь! К чему эта борцовская поза? Мы тебе не враги, — нахмурившись, уговаривал Ричард. — Присядь и объясни, в чем дело.

— Ага! — воскликнул мистер Тислтуэйт, последовав его совету. — Наконец-то ты выглянул из раковины! Неужели я так много значу для тебя?

— Кошмар, — пробормотал Ричард. — Отец, принеси мне пива, а Джимми — лучшего рома от мистера Кейва.

Дик мгновенно выполнил его просьбу.

— Ну, так в чем же дело? — вновь спросил Ричард.

— Я сыт по горло, Ричард, только и всего. В Бристолe мне больше нечего делать. Кого здесь высмеивать? Старого епископа Ньютона? Нет, я не поступлю так с человеком, которому хватает остроумия называть методизм незаконным отпрыском католицизма. Что еще я могу сказать в адрес корпорации? Разразиться градом сарказмов — после того, как я назвал сэра Абрахама Айзека Элтона волевым блюстителем закона, Джона Вернона — подбострастным стражем того же закона, а Роулса Скудамора — человеком, для которого нет ничего святого? Я обличал Дэниела Харсона за ортодоксальность, а Джона Пауэлла — за лизоблюдство. Я исчерпал золотую жилу Бристоля и теперь намерен поискать новую. Поэтому я уезжаю в Лондон!

Можно ли тактично намекнуть, что бристольский светоч затеряется в тумане города, по величине в двадцать раз превосходящего Бристоль?

— Лондон так велик, — заметил Ричард.

— Там у меня найдутся друзья, — возразил мистер Тислтуэйт.

— А может, передумаешь?

— Ни за что.

— В таком случае, — слегка оживился Дик, — пью за твою удачу и желаю тебе здоровья, Джимми. — Он приподнял губу, обнажая зубы. — По крайней мере теперь мне не придется тратиться на перья и чернила.

— Ты напишешь нам, как устроился? — спросил Ричард немного погодя, к тому времени как воинственность мистера Тислтуэйта уступила место приливу сентиментальной жалости.

— Если ты напишешь мне. — Бристольский бард шмыгнул носом и смахнул слезу. — О, Ричард, как жесток мир! И я намерен изобразить его зверства на огромном полотне, какого не может предоставить мне Бристоль.

Позднее тем вечером Ричард усадил Уильяма Генри на колени и взгляделся ему в лицо. В свои два с половиной года мальчик был крепким и рослым, и отец втайне считал, что ему достался лик строгого ангела. Взгляд приковывали не только его огромные и необычные глаза — поистине необычные, поскольку такой оттенок эля с красным перцем встречался крайне редко, — но и очертания скул, и безупречность кожи. Где бы он ни появлялся, люди оборачивались ему вслед и восхищались его красотой, которую замечали не только любящие родители. По всем меркам Уильям Генри был очаровательным ребенком.

— Мистер Тислтуэйт уезжает, — сообщил Ричард сыну.

— Далеко?

— Да, в Лондон. Теперь мы долго не увидим его, если увидим вообще.

Глаза малыша не наполнились слезами, но их выражение изменилось — Ричард уже знал, что оно означает тайные муки ранимой души.

— Он больше нас не любит, папа?

— Напротив, очень любит. Но в Бристоле ему стало негде развернуться, и мы здесь ни при чем.

Прислушиваясь к их разговору, Пег билась о прутья собственной тайной клетки, подобной тюрьме, в которой томила душа Уильяма Генри. Однажды отказав Ричарду в том, что принадлежало ему по праву, она со временем вновь стала покорной, и если Ричард и заметил, что она принимает его ласки скорее по привычке, чем по велению сердца, то предпочел молчать. Пег вовсе не разлюбила его: отчуждение было вызвано угрызениями совести и ее бесплодием. Чрево Пег стало сморщенным и пустым, способным порождать лишь ежемесячные недомогания, а судьба отдала ее в жены человеку, который слишком любил детей. Такому мужчине не пристало ограничиваться единственным отпрыском, даже таким, как Уильям Генри.

— Дорогой, — заговорила Пег, когда они с Ричардом лежали в

постели, слушая храп из соседней комнаты и сонное дыхание спящего Уильяма Генри, — боюсь, больше у меня никогда не будет детей.

Вот так. Тайное стало явным.

— А ты обращалась к кузену Джеймсу-аптекарю?

— Это ни к чему, он ничем мне не поможет. Такой уж сотворил меня Бог, я точно знаю.

Ричард заморгал и судорожно сглотнул.

— У нас уже есть Уильям Генри.

— Знаю. Он крепкий, на редкость здоровый ребенок. Но именно поэтому мне и хотелось поговорить с тобой, Ричард. — Пег высвободилась из объятий мужа и села.

Ричард тоже сел, обхватив руками колени.

— Я слушаю, Пег.

— Я не хочу переселяться в Клифтон.

Ричард щелкнул огнивом, зажег свечу и поднял ее так, чтобы видеть лицо жены — округлое, миловидное, искаженное беспокойством, с затравленными глазами.

— Пег, мы должны перебраться в Клифтон ради благополучия нашего единственного сына!

Пег заломила руки, вдруг став удивительно похожей на сына, — она не могла выразить словами свои чувства.

— Ради Уильяма Генри я и завела этот разговор. Мне известно, что нам хватит денег на покупку славного коттеджа на холмах, но там я буду одинока, в случае необходимости мне будет не к кому обратиться.

— Мы можем позволить себе нанять служанку, Пег. Я же говорил.

— Да, но слуги — это не родные. А здесь рядом твои родители, Ричард. — Пег скрипнула крепкими, выбеленными жесткой водой зубами. — Мне часто снятся страшные сны. Я вижу, как Уильям Генри бежит к берегу Эйвона и падает в воду — потому, что я занята, я пеку хлеб, а служанка носит воду из колодца. И этот сон я вижу каждую ночь, снова и снова!

В увлажнившихся глазах Пег заплескал отблеск свечи. Ричард поставил свечу на сундук для одежды и привлек к себе жену.

Пег, Пег, это всего лишь сновидения. Я тоже часто вижу их, дорогая. Но в моих кошмарах Уильяма Генри сбивает с ног разъяренная толпа, он умирает от дизентерии или проваливается в открытый колодец. В Клифтоне ничего подобного с ним не случится. А чтобы ты не тревожилась, мы найдем для него няньку.

— Тебе снятся разные сны, — всхлипывала Пег, — а мне — один и тот

же. Каждую ночь Уильям Генри падает с берега в Эйвон, напуганный тем, что я никак не могу разглядеть.

Ричард держал жену в объятиях, пока она не успокоилась и не уснула, а потом лег, глядя на колеблющееся пламя свечи и борясь со своим горем. Он знал, что родные сговорились. Его мать и отец переубедили Пег: Мэг обожала Уильяма Генри и любила племянницу, как родную дочь, а Дик, должно быть, решил, что, переселившись в Клифтон, Ричард перестанет платить ему двенадцать шиллингов в день — у хозяина собственного дома и без того немало расходов. Внутренний голос советовал Ричарду настоять на своем и увезти жену и ребенка на зеленые холмы Клифтона, поближе к чистому воздуху. Но то, что Дик Морган считал слабостью Ричарда, на самом деле было способностью понимать окружающих и сочувствовать им, особенно близким. Если Ричард настоит на переезде в Клифтон — а он уже подыскал просторный, прочный, не слишком старый коттедж с отдельной кухней на заднем дворе и комнатой для слуг на чердаке, — так вот, если он настоит на своем, жизнь в Клифтоне будет Пег не в радость. Она заранее возненавидела свой будущий дом. Как странно — ведь она дочь фермера! Ричарду и в голову не приходило, что его жене городская жизнь нравится больше, чем ему, коренному горожанину. Губы Ричарда задрожали, но даже под покровом темноты он не мог позволить себе расплакаться. Он просто решил смириться с тем, что в Клифтон они не поедут.

«Отец небесный, моя жена считает, что Уильям Генри утонет в Эйвоне, если мы переселимся в Клифтон. А я содрогаюсь при мысли, что жизнь в Бристоле погубит его. Прошу тебя, умоляю — спаси и сохрани моего сына! Оставь мне мое единственное дитя! Его мать уверяет, что больше у нас не будет детей, и я верю ей...»

— Мы останемся здесь, в «Гербе бочара», — сообщил он Пег, поднявшись с постели до рассвета.

Просияв, она в порыве облегчения обняла его.

— О, спасибо тебе, Ричард, спасибо!

Некоторое время Англия успешно вела войну в Америке, несмотря на то что ряд членов парламента от партии тори откололся от правительства в знак протеста против политики короля. Джентльмену Джону Бэргойну было приказано уничтожить всех мятежников в северном Нью-Йорке, и он продемонстрировал мастерство тактика, захватив форт Тайкондерога на озере Шамплейн — почти неуязвимую твердыню бунтарей. Но от истоков реки Гудзон озеро отделяли обширные леса, по которым войска Бэргойна двигались со скоростью около мили в день. Он упустил удачу, как и одно из подразделений его армии, потерпевшее поражение при Беннингтоне.

Хорейшо Гейтс принял командование армией мятежников и получил в свое распоряжение блистательного Бенедикта Арнольда. Дважды вступив в сражение при Бемис-Хайтс, Бэргойн был разбит наголову и капитулировал в Саратогe.

Вести из Саратоги потрясли всю Англию. Капитуляция! Поражение при Саратогe перевесило все бывшие победы, на такой исход не рассчитывали ни лорд Норт, ни король. Для простых англичан капитуляция при Саратогe означала, что Англия проиграла войну, что американским мятежникам присуще то, чего лишены французы, испанцы и голландцы.

Если бы сэр Уильям Хоу двинулся к верховьям Гудзона навстречу Бэргойну, положение могло бы разительно измениться, но Хоу вместо этого предпочел вторгнуться в Пенсильванию. Он разгромил Джорджа Вашингтона при Брэндиуайне, а затем преуспел в захвате Филадельфии и Джермантауна. Американский конгресс бежал в Пенсильванию, в Йорк, который отразил натиск англичан и одержал победу. Жители Йорка просто не могли отдать свою столицу врагу, они были готовы сражаться до последнего! Что толку было в захвате Филадельфии, если правительство мятежников уже успело покинуть ее? Подобных событий еще не видывал свет.

Хотя завоевания Хоу в Пенсильвании приблизительно совпали по времени с кампаниями Бэргойна в Нью-Йорке, первые не могли конкурировать в глазах англичан с капитуляцией в Саратогe. С этого момента парламент всерьез засомневался в том, что Англия способна выиграть эту войну. Правительство лорда Норта заняло оборонительную позицию, слишком обеспокоенное событиями в Ирландии, сокращением международной торговли и разговорами о призыве добровольцев для войны с французами, союзниками американцев. Все в Лондоне понимали, что это означает! Если ирландцы решат воевать, то их противниками станут англичане. Следовательно, с ирландцами предстояло заключить перемирие, ведь армия находится на расстоянии трех тысяч миль от Англии. Но поскольку тон в палате задавали тори, осуществить этот замысел было нелегко.

Между тем экономический спад в Бристоле ощущался все острее. Французские и американские каперы продолжали бороздить моря и преуспевали в отличие от английских каперских судов; королевский флот по-прежнему находился по другую сторону океана. Всегда готовые нажиться при помощи каперов, многие бристольские богачи вкладывали кругленькие суммы в превращение торговых судов в тяжеловооруженные плавучие крепости. Английские каперы действовали на редкость успешно

во времена Семилетней войны с Францией, поэтому никто не мог и помыслить о том, что теперь удача отвернется от них.

«Однако, — писал Ричард мистеру Джеймсу Тислтуэйту во второй половине тысяча семьсот семьдесят восьмого года, — наши вкладчики серьезно просчитались. Бристоль снарядил двадцать один каперский корабль, но лишь „Тартар“ и „Александр“ вернулись с добычей — французским „Остиндийцем“ стоимостью в сто тысяч фунтов. Морская торговля сократилась настолько, что городской совет утверждает, будто доходов, приносимых портом, не хватает даже на жалованье мэру.

Город кишит грабителями. Даже на постоянный двор „Белые леди“ у заставы Ост опасно выезжать по воскресеньям. Мистера и миссис Морис Тревильян из знатного корнуэльского семейства ограбили прямо возле их особняка на Парк-стрит! У них отняли золотые часы, несколько дорогих украшений и все деньги.

Короче, Джимми, положение отчаянное».

Мистер Тислтуэйт ответил на письмо Ричарда с поразительной быстротой. Некие враждебно настроенные бристольские сплетники распускали слухи, будто в Лондоне Джимми Тислтуэйту не повезло. Поговаривали, что ему пришлось заниматься литературной поденщиной для мелких издателей и даже продавать писчие принадлежности.

«Ричард, как я был счастлив получить твоё письмо! Мне недостает тебя, а письмо отчасти заполнило эту пустоту.

Единственная разница между пиратом и капером — каперское свидетельство за подписью его величества, которому достается львиная доля добычи. Междоусобица вылилась в мировую войну. Английские форпосты подвергаются нападкам во всех уголках земного шара — впрочем, разве у шара есть углы? — даже в самых отдаленных.

Меня не удивило то, что лишь два каперских корабля вернулись домой с добычей. Тем более таких, как „Александр“ и „Тартар“, — у них подходящий размер и оснастка. Сто двадцать человек экипажа и шестнадцать орудий. Идеальное сочетание. И потом, невольничьи суда быстры и маневренны. Должны же они приносить пользу теперь, когда вывоз каторжан прекратился!

Если Бристоль в отчаянном положении, то Ливерпуль очутился на краю гибели. По размерам он не уступает Бристолу, но благотворительных учреждений в Ливерпуле вчетверо меньше. В приходах Ливерпуля насчитываются тысячи безработных, а поскольку пожертвования не поступают, их не на что кормить. Они в буквальном смысле мрут с голоду, а лорд Пенрин и его ливерпульская родня в жизни не слышали слова

„благотворительность“. Вот что случается с городами, жители которых разбогатели на торговле рабами.

Но и на востоке, в Лондоне, страдают миллионы душ, Ричард. Ост-Индская компания оказалась в стесненных обстоятельствах, к тому же она опасается французов, пользующихся поддержкой союзников-янки. Соединенные Штаты Америки! Чересчур пышный титул для союза крохотных колоний, объединившихся в силу необходимости, которая вскоре исчезнет. Могу предсказать, что в ближайшее время каждая маленькая колония двинется своим путем, а Соединенные Штаты Америки превратятся в утопию, существующую лишь в умах горстки блестящих, просвещенных, талантливых людей. Американские колонисты выиграют войну, в чем я никогда не сомневался, но затем их союз распадется на тринадцать обособленных государств, связанных лишь договором о взаимопомощи.

И еще один слух, который наверняка заинтересует тебя. Говорят, мистер Генри Крюгер, член парламента от Бристоля и сторонник американцев, получает пенсию в размере тысячи фунтов в год от короля — за сведения о делах янки. Парадокс, не так ли? В Бристоле возмущались, называя Крюгера шпионом янки, а он все это время служил Англии!

И в заключение, дорогой мой Ричард, признаюсь, что лондонский воздух тоже оказался воздухом Беотии, к которому не приспособлены мои аттические легкие. Но я живу неплохо и слишком часто напиваюсь допьяна — впрочем, здешний ром не сравнить с напитком Томаса Кейва».

Отложив письмо, Ричард задумался: судя по последнему абзацу, бристольские сплетники недалеко от истины. Бедняга Джимми! Возможности Бристоля ограничены; он надеялся отыскать новые в гигантском Лондоне, однако вскоре убедился, что город кишит собственными сатириками и не нуждается в бристольцах.

Письма, которые Джимми продолжал исправно присылать Ричарду, содержали уже известные ему новости, но Ричард не мог заставить себя признаться в этом в ответных письмах.

— О, Джимми! — воскликнул Ричард в конце тысяча семьсот восьмидесятого года, получив еще одно послание мистера Тислтуэйта. — До чего ты докатился!

«Все в этом мире пошло кувырком, Ричард. Сэр Уильям Клинтон, наш новый главнокомандующий, покинул Филадельфию, чтобы удержать Манхэттен и прилегающие области Нью-Йорка. Этим он отчасти напомнил мне лисенка, который прячется в нору задолго до того, как услышит собачий лай. Французы официально признали Соединенные Штаты

Америки и выставили себя на посмешище, поскольку меховая шапка посла Бенджамина Франклина проедена молью. Вся Европа взбудоражена тем, что русская императрица Екатерина ведет переговоры о вооруженном нейтралитете с Данией, Швецией, Пруссией, Австрией и Сицилией. Эти страны объединяет лишь страх перед англичанами и французами.

Я написал блестящую статью — и она имела успех! — о пяти тысячах пятистах „сыновьях свободы“, ^[7] взятых в плен при захвате Чарлстона сэром Генри Клинтоном. Они были потрясены мощью нашего флота! Неплохо, верно? В основе статьи лежит конкретный факт: американские офицеры не осмеливаются подвергать порке своих солдат или матросов! Воображаю себе, каково пришлось „сынам свободы“, когда английская кошка-девятихвостка начала прохаживаться по их спинам!

Кроме того, я выступил в защиту генерала Бенедикта Арнольда, дезертирство которого рассматриваю как естественное следствие этой чертовски затянутой войны. Уверен, и ему, и его товарищам-перебежчикам надоело вести борьбу за выживание. Комфорт, которым окружено английское командование, и его жалованье наверняка вызывают зависть многих американских офицеров высокого ранга — не говоря уже об английском профессионализме. Любой опытный и здравомыслящий командир испытывает досаду при виде своих оборванных, разутых солдат, раздраженных неплатежами и достаточно независимых, чтобы послать его ко всем чертям вместе с его приказами. Но не будем злословить!

Я поставил сто фунтов к десяти на то, что мятежники победят. Значит, в конце концов я разбогатею на целую тысячу фунтов. Наконец-то! Господи, Ричард, когда же кончится эта проклятая война! Парламент и король губят Англию».

Но события, развернувшиеся по другую сторону океана, за три тысячи миль от Англии, заботили Ричарда гораздо меньше, чем происходящее у него дома. Беспокойство ему внушало поведение Пег.

Причин было более чем достаточно: Пег не надеялась иметь других детей, Уильям Генри стал ее единственным утешением, а Ричард целыми днями пропадал в мастерской и не мог избавить ее от мрачных мыслей и тоски.

«Неужели с возрастом мы вынуждены навсегда расстаться с мечтами молодости? Может, их разрушает сама жизнь? И именно это случилось с Пег и со мной? Раньше я часто мечтал о коттедже в Клифтоне, среди заросшего цветами сада, о маленьком пони, чтобы ездить в Бристоль, о повозке, чтобы возить семью в Дердхэм-Даун на пикники, о дружбе с доброжелательными соседями, о десятке детишек, о тревогах и радостях,

которые они доставляют родителям, постепенно взрослея. Я был уверен, что Господь благ и милосерден, добр ко мне и ко всем людям. Но мне уже тридцать два года, а мои мечты остались мечтами. У меня есть маленькое состояние в Бристольском банке И единственный ребенок, и я обречен провести в отцовском доме всю жизнь. Мне никогда не стать себе хозяином, ибо моя жена, которую я слишком люблю, чтобы обидеть, страшится перемен. Она боится потерять свое единственное чадо. Как объяснить ей, что этот страх — искушение Божие? Давным-давно я понял, что неприятности приходят к тем, кто слишком много веселится, и что лучший способ избежать их — вести тихую жизнь, не привлекая к себе внимания».

Его любовь к Уильяму Генри неуловимо изменилась при виде болезненной привязанности Пег к сыну. Мысли о том, что ребенок заболит или заблудится, стали для нее постоянным источником страха. Если Уильям Генри переходил с шага на бег, даже в таверне, Пег останавливала его и спрашивала, куда он так торопится. Когда Дик брал Уильяма Генри на ежедневную прогулку, Пег увязывалась за ними, и мальчик был обречен идти за руку с дедушкой и матерью, которые ни на минуту не спускали с него глаз. Стоило ребенку приблизиться к пристани и начать считать корабли (а он уже умел считать до ста), Пег поспешно уводила его прочь, упрекая Дика в беспечности. Но хуже всего было то, что мальчик не сопротивлялся, даже не пытался завоевать независимость, в чем обычно преуспевают шестилетние мальчишки.

— Я поговорил с сеньором Хабитасом, — сказал Ричард однажды долгим летним вечером, когда «Герб бочара» уже закрылся. — Поток заказов для мастерской пока не иссякает, но мы настолько вошли в ритм работы, что могли бы уделить внимание новому ученику. — Он сделал глубокий вздох и взглянул в глаза Пег. — Отныне я буду брать Уильяма Генри с собой в мастерскую.

Он хотел объяснить, что это ненадолго, что мальчик отчаянно нуждается в новых впечатлениях и лицах, что ему присущи терпение и способности к механике, которые так высоко ценятся людьми, собирающими оружие. Но он не успел выговорить ни слова.

Пег разрыдалась.

— Нет, нет, нет! — пронзительно выкрикнула она с таким ужасом, что Уильям Генри вздрогнул, съежился, сполз со стула и уткнулся головой в отцовские колени.

Дик стиснул кулаки и хмуро уставился на них, поджав губы, а Мэг схватила со стойки кувшин с водой и выплеснула его содержимое в лицо

Пег. Та умолкла, хватая ртом воздух.

— Я же просто предложил, — объяснил Ричард отцу.

— Лучше бы ты промолчал, Ричард.

— Но я думал... ну, ну, Уильям Генри! — Ричард обнял сына, усадил его на колени и взглядом пресек возражения Дика. Дик считал, что его внук уже слишком взрослый, чтобы лхнуть к отцу. — Все хорошо, Уильям Генри, все хорошо.

— А мама? — пролепетал побледневший ребенок, глаза которого стали громадными.

— Мама разволновалась, но вскоре она успокоится. Видишь? Бабушка знает, что делать. Просто мне следовало промолчать. — Ричард поглаживал сына по спине, сдерживая желание рассмеяться — не от веселья, а от горечи. — Вечно я все делаю не так, отец, — добавил он. — Но я не хотел огорчить Пег.

— Знаю, — отозвался Дик и дернул за хвост деревянного кота. — Вот, выпей, — велел он, подавая Ричарду кружку. — Знаю, ты не любишь ром, но сейчас он тебе не повредит.

К собственному изумлению, Ричард обнаружил, что ром и впрямь помог ему, успокоил нервы и приглушил боль.

— Что же мне делать, отец? — спросил он немного погодя.

— Во всяком случае, не брать Уильяма Генри к Хабитасу.

— Значит, она не просто разволновалась?

— Боюсь, что так, Ричард. Но баловать его все-таки не следует.

— Кого? — вдруг вмешался Уильям Генри.

Мужчины переглянулись.

— Тебя, Уильям Генри, — решительно ответил Ричард. — Ты уже вырос, мама напрасно так беспокоится за тебя.

— Знаю, папа, — кивнул Уильям Генри, сполз с отцовских колен, подошел к матери и погладил ее по плечу. — Мама, не волнуйся. Я уже большой.

— Он еще совсем малыш! — выпалила Пег после того, как Ричард отнес ее наверх и уложил в постель. — Ричард, как тебе такое пришло в голову? Взять ребенка в оружейную мастерскую!

— Пег, мы же только собираем ружья, а не стреляем из них, — терпеливо напомнил Ричард. — А Уильям Генри уже подросток, ему необходимы... — он замялся, подыскивая слово, — новые впечатления.

Пег отвернулась.

— Вздор! Зачем ребенку, живущему в таверне, новые впечатления?

— Здесь он каждый день видит одно и то же, — возразил Ричард,

старательно пряча досаду. — Его окружают пьянство, хмельные слезы, неосторожные замечания, драки, сквернословие, похоть и отвратительная суета. Ты думаешь, что рядом с тобой все это не повредит ребенку, но не забывай: я тоже сын трактирщика, я хорошо помню, как мне претила жизнь таверны. Откровенно говоря, я обрадовался, когда меня отдали учиться в школу Колстона, а еще больше — когда стал учеником оружейника. Уильяму Генри будет полезно побыть среди трезвых, здравомыслящих людей.

— К Хабитасу ты его не возьмешь! — выпалила Пег.

— Как мне поступать, я решу сам, Пег, и без твоих советов. Но теперь я вижу, — продолжал он, садясь на кровать и кладя ладонь на плечо жены, — что нам давно пора было поговорить. Нельзя до бесконечности держать Уильяма Генри в пеленках только потому, что он наш единственный ребенок. Сегодня я понял, что ему необходимо предоставить больше свободы. Ты должна привыкнуть к тому, что Уильям Генри вырос — на следующий год мы отдадим его в школу Колстона, несмотря на все твои возражения.

— Я не отпущу его! — вскричала Пег.

— Придется. А если ты станешь противиться, Пег, значит, ты заботишься не о нашем сыне, а о самой себе.

— Знаю, знаю, знаю! — пробормотала она, закрыв лицо ладонями и раскачиваясь из стороны в сторону. — Но что я могу поделать? Кроме него, у меня больше ничего нет — и никогда не будет!

— У тебя есть я.

Минуту Пег молчала.

— Да, — наконец согласилась она. — У меня есть ты. Но это разные вещи, Ричард. Если с Уильямом Генри что-нибудь случится, я умру.

Солнце уже зашло; тонкие серые лучики света проникали сквозь щели в перегородке и паутиной ложились на лицо Ричарда Моргана, который неотрывно смотрел на жену. «Да, это не одно и то же», — думал он.

* * *

В школе Колстона получали образование сыновья большинства бристольтцев, принадлежащих к среднему классу. Эта школа была отнюдь не единственной в городе: все религиозные конфессии, кроме римско-католической, имели свои благотворительные школы, в особенности много их принадлежало англиканской церкви. Но только в двух школах ученики

были обязаны носить форму: мальчики из Колстона — синие сюртуки, а девочки из женской школы — красные платья. Обе школы были устроены при англиканской церкви, но девочкам не так повезло: их учили только читать, но не писать, зато много времени уделяли вышивке шелковых жилетов и сюртуков для знати. За эту работу классным дамам платили, а ученицам — нет. Среди бристольских мужчин было больше умеющих писать и считать, чем в любом другом английском городе, в том числе и в Лондоне. Дети из состоятельных семей получали совсем иное образование.

Сто учеников Колстонской школы находились на полном пансионе; этой участи не избежал и Ричард. Во время учебы в школе и ученичества в мастерской, с семи до девятнадцати лет, он виделся с родителями только по воскресеньям и на каникулах. Разве Пег могла согласиться на такое? К счастью, Колстонская школа предлагала и другой режим обучения: за кругленькую сумму ребенок процветающего горожанина мог посещать школу с семи утра до двух часов дня с понедельника по субботу. Разумеется, в праздники уроков не было — ни один школьный учитель не желал лишаться выходных дней, установленных англиканской церковью и самим покойным мистером Колстоном.

Для Уильяма Генри, семенящего рядом с дедом (Мэг пришлось устроить настоящий скандал, чтобы отговорить Пег сопровождать сына), первое утро в школе было важным событием, началом совершенно новой жизни, и он сгорал от любопытства. Он был бы рад побывать и в оружейной мастерской, но крепостные стены, которыми окружила его мать, оставались неприступными, хотя мальчик уже давно устал от однообразия. Более пылкий и порывистый ребенок не раз попытался бы взять эти стены штурмом, но Уильям Генри унаследовал отцовские терпение и сдержанность. Его девизом стало слово «ждать». И вот теперь наконец ожидание кончилось.

Колстонская школа для мальчиков немногим отличалась от двух десятков других благотворительных заведений, называемых домами призрения, больницами или работными домами: она выглядела мрачно, была неопрятной, стекла в ее окнах никогда не мыли, штукатурка потрескалась, балки расслоились. Сырость пропитывала ее от фундамента до дымоходов времен Тюдоров, внутренние помещения не предназначались для учебы, а вонь расположенного неподалеку Фрума вызывала тошноту у всех, кроме коренных бристольтцев.

На школьном дворе резвилась толпа мальчишек, половина которых была одета в синие форменные сюртуки. Как приходящий ученик, Уильям Генри не был обязан носить форму. Кроме него, на положении приходящих

учеников находилось несколько сыновей олдерменов или членов гильдии купцов, не желавших признаваться, что их отпрыски учатся в благотворительном заведении.

Рослый тощий мужчина в черном костюме и накрахмаленном белом галстуке священника приблизился к Дику и Уильяму Генри, обнажая в улыбке гнилые почерневшие зубы.

— Преподобный Причард, — с поклоном произнес Дик.

— Мистер Морган. — Переведя взгляд на Уильяма Генри, священник слегка приподнял брови. — Это сын Ричарда?

— Да, это Уильям Генри.

— Тогда идем, Уильям Генри. — И преподобный Причард зашагал по двору, не оглядываясь.

Уильям Генри торопливо последовал за ним, ошарашенный хаосом, царившим во дворе.

— Вам повезло, — заметил наставник приходящих учеников, — ваш день рождения совпал с началом учебы, мастер Уильям Генри Морган. Для начала вы изучите алфавит и таблицы сложения. Вижу, вы принесли с собой грифельную доску. Отлично.

— Да, сэр, — отозвался Уильям Генри, чьи манеры были безупречны.

Это были его последние осознанные слова — до самого обеда мальчик пребывал в смятении. Он совсем растерялся. Сколько правил, и все до единого совершенно бессмысленны! Встать прямо. Сесть. Опуститься на колени. Читать молитву. Повторять слова. Как задавать вопросы, когда их задавать нельзя. Кто что сделал и с кем. Когда случилось то, а когда — это...

Занятия проходили в просторной комнате, вмещающей сотню учеников школы Колстона; несколько наставников переходили от одного класса к другому или распекали один класс, не заботясь о том, чем занимаются другие. Уильяму Генри Моргану необычайно повезло: как только начались трудные времена, его дедушка, не занятый привычными делами, принялся учить его алфавиту и даже простым действиям арифметики. Если бы не домашние уроки, первый день в школе ошеломил бы мальчугана.

Преподобный Причард присутствовал в комнате, но не давал уроки. Уильяма Генри определили в класс, наставником которого был мистер Симпсон, и вскоре мальчику стало ясно, что среди подопечных у мистера Симпсона есть любимчики и те, кого он терпеть не может. Этот поджарый мужчина с сальной кожей и брезгливым выражением лица недолюбливал мальчишек, которые громко шмыгали носом и вытирали нос кулаком, или

тех, на пальцах которых виднелись липкие коричневые пятна, означающие, что их обладатели пользуются руками при отправлении естественных надобностей.

Уильям Генри охотно выполнял приказы наставника — сидеть смирно, не вертеться, не раскачиваться на скамье, не вытирать нос, не шмыгать, не болтать. Поэтому мистер Симпсон обратил на него внимание лишь на минуту, чтобы спросить его имя и сообщить, что, поскольку в Колстонской школе уже есть два Моргана, Уильяма Генри будут называть Морган Третий. Другой мальчик, которому задали тот же вопрос и дали тот же ответ, сгруппировался и запротестовал, вовсе не желая быть Картером-младшим. За это он получил четыре сильных удара тростью: один за то, что забыл произнести «сэр», второй — за дерзость, а еще два — на всякий случай.

Трость внушала страх, с таким орудием Уильям Генри еще не успел познакомиться. В сущности, за семь лет жизни его ни разу даже не отшлепали. Поэтому он мысленно поклялся, что никогда не даст наставникам Колстона повод подвергнуть его порке. Часы пробили одиннадцать, ученики расселись на скамьях за длинными столами в школьной столовой, и тут Уильям Генри узнал, кто из них лучше всего знаком с тростью — болтуны, непоседы, грязнули, тупицы, наглецы и те, кто просто не мог удержаться от скверных поступков.

Ни в классе, ни в столовой Уильям Генри старался не приближаться к товарищам, но вскоре обратил внимание на мальчика, сидящего неподалеку, — он казался жизнерадостным, но не слишком дерзким, и потому его ни разу не наказывали и не бранили. Взглянув на незнакомца, Уильям Генри улыбнулся так, что один из наставников затаил дыхание и замер.

Едва увидев улыбку новичка, маленький незнакомец оттолкнул с дороги соученика. Тот шлепнулся на пол, был поднят за ухо и уведен к столу наставников, стоящему на помосте в глубине громадной гулкой комнаты.

— Я Монктон-младший, — сообщил мальчик, улыбаясь так, что Уильям Генри увидел дырку на месте выпавшего зуба. — Учусь здесь с февраля.

— Морган Третий, поступил сегодня, — шепотом отозвался Уильям Генри.

— Его преподобие уже объявил, что в столовой можно говорить громче. Должно быть, твой отец богат, Морган Третий.

Уильям Генри оглядел синий сюртук Монктона-младшего и задумчиво склонил голову.

— Вряд ли, Монктон-младший. Во всяком случае, он не слишком богат. Он учился здесь и тоже носил синий сюртук.

— Вот оно что! — Поразмыслив, Монктон-младший кивнул. — Твой отец еще жив?

— Да. А твой?

— Нет, как и моя мать. Я сирота. — Монктон-младший склонил голову, его ярко-голубые глаза влажно блеснули. — А как тебя нарекли при крещении, Морган Третий?

— У меня два имени — Уильям Генри. А как зовут тебя?

— Джонни. — На лице Монктона-младшего появилось заговорщицкое выражение. — Я буду звать тебя Уильямом Генри, а ты меня — Джонни, но только когда нас никто не слышит.

— А разве это запрещено? — спросил Уильям Генри, продолжающий постигать школьные правила.

— Нет, просто не одобряется. А я терпеть не могу быть младшим!

— А мне не нравится быть третьим. — Уильям Генри виновато перевел взгляд на помост, где его товарища по скамье угощали розгами — орудием пострашнее трости, тем более что порка занимала больше времени и наказанный был вынужден или стоять до конца дня, или беспокойно ерзать на табурете. Встретившись глазами с учителем, сидящим рядом с мистером Симпсоном, Уильям Генри заморгал и потупился, сам не зная почему.

— Кто это такой, Джонни?

— Рядом с директором? Старина Рок, мистер Причард.

— Нет, с другой стороны, рядом с мистером Симпсоном.

— Мистер Парффри. Он преподает латынь.

— А у него есть прозвище?

Монктон-младший ухитрился так завернуть вверх губу, что достал ею до кончика вздернутого носа.

— Если и есть, то мы его не знаем. Латыни учат старших.

Тем временем мистер Парффри и мистер Симпсон беседовали об Уильяме Генри.

— Вижу, Нед, в твоем стаде появился Ганимед.

Мистер Эдвард Симпсон мгновенно понял, о ком идет речь.

— Морган Третий? Видел бы ты его глаза!

— Непременно посмотрю. Но даже отсюда видно, как он обаятелен. Воистину Ганимед — эх, стать бы Зевсом!

— К тому времени, Джордж, как ты начнешь мучить его латынью, он станет старше на два года и будет таким же неряшливым, как они все, —

отозвался мистер Симпсон, привередливо ковыряя еду, которая, кстати, была более съедобной, чем пища для учеников. В семье мистера Симпсона болезни передавались из поколения в поколение, сокращая жизни.

Эта беседа вовсе не свидетельствовала о тайных пороках, а просто была симптомом незавидной участи учителей. Джордж Парффри мечтал стать Зевсом, но так же тщетно он мог бы грезить об удаче Роберта Наджента, ныне графа Наджента. Среди школьных учителей было немало потомков обедневшей знати. Для мистера Симпсона и мистера Парффри работа в школе Колстона стала неслыханной синекурой: им платили фунт в неделю — но не во время каникул, — а также круглый год предоставляли стол и жилье. Поскольку экономеры Колстона закупали отличную еду (директор слыл истинным эпикурейцем), а каждый учитель имел собственную комнату, у них не было причин искать новое место — разумеется, если им не предлагали работу в Итоне, Хэрроу или Бристольской средней школе. Брак лишь усложнял положение наставника, о нем не могло быть и речи, пока учителя не добивались особого разрешения или повышения в должности; впрочем, браки не запрещались, но никто и не помышлял о том, чтобы поселить жену и детей в учительской комнатухе при школе. И кроме того, ни мистер Симпсон, ни мистер Парффри не питали пристрастия к прекрасному полу. Они предпочитали себе подобных, а именно — друг друга. Однако чувства таились лишь в душе бедняги Неда Симпсона, а Джордж Парффри всецело принадлежал себе, не отвечая ему взаимностью.

— Может, сходим к горячим источникам в воскресенье, после службы? — с надеждой спросил мистер Симпсон. — Воды мне полезны.

— При условии, что я смогу взять с собой краски, — отозвался мистер Парффри, по-прежнему не отрывая глаз от Уильяма Генри Моргана, который с каждой минутой оживлялся и хорошел. Мистер Парффри скорчил гримасу. — Ума не приложу, чем тебе могут помочь эйвонские помои, но если ты не станешь мешать мне наслаждаться покоем возле скал Сент-Винсента, я составлю тебе компанию. — Он вздохнул. — О, как бы я хотел написать портрет этого ангелочка!

Направляясь в школу за Уильямом Генри, Ричард боролся с тревогой. Что, если перепуганный малыш будет умолять отца не отправлять его завтра в школу?

Но его опасения оказались напрасными. Ричард сразу отыскал взглядом сына, который со смехом бежал по двору, перебрасываясь шутками со своим ровесником в синем сюртуке, светловолосым и болезненно худым пареньком.

— Папа! — Уильям Генри бросился к отцу, товарищ последовал за ним. — Папа, это Монктон-младший, но я зову его Джонни, когда нас никто не слышит. Он сирота.

— Как дела, Монктон-младший? — приветливо спросил Ричард, на которого нахлынули воспоминания о собственной учебе в Колстоне. Он тоже был Морганом-младшим, а когда ему минуло одиннадцать, его переименовали в Моргана-старшего. И только лучший друг звал его Ричардом. — Я спрошу у преподобного Причарда, можно ли пригласить тебя к нам на обед в воскресенье, после церковной службы.

Ричарду казалось, что прежний Уильям Генри бесследно исчез, а рядом с ним очутился маленький незнакомец. Новый Уильям Генри никак не мог идти спокойно — он приплясывал и подпрыгивал, что-то напевая себе под нос.

— Значит, в школе тебе понравилось, — с улыбкой заключил Ричард.

— Там замечательно, папа! Можно бегать и кричать!

На глаза Ричарда навернулись слезы, он поспешно сморгнул их.

— Но, надеюсь, не в классе.

Уильям Генри укоризненно взглянул на него.

— Папа, в классе я сущий ангел! Меня еще ни разу не били тростью. А многих мальчиков то и дело колотят, а один лишился чувств, когда получил тридцать ударов. Тридцать — это ужасно много. Но я понял, что надо делать, чтобы меня не били.

— Правда? И что же?

— Вести себя тихо и писать как следует.

— Да, Уильям Генри, этот прием мне хорошо известен. А старшие мальчики не обижали вас на переменах?

— Когда застали нас в уборной?

— А они по-прежнему ловят малышей в уборной?

— Нас поймали. Но я нарисовал на стене уборной каракули большой какашкой — Джонс-старший покакал мне прямо на ладонь, хотя почти все свалилось, — и меня отпустили. Джонни говорит, что больше меня не тронут. Обижают только тех, кто ревет и пытается удрать. — И он высоко подпрыгнул. — А пальцы я вытер о сюртук. Видишь?

Сжав губы, Ричард осмотрел бурое пятно на новеньком сером сюртуке Уильяма Генри и несколько раз судорожно сглотнул. «Только не смейся, Ричард, ради Бога, не смейся!»

— На твоём месте, — помедлив, начал он, — я не стал бы рассказывать об этом маме. И не показывай ей, обо что вытер руки. А я попрошу бабушку отчистить пятно.

Когда Ричард ввел сына в «Герб бочара», на его лице застыло торжествующее выражение, которое заметил лишь его отец. Пег запричитала, схватила присмирившего Уильяма Генри в объятия и осыпала его лицо поцелуями. Но мальчуган вырвался.

— Мама, не надо! Я уже большой мальчик. Дедушка, сегодня мне было так весело! Я десять раз обежал вокруг двора, упал и разбил коленку, написал целую строчку букв «А» на грифельной доске, а мистер Симпсон сказал, что я не по годам прилежен и скоро он переведет меня в следующий класс. А что толку? Следующий класс учит тоже он и в той же комнате. Мама, с коленкой ничего не случилось! Не волнуйся!

Остаток дня Ричард сколачивал доски, чтобы отгородить для Уильяма Генри собственную комнату в глубине спальни, где уже давно стояла его кровать. За работой он успокоился; судя по шуму из зала, Уильям Генри рассказывал каждому новому посетителю таверны, как он провел первый день в школе. Он болтал без умолку — Уильям Генри, от которого прежде нельзя было добиться и двух слов подряд!

По отношению к Пег Ричард ощущал жалость, умеренную ледяным ветром здравого смысла. Уильям Генри вылетел из гнезда, вернуть прошлое невозможно. Но как он сумел всего-навсего за один день забыть о привычках, складывавшихся годами? Один день просто не мог принести столько новых мыслей, из-за которых поведение мальчика в корне изменилось. Значит, Уильям Генри все-таки отнюдь не святой. Слава Богу, он обычный мальчишка.

Все это Ричард пытался объяснить Пег, но безуспешно. Несмотря на все уговоры, Пег наотрез отказывалась смириться с тем, что ее сын ожил и теперь радуется знакомству с большим миром. Утешения она искала в слезах, погружаясь в мрачную пучину подавленности, которая приводила в отчаяние Ричарда. Он устал от рыданий жены, не имел представления о всей глубине ее горя, о том, как остро она сознает, что не сумела выполнить важнейшую задачу, возложенную на женщину, — рожать детей. Успокаивая жену, Ричард ни разу не потерял терпение, но день, когда он застал Пег с кружкой рома, оказался для него серьезным испытанием.

— Здесь тебе не место, — ласково произнес он. — Позволь мне купить дом в Клифтоне, пожалуйста.

— Нет, нет, нет! — закричала она.

— Дорогая, мы женаты уже четырнадцать лет, все это время ты была мне не только женой, но и другом, однако мое терпение на исходе. Не знаю, что с тобой происходит, но ром тебе не поможет.

— Оставь меня в покое!

— Не могу, Пег. Отец недоволен, но это еще не самое худшее. Уильям Генри достаточно подрос, чтобы понимать, что мама ведет себя странно. Прошу тебя, будь умницей ради нашего сына.

— Уильяму Генри нет до меня дела, почему же я должна беспокоиться о нем? — возразила она.

— Пег, это неправда!

И так продолжалось до бесконечности: ни уговоры, ни терпение Ричарда, ни раздражение Дика не могли образумить Пег. Впрочем, она перестала пить ром, когда Уильям Генри напрямик спросил ее, почему она пошатывается. Прямота сына изумила ее.

— Уж не знаю почему, — позднее сказал Дик Ричарду. — Ведь Уильям Генри — сын трактирщика.

В конце февраля тысяча семьсот восемьдесят второго года мистер Джеймс Тислтуэйт прислал с курьером письмо Ричарду.

«Пишу тебе в ночь на двадцать седьмое, дружище. Я стал богаче на тысячу фунтов, выплаченных банком моей беспомощной жертвы. Все кончено! Сегодня парламент проголосовал за прекращение наступательных военных действий против тринадцати колоний, вскоре войска будут отозваны.

Я склонен винить во всем меховую шапку Франклина. Лягушатники оказались преданными союзниками, особенно адмирал де Грасс и генерал де Рошамбо, а значит, примирение с ними возможно, если мы сумеем привыкнуть к образу мысли французов. Джордж Вашингтон и лягушатники долго сжимали кольцо вокруг Йорктауна, но лично я думаю, что последней каплей для парламента стала капитуляция лорда Корнуоллиса. Да, понимаю — Клинтон слишком хорошо проводил время в Нью-Йорке, чтобы броситься на выручку Корнуоллису, известно мне и то, что французский флот помог Вашингтону и сухопутной армии лягушатников захватить Йорктаун, но этим не смыть такой позор, как капитуляция. Бэргойн опять проиграл. Лондон пристыжен.

Оповести об этом всех, Ричард, поскольку мой курьер доберется до Бристоля первым, и не забывай упоминать, что твой осведомитель — Джеймс Тислтуэйт, бывший бристонец.

Хочешь знать, как я намерен распорядиться тысячей фунтов? Куплю большую бочку рома у Томаса Кейва — в такую бочку вмещается сто пять галлонов! А еще побываю в „Зеленой корзине“ на Хаф-Мун-стрит и накуплю кучу самых тонких кондомов от миссис Филлипс. Все лондонские потаскухи больны сифилисом и триппером, а миссис Филлипс снабжает нас самым ценным изобретением в мире — разумеется, не считая рома.

Завернув в него свою сахарную палочку, я смогу развлекаться напропалую, ничем не рискуя».

На следующий год, в марте тысяча семьсот восемьдесят третьего, сеньору Томасу Хабитасу пришлось отпустить Ричарда из мастерской. К тому времени в Бристольском банке у Ричарда скопилось три тысячи фунтов, из них он не потратил ни единого пенни. На что ему было тратить эти деньги? Пег наотрез отказывалась переселиться в Клифтон, а отец, которого Ричард уговаривал арендовать постоянный двор «Вороняя лошадь» в Клифтоне, твердил, что ему хорошо и в «Гербе бочара». Дик откровенно объяснил, что тратил далеко не каждый грош из тех двенадцати шиллингов в день, которые Ричард платил ему последние семь лет. Дик мог позволить себе переждать трудные времена на прежнем месте, на Брод-стрит, ни в чем не нуждаясь.

Война в Америке завершилась, спустя некоторое время был заключен мирный договор, но процветание не вернулось. Отчасти виной тому были беспорядки в парламенте, где Чарлз Джеймс Фокс и лорд Норт подняли шум из-за концессий, которые лорд Шелберн якобы незаконно предоставил американцам. Никто не заботился о таких мелочах, как управление страной. В Вестминстере то и дело бушевали скандалы, члены временных правительств вели закулисные игры, а истина заключалась в том, что ни один из них, включая полупомешанного короля, не знал, как быть с военным долгом в размере двухсот тридцати двух миллионов и с сокращением доходов.

Среди бристольских матросов начали вспыхивать голодные бунты. Матросам платили тридцать шиллингов в месяц, притом только во время рейсов. На берегу они не получали ни фартинга. Положение стало таким отчаянным, что мэр сумел уговорить судовладельцев платить матросам по пятнадцать шиллингов в месяц даже во время простоя кораблей. В тысяча семьсот семьдесят пятом году пошлину мэру уплачивали пятьсот двадцать девять судов, к тысяча семьсот восемьдесят третьему году их количество сократилось до ста двух. Поскольку большинство этих кораблей было приписано к Бристолю и стояло на якоре у причалов и доков, а также ниже по течению реки, несколько тысяч матросов стали силой, с которой приходилось считаться.

Десять тысяч из сорока тысяч жителей Ливерпуля существовали только за счет скудных благотворительных фондов города, а в Бристоле местный налог в пользу бедных достиг ста пятидесяти процентов. У корпорации и гильдии купцов не осталось другого выхода, кроме распродажи имущества. Новые строгие правила были введены, чтобы

остановить приток крестьян в Бристоль, где при церквях их хотя бы кормили. Тех, кого уличали в мошенничестве, публично пороли у позорных столбов и выгоняли из города, но тем не менее численность населения города росла быстрее, чем уровень воды в Эйвоне в час прилива.

— Ты слышал, Дик? — спросил кузен Джеймс-аптекарь, зайдя в таверну по дороге домой из лавки. Он помахал рукой, разгоняя завесу дыма. — О'недовольстве осужденных из Ньюгейта? Их больше не в состоянии кормить на два пенса в день — ведь четырехфунтовая булка стоит шестнадцать пенсов!

— Тех, кто еще ждет приговора, кормят на пенни в день, — напомнил Дик.

— Я зайду к булочнику Дженкинзу и попрошу послать в тюрьму столько хлеба, сколько понадобится. А еще сыра и требухи.

Дик хитро усмехнулся:

— Значит, Джим, ты перестал сыпать шиллинги в их протянутые руки?

Кузен Джеймс-аптекарь покраснел.

— Да, ты был прав, Дик. Все полученные деньги они пропивали.

— И всегда будут пропивать. А отправив им хлеб, ты поступишь разумно. Только позаботься о том, чтобы твоему примеру последовали другие.

— Как живет Ричард с тех пор, как он остался без работы? Я давно его не видел.

— Неплохо, — коротко отозвался отец Ричарда. — А причина, по которой он прячется, лежит наверху, в постели.

— Навеселе?

— Нет, что ты! Она завязала после того, как Уильям Генри напрямик спросил ее, зачем она пьет ром. — Дик пожал плечами. — Когда Уильяма Генри нет дома, она лежит в постели и смотрит в никуда.

— А когда Уильям Генри дома?

— Она ведет себя пристойно. — Хозяин таверны нахмурился и сердито сплюнул в опилки. — Ох уж эти женщины! Странные они существа, Джим.

Перед мысленным взором кузена Джеймса-аптекаря возникли лица его истерички-жены и двух дурнушек дочерей, старых дев. Он криво усмехнулся и кивнул.

— Я часто думаю о том, зачем Бог наделяет иных людей лошадиными лицами, — заметил он.

Дик расхохотался.

— Вспомнил о девочках, Джим?

— Они уже давно не девочки, их последние надежды обратились в дым. — Он поднялся. — Жаль, что я не застал Ричарда. Я надеялся увидеть его здесь, как в прежние времена, пока он не вернулся к Хабитасу.

— Прежние времена миновали — надо ли напоминать об этом? Оглядишься вокруг! Таверна пуста, пристань кишит оборванными матросами. А как добродетельны стали наши прихожане, городская беднота, каким праведным негодованием они пылают! Они забрасывают камнями несчастных, привязанных к позорным столбам, вместо того чтобы сочувствовать им. — Дик грохнул кулаком по столу. — Зачем нам понадобилось вести войну за три тысячи миль от дома? Почему мы просто не предоставили колонистам вожделенную свободу? Надо было пожелать им удачи и заняться своими делами или начать войну с Францией. Страна погибла, и все во имя идеи. Притом не нашей идеи.

— Ты не ответил мне. Если у Ричарда нет работы, где же он? И где Уильям Генри?

— Ушли гулять вдвоем, Джимми. Как всегда, в Клифтон. Они идут вверх по Пайп-лейн, затем по Фрог-лейн, через Брэндон-Хилл к Клифтон-Хиллу, подолгу смотрят на коров и овец у Клифтонского пруда и возвращаются обратно по берегу Эйвона, где бросают в воду камушки и смеются без умолку.

— Об этом рассказал тебе Уильям Генри?

— Ричард ничего мне не рассказывает, — мрачно отозвался Дик.

— У вас с ним нет ничего общего, — вздохнул кузен Джеймс-аптекарь, направляясь к двери. — Такое случается. Благодарю Бога за то, что Ричард и Уильям Генри похожи друг на друга, как горошины из одного стручка. Это... — он опять вздохнул, — прекрасно.

* * *

В следующее воскресенье, после душеспасительной проповеди кузена Джеймса-священника, Ричард и Уильям Генри пешком отправились к горячим источникам Клифтона.

Лет двадцать назад высшее общество предпочитало бристольтские воды Бату; постоянные дворы Дауэри-плейс, Дауэри-сквер и Хотуэллс-роуд переполняли элегантные приезжие в роскошном облачении, джентльмены в пудренных париках и расшитых кафтанах, в башмаках на высоких каблуках, ведущие под руку увешанных драгоценностями дам. Здесь устраивались

балы и званые вечера, приемы и рауты, концерты и прочие увеселения, даже театральные представления в старом клифтонском театре на Вуд-Уэллс-лейн. За короткое время это подобие Воксхолл-Гарденз повидало немало маскарадов, интриг и скандалов, авторы романов отправляли своих героинь в Хотуэллс, а известные врачи расхваливали целебные свойства местных вод.

А потом курорт начал утрачивать свою прелесть — слишком медленно, чтобы совсем исчезнуть, но достаточно быстро, чтобы зачахнуть. Его сотворила мода, и она же развенчала его. Элегантные приезжие устремились в Бат или Челтенхэм, а Бристолю осталось только вывозить из города минеральные воды в бутылках.

Это вполне устраивало Ричарда и Уильяма Генри, ибо за все воскресенье им попало не больше десятка гуляющих. Мэг снабдила их холодным обедом — жареной курицей, хлебом, маслом, сыром и ранними яблоками, присланными ее братом с бедминстерской фермы. Ричард уложил снесь в солдатский мешок, туда же отправил флягу легкого пива и закинул мешок за плечо. Отец и сын отыскиали уединенное местечко за квадратной громадой Хотуэллс-Хауса, который возвышался на плоской каменной скале высоко над уровнем прилива, в конце ущелья, прорезанного водами Эйвона.

Уголок и вправду был живописным: скалы Сент-Винсент и утесы ущелья изобиловали красными, сливовыми, розовыми, коричневыми, серыми и беловатыми тонами, воды реки имели оттенок голубоватой стали, а кроны деревьев скрывали из виду даже трубы медеплавильного завода мистера Кодрингтона.

— Папа, ты умеешь плавать? — спросил Уильям Генри.

— Нет. Потому мы и сидим здесь, а не на берегу реки, — отозвался Ричард.

Уильям Генри окинул реку задумчивым взглядом; как раз начинался прилив, поток бурлил, быстро поднимаясь.

— Вода движется, будто живая.

— Можно сказать и так. Она голодна, никогда не забывай об этом. Вода способна утащить тебя и поглотить целиком, и больше ты никогда не увидишь солнца. Поэтому старайся не приближаться к ней, ясно?

— Да, папа.

Покончив с обедом, отец и сын растянулись на траве, подложив под головы свернутые сюртуки. Ричард прикрыл глаза.

— Симпсона больше нет, — вдруг произнес Уильям Генри.

Его отец приоткрыл один глаз.

— Неужели ты не можешь помолчать хотя бы минуту?

— Сейчас — нет. Симпсона больше нет.

Смысл его слов наконец-то дошел до Ричарда.

— Ты хочешь сказать, больше он не будет вас учить? Что ж, этого и следовало ожидать — ты ведь уже перешел в третий класс.

— Папа, он умер! Летом, пока мы были на каникулах. Джонни говорит, что он был серьезно болен. Директор попросил епископа взять его в один из приютов, но епископ ответил, что приюты предназначены не для больных, а для... забыл это слово.

— Для нуждающихся?

— Да, для нуждающихся! Его увезли в больницу Святого Петра. Джонни рассказывал, что Симпсон страшно кричал.

— Я бы тоже не стал молчать, если бы меня увозили в больницу Святого Петра, — с чувством отозвался Ричард. — Бедняга... Но почему ты до сих пор молчал?

— Я забыл, — уклончиво ответил Уильям Генри, перевернулся с боку на бок, вонзая каблуки в траву, глубоко вздохнул, хлопнул в ладоши, снова перевернулся и начал выкапывать из земли приглянувшийся ему камень.

— Пора идти, сынок, — произнес Ричард, поднимаясь, заталкивая оба сюртука в солдатский мешок и взваливая его на плечо. — Может, поднимемся на Грэнби-Хилл и осмотрим грот мистера Голдни?

— Да, папа, пожалуйста! — воскликнул Уильям Генри, вскакивая на ноги.

«Эти двое выглядят так, словно им нет дела до остального мира, — размышлял мистер Джордж Парффри, скрытый из виду живой изгородью. — И должно быть, миру тоже нет до них никакого дела». Мальчик был приходящим учеником школы; его одежда и одежда Ричарда отнюдь не поражала великолепием, но мистер Парффри обратил внимание на добротную тонкую ткань, необтрепанные, аккуратные полы, блеск серебряных пряжек на башмаках и независимые манеры отца и сына.

Разумеется, мистер Парффри знал отца Морган Третьего; в Колстонской школе слухи распространялись мгновенно, в комнате для наставников платным ученикам все усерднее перемывали косточки, поскольку больше говорить было не о чем. Партнером Ричарда Морган был еврей, который сколотил состояние на американской войне. Мистер Парффри редко встречал более миловидных мальчиков, чем Морган Третий, который к тому же был ничем не испорчен и не избалован. По правде говоря, он даже не сознавал, что красота способна помочь ему разбогатеть.

Должно быть, мужчина рядом с Морганом Третьим — это его отец.

Они слишком похожи, чтобы быть дальними родственниками. На коленях мистера Парффри лежал альбом, на одной из страниц которого он успел нарисовать отца и сына, отдыхающих близ Эйвона. Рисунок удался. Сам Джордж Парффри был привлекательным человеком, и в молодости именно смазливость помешала ему стать учителем рисования дочерей какого-нибудь богача. Ни один богач в здравом уме не согласился бы нанять юного красавца в учителя своим наследницам — ведь девицам так легко вскружить голову.

Сердце Джорджа Парффри никому не принадлежало, но, как ни странно, ему недоставало бедняги Неда Симпсона; остальные учителя Колстонской школы уже давно разбились на пары и не собирались изменять прежним друзьям. С тех пор как Неда увезли в больницу, где он вскоре и умер, Джордж Парффри тосковал в одиночестве. Ни директор, ни епископ, ни преподобный мистер Причард не одобряли «греческую» любовь — у каждого была жена и, если верить слухам, любовница. Все, кто заводил тайные связи в стенах Колстонской школы, подвергали себя чудовищной опасности. К учителям относились пренебрежительно, их способностями и познаниями никто не интересовался. Их брали на работу по рекомендации попечительского или церковного комитета, влиятельного священника, олдермена, члена парламента. Никто из этих видных лиц не одобрял однополую любовь, даже тщательно скрываемую от посторонних глаз. Все решали спрос и предложение. Матросы могли напиваться до полусмерти, чертыхаться и ввязываться в драки, не пропускать ни одной юбки в каждом порту — от Бристоля до Вампоа и все-таки пользовались репутацией добросовестных работников, а их пьянство, драчливый нрав и распутство не беспокоили владельцев кораблей. То же самое относилось к юристам и счетоводам. А школьные учителя считались неходовым товаром. Никаких попоек, драк и, Боже упаси, плотской любви! Особенно в благотворительной школе.

Мистер Парффри подумывал о том, чтобы поискать другое место, но вскоре понял, что ему не на что рассчитывать. Его мирок слишком мал, чересчур тесен. Его карьера завершится в Колстонской школе, после чего епископ милостиво согласится поместить его в приют. Джорджу Парффри уже минуло сорок пять лет, большую часть жизни он провел в благотворительном заведении Колстона.

Он уложил альбом в саквояж и покинул берег Эйвона, продолжая размышлять о Моргане Третьем и его отце. Как ни странно, отец обладал миловидностью сына, однако не приковывал к себе взгляды.

После того как каникулы Уильяма Генри кончились, а у Ричарда прибавилось свободного времени, ему было сделано заманчивое предложение. Кузен Джеймс-аптекарь посоветовал ему разумно распорядиться тремя тысячами фунтов — ни к чему оставлять деньги в банке квакеров, если их можно вложить в солидное дело, убеждал предприимчивый представитель клана Морганов.

С мистером Томасом Латимером Ричард познакомился, зайдя вместе с Уильямом Генри в мастерскую к Хабитасу. За семь лет изготовления «смуглых Бесс» сеньор Хабитас скопил кругленькую сумму и мог бы удалиться от дел, но он слишком любил свое ремесло, чтобы забросить его. Хабитас поместил в «Бристольском журнале» Феликса Фэрли объявление о том, что он изготавливает на заказ охотничьи ружья, и вскоре у него появились первые состоятельные клиенты и возможность развеять скуку.

Представив гостей друг другу, Хабитас объяснил, что мистер Латимер — мастер совсем иного рода: он делает насосы.

— Преимущественно ручные, но сейчас суда переходят на насосы с цепным приводом, и я получил контракт Адмиралтейства на изготовление самих цепных приводов, — жизнерадостно добавил мистер Латимер. — Ручным насосом можно перекачать самое большее тонну воды за неделю, а насос с цепным приводом перекачивает ту же тонну воды за считанные минуты. Не говоря уже о том, что его основой служит простая деревянная конструкция, которую способен изготовить корабельный плотник! Чтобы завершить работу, ему потребуется всего лишь медная цепь.

Ричард слушал внимательно, мистер Томас Латимер сразу завоевал его расположение. С виду он вовсе не походил на инженера, был невысоким, полноватым и улыбчивым — никаких нахмуренных бровей Вулкана или стальных мышц кузнеца!

— Я приобрел медеплавильный завод Уосборо на Нэрроу-Уайн-стрит, — объяснил Латимер. — Говорю об этом только потому, что там находится одна из трех пароатмосферных машин Уосборо.

Разумеется, Ричард знал, что такое пароатмосферная машина. После того как его сын снова начал ходить в школу и с семи до двух часов Ричард оказался предоставленным самому себе, он узнал много нового об этом замечательном изобретении.

Пароатмосферная машина, прозванная «огненной», была изобретена Ньюкоменом в начале века для откачки воды из угольных шахт Кингсвуда и

приведения в движение водяных колес на медеплавильных заводах Уильяма Чемпиона, расположенных на берегу Эйвона, близ шахт. Потом Джеймс Уатт изобрел отдельный конденсатор пара, повысив производительность машины Ньюкомена настолько, что ему удалось заинтересовать своим изобретением бирмингемского железного и стального, магната Мэтью Болтона. Уатт стал партнером Болтона, им двоим принадлежала монополия на производство паровых машин — благодаря ряду судебных процессов, устраняющих конкурентов; ни одному изобретателю не удавалось включить запатентованный паровой конденсатор Уатта в свою конструкцию.

А затем Мэтью Уосборо, человек лет двадцати пяти, познакомился с юношей из Бристоля по фамилии Пикар. Уосборо создал механизм, состоящий из блоков и маховика, Пикар изобрел кривошип, и с помощью этих трех устройств возвратно-поступательное движение паровой машины удалось преобразовать в циркуляционное. Теперь движущая сила перемещалась не туда и обратно, а по кругу.

— Водяные колеса вращаются и заставляют вращаться механизмы, — объяснял Томас Латимер, проводя обливающегося потом Ричарда между плавильными печами, горнами, токарными станками, прессами, среди дыма и шума. — А эта штука, — продолжал Латимер, указывая рукой, — способна заставить механизмы вращаться самостоятельно.

Ричард уставился на пылящее чудовище в окружении работающих станков, которые превращали медные чушки в полезные детали кораблей. Железо на судах не применялось: соленая морская вода разъедала его.

— Может, выйдем отсюда? — прокричал Ричард, у которого заложило уши.

— Соединив блоки и маховик с кривошипом, Уосборо и Пикар в буквальном смысле слова упразднили водяное колесо, — продолжил Латимер, едва они вышли на берег Фрума недалеко от Уира, излюбленного места прачек. — Это блестящее изобретение, благодаря ему отпала необходимость строить предприятия на берегах рек. Если уголь обходится дешево, как здесь, в Бристоле, пар работает лучше воды — при наличии циркуляционного двигателя.

— Но почему же я никогда не слышал об Уосборо и Пикаре?

— Потому что Джеймс Уатт подал на них в суд — за применение в паровой машине запатентованного им парового конденсатора. Кроме того, Уатт обвинил Пикара в похищении у него идеи кривошипа, а это явный вздор. Уатт решил проблему циркуляционного движения с помощью реечной передачи, назвав ее «движением Солнца и планет», однако это

чертовски сложное и медленно действующее устройство. Едва увидев патент на кривошип Пикара, он понял, что ошибался, но не захотел признать поражение.

— Понятия не имел, что инженеры так ожесточенно соперничают друг с другом. И что же было дальше?

— Так и не сумев получить правительственный подряд на строительство Тиельшцы в Дептфорде, Уосборо умер от отчаяния — ему было всего двадцать восемь лет, а Пикар бежал в Коннектикут. Но мне удалось обойтись без парового конденсатора Уатта, поэтому я намерен начать производство машин Уосборо — Пикара прежде, чем истечет срок их патентов и Уатт приберет их к рукам.

— Трудно поверить, что умнейший человек мира способен на такое, — заметил Ричард.

— Джеймс Уатт, — без улыбки отозвался Томас Латимер, — испорченный, расчетливый шотландец без особых способностей, зато с громадным самомнением! Если какое-нибудь изобретение и существует, то оно должно принадлежать Уатту — послушать его, так Бог служит у него в подмастерьях, а мастерская находится на небесах. Ха!

Ричард окинул взглядом медлительные воды Фрума и плавающий на поверхности мусор. От него мигом засорятся ковши водяного колеса, понял он.

— Преимущества пара перед водой мне понятны, — произнес он. — Промышленность просто не в состоянии развиваться, пока ей требуется мощь воды посреди городов. Циркуляционное движение — шаг в будущее, мистер Латимер.

— Зовите меня Томом. Вы только вдумайтесь, Ричард! Уосборо мечтал установить одну из паровых машин на корабле — это позволило бы ему плыть прямым, как стрела, курсом и не зависеть от морских течений и попутных ветров. Паровой двигатель приводил бы в движение лопасти усовершенствованных гребных колес по обоим бортам судна, посылая его вперед. Замечательно!

— И вправду замечательно, Том.

Вернувшись домой, Ричард пересказал услышанное немногочисленной аудитории, состоящей из его отца и кузена Джеймса-аптекаря.

— Латимер ищет вкладчиков, — заключил Ричард, — и я подумываю о том, чтобы вложить мои три тысячи фунтов в его предприятие.

— Ты потеряешь деньги, — мрачно предупредил Дик.

Но кузен Джеймс-аптекарь не согласился с ним.

— Вести об изобретениях Латимера вызвали немалый интерес, Ричард; рекомендации этого человека превосходны, хотя в Бристоле он обосновался недавно. Я сам намерен вложить тысячу фунтов в это дело.

— Значит, вы оба спятили, — с непоколебимым упрямством заявил Дик.

Склонившись над учебниками, Уильям Генри сидел за бывшим столом мистера Джеймса Тислтуэйта и готовил уроки; он уже перешел с грифельной доски на чернила и бумагу, и ему хватало неиссякаемого терпения, присущего Ричарду, чтобы каллиграфически выводить буквы, не оставляя клякс — извечного проклятия большинства мальчишек.

«Надо заработать денег, — размышлял Ричард, — и отправить Уильяма Генри учиться в Оксфорд. Тогда в двенадцать лет ему не понадобится становиться учеником какого-нибудь юриста, аптекаря или оружейника, чтобы провести целых семь лет в рабстве. Мне повезло с Хабитасом, но сколько молодых подмастерьев довольны своими хозяевами? Нет, я не хочу такой судьбы моему единственному ребенку. После Колстонской школы он поступит в Бристольскую среднюю школу, а потом и в Оксфорд. Или в Кембридж. Ему нравится учить уроки, и я заметил, что ему, как и мне, вовсе не трудно прочесть книгу. Он любит учиться».

Пег вместе с Мэг заканчивали готовить ужин, а Ричард расхаживал между занятых столов, забирая пустые кружки и принося наполненные. В таверне царило оживление; Пег, похоже, наконец-то образумилась. Изредка она улыбалась, старалась не слишком опекать Уильяма Генри, а в постели иногда сама прижималась к Ричарду, напоминая о супружеском долге. Но прежняя любовь исчезла без следа. Сохранились лишь воспоминания о былых мечтах, которые быстро угасали. Только юноша способен покорить вершины разума, думал Ричард. А он в свои тридцать пять лет уже не молод. Его сыну исполнилось девять, наступало его время мечтать.

Наряду с десятком бристольцев Ричард вложил деньги в разработку нового двигателя; никто из вкладчиков мистера Томаса Латимера, в том числе и кузен Джеймс-аптекарь, не проявлял ни малейшего интереса к самому медеплавильному заводу, где изготавливали цепи из плоских, соединенных крюками звеньев, предназначенные для новых корабельных насосов.

— На Рождество мы прекращаем работу, — сообщил мистер Томас Латимер Ричарду, который из любопытства посещал завод Уосборо чуть ли не каждый день. Наступало туманное, печальное время года.

— Странно... — отозвался Ричард.

— О, платить рабочим нам не придется! Просто я заметил, что на Рождество работа почти не движется. Слишком много рома. Впрочем, не знаю, что празднуют эти бедолаги, — вздохнул Латимер. — Жизнь не стала лучше — даже после того, как канцлером казначейства был назначен младший Уильям Питт.

— А что он может поделаться, Том? Единственный способ уплатить военный долг — повысить прежние налоги и ввести новые. — Ричард криво усмехнулся. — Разумеется, ты мог бы обрадовать рабочих, выплатив им рождественское пособие.

Жизнерадостность не изменила мистеру Латимеру.

— Ни в коем случае! Иначе меня осудят все предприниматели Бристоля!

Сам Ричард приятно провел Рождество в «Гербе бочара», тем более что Уильям Генри не ходил в школу, а таверну заполнили посетители. Мэги Пег готовили восхитительные пудинги и кувшины густого соуса к ним, на вертеле жарились куски оленины, а Дик подавал праздничный напиток — горячее сладкое вино с пряностями. Ричард преподнес родным подарки: второго кота, серого, изливающего джин — Дику, зеленые шелковые зонтики — Мэг и Пег, а Уильяму Генри достались связка книг, стопка лучшей писчей бумаги, отличный кожаный мяч, набитый пробкой, и целых шесть карандашей из камберлендского графита.

Дик довольно разглядывал кота, Мэг и Пег взволнованно ахали.

— Какая роскошь! — воскликнула Мэг, открывая зонтик и любуясь переливами тонкой нефритово-зеленой ткани. — О, Пег, какие мы теперь щеголихи! Нам позавидует даже кузина Энн! — Она сделала пируэт и поспешно закрыла зонтик. — Уильям Генри, только не вздумай играть в мяч в таверне!

Разумеется, Уильям Генри счел мяч лучшим подарком, но обрадовался и карандашам.

— Папа, научи меня точить их — я хочу, чтобы они прослужили как можно дольше, — сияя, попросил он. — Мистер Парффри будет в восторге! Таких карандашей нет даже у него!

Все родные уже знали, что Уильям Генри избрал мистера Парффри своим кумиром: о достоинствах этого учителя мальчик рассказывал каждый день с тех пор, как в октябре начал брать уроки латыни. Очевидно, этот человек умел учить, ибо с первого же дня завоевал уважение Уильяма Генри, и не только его. Даже Джонни Монктон соглашался, что мистер Парффри — учитель что надо.

— Пусть восхищается сколько угодно, но не отбирает их, — ответил

Ричард, вкладывая в руку сына маленький сверток. — А это подарок для Джонни. Жаль, что директор школы не согласился отпустить пансионеров по домам на Рождество, — тогда мы пригласили бы Джонни поужинать с нами. В утешение передай ему подарок.

— Это карандаши! — мгновенно сообразил Уильям Генри.

— Да, карандаши.

Улучив минуту, Пег крепко обняла Уильяма Генри и прижалась губами к его широкому белому лбу. Словно понимая, что это единственный подарок, который может преподнести ему мать, Уильям Генри вытерпел объятия и даже ответил на поцелуй.

— Наш папа самый лучший, правда? — спросил он.

— Да, — подтвердила Пег, тщетно ожидая, что ее назовут самой лучшей мамой. Год назад равнодушие сына вкупе с подобным замечанием вызвало бы в душе Пег прилив ненависти к Ричарду, но с недавних пор она поняла, что ее ненависть ничего не изменит. Значит, остается только соглашаться с мужем и угождать ему. Уильям Генри обожает его. О чем еще может мечтать женщина? Ее сын и муж нашли общий язык.

В самом начале нового, тысяча семьсот восемьдесят четвертого года Ричард отправился на Нэрроу-Уайн-стрит, посетить завод мистера Латимера.

Похожее на амбар строение на Нэрроу-Уайн-стрит было сложено из обтесанных глыб известняка, почерневших от копоти; по его фасаду располагался ряд громадных, окованных железом дверей, из которых обычно вырывались грохот, жар и клубы дыма.

Как странно! Все двери были заперты. Праздник для рабочих Латимера, которым не платили с самого Рождества, выдался слишком длинным. Пройдя вдоль здания, Ричард подергал все двери по очереди, но безуспешно, а потом обогнул завод со стороны узкого переулочка и нашел одну открытую дверь. Внутри строения его встретила гробовая тишина; печи были потушены, горны пусты, огромная паровая машина застыла неподвижно в окружении станков.

Покинув завод, Ричард направился к Фруму, воды которого выглядели такими же серыми и хмурыми, как зимнее небо.

— Ричард! Ричард!

Обернувшись, он увидел, что к нему спешит кузен Джеймс-аптекарь, ломая руки.

— Дик сказал, что ты здесь... Ричард, какой ужас!

Ричард уже все понял, но все-таки спросил:

— В чем дело, кузен Джеймс?

— Латимер пропал! Сбежал с нашими деньгами!

Дубовый причальный столб, сохранившийся, должно быть, еще со времен древних римлян, торчал у берега реки. Прислонившись к нему, Ричард закрыл глаза.

— Значит, он болван. Его поймают.

В ответ кузен Джеймс-аптекарь разрыдался.

— Кузен Джеймс, полно! Это еще не конец света, — принялся утешать его Ричард, обнимая за плечи, подводя к каменной глыбе и усаживая на нее. — Прошу тебя, не плачь!

— Не могу! Во всем виноват только я! Если бы не я, ты сохранил бы деньги. Я могу позволить себе расплачиваться за собственную глупость, но то, что ты потерял все, несправедливо!

Не чувствуя никакой боли, кроме беспокойства за любимого родственника, Ричард смотрел на Фрум, ничего не видя. Потеря денег не шла ни в какое сравнение со смертью малышки Мэри. Деньги — это дело наживное.

— Я живу своим умом, кузен Джеймс, и тебе следовало бы знать, что меня невозможно втянуть в рискованную затею вопреки моей воле. Никто не виноват в случившемся, ни ты, ни я. Вытри глаза и подробно объясни, что произошло, — попросил Ричард, протягивая Джеймсу носовой платок.

Кузен Джеймс-аптекарь извлек из кармана свой платок, вытер лицо и постепенно успокоился.

— Своих денег мы больше не увидим, Ричард, — сообщил он. — Латимер завладел ими и бежал в Коннектикут, где вместе с Пикаром намерен изготавливать паровые машины. После войны патенты Уатта были признаны в Америке недействительными.

— Да он далеко не глуп! — воскликнул Ричард. — Но нельзя ли наложить арест на завод Уосборо и вернуть наши деньги, продав цепи, изготовленные для Адмиралтейства?

— Боюсь, нет. Завод Уосборо не принадлежит Латимеру. Его тесть, богатый глостерский сыродел, приобрел его в качестве приданого для жены Латимера. Его тестю также принадлежит дом на Дав-стрит.

— Тогда идем домой, — решил Ричард, — в «Герб бочара». Тебе не повредит кружка рома, кузен Джеймс.

Надо отдать Дику должное: он промолчал, ни разу не произнеся неизбежного «я же говорил вам!». Переведя взгляд со спокойного лица Ричарда на подавленное лицо кузена Джеймса-аптекаря, Дик мудро промолчал.

— Важно только то, — произнес Ричард, — что теперь мне нечем

платить за учебу Уильяма Генри.

— Неужели ты не зол? — нахмурившись, спросил Дик.

— Нет, отец. Если бы мне была уготована судьбой только потеря денег, я бы порадовался этому. А если бы я лишился Пег? — У него перехватило дыхание. — Или Уильяма Генри?

— Да, я понимаю, понимаю. — Дик протянул руку и крепко пожал пальцы сына. — А что касается учебы Уильяма Генри, остается лишь радоваться тому, что у нас есть таверна. Он окончит школу Колстона, на это нам хватит средств. Целых три года нам не о чем беспокоиться.

— А тем временем я должен найти работу. «Герб бочара» приносит слишком небольшой доход, чтобы прокормить не только твою семью, но и мою. — Ричард поднес ладонь отца к щеке. — Отец, я искренне благодарен тебе.

— О-о-о! — Этим восклицанием Дик скрыл смущение при виде неподобающего мужчине проявления признательности. — Вспомнил! Тому Кейву как раз нужен работник! Человек, умеющий паять, ковать и крепить медь. Отправляйся к нему, Ричард. Возможно, это не самый блестящий выход, но фунт в неделю — гораздо лучше, чем ничего.

Владеть винокуренным заводом в Бристоле было все равно что иметь собственный монетный двор: какими бы трудными ни становились времена, сколько бы человек ни теряли работу, спрос на ром никогда не падал настолько, чтобы влиять на его цену. Ром был не только излюбленным напитком бристольтцев: его бочками грузили на все корабли, чтобы избежать матросских бунтов. За ежедневную порцию рома матросы соглашались питаться черствыми галетами и тухлой солониной, не возражая даже против телесных наказаний.

Завод мистера Кейва с виду напоминал крепость. Он занимал почти целый квартал на Редклифф-стрит, близ причалов, откуда на завод доставляли сахар из Вест-Индии и грузили бочонки разных размеров на лихтеры, едва за груз успевали расплатиться. Заводские погреба были обширны и неприступны и подобно большинству городских погребов простирались далеко за пределы самого строения. В сущности, под Бристолем образовался целый лабиринт катакомб, поэтому на городские улицы не допускались тяжело груженные повозки, а товары вывозили на санях, поскольку вес распределялся на полозья более равномерно, нежели на колеса.

Перегонные аппараты размещались в просторной комнате на первом этаже, освещенной пламенем печей. В целом зрелище напоминало металлический лес: округлые медные стволы покоились на фундаментах из

обожженного кирпича, листвою служили крепко сколоченные дубовые бочки в форме усеченного конуса. Весь завод пропах дымом, перебродившим суслом, патокой и кружащими голову парами рома. Этот запах был ненавистен Ричарду; изо дня в день вдыхая пары рома, он не испытывал ни малейшего желания променять кружку пива на лучший из напитков мистера Кейва.

Сам Томас Кейв редко появлялся на заводе: здесь безраздельно правил надсмотрщик Уильям Торн. Подобострастный с Кейвом и безжалостный с рабочими, Торн был человеком того сорта, какому, по мнению Ричарда, самое место на галере вроде судна «Александр». Торн с явным удовольствием избивал подмастерьев плеткой, превращая жизнь работников Кейва в настоящий ад. Смерив Ричарда взглядом и ограничившись рядом кратких распоряжений, Торн перестал обращать на него внимание.

— Сиди в глубине комнаты, — напоследок велел ему Торн. — Здесь тебе не место, я терпеть не могу тех, кто всюду сует свой нос. Хозяин здесь я, а ты делай, что велено.

Ричард старался не покидать свое рабочее место — но не из страха перед Торном, а потому, что не желал враждовать с ним. Трубы медных перегонных аппаратов изгибались, соединялись; образовывали петли и тянулись в разные стороны; бесчисленные клапаны, краны и скобы были бронзовыми. Следовательно, завод нуждался в человеке, который умел заделывать места стыков, пока не возникла утечка, притом не прерывая работы аппаратов. И все-таки работу некоторых аппаратов временами приходилось приостанавливать, пока шел ремонт металлических деталей, — в этом и заключалась работа Ричарда. Это был утомительный, вызывающий отупение труд, однако он поглощал мысли Ричарда целиком.

В первый же день он узнал худшее слово, какое только было в лексиконе Торна: акциз.

Правительство его величества короля Англии издавна облагало пошлиной спиртные напитки, ввозимые из-за границы, существовали также таможенные сборы, а контрабанда, весьма распространенная на побережье Корнуолла, Девона и Дорсета, каралась повешением. Но вскоре правительство сообразило, что доход казны можно увеличить, обложив налогами спиртные напитки, производимые в Англии; эти налоги и назывались акцизами. Джин и ром гнали только на заводах, имеющих особые разрешения. За работой заводов следил служащий акцизного управления, поскольку акциз уплачивали за каждую каплю спиртного, выжатого из перебродившего сусла.

— И все это, — пришел Ричард к выводу, проработав на заводе первую неделю, — для того, чтобы матросы на кораблях реже поднимали бунты, а подданные на суше забывали о своих лишениях! Какое все-таки чудо — человеческий разум, способный наживать на чужой глупости!

— Ричард! — воскликнул потрясенный Дик. — Ей-богу, ты говоришь, словно квакер! Благодаря спиртному мы зарабатываем себе на хлеб!

— Знаю, отец, но я волен думать так, как хочу, а я думаю, что правительству выгодно пристрастие народа к спиртному.

— Послушал бы тебя Джимми Тислтуэйт! — фыркнул Дик.

— Знаю, знаю — он в два счета опроверг бы мои доводы, — отозвался Ричард. — Успокойся, отец! Я просто шучу.

— Пег, приструни своего мужа!

Пег обернулась с такой изумительной улыбкой на лице, что у Ричарда перехватило дыхание — как она изменилась! Неужели бедам, череда которых началась в его семье, когда Пег отказалась переселяться в Клифтон, пришел конец? С тех пор как Ричард потерял все деньги и стало ясно, что «Герб бочара» — их единственное пристанище, Пег излучала неподдельную радость и спокойствие.

Внезапно она выронила пустую кружку и с недовольным возгласом наклонилась за ней. И тут же воздух рассек вопль такой муки, что все собравшиеся в таверне вздрогнули; Пег выпрямилась, схватилась обеими руками за голову и рухнула на пол. Вокруг нее сразу же столпилось столько людей, что Дик пришлось проталкиваться сквозь толпу, чтобы опуститься на пол рядом с Ричардом, который держал голову Пег на коленях. Мэг присела с другой стороны, Уильям Генри взял мать за руку.

— Все напрасно, Ричард. Она мертва.

— Нет! Этого не может быть! — Ричард схватил жену за руку. — Пег, Пег, любимая! Очнись! Пег, поднимайся!

— Мама, мама, очнись! — вторил ему Уильям Генри, на глазах которого сверкали слезы. — Мама, очнись, и я обниму и поцелую тебя! Пожалуйста, ответь!

Но Пег лежала неподвижно, и никакими уговорами и пощипываниями не удавалось привести ее в чувство.

— У нее удар, — объявил вызванный кузен Джеймс-аптекарь.

— Это невозможно! — воскликнул Ричард. — Она еще слишком молода!

— И с молодыми людьми случаются удары. Так бывает всегда — сначала резкий взрыв боли, а потом потеря сознания и смерть.

— Нет, она жива, — упрямо твердил Ричард. Он никак не мог

поверить в смерть любимой жены. Ведь она — часть его самого! — Не может быть, чтобы она умерла!

— Поверь мне, Ричард, она умерла. Она не подает никаких признаков жизни. Я приложил к ее губам зеркало, и оно не затуманилось. Я прослушивал ее сердце — оно замерло. Глаза закатились, — убеждал кузен Джеймс-аптекарь. — Смирись с волей Божией, Ричард. Позволь отнести Пег наверх и приготовить ее к погребению.

Мэг помогла аптекарю обмыть Пег, переодеть ее в воскресную одежду — платье из расшитого розового батиста, нарумянить ей губы и щеки, завить и уложить по последней моде волосы, натянуть лучшие чулки и обуть покойницу в воскресные туфли на высоких каблуках. Руки Пег сложили на груди, глаза давно были закрыты; она казалась совсем юной и мирно спящей.

Ричард долго сидел рядом с женой — так, чтобы не видеть лица пристроившегося тут же Уильяма Генри. Посмотрев друг на друга, они разрыдались бы от горя. Двое суток, до тех пор пока Пег не переложили в гроб и не увезли на кладбище при церкви Святого Иакова, комнату освещали лампы и свечи. За неимением более точного выражения эту смерть можно было назвать естественной. Собравшиеся родственники оказывали последние почести покойной, целовали ее еще пухлые губы, приносили соболезнования вдовцу, а потом спускались в таверну и рассаживались за поминальным столом. Никто из родных Ричарда и не думал проводить ночи у гроба; бристольтские протестанты встречали смерть строго и молчаливо.

Долгие ночи Ричард маялся без сна в обществе родных и друзей, из-за перегородки не слышался храп — только сдавленные рыдания, шепот утешения и вздохи. Никто в доме не спал, кроме Уильяма Генри, который, наплакавшись, забылся беспокойным сном. Потрясение было так велико, что Ричард впал в оцепенение, но под толщей боли и скорби его мучили горечь и сожаления. «Если уж тебе было суждено умереть, Пег, почему это не произошло раньше, пока я не успел вложить деньги? Тогда я мог бы увезти Уильяма Генри в Клифтон и больше не изнывать от вони рома. Я был бы сам себе хозяин».

На вторую ночь, в холодные предутренние часы Уильям Генри проснулся и босиком, в одной ночной рубашке подошел к отцу. Комнату освещало только слабое пламя свечей и ламп, поэтому покойница, лежащая на постели, выглядела такой же безмятежной и прекрасной, как в последние минуты жизни. Поднявшись, Ричард принес теплое одеяло и две пары носков, заставил сына надеть их, потеплее укутал его ноги.

— Она кажется такой счастливой, — пробормотал Уильям Генри, утирая слезы.

— В момент смерти она была счастлива, — объяснил Ричард сдавленным голосом. Его глаза остались сухими. — Она улыбалась, Уильям Генри.

— Значит, я должен радоваться за нее, папа?

— Да, сынок. Неожиданной, но прекрасной смерти незачем бояться. Теперь мама на небесах.

— Я так скучаю по ней, папа!

— Я тоже, и это неудивительно. Ведь она всегда была рядом с нами. Теперь же нам придется научиться жить без нее, а это нелегко. Но не забывай, какой счастливой она выглядела. Казалось, горе ни на миг не касалось ее. Так оно и было, Уильям Генри.

— Зато у меня есть ты, папа. — Кутаясь в одеяло, Уильям Генри придвинулся ближе к отцу, положил кудрявую головку ему на плечо и всхлипнул. — У меня есть ты. Я не сирота.

Утром кузен Джеймс-священник отпел Маргарет Морган, родившуюся в тысяча семьсот пятидесятом году, горячо любимую жену Ричарда Моргана и мать Уильяма Генри. Ее похоронили рядом с ее дочерью Мэри. Найти цветы в конце января не удалось, могилу украсили вечнозелеными листьями. Ричард не плакал, да и Уильям Генри, казалось, смирился с потерей. Только Мэг всхлипывала, оплакивая племянницу и невестку. Господь дал, Господь и взял. Такова жизнь.

Смерть Пег сблизила Уильяма Генри с отцом, но Ричард работал шесть дней в неделю, с рассвета до сумерек, поэтому виделся с сыном лишь по воскресеньям да по вечерам, перед сном. На винокуренном заводе царили свои порядки, Томас Кейв ничем не напоминал Томаса Хабитаса. Привилегиями на винокуренном заводе пользовался только Уильям Торн, который иногда исчезал на несколько часов, а потом возвращался с хитрой ухмылкой на лице. Ричард заметил, что пока Уильям Торн отсутствовал, Томас Кейв с тревогой ждал его, но не выказывал недовольства. Скорее, он выражал нетерпение. Это выглядело странно. Не будь Ричард так озабочен своими делами и погружен в скорбь, он, несомненно, заметил бы нечто большее и сделал свои выводы, однако он предпочитал отдаваться работе и искать в ней утешения.

Время от времени на винокуренном заводе появлялся чиновник из акцизного управления. Уильям Торн лично сопровождал гостя и хмуро встречал любопытные взгляды.

Второй частый посетитель не имел никакого отношения к

производству рома; казалось, у него не было ничего общего с Торном, однако этих двоих связывали необычные отношения. Джон Тревильтян Сили Тревильтян был богат, тщеславен и непроходимо глуп. Букли белоснежных от пудры париков он перевязывал черными лентами, пудрил и подкрашивал ничего не выражающее лицо, носил расшитые бархатные сюртуки и роскошные жилеты, а каблуки его были так высоки, что он передвигался на цыпочках, опираясь на трость с янтарным набалдашником. Запах духов, исходящий от него, на время пересиливал вонь рома.

Само собой, Торн и не подумал познакомить мистера Тревильтяна с Ричардом, но Сили, как называл его Торн, сам остановился перед новым работником и окинул его благосклонным взглядом. Видимо, он восхитился обнаженными мускулистыми руками бывшего оружейника, мрачно решил Ричард, когда мистер Тревильтян, насмотревшись на него, обернулся к Торну. Ричард хорошо знал, кто такой Джон Тревильтян Сили Тревильтян: старший сын мистера и миссис Морис Тревильтян с Парк-стрит, той самой богатой пары, которую ограбили неподалеку от парадной двери их собственного дома. Эта корнуэльская семья, занимающаяся в Бристоле торговлей, состояла в родстве с очень древним кланом лондонских купцов по фамилии Сили, разбогатевших еще в двенадцатом веке. Все бристольтцы знали, что местный Сили — холостяк с сомнительными пристрастиями, праздный и безмозглый бездельник, живущий на содержании у младшего брата.

Но после нескольких визитов мистера Тревильтяна Ричард усомнился в справедливости суждений бристольтцев: за глупостью, жеманством и бессодержательными беседами Сили скрывались ум и проницательность. Он отлично разбирался в перегонных аппаратах и других тонкостях винокуренного дела. Но маска глупца приносила ему немалую пользу: поскольку мистер Тревильтян снискал репутацию простака, при нем говорили о самых рискованных сделках, не удосуживаясь даже понизить голос. И впоследствии горько сожалели об этом.

Завершая рассказ о мистере Сили Тревильтяне, упомянем, что в апреле он появился на заводе под руку с мистером Томасом Кейвом. Ричард насторожился. Сили проявлял явный интерес к заводу, судя по тому, как раболепствовал перед ним старый Том Кейв. Однако Сили не значился в списке вкладчиков или владельцев, иначе Ричард знал бы об этом; Сили был тайным партнером, получавшим свою долю прибыли, но не платившим налоги.

Постепенно Ричард оправился от удара судьбы и сожалел только о том, что уделяет слишком мало времени Уильяму Генри. Воскресенья

приобрели для него особую ценность. Ричард водил сына на прогулки, знакомя его со всеми кварталами Бристоля, и все же их излюбленным уголком оставался Клифтон, где, словно насмехаясь над Ричардом, по-прежнему стоял выбранный им коттедж. Будь воля Ричарда, он перестал бы бывать в Клифтоне, но это место обожал Уильям Генри.

— Вчера мистер Парффри выдумал новый каламбур, — сообщил Уильям Генри, прыгая на одной ноге.

подавив вздох, Ричард приготовился выслушать очередной дифирамб блестящему учителю, который сумел превратить нудное изучение латыни в увлекательную мнемоническую игру. Благодаря мистеру Парффри Уильям Генри знал латынь лучше, чем Ричард в его годы.

— Какой? — поинтересовался Ричард, зная, что сын ждет вопроса.

— Caesar adsum iam forte — У Цезаря был джем к чаю.^[8]

— И как же это перевести?

— «Случайно в этот момент Цезарь оказался рядом».

— Отлично! А он остроумен, твой мистер Парффри.

— Да, он такой веселый, папа! На уроках мы то и дело смеемся, а директор и мистер Причард недовольны. Думаю, им не нравится, что мистер Парффри редко пускает в ход трость.

— Странно, что мистер Парффри до сих пор служит у Колстона, — сухо заметил Ричард.

— Дело в том, что все мы хорошо знаем латынь, — объяснил Уильям Генри. — Мы должны ее знать! Иначе мистер Парффри получит выговор от директора. Папа, он мне так нравится! Он все время улыбается...

— В таком случае, Уильям Генри, тебе очень повезло.

В конце мая разрозненные кусочки мозаики встали на свои места.

Уильям Торн проделал свой обычный фокус с исчезновением, и его подданные, хлопотавшие вокруг перегонных аппаратов, тоже исчезли, словно мыши, учуявшие сыр, — дрожа от страха, но твердо вознамерившись завладеть добычей. Когда речь шла о работниках мистера Кейва, добычей был ром. Но не качественный ром, который хранили в бочках, — его смешивал не кто иной, как сам мистер Кейв, — а продукт вторичной перегонки. Никто не замечал, если уровень такого рома в емкости немного снижался.

Не нуждаясь ни в роме, ни в обществе, Ричард продолжал заниматься своим делом. Огромная комната изобиловала закоулками и нишами, которые не позволяли определить ее форму, и особенно справедливо это было для той части помещения, доступ в которую Ричарду был закрыт. Он и не нарушил бы запрет, если бы не услышал характерное шипение

жидкости, вытекающей из трубы под давлением. Он тщательно осмотрел ряд парных перегонных аппаратов и запутанную сеть труб, но ничего не обнаружил, а когда приблизился к последней паре в крайнем ряду, то пришел к выводу, что шипение доносится откуда-то из глубины комнаты. Прижавшись спиной к горячей кирпичной стене печки, он протиснулся между левым и правым аппаратом, наклоняя голову, чтобы не удариться об отводящие трубы.

Только теперь он заметил трубы, которых не должно было быть, и замер. Целую минуту он стоял неподвижно, дожидаясь, когда глаза привыкнут к полутьме, а потом присмотрелся и увидел несколько труб, затянутых фестонами паутины и материалом, который на первый взгляд мог сойти за пеньковую обшивку. Каждая труба была выведена в емкость с конечным продуктом перегонки, но не со дна, а сбоку — при этом жидкость вытекала лишь при определенном уровне. На злополучных трубах не оказалось ни единого клапана; как только происходило наполнение до уровня присоединения трубы, жидкость начинала утекать куда-то в глубину комнаты.

Там, за фальшивой перегородкой, двумя рядами были расставлены бочки по пятьдесят галлонов. Негромко присвистнув, Ричард подсчитал, сколько не облагаемого налогом спиртного утекает сюда каждый день, — неудивительно, что Уильям Торн всегда сам сливал жидкость! Только опытный винокур удивился бы медлительности аппаратов мистера Кейва, а таких мастеров в доме номер сто тридцать семь по Редклифф-стрит не было. Если не считать Уильяма Торна. И Томаса Кейва. Значит, и он замешан в этом деле?

Снова протиснувшись между печкой и аппаратом, Ричард обнаружил источник шипения: из крохотного отверстия в протершейся медной обшивке вытекала тонкая струйка жидкости. Торн застал Ричарда в тот момент, когда Ричард наклонился, чтобы заткнуть отверстие.

— Эй, что ты там делаешь? — изменившись в лице, воскликнул Торн.

— Выполняю свою работу, — невозмутимо отозвался Ричард. — Но боюсь, тут уже ничем не поможешь. Вскоре вам придется заменить эту пару аппаратов.

— Черт! Сколько раз я твердил Тому, что пора вложить часть прибыли в покупку новых аппаратов, и все без толку! — Торн отошел, покрикивая на подчиненных, не проявлявших должной расторопности: кот вернулся быстрее, чем рассчитывали мыши.

Тем вечером, возвратившись в «Герб бочара», Ричард не стал делиться своим открытием с Диком. Вначале следовало узнать, к примеру, сколько

человек втянуто в этот заговор.

Разумеется, Торн и, возможно, Кейв. А Джон Тревилльян Сили Тревилльян? Иначе зачем этому праздному аристократу понадобилось так часто бывать на ничем не примечательном заводе?

Когда же мошенники вывозят незаконно произведенный ром? Ричард задумался. Несомненно, ночью, и скорее всего в воскресенье. В такое время на улицах не встретишь даже матросов и грабителей.

Потихоньку покинуть «Герб бочара» ночью в следующее воскресенье оказалось очень просто: Ричард спал в одиночестве, Дик и Мэг похрапывали, а Уильям Генри не просыпался даже в грозу. Ярko светила луна, небо было безоблачным — Ричарду несказанно повезло! Как только он приблизился к Редклифф-стрит, одинокий колокол пробил полночь. Спрятавшись в темном сарае, принадлежащем мастеру, который изготавливал трубы, Ричард настроился на терпеливое ожидание.

Два часа. Мошенники предусмотрительно рассчитали время: еще через два часа начнет светать. Их было трое — Торн, Кейв и Сили Тревилльян. Узнать последнего оказалось нелегко: вместо жеманного аристократа Ричарду предстал стройный, энергичный мужчина в черном, с коротко подстриженными волосами и в высоких сапогах.

Кейв прибыл на своем старом жеребце, Тори и Сили — в санях, запряженных парой битюгов, и вскоре все трое стали разгружать из повозки четыре дюжины явно пустых бочонков. Кейв отпер заднюю дверь, которой никто не пользовался, бочонки внесли внутрь строения. Спустя минуту Торн появился, с усилием катя полную бочку; Кейв встретил его у саней и помог поставить бочку на них. Торн и Тревилльян по очереди выкатывали бочки и ставили их на попа с ловкостью, выдающей многолетнюю практику.

Подозрительная тройка справилась с работой за какой-нибудь час; несомненно, пустые бочки были поставлены на место наполненных. Но как часто их меняли? Вряд ли каждое воскресенье — это было слишком рискованно, но если Ричард не ошибался в расчетах, то по крайней мере каждые три недели.

Томас Кейв вскочил в седло и ускакал вверх по Редклифф-стрит, двое его сообщников сели в сани, и те бесшумно заскользили на восток, к Темплу. Ричард последовал за ними. У реки бочонки вновь повалили на бок и перекатали на плоскодонную баржу, где их расставлял человек, незнакомый Ричарду. Однако и Торн, и Сили явно хорошо знали его. Покончив с погрузкой, мошенники распрягли одного из битюгов и привязали его к барже. Незнакомец вскарабкался на спину битюга и погнал

его по утоптанному бечевнику в сторону Бата, увлекая за собой баржу, которой умело правил Сили. Проводив баржу взглядом, Уильям Торн хлестнул битюга и уехал в санях.

«Теперь я знаю все, — заключил Ричард. — Ром увозят в окрестности Бата, где Сили и незнакомец либо продают его, либо грузят на суда, идущие в Солсбери или Эксетер, а громадную не облагаемую акцизом прибыль делят на четыре части. Но я готов поручиться, что львиная доля прибыли достается Сили Тревильяну».

Как же ему быть? Поразмыслив по пути домой, Ричард решил, что пришло время рассказать обо всем отцу.

Когда Ричард вошел в «Герб бочара», Дик и Мэг уже взялись за работу, а Уильям Генри еще спал. Родители Ричарда заговорщицки переглянулись, заметив, что постель Ричарда пуста. Но разве вдовец мог догадаться, как было истолковано его отсутствие?

— Мама, выйди, — бесцеремонно начал Ричард. — Мне надо поговорить с отцом.

Посмеиваясь, Дик приготовился услышать рассказ о мужских потребностях и какой-нибудь хорошенькой девице, увиденной Ричардом вчера утром у церкви Святого Иакова, а вместо этого узнал о вопиющем преступлении.

— Что же мне делать, отец?

Дик отвел глаза и пожал плечами:

— Как у порядочного человека, у тебя есть только один выход. Тайно отправляйся к сборщику акциза в акцизное управление. Его зовут Бенджамин Фишер.

— Отец, но тогда пострадают твое дело и твоя дружба с Томасом Кейвом!

— Вздор! — отрезал Дик. — В Бристоле найдется немало производителей хорошего рома, а я знаю их всех. И кроме того, я вожу дружбу со всеми. Том Кейв — скорее давний знакомый, нежели друг, Ричард. Я не бываю у него в гостях, он не навещает меня. И потом, — он усмехнулся, — я давно знал, что он мошенник. Разве ты никогда не замечал, как бегают его глаза? Он никогда не смотрит прямо в лицо собеседнику.

— Да, — горестно подтвердил Ричард, — я заметил. И все-таки я не питаю к нему такой неприязни, как к Торну. А Сили... — он сделал такой жест, словно отталкивал нечто отвратительное, — подонок. Какое лицемерие! Только очень умный человек способен прикинуться простофилей.

— Сегодня тебе незачем работать, — заявил Дик, подталкивая сына к лестнице. — Переоденься в лучшую воскресную одежду, возьми мою новую шляпу и отправляйся в акцизное управление — и никому ни слова, слышишь? И не о чем так сокрушаться. Даже если эти прохвосты утаивают вполтину меньше рома, чем ты думаешь, ты достоин щедрой награды. Ее хватит, чтобы дать образование Уильяму Генри.

Подбадривая себя этой мыслью, Ричард, облаченный в темный воскресный костюм и лучшую шляпу Дика, зашагал к Куин-стрит. Акцизное управление занимало часть квартала между площадью и Принс-стрит — улицей, на которой стоял дом мистера Томаса Кейва. Вскоре Ричард обнаружил, что чиновники акцизного управления — бездельники, мающиеся с похмелья, особенно по понедельникам. Они казались вялыми, равнодушными и предпочитали, чтобы их не беспокоили. Ричарду понадобилось несколько часов, чтобы подняться по иерархической лестнице управления. Видя скучающие лица чиновников, Ричард отделялся уклончивыми ответами и выражал твердое намерение встретиться с самим старшим сборщиком акциза, занимающим высшую ступень в управлении.

Наконец около трех часов пополудни Ричарда удостоили аудиенции. К тому времени он успел проголодаться, его терпение иссякало.

— У вас есть пять минут, — заявил мистер Бенджамин Фишер, сидя за столом.

Ричарду не пришлось гадать, бывает ли сборщик акциза сам на винокуренных заводах. Он уставился на Ричарда сквозь маленькие круглые стекла очков, в которых явно не нуждался, чтобы читать документы, сложенные аккуратными стопками на столе. Этот близорукий человек редко вставал из-за письменного стола. Значит, он не разбирался в вопросах производства спиртных напитков так же хорошо, как его подчиненные. Но с другой стороны, он вряд ли брал взятки — в отличие от его подчиненных, временами бывающих на винокуренных заводах.

Ричард коротко изложил суть своего дела.

— Сколько рома, по-вашему, эти люди утаивают за неделю? — спросил Бенджамин Фишер, выслушав Ричарда.

— Если его вывозят каждые три недели, значит, около восьмисот галлонов в неделю.

Это в корне меняло дело! Мистер Фишер выпрямился, отложил перо и отодвинул лист бумаги, на котором делал пометки. Его глаза, два бледно-голубых шарика за толстыми линзами, выпучились.

— Мистер Морган, да это же вопиющее преступление! А вы не могли

ошибиться в расчетах?

— Разумеется, мог, сэр. Но если они меняют бочки каждые три недели, в неделю выходит восемьсот галлонов. Вчера было первое июня, и я уверен, что бочонки, доставленные на завод, совершенно пусты — один мужчина легко катил такой бочонок, точно мяч. А обратно они с трудом выкатывали такие же бочки. Полагаю, в следующий раз они вывезут ром двадцать второго июня. Спрятавшись возле завода около полуночи, вы поймаете всех троих с поличным, — сообщил Ричард, уверенный в своей правоте.

— Благодарю вас, мистер Морган. Советую вам вернуться к работе и вести себя как ни в чем не бывало, а мы известим вас о дальнейшем ходе событий. От имени его величества выражаю вам искреннюю благодарность.

Ричард уже направился к двери, когда сборщик акциза окликнул его.

— Если они и вправду утаивают столько рома, значит, вознаграждение за поимку мошенников составит восемьсот фунтов, из которых пятьсот причитается вам. Разумеется, после того, как вина преступников будет доказана.

Не удержавшись, Ричард спросил:

— А кто получит остальные триста?

— Те, кто арестует виновных, мистер Морган.

На этом разговор закончился. Ричард отправился домой.

— Ты был прав, отец, — сказал он Дику. — Если я не ошибся, мне причитается пять восьмых от вознаграждения в размере восьмисот фунтов.

Дик скептически усмехнулся.

— Триста фунтов — слишком щедрая награда десятку чиновников управления, которые всего-навсего арестовали виновных.

Ричард рассмеялся.

— Папа, какой ты, оказывается, наивный! Чиновникам, которые арестуют преступников, дадут самое большее пятьдесят фунтов на всех. А остальные двести пятьдесят наверняка попадут в карман мистера Бенджамина Фишера.

Вечером в воскресенье двадцать второго июня десять чиновников акцизного управления взломали заднюю дверь винокуренного завода Кейва, ворвались в пустое помещение и обнаружили четыре дюжины бочек емкостью пятьдесят галлонов каждая, наполненных ромом из труб, незаконно отведенных от перегонных аппаратов.

Когда в два часа ночи мистер Томас Кейв подъехал к заводу верхом, а мистер Уильям Торн и Джон Тревильтян Сили Тревильтян — в санях, их

взгляду предстали опечатанные двери.

— Нас выследили! — воскликнул мистер Торн оскалившись.

Кейв содрогнулся в ужасе.

— Сили, что же нам делать?

— Поскольку ром исчез, предлагаю разъехаться по домам, — хладнокровно отозвался Сили.

— Почему же нас не взяли под стражу? — допытывался Кейв.

— Потому что им ни к чему неприятности, Том. Увидев, сколько здесь было припрятано рома, они поняли, что имеют дело с дерзкими преступниками, а наказание за такую провинность — смертная казнь. Чиновники акцизного управления предпочли не рисковать. Кому охота получить пулю в живот?

— Но нас должны были предупредить заранее!

— Да, должны были, — мрачно подтвердил Сили. — Значит, дело дошло до высших чинов и здесь замешаны посторонние.

— Ричард Морган! — выпалил Торн, ударяя кулаком по ладони. — Нас выследил этот мерзавец!

— Ричард Морган? — Тревилян нахмурился. — Тот чертовски привлекательный парень, который чинит трубы?

Торн изумленно воззрился на него, повыше приподняв фонарь.

— Сили, ты не перестаешь удивлять меня, — с расстановкой произнес он. — Кого же ты все-таки предпочитаешь — женщин или мужчин?

— Мои пристрастия тебя не касаются, Билл. Ступай домой и придумай что-нибудь, чтобы оправдаться перед сборщиком. Вся вина будет возложена на тебя.

— С какой стати? Обвинят всех нас!

— Вряд ли, — беспечно возразил Сили Тревилян, усаживаясь в сани. — Значит, он ничего не знает, Том?

— О чем? — встрепенулся Торн.

Мистер Кейв только покачал головой и вздрогнул.

— Том оформил патент на твое имя, — объяснил Сили. — В сущности, уже давно. Я решил, что так будет лучше, и он согласился со мной. Что касается меня, я не имею никакого отношения к заводу Кейва. — И он взмахнул вожжами.

Уильям Торн застыл как вкопанный, не в силах пошевелиться.

— Куда ты? — слабо спросил он.

На лице Сили сверкнули белоснежные зубы.

— Разумеется, в Темпл — предупредить нашего сообщника.

— Подожди меня!

— Ступай домой, Билл, — велел мистер Сили Тревилльян.

И сани заскользили прочь, оставив Торна наедине с Кейвом.

— Как ты мог так поступить со мной, Том?

Кейв облизнул пересохшие губы.

— Сили настаивал, — промямлил он. — Билл, я не мог с ним спорить.

— И ты решил, что это удачная мысль. Трусливый подонок! — с горечью выпалил Торн.

— Во всем виноват Сили, — твердил Томас Кейв. — Обещаю, я не брошу тебя в беде. Я помогу тебе оправдаться. — Задыхаясь, он сумел забраться в седло. Торн не сделал ни малейшей попытки помочь ему.

— Ловлю тебя на слове, Том. Но сейчас гораздо важнее прикончить Ричарда Моргана.

— Нет! — перебил Кейв. — Что угодно, только не это! Чиновники из акцизного управления сразу все поймут! Стоит убить их осведомителя, и нам всем крышка!

— А если дело дойдет до суда, меня наверняка повесят — так в чем же разница? — Торн сорвался на крик. — Уж лучше позаботиться о том, чтобы суд не состоялся! Это и в твоих интересах, и в интересах Сили! Если мне грозит смертная казнь, Ричард Морган поплатится! А я утащу за собой и тебя, и Сили — всех нас отправят на каторгу! Слышишь? Всех до единого!

Мистер Бенджамин Фишер вызвал Ричарда в акцизное управление рано утром на следующий день, двадцать третьего июня.

— Я бы не советовал вам возвращаться на работу, мистер Морган, — заявил сборщик акциза, на щеках которого пылали два ярких пятна. — Мои болваны подчиненные нагрянули на завод Кейва днем и не застали там злоумышленников, только конфисковали ром.

— Черт! — выпалил Ричард.

— Негодовать бессмысленно, сэр. Я согласен с вами, но делу этим не поможешь. Акцизное управление вправе только подать в суд на владельца патента — за хранение незаконно изготовленного рома.

— На Тома Кейва? Но ведь он далеко не зачинщик!

— Томас Кейв даже не владелец патента. Он принадлежит Уильяму Торну.

Ричард снова ахнул.

— А Сили Тревилльян?

Всем видом выражая отвращение, мистер Фишер стиснул пальцы и подался вперед.

— Мистер Морган, у нас есть улики только против Уильяма Торна. — Он надел очки и скорчил гримасу. — У мистера Тревилльяна имеются связи,

в городе его считают дружелюбным, безобидным простаком. Я сам допрошу его, но вынужден предупредить, что, если дело дойдет до суда, поверят скорее ему, а не вам. Мне очень жаль, однако пока не появятся новые улики, мистер Тревилян чист перед законом. Не уверен даже, — закончил он со вздохом, — что нам удастся добиться смертного приговора для Уильяма Торна, хотя его наверняка ждут семь лет каторги.

— Почему же ваши подчиненные не поймали их с поличным?

— Всею виной трусость. — Мистер Фишер снял очки и принялся усердно протирать их. — Еще рано, но мистер Томас Кейв уже ждет внизу — должно быть, хочет замять дело, предложив заплатить крупный штраф. Именно ему доставались деньги, мистер Морган, я же вижу, что Уильяма Торна подставили, чтобы направить нас по ложному следу. Акцизное управление вправе возместить убытки только за счет владельца патента. Это касается и вашего вознаграждения.

Покидая управление, Ричард столкнулся в вестибюле с Томасом Кейвом, но не сказал ни слова. Поскольку идти на завод было бессмысленно, Ричард вернулся в «Герб бочара».

— Итак, я потерял работу, а двое из трех преступников вышли сухими из воды, — сообщил он Дику. — О, если бы я знал!

— Томас Кейв наверняка выкупит Торна, — рассудил Дик и вдруг оживился: — Не унывай, Ричард. Что бы ни случилось, ты получишь свои пятьсот фунтов!

Но слова отца не принесли Ричарду утешения. Он предпочел бы увидеть мистера Джона Тревиляна Сили Тревиляна на эшафоте. Почему, Ричард и сам не знал, но с отвращением вспоминал оскорбительный взгляд, которым Сили наградил его при первой встрече. «Для этого самодовольного, жеманного щеголя я — ничтожество, и я ненавижу его. Да, ненавижу. Впервые в жизни меня переполняет прежде неведомое мне чувство, теперь я узнал, что означает слово „ненависть“».

В минуты испытаний он тосковал о Пег. Боль утраты была остра, но притуплялась, стоило вспомнить о последних годах споров, слез, пьянства. Однако пока Ричард блуждал по Бристолу в поисках работы, образ Пег последних лет померк, был вытеснен образом девушки, на которой он женился семнадцать лет назад. Ему так нравилось прижиматься к ней, тихо перешептываться по ночам, искать утешения в плотской любви, которая сливалась с возвышенной любовью, со страстью и с дружбой. А теперь Ричарду не с кем было даже поделиться своими бедами: Дик оставался на его стороне, но неизменно считал сына слишком мягкотелым и бесхребетным. А мать работала в таверне и за кухарку, и за судомойку.

Через несколько лет он сможет беседовать с Уильямом Генри как с равным, но по ночам его все равно будет мучить одиночество. И избавиться от него не удастся, пока Уильям Генри не повзрослеет. Ричард просто не мог привести в дом мачеху для своего единственного обожаемого чада, а потаскухи были не теми женщинами, у которых он стал бы искать даже самого простого, животного удовлетворения.

В понедельник, последний день июня, Ричард покинул дом на рассвете, наступившем очень рано из-за летнего солнцестояния, и направился в Киншем, деревушку на берегу Эйвона. Стараниями владельца медеплавильного завода Уильяма Чемпиона эта деревушка разрослась и стала грязнее, чем прежде. Чемпион запатентовал новый способ извлекать цинк из каламина и шлама, и до Ричарда донесся слух, что он ищет добросовестного работника, умеющего обрабатывать цинк. Почему бы не попытать удачу? Самое худшее, что его ждет, — отказ.

Уильям Генри отправился в школу без четверти семь, как обычно, хмуясь потому, что директор объявил учебным последний день июня, пришедшийся на понедельник. Услышав жалобы мальчугана, бабушка добродушно дернула его за ухо. Уильям Генри понял намек и удалился. Завтра начинались двухмесячные каникулы — как для обладателей синих сюртуков, так и для приходящих учеников. Те, у кого были дом и родители, покидали Колстонскую школу до начала сентября, а сироты, подобно Джонни Монктому, проводили все лето в школе, где временно вводились менее строгие правила.

Отец объяснил, почему они будут редко видаться в ближайшие два месяца, и Уильям Генри отлично понял его. Он сознавал, что отец старается только ради него, и потому его неотступно терзали угрызения совести. Если Уильям Генри и корпел над книгами, а он прилагал всяческие старания, то лишь для того, чтобы порадовать отца, который ценил образование выше, чем способен оценить его девятилетний мальчик.

У ворот Колстонской школы Уильям Генри застыл в изумлении: ворота были увиты черными лентами! Мистер Хобсон, наставник младшего класса, встретил мальчугана у ворот и взял его за плечо.

— Возвращайся домой, парень, — велел он, заставляя Уильяма Генри повернуться.

— Домой, мистер Хобсон?

— Да. Сегодня ночью директор скончался во сне, поэтому занятия отменяются. Твоему отцу пришлют извещение о похоронах, Морган Третий. А теперь ступай.

— Нельзя ли мне повидаться с Монктоном-младшим, сэр?

— Сегодня нет. До свидания, — твердо ответил мистер Хобсон и слегка подтолкнул Уильяма Генри в спину.

У Стоун-бриджа малыш остановился и нахмурился. Какая досада! Папа ушел в Киншем, дедушка и бабушка заняты привычными делами — что же ему делать целый день без Джонни?

Впервые в жизни Уильяму Генри представился случай заняться тем, чем он пожелает, никого не ставя в известность. В таверне думали, что он в школе, а из школы его отправили домой. Идти в таверну мальчугану не хотелось. Приняв решение, Уильям Генри сбежал с моста, но направился не к дому, а к Клифтону.

Первый привал он сделал на крутом склоне Брэндон-Хилла. Уильям Генри карабкался вверх, воображая себя солдатом-«круглоголовым» из армии Кромвеля, осаждающей Бристоль. Застыв на вершине холма, он долго разглядывал дымоходы печей для обжига извести и болотистые низины, а затем обернулся к руинам роялистского форта на Сент-Майкл-Хилле. Вскоре игра наскучила мальчугану, и он запрыгал с камня на камень, пока не выбрался на тропу, а затем проскакал на одной ножке до Джейкобз-Уэлл, некогда служившего единственным источником воды в Клифтоне. Колодец окружали дома, не вызывавшие в ребенке никакого любопытства. Он промчался мимо церкви Святого Андрея, покувыркался на пружинистом дерне Клифтон-Грин и решил дойти до Манилла-Хауса, последнего в ряду особняков, избегающих на холм.

— Здорово, журавлик! — послышался дружелюбный оклик из-за изгороди, примыкавшей к поместью Бойса.

— Здравствуйте, сэр.

— А как же уроки?

— Директор школы умер, — коротко объяснил Уильям Генри и взобрался на невысокую изгородь. — А вы кто?

— Ричард, конюх.

— Моего папу тоже зовут Ричард. А меня — Уильям Генри.

Конюх подал мальчику загрубевшую ладонь.

— Рад познакомиться.

Следующие два часа Уильям Генри ходил по пятам за Ричардом, гладил лошадей, заглядывал в пустые денники, таскал воду и сено и болтал без умолку. Конюх угостил его кружкой легкого пива и ломтем хлеба с сыром. Подкрепившись, Уильям Генри помахал новому другу на прощание и направился вверх по склону холма.

Манилла-Хаус был так же пуст, как Фримантл-Хаус, Дункан-Хаус и Мортимер-Хаус. Куда же идти теперь?

Разговаривая сам с собой, Уильям Генри услышал за спиной топот копыт, обернулся и увидел всадника со знакомым приятным лицом.

— Мистер Парффри!

— Боже милостивый! — ахнул Джордж Парффри. — Что ты здесь делаешь, Морган Третий?

Уильям Генри густо покраснел.

— Я просто гуляю, сэр, — смущенно объяснил он. — Занятий сегодня нет, а папа ушел в Киншем...

— Почему же ты не дома, Морган Третий?

— Сэр, меня зовут Уильям Генри.

Мистер Парффри нахмурился, пожал плечами и протянул руку.

— Я помню, Уильям Генри. Ладно, забирайся в седло. Я прокачу тебя, а потом отвезу домой.

Неслыханная удача! За всю свою жизнь мальчуган ни разу не ездил верхом. Он устроился в седле перед мистером Парффри; ему показалось, что земля так далеко внизу, что у него закружилась голова. Он очутился в совершенно новом мире, словно взобрался на самую верхушку дерева! Как плавно и мерно перебирал ногами жеребец! Какой чудесной оказалась поездка с другом — ничем не хуже прогулок с папой! Уильям Генри таял от восторга.

Они рысью проскакали по Дердхэм-Даун, распугивая овец, и смеялись не переставая. Мистер Парффри охотно отвечал на вопросы ученика, а Уильям Генри обнаружил, что его учитель знаком не только с латынью. Они подъехали к краю ущелья Эйвона, где мистер Парффри обратил внимание спутника на оттенки камней и объяснил, что железо придает серовато-белому известняку сочные ржаво-розовые и сливовые тона. Учитель указывал хлыстиком на цветущие растения среди летней травы и уверенно произносил их названия, а потом принялся учить Уильяма Генри различать цветы.

Наконец тропа, вьющаяся по краю ущелья, привела их к Хотуэл-Хаусу, который возвышался на берегу Эйвона.

— Здесь мы и перекусим, — решил мистер Парффри, помогая мальчику спуститься на землю. — Ты проголодался?

— Да, сэр!

— Если за стенами Колстонской школы я зову тебя Уильямом Генри, то и ты должен называть меня дядей Джорджем.

В зале для питья минеральных вод было немногочисленно — несколько мужчин, страдающих чахоткой, диабетом и подагрой, пожилая дама и две молодые женщины-калеки. Лучшие времена курорта остались позади,

позолота потускнела, обои отклеивались, в драпировках скопилась пыль, а кресла на колесах давно нуждались в новой обивке. Но мрачный арендатор Хотуэл-Хауса, изнуренный постоянной войной с бристольцами из-за цен, установленных на минеральную воду, по-прежнему готовил обед для редких посетителей. Уильяму Генри, привыкшему к сытной еде в «Гербе бочара», здешняя пища показалась нектаром и амброзией только потому, что ее вкус был иным — и потому, что рядом сидел замечательный спутник. Покончив с обедом, мистер Парффри предложил прогуляться, а потом вернуться в город. Пожилая дама и молодые калеки на прощание осыпали Уильяма Генри градом похвал; он вытерпел их восклицания и ласки, как терпел покойную мать, чем окончательно покорила Джорджа Парффри.

Джордж Парффри тоже не сомневался, что нашел идеального компаньона. В сущности, день выдался на редкость удачным, хотя и начался с известия о смерти директора школы. Преподобный Причард, длинное смуглое лицо которого ничем не выдавало тайную радость (он надеялся стать новым директором), был слишком поглощен своими мыслями, чтобы помнить об учителях. Священник только оповестил служащих школы о случившемся и поручил Гарри Хобсону отправлять домой приходящих учеников.

«Отлично, — мысленно заключил мистер Парффри, — значит, сегодня мы отдыхаем. Если я останусь в школе, Причард или кто-нибудь другой найдет мне работу. А если я улизну, никто и не вспомнит о моем существовании».

Единственной роскошью, которую он себе позволял, был конь. Разумеется, не собственный — мистер Парффри испытывал стесненность в средствах. По воскресеньям он за умеренную плату брал коня в конюшню неподалеку от Сент-Майкл-Хилла. Придя в конюшню с коробкой красок и альбомом, мистер Парффри обнаружил, что по понедельникам выбор лошадей здесь гораздо богаче. Вороной красавец, привлечший внимание мистера Парффри, мирно похрустывал сеном и, несомненно, надеялся отдохнуть после беспокойных воскресных поездок. Но не тут-то было! Спустя десять минут мистер Парффри уже сидел в седле и рысью направлялся через Кингсдаун в сторону Ост-роуд. Прекрасный наездник, он умело правил горячим жеребцом и предвкушал излюбленное времяпрепровождение.

Еще недавно его охватывала привычная подавленность, но тосковать в такой чудесный день не хотелось, поэтому мистер Парффри отмахнулся от чувства одиночества и предчувствий старости и залюбовался окрестными

пейзажами. Поднимаясь по Клифтон-Хиллу к Дердхэм-Даун, он заметил впереди Моргана Третьего. А вот и попутчик! Видимо, маленький сорванец тоже решил устроить себе праздник. Почему бы не составить ему компанию? Мистер Парффри поспешил ответить на щекотливый вопрос, убеждая себя, что окажет мальчику услугу, присмотрев за ним.

Уильям Генри. Двойное имя шло мальчугану, а время должно было только подтвердить правильность выбора. Все учителя признавали одаренность Моргана Третьего, хотя у некоторых его миловидность вызывала предубеждение. Не избежал этого и Парффри, но едва Морган Третий начал изучать латынь, его наставник убедился, что лицо мальчика всего лишь отражает душевную красоту, позволяя разглядеть ее, как солнце сквозь закопченное стекло. Но до сегодняшнего дня мистер Парффри и не подозревал о том, что Уильям Генри способен на шалости, ибо в классе он вел себя, как подобает ангелу. Пока спутники пересекали Дердхэм-Даун, мальчик объяснил, что на занятиях он просто стремится избежать порки и не желает вызывать недовольство учителей.

Как растолковать ему, что он неизменно будет привлекать взгляды? Как ни странно, отцу Уильяма Генри, весьма привлекательному мужчине, недоставало живости его сына. Люди не оборачивались вслед Ричарду Моргану, от его взгляда у них не перехватывало дыхание, в то время как Уильям Генри Морган производил подобное впечатление каждый день и должен был производить его впредь — до глубокой старости. Его речь, обычная для мальчика таких лет, выдавала продуманное воспитание, но поскольку он вырос в таверне, он наверняка был знаком с худшими из пороков, повидал и драки, и похоть, и пьяные выходки. Но эти зрелища не испортили его; Уильям Генри излучал поразительную чистоту.

Вдвоем они вышли из Хотуэл-Хауса и, не сговариваясь, направились к тому месту, где Уильям Генри однажды устроил пикник вместе с отцом, а Джордж Парффри наблюдал за ними из-за кустов. Этот уголок располагался поодаль от воды на том же берегу Эйвона, на котором раскинулся почти весь Бристоль. Поросшая травой лужайка растянулась между скалами Сент-Винсент и еще одной, более низкой каменной грядой. В лесу это место называли бы поляной.

Хотя с тех пор, как на этом же месте лежали отец и сын Морганы, прошло девять месяцев, лужайка ничуть не изменилась; воды Эйвона находились на том же уровне, приближался прилив; трава имела прежний оттенок, на скалах плясали солнечные блики. Время будто остановилось, позволяя спутникам шагнуть одной ногой в будущее, а другую оставить в прошлом. Настоящее перестало существовать, время застыло.

Джордж Парффри открыл альбом и достал кусок угля.

— Можно мне посмотреть, дядя Джордж? — спросил Уильям Генри.

— Нет, потому что я буду рисовать тебя. Ты должен сидеть смирно и забыть о том, что я на тебя смотрю. Сосчитай ромашки. Когда я закончу набросок, ты увидишь его.

Уильям Генри замер под пристальным взглядом Джорджа Парффри.

Поначалу рука с зажатым в пальцах углем двигалась проворно и уверенно, но с каждой минутой на бумагу ложилось все меньше штрихов, и наконец рука художника замерла. Парффри просто смотрел на маленького натурщика. Его заворожила не только красота мальчика, но и мысли о том, как сложится его судьба.

«Я неверно выбрал время, я просчитался. Я по уши влюблен в невинного ребенка, который младше меня на тридцать пять лет. К тому времени, как я сумею пробудить в нем чувства, я сам совсем состарюсь. Сюжет, достойный пера Шекспира. Когда Уильям Генри станет Гамлетом, я буду уже Лиром».

Лента, стягивающая волосы мальчугана, давно развязалась, и темная масса кудрей обрамляла лицо подобно густому дыму, подхваченному ветром. Кожа напоминала атлас, персик и слоновую кость, прямой римский нос выглядел столь же аристократично, как и высокие скулы, а уголки полных чувственных губ подрагивали, предвещая улыбку. Но все это не шло ни в какое сравнение с глазами!

Словно почувствовав перемену в Джордже Парффри, Уильям Генри вскинул голову и уставился на него в упор, а его загадочная улыбка вдруг показалась ошеломленному Парффри приглашением той части души Уильяма Генри, о существовании которой мальчик и сам не подозревал. Солнце светило Уильяму Генри в глаза, отражаясь от окатанных водой камней, и темные глубины этих глаз ожили, их пронизал свет, на фоне которого плясали золотистые искры.

Джордж Парффри ничего не смог с собой поделать: все произошло прежде, чем он успел опомниться. Преодолев расстояние, отделяющее его от Уильяма Генри, Парффри поцеловал его в губы. После этого он обнял мальчика — он просто не сумел удержаться — и принялся ласкать губами его лоб, щеки и шею, вызывая трепет худенького тела.

— Какая красота! — благоговейно шептал Парффри. — Какая красота!

Мальчик порывисто высвободился, вскочил на ноги и стрельнул взглядом из стороны в сторону, не зная, куда бежать. Он еще не успел испугаться, все его мысли были поглощены бегством.

Обезумев, Парффри поднялся, простирая руки и не понимая, что он

преградил Уильяму Генри единственный путь к спасению.

— Уильям Генри, прости! Я не хотел обидеть тебя, я никогда тебя не обижу! Ради Бога, прости! — простонал Парффри, разводя руки в мольбе о прощении.

Его слова пробудили в мальчике ужас. Уильям Генри увидел протянутые к нему руки, но не услышал мольбы и метнулся в противоположную сторону. Прямо перед ним бурлили и плескались голубовато-серые воды Эйвона, потоком вырываясь из тесного ущелья. Мистер Парффри шагнул ближе, пытаясь схватить мальчика за край сюртука, улыбка на его лице перестала походить на улыбку. В «Гербе бочара» Уильям Генри научился понимать такие гримасы, ибо, улучив минуту, многие мужчины улыбались ему вот так, нашептывая гнусные предложения. Уильям Генри знал, что эта улыбка фальшива, но не понял, чем она вызвана.

Вскинув голову, он уставился на слепящее солнце.

— Папа-а-а! — С громким криком он бросился в реку.

Эйвон был опасен даже для опытного пловца, а Парффри не умел плавать. Словно обезумев, он забегал по берегу между двух скал, высматривая в бушующих водах хоть что-нибудь — маленькую руку, край одежды. Но он ничего не увидел. Ни ветки, ни листочка, ни Уильяма Генри. Мальчик камнем ушел на дно, не пытаясь бороться.

О чем думал при этом ребенок? Что он увидел, стоя на берегу реки? Почему так перепугался? Неужели он и вправду предпочел ледяные объятия воды? Знал ли он, что делает, прыгая в воду? Или просто потерял способность рассуждать? Он позвал на помощь отца — вот и все. И прыгнул. Не оступился, не упал, а прыгнул в воду сам.

Через полчаса Парффри отвернулся от реки. Уильям Генри Морган ни разу не всплыл на поверхность. Он утонул.

«Он погиб, это я убил его. Я думал о себе, и только о себе, я ждал приглашения и убедил себя в том, что его взгляд был манящим. Но ему было всего девять лет от роду. Девять! Я отверженный. Отщепенец. Я убил ребенка».

Он разыскал коня, с трудом взобрался в седло и направился в сторону Бристоля, не обратив внимания на заинтересованные взгляды пожилой дамы и двух молодых калек. Как странно! Куда же девался миловидный мальчуган?

Оставив коня у ворот Колстонской школы, Парффри прошел по коридорам, никого не замечая, хотя его провожали настороженными взглядами. В своей комнатухе он положил альбом на стол, видя лицо

Уильяма Генри в каждом углу, вынул из кармана ключик и отпер деревянную шкатулку, в которой хранил дорогие ему вещи, не желая, чтобы их увидел пронырливый Причард. Под пестрой коллекцией вещей — двумя прядями волос, полированным агатом, потрепанной книгой, миниатюрой — таилась еще одна шкатулка. В ней Парффри держал маленький пистолет и все необходимое, чтобы заряжать его. Такой пистолет можно было спрятать в женской муфте.

Зарядив оружие, Парффри подошел к столу, присел на жесткий стул, окунул перо в чернильницу, машинально стряхнул с кончика лишнюю каплю чернил и написал в альбоме:

«Я виновен в смерти Уильяма Генри Моргана».

Подписавшись, он выстрелил себе в висок.

Переполох в «Гербе бочара» поднялся задолго до двух часов, когда Уильям Генри обычно возвращался домой из школы: весть о смерти директора облетела город в мгновение ока. Занятия отменили, но Уильям Генри не вернулся домой. Как только усталый и обескураженный Ричард переступил порог таверны в три часа пополудни, взволнованные бабушка и дедушка встретили его известием о пропаже внука.

От ужаса у Ричарда свело язык и челюсти, но физическая усталость мгновенно улетучилась. Он попытался заговорить, открыл и вновь закрыл рот и, наконец, пробормотал, что немедленно отправится на поиски Уильяма Генри.

— Ты иди к Колстонской школе, — решил Дик, развязывая передник, — а я пойду к Редклиффу. Мэг, запри двери таверны.

Постепенно к Ричарду возвращался дар речи.

— Он наверняка отправился в Клифтон, отец. Я пройду через Брэндон-Хилл, а ты — через канатную мастерскую. Встретимся у Хотуэл-Хауса.

Сердце Ричарда колотилось вдвое быстрее обычного, во рту пересохло, однако он шел стремительно, останавливаясь лишь затем, чтобы расспросить случайных прохожих. У Брэндон-Хилла прохожие попадались ему все реже, жители домов близ Джейкобз-Уэлл не видели темноволосого мальчика.

Возле имения Бойса ему вдруг повезло: конюх Ричард по-прежнему возился во дворе у конюшни.

— Да, сэр, сегодня рано утром я видел одного смазливового дьяволенка. Он помог мне накормить и напоить лошадей, потом мы вместе перекусили, и он направился вверх по Клифтон-Хиллу один-одинешенек.

У Ричарда ни разу не мелькнуло подозрение, что конюх лжет: он

выглядел дружелюбным малым, который порадовался обществу маленького бродяги, не задумавшись о том, что ему следовало бы пинком отправить Уильяма Генри домой.

Сбивчиво поблагодарив конюха, Ричард быстро зашагал вверх по Клифтон-Хиллу, откуда открывался обширный вид. Но долины между холмами были пустынные, если не считать пасущихся овец, и хотя Ричард обыскал все окрестные рощи, Уильяма Генри там не оказалось.

К шести часам он вошел в Хотуэл-Хаус и обнаружил, что Дик уже ждет его, изводясь от нетерпения.

— Ричард, он пообедал здесь! Приехал верхом с каким-то мужчиной лет тридцати пяти — довольно привлекательным, по словам миссис Харрис, пожилой дамы, которая их видела. Уильям Генри и незнакомец вели себя, как давние друзья — смеялись и шутили так, словно знакомы уже много лет. Они пешком ушли в сторону скал Сент-Винсент. А час спустя миссис Харрис и еще две женщины видели, как мужчина уехал один, кривясь так, как будто он болен. Уильяма Генри с ним не было.

Поблизости вертелся арендатор Хотуэл-Хауса, встревоженный случившимся. Меньше всего ему был нужен скандал, поэтому он вложил в руку Ричарда стакан минеральной воды, не требуя никакой платы, и отступил, продолжая напряженно прислушиваться.

Не чувствуя ни горечи, ни вони тухлых яиц, Ричард одним глотком осушил стакан. Он дрожал всем телом, его одежду пропитал пот, в глазах застыл ужас.

— Идем, — коротко бросил он отцу и вышел.

Судя по всему, Уильям Генри и его спутник побывали на давно знакомой Ричарду поляне: трава была примята, недалеко от берега валялся пучок увядающих ромашек. Ричард и Дик звали Уильяма Генри, пока не охрипли, но не дождались ответа, а потом принялись обыскивать каждую трещину в камне, каждый каменный карниз и нишу. Но ничего не нашли. Начался отлив, воды Эйвона отхлынули от берега.

Дик даже не пытался убедить Ричарда прекратить поиски, но когда стало темнеть, взял сына за плечо и слегка встряхнул.

— Пора возвращаться в таверну, — произнес Дик. — Утром мы вернемся сюда вместе с помощниками и продолжим поиски.

— Отец, он здесь! Он не уходил отсюда! — срывающимся голосом выпалил Ричард.

«Не упоминай про реку! Не вздумай заронить ему в голову эту мысль!»

— Если он здесь, мы найдем его утром. А сейчас пойдем домой,

Ричард. Пойдем.

До Бристоля они добрались молча — Ричард горел, как в лихорадке, Дика объял ледяной ужас.

Хотя двери «Герба бочара» были закрыты, возле стойки сидели трое мужчин, глядя в стол, — кузен Джеймс-священник, кузен Джеймс-аптекарь и преподобный мистер Причард. На столе лежал раскрытый альбом.

— Уильям Генри! — воскликнул Ричард. — Где Уильям Генри?

— Сядь, Ричард, — предложил кузен Джеймс-аптекарь, на которого, как на главу клана, неизменно возлагалась печальная обязанность передавать дурные вести. Кузен Джеймс-священник помогал ему, готовый тут же утешить пострадавшего.

— Да говори же! — процедил Ричард сквозь зубы.

— Уильяма Генри учил латыни некий Джордж Парффри, — бесстрастным тоном начал кузен Джеймс-аптекарь, заставляя себя смотреть прямо в полубезумные глаза Ричарда. — Сегодня днем Парффри застрелился. Он оставил записку. — И Джеймс перевернул альбом.

Прочесть несколько слов не составило труда, хотя всю страницу покрывали пятна крови. «Я виновен в смерти Уильяма Генри Моргана».

У Ричарда подкосились ноги. Он упал на колени, побелев как бумага.

— Не может быть... — еле выговорил он. — Не может быть...

— Может, Ричард. Этот человек застрелился. — Кузен Джеймс-аптекарь придвинулся к Ричарду и пригладил его взлохмаченные волосы.

— Ему показалось! Должно быть, Уильям Генри убежал!

— Сомневаюсь. Если верить словам Парффри, он убил Уильяма Генри. И поскольку вы не нашли ребенка, значит, Парффри бросил его труп в Эйвон.

— Нет, нет, нет! — Закрыв лицо ладонями, Ричард закачался, как маятник.

— А что скажете вы? — не скрывая неприязни, спросил Дик у мистера Причарда.

Причард облизнул бледные губы.

— Мы услышали выстрел и обнаружили Парффри с раной в виске. Альбом лежал рядом с ним. Я отправился прямо к преподобному Моргану, — он указал на кузена Джеймса-священника, — а потом мы вдвоем пришли сюда. Я... не знаю, что и сказать... а что тут скажешь! Мистер Морган, вы не можете себе представить, как велики мои скорбь и раскаяние! Но Парффри прослужил в Колстонской школе десять лет, имел незапятнанную репутацию, ученики обожали его. Ума не приложу, что же все-таки произошло.

По-прежнему стоя на коленях, Ричард слышал голоса так, словно они доносились издалека. Дик рассказывал о поисках в Клифтоне, о событиях в Хотуэл-Хаусе, о примятой траве и пучке ромашек на мысу близ Эйвона.

— Наверное, Уильям Генри упал в реку и утонул, — решил мистер Причард. — И все-таки предсмертная записка Парффри выглядит странно, словно он был свидетелем смерти, а не совершил убийство.

— Он сам признал свою вину, — вмешался кузен Джеймс-аптекарь. — Будь он проклят!

Голоса то утихали, то вновь слышались громче, их перебивали всхлипы Мэг, сидящей в углу в позе скорбящей Гекубы.

— Он не умер, — произнес Ричард после паузы, которая, как казалось ему, затянулась на целый час. — Я знаю, Уильям Генри жив.

— Завтра мы поднимем на поиски половину Бристоля — обещаю тебе, Ричард, — заверил кузен Джеймс-аптекарь. Он умолчал о том, что искать мальчика придется у берегов Эйвона и Фрума, особенно во время отлива. К берегам часто прибывало трупы кошек, собак, лошадей, овец и коров, а иногда в иле находили утонувших мужчин, женщин и детей, словно рвоту, извергнутую рекой.

Ричарда отвели наверх, уложили в постель и раздели; подошвы его башмаков протерлись до дыр — сегодня ему пришлось прошагать почти тридцать миль. Но когда кузен Джеймс-аптекарь попытался дать ему лауданум, Ричард оттолкнул стакан.

Нет, Уильям Генри не мертв. Он ни за что не подошел бы к воде. Ричард часто объяснял сыну, что Эйвон опасен, и Уильям Генри внимательно слушал и согласно кивал. Как и Дик, и кузен Джеймс, и мистер Причард, Ричард знал, что могло произойти на берегу: видимо, Парффри начал оказывать мальчику недвусмысленные знаки внимания, а Уильям Генри убежал. Но только не в сторону реки! Чтобы такой проворный, умный мальчик совершил необдуманный поступок — немыслимо! Нет, он наверняка вскарабкался на скалу и убежал; должно быть, сейчас он спит, свернувшись клубком, где-нибудь в Дердхэм-Даун, решив вернуться домой завтра. Он до смерти перепуган, но жив.

Так Ричард утешал себя, отгоняя страшную истину, которую уже поняли все остальные, и радовался тому, что Пег не дожила до этой трагедии. Поистине Господь добр. Он мгновенно вознес Пег на небеса и закрыл ей глаза прежде, чем в них отразилось отчаяние.

По призыву мэра за поиски Уильяма Генри взялось несколько тысяч горожан. Каждый матрос, стоящий на вахте, вглядывался в прибрежный ил, свешивался за борт, всматриваясь в жирные бесформенные кучи между

причальных свай и отбросов пятидесятитысячного города. Но тщетно. Те, у кого были лошади, побывали в Пилле, в Блэз-Касл, в Кингсвуде, в каждой деревушке на расстоянии нескольких миль от Клифтона и Дердхэм-Даун; остальные обшаривали берега реки, переворачивая обломки бочек и плавучий торф, заглядывая повсюду, куда могло занести труп. Но никто не нашел Уильяма Генри.

— Прошла уже неделя, — мрачно заявил Дик, — а мы не нашли никаких следов. Мэр советует нам прекратить поиски.

— Понимаю, отец, — вздохнул Ричард. — Но я не сдамся. Ни за что.

— Прошу тебя, смирись! Подумай о том, каково сейчас твоей матери.

— Я не могу смириться и никогда не смирюсь.

Был ли отказ от слепого смирения лучше океана слез, которые он пролил после смерти маленькой Мэри? По крайней мере, выплакавшись, Ричард успокоился. А теперь он страдал сильнее, чем после утраты Пег или Мэри.

— Если бы Ричард потерял всякую надежду найти Уильяма Генри, — рассуждал кузен Джеймс-аптекарь за кружкой рома, — ему было бы незачем жить. Все его близкие умерли, Дик! Пусть у него останется хотя бы надежда. И я, и преподобный Джеймс молимся о том, чтобы тело не нашли. Это поможет Ричарду выжить.

— Разве это жизнь? — возразил Дик. — Это земной ад.

— Для тебя и Мэг — да. А для Ричарда — продолжение надежды и способ существования. Не разубеждай его.

Ричард не нашел и работу, но настоятельной необходимости в поисках не возникало, поскольку дела его отца шли неплохо. Дик владел «Гербом бочара» уже десять лет, дольше, чем большинство трактирщиков Бристоля. Хотя Дик не надеялся, что его заведение будут посещать члены «Общества непоколебимых» или «Юнион-клуба», даже в страшные годы спада таверна сохранила своих посетителей. Едва горожанин находил работу или возвращался на прежнюю, он приводил свою семью в излюбленную таверну. Поэтому летом тысяча семьсот восемьдесят четвертого года «Герб бочара» процветал — конечно, не так, как в тысяча семьсот семьдесят четвертом году, но работы хватало и Дику, и Мэг, и Ричарду. Кроме того, платить за обучение Уильяма Генри теперь не приходилось.

Прошло два месяца. В сентябре двери Колстонской школы вновь открылись для приходящих учеников, но новым директором стал отнюдь не мистер Причард. Исчезновение Уильяма Генри Моргана и самоубийство учителя латыни Джорджа Парффри лишили его всяких шансов занять руководящий пост. Поскольку возложить ответственность за случившееся

на покойного директора было невозможно, позорное пятно появилось на репутации преподобного мистера Причарда. В особняке епископа ему пришлось долго отвечать на щекотливые вопросы самых влиятельных бристольтцев.

Вскоре после начала занятий в Колстонской школе Ричард получил письмо от сборщика акциза мистера Бенджамина Фишера, который просил его зайти в управление немедленно.

— Вероятно, вас удивляет то, что мы до сих пор не взяли под стражу Уильяма Торна, — начал мистер Фишер, как только Ричард появился у него в кабинете. — К этой мере мы прибегнем лишь в крайнем случае, а пока наши усилия направлены на то, чтобы получить с мистера Томаса Кейва пеню в размере тысячи шестисот фунтов и обойтись без судебного разбирательства. Однако, — продолжал он с легкой улыбкой удовлетворения, — всплыли обстоятельства, которые заметно осложнили дело. Присядьте, мистер Морган. — Он прокашлялся. — Я слышал о том, что случилось с вашим сыном. Искренне сочувствую вам.

— Спасибо, — равнодушно откликнулся Ричард и сел.

— Мистер Морган, вам что-нибудь говорят имена Уильям Инселл и Роберт Джонс?

— Нет, сэр.

— Очень жаль. Оба они работали на винокуренном заводе Кейва одновременно с вами.

— Обслуживали перегонные аппараты?

— Да.

Нахмурившись, Ричард попытался вспомнить восемь или девять лиц, которые мелькали в полутемной комнате, и пожалел о том, что сторонился рабочих даже во время отсутствия Торна. Нет, он не вспомнил ни Инселла, ни Джонса.

— К сожалению, я просто не знаком с ними.

— Не важно. Вчера Инселл пришел ко мне и признался, что утаивал сведения — видимо, из страха перед Торном. Примерно в то же время, когда вы обнаружили отводные трубы и бочонки, Инселл подслушал разговор Торна, Кейва и мистера Сили Тревильяна. Они говорили о незаконном роме, не стесняясь в выражениях. Инселл был занят своей работой, его ни в чем не заподозрили, но ему стало ясно, что эти трое обманывают акцизное управление. Поэтому я намерен привлечь к ответственности Кейва, Тревильяна и Торна, а управление сможет получить свои деньги, наложив арест на имущество Кейва.

Оцепенение Ричарда начало рассеиваться, он откинулся на спинку

стула и довольно улыбнулся.

— Отличные вести, сэр.

— Мистер Морган, ничего не предпринимайте, пока дело не дойдет до суда. Нам придется провести расследование, прежде чем взять под стражу всех троих, но позвольте вас заверить: рано или поздно это произойдет.

Два месяца назад эта новость заставила бы Ричарда бегом вернуться в «Герб бочара», не помня себя от радости, но сегодня вызвала в нем лишь мимолетную вспышку удовольствия.

— Я не помню ни Инселла, ни Джонса, — сообщил он отцу, — но они подтвердили мои показания.

— Уильям Инселл сидит вон там. — Дик указал в угол зала. — Он пришел поговорить с тобой и решил подождать.

Одного взгляда на лицо Инселла хватило Ричарду, чтобы освежить память. Инселл был совсем молодым, добродушным и трудолюбивым парнем. К сожалению, именно его Торн избрал козлом отпущения и дважды подверг порке, но Инселл даже не подумал сопротивляться. Впрочем, в его покорности не было ничего странного. Сопrotивляясь, он наверняка лишился бы работы, а в трудные времена работа ценилась слишком высоко, чтобы терять ее. Ричарду ни разу даже не грозили поркой, ему не приходилось делать мучительный выбор между унижением и работой. Подобно Уильяму Генри, он умел избегать телесных наказаний, не выказывая подобострастия; кроме того, Ричард был опытным ремесленником, а не чернорабочим. А бедолага Инселл идеально подходил на роль жертвы. Он был ни в чем не виноват. Так распорядилась судьба.

Ричард отнес две полпинты рома на угловой стол и присел рядом с Инселлом. В последнее время его привычки изменились, но никто из родных ни словом не упоминал об этом: Ричард стал все чаще искать утешения в кружке рома.

— Как дела, Уилли? — спросил он, пододвигая одну кружку мистеру Инселлу.

— Я не мог не прийти, — сообщил Инселл.

— Что случилось? — Ричард с нетерпением ждал, когда обжигающая жидкость приглушит его душевную боль.

— Торн узнал, что я побывал в акцизном управлении.

— И неудивительно — ты же явился туда открыто. А теперь успокойся. Выпей рома.

Инселл жадно припал к кружке, чуть не поперхнувшись лучшим неразбавленным ромом Дика, но вскоре перестал дрожать. Опустошив свою кружку, Ричард заново наполнил обе.

— Я потерял работу, — признался Инселл.

— Тогда почему же ты боишься Торна?

— Этот человек — убийца! Он разыщет меня и прикончит!

Втайне Ричард считал, что на убийство скорее способен Сили Тревилльян, но не стал спорить.

— Где ты живешь, Уилли?

— В Клифтоне. Возле Джейкобз-Уэлл.

— А какое отношение имеет к делу Роберт Джонс?

— Я рассказал ему о подслушанном разговоре. Мистер Фишер из акцизного управления заинтересовался Джонсом, но решил, что как свидетель я гораздо важнее.

— И он прав. Торн знает, что ты живешь возле Джейкобз-Уэлл?

— Вряд ли.

— А Джонс? — Ричард вдруг вспомнил Роберта Джонса — подхалима, прихвостня Торна. Несомненно, от него Торн и узнал о случившемся.

— Я не говорил ему.

— Тогда успокойся, Уилли. Если тебе нечем заняться, приходи сюда. Торну и в голову не придет искать тебя в «Гербе бочара». Но за ром тебе придется платить.

Инселл в испуге отодвинул кружку.

— Сколько я тебе должен?

— Я угощаю. Выше нос, Уилли. Эти мошенники не блещут умом. Тебе ничто не угрожает.

Дни становились все короче, у Ричарда оставалось все меньше времени на поиски Уильяма Генри. Первым делом он приходил на мыс Эйвона, карабкался по мрачным скалам, зовя сына. Добравшись до вершины ущелья, Ричард брел пешком через Дердхэм-Даун и Клифтон-Грин. Путь домой пролегал мимо дома Уильяма Инселла, но обычно они с Инселлом встречались на тропе через Брэндон-Хилл. Инселл торопился попасть домой до наступления темноты, однако из страха перед Торном покидал «Герб бочара» только в сумерках.

Ричард износил еще две пары башмаков, но никто из Морганов не посмел упрекнуть его: чем больше Ричард бродил по окрестностям, тем меньше рома он пил. Брату Уильяму неожиданно понадобилось заточить все пилы (он распиливал дерево, привезенное из Вест-Индии), поэтому у Ричарда появилось новое занятие помимо поисков в Клифтоне. А вдруг мальчик дошел до самого Каколд-Пилла? Ободренный новой надеждой, Ричард перестал считать походы к Уильяму потерянным временем. Несколько дней он совсем не пил: чтобы заточивать пилы, требовалась

твердая рука.

Он не плакал, не проронил ни единой слезы. Ром приглушил его боль, а вместе с ней — и надежду увидеть Уильяма Генри.

— Не думал, что когда-нибудь заговорю об этом, — как-то в сентябре признался Ричард кузену Джеймсу-аптекарю, — но теперь я жалею о том, что не нашел труп Уильяма Генри. Если бы я увидел его мертвым, то потерял бы последнюю надежду. А теперь мне все кажется, что Уильям Генри жив, и это сущая пытка — как ему живется среди чужих людей, вдали от дома?

Его кузен печально отвел взгляд. Ричард похудел, но по-прежнему был крепким благодаря долгим пешим прогулкам, ему еще хватало силы поднимать тяжести, он не выказывал никаких признаков болезни. Сколько лет ему исполнится в следующем году? Тридцать шесть. Почти все Морганы доживали до глубокой старости, и если Ричард не испортит печень ромом, то дотянет лет до девяноста. Но ради чего? Только бы он забыл о постигшем его горе, женился вновь и обзавелся детьми!

— Прошло уже два с половиной месяца, кузен Джеймс! А Уильяма Генри я так и не нашел. Должно быть, — он содрогнулся, — этот мерзавец спрятал труп.

— Дружище, постарайся забыть обо всем.

— Не могу.

На следующий день Уильям Инселл не появился в «Гербе бочара». Радуюсь возможности отправиться в Клифтон раньше обычного, Ричард надел шляпу и двинулся к двери.

— Уже уходишь? — удивленно окликнул его Дик.

— Инселл не пришел, отец.

Дик хмыкнул.

— Невелика потеря. Мне надоело видеть, как он торчит здесь в углу, убитый горем, и отпугивает посетителей.

— А с чего ему веселиться? — отозвался Ричард с усмешкой. — Но его отсутствие тревожит меня. Я схожу и узнаю, почему он не пришел.

Путь через Брэндон-Хилл был знаком Ричарду как свои пять пальцев; он сумел бы пройти его с завязанными глазами. Через четверть часа он уже стоял возле дома Уильяма Инселла.

На пороге сидела девушка. Не заметив ее, Ричард поднялся по ступенькам. Девушка поспешно убрала ногу.

— Бонжур, — произнесла она.

Вздвогнув от неожиданности, Ричард уставился в самое прелестное женское лицо, какое ему доводилось видеть. Огромные, озорные и вместе с

тем нежные черные глаза, окаймленные длинными ресницами, ямочки на розовых щеках, пухлые алые губы, не знающие губной помады, безупречная кожа и целый водопад блестящих смоляных локонов. Незнакомка была настоящей красавицей и выглядела на редкость опрятно.

— Как поживаете? — осведомился Ричард, с поклоном приподнимая шляпу.

— Прекрасно, месье, — с сильным французским акцентом отозвалась девушка. — Чего не скажешь о бедном Уилли.

— Инселле, мистрис?

— Да. — Она поднялась, и Ричард убедился, что красотой ее фигура не уступает лицу. Девушке очень шло явно дорогое розовое шелковое платье. — Да, об Уилли, — добавила она, произнеся имя Инселла так мило, что Ричард невольно улыбнулся.

Девушка ахнула.

— О, месье, как вы красивы!

Обычно Ричард робел в присутствии незнакомых людей, но рядом с этой девушкой не чувствовал робости, несмотря на ее откровенность. Понимая, что краснеет, он хотел было отвернуться, но не смог. Она и вправду была на удивление хороша собой, а высокая, гладкая, сливочно-белая грудь в разрезе платья неудержимо манила Ричарда.

— Я Ричард Морган, — представился он.

— А я — Аннемари Латур, горничная миссис Бартон. Я здесь живу. — Она усмехнулась. — Разумеется, не с Уилли!

— Так вы говорите, он болен?

— Пойдемте, и вы увидите сами. — Она повела его по узкой лестнице, высоко подобрав платье и показывая две изящные щиколотки под пеной отделанных кружевом нижних юбок. — Уилли! Уилли! К тебе пришли! — крикнула она, дойдя до площадки.

Войдя в комнату Инселла, Ричард увидел, что тот с посеревшим лицом лежит в постели.

— В чем дело, Уилли?

— Устрицы были несвежими, — простонал Уилли.

Аннемари вошла в комнату следом за Ричардом и теперь смотрела на Уилли с любопытством, но без всякого сочувствия.

— Он съел устрицы, которые отдала мне миссис Бартон. Я говорила, что старуха кормит меня едой, которую давно пора выбрасывать. Но Уилли понюхал устрицы, сказал, что они еще свежие, и съел их. И вот что из этого вышло! — заключила она с трагическим жестом.

— Поделом тебе, Уилли. Врач уже приходил? Тебе что-нибудь нужно?

— Только покой, — простонал страдалец. — Меня выворачивало столько раз, что врач заявил, что в желудке от устриц не осталось даже воспоминаний. Но чувствую я себя совсем разбитым.

— Зато ты жив, а это уже неплохо. Если ты не подтвердишь мои показания, мистер Фишер из акцизного управления проиграет процесс. Завтра я навещу тебя.

Ричард спустился по лестнице, ни на секунду не забывая, что Аннемари Латур следует за ним — так близко, что он ощущал запах лучшего бристольского мыла. Не духов, а мыла с ароматом лаванды. Такой девушке не место в доходном доме в Клифтоне. Как правило, горничные жили в городе. К тому же ни одна из них не носила шелковые платья. Должно быть, обноски миссис Бартон. В таком случае у этой миссис Бартон, которую Аннемари назвала старухой, превосходная фигура.

— Всего хорошего, месье Ричард, — сказала мистрис Латур, остановившись на крыльце. — Так мы увидимся завтра?

— Да, — кивнул Ричард, надел шляпу и направился в сторону Клифтон-Грин.

В голове Ричарда царил хаос: он думал о том, где теперь искать Уильяма Генри, и вместе с тем не мог не вспоминать об Аннемари Латур. Ее образ неотступно преследовал Ричарда, его тело предательски вздрагивало и напрягалось. Проведя всю жизнь в тавернах, он знал, что бывают случаи, когда рассудительность и здравый смысл улетучиваются при одном-единственном шорохе женской юбки.

Но почему именно теперь, да еще с этой женщиной? Пег умерла девять месяцев назад; как требовал обычай, Ричард еще носил траур и не имел права даже думать о плотских потребностях. Впрочем, он никогда не питал пристрастия к любовным утехам. Жена была его единственной возлюбленной, Ричарду и в голову не приходило засматриваться на других женщин.

Дело не во времени и не в случае, размышлял он, продолжая стаптывать четвертую пару башмаков. Все дело в этой женщине. В Аннемари Латур. Когда бы и где бы они ни встретились, при жизни Пег или после ее смерти, Аннемари Латур пробудила бы в Ричарде те же самые чувства. Слава Богу, что Пег уже умерла! Аннемари излучала непреодолимый соблазн, казалась сиреной, чье излюбленное занятие — обольщать. «А я не Улисс, привязанный к мачте, с заткнутыми воском ушами. Я обычный, ничем не примечательный человек. Я не люблю ее, но, Бог свидетель, хочу!»

И тут на Ричарда нахлынули угрызения совести. Пег мертва, он по-

прежнему носит траур. Уильям Генри исчез всего три месяца назад. Эти чувства порочны, омерзительны, неестественны. Ричард бросился бежать, выкрикивая имя сына, которое уносил равнодушный ветер Клифтон-Хилла. «Уильям Генри, Уильям Генри, спаси меня!»

Но на следующее утро ровно в восемь Ричард подошел к двери дома Уилли Инселла, комкая в руках шляпу и тщетно высматривая Аннемари Латур. Ее не оказалось ни на крыльце, ни на лестнице. Осторожно постучав, Ричард вошел в комнату Инселла и обнаружил, что тот спит. Грудь Уилли мерно вздымалась и опадала. Ричард на цыпочках вышел.

— Бонжур, месье Ричард.

Вот она где! На лестнице, ведущей в мансарду.

— Он спит, — неловко отозвался Ричард.

— Знаю. Я дала ему лауданум.

На этот раз Аннемари была одета не так тщательно, как вчера, — вероятно, она только что встала. Под розовым кружевным пеньюаром виднелась прозрачная розовая рубашка. Распущенные волосы рассыпались по плечам.

— Я разбудил вас? Прошу прощения...

— Нет. — Она приложила палец к губам Ричарда. — Тс-с! Идемте.

Ричард, воспрянувший духом при виде Аннемари, послушно последовал за ней в крохотную комнатку и застыл, прижав шляпу к животу и растерянно озираясь по сторонам. В доме кузины Энн мебель была гораздо роскошнее, чем здесь, но мистрис Аннемари отличалась утонченным вкусом. В опрятной комнате пахло не пропитанной потом одеждой, а лавандой; тут преобладал девственно-белый цвет.

— Ричард... вы позволите называть вас Ричардом? — спросила девушка, вынимая из его рук шляпу и изумленно округляя глаза. — О-ля-ля! — воскликнула она, помогая ему снять сюртук.

Ричард привык предаваться любви в ночной рубашке, в полной темноте, но у Аннемари были иные вкусы. Она решительно стащила с него рубашку, и Ричард застыл на месте; на нем не осталось ни единой нитки.

— Ты очень красив, — несколько удивленно заметила она, оглядывая его и одновременно снимая кружевной пеньюар и розовую шелковую рубашку. — И я красива, верно?

Он лишь молча кивнул. Ему было не о чем беспокоиться: Аннемари взяла инициативу в свои руки и не собиралась отдавать ее. Более искушенного мужчину насторожило бы ее мастерство, но Ричард не располагал опытом в подобных делах и боялся оказаться в нелепом положении. А подчинившись Аннемари, он ничем не рисковал и вряд ли

сделал бы неверный шаг, за который она могла бы поднять его на смех.

На главных улицах Бристоля встречалось немало миловидных дам, но пышные юбки скрывали кривые или волосатые ноги, а груди, стиснутые корсетами, без этой поддержки свисали почти до пояса, до трясущегося, словно студень, живота. Однако мистрис Аннемари была совсем другой: она и вправду оказалась красавицей. Ее груди были высокими и упругими, как у Пег, талия — еще более тонкой, бедра — округлыми, ноги — стройными и ровными, живот плоским, а холмик под черной порослью — сочным и соблазнительно пухленьким.

Она еще раз обошла вокруг Ричарда, прильнула к его спине и потерлась о нее, не переставая томно мурлыкать. Ричард ощущал прикосновение волос на ее лобке и вздрогнул, когда она вдруг вонзила наманикюренные ногти ему в плечи и слегка приподнялась, лаская своим холмиком его ягодицы. Стиснув зубы и каждое мгновение опасаясь излиться, Ричард заставил себя стоять неподвижно, пока Аннемари продолжала ласкаться и ворковать. Наконец она опустилась на колени перед ним, откинулась назад так, что ее грудь стала похожей на две округлые пирамиды с алыми вершинами, встряхнула волосами и торжествующе усмехнулась.

— Кажется, — гортанно произнесла она, — мне предстоит играть на безмолвной флейте.

— Попробуйте, мадам, — еле выговорил Ричард, — и через секунду польется мелодия!

Подхватив его яички обеими ладонями, Аннемари улыбнулась.

— Это не важно, милый Ричард. В такой чудесной флейте найдется немало мелодий.

Ощущения были неопишутыми. Закрыв глаза, всецело сосредоточившись на изощренном наслаждении, Ричард старался запомнить как можно больше многочисленных нюансов новых впечатлений. И наконец, смирившись с поражением, ослепленный яркими светящимися пятнами на фоне бархатистой черноты, он запустил пальцы в густые волосы Аннемари, пока она проглатывала его семя.

Она была права: содрогнувшись в последний раз, тиран внизу живота Ричарда вновь восстал и потребовал продолжения.

— Теперь моя очередь, — заявила Аннемари, в туфлях на высоких каблуках прошла к постели и растянулась на ней, выставив на обозрение набухшие малиновые губы в глубокой расщелине между ног. — Сначала — легкий напев языком, затем — марш на флейте и, наконец, тарантелла! И грохот барабанов!

Она получила то, чего потребовала. Стеснение Ричарда давно улетучилось: если мадам желала убедиться в его мастерстве, он был твердо намерен исполнить победную симфонию.

— А ты, оказывается, не только колдунья, но и поклонница музыки, — пробормотал Ричард несколько часов спустя, доведенный до изнеможения. — Нет, даже не пытайся. Флейта надолго умолкла.

— Ты сам не знаешь, на что способен, дорогой, — промурлыкала Аннемари.

— И ты тоже. Но вряд ли ты освоила такой богатый репертуар на жалком подобии моей барабанной палочки. Должно быть, у тебя были и флейты, и кларнеты, и гобои, и даже фаготы.

— А ты образованный человек, милый Ричард.

— Пять лет, проведенных в Колстонской школе, вряд ли назовешь достойным образованием. Гораздо большему я научился, делая оружие.

— Оружие?

— Да, в мастерской одного португальского еврея, опытного оружейника, — объяснил Ричард, который был слишком утомлен, чтобы ворочать языком, но чувствовал, что после «концертов» Аннемари любит поболтать. — Он играл на скрипке, его жена — на клавикордах, а три их дочери — на арфе, виолончели и... хм... на флейте. Я прожил в их доме семь лет и часто пел, потому что им нравился мой голос. В моих жилах есть примесь валлийской крови, а валлийцы — признанные певцы.

— Тебе не занимать чувства юмора, — заметила Аннемари, отводя волосы с его лица. — Его нечасто встретишь у бристольца. Значит, валлийцы славятся и остроумием?

Ричард поднялся, надел белье и принялся натягивать чулки.

— Не понимаю только одного: зачем тебе служить горничной, Аннемари? Тебе следовало бы стать любовницей магната.

Она небрежно отмахнулась.

— Меня забавляет такая работа.

— А откуда у тебя шелковые платья? И эта... девственно-белая комната?

— Подарки миссис Бартон, — презрительно откликнулась она. — Безмозглая старая сука!

— Не смей так говорить! — перебил Ричард.

— Нет, буду! Она сука! Да, сука! Похоже, я шокировала тебя, милый Ричард. — Усевшись на постели, она скрестила ноги по-турецки. — Я обманываю миссис Бартон. Обвожу ее вокруг пальца. Она считает, что поступила умно, поселив меня подальше от своего старого глупого

мужа. — Аннемари презрительно приподняла губу. — А сама она вхожа во все лучшие дома Клифтона, где любит похвалиться тем, что у нее служит настоящая фр-р-ранцуженка. Ха!

Одевшись, Ричард с усмешкой взглянул на Аннемари.

— Ты хочешь вновь увидаться со мной? — спросил он.

— О да, Ричард, очень!

— Когда?

— Завтра, в тот же час. Миссис Бартон спит допоздна.

— Но нельзя же вечно одурманивать Уилли лауданумом.

— Это ни к чему. Теперь я твоя — зачем думать об Уилли?

— Верно. Тогда до завтра.

В тот день мысли об Уильяме Генри отступили в дальний уголок в голове его отца. Ричард направился напрямик в «Герб бочара», взбежал по лестнице, никому не сказав ни слова, в одежде бросился на постель и проспал до рассвета. Он не выпил ни капли рома.

— Твоя рыбка попалась, — сообщила Аннемари Латур Джону Тревильяну Сили Тревильяну.

— Когда же ты отучишься от своих французских замашек? — вздохнул мистер Тревильян. — Тебе пришлось несладко, бедняжка моя?

— Напротив, милый Сили. Его одежда чиста, как и его тело. Никаких гнид, вшей и лишаев, — с расстановкой пояснила она. — Он не забывает мыться. — По ее губам порхнула безжалостная улыбка. — У него на редкость красивое тело. Он настоящий мужчина.

Шпилька вонзилась точно в цель, распространяя яд, но Сили был слишком умен, чтобы выдать недовольство. Вместо этого он хлопнул французенку по попке, вручил ей двадцать золотых гиней и отпустил ее. Сегодня его навестили мистер Кейв и мистер Торн, с которыми Сили не виделся уже давно. Тем, кто живет на Парк-стрит вместе с заботливой мамашей, не пристало принимать визитеров низкого происхождения.

— Самое лучшее, что мы можем сделать, — предложил Уильям Торн, — это схватить Инселла и продать его на какую-нибудь галеру.

— Чтобы нас тут же заподозрили в убийстве? — усмехнулся Сили. — Ну уж нет!

— Я позабочусь о том, чтобы его сочли пропавшим без вести.

— Тогда пусть та же участь постигнет и Ричарда Моргана, — подхватил Тревильян.

— Это ни к чему! — встрепнулся Томас Кейв. — У Ричарда Моргана есть связи, а Инселл — просто ничтожество. Пусть Билл отправит Инселла на галеру, а я снова побываю в акцизном управлении. Я не прошу тебя

уплатить пеню, Сили, но пока она не уплачена, нам всем грозит виселица. За нами следят.

— Послушай, — отчетливо выговорил Сили Тревильян, — происхождение не позволяет мне зарабатывать на хлеб, а мой покойный отец, дьявол его побери, лишил меня наследства. Поэтому мне приходится жить своим умом и радоваться тому, что он у меня есть. Благодаря матери у меня имеется крыша над головой и мелочь на карманные расходы, но мне нужны большие деньги, и я вовсе не желаю терять их. Кроме того, я не хочу расставаться ни со свободой, ни с собственной головой. По вине Моргана и Инселла я стал нищим и потому должен отомстить им. — Его лицо исказилось. — Да, Инселл — ничтожество. Но нас выследил Морган. И потом, мне просто необходимо погубить Ричарда Моргана.

Проснувшись, Ричард первым делом заглянул в комнатку Уильяма Генри. Постель была пуста. Слезы навернулись на глаза Ричарда впервые с тех пор, как исчез его сын, но не потекли по щекам. Долгий и крепкий сон вернул ему силы, хотя пенис по-прежнему ныл от многочисленных укусов и царапин. Ричард воздерживался от бранных слов. Аннемари и вправду оказалась распутницей.

С тех пор как Ричард помнил себя, утро в доме его родителей неизменно проходило по заведенному порядку. Дик спускался на кухню и приносил чайник кипятку и ведро горячей воды для небольшой жестяной лохани Мэг. Пока была жива Пег, лоханью пользовались обе женщины, а после них мылась служанка. В то время как женщины приводили себя в порядок наверху, Ричард и Дик умывались внизу.

Проходя через спальню сына с чайником и ведром, Дик метнул быстрый взгляд в сторону Ричарда и убедился, что тот уже проснулся. Сбросив вчерашнюю одежду и поручив служанке привести ее в порядок, Ричард разыскал другую одежду в сундуке и голышом сбежал по лестнице. Его отец уже успел побриться и теперь стоял в большом тазу, тщательно намыливая мокрое тело.

Увидев сына, Дик изумленно разинул рот.

— Господи, что с тобой стряслось?

— Я был у женщины, — признался Ричард, готовя бритвенные принадлежности.

— Нашел время! — Мыло выскользнуло из пальцев Дика и утонуло в тазу. — У какой-нибудь потаскушки?

Ричард усмехнулся:

— Если она и потаскушка, отец, то такие встречаются нечасто. Таких, как она, я еще никогда не видел.

— Странные речи из уст хозяина таверны. — Дик перешагнул через край таза и принялся старательно растираться старым льняным полотенцем, а Ричард тем временем занял место отца.

— Вы закончили? — послышался сверху голос Мэг.

— Еще нет! — крикнул в ответ Дик. Не переставая вытираться, он подвел Ричарда к окну и внимательно рассмотрел его в тусклом утреннем свете, а потом нахмурился. — Надеюсь, ты ничем не заразился.

— Ручаюсь, что нет. Эта женщина особенная.

— Где ты ее нашел?

— Мы встретились у Инселла.

— Так она живет с Инселлом?

— Нет, что ты! На такое она ни за что бы не согласилась. Она колдунья. — Ричард нахмурился и покачал головой. — Сказать по правде, не знаю, что она во мне нашла. Чем я лучше Инселла?

— Вы с Инселлом похожи, как шелковый кошелек и свиное ухо.

— Сегодня утром, в восемь, я снова увижусь с ней.

Дик присвистнул.

— Ты так увлекся?

— Горю словно в огне, — признался Ричард, расчесывая влажные волосы. — Беда в том, отец, что она вызывает у меня неприязнь, но вместе с тем я не могу насытиться ею. Как мне быть? Может, держаться от нее подальше?

— Ступай к ней, Ричард! Коль попал в огонь, лучше пройти через него.

— А если я сгорю?

— Буду молиться, чтобы этого не случилось.

«По крайней мере, — размышлял Ричард, закрывая за собой дверь таверны, — отец меня понял. Вот уж не думал, что он одобрит мой выбор! Хотел бы я знать, сгорал ли когда-нибудь он сам?»

Ричард не понимал, что с ним стряслось, — то ли он изголодался, то ли попал в рабство к женщине. В Бристолe редко употребляли такие слова, как «секс» и «сексуальный», — они казались слишком грубыми и откровенными в богобоязненном городке, где умалчивали обо всем, что считалось непристойным. Само слово «секс» низводило плотскую любовь до уровня звериной похоти. Но сейчас Ричард спешил к Джейкобз-Уэлл лишь потому, что жаждал плотских утех.

При этом он думал об Уильяме Генри. Он наверняка жив, он среди чужих людей, ему не позволяют вернуться домой. Может, он попал на корабль и стал юнгой. Такое часто случалось, особенно с миловидными

мальчиками. «О Господи! Только не это! Лучше бы ему умереть, чем пережить такое! А я иду совокупляться с французской потаскухой, рядом с которой я становлюсь беспомощным, как беспомощна крыса под взглядом кобры на бристольской ярмарке...»

Каждый день всю следующую неделю Ричард встречался с Аннемари, и с каждой встречей пламя в нем разгоралось все ярче. Боль, вызванная встречами и мыслями об Уильяме Генри, о том, что он стал юнгой, вновь заставляла Ричарда искать утешения в кружке рома; днем перед ним расплывчатыми кляксами проходили лица Аннемари и отца, Уильяма Генри, плачущего где-то вдалеке, в бескрайнем море, сам Ричард тонул в мешанине плотских утех, музыки, кобр и рома и в последнем находил забвение после каждого прилива скорби. Он ненавидел Аннемари, эту французскую сучку, но никак не мог пресытиться ею. Хуже того, он ненавидел себя.

Однажды Аннемари отправила Ричарду с Инселлом записку, сообщив, что некоторое время они не будут встречаться, но не объяснила почему. Озадаченный Инселл тоже ничего не понимал и сообщил, что с двери комнаты Аннемари снят молоток, — должно быть, она переселилась к миссис Бартон. Бродя по окрестностям в поисках сына, Ричард думал о том, что не может позволить себе потерять и Аннемари. Чувство, которое он испытывал к ней, было тяжелым, тусклым и темным, как свинец, он и сам не понимал, как может бояться такой утраты. Его по-прежнему пожирало адское пламя.

Наконец прекратив поиски, он стал все дни проводить в «Гербе бочара», потягивая ром, беседуя с самим собой, положив на стол перо и бумагу, чтобы написать Джеймсу Тислтуэйту. Однако лист бумаги оставался белым.

— Джим, прошу, посоветуй мне хоть что-нибудь! — взмолился Дик, обращаясь к кузену Джеймсу-аптекарю.

— Я всего лишь аптекарь, а не врач, а у бедняги Ричарда душевная болезнь. Нет, я не виню в этом женщину. Она — только симптом его болезни, которая началась после того, как утонул Уильям Генри.

— Ты все-таки считаешь, что он утонул?

Кузен Джеймс-аптекарь энергично закивал:

— В этом я ничуть не сомневаюсь. — Он вздохнул. — Поначалу я думал, что будет лучше не лишать Ричарда надежды, но когда он начал пить, я отказался от прежних мыслей. Ему необходим врачеватель души, а ром — это не панацея.

— Преподобного Джеймса не назовешь непревзойденным

утешителем, — возразил Дик. — Это тебе хватает ума, чтобы увидеть всю картину в целом, а Джеймсу — нет. Попробуй Расскажи ему об этой французской потаскухе — и он схватит молитвенник и распятие и ринется в бой против прислужницы сатаны! Именно так он назовет ее. А по-моему, она просто назойливая особа, которую тянет к Ричарду. Он никогда не замечал, как посматривают на него женщины — а они не спускают с него глаз! Должно быть, ты и сам это видел.

Поскольку обе дурнушки дочери кузена Джеймса-аптекаря давным-давно были влюблены в Ричарда, Джеймс вновь согласно закивал.

К двадцать седьмому сентября Ричард успел в буквальном смысле слова пропитаться ромом. Получив от Аннемари Латур записку с известием, что она вернулась домой и сгорает от желания увидеться с ним, он вскочил со стула и бросился вон из таверны.

— Ричард! О, как я рада видеть тебя, милый! — Аннемари втащила его в комнату, осыпала поцелуями, сняла с него шляпу и сюртук, не переставая мурлыкать и ластиться.

— Что случилось? — спросил он, отстраняя ее и решая все выяснить сразу. — Где ты пропадала целую неделю?

— Миссис Бартон заболела, мне пришлось переселиться к ней — Уилли должен был рассказать тебе об этом. Я сама попросила его.

— А куда девался твой акцент? — насторожился Ричард.

— Дело в том, что мне пришлось безотлучно быть рядом с миссис Бартон, а она не выносит ломаного английского. Я измучилась, ухаживая за ней. — И Аннемари нахмурилась, всем видом выражая недовольство.

Ричард, на которого наконец подействовал ром, рухнул на кровать.

— Впрочем, какая разница, детка? Я соскучился и рад, что ты вернулась. Поцелуй меня!

И они принялись ласкать друг друга губами, языками, ладонями, объятые пламенем, в экстазе забыв про стыд. Час за часом они наслаждались друг другом в самых причудливых положениях: фантазия Аннемари была неиссякаемой, а Ричард охотно подчинялся ей.

— Ты необыкновенный, — наконец простонала она.

Колоссальным усилием воли Ричард заставил себя открыть глаза.

— С чего ты взяла?

— От тебя разит ромом, а ты ублажаешь меня — это вполне приличное слово! — как девятнадцатилетний мальчишка.

— Да будет тебе известно, дорогая, — гордо усмехнулся он и закрыл глаза, — чтобы лишить меня мужской силы, мало нескольких пинт рома. — Помедлив, он добавил: — Я продержался дольше Джона Адамса и Джона

Хэнкока.

— Что?

Но Ричард не ответил; откинувшись на грудку мягких подушек, Аннемари уставилась в потолок, гадая, что станет с ней, как только все будет кончено. Когда Сили уговорил ее соблазнить Ричарда Моргана, посулив несколько золотых гиней, она испустила тяжкий вздох, взяла деньги и заранее приготовилась несколько недель изнывать от скуки. Но беда была в том, что скучать ей не пришлось. Ричард оказался джентльменом. А этого она при всем желании не могла сказать о двуличном развращенном Сили, который кичился своим происхождением, однако повадками напоминал уличного мошенника.

Аннемари никак не ожидала, что ее жертва окажется привлекательной (впрочем, мысленно она называла привлекательность Ричарда красотой). На первый взгляд он был бедновато одетым заурядным бристольтцем, ни на что не претендующим и не пытающимся привлечь к себе внимание. Но едва он впервые улыбнулся ей, с его лица, казалось, слетела маска, и оно вдруг стало поразительно прекрасным. А под простой одеждой, в которой любой мужчина выглядел грузным и сутулым, скрывалось тело древнегреческой статуи. Пользуясь библейским выражением, можно сказать, что Ричард держал свой свет под спудом. Это замечали только те, кто имел глаза, чтобы видеть. Какая досада, что он так низко ценит себя! Превосходный любовник! Да, непревзойденный!

Но что же будет с ней, когда все кончится? Ждать осталось совсем недолго, судя по тому, каким податливым стал Ричард, — Сили торопил ее, а ром оказывал ей огромную помощь. Аннемари подозревала, что играет в этом спектакле второстепенную роль и понятия не имеет, каким будет финал. Но эта роль поможет ей распрощаться с Сили и с Англией. Аннемари еще не утратила девической красоты, в тридцать лет ей давали не более двадцати. С деньгами, которые Сили вскоре заплатит ей и уже заплатил за последние четыре года, она сумеет покинуть эту страну грязных свиней и перебраться на родину, в Жиронду, где и заживет, как знатная дама.

Аннемари продремала около часа; проснувшись, она разбудила Ричарда.

— Ричард, Ричард, я кое-что придумала!

У Ричарда раскалывалась голова, во рту пересохло. Привстав, он потянулся за белым кувшином, в котором Аннемари держала легкое пиво. После нескольких больших глотков ему стало лучше, но Ричард знал: пройдет не один день, прежде чем его перестанет мучить похмелье.

Разумеется, если он прекратит пить. Но кому это нужно?

— Что? — спросил он, садясь на постели и обхватывая голову руками.

— Почему бы нам не пожить вместе? Миссис Гейл, которая живет внизу, переезжает и сдает два этажа всего за полкроны в неделю. Мы могли бы устроить в одной из комнат спальню, а Уилли переселить сюда или в подвал. Он поможет нам — ведь он платит за жилье целый шиллинг. Жить вдвоем было бы так удобно — прошу тебя, Ричард, согласишься!

— Но я безработный, дорогая, — возразил он.

— Зато у меня есть работа у миссис Бартон, да и ты тоже скоро подыщешь себе место, — беспечно отозвалась Аннемари. — Ну пожалуйста, Ричард! А если здесь поселится какой-нибудь мужлан? Кто тогда защитит меня?

Ричард отвел ладони от лица и уставился от нее.

— Я могла бы сказать, что мы женаты, чтобы к нам относились с уважением.

— Женаты?

— Только чтобы успокоить соседей, милый Ричард. Ну прошу тебя!

Думать было трудно, легкое пиво вызвало тошноту. Ричард едва понимал, о чем идет речь, но предстоящие перемены не пробуждали в нем недовольства. Он и без того злоупотребил гостеприимством родителей — а может, ему просто надоел «Герб бочара».

— Ладно, — наконец выговорил он.

Просияв, Аннемари запрыгала на постели.

— Завтра же мы переезжаем! Уилли поможет миссис Гейл вывезти вещи, а потом перенесет мою мебель вниз! Завтра же!

Ошеломленные известием, родители Ричарда переглянулись и решили промолчать. В последнее время Ричард пристрастился к рому. Если он переселится в Клифтон, ему волей-неволей придется платить за выпитое.

— А если он будет жить здесь, отказать ему, моему родному сыну, я не смогу, — заключил Дик.

— Ты прав, здесь ром у него под рукой, — согласилась Мэг.

Дик одолжил сыну ручную тележку, на которой возил опилки и припасы, и мрачно проследил, как Ричард ставит на нее два сундука.

— А твои инструменты?

— Пусть останутся у тебя, — сухо ответил Ричард. — Такие инструменты вряд ли понадобятся мне в Клифтоне.

Дом, где жили мистрис Латур и Уилли Инселл, располагался на Клифтон-Грин-лейн, в окружении двух таких же домов, неподалеку от Джейкобз-Уэлл. О том, что эти дома когда-то представляли собой одно

строение, свидетельствовали узкие лестницы и грубые перегородки, благодаря которым домовладельцы увеличили количество помещений и собственный доход. Перегородки доходили до потолка, но были сколочены кое-как и испещрены щелями, сквозь которые доносились голоса. Только в мансарде Аннемари, напоминающей приподнятую бровь, существовало хоть какое-то подобие уединения. Ричард понял это сразу же, едва кровать перенесли в новую комнату этажом ниже.

— Теперь все соседи будут знать, как и когда мы предаемся любви, — недовольно заметил он.

Аннемари пожала плечами:

— Любви предается весь мир, милый Ричард. — Вдруг она ахнула и сунула руку в сумочку. — Совсем забыла! Тебе письмо!

Взяв свернутый лист бумаги, Ричард с любопытством оглядел печать — она оказалась незнакомой. Но под печатью было аккуратным почерком выведено имя мистера Ричарда Моргана.

«Сэр, — говорилось в письме, — о вас мне стало известно благодаря любезности миссис Герберт Бартон. Если не ошибаюсь, вы оружейник. В таком случае, если вы представите рекомендательные письма и продемонстрируете свое мастерство в моем присутствии, я готов предложить вам работу. Жду вас в девять часов тридцатого сентября в моем доме по адресу: Бат, Уэстгейт, дом десять».

Ниже было дрожащей, неуверенной рукой начертано имя — Хорейшо Миддер. Кто такой этот Хорейшо Миддер? Ричард думал, что ему известны имена всех оружейников от Рединга до Уэймута, но о мистере Миддере он никогда не слышал.

— Что там? От кого это? — допытывалась Аннемари, заглядывая через плечо Ричарда.

— От оружейника из Бата, некоего Хорейшо Миддера. Он предлагает мне работу, — растерянно выговорил Ричард. — Тридцатого в девять утра он ждет меня — значит, я должен выехать завтра.

— А, это знакомый миссис Бартон! — радостно воскликнула Аннемари, хлопая в ладоши. Внезапно она смутилась и опустила глаза, тени длинных ресниц легли на ее щеки. — Я рассказала ей о тебе, Ричард. Надеюсь, ты не против?

— Если я получу работу, — отозвался Ричард, подхватывая ее на руки, — можешь рассказывать обо мне хоть самому дьяволу!

— Жаль, — надулась Аннемари, — что завтра тебе придется уезжать. Я уже всем рассказала, что мы женаты и только что поселились здесь, нас наперебой приглашают в гости. — Она выпятила пухлые губки. — А если

ты задержишься в Бате до вечера, мы увидимся лишь в субботу...

— Не важно, была бы работа, — отмахнулся Ричард, ставя свой сундук туда, где вряд ли согласилась бы держать свои вещи Аннемари. — Только напрасно мы перенесли сюда кровать. Поскольку Уилли предпочел жить внизу, в этом не было никакой необходимости.

— А если ты найдешь работу в Бате? — продолжала рассуждать Аннемари, демонстрируя железную логику. — Нам опять придется переезжать.

— Верно.

— А хорошо, что теперь у меня будет отдельный кабинет, правда? Я люблю писать письма, а комната в мансарде была такой тесной!

Ричард прошел в комнату, соседствующую со спальней, и осмотрел одиноко стоящий в ней стол.

— Надо будет купить к нему остальную мебель. Как странно... За всю жизнь мне ни разу не доводилось обставлять дом, даже когда мы с Пег жили на Темпл-стрит.

— Пег? Кто это?

— Моя жена. Она умерла, — коротко ответил Ричард и понял, что ему необходимо выпить. — Пройду прогуляюсь, пока ты пишешь письма.

Но Аннемари проводила его вниз, в гостиную и кухню, где разместились четыре деревянных стула, стол, буфет, кухонный стол и грубо сложенная печь. Умеет ли Аннемари готовить еду? И хватит ли ей времени готовить, если она проводит все дни и вечера с сибариткой миссис Бартон?

На пороге Аннемари привстала на цыпочки и поцеловала Ричарда.

— Вот так встреча! — раздался развязный голос. — Мистер Морган, если не ошибаюсь?

Оборвав поцелуй, Ричард повернул голову и увидел неподалеку от дома мистера Джона Тревиляна Сили Тревиляна в роскошном оранжевом бархате, расшитом белыми и черными нитями. От неожиданности волосы на затылке Ричарда встали дыбом, но в присутствии Аннемари он не мог поступить так, как ему хотелось, — повернуться спиной к Сили Тревилянцу и направиться прочь по улице.

— Мистер Тревилян собственной персоной? — откликнулся он.

— Это и есть ваша жена, о которой я слышал? — продолжал щеголь, восхищенно оттопырив накрашенные губы. — Прошу, познакомьте нас!

Долгую минуту Ричард стоял молча, стараясь оставаться бесстрастным, а в его затуманенной ромом голове вертелись все мыслимые последствия этой злополучной, никчемной встречи. Мистера Тревиляна сопровождали мужчины и женщины, которых Ричард никогда не видел, но,

судя по их домашнему платью, они жили по соседству с квартирой, снятой Аннемари. Как же быть? Что ответить?

— Представьте меня вашей жене, — вновь попросил Сили.

Подобно каждому англичанину, Ричард слабо разбирался в законах, но знал, что, как только он назовет какую-нибудь женщину женой, она и вправду станет считаться его гражданской супругой. Когда Аннемари предложила рассказать соседям и друзьям о том, что они женаты, даже в состоянии похмелья к Ричарду пришла отрадная мысль: пусть болтает сколько угодно, называя его мужем, но он ни за что не станет подтверждать ее слова.

А теперь он стоял лицом к лицу со своим недругом, Сили Тревильяном, в окружении соседей Аннемари и пребывал в полной растерянности: если он представит им Аннемари как свою жену, она будет считаться его гражданской супругой, пока они живут вместе. Если же он публично опровергнет ее слова, соседи сочтут ее блудницей, Аннемари станет изгоем.

Ладно, так уж и быть. Пусть Аннемари считают его женой — до тех пор, пока он спит с ней. Ричарду были ненавистны «музыкальные» сравнения Аннемари, он презирал себя за то, что попался в ее ловушку, но тем не менее не мог одним словом превратить ее из порядочной служанки в потаскуху. Из них двоих только Аннемари постоянно жила близ Джейкобз-Уэлл и знала всех соседей.

— Ее зовут Аннемари, — сухо произнес Ричард и спросил: — Что вы здесь делаете?

— Заходил к своему цирюльнику, мистеру Джойсу. — Сили указал на стоящего рядом с ним жеманного мужчину. — Он живет рядом с вами. От него я и узнал, что вы поженились и поселились здесь. — Достав из рукава кружевной платок, Сили изысканным жестом вытер лоб. — Жаркий нынче выдался сентябрь, верно?

— О, сэр, позвольте пригласить вас в гости, — вмешалась Аннемари, с шуршанием нижних юбок опускаясь в реверансе. — У нас в гостиной гораздо прохладнее, там вам будет удобно. — Она провела нежданного гостя в дом, усадила на стул и стала обмахивать подолом передника. — Ричард, дорогой, мы можем чем-нибудь угостить джентльмена? — медовым голоском осведомилась она — видимо, наряд гостя произвел на нее неизгладимое впечатление.

— Сначала мне придется сходить за пивом и ромом в таверну, — без особого восторга отозвался Ричард.

— Тогда я сейчас же найду кувшин для рома и второй — для легкого

пива, — пообещала Аннемари и вышла на кухню, взмахнув юбками — так что взгляду Сили предстали ее тонкие щиколотки.

— Мне не за что вас благодарить, Морган, — заявил Сили, как только они остались вдвоем. — Вы оклеветали меня, мне пришлось выдержать несколько пренеприятных бесед в акцизном управлении. Не знаю, чем я обидел вас, пока вы возились с перегонными аппаратами Кейва, но считаю, что вам было вовсе незачем лгать обо мне сборщику акциза.

— Я не солгал, — бесстрастно ответил Ричард. — Я все видел своими глазами в безоблачную лунную ночь и слышал ваше имя. — Он усмехнулся. — И кроме того, вы имели неосторожность завести весьма откровенный разговор с мистером Кейвом и мистером Торном в присутствии посторонних. Вам предстоит обвинение в мошенничестве, мистер Сили Тревильян.

Аннемари вернулась с пустыми белыми кувшинами в каждой руке.

— Так вы согласитесь выпить пива, сэр? — спросила она у гостя.

— В такой час дня — пожалуй.

Забрав у Аннемари кувшины, Ричард отправился в таверну «Ворона на лошади», а Аннемари устроилась на втором стуле и принялась развлекать беседой роскошно разодетого джентльмена.

Возвращаясь домой, Ричард обнаружил, что понапрасну потерял время: мистер Тревильян уже стоял на пороге, целуя руку Аннемари.

— Надеюсь, мы еще увидимся, месье, — заметила она, показывая в застенчивой улыбке ямочки на щеках.

— О, непременно, обещаю вам! — резким фальцетом отозвался Тревильян. — Не забывайте, что мой цирюльник живет по соседству.

Вдруг Аннемари ахнула:

— Миссис Бартон! Я опаздываю!

Мистер Тревильян предложил ей руку:

— Поскольку я хорошо знаком с этой леди, позвольте проводить вас, мадам Моргай.

И они вышли, сблизив головы. Тревильян болтал чепуху, Аннемари хихикала. Ричард наблюдал за ними из-за ближайшего угла, недовольно ворча себе под нос. Он внезапно вспомнил, что до сих пор не вернул отцу ручную тележку. Безмозглая французская потаскуха! Она кокетничает с этим болваном Сили Тревильяном только потому, что он наряжен в оранжевый бархат, расшитый руками какой-то бедной сиротки, не получившей за свой труд ни гроша!

Дилижанс в Бат каждый день отходил от постоянного двора «Лэм инн» в полдень и через четыре часа прибывал к месту назначения. Билет стоил

четыре шиллинга, на империале — всего два. Хотя Ричард отказывал себе во всем, экономя деньги, заработанные у мистера Томаса Кейва, у него осталась незначительная сумма. Поездка в Бат могла обойтись ему самое малое в десять шиллингов — существенный расход. Он еще не успел договориться с Аннемари по поводу расходов на домашнее хозяйство, а вчера взял два обеда в «Вороном коне», которые стоили дороже, чем в «Гербе бочара». Аннемари даже не попыталась заплатить за свой обед, но не стала и ограничивать Ричарда в роуме, хотя сама предпочитала портвейн.

Ричарду пришлось пройти пешком через весь Бристоль, чтобы вовремя занять дешевое место на империале дилижанса. Путешествующие таким образом пассажиры неизбежно оказывались жертвами стихий, но сегодня дождя не предвиделось.

На просторных постоялых дворах, возле которых останавливались дилижансы, жизнь кипела ключом. Там сустились конюхи, лошади бродили, волоча за собой упряжь, на каждом шагу попадались кучера и слуги с подносами еды, заказанной пассажирами. Обнаружив, что шесть лошадей еще не успели запрячь в дилижанс, Ричард уплатил два шиллинга за место на империале и отошел к стене постоялого двора, дожидаясь, когда объявят посадку.

Там его и нашел Уильям Инселл, который влетел во двор и застыл, тяжело дыша и озираясь.

— Уилли!

Инселл торопливо приблизился к Ричарду.

— О, слава Богу, слава Богу! — задыхаясь, выговорил он. — А я боялся, что ты уже уехал!

— Что стряслось? Аннемари захворала?

— Нет, гораздо хуже, — ответил Инселл, выпучив светлые глаза.

— Хуже? — Ричард схватил его за руку. — Умерла?!

— Нет, нет! Она назначила свидание Сили Тревильяну.

Почему-то Ричард ничуть не удивился.

— Продолжай.

— Он якобы пришел к своему цирюльнику, живущему по соседству, но почему-то постучал в нашу дверь, и Аннемари открыла ему. — Он стер пот со лба и умоляюще взглянул на Ричарда. — Как хочется пить! Я бежал всю дорогу!

Ричард дал Инселлу пенни на кружку легкого пива, которую тот осушил одним глотком.

— Уфф... вот так-то лучше!

— Рассказывай, Уилли. Мой дилижанс отправится в Бат с минуты на

минуту.

— Они ничуть не стеснялись, словно забыв, что я дома. Аннемари спросила, пришел ли Сили по делу, и он кивнул. А потом она начала кокетничать — заявила, что время неподходящее, что ты можешь вернуться. Она предложила Сили прийти в шесть часов сегодня вечером и разрешила ему остаться на ночь. Сили отправился к цирюльнику Джойсу, я услышал, как они переговариваются за стеной. Дождавшись, когда Аннемари закроет дверь, я бросился искать тебя. — Взгляд его по-собачьи преданных глаз остановился на лице Ричарда в ожидании похвалы.

— Дилижанс до Бата! — громко крикнул кто-то.

Что же делать? Черт побери, ему необходима работа! Но, как мужчина, Ричард был взбешен тем, что Аннемари предпочла ему Сили Тревильяна, не кого-нибудь, а именно Сили! Оскорбление казалось нестерпимым. Он выпрямился.

— Ладно, черт с ней, с этой работой в Бате, — грустно произнес Ричард. — Мы отправимся к моему отцу и побудем там. А в шесть вечера мистрис Латур и мистера Сили Тревильяна ждет неприятный сюрприз. Даже если его не привлекут к суду по обвинению в мошенничестве, этот вечер он запомнит навсегда, клянусь тебе!

Охваченный дурными предчувствиями, Дик размышлял: вправе ли он расспрашивать взрослого, тридцатилетнего сына? Что происходит, почему Ричард упорно молчит? Эта размазня Инселл с преданным видом вертелся вокруг Ричарда — впрочем, малый он безобидный, но и хорошим другом его не назовешь. А сам Ричард мрачно потягивал ром.

Незадолго до шести часов, перед тем как Мэг начала подавать ужин посетителям, заполнившим таверну, Ричард и Инселл поднялись. «Да он же почти трезв, — думал Дик, глядя, как уверенно Ричард шагает к двери, сопровождаемый Инселлом. — С моим сыном что-то происходит, а он хранит молчание и не дает мне даже рта раскрыть!»

Вечерняя заря еще догорала в небе, стоял чудесный вечер. Ричард шагал так стремительно, что Уилли Инселл с трудом поспевал за ним. С каждым шагом Ричарда все сильнее охватывала ярость.

Дверь новой квартиры была незапертой, Ричард приоткрыл ее и проскользнул в щель.

— Жди здесь, пока я не позову тебя, — шепотом приказал он Уилли и скрипнул зубами. — Она с Сили! С Сили! Сука! — И он стал подниматься по лестнице, стиснув кулаки.

Сцена в спальне была, казалось, целиком взята из классического фарса. Похотливая любовница Ричарда возлежала на кровати, раскинув

ноги; одетый в отделанную кружевом рубашку Сили нависал над ней. Их тела размеренно двигались, Аннемари издавала негромкие стоны наслаждения, Сили довольно урчал.

Ричард думал, что он готов ко всему, но едва он вошел в спальню, гнев лишил его всякой способности рассуждать здраво. Возле камина стояли ведро с углем и молоток, чтобы разбивать крупные куски угля. Прежде чем лежащие на постели успели моргнуть глазом, Ричард метнулся к камину, схватил молоток и подскочил к кровати.

— Уилли, сюда! — взревел Ричард. — А вы двое не шевелитесь! Пусть мой свидетель увидит вас в такой позе.

Инселл вошел в спальню и застыл с разинутым ртом, не сводя глаз с груди Аннемари.

— Мистер Инселл, вы готовы подтвердить, что застали мою жену в постели с мистером Сили Тревилянном?

— Да! — с дрожью отозвался Инселл.

Аннемари рассказывала Тревилянну, что Ричард пьет запоем, но Сили не мог представить, что ему придется столкнуться нос к носу с крепким мужчиной, одержимым слепой яростью. От лица хладнокровного мошенника, без зазрения совести обманывавшего сборщика акциза, отхлынула кровь. О Боже! Морган задумал убийство!

— Чертова сука! — рявкнул Ричард, впившись взглядом в перепуганную Аннемари. Содрогаясь от ужаса, она ужом сползла с постели и вжалась спиной в стену. — Сука! Блудница! Подумать только, я признал тебя женой, заботясь о твоей репутации! Мне и в голову не приходило, что ты потаскуха, но теперь я вижу, что ошибался! — Он перевел взгляд горящих глаз на подоконник, где лежали часы Тревильяна, кошелек и брелок. — А где же свеча, мадам? — ехидно продолжал он. — Шлюхи зазывают гостей, ставя свечу на подоконник, однако свечи я не вижу! — Он желчно усмехнулся, медленно подошел к кровати и приставил молоток ко лбу Тревильяна. — А что до тебя, Сили, ты заставил меня назвать эту потаскуху женой, и тебе это даром не пройдет! Я подам на тебя в суд, обвинив в прелюбодеянии!

Тревилян попытался отстраниться, но Ричард мертвой хваткой вцепился ему в плечо и легонько постучал молотком по взмокшему лбу.

— Не шевелись, Сили, а не то все это белое покрывало будет перепачкано твоей кровью.

— Что ты задумал? — в ужасе прошептала Аннемари. — Ричард, ты же пьян! Умоляю, не убивай его! — Ее голос зазвучал пронзительно и резко. — Брось молоток, Ричард! Брось молоток! Не убивай его! Опомнись!

Презрительно сплюнув сквозь зубы, Ричард повиновался, но бросил молоток так, чтобы при первых признаках угрозы дотянуться до него.

«Думай, Сили Тревилян, думай! Он в ярости, но по натуре он не убийца! Уговори его, успокой, возьми дело в свои руки!»

Не обращая внимания на визг Аннемари, Ричард вновь взялся за молоток и приподнял им подол рубахи Тревиляна, а затем обернулся к Аннемари с притворным недоумением на лице.

— Так вот на что ты польстилась! Должно быть, он пообещал щедро заплатить тебе?

Ричард не знал, к кому испытывает большую ненависть — к Аннемари за то, что она торгует собой, или к Сили Тревилян, по милости которого ему пришлось назвать эту женщину женой. От выпитого рома и бешенства он так распалился, что мечтал лишь об одном: отомстить обоим — по крайней мере за этот злополучный вечер и за собственную ярость. Нет, он не станет доводить дело до суда, не поддастся корыстным побуждениям. Но что бы ни случилось, он заставит этих людей бояться его и последствий содеянного.

Стремительно выбросив вперед руку, он схватил Тревиляна за горло и поставил его на колени посреди постели.

— У меня есть свидетель тому, что вы соблазнили мою жену, сэр. Я намерен взыскать с вас... — он сделал паузу, обдумывая сумму, — ...тысячу фунтов за оскорбление. Я уважаемый ремесленник, мне не пристало быть рогоносцем, особенно по вине такого мерзавца, как ты, Сили Тревилян. Ты же охотно согласился заплатить за услуги моей жены — и заплатишь, только гораздо больше.

«Думай, Сили, думай! Дело принимает именно тот оборот, на который ты и рассчитывал. Он становится словоохотливым, ненависть угасает. Ром постепенно усыпит его».

Облизнув губы, Тревилян выговорил тщательно продуманные слова:

— Морган, ты вправе обратиться за помощью к блюстителям закона, я признаю, что нанес тебе оскорбление. Но зачем же доводить дело до суда? А как же мои мать и брат? Подумай о своей жене, о ее репутации! Если случившееся будет предано огласке, она потеряет работу и станет отверженной!

Ярость и вправду угасала. Морган вдруг растерялся, нахмурился, смутился. А Тревилян продолжал:

— Я готов признать свою вину, но давай разрешим недоразумение прямо здесь и сейчас. Тысячу фунтов я тебе не дам, а на пятьсот можешь рассчитывать. Я выдам тебе вексель на пятьсот фунтов — и все будет

кончено, Морган!

Обезоруженный этой безоговорочной капитуляцией, Ричард присел на край кровати, гадая, как же ему быть. Он рассчитывал, что Тревилян станет отбиваться, сопротивляться, вынуждая его перейти к крайним мерам, но с какой стати он вообразил себе такое? Потому, что вспомнил энергичного, хладнокровного мошенника, скрывавшегося под изысканной одеждой и жеманными манерами? Ричард внезапно понял, что Тревилян завладел инициативой. Этот человек выходил сухим из воды благодаря своей хитрости, а не силе.

— Это щедрое предложение, Ричард, — робко вмешался Уилли Инселл.

— Ладно, — вздохнул Ричард и поднялся. — Оденься, Сили, ты смешон.

Дрожащими руками натянув нефритово-зеленый сюртук с вышивкой оттенка павлиньего пера, Тревилян последовал за Ричардом в соседнюю комнату и сел за письменный стол Аннемари. Надеясь разжиться деньгами, Уилли Инселл присоединился к ним, не сознавая, что Ричард не имеет ни малейшего намерения получать деньги по векселю. Ричард жаждал только отомстить, заставить Тревиляна еще несколько дней обливаться холодным потом, предчувствуя потерю пятисот фунтов.

Вексель на пятьсот фунтов был выписан на имя Ричарда Моргана из Клифтона и подписан «Дж. Тревилян».

Изучив документ, Ричард с бесстрастным видом разорвал его.

— Пиши снова, Сили, — велел он. — И не забудь указать все свои имена.

Очутившись на площадке лестницы, Ричард поддался искушению, примерился и пнул Тревиляна ногой под тощие ягодицы. Перекувырнувшись в воздухе, Тревилян с грохотом скатился по ступеням и ударился о шаткую перегородку. К тому времени как Тревилян добрался до крохотной прихожей, он вопил во всю мощь легких. Куда исчез хладнокровный мошенник? Рванув дверь, он вывалился на улицу, всхлипывая и дрожа, став посмешищем для всех соседей.

Ричард задвинул засов и поднялся наверх, к Аннемари. Уилли Инселл счел за лучшее укрыться в своей каморке.

Аннемари сидела неподвижно, не сводя глаз с Ричарда, который прошелся по комнате и вновь подобрал молоток.

— Мне следовало бы убить тебя, — устало произнес он.

Она усмехнулась.

— Ты этого не сделаешь, Ричард. Даже ром не заставит тебя

прикончить человека. — И улыбка вновь тронула ее губы. — А Сили на минуту поверил, что ты способен на такое. Как странно! Ведь он так уверен в себе, так изворотлив и хладнокровен...

Ричард обратил бы внимание на эти слова, сообразив, что Аннемари довольно давно знакома с Сили Тревилянном, но его отвлек стук в дверь.

— Ну что там еще? — выпалил он, спускаясь по лестнице.

— Мистер Тревилян просит вернуть ему часы, — ответил незнакомый мужской голос.

— Передай мистеру Тревилянну, что часы он получит лишь после того, как я добьюсь сатисфакции! — рявкнул Ричард, не прикасаясь к засову. — Он вернулся за часами, — объяснил он, входя в спальню.

Часы по-прежнему лежали на подоконнике, но кошелек и брелок исчезли.

— Отдай их, — вдруг потребовала Аннемари. — Выброси в окно.

— Черта с два! Он получит часы, только когда я сам этого захочу! — Схватив часы, Ричард принялся разглядывать их. — Какое самомнение! А часы стальные. С чего, скажите на милость, этому проходимцу вздумалось задирать нос? — И он сунул часы в карман пальто, где уже лежал вексель. — Я уйду, — заключил Ричард, внезапно почувствовав себя совсем больным.

Аннемари мгновенно вскочила с постели, набросила платье и сунула босые ступни в туфли.

— Ричард, подожди! Уилли, Уилли, помоги мне! — крикнула она.

Растерянный Уилли встретил их на нижней площадке лестницы.

— Эй, Ричард, куда это ты собрался? Останься!

— Если ты боишься Сили, то напрасно, — отозвался Ричард, выходя на улицу и жадно вдыхая свежий воздух. — Его здесь нет. Комедия кончилась две минуты назад.

И он направился к Брэндон-Хиллу, сопровождаемый Аннемари и Уилли. Три смутных силуэта еле вырисовывались в кромешной темноте квартала, где и в помине не было фонарей.

— Ричард, а что же будет со мной? — наконец спросила Аннемари.

— А какое мне дело, мадам? Я оказал вам честь, назвав вас в присутствии Сили своей женой, но таких, как вы, не берут в жены. И потом, что с вами может случиться? У вас есть работа, а мы с Сили позаботились о том, чтобы ваша репутация не пострадала. — И он желчно усмехнулся. — Репутация... Мадам, вы попросту шлюха.

— А как же я? — вмешался Уилли, вспомнив о пятистах фунтах.

— Я буду жить в «Гербе бочара», как раньше. Скоро нас наверняка

вызовут в акцизное управление, поэтому не будем терять связи друг с другом.

— Давай мы хоть немного проводим тебя, — предложил Уилли.

— Нет. Отведи мадам домой. Здесь небезопасно.

И они расстались. Один мужчина повел женщину на Клифтон-Гринлейн, а второй зашагал по тропе через Брэндон-Хилл, забыв о ночных опасностях. Миссис Мэри Мередит долго стояла у двери своего дома, удивляясь бесстрашию путника, расставшегося с друзьями. Она заметила, что эти трое говорили приглушенно и понимали друг друга с полуслова, но кто они такие, так и не разглядела. Поздним сентябрьским вечером лица были неразличимы в темноте.

Ощущая опустошенность, Ричард брел домой, вспоминая о недавнем скандале. Какая мерзость! Как рассказать об этом отцу?

«По крайней мере я выпустил пар, — писал он в письме мистеру Джеймсу Тислтуэйту назавтра, в последний день сентября тысяча семьсот восемьдесят четвертого года. — Не знаю, что нашло на меня, Джимми, но человек, которого я обнаружил в себе, мне не по душе — он слишком озлоблен, мстителен и жесток. Мало того, у меня появилось два предмета, о которых я даже не помышлял, — часы в стальном корпусе и вексель на пятьсот фунтов. Первый я верну Сили Тревильяну, как только утихнет злоба, а второй ни за что не стану предъявлять в банке. Когда я буду возвращать часы хозяину, я разорву вексель у него на глазах. Проклятый ром!

Отец отправил посыльного в Клифтон за моими вещами, поскольку я не желаю видеть Аннемари и никогда не соглашусь встретиться с ней. Она лжива от корней волос до... об этом умолчу. Каким же болваном я был! И это в тридцать шесть лет! Отец утверждает, что с такими женщинами, как Аннемари, мне следовало бы познакомиться лет в двадцать. „Седина в бороду — бес в ребро“, — грубовато заключил он. И все-таки отец — славный человек.

Этот скандал помог мне разобраться в себе, узнать то, о чем прежде я не имел ни малейшего понятия. Как мне стыдно за то, что я предал единственного сына, забыл о нем и его судьбе, едва встретив Аннемари! А вчера я словно очнулся и обнаружил, что ее чары перестали действовать. Возможно, мужчинам положено переживать подобные приключения. Но я нанес оскорбление Господу, и неизвестно, какое наказание он выберет для меня на сей раз.

Прошу, напиши мне, Джимми. Понимаю, тебе нелегко писать после того, что случилось с Уильямом Генри, но я был бы рад получить весточку

от тебя. Твое молчание меня тревожит. И кроме того, мне не обойтись без твоих мудрых советов. Сказать по правде, они мне необходимы».

Но даже если мистер Джеймс Тислтуэйт и ответил Ричарду, его письмо не успело дойти до «Герба бочара» к восьмому октября, когда в таверну вошли двое мрачных мужчин в мешковатых бурых одеждах.

— Где Ричард Морган? — спросил один из них и огляделся.

— Это я, — отозвался Ричард, выходя из-за стойки.

Мужчина шагнул к Ричарду и положил руку ему на левое плечо.

— Ричард Морган, именем его величества короля Георга я беру вас под стражу по обвинению, выдвинутому мистером Джоном Тревилянном Сили Тревилянном. — Сделав паузу, он вопросительно произнес: — Уильям Инселл?

Вскрикнув, Уилли забился в угол.

Второй мужчина подошел к нему и взял за плечо.

— Уильям Инселл, именем его величества короля Георга я беру вас под стражу по обвинению, выдвинутому мистером Джоном Тревилянном Сили Тревилянном. Следуйте за нами и не вздумайте оказать сопротивление. За дверью ждут еще шесть человек.

Ошеломленный Ричард перевел взгляд на отца, открыл рот и вдруг понял, что ему нечего сказать.

Судебный пристав резко ткнул его кулаком между лопаток.

— Ни слова, Морган, ни слова. — Он обвел взглядом безмолвных посетителей таверны. — Если кому-нибудь из вас понадобятся Морган и Инселл, ищите их в Ньюгейтской тюрьме.

Бристольская тюрьма Ньюгейт располагалась в двух зданиях неподалеку от медеплавильного завода Уосборо, на Нэрроу-Уайи-стрит. Окруженные восемью судебными исполнителями, Ричард и Уилли вошли в тюрьму через массивные решетчатые ворота, напоминающие опускную решетку крепости. Узкие коридоры, начинающиеся по обе стороны от входа, были первым, что увидел в тюрьме Ричард. Не останавливаясь, старший пристав повернул налево, а его помощники подтолкнули пленников за ним, но сами остались снаружи.

— Заключенные Морган и Инселл! — рявкнул пристав. — Распишитесь.

Часть 2

Октябрь 1784 года — январь 1786 года

Мужчина за столом взял два листка бумаги, протянутых приставом.

— И куда, по-вашему, я должен поместить их? — спросил он, ставя на каждом листе вместо подписи большой крест.

— Это твои заботы, Уолтер, а не мои, — бесцеремонно отозвался пристав. — Они доставлены по судебному приказу о передаче арестованных в суд, — добавил он и вышел.

Уилли рыдал, не стесняясь, Ричард держал себя в руках. Первое потрясение прошло, он вновь обрел способность чувствовать и думать, и почему-то ничуть не удивился. В чем его обвиняют? Когда это выяснится? Да, у него остались часы Сили и его вексель, но он же сообщил, что Сили получит свои часы обратно, и не собирался относить вексель в банк. В чем дело?

Из-за тесноты в тюрьмах его наверняка оправдают. Практичные члены бристольской судейской коллегии снисходительны к обвиняемым, способным заплатить отступного и возместить ущерб. Даже если ради этого Ричарду придется по уши влезть в долги, расплатиться с которыми поможет только очередная война, он знал, что родные не бросят его в беде.

— Пенни в день на хлеб, — сообщил тюремщик Уолтер, — пока не состоится суд. Когда вам вынесут приговор, кормить вас будут на два пенни в день.

— Мы умрем с голоду, — не задумываясь, отозвался Ричард.

Тюремщик вышел из-за стола и ударил Ричарда по лицу так сильно, что разбил ему губу.

— Придержи язык, Морган! Здесь ты будешь жить и умрешь по моим правилам и так, как мне заблагорассудится. — Вскинув голову, он проревел: — Шевелитесь, ублюдки!

В комнату ввалились двое мужчин, вооруженных дубинками.

— В кандалы их, — приказал Уолтер, потирая ушибленную руку.

Вытирая кровь манжетой, Ричард вместе со всхлипывающим Уилли направился по коридору, повернул направо и очутился в комнате, чем-то напоминающей мастерскую шорника, только вместо множества кожаных ремней все стены были увешаны железными цепями.

В бристольском Ньюгейте узников заковывали исключительно в

ножные кандалы. Ричард стоял неподвижно, пока печальный хозяин мастерской делал свое дело. Браслет шириной в два дюйма, охвативший левую щиколотку Ричарда, запирался, а не держался на заклепках, а с браслетом на правой щиколотке его соединяла цепь длиной в два фута. Цепь позволяла передвигаться семенящим шагом, но не идти и не бежать. Охваченный паникой, Уилли начал отбиваться, однако тут же получил несколько резких ударов дубинками. Ричард, губа которого по-прежнему кровоточила, промолчал. Он поклялся самому себе, что замечание, сделанное в присутствии Уолтера, было из его уст первым и последним. Впредь придется вести себя, как в Колстонской школе, — сидеть тихо, стоять молча, выполнять приказы, не рассуждая, не привлекать к себе внимания.

В конце коридора находилась еще одна решетчатая дверь. Стражник отпер ее массивным ключом, и двух новых узников, Моргана и Инселла, ввергли в преисподнюю. Этот земной ад представлял собой огромную комнату, каменные стены которой непрестанно источали влагу, так что повсюду по их поверхности тянулись длинные известковые «сосульки» — наросты, почерневшие от копоты. Никакой мебели здесь не было и в помине. Каменные плиты пола покрывали слизь и испражнения, испускавшие аммиачную вонь. Закованные в ножные кандалы узники-мужчины казались беспорядочной шевелящейся массой. Большинство сидело на полу, вытянув перед собой ноги, некоторые бесцельно бродили по камере, еле передвигая отягощенные кандалами ноги и волоча за собой цепи, которые то и дело ударялись о ноги сидящих заключенных. Те, кто всю жизнь провел в Бристоле, привыкли к воню — запаху гнили, мочи, экскрементов. Но здесь, в душном помещении, вонь ощущалась острее.

Более-менее осмысленная деятельность происходила лишь в глубине камеры, возле закругленного вверху окна. Хотя Ричард никогда прежде не бывал в Ньюгейте, он пришел к выводу, что за окном находится тюремный погребок, где каждый, у кого найдется несколько монет, может получить кружку рома, джина или пива. Наслушавшись разговоров Дика и кузена Джеймса-аптекаря, Ричард вообразил, что в Ньюгейте то и дело вспыхивают драки из-за денег и выпивки, хлеба и вещей. Но теперь-то он понял, что тюремщики не допускают ничего подобного. Ни у кого из заключенных не хватило бы сил драться. Они голодали; многие, выпив на пустой желудок, дремали или бормотали что-то бессвязное, вытянув перед собой ноги и ни на что не обращая внимания.

Уилли преследовал Ричарда по пятам, вцепившись в него, как репей. Куда бы ни поворачивал Ричард, шмыгающий Уилли оказывался рядом,

размазывая и о щекам слезы. «Я сойду с ума. Этого я не вынесу. Все же я не стану утешаться ми ромом, ни дешевым джином. В конце концов через несколько месяцев это страшное испытание кончится — когда-нибудь судьи доберутся и до нашего дела, моего и Уилли. Но с какой стати он расхныкался? Что в этом толку?»

За час Ричард успел устать, железные браслеты на щиколотках натирали ноги. Отыскав свободное местечко у стены для себя и Уилли, он сел на пол и с облегченным вздохом вытянул ноги перед собой, тотчас сообразив, почему узники предпочитают именно такую позу. Он сразу перестал чувствовать тяжесть кандалов, цепь и браслеты теперь опирались на пол. Осмотрев свои толстые вязаные чулки, Ричард обнаружил, что за какой-нибудь час на них появилось множество дыр. Так вот почему эти люди старались не двигаться!

Его мучила жажда. Из трубы, вделанной в стену камеры со стороны Фрума, в корыто стекала тонкая струйка; жестяная кружка была прикована цепью к стене. Пока Ричард смотрел на нее, один из бродящих по камере заключенных остановился, чтобы помочиться в корыто. Только тут Ричард заметил, что корыто стоит рядом с четырьмя открытыми ведрами, которым полагалось вмещать испражнения двухсот человек. Если кузен Джеймс-аптекарь прав, пить такую воду нельзя. В камере полным-полно больных.

Стоило Ричарду вспомнить о Джеймсе, как он сам появился за решеткой, в коридоре. За ним шел Дик.

— Отец! Кузен Джеймс! — воскликнул Ричард.

В ужасе вытаращив глаза, оба родственника пробрались к нему.

Впервые с тех пор, как Ричард помнил себя, Дик рухнул на колени и зарыдал. Поглаживая отца по дрожащим плечам, Ричард переглянулся с аптекарем.

— Мы принесли тебе флягу легкого пива, — сообщил кузен Джеймс-аптекарь, показывая мешок. — И немного еды.

Наплакавшись, Уилли забылся беспокойным сном, но Ричард разбудил его, встряхнув за плечо. Ничего вкуснее этого пива он никогда не пробовал! Передав флягу Уилли, Ричард достал из мешка хлеб, сыр и десяток свежих яблок. У него мелькнула мысль, что к этим соблазнительным яствам наверняка потянутся десятки жадных рук, но ничего подобного не случилось. Никто не обратил на него внимания.

Совладав с собой, Дик вытер глаза и нос подолом рубахи.

— Боже мой, какой ужас!

— Отец, не отчаивайся, — без улыбки возразил Ричард. Он боялся, что ранка на губе вновь начнет кровоточить и перепугает Дика. — Рано или

поздно состоится суд, и меня оправдают. — Он помедлил. — А нельзя ли договориться, чтобы меня выпустили под залог?

— Пока не знаю, — оживился кузен Джеймс-аптекарь, — но утром я схожу к кузену Генри-юристу и узнаю, есть ли у нас шанс опровергнуть обвинения на суде. Так что не унывай, Ричард. Морганов хорошо знают в Бристоле, к тому же ты фримен, пользующийся уважением. Я знаком с обвинителем — выступая против уважаемых граждан, он обычно не может связать и двух слов.

— Не знаю, почему слухи разнеслись так быстро, — вмешался Дик, — но перед тем как мы отправились в тюрьму, в таверну зашел сеньор Хабитас. Его старшая дочь вышла замуж за сэра Абрахама Айзека Элтона, с которым Хабитас очень дружен. Томас сказал, что сэр Абрахам Айзек наверняка будет председателем суда на твоём процессе, и даже если он прочтет тебе душеспасительную проповедь об искушениях Лилит, обвинение скорее всего снимут. Все зависит от того, какой совет даст судья присяжным. Сили Тревиляна в городе презирают — каждый присяжный мгновенно узнает его и поднимет на смех.

Оба Моргана пробыли в тюрьме недолго, но Ричард был этому только рад. Недавние волнения и легкое пиво незамедлительно дали о себе знать. Ему пришлось усесться на грязное ведро, спустив штаны и белье до колен, на виду у всех узников. Впрочем, никому до него не было дела. Вымыться и вытереться было нечем; Ричарду осталось лишь встать и одеться, не глядя на жидкое зловонное месиво. Такого жгучего стыда он еще никогда не испытывал. С этой минуты ему казалось, что он источает удушливую, омерзительную вонь.

На ночь узников перевели в камеру этажом выше — еще одну огромную комнату, где коек было слишком мало, чтобы на них разместились все. Несколько коек уже было занято узниками, пролежавшими весь день в лихорадке; некоторые из них не шевелились, как мертвые. Ричард и Уилли еще не утратили проворства, поэтому быстро разыскали свободные койки и захватили их. Ни матрасов, ни простыней, ни подушек, ни одеял здесь не оказалось. Повсюду виднелись засохшие испражнения и рвота.

Ричарду казалось, что он ни за что не сумеет уснуть. В камере царили сырость и холод, а он был укрыт только своим пальто. Но над утомленным Уилли ужасы Ньюгейта были уже не властны, и Ричард искренне поблагодарил милосердного Бога за то, что Уилли уснул и наконец-то замолчал. Ричард долго лежал, слушая стоны и храп, душераздирающий кашель, рвотные хрипы и скулящий плач какого-то юноши. Далеко не все

узники были взрослыми мужчинами. Среди них Ричард насчитал около двадцати мальчишек в возрасте от семи до тринадцати лет, и хотя они не были закованы в кандалы и вовсе не казались порочными, почти все были пьяны. Их взяли под стражу за украденную кружку джина или носовой платок и теперь собирались судить по всей строгости закона. В «Гербе бочара» ничего подобного не случалось — Дик бдительно следил за посетителями. А если какой-нибудь проходимец украдкой проскальзывал в таверну и выхватывал кружку рома из-под носа зазевавшегося гостя, Дик всегда ухитрялся уладить дело мирным путем, пинком выставлял воришку за дверь, а пострадавшему наливал еще одну кружку бесплатно. Но такое случалось не чаще двух раз в год. Страшнее всего для завсегдатаев Брод-стрит была запятнанная репутация.

Вести, принесенные Диком и кузеном Джеймсом-аптекарем, помогли Ричарду воспрянуть духом. Сеньор Хабитас неожиданно оказался его союзником — должно быть, ему до сих пор было стыдно вспоминать, что именно он познакомил Ричарда с мистером Томасом Латимером. Бедняга! Разве он в чем-нибудь виноват? В жизни всякое бывает, сонно подумал Ричард, смежил веки и мгновенно провалился в сон.

На следующий день Дик явился в тюрьму один, с мешком еды и флягой пива.

— Джим еще у кузена Генри, — объяснил он, присаживаясь на корточки и понижая голос, чтобы его слышали только Ричард и Уилли, жадно ловящий каждое слово.

— Стало быть, дело принимает неожиданный оборот, — ровным тоном отозвался Ричард.

— Да. — Дик стиснул кулаки и скрипнул зубами. — Тебя будут судить не в Бристоле, Ричард. Сили Тревилян обратился к властям Глостера — на том основании, что преступление свершилось в Клифтоне, и следовательно, за пределами Бристоля. В Ньюгейт тебя поместили временно — до тех пор, пока не закончится допрос свидетелей и дело не будет передано в суд. У меня голова раскалывается от юридических выражений! В этом я ничего не понимаю, никогда не пытался понять и не пойму!

Ричард прислонился к закопченной стене и перевел взгляд с отца на корыто с водой и четыре омерзительно грязных ведра.

— Ну что ж, — наконец выговорил он сдавленным голосом, — что будет, то будет, отец, а пока у меня есть более насущные потребности. — Он указал на свои ноги. — Прежде всего мне нужны тряпки, чтобы подложить их под кандалы. Еще один день — и чулки протрут, а завтра

дойдет до кожи и мяса. Если мне суждено когда-нибудь вновь очутиться на свободе — а так оно и будет, клянусь! — здоровье мне не помешает. Пока у меня есть возможность пить пиво и есть хлеб, сыр, мясо, фрукты и овощи, я не заболею.

— Тебя увезут в Глостер-Касл, — сообщил Дик, губы которого дрожали. — А в Глостере я не знаю ни души.

— И полагаю, у других Морганов там тоже нет знакомых. А этот Сили Тревильян очень умен! Как ему не терпится отомстить мне! Хотелось бы знать, за что: за обвинение в мошенничестве или за то, что я унизил его как мужчину? — Покачав головой, Ричард улыбнулся. — Скорее всего и за то и за другое.

— До меня дошли слухи... — с сомнением начал Дик.

— Рассказывай, отец. Я уже образумился, тебе незачем опасаться, что я опозорю тебя, — мягко попросил Ричард.

Его отец покраснел.

— Об этом мне рассказал мой новый поставщик рома, Дэви Эванс. Ты только послушай, Ричард! Он утверждает, что, едва Кейв и Торн услышали о том, что ты переселился в Клифтон, они бросились к Тревильяну и уговорили его выдвинуть обвинение против тебя и Уилли. Мы с тобой знаем, что Тревильян замешан в обмане акцизного управления и всеми силами стремится скрыть это. По словам Дэви Эванса, Кейв и Торн добиваются, чтобы тебя и Уилли судили прежде, чем дело о мошенничестве будет передано в суд. Тогда их дело будет закрыто: преступники не имеют права давать показания. Более того, Кейв встречался с главным сборщиком акциза — братом Бенджамина Фишера, Джоном (семейственность в таких учреждениях — обычное дело) — и предложил уплатить пеню в размере тысячи шестисот фунтов. Разумеется, братьям Фишер известно, что вас с Уилли взяли под стражу, известны также и преступления Тревильяна, однако против него нет ровным счетом никаких улик.

— Значит, мы лишены права давать показания.

Уилли заскулил, точно потерявшийся щенок. Молниеносно обернувшись к товарищу, Ричард схватил его за руку так крепко, что Уилли пронзительно взвизгнул.

— Замолчи, Уилли! Заткнись! Еще один звук — и клянусь, я закачу тебе такого пинка, что ты отлетишь в другой угол камеры и сдохнешь там в лихорадке!

Дик ахнул. Уилли умолк.

К радости изумленного Дика, именно в эту минуту в камере появился

кузен Джеймс-аптекарь, волоча деревянный ящик размером с небольшой сундук. Если бы не кузен, Дик не нашелся бы что сказать сыну и его товарищу.

— Здесь кое-что для тебя, Ричард, но об этом позднее, — сообщил гость, ставя ящик рядом с узниками. Его глаза влажно поблескивали. — Похоже, с каждым днем положение осложняется.

— И неудивительно, кузен Джеймс.

— Законы настолько замысловаты, Ричард! Признаться, я понятия не имел о законах, которые не касаются моего предприятия, и, полагаю, то же самое может сказать каждый человек, особенно бедняк. — Он взял Ричарда за руку и порывисто пожал ее. — У тебя нет почти никаких прав, особенно за пределами Бристоля. Мы с кузеном Генри и преподобным Джеймсом обращались за помощью ко всем своим влиятельным знакомым, но по закону мы не вправе увидеть заявление Сили и даже узнать имена его свидетелей. Это неслыханно! Я надеялся, что тебя выпустят под залог, но это правило не распространяется на тех, кто виновен в тяжких преступлениях, а тебя обвинили в... — он с трудом сглотнул, — крупном воровстве и вымогательстве! И то и другое — серьезные преступления, Ричард, за них тебя могут повесить!

— Ну что ж, — устало отозвался Ричард, — это я во всем виноват, хотя было бы любопытно узнать, чем Сили подтвердит обвинение в вымогательстве. Он сам предложил обманутому мужу вексель, чтобы не доводить дело до суда. Может, теперь он утверждает, что я вовсе не муж и вымогал у него деньги под вымышленным предлогом? Но если я назвал эту женщину женой, мы считаемся гражданскими супругами — в том случае, если у меня нет законной жены, а у меня ее нет. Вот и все, что мне известно о законе.

— Понятия не имею, чем он подтвердил обвинение, — упавшим голосом произнес Дик.

— Первым делом мы должны разыскать Аннемари Латур. Она может подтвердить мои слова в суде.

— Тебе не позволят выступить в свою защиту, Ричард, — объяснил кузен Джеймс-аптекарь. — Обвиняемый обречен молчать, он не вправе высказываться. Все, что он может сделать в свою защиту, — представить своих свидетелей и, если ему разрешат, советоваться с адвокатом во время перекрестного допроса свидетелей обвинения. Но адвокат не имеет права ни допрашивать своего подзащитного, ни представлять суду новые улики. А что касается этой женщины — она исчезла. Будь на свете справедливость, ей полагалось бы сидеть в женском отделении Ньюгейта и

ждать суда, но увы! Ее комнаты в Клифтоне пусты, никто не знает, куда она делась.

— Англия — удивительная страна. О том, что в ней творится, мы узнаем, лишь столкнувшись с ее законами нос к носу, — задумчиво обронил Ричард. — Неужели моему защитнику не позволят даже зачитать суду мои показания?

— Нет. Ты можешь говорить, только если судья задаст тебе вопрос, при этом ты должен отвечать на него, и ничего более.

— А если разыскать Аннемари с помощью миссис Герберт Бартон?

— Никакой миссис Герберт Бартон не существует.

Уилли громко всхлипнул.

— Не надо, Уилли, — мягко попросил Ричард. — Прошу тебя, не надо.

— Дьявольщина! — взорвался Дик.

— Подведем итоги: мы понятия не имеем, каким образом Сили намерен подтвердить выдвинутые обвинения, не знаем ни его свидетелей, ни того, какими будут их показания, — бесстрастно выговорил Ричард. — И кроме того, суд состоится в Глостере, в сорока милях от Бристоля.

— Вот и все, — подхватил кузен Джеймс-аптекарь.

Минуту Ричард сидел молча, покусывая нижнюю губу скорее в задумчивости, нежели в тревоге. Наконец он пожал плечами.

— Ладно, поживем — увидим, — произнес он. — А пока я должен подумать о насущных потребностях. Мне понадобятся тряпки, чтобы подложить под кандалы, тряпки, чтобы мыться и вытираться. — Он поморщился. — Если понадобится, последние я буду стирать под струей воды и использовать их влажными. У этих бедняг не осталось сил, чтобы воровать, но если я вывешу тряпки на просушку, их кто-нибудь да утащит. Придется заплатить кому-нибудь из тюремщиков, чтобы он подстриг мне волосы. А еще мне нужно мыло. И несколько смен одежды — рубашки, чулки, белье. И чистые тряпки, как можно больше. Немного денег на легкое пиво. Ручаюсь, вода сюда поступает из колодца Пагсли, она непригодна для питья. Именно поэтому здесь столько больных. — Он перевел дыхание. — Понимаю, все это стоит денег, но клянусь: как только я выйду на свободу, я начну возвращать долги.

В ответ кузен Джеймс-аптекарь открыл сундук с загадочным видом ярмарочного фокусника.

— О тряпках я уже позаботился, — сообщил он. — Если я сумею договориться с тюремщиками, тебе разрешат оставить сундук в камере. Сиди на нем или привязывай его веревкой к ноге, как Дик кассу. Разумеется, надзиратель просмотрел его содержимое. — Джеймс

усмехнулся. — Но не нашел ни напильников, ни ножовок. Как ни странно, мне разрешили пронести в камеру бритву и ножницы. Должно быть, тюремщикам нет дела до того, если узники перережут друг другу глотки. А вот и ремень для правки бритвы и точильный камень. — Вынув ножницы, он протянул их Дику. — Подстриги его, кузен.

— Подстричь Ричарда? Я не смогу! — в ужасе воскликнул Дик.

— Придется. Тюрьмы кишат паразитами. В коротких волосах они плодятся не так быстро. А еще я прихватил гребень с частыми зубьями. Ричард, подстриги волосы на всем теле или сбрей их.

— У меня почти нет волос на теле, их будет достаточно подрезать.

А кузен Джеймс-аптекарь продолжал суетиться, засунув обе руки в сундук и вытаскивая оттуда нечто тяжелое и громоздкое. Наконец он выволок странный предмет и с торжествующим видом водрузил его на крышку сундука.

— Разве это не чудо? — спросил он.

Ричард, Дик и Уилли недоуменно уставились на предмет.

— Конечно, чудо, кузен Джеймс, но объясни, что это такое, — наконец попросил Ричард.

— Фильтр, — гордо отозвался кузен Джеймс-аптекарь. — Как видите, его каменная часть представляет собой чашу с коническим дном, которая вмещает три пинты воды. Вода просачивается сквозь камень и капает в подставленное снизу медное блюдо. Что происходит в самом камне, я не знаю, но вода, собирающаяся в медном блюде, лучше родниковой. А значит, — продолжал он с энтузиазмом истинного ученого, — она чистая и насыщенная кислородом, поскольку и родниковая вода тоже пробивается сквозь пористые породы! Я слышал, что итальянцы — на редкость умный народ! — давно пользуются этими фильтрами, но мне такой долго не попадался. И только год назад мой друг капитан Джон Стейнс вернулся на родину из Бразилии с грузом бобов какао для Джозефа Фрая и кошенили для меня. Он заходил за пресной водой на остров Тенерифе, изобилующий родниками. Кто-то показал ему это устройство, надеясь выгодно продать его в Англии. Такие фильтры вывозят в те районы Испании, где вода загрязнена. Капитан отдал фильтр мне, поскольку Фрай способен думать только о производстве шоколада. Я испытал фильтр, наполнив его водой из колодца Пагсли, — как ты верно заметил, Ричард, она непригодна для питья. И неудивительно, ведь деревянная труба от источника проходит через четыре кладбища.

— Как же ты испытал фильтр, Джим? — любопытствовал Дик, с видом мученика срезающий густые вьющиеся локоны Ричарда.

— Разумеется, сам пил воду, пропущенную через фильтр.

— Так я и думал.

— Поскольку я недавно начал вывозить каменные фильтры с Тенерифе, то сразу вспомнил о тебе, — заключил кузен Джеймс-аптекарь, засовывая фильтр обратно в сундук. — Он тебе пригодится, Ричард, хотя и прослужит недолго. Через девять месяцев пробный фильтр стал давать мутную воду с резким запахом. Но ты сразу заметишь, что фильтр загрязнился, — при этом внутри каменной чаши образуется липкий бурый налет. Впрочем, — продолжал он, — вместе с первой партией фильтров мне прислали письмо, где говорится, что грязные фильтры можно очистить, вымачивая их две недели в чистой морской воде и еще неделю просушивая на солнце. — Он вздохнул. — Увы, в туманной Англии это невозможно.

— Кузен Джеймс, — провозгласил Ричард с благодарной улыбкой, — я готов целовать тебе руки и ноги!

— Это ни к чему, Ричард. — Аптекарь поднялся, отряхнул руки и вдруг помрачнел. — Я принес сундук сегодня, — осторожно начал он, — поскольку никто не знает, когда тебя увезут в Глостер. Следующая выездная сессия суда состоится не раньше Великого поста, поэтому вряд ли тюремщики станут спешить. Но может случиться, что ты покинешь Бристоль уже завтра. А Джеймс-священник просил передать, что он зайдет провести тебя.

— Буду с нетерпением ждать встречи, — отозвался Ричард, у которого от радости закружилась голова. Он поднялся, и Дик, сидя на корточках, аккуратно собрал волосы. — Отец, вымой руки уксусом и дегтем, как только вернешься домой, а до тех пор не вздумай касаться лица. И умоляю, принеси мне чистое белье и мыло!

Назавтра узников никуда не увезли. Ричард и Уилли пробыли в бристольском Ньюгейте до начала тысяча семьсот восемьдесят пятого года. Отчасти это промедление было благом — родные могли позаботиться о них, а отчасти — проклятием: родные Ричарда видели, как ему тяжело.

Решив повидать Ричарда, Мэг однажды пришла в тюрьму. Но разыскав сына среди сонма узников, больше похожих на призраков, увидев его лицо и стриженую голову, она лишилась чувств.

Но это было еще не самое худшее. Вскоре после Рождества Ричарда навестил кузен Джеймс-аптекарь.

— С твоим отцом случился удар.

Глаза Ричарда мгновенно утратили блеск. Даже после смерти Уильяма Генри они иногда бывали безмятежными, в них вспыхивали задорные огоньки, а теперь глаза угасли. Они по-прежнему были живыми, но

казались глазами стороннего наблюдателя.

— Он умрет, кузен Джеймс?

— Думаю, нет. Я прописал ему строгую диету. Будем надеяться, что ни второго, ни третьего удара не последует. У него отнялась левая рука и нога, однако он может говорить и мыслит здраво. Он рвался к тебе, но мы решили, что в таком состоянии неразумно отпускать его в Ньюгейт.

— А как же таверна? Отец не выживет, если ему придется ее покинуть.

— В этом нет никакой необходимости. Твой брат прислал к нему в ученики своего старшего сына, славного паренька, не такого падкого на деньги, как сам Уильям. Думаю, мальчуган был только рад покинуть родительский дом. Жена Уильяма безнадежно скупа — впрочем, это ты и сам знаешь.

— Должно быть, именно она не пускает Уилла проводить меня. А он, наверное, горюет о том, что теперь некому точить ему пилы задаром, — бесстрастно ответил Ричард. — А как мама?

— Как обычно. Она знает лишь одно средство от всех бед — работу.

Ричард не ответил, только устроился поудобнее и вытянул перед собой ноги. Уилли молчаливой тенью жался к нему. Борясь со слезами, кузен Джеймс-аптекарь пытался увидеть Ричарда взглядом постороннего человека, что было не так уж трудно. Как ни странно, Ричард стал еще привлекательнее, чем прежде. Или раньше его привлекательность не так бросалась в глаза? После того как Дик состриг его кудри, оставив волосы длиной не более половины дюйма, короткая стрижка подчеркнула изящную форму черепа, высокие скулы и римский нос на гладком лице. Если в его внешности что и изменилось, так только рот: нижняя губа по-прежнему осталась чувственной, но Ричард держал губы плотно сжатыми, и они утратили свои безмятежные очертания. Тонкие, изогнутые черные брови нависли над глазами.

«Ричарду минуло тридцать шесть лет; — думал аптекарь, — Бог подверг его испытаниям, как Иова, и все же Ричард не сломался, не пытался обмануть или оскорбить Всевышнего. За последний год он потерял жену и единственного ребенка, все свое состояние, репутацию, родных — таких, как его эгоистичный братец. Но себя Ричард не потерял. Как плохо мы знаем тех, кого считаем знакомыми как свои пять пальцев, кто провел рядом с нами всю жизнь!»

Ричард вдруг ослепительно улыбнулся, его глаза блеснули.

— Не тревожься за меня, кузен Джеймс. Тюрьма не в силах погубить меня. Я просто должен пережить это испытание.

Поскольку из Бристоля в Глостер предстояло перевезти лишь

нескольких заключенных, Ричарда и Уилли известили о поездке за два дня, в первую же неделю января.

— Можете взять с собой то, что сумеете унести в руках, — разрешил тюремщик Уолтер, когда узников привели к нему, — но ни на йоту больше. Никаких тележек и тачек!

Он не намекнул, как их повезут, и Ричард воздержался от вопросов. Уилли открыл было рот, но тут же поморщился от боли — Ричард вовремя наступил ему на ногу.

Сказать по правде, Уолтер весьма сожалел о том, что Ричард Морган, который за три месяца пребывания в тюрьме помог ему нажить кругленькую сумму, покидает Бристоль. Родные кормили Ричарда и Инселла, а это означало, что каждый день у Уолтера прибавлялось по два пенса; отец Ричарда раз в неделю присылал Уолтеру галлонную бочку хорошего рома, а аптекарь каждый раз совал ему в руку целую крону. Если бы не эти подарки, Уолтер счел бы Ричарда Моргана буйнопомешанным и продержал бы его в больнице Святого Петра, пока его не увезли бы в Глостер. Морган и вправду спятил!

Каждый день он мылся мылом и ледяной водой из трубы; справив большую нужду, вытирался тряпкой, а потом стирал ее, остерегался садиться на грязное ведро, стриг волосы, ни разу не побывал в тюремном погребке, почти все свободное время читал книги, присланные священником церкви Святого Иакова, и самое странное — каждый день наполнял огромную каменную чашу водой из трубы и пил только ту воду, которая стекала в подставленное под нее медное блюдо! Когда Уолтер полюбопытствовал, что делает Ричард, тот ответил, что превращает воду в вино, как на свадебном пиру. Безумец! До него далеко даже мартовскому зайцу!

Заранее узнав о предстоящей поездке в Глостер, Ричард успел подготовиться к ней.

Кузен Джеймс-священник принес ему новое пальто.

— Как видишь, твоя кузина Элизабет пришила к пальто толстую шерстяную подкладку, — кузина Элизабет приходилась Джеймсу женой, — и приготовила две пары перчаток — кожаные без пальцев и вязанные с пальцами. А то, что лежит в карманах, — это от меня.

Неудивительно, что пальто показалось Ричарду невероятно тяжелым: в обоих карманах лежали книги.

— Я выписал их из Лондона через Сендолла, — объяснил кузен Джеймс-священник. — Эти книги напечатаны на тончайшей бумаге, я решил не забивать тебе голову религией.

Здесь только Библия и молитвенник. — Он сделал паузу. — Беньян — приверженец баптизма, если его можно назвать религией, но его «Путь паломника» — великая книга, поэтому я дарю ее тебе. И вот еще Мильтон.

В карманах нашлись еще трагедии Шекспира, одна из его комедий и «Жизнеописание» Плутарха в переводе Джона Донна.

Ричард взял ладонь преподобного Джеймса и приложил ее к щеке, закрыв глаза. Целых семь книг небольшого формата, на тонкой бумаге, в мягком переплете!

— Ты не просто подарил мне пальто, перчатки, Библию, Беньяна, Шекспира и Плутарха — ты сумел позаботиться о моем теле, душе и разуме. Не знаю, как благодарить тебя.

Кузена Джеймса-аптекаря тревожило прежде всего здоровье Ричарда.

— Вот новый каменный фильтр, хотя менять его еще рано, — посмотри, камень немногим тяжелее пемзы! Вот деготь и новое твердое мыло — ты расходуешь мыло слишком быстро, Ричард, чересчур быстро! Моя особая битумная мазь исцеляет все — от язв до чешуйчатого лишая. Чернила и бумага — я обвязал пробку проволокой, чтобы чернила не вылились. А вот еще кое-что — ты только взгляни, Ричард! — воодушевился он, как всегда, довольный возможностью опробовать новое изобретение. — Это вставки, которые заменяют отточенные перья, в них вставляют деревянные ручки. Я выписываю их из Италии, хотя придуманы они в Аравии, где гусиные перья — большая редкость. Еще одна бритва — на всякий случай. Коробочка солода — он предотвращает цингу и пригодится тебе, если ты не сможешь покупать свежие фрукты и овощи. И целая куча тряпок. Моя жена и твоя мать нарезали их из старых простыней. Корпия и квасцы, останавливающие кровотечение. Бутылка моего патентованного тонизирующего средства, в которое я добавил драхму золота — на случай, если у тебя появятся нарывы. Если же средство кончится, а нарывы или чирьи пойдут снова, пожуй кусочек свинца. Остальное место занимает одежда. — Деловито уложив вещи в сундук, он нахмурился. — Боюсь, кое-что тебе придется разложить по карманам пальто.

— Они уже набиты, — отозвался Ричард. — Преподобный Джеймс принес мне книги, я не могу оставить их здесь. Если будет сломлен мой дух, кузен Джеймс, физическое здоровье мне ни к чему. За эти три месяца я не сошел с ума только потому, что постоянно читал. В тюрьме сильнее всего тяготит безделье. Отсутствие какого-нибудь занятия. Во времена Беньяна — да, Джеймс подарил мне «Путь паломника» — узники могли выполнять полезную работу и даже продавать свои изделия, чтобы

прокормить жен и детей, как делал сам Беньян двенадцать долгих лет. А здесь тюремщики не выводят нас даже на прогулки. Без книг я наверняка лишусь рассудка. Поэтому я должен взять их с собой.

— Понимаю.

Общими усилиями им удалось разместить в сундуке все драгоценное имущество. Два крепких замка закрылись только после того, как Уилли сел на крышку; ключ на веревке Ричард повесил себе на шею. Когда он поднял сундук, оказалось, что тот весит не меньше пятидесяти фунтов.

Сундук, приготовленный для Уилли, был поменьше и полегче.

— В нашем языке не найдется слов, чтобы выразить мою благодарность, — произнес Ричард, глаза которого наполнились любовью.

— И я благодарю вас, — подхватил Уилли и расплакался, несмотря на строгий взгляд Ричарда.

И они расстались, чтобы встретиться в Глостере во время Великого поста.

На рассвете шестого января Ричард и Уилли сложили вещи в сундуки и проковыляли в коридор, где ждал Уолтер вместе с незнакомцем, вооруженным дубинкой. Узников втолкнули в помещение, где три месяца назад их заковали в кандалы; Ричард решил, что с них снимут оковы на время поездки, и вздохнул с облегчением. Нести сундук было тяжело и без цепей. Но не тут-то было. Печальный кузнец, хозяин этой камеры ужасов, взял полосу железа шириной в два дюйма и закрепил ее на талии Ричарда. Его запястья тоже охватили наручники, а двухфутовые цепи пропустили через замок на животе. Только после этого цепь между щиколотками убрали и заменили ее двумя цепями: одна тянулась к замку на поясе от левой щиколотки, а вторая — от правой. Ричард обрел возможность передвигаться с обычной скоростью, но ему не хватило бы проворства, чтобы сбежать. Четыре цепи сошлись чуть выше его пупка, там, где висел замок.

Изловчившись, Ричард поднял сундук и с радостью обнаружил, что цепи на запястьях поддерживают его, а вес равномерно распределяется по ним.

— Возьми сундук, как я, Уилли, — посоветовал он другу. — Так будет лучше.

— Придержи язык! — рявкнул Уолтер.

Пронизывающе-холодный воздух улицы показался Ричарду божественным нектаром. Раздув ноздри и широко раскрыв глаза, Ричард двигался, слыша за спиной шаги сопровождающего, который до сих пор не проронил ни слова. Кто он — судебный пристав из Бристоля?

Выход из зловонного подземелья стал для Ричарда настоящим праздником. Он знал, что Глостер — небольшой городок, следовательно, условия в тамошней тюрьме должны быть более сносными, чем в бристольском Ньюгейте. Разумеется, и в сельской местности случались преступления, но все газеты писали, что преступников манят крупные города. Кроме того, Ричард утешался мыслью, что большая часть срока заключения осталась уже позади: выездную сессию суда в Глостере назначили на конец марта.

О, свежий воздух! Низкое темное небо предвещало снегопад, ветер охлаждал уши Ричарда, не прикрытые волосами. Шляпа-треуголка надежно защищала его темя, но ее поля были загнуты вверх и потому не могли согреть уши. Впрочем, какая разница? Ричард с радостной улыбкой шагал по Нэрроу-Уайн-стрит, громыхая цепями.

Хотя было еще совсем темно, жители Бристоля обычно вставали рано; люди принимались за работу вскоре после рассвета, рабочий день продолжался восемь часов зимой, десять часов весной и осенью и двенадцать часов летом. Двум узникам, сопровождаемым хмурым незнакомцем, попадалось немало прохожих. С гримасами ужаса горожане спешили перейти на другую сторону, не желая даже приближаться к преступникам.

Двери медеплавильного завода Уосборо были открыты, изнутри вырывался рев и жар пламени. Очевидно, здесь по-прежнему ковали плоские цепи для новых корабельных помп. С тех пор как Ричард потерял все свои деньги, он не заглядывал на завод.

— На Долфин-стрит, — коротко приказал пристав, дойдя до угла. Значит, придется свернуть не к «Гербу бочара», а на север, к Фруму. Ричард понял, куда они направляются — к Глостерской заставе.

Эта догадка вызвала у него новый вопрос: кто оплачивает поездку? Их с Уилли перевозят из одного графства в другое, кто-то должен возместить дорожные расходы. Неужели власти Глостершира сочли его и Уилли настолько опасными преступниками, что согласились пожертвовать несколько фунтов на поездку за сорок миль и на оплату услуг пристава? Может, за все платит Сили? Разумеется, он. Наверное, Сили сейчас злорадно усмехается, подумал Ричард.

С Долфин-стрит они свернули на Бродмид, к заведению Майкла Хеншоу, откуда грузовые повозки отправлялись в Глостер, Монмут, Уэльс, Оксфорд, Бирмингем и даже в Ливерпуль. Здесь узников втокнули в загон, заваленный конским навозом, и разрешили поставить сундуки на землю. Уилли пыхтел и отдувался.

«По крайней мере, — думал Ричард, — три месяца безделья не лишили меня сил. Бедняга Уилли просто слишком слаб, вот и все. Но если я проведу в тюрьме еще три месяца, то стану хилым, как он, если, конечно, в глостерской тюрьме мне не представится возможности работать и есть досыта. Но если я стану работать, кто будет сторожить мой сундук, отгонять от него воров? Мой деготь и фильтр им не нужны, но тряпки и одежду растащат за считанные минуты, и кто-нибудь обнаружит потайной карман с золотыми гинейями. И мои книги пропадут! Ведь я не единственный заключенный в Англии, умеющий читать».

Огромный фургон, куда велели забраться Уилли и Ричарду, имел парусиновый тент, натянутый на железные дуги. Тент защищал путников от буйства стихий, и это было кстати: надвигалась снежная буря. В фургон впрягли восемь битюгов, способных протащить его по грязным колеям дороги, соединяющей Бристоль и Глостер. Фургон заполняло множество ящичков и бочонков, и возница велел узникам пристроить где-нибудь свои сундуки.

— Они вправе держать свою собственность при себе — таков закон, — непререкаемым тоном возразил пристав. Забравшись в фургон, он отомкнул замки на поясах преступников и прикрепил цепи к дугам, поддерживающим парусиновый навес. Прикованные к дугам, Ричард и Уилли с трудом смогли устроиться на ящиках и вытянуть перед собой ноги. Пристав покинул фургон, удивив Ричарда: неужели он не станет сопровождать их до Глостера? Но пристав уселся на козлы рядом с возницей, и вскоре фургон заколыхался, трогаясь с места.

— Уилли, подвинься, — обратился Ричард к своему скорбному спутнику, готовому разразиться рыданиями. — Помоги мне придвинуть к стейке фургона мой сундук, а потом придвинем к ней и твой. Нам надо к чему-нибудь прислониться. И не вздумай лить слезы! Иначе я за себя не ручаюсь.

По этой разбитой, немощеной дороге лошади тащились черепашим шагом, время от времени фургон по оси увязал в грязи. Ричарда и Уилли заставляли вылезать из-под тента и толкать фургон, и Ричард невольно улыбнулся, обнаружив, что той же участи не избежал и пристав. Снегопад усилился, однако было еще слишком тепло, чтобы грязь подмерзла. К концу первого дня проголодавшиеся и изнывающие от жажды путники преодолели лишь восемь миль из сорока.

Но возница был рад и этому. Наконец фургон остановился перед постоялым двором «Звезда и плуг» в Алмондсбери.

— Я дам вам матрасы и одеяла, — пообещал возница узникам,

выказывая добродушие, которого не замечалось за ним в Бристоле. — Если бы не вы, мы бы до сих пор торчали в грязи. А ты, Том, заслужил квартиру эля — хозяин постоянного двора варит его сам.

Возница и пристав Том скрылись за дверью, оставив Ричарда и Уилли гадать, что будет с ними дальше. Спустя некоторое время пристав вышел, отпер замки на поясах спутников и вытянул цепи из-за дуг фургона. Держа дубинку наготове, он препроводил пленников в каменный амбар, где хранилась солома. Разыскав балку с двумя скобами вблизи от пола, он приковал к ним Ричарда и Уилли и исчез.

— Как я хочу есть! — прохныкал Уилли.

— Молись, Уилли, только не реви.

В амбаре пахло чистой сухой соломой. Оглядевшись, Ричард с удовольствием понял, что в такой чистоте очутился впервые за последние три месяца. Пока он размышлял, в амбар вошли хозяин постоянного двора и его дюжий работник, неся поднос с двумя кружками, ломтями хлеба с маслом и двумя мисками дымящегося супа. Немного погодя работник принес конские попоны.

— Джон говорит, вы помогали толкать фургон, — сообщил хозяин постоянного двора, ставя поднос перед узниками и поспешно отступая. — У вас есть еще деньги? Пристав заплатил за каждого из вас всего одно пенни. Если вам больше нечем платить, придется заставить раскошелиться Джона.

— Сколько с нас? — спросил Ричард.

— По три пенса с каждого за еду и эль.

Ричард достал из кармана жилета шестипенсовую монету.

Ни свет ни заря они позавтракали хлебом и легким пивом, купленными за три пенса, влезли в фургон и преодолели еще восемь миль, то и дело вылезая, чтобы вытолкнуть громоздкую повозку из жидкой грязи. Блаженный ночной сон среди соломы и конских попон в сочетании с горячей сытной пищей сотворили чудеса с Ричардом, хотя все его тело ныло от непривычных усилий. Даже Уилли воспрянул духом и работал все усерднее. Снегопад кончился, воздух похолодал, но грязь так и не замерзла. За день путники с трудом преодолевали по восемь миль — впрочем, возница Джон только радовался этому, как и возможности ночевать на постоянных дворах.

По подсчетам Ричарда, до глостерской тюрьмы они могли добраться на пятый день. Однако возница решил провести последнюю ночь в компании узников на постоялом дворе «Полнолуние» в пригороде Глостера.

— Не хватало вам еще торчать лишнюю ночь в тюрьме, — заявил он. — Вы платили за себя, как подобает джентльменам, и я искренне

сочувствую вам. Ладно уж, так и быть, проведите последнюю ночь в тепле да поужинайте как следует. Вы не похожи на преступников, и потому я не прочь помочь вам.

На рассвете следующего дня фургон переехал реку Северн по подвесному мосту и вкатился в Глостер через западные ворота. Город походил на средневековую крепость с прочными стенами, рвами, подвесными мостами, крытыми галереями и домами из кирпича и дерева. Ричард разглядывал улицы в узкую щель между полотнищами тента, но этого ему хватило, чтобы понять: рядом с огромным морским животным Бристолем Глостер — мелкая рыбешка.

Фургон подкатил к воротам в прочной древней стене, Ричард и Уилли спрыгнули на землю, и пристав Том повел их через пустырь, заросший бурьяном. Перед ними высился Глостерский замок, служивший городской тюрьмой. Он словно ошетинился каменными башнями всевозможных размеров, окна были забраны решетками, но в целом замок походил скорее на руины, нежели на крепость, которую в последний раз взяли штурмом во времена Оливера Кромвеля. Однако сначала узников повели не в замок, а к большому каменному дому, примыкающему к наружной стене крепости. Здесь жил начальник тюрьмы.

Только теперь Ричард понял, почему их сопровождал бристольский пристав: тюремщики не столько заботились о безопасности заключенных, сколько стремились получить обратно кандалы и цепи. С узников сняли все браслеты и цепи, и пристав Том прижал бряцающее железо к себе, как мать — новорожденного младенца. Едва успев подписать необходимые бумаги, Том сложил кандалы в мешок и поспешно вышел, чтобы вернуться домой дилижансом. На новом месте Ричарда и Уилли первым делом заковали в уже знакомые ножные кандалы с двухфутовыми цепями. После этого один из надзирателей — начальника тюрьмы узники так и не увидели — повел Ричарда и Уилли в замок.

В тюремной камере царила такая теснота, что заключенным было негде вытянуть ноги. Они сидели, подтянув колени к подбородку. В камере площадью двенадцать квадратных футов с трудом разместилось тридцать мужчин и десять женщин. Надзиратель, сопровождавший Ричарда и Уилли, невнятно отдал какой-то приказ, и все, кто сидел на полу камеры, мгновенно вскочили. Узников, окруживших плотной толпой Ричарда и плачущего Уилли, которые по-прежнему несли свои сундуки, выгнали на холодный двор, где уже стояло двадцать мужчин и женщин.

День был воскресный, а посему заключенным глостерской тюрьмы предстояло выслушать проповедь преподобного мистера Эванса —

дряхлого старика, слабый голос которого заглушали завывания ветра. Расслышать его наставления о раскаянии, надежде и набожности было невозможно. К счастью, мистер Эванс считал, что заключенным за глаза хватит десятиминутной службы и проповеди продолжительностью двадцать минут. За это священнику платили всего сорок фунтов в год, а проводить службы он был обязан по воскресеньям, средам и пятницам.

После проповеди заключенных опять загнали в камеру, которая была вдвое меньше соседней камеры для должников, составлявших половину узников замка.

— С понедельника по субботу здесь не так тесно, — слышался чей-то голос, едва Ричард нашел место, чтобы поставить сундук, и уселся на него. — О, да ты красавчик!

У ног Ричарда присела худая, жилистая женщина лет тридцати в поношенной, но довольно чистой одежде — черной юбке, красной нижней юбке, красной блузке, черном жилете и причудливой черной шляпе, надетой набекрень и украшенной алым гусиным пером.

— Разве здесь нет часовни, где священник мог бы проводить службы? — спросил Ричард с едва заметной улыбкой. В незнакомке чувствовалось что-то располагающее; беседуя с ней, он мог не обращать внимания на всхлипы плаксы Уилли.

— Есть, конечно, только мы все туда не помещаемся. Тюрьма переполнена, нам не помешала бы вспышка тюремной лихорадки, чтобы заключенных поубавилось. Я — Лиззи Лок. — И она протянула Ричарду руку.

Он пожал ее.

— Ричард Морган. А это Уилли Инселл, несчастье мое и моя тень.

— Как дела, Уилли?

В ответ Инселл разразился потоком слез.

— Он хнычет не переставая, — устало объяснил Ричард, — когда-нибудь я задушу его. — Он огляделся. — А почему здесь женщин держат вместе с мужчинами?

— Потому что отдельных камер для женщин нет, милый Ричард. Нет здесь и долговой тюрьмы, потому про нас пять лет назад упомянул Джон Ховард в докладе об английских тюрьмах. Именно поэтому мы строим новую тюрьму. С понедельника по субботу, когда мужчин уводят на работу, здесь совсем просторно, — беспечно щебетала Лиззи.

Из ее болтовни Ричард выхватил незнакомое имя.

— Джон Ховард? Кто это?

— Я же сказала: один человек, который написал доклад о тюрьмах, —

объяснила Лиззи Лок. — Но не расспрашивай меня без толку — больше я ничего не знаю. Мне известны только слухи, да и то со слов епископа, священника и церковного сторожа. Говорят, парламент издал указ о строительстве новой тюрьмы. Через три года она будет готова, но я ее уже не увижу.

— Надеешься, что к тому времени тебя выпустят? — спросил Ричард, не переставая улыбаться. Эта женщина нравилась ему, хотя не возбуждала в нем ни малейшего влечения. Ее черные круглые глаза живо поблескивали.

— Господи, конечно, нет! — добродушно воскликнула она. — Меня еще два года назад приговорили к «казни через пов.».

— К чему?

— К виселице, милый Ричард. Так пишет в своей книге джентльмен, который накидывает заключенным на шею петлю. Говорят, в Лондоне такую казнь называют иначе.

— Но я вижу, ты еще жива.

— На прошлое Рождество приговор изменили. Мне дали семь лет каторги. Пока каторжников вывозить некуда, но когда-нибудь мне придется покинуть Англию.

— Насколько мне известно, Лиззи, это случится не скоро. В Бристоле поговаривают, что каторжников будут увозить в Африку.

— Ты из Бристоля? Так я и думала. У тебя чудной выговор.

— Мы с Уилли оба из Бристоля. Нас привезли сегодня в фургоне.

— Да ты джентльмен! — изумленно воскликнула она.

— Только отчасти, Лиззи.

Она указала пальцем на сундук.

— А что у тебя там?

— Мои вещи — впрочем, не знаю, надолго ли они останутся моими. Я заметил, что здесь лишь некоторые узники больны, а остальные выглядят лучше, чем обитатели бристольского Ньюгейта.

— Благодаря строительству новой тюрьмы и огороду матушки Хаббард. Тех, кто может работать, кормят как на убой. Труд заключенных обходится дешевле, чем труд наемных рабочих. К тому же, говорят, парламент разрешил привлекать узников к строительным работам. А мы, женщины, трудимся в огороде.

— У матушки Хаббард? А кто это такая?

— Жена Хаббарда, начальника тюрьмы. Тут самое главное — не заболеть, иначе кормить тебя будут впроголодь. Из-за этого вспыхивают голодные бунты. На Рождество восемьдесят третьего года восемь человек умерло от оспы. — Она погладила бок сундука. — А о нем не беспокойся,

милый Ричард. Я присмотрю за ним — в обмен на одну услугу.

— Какую? — настороженно спросил Ричард.

— Пообещай защищать меня. Меня кормят, как мужчин, потому что я штопаю одежду, и дают несколько пенни. Но я не желаю оказывать услуги, которые не одобрил бы наш священник. Мужчины вечно липнут ко мне, особенно этот Айзек Роджерс. — Она указала на дюжего парня со злодейским лицом. — Он еще тот гусь!

— За что его посадили в тюрьму?

— За разбой на большой дороге. Украл ящики с бренди и чаем.

— А за что сидишь ты?

Хихикнув, Лиззи указала на свою шляпу.

— А я стащила эту чудесную шелковую шляпку. Я ничего не могла с собой поделать, милый Ричард, — обожаю шляпки!

— Ты хочешь сказать, тебя приговорили к казни за украденную шляпу?

Черные глаза блеснули, Лиззи покачала головой:

— Я попалась не в первый раз. Говорю же тебе: я обожаю шляпки.

— Но разве за это можно казнить человека, Лиззи?

— Ни о чем таком я не думала, когда крала их.

Ричард протянул Лиззи руку.

— Ладно, по рукам. Отныне ты находишься под моей защитой, а взамен ты обязана стеречь мой сундук. И не пытайся взломать замки, Лиззи Лок! Уверяю, внутри нет шляпок. — Он поднялся на ноги, расталкивая соседей. — Если я сумею пробиться сквозь толпу, то осмотрю свои новые владения. Присмотри за сундуком.

Осмотр занял всего четверть часа. К большой комнате примыкало несколько тесных камер, похожих на ниши, — неосвещенных, душных и пустых, в двух из них стояли ведра. Выщербленные ступени вели к решетчатой двери. Камера для должников, отгороженная от второй камеры решеткой, имела площадь десять на двадцать футов, в ней не было ни окна, ни отдушины, и в ней царила бы кромешная тьма, если бы заключенные не сломали часть стены, открывая доступ воздуху и свету. Должникам жилось просторнее, но выглядели они более истощенными, чем остальные заключенные: должников не водили на работу и кормили кое-как. Подобно узникам бристольского Ньюгейта, они казались чахлыми, оборванными и вялыми.

Вернувшись в свою камеру, Ричард обнаружил, что Лиззи Лок пытается отогнать от его сундука грабителя Айзека Роджерса.

— Оставь в покое ее и мои вещи, — коротко приказал Ричард.

— Еще чего! — осклабился Роджерс.

— Отвяжись, понял? С таким, как ты, я справлюсь без труда, — не дрогнув, заявил Ричард. — Убирайся, пока цел! Я мирный человек по имени Ричард Морган, а эта женщина находится под моей защитой. — Он обнял Лиззи за талию, и она с готовностью прильнула к нему. — Здесь есть и другие женщины. Выбери какую-нибудь из них.

Окинув его пристальным взглядом, Роджерс решил, что благоразумнее будет отступить. Если бы Морган хоть немного испугался, дело приняло бы совсем другой оборот, но Ричард явно не испытывал страха. Он казался на редкость спокойным и сдержанным. Такие люди умеют постоять за себя, они способны пустить в ход зубы, ногти и каблуки, они проворны, как ужи. Пожав плечами, Роджерс попятился, а Ричард присел на сундук и усадил Лиззи к себе на колени.

— Когда нас будут кормить? — спросил он. Его новая знакомая оказалась смышленной женщиной: можно было не опасаться, что она неверно истолкует его любезность. Лиззи Лок вполне устраивал покровитель, не питающий к ней влечения.

— Скоро обед, — ответила она. — Сегодня воскресенье, поэтому нам дадут свежий хлеб, мясо, ломоть сыра, репу и капусту. Ни масла, ни варенья здесь нет, но остальной еды вдоволь. Здесь есть своя кухня, вон там, — и она указала в глубину камеры, — каждый получает деревянное блюдо и жестяную кружку. А на ужин будут снова хлеб, легкое пиво и капустный суп.

— А есть ли здесь погребок?

— Ричард, дорогой, неужели ты любитель выпить?

— Нет. Я не пью ничего, кроме легкого пива и воды. А про погребок спросил просто так.

— Надзиратель Симмонс по прозвищу Счастливчик принесет тебе выпивку, если заплатить ему пенни. Но если выпьет Айзек — берегись. Он страшен во хмелю.

— Пьяные неуклюжи. Я наблюдал за ними почти всю жизнь.

* * *

К концу февраля Ричард знал как свои пять пальцев глостерскую тюрьму и ее обитателей, которые стали ему скорее близкими друзьями, нежели просто знакомыми. Четырнадцать заключенных ждали Великого поста и выездной сессии суда, остальных уже судили и вынесли приговор,

большинство приговорили к каторге. Среди этих четырнадцати узников были три женщины — Мэри (прозванная Мейзи) Хардинг, задержанная с краденными вещами, Бетти Мейсон, обвиненная в краже кошелька с пятнадцатью гинеями из дома в Хенбери, и Бесс Паркер, которая проникла в дом в Норт-Нибли и украла две льняные сорочки. У Бесс Паркер сложились близкие отношения с осужденным в тысяча семьсот восемьдесят третьем году Недом Пу, Бетти Мейсон была влюблена в надзирателя Джонни. Обе со дня на день должны были разродиться.

«Как удивителен наш мирок!» — с кривой усмешкой размышлял Ричард. В общей камере было не повернуться, мужская ночная камера выглядела омерзительно. За время пребывания в тюрьме Ричард ожесточился и погрубел; он раздевался донага и мылся в душной темной камере, не обращая внимания на женщин, преспокойно стирал грязные тряпки, процеживал воду через фильтр под прицелом трех десятков пар недоверчивых глаз. Постепенно он становился эгоистичным, не делал ни малейшей попытки поделиться чистой водой с Лиззи или Уилли: фильтр действовал медленно, за час в блюде скапливалось всего две пинты процеженной воды. Не делился Ричард и тряпками или мылом. За несколько пенсов прачка Мейзи стирала его белье, рубашки и чулки; верхняя одежда пропахла потом.

Из всех женщин только Мейзи не имела покровителя и была вправе оказывать услуги даром и кому угодно, а двух-трех других женщин можно было заполучить за кружку джина. Когда пару охватывало желание, она устраивалась прямо на полу, если удавалось найти свободное место, или прислонялась к стене. В происходящем не было ровным счетом ничего эротического, поскольку партнеры не раздевались, и лишь самые любопытные зрители могли увидеть промелькнувшее мясистое мужское орудие или поросший волосами холмик, хотя обычно не замечали даже этого. Ричарда удивляло то, что пары избегали совокупляться в одной из соседних тесных камер: видимо, все обитатели тюрьмы боялись темноты.

В начале марта у Бесс Паркер и Бетти Мейсон воды отошли прямо в общей камере, на время родов их унесли в женскую спальню. Еще две женщины нянчили младенцев, родившихся в глостерской тюрьме, а начинающий ходить ребенок Мейзи попал в тюрьму вместе с ней. Большинство детей умирало при рождении или едва успев родиться. Редко кто из малышей доживал до года.

К счастью, в глостерской тюрьме Ричарду не пришлось изнывать от безделья. Ему поручили перетаскивать известняковые глыбы из замка к новой тюрьме, что позволяло подышать свежим воздухом и осмотреться.

Крохотный порт Глостера располагался чуть севернее замка, на том же берегу Северна. По реке ходили утлые лодчонки и большие барки. Один из двух городских заводов отливал церковные колокола, второй изготавливал мелкие железные предметы, которые продавали здесь же, в городе. Дым из заводских труб поднимался тонкими струйками, поэтому воздух в городе почти всегда был чистым и свежим. Вода в реке Северн тоже не была загрязнена, но, судя по тому, как часто в тюрьме вспыхивали эпидемии, вода туда поступала из другого источника. А может, болезни разносили блохи и вши, от которых Ричард спасался, протирая грязный тюфяк дегтем, постоянно моясь и меняя одежду. О Господи, он отдал бы что угодно, лишь бы быть чистым! Жить в чистоте! И в уединении!

Тюремная лихорадка началась вскоре после прибытия Ричарда и Уилли в Глостер. Число обитателей общей камеры снизилось с сорока до двадцати человек, появились новые лица — заключенные, ожидавшие суда.

Со временем и благодаря совместной работе Ричард перезнакомился со всеми мужчинами, а некоторых из них стал считать друзьями — к примеру, Уильяма Уайтинга, Джеймса Прайса и Джозефа Лонга. Все они ждали Великого поста и выездной сессии суда.

Уайтинга посадили за кражу барана-валуха на постоялом дворе «Звезда и плуг» в Алмондсбери, где когда-то ночевали Ричард и Уилли.

— Чепуха! — заявлял лентяй Уайтинг. Обычно он говорил таким тоном, что никто не знал, можно ли верить его словам. — С какой стати мне понадобилось красть барана? На кой он мне сдался? Я всего лишь хотел отделать его, а утром вернул бы в загон, и никто ни о чем не догадался бы. Но как назло, пастух не спал.

— Совсем изголодался, Билл? — без улыбки спросил Ричард.

— Не то чтобы изголодался — просто мне нравится трахаться, а задница у баранов ничем не хуже женской дыры, — жизнерадостно объяснил Уайтинг. — И пахнет от нее так же, и она такая же узкая. К тому же бараны не царапаются и не визжат. Достаточно сунуть их задние ноги в голенища сапог, и делай с ними что хочешь.

— Не важно, что это было — скотоложство или кража, Билл: тебя все равно повесят. Но почему в Алмондсбери? На расстоянии каких-нибудь восьми миль, в Бристоле, ты нашел бы тысячу блудниц любого пола, которые вряд ли стали бы отбиваться.

— Я не мог ждать, просто не мог. И потом, у того барана была симпатичная морда — совсем как у одного моего знакомого священника!

Ричард прекратил расспросы.

Джимми Прайс был деревенским парнем из Сомерсета,

пристрастившимся к рому. Вместе с товарищем он ограбил три дома в Уэстбери-апон-Трим и украл много говядины, свинины и баранины, три шляпы, два сюртука, вышитый жилет, сапоги для верховой езды, мушкет и два зеленых шелковых зонтика. Его сообщник Питер умер от тюремной лихорадки, отказавшись раскаться в содеянном, — он считал, что ни в чем не виноват.

— Я не замышлял ничего дурного, не помню, как все случилось, — вторил ему Джимми. — На черта мне сдались два шелковых зеленых зонтика? В Уэстберн их было негде даже продать. Я не был голоден, одежда не подходила ни мне, ни Питеру. А для мушкета мы не взяли ни пороха, ни зарядов.

Третий член этой тройки, которому Ричард искренне сочувствовал, постоянно казался печальным и подавленным. Слабовольный и слабоумный Джо Лонг украл серебряные часы в Слимбридже.

— Я был пьяным, — просто сказал он, — а часы — такими красивыми!

Разумеется, и Ричарду пришлось отвечать на расспросы. Общая камера казалась ему чем-то вроде клуба крупных краж. Как всегда, Ричард объяснился кратко:

— Сiju за вымогательство и крупную кражу. Украл вексель на пятьсот фунтов и стальные часы.

После этих слов все, даже Айзек Роджерс, стали относиться к нему гораздо почтительнее.

— «Крупная кража» — растяжимое понятие, — сказал Ричард Биллу Уайтингу, перетаскивая глыбы известняка. Уайтинг был неглупым и грамотным человеком. — Я украл стальные часы. Бедняжка Бесс Паркер — льняные сорочки стоимостью не более шести пенсов. Роджерс — четыре галлона бренди и сорок пять центнеров ^[9] лучшего китайского зеленого чая, фунт которого в розницу стоит не меньше фунта стерлингов. Ему достался товар на общую сумму больше пяти тысяч фунтов. И всех нас обвиняют в крупных кражах. Это бессмысленно!

— Роджерса точно ждет виселица, — отозвался Уайтинг.

— Лиззи приговорили к повешению за кражу трех шляп.

— За повторно совершенное преступление, Ричард, — со смехом поправил Уайтинг. — Ей следовало бы остановиться после первой кражи и больше никогда не красть. Но беда в том, что в момент совершения преступления большинство из нас были навеселе. Во всем виновато спиртное.

Оба кузена Джеймса прибыли в Глостер почтовым дилижансом в

понедельник, двадцать первого марта. Найти приличное жилье в самом городе им не удалось, поэтому они остановились на постоялом дворе «Полнолуние» — там, где Ричард и Уилли провели последнюю ночь перед тем, как попали в глостерскую тюрьму.

Подобно Ричарду его кузены твердо рассчитывали, что условия в новой тюрьме окажутся более сносными, чем в прежней. Им и в голову не приходило, что бывают тюрьмы хуже бристольского Ньюгейта.

— Пока нам живется недурно, кузены, — объяснил Ричард, удивленный ужасом, с которым его родственники вошли в общую камеру. — Из-за тюремной лихорадки освободилось много места. — Он поцеловал обоих Джеймсов в щеку, но не позволил обнять себя. — От меня воняет, — пояснил он.

Незадолго до приезда кузенов, после воскресной службы, в камере появились стол и скамьи. Предупрежденный о том, что парламент пристально изучает отчет Джона Ховарда о долговых тюрьмах и что вскоре барон Эйр может явиться в тюрьму с ревизией, начальник тюрьмы поспешил сделать все возможное, лишь бы избежать выговора.

— Как отец? — прежде всего спросил Ричард.

— Еще слишком слаб, чтобы приехать в Глостер, но дело идет на поправку. Он просил передать тебе наилучшие пожелания, — сообщил кузен Джеймс-аптекарь, — и сказать, что он молится за тебя.

— А мама?

— Как обычно. Она тоже молится за тебя.

Вид Ричарда ошеломил обоих кузенов. Его сюртук, жилет и брюки пропахли потом и висели на нем, но рубашка и чулки были чистыми, как и тряпки, подсунутые под кандалы. В коротко стриженных, как в Ньюгейте, волосах Ричарда не виднелось ни единой седой пряди, чистые ногти были аккуратно подрезаны, лицо гладко выбрито, на коже — ни одной морщинки. А глаза стали пугающими — отчужденными и суровыми.

— Есть какие-нибудь известия об Уильяме Генри?

— Нет, Ричард, никаких.

— Значит, все остальное не важно.

— Напротив! — возразил кузен Джеймс-священник. — Мы нашли тебе адвоката — увы, не из Бристоля. На выездные сессии суда допускаются далеко не все барристеры. Кузен Генри-юрист объяснил нам, как найти в Глостере сведущего адвоката. Здесь есть два судьи: один, сэр Джеймс Эйр, служит в верховном суде казначейства, а второй, сэр Джордж Нэрис, — в обычном верховном суде.

— Вы встречались с Сили Тревилльяном?

— Нет, — ответил кузен Джеймс-аптекарь, — но нам говорили, что он остановился в лучшей городской гостинице. Для Глостера выездные сессии суда — важное событие, можно сказать, пышная церемония. Утром весь город устремился в ратушу, где прошло первое заседание. Оба судьи живут неподалеку, а их помощники, барристеры и секретари разместились на постоянных дворах. Завтра, согласно обычаю, начнутся заседания большого жюри. Твой адвокат сказал, что скоро суд дойдет и до твоего дела.

— Кто он такой?

— Мистер Джеймс Хайд с Ченсери-лейн, из Лондона. Это барристер, путешествующий по Оксфордскому округу вместе с судьями Эйром и Нэрисом.

— Когда он придет повидаться со мной?

— Сюда он вряд ли заглянет, Ричард. Его долг — защищать тебя в суде. Не забывай, что зачитать твои показания он не вправе. Он будет выслушивать свидетелей и пытаться найти слабые места в их показаниях во время перекрестного допроса. И поскольку он не знает, кто будет свидетелем обвинения и что они скажут, встречаться с тобой ему нет смысла. Мы уже успели обо всем ему рассказать. Он весьма рассудительный и сведущий адвокат.

— Какую же плату он потребовал?

— Двадцать гиней.

— И уже получил их?

— Да.

Это поистине фарс, думал Ричард, дружески улыбаясь и пожимая руки кузенам.

— Вы так добры ко мне! Не знаю, как выразить вам благодарность...

— Ты же член нашей семьи, Ричард, — не скрывая удивления, возразил кузен Джеймс-священник.

— Я привез тебе новый костюм и пару туфель, — сообщил аптекарь Джеймс. — И парик. Не стоит появляться на суде со стриженной головой. А женщины — твоя мать, Энн и Элизабет — послали тебе целый ящик белья, рубашек, чулок и тряпок.

Это известие Ричард встретил молча: видно, его родные готовились к самому худшему. Если бы завтра ему предстояло выйти на свободу, зачем ему понадобился бы целый ящик новой одежды?

Звуки празднества, сопровождающего начало выездной сессии суда, достигли ушей Ричарда на следующей день, пока он таскал каменные глыбы. Издалека слышались звуки фанфар и горнов, барабанная дробь, приветственные возгласы и крики восхищения, обрывки музыкальных

фраз, торжественное пение на латыни. В Глостере царило праздничное оживление.

А узники тюрьмы приуныли. Ричард давно понял, что никто из его шестнадцати товарищей по несчастью не ждет оправдательного приговора. Лишь двое из них могли позволить себе нанять адвоката — Билл Уайтинг и Айзек Роджерс. Их предстояло защищать тому же мистеру Джеймсу Хайду, из чего Ричард сделал вывод, что Хайд — единственно возможная кандидатура.

— Значит, нам всем не на что надеяться? — спросил Ричард у Лиззи.

Лиззи, которая пережила уже три выездные сессии суда, побледнела.

— Не на что, Ричард, — просто ответила она. — А как же иначе? Доказательства вины представляют обвинитель и его свидетели, присяжные верят им. Почти все мы виновны, хотя мне известно, что несколько заключенных стали жертвами обмана. Пьянство — не оправдание. Будь у нас влиятельные друзья, мы не сидели бы в глостерской тюрьме.

— Случалось ли, чтобы кого-нибудь оправдали?

— Несколько раз, да и то если сессия затягивалась. — Присев к Ричарду на колени, Лиззи пригладила ему волосы, как пригладила бы ребенку. — Не стоит питать радужных надежд, милый Ричард. Увидев тебя на скамье подсудимых, присяжные не станут требовать других доказательств. И прошу тебя, надень парик.

На рассвете двадцать третьего марта Ричард надел новый, очень простой черный сюртук, черный жилет и такие же панталоны, обулся в новые черные башмаки, подложил чистые тряпки под ручные и ножные кандалы. Но парик он не надел — этот предмет вызывал у него безотчетное отвращение. Вместе с ним на заседание отправились еще семеро узников: Уилли Инселл, Бетти Мейсон, Бесс Паркер, Джимми Прайс, Джо Лонг, Билл Уайтинг и Сэм Дей, семнадцатилетний парнишка из Дерсли, укравший два фунта пряжи у ткача.

Их втолкнули в здание ратуши через заднюю дверь и узкими коридорами провели в подвал, так и не позволив увидеть зал суда — арену, на которой разыгрывались словесные, но смертельно опасные битвы.

— Сколько нам еще ждать? — шепотом спросила Бесс Паркер у Ричарда. Ее глаза от страха стали огромными; она потеряла ребенка, едва успевшего родиться, и до сих пор не успела оправиться от удара.

— Полагаю, недолго. Заседание продолжается не более шести часов в день, а предстоит разобрать восемь дел. Наверное, судьи будут действовать молниеносно, как мясник начиняет колбасы.

— Боже, как страшно! — воскликнула Бетти Мейсон, чья дочь родилась мертвой. Горе придавило ее.

Джимми Прайса увели первым, затем пришла очередь Бесс Паркер, но Джимми не вернулся. Только после того как стражники увели Бетти Мейсон, оставшиеся узники поняли, что сразу после вынесения приговора заключенных препровождают обратно в тюрьму.

Вызвали Сэма Дея, и в подвале остались только Ричард, Уилли, Джо Лонг и Билл Уайтинг. К тому времени заседание продолжалось уже несколько часов.

— Их светлостям пора обедать, — заявил неугомонный Уайтинг и облизнулся. — Жареный гусь, жареная говядина и баранина, каши и гарниры, булочки, пудинги и пироги — тем лучше для нас, Ричард! Желудки судей будут наполнены, а мозги — затуманены кларетом и портвейном.

— А по-моему, нам это не поможет, — возразил Ричард, не расположенный веселиться. — У них разыграется подагра, от сытной еды начнет клонить в сон.

— Воистину, ты — утешитель Иова!

Ричарда и Уилли вызвали последними. Их привели наверх в половине четвертого, если верить настенным часам в зале суда. Из подвала ход вел прямо на скамью подсудимых, где, несмотря на название, было не на что сесть. Ричард и Уилли застыли, щурясь от яркого света. Компанию им составил апатичного вида стражник со средневековыми регалиями. Зал был небольшим, зрители разместились на галерее, а в самом зале сидели только те, кто непосредственно участвовал в заседании. На возвышении восседали двое судей, облаченных в малиновые мантии с меховой отделкой и пышные парики. Остальные блюстители закона разместились вокруг них и на скамьях, некоторые из них расхаживали по залу. Кто же из этих людей адвокат мистер Джеймс Хайд? Ричард понятия не имел. Двенадцать присяжных сбились в кучу, напоминая овец, и незаметно переминались с ноги на ногу, устав стоять неподвижно. Ричард сочувствовал им: обязанность время от времени заседать в суде присяжных возлагалась на каждого почетного гражданина от Твида до Ла-Манша. Присяжным не полагалось ни скамей, ни вознаграждения за потерянные рабочие дни. Впрочем, это побуждало присяжных принимать решения так же стремительно, как судьи успевали произнести «Виселица!».

Мистер Джон Тревилян Сили Тревилян устроился рядом с мужчиной внушительного вида в одеянии участника драмы — мантии, парике с косицей, в туфлях с пряжками. С тех пор как Ричард видел

заклятого врага в последний раз, Сили заметно изменился: теперь он вырядился в тончайшее черное сукно, надел строгий парик, черные лайковые перчатки и маску дружелюбного простофили. От дерзкого насмешника и отважного мошенника не осталось и следа. Сили, сидящий в ратуше Глостера, являл собой образец глуповатой и невинной жертвы. При виде Ричарда он издал пронзительный возглас ужаса и прижался к своему спутнику, а потом старательно избегал смотреть в сторону скамьи подсудимых. Согласно закону, Сили сам мог выступать в роли обвинителя, но эту задачу взял на себя его адвокат, отвечая на вопросы присяжных о вопиющем преступлении, совершенном двумя злодеями. Положив закованные в кандалы руки на барьер, крепко упираясь ногами в древние доски пола, Ричард внимательно слушал, как обвинитель перечисляет добродетели — и глупости — бедного безобидного малого, мистера Тревиляяна. Вскоре Ричард понял, что сегодня чудес в Глостере не произойдет.

Повествование самого Сили прерывали всхлипы, вздохи и длинные паузы, во время которых он подыскивал слова, возводил глаза к потолку, иногда закрывал лицо руками — взбудораженный, дрожащий, нервный. В конце концов присяжные, на которых произвели впечатление его умственное расстройство и материальное благополучие, сочли его жертвой похотливой женщины и ее свирепого мужа. Но само по себе это еще не означало, что Ричард совершил преступление, как и вексель на пятьсот фунтов не был признаком вымогательства.

Обязанность подтвердить это была возложена на двух свидетелей — на жену цирюльника Джойса, которая слышала ссору через стену, и на мистера Дейнджерфилда, который подсматривал через щель в стене. Миссис Джойс отличалась превосходным слухом, а мистер Дейнджерфилд, по-видимому, имел полный обзор сквозь щель шириной в четверть дюйма. Одна слышала возгласы вроде «Чертова тварь! Где твоя свеча?» и «Я вышибу тебе мозги, мерзавец!», а второй видел, как Морган и Инселл угрожали Сили молотком и заставили-таки его подписать вексель.

Мистер Джеймс Хайд, выступающий от имени Ричарда, был рослым худощавым мужчиной, с виду напоминающим ворона. Он умело вел перекрестный допрос, пытаясь доказать, что в трех домах по соседству с Джейкобз-Уэлл живут преимущественно сплетники, которые почти ничего не видели и не слышали и составили представление о случившемся на основании слов самого Сили, которого Дейнджерфилды зазвали к себе, а миссис Джойс забежала к ним узнать, в чем дело.

Лишь в одном Сили просчитался: оба свидетеля заявили, что Ричард

крикнул в дверь, будто мистер Тревилян получит свои часы, когда он, Ричард, добьется сатисфакции. Даже присяжные сочли эти слова вспышкой гнева обманутого мужа.

«Что за чепуха! — думал Ричард, слушая допрос и вспоминая, как в злополучный день ходил за пивом в ближайшую таверну. — Если бы нам с Уилли позволили говорить, мы легко доказали бы, что в то время, о котором упоминают свидетели, нас не было дома. Каждый день из Бристоля в Бат отправляется только один дилижанс, в полдень — следовательно, в то время мне полагалось быть уже в Бате, о чем говорит даже сам Сили. Но все свидетели в один голос заявляют, что я был в Клифтоне!»

Пока миссис Джойс давала показания, выяснилось, что она подслушала разговор Ричарда и Аннемари, будто бы замышлявших заманить Сили к себе. Ричард лишь усмехнулся: злодей, задумавший преступление, вряд ли стал бы обсуждать его возле тонкой, как бумага, перегородки! Но само упоминание слова «сговор» насторожило и судей, и присяжных.

Миссис Мэри Мередит подтвердила, что видела двух подсудимых и незнакомую женщину возле Джейкобз-Уэлл, когда вечером, около восьми часов, возвращалась домой. Она вспомнила, как все трое говорили о часах и о том, что Сили придется обратиться в суд, чтобы получить их обратно. Поразительно! В восемь часов вечера в конце сентября никто не сумел бы различить лица на расстоянии ярда, о чем и напомнил мистер Хайд миссис Мередит, повергнув ее в замешательство.

Слабый луч надежды пробился сквозь мрачное отчаяние Ричарда: несмотря на все старания обвинителей, присяжные так и не приняли решения, не зная, что же все-таки произошло — умышленный грабеж или взрыв ярости обманутого мужа.

Кузен Джеймс-аптекарь и кузен Джеймс-священник были вызваны в качестве свидетелей, дающих показания о репутации Ричарда. Хотя обвинитель возражал, указывая на родственные связи между свидетелями и подсудимым, несомненно, два таких образца честности произвели глубокое впечатление на присяжных. Беда была в том, что рассмотрение дела по вине защитника затянулось на целый час и присяжные устали переминаться с ноги на ногу. Никому, в том числе и присяжным, не хотелось рассматривать запутанное дело в конце рабочего дня.

Мистер Джеймс Хайд вызвал в качестве свидетеля, дающего показания о репутации обвиняемых, Роберта Джонса.

Ричард вздрогнул. Роберту Джонсу предстоит давать показания в его

пользу? Этому подхалиму, прихвостню Уильяма Торна, который сообщил последнему о том, что Уилли побывал в акцизном управлении?

— Знакомы ли вы с подсудимыми, мистер Джонс? — спросил мистер Хайд.

— Да, с обоими.

— И вы считаете их порядочными, законопослушными людьми, мистер Джонс?

— Да, весьма.

— Случалось ли им прежде нарушать закон?

— Нет, никогда.

— Располагаете ли вы сведениями — помимо обычных сплетен — о том, что произошло возле Джейкобз-Уэлл тридцатого сентября прошлого года?

— Располагаю, сэр.

— Какими именно?

— Чего?

— Что вам известно, мистер Джонс?

— Ну, прежде всего миссис Джойс — никакая не миссис. Она просто шлюха, сожительница мистера Джойса.

— Речь идет не о миссис Джойс. Будьте любезны высказываться по существу дела.

— Я говорил и с ней, и с мистером Дейнджерфилдом. Мистер Дейнджерфилд повел меня к себе и показал щель, сквозь которую подглядывал, сказав при этом, что почти ничего не слышал, а видел и того меньше. А миссис Джойс призналась, что ничего не видела и не слышала.

Обвинитель нахмурился; мистер Тревилян сидел с таким видом, словно происходящее недоступно его пониманию.

Обвинитель приступил к перекрестному допросу.

— Когда состоялся разговор с миссис Джойс и мистером Дейнджерфилдом, мистер Джонс? Будьте предельно точны.

— Чего?

— Выражайтесь яснее.

— А, понял. В тот же день, когда я зашел проведать Уилли... то есть подсудимого Инселла. Услышав от него о том, что случилось, я решил расспросить соседей. Миссис Джойс, которая вовсе не миссис, сказала, что ничего не видела и не слышала. Мистер Дейнджерфилд показал мне щель, но когда я заглянул в нее, то ничего не разглядел.

Вновь вызвали миссис Джойс, и она заявила, что не отказывается от своих показаний, но она не из тех, кто не прочь посплетничать!

Мистер Дейнджерфилд повторил: он ничего не слышал, только кое-что видел.

— Вызовите мистера Джеймса Хайда! — громко предложил обвинитель. Адвокат Ричарда вздрогнул и растерянно огляделся. — Нет, не вас, мой ученый коллега. Мистер Джеймс Хайд — слуга матери мистера Тревиляна.

Тезка адвоката был невысоким рыжеватым мужчиной лет сорока; он держался скромно, но с едва заметным упрямством, свойственным старшим слугам. Он сообщил, что мистер Дейнджерфилд зашел к нему первого октября и извещил о следующем: Роберт Джонс за пять гиней готов доказать, что Морган с женой сговорились ограбить мистера Тревиляна.

В толпе присяжных послышался ропот, сэр Джеймс Эйр строго выпрямился.

— Это был сговор, мистер Хайд?

— Да, сэр, сговор.

— В нем участвовал и мистер Инселл?

— О нем мистер Дейнджерфилд не упоминал. Он назвал только мистера и миссис Морган.

Вновь вызванный мистер Дейнджерфилд признался, что заходил в дом мистера Мориса Тревиляна проводить своего друга мистера Джеймса Хайда и рассказал ему о предложении Роберта Джонса.

При повторном допросе мистер Роберт Джонс подтвердил показания других свидетелей. Он знал, что мистер Дейнджерфилд дружит со слугой Тревилянов, а поскольку он нуждался в деньгах, то...

— А как насчет сговора между Морганом и его женой с целью ограбления мистера Тревиляна? Он существовал? — допытывался обвинитель.

— Само собой, — бодро согласился Роберт Джонс. — Но клянусь вам, Уилли тут ни при чем.

— Если вы солгали, вас привлекут к суду, мистер Джонс.

— Это чистая правда, сэр!

— Откуда вы узнали про сговор?

— От миссис Морган.

Присяжные и судьи вновь заволновались.

— Когда?

— Да вскоре после полудня в тот же день, когда все случилось, — тогда я впервые зашел проводить Уилли. Однако я его не встретил, а столкнулся с миссис Морган. Она сказала, что ждет мистера Тревиляна, но

что он должен прийти позднее, после того как Морган уедет в Бат. Она просто сияла от радости, рассказывая, как Морган застанет у нее мистера Тревиляна и устроит скандал — из тех, что устраивают мужья, обнаружив, что у них выросли рога. По ее словам, они с мужем решили вытянуть из этого болвана не меньше пятисот фунтов — ведь он сущий простофиля.

Сэр Джеймс Эйр перевел взгляд на скамью подсудимых.

— Морган, что вы скажете о вашем сговоре с женой?

— Никакого сговора не было, ваша честь. Я невиновен, — решительно ответил Ричард. — Сговора не было.

Углы губ судьи опустились.

— Кстати, а где миссис Морган? — осведомился он, обращаясь ко всем присутствующим в зале. — Судя по всему, ей место на скамье подсудимых, рядом с мужем. — Он метнул в Ричарда свирепый взгляд. — Где ваша жена, Морган?

— Не знаю, ваша честь. С того дня я ни разу ее не видел, — невозмутимо ответил Ричард.

Обвинитель постарался извлечь всю пользу из сговора и как можно реже упоминать об отсутствии сообщницы, миссис Морган. А когда сэр Джеймс Эйр обратился к присяжным, он тоже повел речь о сговоре.

Двенадцать законопослушных и порядочных присяжных переглянулись с невыразимым облегчением: еще несколько минут — и они смогут разойтись по домам. День выдался долгим и трудным. Почетные граждане Глостера и не слышали о том, что для рассмотрения каждого дела полагается выбирать новый суд присяжных. Ни о каком совещании в другой комнате не могло быть и речи. Ричарда Моргана признали невинным в краже часов, но обвинили в крупном вымогательстве. С Уильяма Инселла были сняты все обвинения.

Сэр Джеймс Эйр перевел взгляд на скамью подсудимых, где Уилли в слезах рухнул на колени, а остриженный почти наголо Ричард Морган — каков деревенщина! — застыл, глядя куда-то вдаль.

— Ричард Морган, вы приговорены к семи годам каторги в Африке. Уильям Инселл, вы свободны. — И он ударил в гонг, чтобы разбудить сэра Джорджа Нэриса. — Завтра утром заседание суда начнется в десять утра. Боже, храни короля!

— Боже, храни короля! — эхом повторили присутствующие.

Стражник подтолкнул заключенных к двери. Ричард покинул зал суда, не удостоив мистера Джона Тревиляна Сили Тревиляна ни единым взглядом. Он был вычеркнут из жизни Ричарда, как и многое другое. Ричард попросту забыл о существовании Сили.

На полпути к глостерской тюрьме Ричарда вдруг охватила радость: только сейчас он понял, что вскоре отделается от плаксы Уилли.

Солнце уже касалось горизонта на западе, когда Ричарда и плачущего Уилли — на этот раз он рыдал от счастья — ввели в ворота замка под присмотром двух стражников. Здесь Ричарда задержали, а Уилли увели дальше. Значит, вот в чем разница между человеком, ждущим суда, и преступником, которому вынесен приговор? Стражник указал на дом начальника тюрьмы, и Ричард двинулся к нему, как всегда, демонстрируя покорность в присутствии представителей власти. За три месяца он успел изучить всех тюремщиков — добрых, злых и равнодушных, хотя избегал заводить с ними близкое знакомство и никого не звал по имени.

Его втолкнули в уютную комнату, обставленную, как подобало гостиной. В ней уже ждали трое: адвокат мистер Джеймс Хайд и оба кузена Джеймса. Последние утирали слезы, мистер Хайд казался удрученным. «В сущности, — подумал Ричард, когда стражник вышел и прикрыл дверь, — им пришлось гораздо хуже, чем мне. Меня случившееся не удивило, я предчувствовал именно такой исход. Правосудие слепо, но не в том романтическом смысле, как уверяли нас в Колстонской школе. Оно не видит живых людей и их мотивы, а его блюстители верят только тому, что очевидно, и упускают из виду тонкости. В основе показаний всех свидетелей лежали сплетни, Сили просто связал обрывки сплетен воедино и предложил свидетелям щедрую мзду. Роберту Джонсу он заплатил, как и всем остальным, но эти взятки имели вид подарков тем, кто знал его, его родных и слуг. О, свидетели во всем разобрались! Но под присягой они были вправе отрицать подкуп. Джонсу же пришлось сознаться в том, что его подкупили. А может, Аннемари и вправду рассказала Джонсу про наш „сговор“. Значит, она душой и телом принадлежала Сили, была его сообщницей с самого начала. Если это правда, тогда она подстерегла меня, а все остальное — наглая ложь. Меня обвинили на основании показаний свидетельницы, которая даже не появилась на суде, — Аннемари Латур. А судья ограничился лишь тем, что спросил меня, где она теперь».

Пока он размышлял, кузены Джеймсы вытерли глаза и взяли себя в руки. Мистер Джеймс Хайд воспользовался случаем, чтобы лучше разглядеть своего подзащитного Ричарда Моргана. Незаурядный человек, рослый и крепкий, жаль, что он не носит парик, в нем Ричард был бы неотразим. По сути дела, сегодня судьи выясняли, кто он такой — порядочный человек, оскорбленный изменой, или мошенник, решивший нажиться на неверности жены. Разумеется, адвокат знал от кузенов Джеймсов, что упомянутая женщина не была женой его подзащитного, но

умолчал об этом, поскольку если бы выяснилось, что она всего-навсего блудница, положение Ричарда осложнилось бы. В ходе следствия стало ясно, что сам Ричард Морган — жертва заговора, но судьи славились предубежденным отношением к заключенным, которые хладнокровно и обдуманно совершали преступление. А присяжные вынесли такой вердикт, к которому их подталкивал судья.

Кузен Джеймс-аптекарь первым нарушил молчание, убирая в карман носовой платок.

— Мы заплатили начальнику тюрьмы, чтобы побыть здесь с тобой, — объяснил он. — Ричард, как я сочувствую тебе! Дело было состряпано, Сили подкупил всех свидетелей до единого.

— Я хотел бы узнать вот что, — начал Ричард, усаживаясь, — почему мистер Бенджамин Фишер из акцизного управления не приехал в Глостер, чтобы стать моим свидетелем? Будь он здесь, мне вынесли бы иной приговор.

Преподобный Джеймс поджал губы.

— Он сказал, что слишком занят, чтобы тащиться за сорок миль от дома. Но по правде говоря, он занят сделкой с Томасом Кейвом, а до судьбы его главного свидетеля ему нет дела.

— И все-таки, — вмешался мистер Хайд, который без адвокатского облачения отчасти утратил внушительный вид, — можете не сомневаться, мистер Морган: подавая от вашего имени апелляцию лорду Сиднею, министру внутренних дел, я приложу к нему письмо мистера Фишера. Но не Бенджамина, а его брата Джона.

— Значит, я могу настаивать на пересмотре решения суда? — оживился Ричард.

— Нет. Апелляция подается в форме прошения о помиловании, обращенного к королю. Я подам ее, как только вернусь в Лондон.

— Выпей портвейна, Ричард, — предложил кузен Джеймс-аптекарь.

— Спасибо, не стоит — сегодня во рту у меня не было ни крошки.

Дверь открылась, в комнату вошла женщина с подносом, на котором лежали хлеб, масло, поджаренные колбаски, пастернак и капуста, а также стояла кружка пива. С равнодушным видом поставив поднос на стол, женщина присела в книксене и удалилась.

— Ешь, Ричард. Начальник тюрьмы сообщил нам, что ужин уже окончен, поэтому я попросил принести тебе еду сюда.

— Спасибо, кузен Джеймс, я искренне благодарен вам, — с чувством отозвался Ричард и принялся за еду. Но, подцепив ножом первый кусок, он сначала тщательно обнюхал его и осторожно попробовал на вкус и лишь

после этого принялся с аппетитом жевать. — Обычно заключенным дают колбаски из тухлятины, — объяснил он с набитым ртом.

Покончив с едой, Ричард выпил стакан портвейна и поморщился.

— Я так давно не пробовал сладкого, что отвык от него. Здесь нам не дают даже масла, не говоря уже о варенье.

— О Ричард! — хором воскликнули кузены Джеймсы.

— Не тревожьтесь за меня. Даже если мне придется провести в заключении еще семь лет, моя жизнь не кончена, — заявил Ричард, поднимаясь. — Мне тридцать шесть; на свободу я выйду незадолго до того, как мне исполнится сорок четыре года. Мужчины в нашем роду живут долго, и я намерен остаться здоровым и крепким. Что бы ни случилось, пятьсот фунтов вознаграждения от акцизного управления принадлежат мне. Я напишу этому лентяю Бенджамину Фишеру и попрошу отдать их вам, кузен Джеймс-аптекарь. Вычтите из них сумму, которую вы уже потратили на меня, а на остальную продолжайте снабжать меня фильтрами, тряпками, одеждой и обувью. И отдайте преподобному Джеймсу деньги за книги, в том числе и те, что он уже подарил мне. Здесь я не бездельничаю, и потому меня неплохо кормят. А по воскресеньям я читаю. Блаженство!

— Помни, Ричард, мы крепко любим тебя, — сказал кузен Джеймс-аптекарь, обнимая и целуя его.

— И будем молиться за тебя, — добавил кузен Джеймс-священник.

* * *

На выездной сессии суда в Глостере, состоявшейся в марте тысяча семьсот восемьдесят пятого года, оправдан был лишь один подсудимый — Уилли Инселл. Шестерых приговорили к повешению: Мейзи Хардинг — за скупку краденого, Бетти Мейсон — за пятнадцать украденных гиней, Сэма Дея — за кражу двух фунтов пряжи, Билла Уайтинга — за кражу барана, Айзека Роджерса — за разбой, а Джо Лонга — за похищение серебряных часов. Остальных десятих заключенных приговорили к семи годам каторги в Африке, где у его величества короля Великобритании не было официальных колоний. Ричард понимал: если бы не показания кузенов Джеймсов, он угодил бы в петлю. Но хотя от Бристоля до Глостера было не близко, судьи не осмелились пропустить мимо ушей слова двух уважаемых граждан Бристоля.

Гораздо больше заключенных занимал другой вопрос: уместятся ли они все в тесной камере? Но через неделю все разрешилось: девять узников

умерли от флегмонозной ангины, а вслед за ними — все оставшиеся дети и десять должников.

Положение в английских тюрьмах становилось отчаянным, но это не мешало глостерским судьям выносить суровые приговоры.

В тысяча семьсот восемьдесят втором — тысяча семьсот восемьдесят четвертом годах было предпринято три попытки вывезти заключенных в Америку. Судно «Стриж» отправилось в свое первое плавание, хотя некоторым пассажирам удалось спастись бегством с помощью американцев. Во втором плавании в августе тысяча семьсот восемьдесят третьего года на борт было взято сто сорок три заключенных, судно вышло из устья Темзы, направляясь в Новую Шотландию. Но доплыть удалось лишь до берегов Суссекса, где «живой груз» поднял мятеж и приказал команде пристать к берегу близ Рая. После этого пассажиры пустились на все четыре стороны. Только тридцать девять из них были вновь пойманы; из них шестерых повесили, а остальных приговорили к пожизненной каторге в Америке. Хотя вывоз заключенных в Америку вновь стал возможным, правительственные жернова вращались слишком медленно, не говоря уже о судебных.

В марте тысяча семьсот восемьдесят четвертого года была предпринята третья попытка отправить каторжников в Америку. На этот раз пунктом назначения судна «Меркурий» стала Джорджия, которая наряду с другими двенадцатью объединившимися штатами уже известила Англию, что никогда, ни в коем случае не примет на своей земле каторжан. «Меркурий» взял на борт сто семьдесят девять мужчин, женщин и детей и отплыл из Лондона. Бунт вспыхнул у побережья Девона, «Меркурий» был вынужден пристать к берегу близ Торбея. Некоторых мятежников удалось вновь схватить, но большинство разбежалось; сообщалось, что сто восемь человек были опять взяты под стражу, в том числе и в окрестностях Бристоля. Хотя многих беглецов приговорили к повешению, казнили лишь двоих. В политической обстановке наметились явные сдвиги.

В январе тысяча семьсот восемьдесят пятого года корабль «Возвращение» совершил последнюю жалкую попытку освободить переполненные тюрьмы. Приняв на борт преступников, он направился в экваториальную Африку и высадил пассажиров на берег без охраны, надзора и припасов, необходимых для выживания. Несчастные умерли страшной смертью, африканский эксперимент впредь не рисковали повторять. О будущих каторжанах надлежало заботиться, дабы не спровоцировать публичный скандал. Помимо тюремных реформаторов Джона Ховарда и Джереми Бентама, квакеров, протестующих против

рабства и колонизации Африки в целом, на слуху оказалось два новых имени — Томас Кларксон и Уильям Уилберфорс. Молодое правительство мистера Уильяма Питта-младшего мудро решило не создавать прецедентов для общественных крестовых походов любого рода, особенно потому, что Бентам и Уилберфорс занимали видное положение среди вигов Вестминстера. Дополнительные налоги, введение которых было неизбежным из-за спада экономики, и без того вызвали бурю. У мистера Уильяма Питта-младшего имелась одна общая черта с осужденным по имени Ричард Морган: Питт твердо вознамерился выжить. А тем временем Джереми Бентаму было позволено руководить строительством новой глостерской тюрьмы, а лорду Сиднею из министерства внутренних дел поручено найти хоть какой-нибудь — не важно какой! — способ освободить переполненные английские тюрьмы.

А между тем в старой глостерской тюрьме свирепствовали болезни и теснота.

Плаксу Уилли Инселла, который по-прежнему то и дело рыдал, отпустили на свободу пятого апреля. В тот же день адвокат Джеймс Хайд подал от имени Ричарда Моргана прошение лорду Сиднею, сопроводив его письмом от мистера Джона Фишера, главы бристольского акцизного управления. Неутомимый и в высшей степени сведущий секретарь лорда Сиднея, мистер Эван Непин, пятнадцатого апреля переправил прошение сэру Джеймсу Эйру в Бедфорд-Роу. Поскольку именно он председательствовал в суде во время рассмотрения дела Моргана, ему предстояло вновь изучить дело и сообщить лорду Сиднею, достоин ли Ричард Морган высочайшего помилования. Все произошло с удивительной быстротой, если вспомнить, что суд состоялся двадцать третьего марта. Но в Бедфорд-Роу смиренное прошение Ричарда Моргана пролежало довольно долго: судья сэр Джеймс Эйр был слишком занят, чтобы заниматься прошениями, какими бы смиренными они ни были.

В конце июля пришло письмо от мистера Джимми Тислтуэйта, который исчез из Лондона примерно в то же время, когда пропал Уильям Генри. Получив письмо из рук начальника тюрьмы Хаббарда, Ричард ощутил тянущий холодок в животе: ему предстояло вскрыть давнюю рану. С тех пор как он очутился в бристольском Ньюгейте, эта рана была погребена под толщей насущных забот. Ричард сам не сознавал, что именно стремление разыскать Уильяма Генри помогло ему выжить, даже побуждало придерживаться им самим заведенных «ритуалов омовения», хотя из-за этих ритуалов в среде заключенных к нему относились как к помешанному. Почему он обязан выжить? Чтобы, не утратив силы за семь

лет каторги, вновь возобновить поиски Уильяма Генри.

«Ричард, я только что получил письмо от твоего отца и был встревожен горестными известиями. Допивая последние галлоны драгоценного рома, который неизменно возвращает мне способность мыслить, я написал тебе письмо, сообщая о предполагаемом бегстве, но оно либо не было отправлено, либо затерялось в пути. С июня прошлого года я пребывал за границей — Италия поманила меня, и я опрометью бросился в ее роскошные объятия. Нам обоим повезло, что всего неделю назад я вернулся, расположился там же, где и прежде, и первым делом прочел письмо твоего отца.

Мне всегда казалось, что твоя жизнь сложится не так, как ты предполагал, — помнишь? Ты часто повторял: „Я родился в Бристоле и умру в Бристоле“. Но когда ты однажды произнес эти слова, держа на коленях Уильяма Генри, я вдруг понял, что все будет иначе. Мне стало страшно за тебя. И я, человек, неспособный любить, в ту минуту полюбил тебя так, как люблю сейчас. Не знаю, как и почему, но я разглядел в тебе то, о чем ты и сам не подозреваешь.

Об Уильяме Генри я могу сказать только то, что ты его никогда не найдешь. Он не создан для этой земли, но где бы он ни был сейчас, Ричард, он счастлив и спокоен. Тем, кто воистину благ, здесь нет места, ибо им нечему учиться. И даже атеисты вроде меня верят, что порой такие чудеса случаются, поскольку иначе будущее подобных людей было бы ужасным. Порадуйся за Уильяма Генри».

Ричард отложил письмо, ничего не видя сквозь плотную пелену слез, которые он до сих пор не пролил по Уильяму Генри. Остальные обитатели общей камеры, в том числе и Лиззи Лок, не сделали ни малейшей попытки приблизиться к нему. Сидя на сундуке, Ричард рыдал. Как странно! Именно письмо Джимми Тислтуэйта прорвало плотину и позволило излиться потоку скорби. Но Джимми ошибся. Когда-нибудь Уильям Генри вернется; не может быть, чтобы он навсегда покинул сей мир.

Во время обеда на следующий день Ричард опять достал письмо. С ним никто не заговаривал, и ему было не о чем говорить.

«Я нашел себе укромную нишу среди новой поросли вигов, появившейся под крылом молодого Питта. Временам олигархии, царящей даже в палате лордов, пришел конец в палате общин. В стране не счесть изобретательных, мыслящих людей, и будь у Питта деньги, он переманил бы на свою сторону их всех.

Что же касается тебя, о ссылке за пределы Англии не может быть и речи. Африканский эксперимент стал катастрофой, повторить которую в

любом виде не хватит храбрости — или глупости — ни у одного из болванов Вестминстера. В качестве места ссылки предлагалась Индия и была отвергнута, поскольку она кишит змеями. Наши аванпосты невелики, жизнь там слишком трудна и опасна. Впрочем, подобному решению были и другие причины. В основании их лежит недовольство Ост-Индской компании, деятельность которой в Бенгалии и Китае наверняка будет поставлена под угрозу вывозом каторжников. В Вест-Индию вывозят только рабов-негров для работы на плантациях, а жители Новой Шотландии и Ньюфаундленда категорически против основания поселений каторжников. Тон там задают французы, а на юге — испанцы.

Поэтому тебе наверняка придется отсидеть все семь лет в Глостере. Не беспокойся: как только у меня появятся новые сведения, я сообщу их тебе. Дик пишет, что ты придерживаешься распорядка с чувством, которое кузен Джеймс-аптекарь именует холодной страстью».

Ричарду удалось ответить на письмо лишь в воскресенье, когда он расположился на углу стола матушки Хаббард, поставленного в общей камере незадолго до выездной сессии суда. Предполагалось, что в те времена, когда камера переполнена, кое-кто из заключенных сможет расположиться на столе, — как будто в камере хоть когда-нибудь всем хватало места!

В тюрьму хлынул поток ревизоров, посланников друга мистера Питта, Джереми Бентама, в настоящее время пребывающего в России с намерением изучить законодательный кодекс императрицы Екатерины. Кроме того, Бентам был автором трактата о достоинствах и недостатках привлечения преступников к общественным работам и сторонником «тюрем нового типа». Его посланники то и дело появлялись в тюрьме, бегло осматривали ее и мрачно качали головами, видя, в каких условиях живут заключенные, и бормоча о том, что пора принимать меры. Но разве «тюрьма нового типа» не останется в конечном итоге тюрьмой?

«Я предпочел бы оказаться в Италии, а не в глостерской тюрьме, Джимми, в этом можешь не сомневаться.

О Сили Тревильяне и винокуренном заводе могу сказать только то, что судьба сыграла со мной злую шутку, столкнув с человеком завидного происхождения и ума, который, к несчастью, обратил все свои способности на плетение интриг, заговоры и махинации. Его место на сцене, где он превзошел бы Кемпа, миссис Сиддонс и Гаррика, вместе взятых. Мне осталось лишь одно утешение: когда Кейв и Торн договорятся с чиновниками акцизного управления, я смогу выплатить свои долги, и кузену Джеймсу не придется тратить, снабжая меня вещами. Мне не

обойтись без новых книг, хотя некоторые из них читать мучительно — слишком уж они напоминают о Клифтоне и Хотуэлле. Об этих двух местах я предпочел бы не вспоминать, даже если о них напоминают Эвелина или Хамфри Клинкер. И причина моих душевных мук не столько Уильям Генри или Сили, сколько Аннемари Латур, с которой я так безудержно грешил. Даже сейчас я отчетливо вижу, как тебя коробит мое ханжество, но тебя там не было, и тебе вряд ли понравился бы человек, в которого я превращался рядом с ней. Наслаждение слишком много значило для меня. Можешь ли ты понять это? А если нет, как я могу тебе хоть что-нибудь объяснить? Я становился жеребцом, необузданным зверем. Я совокуплялся, а не предавался любви. И я презираю предмет моей животной страсти — животное в женском обличье.

В глостерской тюрьме всех заключенных держат вместе — и мужчин, и женщин, и детей. Впрочем, здесь совокупляются чаще, чем нянчат детей. Несчастные малыши умирают вскоре после рождения. А их матери напрасно вынашивают и рожают все новых детей. Поначалу присутствие женщин в камере вызывало у меня отвращение, но со временем я понял, что именно благодаря им пребывание в глостерской тюрьме становится терпимым. Без женщин мы одичали бы до безобразия.

Моя женщина, Лиззи Лок, сидит в тюрьме с тысяча семьсот восемьдесят третьего года за кражу шляп. Стоит ей увидеть красивую шляпку, она теряет способность рассуждать здраво. Между нами установились платонические отношения, мы ни разу не предавались любви и не совокуплялись. Я защищаю Лиззи от других мужчин, а она сторожит мой сундук, пока я работаю. Джимми, ты не мог бы купить роскошную шляпу для Лиззи, если позволят средства? Красную или красную с черным, желательно с перьями. Лиззи обезумела бы от радости.

Пора заканчивать письмо. Несмотря на свое прочное положение, я не вправе занимать стол на весь воскресный день. И это самое удивительное, Джимми: по какой-то причине (возможно, потому, что меня считают сумасшедшим), я заметил, меня — за неимением лучшего слова назовем это так — уважают. Пиши мне хоть изредка, пожалуйста».

Кузен Джеймс-аптекарь прибыл в Глостер в августе, нагруженный новыми фильтрами, тряпками и одеждой, лекарствами и книгами.

— Можешь и впредь пользоваться старым фильтром, Ричард, он еще не засорился. Чем больше фильтров у тебя будет, тем лучше, а я привез тебе прочный мешок для вещей. В Глостере вода гораздо чище, чем в Бристоле, даже в Джейкобз-Уэлл. — Джеймс явно нервничал, болтал без умолку и избегал смотреть Ричарду в глаза.

— Ты не отправился бы в путь в такую жару, не будь тому весомых причин, Джеймс, — наконец заметил Ричард. — Начни прямо с дурных вестей.

— Мы наконец-то получили письмо от мистера Хайда с Ченсери-лейн. Сэр Джеймс Эйр рассмотрел твоё прошение о помиловании девятого числа прошлого месяца — по крайней мере этим числом датировано его письмо к лорду Сиднею. Тебе отказано в помиловании, Ричард, притом весьма решительно. Судья не сомневается в том, что ты сговорился с этой женщиной с целью ограбить Сили Тревиляна. Несмотря на то что её так и не нашли.

— Проклятая отсутствующая свидетельница! — пробормотал Ричард. — Её не было в суде, однако ей поверили.

— Вот именно, бедный мой Ричард. Мы исчерпали все свои возможности. Но вознаграждение ты все равно получишь. Тебя не лишат его, поскольку оно не связано с обвинением. Знаю, у тебя осталось несколько гиней. В следующий раз я привезу тебе новый сундук с потайным отделением в боковой стенке — мне объяснили, что дно и крышки сундуков осматривают чаще, чем боковые стенки. В потайное отделение мы спрячем золотые монеты, завернутые в корпию, чтобы они не звенели и их не удалось обнаружить. При простукивании стенки сундука будут издавать обычный глухой звук.

Ричард взял кузена за обе руки и крепко пожал их.

— Я уже не раз повторяю это, но я и вправду не знаю, как тебя благодарить, кузен Джеймс. Что бы я делал без тебя?

— Был бы гораздо грязнее, милый Ричард, — усмехнулась Лиззи Лок, когда кузен Джеймс-аптекарь ушел. — А по-моему, аптекарь зря привозит тебе фильтры, мыло, деготь и прочие вещи для твоих нелепых обрядов. Ты словно священник на церковной службе.

— Что верно, то верно, — с улыбкой подтвердил Билл Уайтинг. — Зачем так изводить себя, милый Ричард? Бери пример с остальных.

— Кстати, Билл, ты что-то слишком часто вертишься вокруг моих овец, — вмешалась Бетти Мейсон, которая пасла скот матушки Хаббард. — Оставь их в покое!

— А к кому еще мне приставать, если не к овцам, не к Джимми или милому Ричарду? Впрочем, Джимми и Ричард не охотники до таких развлечений. Кстати, я слышал, что мы зря таскаем каменные глыбы — матушка Хаббард говорит, что новую тюрьму скоро перестанут строить.

— И я слышал об этом, — подтвердил Ричард, заедая последнюю ложку супа куском черствого хлеба.

Джимми Прайс вздохнул:

— Мы похожи на того бедолагу, который втаскивал камень на гору только затем, чтобы в очередной раз увидеть, как он катится вниз. А как приятно было бы узреть плоды своих трудов! — Он перевел взгляд на Айка Роджерса — ссутулившись, тот сидел за столом, на своем месте в дальнем конце, которое никто не смел занять. — Айк, поешь, иначе милый Ричард слопает и твой суп — он у нас прожорливый. У остальных пятерых, которых приговорили к виселице, аппетит от этого не пропал. Ешь, Айк, ешь! Уверяю, тебя не повесят.

Айк не удостоил его ответом, он утратил прежний задиристый нрав. Те, кто разбойничал на больших дорогах, считались аристократами в среде преступников. Айк с самого начала знал, что его ждет, но так и не сумел примириться с судьбой и вести себя, как остальные пятеро приговоренных к виселице.

Ричард придвинулся к Роджерсу и обнял его за плечи.

— Поешь, Айк, — мягко попросил он.

— Я не голоден.

— Джимми прав: тебя не повесят. В последний раз смертный приговор в Глостере привели в исполнение два года назад, хотя в тюрьме полно приговоренных. Матушке Хаббард нужны работники, на каждого из которых начальник тюрьмы получает по тридцать пенсов в неделю. Если бы мы не работали, ему платили бы всего четырнадцать пенсов.

— Я не хочу умирать! Я хочу жить!

— И ты будешь жить, Айк. А теперь доешь суп.

— Грязный тип этот Айк! Повсюду расхаживает в своих сапогах. Должно быть, от его ног воняет так, что задохнешься! Он даже спит в сапогах, — сказал Билл Уайтинг на следующий день, таская каменные глыбы. — Если его ждет виселица, то и меня тоже. Несправедливо, верно? Он украл пять тысяч фунтов, а я — барана, за которого не дадут и десяти шиллингов. — Обычно он держался невозмутимо, но теперь вдруг задрожал от страха. — Господи, я уже одной ногой стою в могиле! — И он нервно засмеялся.

— Нам еще жить да жить, Билл.

Восемь узников стали друзьями: четыре женщины, Билл, Ричард, Джимми и жалкий простодушный Джо Лонг, к которому относились, как к ребенку. Погруженный в раздумья, Ричард тоже поежился. Четверо из его семерых друзей могли не дожить до тысяча семьсот восемьдесят шестого года.

Через три дня после Рождества всех шестерых приговоренных к

смерти помиловали, заменив казнь четырнадцатью годами каторги в Африке. Больше везти их было некуда. В камере воцарилось ликование, хотя Айк Роджерс сохранял угрюмый вид.

Весь тысяча семьсот восемьдесят пятый год Ричард провел в тюрьме. В последний день года он получил письмо от Джеймса Тислтуэйта.

«В Вестминстере что-то назревает, Ричард. По городу ходят всевозможные слухи. Самые упорные из них, касающиеся и тебя, гласят: приговоренных к высылке в Африку будут перевозить в Лондон, размещать на судах, стоящих в Темзе, и готовить к отправке в другие страны, но не через излюбленное владение короля, Западный океан, который на картах называется Атлантическим. Поскольку этот океан перестал принадлежать английскому монарху, с каждым днем горожане все чаще твердят, что каторжников повезут через Восточный океан — на картах он обозначен как Тихий.

Всего десять лет назад Королевское общество и могущественный королевский флот отправили некоего капитана Джеймса Кука в Отахейт с целью наблюдения за вращением Венеры вокруг Солнца. Этот Кук за время своих скитаний обнаружил немало земель, истекающих молоком и медом. Неудивительно, что в конце концов любопытство стало причиной его гибели от рук туземцев с Сандвичевых островов. Земли, истекающие молоком и медом, напомнили капитану Куку побережье Южного Уэльса, поэтому он поэтично назвал их Новым Южным Уэльсом. На картах они обозначены как Терра Инкогнита или Южная земля. Насколько она простирается с востока на запад — неизвестно, но ее протяженность с севера на юг составляет не менее двух тысяч миль.

На той же широте, на которой расположен и новый американский штат Джорджия, Кук нашел место, окрещенное им как Ботани-Бей. Почему именно так? Потому, что гнусный, вечно сующий нос не в свое дело ученый, президент Королевского общества сэр Джозеф Бэнкс^[10] долго рыскал по берегам этого залива вместе с учеником Линнея, ботаником доктором Соландером, собирая образцы тамошней флоры.

А теперь на сцену вступает некий джентльмен корсиканских кровей, мистер Джеймс Мария Матра. Он первым заронил эту мысль в головы властей, томившихся на бесчисленных совещаниях с сэром Джозефом Бэнксом, непререкаемым авторитетом по множеству вопросов — от рождения Христа до музыки сфер. В итоге мистер Питт и лорд Сидней пришли к убеждению, что нашли решение запутанной дилеммы: как быть с тобой и с тебе подобными, а именно — отправить вас в Ботани-Бей. Но вас не бросят на берегу, как случилось в Африке, а просто переселят сотни

англичан и англичанок в страну, истекающую молоком и медом, до которой еще не добрались ни французы, ни голландцы, ни испанцы. Мне еще не доводилось слышать, чтобы новую колонию осваивали каторжники, но таково намерение правительства его величества в отношении Ботани-Бей. Впрочем, не уверен, что здесь уместен глагол „осваивать“. Мистер Питт говорил всего лишь о „высадке“ заключенных. Предполагается, что эксперимент пройдет успешно и Ботани-Бей будет принимать отбросы общества на протяжении жизни нескольких поколений, а мы таким образом убьем сразу двух зайцев. Во-первых, и это самое важное, преступники-англичане будут высланы далеко за пределы страны и перестанут быть помехой. Во-вторых — уверен, этот довод был приведен, дабы усыпить подозрения многочисленных доброхотов, — у его величества появится новая, пусть даже совершенно бесполезная колония, над которой взойдет английский флаг. Колония, населенная преступниками и надзирателями. Несомненно, со временем ее назовут Фелонией. [\[11\]](#)

Но довольно остро. Приготовься покинуть Глостер, Ричард. Я уже написал кузену Джеймсу-аптекарю, которому предстоит снабдить тебя припасами для выживания не позднее тысяча семьсот восемьдесят шестого года. Крепись, ибо тебе предстоит потрясение. В Лондоне ты попадешь на одно из трех судов, стоящих на якоре близ Королевского арсенала. Это поистине плавающие тюрьмы. Корабли „Блюститель“ и „Юстиция“ стоят у причала уже десять лет, привлекая к себе внимание и удостаиваясь частых посещений мистера Джона Ховарда. Третий корабль, „Церера“, лишь недавно присоединился к двум первым. В плавающие тюрьмы суда превратил по соглашению с правительством один лондонский мошенник по имени Дункан Кэмпбелл, хитроумный шотландец.

К сожалению, вынужден сообщить тебе, что на судах, стоящих у берега Темзы, содержат только узников-мужчин. Тебе придется забыть о женской ласке и облагораживающем влиянии. Эти суда — плавающий ад, в чем я абсолютно убежден. Знаю, я плохой утешитель, но зато ты — настоящий Иов, Ричард. А Иову лучше заранее знать, что его ждет. Береги себя».

— У меня есть новости, — сообщил Ричард, откладывая письмо.

— Вот как? — рассеянно отозвалась Лиззи, продолжая шить. Лицо Ричарда оставалось непроницаемым — значит, вести не так уж плохи.

Она оторвалась от своего занятия и устремила ласковый взгляд на «милого Ричарда» — прозвище давно прилипло к нему. О Ричарде Лиззи ничего не знала — он предпочитал рассказывать только о том, за что попал в тюрьму. Само собой, Лиззи любила его, но ни разу не была с ним близка.

Плотская любовь предвещала боль, которую Лиззи не сумела бы вынести, — рождение ребенка и его скорую смерть.

Новая шляпка, шедевр портновского искусства из черного шелка и алых страусовых перьев, лихо сидела у нее на голове. Ричард подарил Лиззи эту шляпку на Рождество, объяснив, что это подарок не от него, а от его лондонского знакомого, мистера Джеймса Тислтуэйта. Ричард добавил, что Тислтуэйт — памфлетист, способный мощью своего слова выставить на посмешище мерзких политиканов, прелатов и представителей власти. Лиззи сразу поверила ему; не умея ни читать, ни писать, она считала грамотных людей полубогами.

Задумчиво продолжая обметывать края прорехи в одном из чулок матушки Хаббард, Лиззи любопытствовала:

— Так что там за новости?

— Мой лондонский друг пишет, что всех приговоренных к высылке в Африку вскоре перевезут из окружных тюрем на суда, стоящие у берега Темзы. Но это касается только мужчин. Что будет с женщинами, он не знает.

В тюрьме стало просторнее, притом настолько, что выездная сессия суда, приуроченная к Михайлову дню, в этом году не проводилась. Слишком много жизней унесла скарлатина. Следующая сессия суда была назначена на канун Крещения, январь тысяча семьсот восемьдесят шестого года, — разумеется, если к тому времени в тюрьме наберется достаточно обвиняемых.

Двадцать человек, услышавших слова Ричарда, застыли неподвижно. Те, кто лишь ждал суда, опомнились первыми. Старожилы тюрьмы приходили в себя гораздо медленнее. Широко раскрыв глаза, они не сводили взгляда с «милого Ричарда».

— Рассказывай, — попросил Билл Уайтинг.

— Где-то в мире — точно не знаю где — есть место под названием Ботани-Бей. Нас отправляют туда, и, полагаю, мы отплывем из Лондона, поскольку сначала попадем на суда, стоящие у берега Темзы, а не в портах Портсмута или Плимута. Туда повезут лишь мужчин. Но похоже, и женщин вскоре начнут отправлять в Ботани-Бей.

Бесс Паркер прижалась к побледневшему Неду Пу и расплакалась.

— Нед, нас разлучат! Что же нам делать?

Никто не знал, чем ее утешить; лучше было промолчать.

— А этот Ботани-Бей находится в Африке? — нарушил тягостную паузу Джимми Прайс.

— Кажется, нет, — подумав, ответил Ричард. — Гораздо дальше, чем

Африка или Америка. Где-то в Восточном океане.

— В Ост-Индии, — поморщился Айк Роджерс. — Там, где язычники!

— Нет, не в Ост-Индии, хотя где-то неподалеку от нее. Ботани-Бей расположен на юге, его недавно открыл капитан Кук. Джимми пишет, что эти земли истекают молоком и медом, значит, жить там будет не так уж плохо. — Он вспомнил еще одно географическое название. — Поскольку Кук открыл Ботани-Бей по пути в Отахейт, значит, они расположены где-то рядом.

— Отахейт? Где это? — спросила Бетти Мейсон, безутешная, как и Бесс. Бетти понимала, что надзиратель Джонни вряд ли отправится за ней в Ботани-Бей.

— Не знаю, — признался Ричард.

Назавтра, в первый день нового, тысяча семьсот восемьдесят шестого года, осужденных мужчин и женщин собрали в тюремной часовне, где уже ждали начальник тюрьмы Хаббард, Эванс и еще трое мужчин, сопровождавших таинственного ревизора из Лондона, наблюдавшего за строительством новой тюрьмы. Этими тремя были глостерский шериф Джон Ниббет и его помощники — Джон Джеффрис и Чарлз Коул.

К заключенным обратился Ниббет.

— Город Глостер, графство Глостершир, извещен министерством внутренних дел и министром лордом Сиднеем о том, что заключенные, приговоренные к отправке в Африку, будут отправлены в другое место! — громогласно начал он.

— Он ни разу не перевел дух, — пробормотал Уайтинг.

— Не мешай, Билл, дай послушать, — шепотом попросил Джимми.

А Ниббет на одном дыхании продолжал:

— В связи с этим город Глостер в графстве Глостершир извещен вышеупомянутым министерством внутренних дел о том, что здесь предстоит собрать мужчин-каторжников из Бристоля, Монмута и Уилтшира. Когда все заключенные будут в сборе, к ним присоединятся следующие узники глостерской тюрьмы: Джозеф Лонг, Ричард Морган, Джеймс Прайс, Эдвард Пу, Айзек Роджерс и Уильям Уайтинг. Их перевезут в Лондон и Вулвич, где им предстоит дожидаться дальнейших распоряжений его величества.

Речь шерифа прервал жалобный вопль. Волоча за собой цепь, Бесс Паркер выбежала вперед и бросилась к ногам Ниббета, ломая руки и захлебываясь рыданиями.

— Сэр, сэр, достопочтенный сэр, прошу вас, умоляю! Нед Пу — мой муж! Видите мой живот? У меня будет ребенок, сэр! Прошу вас, не

отнимайте у меня Неда!

— Прекрати вопить, женщина! — Нахмурившись, Ниббет обернулся к начальнику тюрьмы. — Заключенный Пу и вправду поддерживает близкие отношения с этой плаксой? — спросил он.

— Да, мистер Ниббет, уже несколько лет. У них уже был ребенок, но он умер.

— Согласно распоряжениям секретаря министерства Нэпина, в Вулвич следует отправлять только неженатых заключенных или же заключенных, не состоящих в гражданском браке. Следовательно, Эдвард Пу останется в глостерской тюрьме вместе с заключенными женского пола, — объявил Ниббет.

— Редкостная предусмотрительность, — заметил помощник шерифа Чарлз Коул. — Но я не вижу в ней необходимости.

Хаббард что-то зашептал на ухо Ниббету.

— Заключенный Морган, вы поддерживаете близкие отношения с Элизабет Лок? — рявкнул шериф.

Ричард был готов дать утвердительный ответ, но вспомнил, что, согласно документам, он уже женат — на Аннемари Латур.

— Да, поддерживаю, сэр, но мы не состоим даже в гражданском браке. Я уже женат, — объяснил Ричард.

Лиззи Лок ахнула.

— Тогда вам предстоит отправиться в Вулвич, Морган.

Преподобный мистер Эванс прочел молитву, собрание завершилось. Обрадованный надзиратель Джонни препроводил заключенных в общую камеру. Не теряя времени, Лиззи Лок увлекла Ричарда в дальний угол.

— Почему ты не сказал мне, что женат? — возмущенно спросила она, потряхнув головой, так, что перья на шляпке задрожали.

— Потому что я не женат.

— Тогда почему же ты заявил шерифу, что у тебя есть жена?

— Потому что так написано в моих бумагах.

— Но разве так бывает?

— Да.

Схватив Ричарда за плечи, Лиззи с силой встряхнула его.

— Будь ты проклят, Ричард! Почему же ты до сих пор молчал? Зачем сблизился со мной?

— Это вышло само собой, Лиззи.

— Как бы не так! И ты ничего мне не объяснил!

— Но ты же не спрашивала, — удивился он.

Лиззи вновь встряхнула его.

— Тогда я спрашиваю сейчас! Расскажи мне о себе, Ричард Морган. Расскажи все. Я хочу знать, как можно быть и женатым, и неженатым, черт побери!

— В таком случае пусть меня слушают все.

Заключенные собрались за столом и выслушали дополненный и исправленный вариант истории Ричарда, в которой упоминались только Аннемари Латур, Сили Тревилян и винокуренный завод. О Пег, маленькой Мэри, Уильяме Генри и остальных членах семьи Ричард умолчал — рассказывать о них было невыносимо.

— Плакса Уилли был разговорчивее, — хмуро заметила Лиззи.

— Больше мне нечего добавить. — С озабоченным видом Ричард сменил тему: — Похоже, скоро мы покинем Глостер. Надеюсь, кузен Джеймс подоспеет вовремя.

К четвертому января количество узников в общей камере глостерской тюрьмы возросло. Четырех мужчин привезли из Бристоля, двоих — из Уилтшира. Двое бристольтцев были совсем молодыми, а еще двое, лет тридцати с лишним, дружили с детства.

— Однажды ночью мы с Недди перебрали рома в «Лебеде» на Темпл-стрит, — рассказывал Уильям Коннелли, дружески похлопывая по плечу Эдварда Перрота. — Не знаю, что случилось потом, но очнулись мы в бристольтском Ньюгейте, а в прошлом феврале нас приговорили к семи годам каторги в Африке. Похоже, мы украли чью-то одежду.

— За год, проведенный в тюрьме, вы почти не отощали. Я сам всего несколько месяцев назад сидел в Ньюгейте, — заметил Ричард.

— Так ты из Бристоля?

— Да, но судили меня здесь. Преступление я совершил в Клифтоне.

Судя по густым пепельным волосам, короткому носу и живым синим глазам, в жилах Уильяма Коннелли текла ирландская кровь. Крупный толстый нос неразговорчивого Эдварда Перрота, выдающийся вперед подбородок и бесцветные волосы свидетельствовали об истинно английском происхождении.

Двум заключенным из Уилтшира, Уильяму Эрлу и Джону Кроссу, было на вид не более двадцати лет, они успели подружиться с двумя бристольтскими юношами — Джобом Холлистером и Уильямом Уилтоном. Само собой, простодушный Джо Лонг потянулся к молодым заключенным, едва их втокнули в общую камеру, и как ни странно, к этим пятерым примкнул Айзек Роджерс. Но, поразмыслив, Ричард решил, что в этом нет ничего удивительного. Благодаря зрелому возрасту и мрачной славе грабителя с большой дороги Айзек пользовался среди молодежи

уважением, которого не мог добиться от остальных обитателей глостерской тюрьмы с тех пор, как его приговорили к виселице.

А потом привезли заключенного из Монмута, которому тоже предстояло отправиться в Вулвич, и он сообщил, что его зовут Уильям Эдмунде.

— О Боже! — воскликнул Билл Уайтинг. — Из двенадцати человек пятеро носят имя Уильям! Значит, так: меня вы будете звать Биллом. Уилтон из Бристоля напоминает мне плаксу Уилли — пусть и зовется Уилли. Коннелли из Бристоля будет у нас Уиллом. Эрл из Уилтшира — Билли. Но как же нам звать пятого? За что ты угодил сюда, Эдмунде?

— За кражу теленка в Питерстоуне, — признался Эдмунде с отчетливым валлийским акцентом.

Уайтинг затрясся от смеха и поцеловал возмущенного валлийца в губы.

— Еще один скотоложец! Я позаимствовал барана на одну ночь, хотел хорошенько отделать его. Но о телятах я даже не помышлял!

— Не смей больше так делать! — выпалил Эдмунде, с отвращением вытирая рот ладонью. — Спи с кем угодно, только не со мной!

— Он валлиец, к тому же вор, — с усмешкой подытожил Ричард. — Значит, будем звать его Тэффи.^[12]

— Тебя тоже приговорили к виселице? — спросил Билл Уайтинг у Тэффи.

— Дважды.

— За одного теленка?

— Нет, я сбежал и украл второго. Но в то время в Уэльсе назревал бунт, поэтому никому не хотелось отправлять на виселицу валлийца даже в Монмуте, вот меня и помиловали, — объяснил Тэффи.

Ричард сразу почувствовал к Тэффи такое же расположение, как к Биллу Уайтину и Уиллу Коннелли. Настроение валлийца менялось ежеминутно — так на поросший лиловым вереском склон холма то падают лучи солнца, то набегает тень. Впрочем, давние предки Ричарда тоже были родом из Уэльса.

Кузен Джеймс-аптекарь прибыл в Глостер как раз вовремя, пятого января, нагруженный мешками и ящиками.

— Акцизное управление выплатило тебе пятьсот фунтов в конце декабря, — сообщил он, отдышавшись. — Я привез шесть новых фильтров, пять из них — в медной оправе и с медными блюдами. Они пригодятся тебе для того, чтобы позаботиться о здоровье всех пятерых друзей.

— Пятерых друзей? — озадаченно переспросил Ричард.

— Джимми Тислтуэйт написал мне, что в плавучих тюрьмах заключенных разбивают на отряды по шесть человек, которым предстоит жить и работать вместе. — Об остальных подробностях жизни на судах Джеймс умолчал, не желая заранее пугать Ричарда. — Вот почему я привез еще пять новых сундуков с такими же вещами, как в твоём, но поменьше размером. А вот и твой ящик с инструментами.

Ричард присел и задумался, а потом решительно покачал головой:

— Нет, кузен Джеймс, инструменты я не возьму. В Ботани-Бей они мне понадобятся, но чутье подсказывает мне, что, если они останутся у меня сейчас, их отберут в пути. Пусть пока побудут у тебя, а когда ты узнаешь, на каком корабле меня повезут, то пришлешь их мне.

— А вот и книги от преподобного Джеймса. На этот раз он выбрал книги о географии и путешествиях. Они тяжелее, чем прежде, поскольку отпечатаны на обычной бумаге и переплетены в кожу. Но он считает, что книги тебе пригодятся и ты сумеешь довести их до Ботани-Бей.

Покончив с практическими соображениями, кузен Джеймс-аптекарь надолго замолчал и поднялся.

— Ботани-Бей находится на другом конце света, Ричард, на расстоянии десяти тысяч миль по прямой и шестнадцати тысяч — если плыть на корабле. Боюсь, больше мы с тобой никогда не увидимся, и это так прискорбно! Как жаль, что тебе уготована подобная участь... Боже мой, Боже мой, Ричард! Помни: я до конца своих дней буду молиться за тебя, как и твои отец и мать и преподобный Джеймс. Бог не останется глухим к нашим мольбам, он убережет тебя. О Господи...

Ричард обнял его и расцеловал в щеки. Высвободившись из объятий, Джеймс покинул камеру, ни разу не обернувшись.

Ричард смотрел вслед кузену, пока он брел по коридору, вышел из тюрьмы, миновал грядки, направился к воротам, свернул за угол и пропал из виду. «И я буду молиться за тебя, кузен Джеймс, ибо я люблю тебя, как родного отца».

Лиззи Лок подошла к нему сзади и обняла за плечи. Собравшись с мыслями, Ричард созвал друзей к столу.

— Я вовсе не стремлюсь к власти, — объяснил он Биллу Уайтингу, Уиллу Коннелли, Недди Перроту, Джимми Прайсу и Тэффи Эдмундсу. — Мне уже тридцать семь лет, я самый старший из вас, однако я не гожусь в вожаки, и вы должны запомнить это. Каждому из нас придется черпать силы и мудрость в себе самом, и это справедливо. Но я получил образование, у меня есть знакомый в политических кругах Лондона, а также сведущий кузен-аптекарь в Бристоле.

— Я знаю его, — закивал Уилл Коннелли. — Это Джеймс Морган с Корн-стрит. Я узнал его, как только увидел. Кто бы мог подумать! Оказывается, у нашего Ричарда Моргана есть влиятельные друзья!

— Да, вполне. Но сначала выслушайте меня: на кораблях заключенных разбивают на отряды по шесть человек в каждом, им предстоит жить и работать вместе. Я предлагаю образовать такой отряд, прежде чем надзиратели сделают это за нас. Вы согласны?

Товарищи Ричарда охотно закивали.

— Нам повезло, что всего нас двенадцать человек. Остальные шестеро молоды, если не считать Айку, который предпочитает общество молодежи. Я посоветую Айку образовать второй отряд вместе с его друзьями. В случае чего на корабле мы сможем заступаться друг за друга.

— А ты ждешь неприятностей, Ричард? — нахмурился Коннелли.

— Откровенно говоря, не знаю, Уилл. Похоже, мне чего-то не договаривают. Здесь мы все равны, все мы с запада. Но в плавучей тюрьме всех каторжников соберут вместе.

— Понимаю, — посерьезнел Билл Уайтинг. — Лучше заранее решить, как нам быть дальше. Еще немного — и будет поздно.

— Кто из вас умеет читать и писать? — спросил Ричард.

Руки подняли Коннелли, Перрот и Уайтинг.

— Значит, четверо. Отлично. — Он указал на пять сундуков, стоящих рядом с ним на полу. — Теперь о другом: в этих сундуках есть вещи, которые помогут нам остаться здоровыми, к примеру, фильтры.

— О, Ричард! — со смехом воскликнул Джимми Прайс. — Эти чертовы камни стали для тебя символом веры! Лиззи права: ты похож на священника во время мессы!

— Мой символ веры — здоровье, — возразил Ричард и обвел строгим взглядом товарищей. — Уилл и Недди, как вы ухитрились прожить целый год в бристольском Ньюгейте?

— Пили только пиво или легкое пиво, — объяснил Коннелли. — Родные присылали нам деньги, чтобы нам не пришлось голодать.

— А когда я сидел в Ньюгейте, я пил воду, — заявил Ричард.

— Не может быть! — ахнул Недди Перрот.

— Отчего же? Всю воду я процеживал через фильтр. Он предназначен для очистки воды — вот почему мой кузен Джеймс начал вывоз этих камней с Тенерифе. Но если вы решите, что вода из Темзы пригоднее для питья, чем вода из Эйвона, вам не протянуть и недели. — Ричард пожал плечами. — Впрочем, дело ваше. Если вы можете позволить себе пить легкое пиво — отлично. Но в Лондоне рядом с нами не будет родных, нам

не на кого надеяться. Свои деньги мы должны беречь на крайний случай, а не тратить их на спиртное.

— Ты прав, — согласился Уилл Коннелли, почтительно прикасаясь к каменному фильтру, стоящему на столе. — Лично я буду пить чистую воду — пиво мне не по карману. Рассудительность превыше всего.

В конце концов все согласились пить профильтрованную воду, даже Джимми Прайс.

— Значит, договорились, — заключил Ричард и отправился потолковать с Айком Роджерсом. Он сожалел о том, что фильтров всего шесть, но не собирался делить их на двенадцать человек. Пусть товарищи Айка сами позаботятся о себе, тем более что у Айка водятся деньги.

«Если мы, все двенадцать заключенных, будем держаться вместе, у нас есть шанс выжить», — рассудил Ричард.

Часть 3

Январь 1786 года — январь 1787 года

Фургон, которому предстояло увезти заключенных в Лондон и Вулвич, прибыл на рассвете следующего дня, шестого января, и Ричард вдруг понял, что с тех пор, как он в последний раз совершил поездку в фургоне, прошел ровно год. Прощание было бурным и скорбным, женщины безутешно рыдали.

— Что же я буду делать без тебя? — спросила Лиззи Лок у Ричарда, провожая его до дома начальника Хаббарда.

— Найдешь кого-нибудь другого, — не без сочувствия отозвался Ричард. — Тебе не обойтись без покровителя. Впрочем, нелегко будет найти второго такого же, как я. Мало кто согласится защищать тебя, ничего не получая взамен.

— Знаю, знаю. О, Ричард, как я буду скучать по тебе!

— А я — по тебе, худышка Лиззи. Кто станет штопать мне чулки?

Усмехнувшись сквозь слезы, она шутливо толкнула его в бок.

— Не прибедайся! Я же научила тебя держать в руках иголку. Ты неплохо шьешь сам.

В этот момент явились двое надзирателей и повели обратно в тюрьму машущих руками, выкрикивающих слова прощания и протестующих женщин.

И вновь талию Ричарда охватил железный пояс, а четыре цепи сошлись спереди, на замке.

С виду фургон ничем не отличался от того, что привез Ричарда из Бристоля в Глостер, — он был запряжен восемью битюгами, парусиновый тент крепился на железных дугах. Но внутри новый фургон выглядел иначе: вдоль боковых стенок стояли длинные скамьи, на каждой из которых свободно могли разместиться шестеро мужчин. Их вещи сложили на дно фургона между скамьями, и Ричард понял, что на каждом ухабе и колдобине сундуки будут подпрыгивать и разъезжаться. Нечего и надеяться на то, что в такое время года, в середине дождливой зимы, дорога окажется ровной.

Заключенных сопровождали двое надзирателей, которые устроились не внутри фургона, а под навесом на козлах, рядом с возницей. Неусыпный надзор за заключенными был излишним: как только их усадили на скамью,

еще одну длинную цепь пропустили под левым наручником каждого и приковали к полу. Если бы кто-нибудь задумал побег, ему пришлось бы бежать вместе с пятерыми товарищами.

Места в фургоне заключенные выбрали себе заранее. Кутаясь в пальто на теплой подкладке, Ричард уселся на край скамьи, напротив Роджерса, вожака молодежи.

— Долго нам ехать? — спросил Айк.

— Если в день мы будем проезжать шесть миль, можно считать, нам повезло, — с усмешкой откликнулся Ричард. — Должно быть, тебе еще не доводилось путешествовать в фургоне, Айк. Сколько времени займет поездка, я не знаю. Смотря какую дорогу выберет возница.

— Через Челтенхэм и Оксфорд, — откликнулся бывший грабитель, принимая шутку за чистую монету. — А где находится Вулвич, я не знаю. В Оксфорде я еще бывал, но в Лондоне — ни разу.

Ричард наизусть заучил главу о Лондоне из своей книги по географии.

— Оксфорд расположен довольно далеко от Лондона, к востоку, но на южном берегу Темзы. Не знаю, предстоит ли нам переправляться через реку, — в конце концов, нас везут на корабли, стоящие у берега Темзы. Если мы двинемся через Челтенхэм и Оксфорд, значит, до Вулвича сто двадцать миль пути. — Он сделал паузу, занятый мысленными подсчетами. — Со скоростью шесть миль в день мы покроем это расстояние примерно за три недели.

— Мы будем трястись в фургоне три недели?! — в ужасе переспросил Билл Уайтинг.

Его товарищи дружно расхохотались.

— Не бойся, от скуки ты не помрешь, Билл, — успокоил его Тэффи. — Нам придется вылезать из фургона раз по десять на дню.

Он был прав. Однако возница отнесся к пассажирам не столь заботливо, как Джон — к Ричарду и Уилли. Путникам не довелось ночевать в амбарах, под теплыми попонами; их кормили только хлебом да легким пивом. Каждую ночь они устраивались спать в фургоне, переставляя сундуки на скамьи и вытягиваясь на полу, подкладывая под головы шапки и укрываясь верхней одеждой. Парусиновый тент промок от непрерывных дождей, но, к счастью для продрогших путников, температура не опускалась до нуля. Сапоги имелись только у Айка, а у остальных башмаки вскоре покрылись коркой засохшей грязи до самых кандалов.

Ни Челтенхэма, ни Оксфорда они не увидели: возница предпочел обогнуть оба города вместе со своим грузом, а Хай-Уайком представлял собой единственную улицу на холме, которую так развезло, что лошади

запутались в упряжи и чуть не перевернули фургон. Ударяясь об острые углы сундуков, заключенные выбрались из опасно накренившегося фургона и принялись выправлять крен, а Айк Роджерс, который любил лошадей, тем временем успокаивал животных и распутывал упряжь.

Лондон путникам тоже не удалось повидать: один из стражников опустил заднее полотнище тента, лишив узников возможности видеть, что происходит снаружи. Вскоре мерное колыхание фургона сменилось жестокой тряской: он катился по мощеной дороге, а это означало, что впредь заключенным не придется вытаскивать его из жидкой грязи. Снаружи доносился шум: крики, конское ржание, брань, обрывки песен, раскатистый хохот, свидетельствующий о том, что где-то неподалеку находится открытая дверь таверны, глухой стук неизвестных механизмов, изредка — лязг.

С наступлением ночи стражники сунули под парусиновый тент хлеб и кувшин пива и предоставили узников самим себе; те, кому требовалось справить большую или малую нужду, были вынуждены пользоваться ведром. Утром заключенные вновь получили хлеб и пиво и двинулись в путь, прислушиваясь к мешанине звуков, в которой преобладали крики уличных торговцев, и приняхиваясь к новым запахам, в том числе вони гнилой рыбы, мяса и овощей. Бристольцы с усмешками переглядывались, остальные путники с трудом сдерживали тошноту.

Еще две ночи они провели где-то в окрестностях огромного города, а на третий день днем, после двадцати суток пути, кто-то отдернул заднее полотнище тента, и путникам предстал большой мир во всей красе. Перед ними расстилалась могучая река, по серой глади которой то и дело пробегала рябь. Судя по положению бледного зимнего солнца на сероватом небе, они уже пересекли реку и теперь находились на ее южном берегу — в Вулвике, как догадался Ричард. Фургон стоял у пристани, возле которой на якоре покачивалось обветшалое подобие корабля с едва различимым названием на медной дощечке — «Прием». Ричард нашел его весьма подходящим к случаю.

Надзиратели отомкнули замок на цепи, которой были скованы узники, и велели Ричарду и Айку выходить. Чувствуя дрожь в ногах, они спрыгнули на землю, сопровождаемые товарищами.

— Не забудь, два отряда по шесть человек, — тихо напомнил Ричард Айку.

Их провели по дощатому трапу на корабль прежде, чем кто-нибудь успел оглядеться и увидеть город, раскинувшийся возле пристани. В одном из корабельных помещений узников избавили от цепей, поясов, ручных и

ножных кандалов, которые отдали надзирателям из Глостера.

Окруженные сундуками, мешками и узлами, заключенные застыли посреди комнаты, зная, что за ее дверью стоят стражники. Побег был бы возможен, если бы товарищи по несчастью действовали сообща. Но даже если им удастся выбить дверь — как быть дальше?

В комнату вошел незнакомец.

— Скидай верхи! — приказал он.

Заключенные недоуменно уставились на него.

— Верхи долой!

Не дождавшись исполнения своего приказа, незнакомец раздраженно возвел глаза к потолку, затем подбежал к ближайшему заключенному, которым оказался Ричард, сбил с него шляпу и принялся стаскивать пальто и сюртук.

— Похоже, он приказывает нам снять верхнюю одежду.

Все подчинились. Но следующий приказ, отданный на непонятном наречии, вновь поставил заключенных в тупик.

Незнакомец стиснул зубы, зажмурился и старательно выговорил:

— Спустите штаны, рубашки оставьте.

Его требование тут же было исполнено.

— Готово, сэр! — крикнул незнакомец. В комнату вошел еще один мужчина.

— Откуда вы все? — спросил он.

— Из глостерской тюрьмы, — ответил Айк.

— А, с запада! Тебе придется говорить с ними по-английски, Мэтти, — обратился он к первому незнакомцу, а потом снова заговорил с заключенными: — Я врач. Среди вас есть больные?

Увидев, как присутствующие отрицательно мотнули головами, он кивнул и вздохнул.

— Поднимите подолы рубах, я осмотрю вас. — Он проверил, нет ли на пенисах заключенных твердых шанкров, и вновь вздохнул, не найдя ни одного. — Хорошо, — заключил он. — Вы все здоровы — по крайней мере пока. — И прежде чем покинуть комнату, врач добавил: — Оденьтесь и ждите здесь, и не вздумайте шуметь.

Заключенные послушно оделись и затихли.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Билл Уайтинг, самый болтливый из всей компании, обрел дар речи.

— Кто-нибудь из вас понял, что сказал этот Мэтти? — спросил он.

— Ни слова, — ответил молодой Джоб Холлистер.

— Должно быть, он родом из Шотландии, — предположил Коннелли,

вспомнив, что никто в Бристоле не понимал толком Джека-маляра.

— А может, из Вулвича, — высказался Недди Перрот, и все вновь умолкли.

Прошел час. Устав стоять, заключенные расселись, прислонившись спинами к стене и ощущая легкое покачивание пола под ногами. «Мы беспомощны, — думал Ричард. — Мы остались без руля и без ветрил, как эта посудина, которая некогда была кораблем; нас увезли далеко от родного дома, мы понятия не имеем, что нас ждет...» Молодые узники выглядели подавленными, даже Айк Роджерс казался растерянным. А самого Ричарда охватил безотчетный страх.

Вскоре послышались глухое шарканье ног и знакомый лязг цепей. Все двенадцать мужчин зашевелились, встревоженно переглянулись и встали.

— Несут кандалы! — объявил Мэтти, заглянув в дверь. — Всем сесть на пол и не двигаться!

Цепи, оказавшиеся на шесть дюймов длиннее, чем в бристольской и глостерской тюрьмах, были уже прикреплены к железным браслетам — более легким и достаточно гибким, которые мускулистый кузнец легко сгибал вокруг щиколоток и запястий, так что отверстия на обоих концах железных полос совпадали. Вставляя в эти отверстия короткие стержни с широкими головками, кузнец хватал заключенного за ногу и подсовывал под железный браслет тонкую и узкую наковальню. Двух ударов тяжелого молотка хватало, чтобы расплющить головку стержня и превратить его в заклепку, скрепляющую концы браслета.

«Эти оковы мне предстоит носить ближайшие шесть с лишним лет, — думал Ричард, потирая ноющие запястья. — Если бы меня заковали в них всего на полгода, такие прочные заклепки не понадобились бы. А значит, кандалы не снимут даже после того, как нас привезут в Ботани-Бей».

Два кузнеца работали проворно и умело. За каких-нибудь полчаса они успели заковать всех заключенных, собрали инструменты и вышли. В комнате остались два стражника, одним из которых был Мэтти, помощник врача. На этот раз заговорил второй стражник, изъяснявшийся по-английски бегло, но с сильным акцентом. Он не стал прибегать к помощи жаргона лондонского Ньюгейта и всех, кому случалось побывать в этой тюрьме.

— Сегодня вы будете спать и есть здесь, — лаконично сообщил он, постукивая толстым концом дубинки по широкой ладони. — Вам разрешается говорить и ходить по комнате. Ведро вон там. — И вместе с Мэтти он вышел, заперев за собой дверь.

Два паренька из Уилтшира украдкой смахнули слезы; глаза остальных

узников были сухими. Все молчали, пока Уилл Коннелли не встал и не попробовал пройтись.

— А эти кандалы легче прежних, — сообщил он, приподнимая одну ногу. — И цепи длиной не меньше тридцати дюймов. В них удобнее ходить.

Ощупав браслеты, Ричард обнаружил, что у них округлые края.

— И края не такие острые. Значит, под них придется подкладывать меньше тряпок.

— Настоящие кандалы, — подытожил Билл Уайтинг. — Хотел бы я знать, какая работа нам предстоит?

Незадолго до наступления ночи узникам принесли легкое пиво, черствый черный хлеб и вареную капусту вперемешку с луком.

— Это не по мне, — заявил Айк, с отвращением отталкивая миску с капустой.

— Поешь, Айк, — посоветовал Ричард. — Мой кузен Джеймс говорит, что мы должны есть побольше овощей, чтобы не заболеть цингой.

Предостережение не вразумило Айка.

— Это месиво нас не спасет.

— Верно, — согласился Ричард, попробовав капусту. — Но нельзя же питаться одним хлебом.

Приунывшие, лишенные общества женщин, узники расположились на полу в тесной комнате без окон, завернувшись в одежду и подложив под головы шапки. Постепенно покачивание судна усыпило их.

На следующее утро под морозящим серым дождем узников повели с судна на причал. До сих пор с ними не случилось ничего ужасного; стражники выглядели тупыми и жестокими, но, поскольку заключенные выполняли все приказания, дубинки бездействовали. Деревянные сундуки вновь прибывших вызывали всеобщее любопытство, но никому и в голову не пришло обыскать их. Лишь позже узники узнали, кому положено проводить обыск. Когда их выстроили на причале, какой-то пухлый коротышка в старомодном парике и таком же наряде сбежал по трапу, ведущему от ветхого корабля, простирая руки и сияя улыбкой.

— А, еще дюжина из Глостера! — радостно воскликнул он с акцентом, который, как впоследствии выяснилось, был шотландским. — Доктор Мидоуз уже говорил, что вы — прекрасные экземпляры, и теперь я вижу, что он был прав. Я мистер Кэмпбелл, а это — мое творение. — И он величественно взмахнул рукой. — Плавающие тюрьмы! Они гораздо удобнее Ньюгейта и, в сущности, любой другой тюрьмы. У вас есть вещи? Отлично. Позор тем, кто отказывает заключенным в праве на имущество. Нил! Нил,

где ты?

Человек, который был точной копией Кэмпбелла, вынырнул откуда-то из люка корабля, сбежал на причал и остановился, отдуваясь.

— Я здесь, Дункан.

— Прекрасно! Я не хотел упускать случай показать тебе этих замечательных ребят. Мой брат помогает мне, — объяснил мистер Кэмпбелл так, словно считал заключенных равными себе. — Его попечению поручены «Юстиция» и «Блюститель», а я слишком занят моей дорогой «Церерой» — она великолепна! Новенькая, как с иголки! Разумеется, вы отправитесь на «Цереру». Как удобно, что вас ровно двенадцать и что вы настолько здоровы. Два отряда для двух новых черпалок. — От удовольствия он начал пританцовывать. — Прекрасно, прекрасно! — И он ринулся прочь, увлекая за собой безропотного брата.

— Какой чудак! — не выдержал Билл Уайтинг.

— Ша! — рывкнул надзиратель и с тошнотворным глухим стуком обрушил дубинку на руку Уайтинга. — Умолкни!

Эти слова все поняли без объяснений. Айк Роджерс незаметно поддерживал теряющего сознание от боли Уайтинга, остальные окружили их, вцепившись в свои пожитки, и двинулись по скользким доскам к ждущему лихтеру.

Мимо проплывали низкие, болотистые берега и силуэты кораблей, едва различимые сквозь серую пелену дождя. Подняв воротники, поправив шапки так, чтобы вода стекала на плечи, а не на шею, заключенные сидели среди своих сундуков, мешков и узлов. Двенадцать молчаливых гребцов оттолкнули лихтер от причала, развернули его и вывели на середину широкой реки плавными и легкими движениями весел, почти не тревожившими водную гладь.

Примерно в трехстах ярдах к югу, у побережья Кента, вдоль берега выстроились четыре судна, похожих на стадо коров. Каждое было пришвартовано более надежно, чем любой другой корабль, даже в Кингроуде, в устье Северна. Суда почти не качались на якорях и пришвартованы были не обычными тросами, а цепями. Самый маленький корабль располагался выше всех по течению и ближе к Лондону, а самый большой — ниже всех по течению; по возрасту каждое судно превосходило предыдущее на добрую сотню лет.

— Корабль-лазарет «Хранитель», а дальше — «Блюститель», «Юстиция» и «Церера», — объяснил стражник.

Лихтер направился к «Блюстителю», развернулся и поплыл вниз по течению; отлив облегчал гребцам работу. Благодаря этому узникам

посчастливилось рассмотреть все три плавучие тюрьмы. Они выглядели жалкой пародией на корабли: такелаж давно исчез, грот-мачты, спиленные на высоте сорока футов, расщепились и потрескались, фок-мачты уцелели, но лишились вантов, на веревках, протянутых между грот- и фок-мачтами, сушилось белье — как и на тросах между фок-мачтой и обрубком бушприта. На палубах теснились дощатые хибары и надстройки, лес железных дымоходов поднимался над ними, кренясь во все стороны; такие же строения заполнили шканцы, полубаки и сгруппировались вокруг кормовой рубки. Судя по виду, «Блюститель» и «Юстиция» выходили в море еще вместе с флотом доброй королевы Бесс и сражались с судами «Непобедимой армады»: краска на них облупилась, все медные гвозди позеленели, доски потрескались.

По сравнению с этими судами «Церера» выглядела не ветхой, а попросту старой. На обшивке еще сохранилась местами черная и желтая краска, а под бушпритом — носовое украшение в виде дородной женщины с обнаженной грудью и ярко-красными сосками. Бойницы «Блюстителя» и «Юстиции» были наглухо задраены, а на «Церере» снабжены решетками из толстых железных прутьев, поэтому брестольцы, сведущие в подобных делах, пришли к выводу, что под верхней палубой на корабле имеются еще две — первая и вторая нижняя. Стало быть, когда-то «Церера» была линейным кораблем с девяноста орудиями. Никакому грузовому судну или галере не понадобилось бы столько бойниц.

Ричард задумался: удастся ли им поднять свои вещи по веревочной лестнице? Цепи неизбежно будут сковывать движения. Но вскоре выяснилось, что энергичный доктор Дункан Кэмпбелл оборудовал свою красу и гордость дощатым трапом, соединенным с покачивающимся на воде помостом. Подхватив на руки сундук, перекинув через плечо два мешка, Ричард первым перебрался через борт лихтера вслед за стражником с дубинкой и с трудом поднялся по трапу на шестнадцать футов вверх, к борту судна. «Церера» имела незначительную осадку.

— Эй, старший! — крикнул стражник.

Незнакомец неряшливой, но внушительной наружности вынырнул из-за ближайшей дощатой надстройки, ковыряя щепкой в зубах. Вдалеке Ричард заметил промелькнувшую юбку, услышал женские голоса и понял, что в ветхих хибарах на верхней палубе разместились надзиратели.

— Что надо? — осведомился внушительный незнакомец.

— Двенадцать каторжников из глостерской тюрьмы, мистер Хэнкс. Понимают только по-английски. Мистер Кэмпбелл сказал, что это два новых отряда для двух черпалок. Док говорит, что все они здоровы.

— Деревенщина! — с отвращением процедил мистер Хэнкс. — И так ими здесь кишмя кишит, Сайкс. — И он повернулся к заключенным. — Я Герберт Хэнкс, старший — по-вашему, начальник тюрьмы. Отправьте их вниз, Сайкс. И запомните, тут вы не заключенные, а каторжники, ясно?

Вновь прибывшие молча кивнули, с трудом поняв смысл обращенной к ним речи. Начальник тюрьмы глотал половину согласных.

— У заключенных, — светски продолжал мистер Хэнкс, — еще есть шанс оказаться на свободе. А каторжники остаются каторжниками, пока не отбудут срок. Здесь свои правила, поэтому слушайте внимательно — повторять я не собираюсь. Посетителей сюда пускают по воскресеньям, после обязательной церковной службы. Никаких сектантских или диссидентских служб — только англиканские. Всех обыскивают, обнаруженные подозрительные предметы конфискуют. Почему? Да потому, что кое-кто пробует пронести на судно напильники в пирогах и пудингах.

Он сделал паузу и обвел слушателей взглядом, в котором сочетались злорадство и свирепость. Видимо, Хэнкс наслаждался своей «тронной речью».

— На корабле вам положено сидеть взаперти, в самом низу. Только я имею право отпирать двери, а это бывает нечасто. Наверх — на работу, вниз — спать, и так с понедельника до субботы. В хорошую погоду будете работать и не вздумайте отлынивать! К примеру, сегодня никто не работает — с самого утра зарядил этот чертов дождь. Есть будете то же, что и все остальные, а пить то, что разрешу я. Джин стоит недешево, получить его можно только у меня: за шесть пенсов — полпинты.

Сделав очередную паузу, мистер Хэнкс харкнул и сплюнул под ноги.

— Есть будете вшестером из одного котла, припасы выдает эконо́м. По воскресеньям, понедельникам, средам, четвергам и субботам на шестерых положена одна коровья щека или голень, три пинты гороха, три фунта овощей, шесть фунтов хлеба и шесть кварт легкого пива. По вторникам и пятницам дают овсянку. Можете брать столько воды из Темзы, сколько захотите, да вдобавок получите три пинты овсяной крупы, три фунта сыра и шесть фунтов хлеба. И больше ни на что не рассчитывайте. Если съедите все это на ужин, утром вам придется поголодать. Мистер Кэмпбелл разрешает вам мыться каждый день и бриться по воскресеньям, перед церковной службой. Выходя из трюма на работу или службу, берите с собой ведра и выливайте за борт. На каждый отряд полагается одно ведро. Вас будут держать взаперти, а чем вы будете заниматься там, внизу, мне все равно, как и мистеру Кэмпбеллу.

Он довольно осклабился.

— Но сначала, — продолжал он, присев на корточки, хотя мистер Сайкс и его помощники остались стоять, — я обещаю ваши сундуки и мешки, так что открывайте их, и поживее!

Уже научившись понимать странный выговор начальника плавучей тюрьмы, каторжники отперли замки на сундуках и подняли крышки.

Мистер Герберт Хэнкс проводил обыск с непревзойденным усердием. К счастью, он начал осмотр с вещей Айка Роджерса и его товарищей, сундуки которых были меньше размером и легче, а у двух пареньков из Уилтшира вообще отсутствовали. Тряпки и одежду Хэнкс отбрасывал в сторону, но каждый предмет попадал в руки мистера Сайкса, который тщательно прощупывал все швы и подкладки. При обыске не было найдено ничего подозрительного. Тюремщики не польстились на скудные пожитки заключенных.

— А где ваши деньги? — спросил Хэнкс.

Айк умело изобразил удивление:

— У нас их нет, сэр. Мы пробыли в глостерской тюрьме целый год и потратили все до последнего гроша.

— Вот как? — Мистер Хэнкс повернулся к товарищам Ричарда, и его глаза хищно блеснули. — А что там у вас? Откуда столько вещей? — Из сундука и мешков Ричарда он извлек одежду, бутылки и флаконы, несколько каменных фильтров, кучу тряпок, книги, пачку писчей бумаги и перья — прелюбопытные предметы! — и две лишние пары грубых башмаков. Осмотрев башмаки, Хэнкс разочарованно нахмурился и переглянулся с не менее разочарованным Сайксом. — И вправду деревенщина. Таких ножиц здесь нет ни у кого, башмаки будут велики даже Длинному Джойсу. Что это? — продолжал он, указывая на бутылку.

— Деготь, мистер Хэнкс.

— А это что за штуковина?

— Каменный фильтр, сэр. Через него я пропускаю воду для питья.

— Здесь уже есть фильтры, стоят под каждой помпой. Как тебя зовут, большеногий?

— Ричард Морган.

Хэнкс выхватил у одного из помощников Сайкса лист бумаги и просмотрел его: он умел читать, но это искусство давалось ему с трудом.

— Теперь у тебя нет имени. Отныне, Морган, ты каторжник номер двести три.

— Да, сэр.

— Смотрю, ты у нас грамотный. — Мистер Хэнкс перелистал одну из книг Ричарда, надеясь отыскать скабрзные рисунки или стишки, но ничего

не нашел и раздраженно захлопнул книгу. — А это что?

— Средство от нарывов, сэр.

— А это?

— Мазь для лечения порезов и язв.

— Черт, да у тебя здесь целая аптека! Зачем ты притащил сюда эту дрянь? — Вытащив пробку из одной бутылки, он подозрительно принюхался. — Фу! — Он отшвырнул бутылку. — Воняет, как вода из реки!

Не меняясь в лице, Ричард наблюдал, как начальник тюрьмы поднял пустой сундук, потряс его в воздухе, простучал все боковые стенки и дно. После этого Хэнкс принялся прощупывать швы мешков, но ничего не обнаружил. В конце концов он присвоил лучшую бритву Ричарда, ремень, точильный камень и самую новую пару чулок. Затем пришла очередь сундука и мешка, принадлежащих Уиллу Коннелли. Невозмутимо и незаметно Ричард присел, подобрал бутылку и пробку и отложил их в сторону. Поймав многозначительный взгляд мистера Сайкса, Ричард кивнул неподвижному Роджерсу и принялся укладывать вещи обратно в сундук. Роджерс и молодежь последовали его примеру.

Осмотрев вещи всех двенадцати каторжников, мистер Хэнкс самодовольно усмехнулся.

— Так где вы прячете монеты? Где ваши деньги, черти?

— У нас их нет, сэр, — отозвался Недди Перрот. — Мы целый год пробыли в тюрьме, а там были женщины... — И он виновато развел руками.

— Вывернуть карманы!

Карманы оказались пустыми у всех, кроме Ричарда, Билла, Недди и Уилла, которые засунули в них книги.

— Скидай одежду! — рявкнул мистер Хэнкс.

Каторжники сняли пальто и сюртуки, мистер Сайкс лично осмотрел всю одежду.

— Ничего, — доложил он с усмешкой.

— Общайте их, мистер Сайкс.

Заключенные истолковали эти слова как приказ обыскать их самих. Мистер Сайкс добросовестно исполнил его, с явным удовольствием щупая гениталии и ягодицы.

— Ничего, — повторил он, и в его глазах вспыхнуло предвкушение.

— Всем присесть и наклониться! — велел мистер Хэнкс сладостно дрогнувшим голосом. — И предупреждаю: если мистер Сайкс найдет деньги у кого-нибудь в заднице, отмывать их будете собственной кровью!

Мистер Сайкс действовал грубо, неторопливо и умело. Четверо молодых мужчин и Джо Лонг расплакались от боли и унижения, остальные перенесли экзекуцию, не выказывая никаких эмоций.

— Ничего, — заключил мистер Сайкс. — Ровным счетом ничего, мистер Хэнкс.

— Мы из Глостера, — объяснил Ричард, одеваясь. — Там живут бедно. «Вот я и получил сполна. Позор и деньги. Чтоб мне провалиться!»

— Отведите их вниз, мистер Сайкс, — велел начальник плавучей тюрьмы и с разочарованным видом отошел.

Двадцать восьмого января тысяча семьсот восемьдесят шестого года на «Церере» насчитывалось двести тринадцать каторжников; двенадцать прибывших из Глостера получили номера с двести первого по двести тринадцатый, Ричарду достался двести третий. Но по номерам их называл только мистер Герберт Хэнкс с Пламстед-роуд близ Уоррена, Вулвич.

Какой-то мудрый человек — вероятно, чтобы умаслить заключенных из лондонского Ньюгейта, презирующих деревенщин, — отделил столичных преступников от привезенных из провинции, поместив их на разные палубы. Лондонцы заняли вторую палубу, а провинциалы — самую нижнюю. А может, причиной столь мудрого решения стала непрекращающаяся борьба между лондонскими преступниками и провинциалами на кораблях «Блюститель» и «Юстиция», где все смешалось так, что распутать это хитросплетение было не под силу даже мистеру Дункану Кэмпбеллу. Размещая каторжников на судне «Дюнкерк» в Плимуте, он зашел еще дальше и разделил корабельные помещения на семь отсеков — согласно разработанной им самим запутанной классификации.

Различия между англичанами были поразительны. Жаргон лондонского Ньюгейта для непосвященных звучал как совершенно незнакомый язык, хотя многие, кто пользовался им, умели говорить на вполне понятном, но ломаном английском. Беда заключалась в том, что большинство заключенных из принципа отказывалось пользоваться литературным языком, демонстрируя свою исключительность. Узники, привезенные с севера и с юга, из Йоркшира и Ланкашира, более-менее понимали друг друга, но как бы правильно они ни выражались, остальные не могли разобрать ни единого слова, произнесенного ими. Мало того, ливерпульцы говорили на так называемом скаусе, еще одном малоизвестном диалекте. Жители центральных графств могли объясниться с уроженцами западных округов; и те и другие понимали каторжников из Суссекса, с морского побережья Кента, из Суррея и Гемпшира. Но те, кто жил в Кенте близ берегов Темзы, пользовались жаргоном чем-то сродни

тюремному, то же самое относилось к уроженцам районов Эссекса, прилегающих к Лондону. Выходцы из северных областей Эссекса, Кембриджшира, Суффолка, Норфолка и Линкольна говорили на своем диалекте. Это сборище англичан было настолько многоязычным, что двое каторжников из Бирмингема на «Блюстителе» не понимали друг друга: один из них был родом из деревни Сметуик, а второй — из Фор-Оукс, и оба ни разу не отъезжали от родных деревень дальше чем на милю, пока не попались в сети правосудия.

В результате заключенные образовывали группы. Между отрядами из шести человек, способных хоть как-то объясниться друг с другом, устанавливалось нечто вроде взаимопонимания. Те, чей акцент или жаргон был никому не понятен, оказывались в изоляции. Поэтому заключенные из Глостера держались обособленно, с остальными их объединяла только ненависть к обитателям лондонского Ньюгейта, расположившимся палубой выше. Именно им доставалась львиная доля пищи и дешевого джина, поскольку они с тюремщиками понимали друг друга и, кроме того, их сплотила неприязнь к провинциалам.

Свою долю джина лондонские заключенные получали по праву, поскольку находились на своей территории и располагали большими средствами, но то, что им доставалась лучшая еда, было несправедливо.

Жизнерадостный пухлый мистер Дункан Кэмпбелл проявлял редкостную бережливость во всем, за что ему приходилось платить дополнительно сверх двадцати шести фунтов в год, которые правительство его величества выплачивало ему за каждого каторжника, а еда стоила немалых денег. В неделю на одного заключенного приходилось тратить не меньше десяти шиллингов; благодаря судам, стоявшим у берегов Темзы, в январе доход Кэмпбелла составлял триста шестьдесят фунтов в неделю, к тому же он изыскивал самые разные способы увеличить этот доход — к примеру, сам выращивал овощи и варил легкое пиво. О более простых способах получения прибыли — таких, как приписки или провокация цинготных мятежей, — не могло быть и речи: суда посещало слишком много назойливых представителей власти. Хлеб и мясо Кэмпбелл закупал в гарнизоне лондонского Тауэра — только бычьи головы и голени, только черствый хлеб — и поначалу не заботился о качестве провизии. Затем в дело вмешался мистер Джон Ховард, и вскоре заключенных стали кормить гораздо лучше. Но несмотря на все досадные запреты и ограничения, а также тщательно подобранных надзирателей числом около ста человек, мистер Кэмпбелл ухитрялся получать не меньше ста пятидесяти фунтов прибыли в неделю. Ему же принадлежало одно судно в Плимуте,

«Дюнкерк», и два в Портсмуте — «Удачливый» и «Твердыня». Общий барыш, приносимый этим предприятием, достигал трехсот фунтов в неделю; помимо того, Кэмпбелл принимал участие в запутанных махинациях, связанных с поставками припасов для предстоящей экспедиции в Ботани-Бей.

Высота помещений на самой нижней палубе «Цереры» не превышала шести футов, а это означало, что голова Ричарда находилась на расстоянии полудюйма от потолка, а Айку Роджерсу не удавалось даже выпрямиться во весь рост. Потолочные балки располагались на фут ниже, расстояние между ними составляло шесть футов. По этой причине любая ходьба превращалась в пародию на шествие монахов: заключенные передвигались семенящей походкой, через каждые два шага почтительно наклоняя головы.

Бристольцы давно притерпелись к вони, которую ветер заносил в зарешеченные окна, гуляя по промозглому помещению с красными стенами, простирающемуся от переборки под фок-мачтой до кормовой переборки. В целом помещение имело в ширину сорок, а в длину — сто футов. Вдоль внешней стены, то есть обшивки судна, располагались дощатые нары высотой с обычный стол, на которых заключенные рассаживались, как на скамьях. Видимо, те же нары служили и кроватями, поскольку кое-где заключенные лежали на них — или отдыхая, или мучаясь в горячке. Еще один настил шириной в шесть футов также служил ложем. Посреди комнаты тянулся третий ряд нар шириной также в шесть футов. В этом помещении с кричаще-красными стенами обитало восемьдесят мужчин. Как только в комнату втолкнули дюжину вновь прибывших, все разговоры смолкли, головы повернулись к двери.

— Вы откуда? — спросил один из мужчин, сидящий близ двери.

— Из глостерской тюрьмы, — ответил Уилл Коннелли.

Незнакомец поднялся. Он был невысок ростом и проходил под балками не нагибаясь, телосложением напоминал не карлика, а скорее жокея, лицо у него было как у человека, который почти всю жизнь провел среди лошадей — морщинистое, жесткое, удлинненное книзу. На вид ему можно было дать и сорок лет, и все шестьдесят.

— Как жизнь? — осведомился он тоном утверждения, а не вопроса, приближаясь к новичкам и протягивая им маленькую ладонь. — Я Уильям Стенли из Синда, это близ Девайзеса в Сомерсете. Но судили меня в Уилтшире.

— Почти все мы слышали про Синд, — с усмешкой отозвался Коннелли и представил своих товарищей, а затем со вздохом поставил сундук на пол. — Ну, и что дальше, Уильям Стенли из Синда?

— Проходите. Должно быть, Сайкс уже успел пощупать вас? Ему это по душе — он не прочь, так сказать, поближе познакомиться с подопечными. Деньги есть? Или он нашел их?

— У нас нет денег, — объяснил Коннелли, уселся на скамью и поморщился от боли. — Чертов Сайкс! Что еще скажешь?

— Вон там сидят ребята из центральных и западных округов, с побережья Ла-Манша, Уолдса и Уилдса, — объяснил Стенли, указывая в сторону нар незажженной трубкой. — Посредине — те, кого привезли из Дерби, Чешира, Стаффорда, Линкольна и Шропшира. В дальнем углу — Дарем, Йоркшир, Нортумбрия и Ланкашир. Ливерпульцы заняли дальний конец стола. Все они, кроме одного, ирландских кровей. Есть здесь и четверо черномазых, но их держат наверху, вместе с лондонцами. А валлийцев здесь нет, Тэффи. — Он обвел взглядом сундуки и мешки. — Если у вас там что-нибудь ценное, распрощайтесь с ним. Впрочем, может статься, — добавил он многозначительно, — мы с вами поладим.

— Скорее всего, — дружески согласился Коннелли. — Похоже, тут нам придется и спать, и есть?

— Ага. Тащите свое барахло сюда, места для дюжины как раз хватит. Тюфяки, на которых мы спим, свернуты и сложены под нары, туда же можно запихнуть и сундуки. На двоих приходится одно одеяло. — Он хихикнул. — Нас здесь держат в строгости, и если вы не прочь ублажить самих себя, на уединение не рассчитывайте. Все мы помогаем себе сами, после мистера Сайкса мужеложство не в почете. К тем, кто живет наверху, по воскресеньям пускают женщин — их называют тетями, сестрами или кузинами. Правда, нам это не по карману, мы слишком далеко от дома, а у кого есть деньги, те тратят их на джин. Шесть пенсов за полпинты — настоящий грабеж!

— Так, говоришь, ты можешь посторожить наши вещи, Уильям? — осведомился Билл Уайтинг, страдая от боли в руке и от царапин, оставленных грубыми пальцами мистера Сайкса.

— Меня не водят на работу. Сначала хотели пристроить на огород, но пальцы у меня слишком грубые даже для того, чтобы полоть репу. Потому от меня вскоре отстали — решили, что я слишком стар, чтобы участвовать в этих скачках. — Он приподнял крошечную ступню и потряс ею, пока железный браслет не съехал на подъем. — Вот я и присматриваю теперь за порядком — мою полы, выношу ведра, сворачиваю тюфяки, складываю одеяла и не даю воли помешанным ирландцам. Впрочем, наши ирландцы из Ливерпуля — сносные ребята. А двое на «Юстиции» говорят только по-своему — с тех пор как их привезли в лодке из Дублина. Неудивительно,

что они свихнулись. Ирландцы — чувствительный народ, а в Ирландском море часто штормит. Но они любого облапошат, и глазом моргнуть не успеешь. — Он хохотнул и сменил тон: — А неплохо встретить земляков из западных графств! Мики! Эй, Мики!

К нему развязной походкой приблизился темноволосый и темноглазый молодой мужчина с хитрым выражением лица, какие бывают только у корнуэльских контрабандистов.

— Нет, я не из Корнуолла, — заговорил он, точно прочитав мысли новичков. — Из Дорсета, точнее — из Пула. Служил на таможне. Моя фамилия Деннисон.

— Мики помогает мне следить за порядком — сам я не справляюсь. Мы здесь лишние, нас не берут ни в одну шестерку. У Мики бывают такие припадки, что не позавидуешь.

Чернеет лицом, прикусывает язык. Однажды он до смерти перепугал нашего красавчика Сайкса. — Стенли проникательно оглядел новичков. — Вас уже разбили на две шестерки?

— Да, и этот молчун у нас за старшего, — объяснил Коннелли, указывая на Ричарда. — Только он в этом не признается. Мы с Биллом Уайтингом болтаем без умолку, а он сидит, слушает и принимает решения. Дружелюбный малый и на редкость умный. Мы с ним знакомы недавно, а вот если бы я встретился с Сайксом до того, как познакомился с Ричардом, я бы не вытерпел — и что же дальше? Теперь у меня болела бы не только задница, но и голова. Здесь устраивают порки?

— Нет, провинившихся бьют дубинками, Уилл. Мистер Кэмпбелл запретил плетки — говорит, ему нужны рабочие руки. — Уильям Стенли из Синда опустил веки. — Так мы поладим, Ричард... как твоя фамилия?

— Морган.

— Валлиец?

— Я родился в Бристоле, все мои предки родом оттуда. Коннелли — ирландская фамилия, а он тоже бристолец. В наши времена фамилия ничего не значит.

— А почему, — вдруг вмешался Аик Роджерс, который до сих пор молчал, — тут красные стены?

— Это же нижняя палуба второразрядного судна, — объяснил Мики Деннисон из Пула. — Здесь не только жили матросы, но и находился лазарет. На красном кровь не так заметна. Вид крови до смерти пугал канониров.

Уильям Стенли вытащил из жилетного кармана большие часы-луковицу и взглянул на циферблат.

— Есть будем через час, — сообщил он. — Гарри, здешний эконо́м, сам раздает миски и кружки. Сегодня пятница — значит, будет овсянка. Мяса мы и в глаза не видим, если не считать червей в хлебе и сыре. Слышишь грохот наверху? — Он ткнул трубкой в потолок. — Сейчас кормят лондонцев, а мы едим что останется. Их больше, чем нас.

— А что, если мистер Хэнкс решит переселить лондонцев сюда? — с любопытством спросил Ричард.

Коротышка Уильям Стенли усмехнулся:

— Не посмеет! Если ирландцы не перережут им глотки в темноте, то это сделают парни из северных округов. Никто не любит Лондон и лондонцев. Англию обдирают, как прихожанина на методистском собрании, а все собранные деньги тратят на Лондон и Портсмут, потому что в Лондоне парламент, армия и Ост-Индская компания, а в Портсмуте — флот.

— Насколько я помню, мистер Сайкс сказал, что нам придется пить воду из Темзы, — произнес Ричард, расплываясь в ослепительной улыбке. — Друзья мои, располагающие фильтрами! Пожалуй, нам следует провести небольшую церемонию. Поскольку вы сами назвали меня старшим среди вас, делайте, как я. — Он поставил свой сундук на стол, отпер его ключом, висящим на шее, и вытащил большую тряпку. Повязав ею стриженую голову, Ричард принялся негромко напевать; Гендель узнал бы эту мелодию, но обитателям нижней палубы «Цереры» она была незнакома. Забыв о боли, Билл Уайтинг тоже достал тряпку, а потом его примеру последовали Уилл, Недди, Тэффи и Джимми, хотя пел по-прежнему только Ричард. Из сундука был извлечен фильтр Ричарда, невнятное бормотание сменилось протяжным звуком «а-а-а». Ричард провел ладонями над фильтром, наклонился, чтобы коснуться его лбом, а затем взял на руки и направился к помпе, сопровождаемый пятью помощниками. Уловив мелодию, Тэффи тоже запел, вторя баритону Ричарда на октаву выше. За ними напряженно следили все обитатели комнаты, кроме тех, кто метался в лихорадке; Уильям Стенли изумленно выпучил глаза.

Помпа подавала воду тонкими струйками, падающими в медный чайник, в котором кто-то пробил несколько дыр. Система фильтров мистера Кэмпбелла предназначалась для задержания плавучего мусора, комков грязи и дохлой рыбы, но не более того. После такой фильтрации вода сразу поступала в трюмы судна.

Величественным жестом Ричард велел Джимми Прайсу взяться за рукоятку помпы, подставил под трубу свой каменный фильтр и набрал в чашу около трех пинт воды. Его товарищи сделали то же самое, причем

Билл Уайтинг низко поклонился Джимми, прежде чем наполнить фильтр, а тем временем Ричард на все лады распевал «аллилуйя». Наконец все вернулись к столу и расставили шесть каменных фильтров в его центре, сопровождая это действие благоговейными жестами. Ричард знаком велел товарищам отойти на два шага, развел руки и пошевелил пальцами.

— Царь царей! Бог богов! Аллилуйя, аллилуйя! — запел он. — Осанна! О, Гиппократ, услышь нашу молитву! — Еще раз почтительно поклонившись, он снял с головы тряпку, свернул ее, поцеловал и сел за стол. — Гиппократ! — вдруг выкрикнул он так пронзительно, что все вздрогнули.

— Господи, что все это значит? — не выдержал Стенли.

— Это обряд очищения, — торжественно объяснил Ричард.

Старик с лошадиным лицом насторожился.

— Ты шутишь? Вы что, решили разыграть меня?

— Поверь мне, Уильям Стенли из Синда, мы, все шестеро, никого не разыгрываем. Мы стараемся умиловить Мать-Темзу, призывая великого бога Гиппократа.

— И так будет каждый раз, когда вам захочется пить?

— Нет, что ты! — отозвался Билл Уайтинг, который прекрасно понял, зачем Ричард устроил всю эту «церемонию». Таким способом он обособил своих товарищей, наделил их качествами, в конечном итоге позволяющими им уцелеть и сохранить свою собственность. Сообразительный малый! Ричарду помогли замечания Джимми и Лиззи о том, что он превратил процесс очистки воды в ритуал. Сайкс, прозванный на корабле «мисс Молли»,^[13] наверняка обо всем узнает — Уильям Стенли из Синда производил впечатление сплетника, к тому же целыми днями торчал на «Церере». — Нет, — продолжал он убедительным тоном, — мы проводим обряд очищения только в особых случаях — например, когда переселяемся на новое место. Так мы привлекаем внимание Гиппократа.

— И кроме того, — подхватил Уилл Коннелли, внося в разговор свою лепту, — мы пользуемся камнями каждый раз, когда пьем воду, но церемонии проводим редко, а именно в первый день месяца. И конечно, когда мы оказываемся на новом месте.

— Это колдовство? — с подозрением осведомился Мики Деннисон.

— А ты чувствуешь запах серы? Или вода превращается в кровь или сажу? — напористо спросил Ричард. — Колдовство — вздор. А мы — серьезные люди.

— А! — внезапно воскликнул Стенли, и морщины у него на лбу разгладились. — Как я мог забыть! Вы же из Бристоля, а там диссидентов

хоть пруд пруди!

— Айк, — позвал Ричард и встал, — нам надо поговорить. — И они отошли в дальний угол комнаты, очутившись под прицелом множества взглядов. — Поддержите нас и в следующий раз пойте вместе с нами. Только так мы сумеем сохранить свои вещи — и деньги. Кстати, ты где их спрятал?

Роджерс ухмыльнулся:

— В каблуки сапог. Снаружи они кажутся низкими, но на самом деле я хожу как на ходулях. А ты?

— Двойные стенки сундуков обшиты изнутри. Мы держим деньги там — у кого они есть. Благодаря обшивке стенки издают глухой стук. У нас с Уиллом, Недди и Биллом есть несколько монет, но остальные сундуки пусты, и если у кого-нибудь из нас появятся деньги, нам есть где их спрятать. Уильяма Стенли из Синда можно подкупить. Вопрос в том, выдаст ли он нас Сайксу.

Грабитель надолго задумался, а потом покачал головой:

— Вряд ли, Ричард. Если он проболтается, вся добыча достанется «мисс Молли». Пожалуй, лучше всего убедить жокея в том, что у нас почти ничего нет, — вот если бы нас навещал кто-нибудь из Лондона! Тогда мы смогли бы объяснить, откуда у нас вдруг взялись деньги. Насчет воды ты прав — пить ее невозможно. Нам с товарищами придется пить легкое пиво: ручаюсь, Уильям Стенли из Синда сумеет раздобыть его для нас.

Ричард неожиданно хлопнул себя ладонью по лбу.

— Джимми Тислтуэйт! — воскликнул он. — Кажется, нас все-таки будут навещать, Айк. Как ты думаешь, Стенли исправно доставляет почту?

— По-моему, он добросовестно выполняет любую работу.

* * *

На следующее утро, поднявшись на верхнюю открытую палубу, Ричард и его товарищи поняли, почему каторжников выводили наверх небольшими группами. На «Церере» имелось несколько лихтеров, но слишком мало, чтобы сразу перевезти всех каторжников к месту работы. К счастью, каторжникам предстояло работать на расстоянии всего пятисот ярдов от «Цереры», однако это были ярды водного пространства. Гребцы охотно нанимались на такие суда потому, что за подобную работу платили больше, чем за любую другую. Каторжников с «Блюстителя» приковывали цепями к планширам. Поначалу Ричард удивлялся тому, что заключенные и

не думают бежать, но вскоре понял: беглецов рано или поздно поймают и за побег могут приговорить к виселице.

Главным достоинством «академий Кэмпбелла», как прозвали суда их обитатели, было то, что они стояли далеко от берега, а среди англичан лишь некоторые умели плавать. Заключенным не пришлось бы в голову бежать даже после того, как суда снимутся с якоря. Ни Ричард, ни его одиннадцать товарищей не умели плавать. Глубокие воды внушали им ужас.

В желудке у Ричарда было пусто, хотя он приберег на завтрак половину хлеба и сыра. Полпинты жидкой овсяной каши, приправленной горьковатыми травами, он выпил, едва получил ее. К тому времени каша успела остыть, но Ричард рассудил, что через двенадцать часов она покажется ему еще менее съедобной. Начальник тюрьмы Хаббард понимал, что мужчин, занимающихся тяжелым физическим трудом, следует сытно кормить, чтобы они работали как следует. Но за сутки, проведенные на «Церере», выяснилось, что Дункан Кэмпбелл не заботится о том, хватит ли сил его подопечным.

Каторжников, работающих на берегу, уже увезли, когда прибыл лихтер, которому предстояло доставить четыре бригады черпальщиков ниже по течению реки. Черпалка, на которую определили отряд Ричарда, была первой из четырех и стояла на двух якорях. Она представляла собой абсолютно плоскодонную прямоугольную баржу без носа и кормы, с низкими бортами, облегчающими погрузку и разгрузку. Баржа оказалась совсем новой, ее трюм был пуст, а краска еще не успела облупиться.

Перешагнув через планшир лихтера, каторжники очутились на дощатом помосте, который тянулся вдоль одного борта баржи. Едва лихтер покинул последний каторжник, Джимми Прайс, судно отчалило и направилось к следующей черпалке, стоящей на расстоянии пятидесяти ярдов. Помахав Айку и молодежи, товарищи Ричарда огляделись. На палубе баржи возвышалась небольшая деревянная надстройка с железной дымовой трубой. Услышав голоса, из надстройки вышел незнакомец, попыхивающий трубкой и сжимающий в руке дубинку.

— Мы не понимаем тюремный жаргон, — учтиво обратился к нему Ричард. — Мы с запада.

— А мне какое дело? — Незнакомец оглядел вновь прибывших. — Вы, должно быть, новички с «Цереры»? — Поскольку никто не ответил на его замечание, он продолжал беседовать словно сам с собой: — С виду вы немолоды, но кажетесь крепкими и сильными. Еще успеете вытащить несколько тонн балласта. Среди вас есть черпальщики?

— Нет, сэр, — ответил Ричард.

— Так я и думал. Кто-нибудь умеет плавать?

— Нет, сэр.

— Лучше не лгите мне, ребята.

— Мы говорим правду, сэр. У нас на родине почти никто не умеет плавать.

— А если я выброшу кого-нибудь за борт, чтобы проверить? — И он шагнул к Джимми. Тот в ужасе вскрикнул, его товарищи перепугано замерли на месте. — Верю, верю, — смягчился незнакомец, скрылся за дверью надстройки и тут же вынырнул вновь, поставил на палубу стул и уселся, положив ногу на ногу и попыхивая трубкой. — Я — Закери Партридж, но вы будете звать меня мистер Партридж. Я методист, потому мне и дали такое имя, а черпальщиком я начал работать еще в юности, на Скегнессе, потому и не говорю на тюремном жаргоне. Я просил мистера Кэмпбелла не присылать сюда лондонцев. Хорошо, если бы мне попались ребята из Линкольна, но западное графство — тоже неплохо. Вы из Бристоля или из Плимута?

— Трое из Бристоля, мистер Партридж. Я — Ричард Морган, двух других бристольтцев зовут Уилл Коннелли и Недди Перрот. — И Ричард указал на товарищей. — Тэффи Эдмунде с побережья Уэльса, а Билл Уайтинг и Джимми Прайс из Глостера.

— Значит, вы кое-что смыслите в кораблях. — Партридж откинулся на спинку стула. — Мы будем углублять русло реки, вычерпывая ил со дна вот этим, — он указал пальцем на нечто, напоминающее гигантский раззявленный рот или открытый кошелек, — ковшом. Его приводят в движение с помощью цепи — пока она лежит у вас под ногами, но при работе поднимается до уровня талии. Цепь придется удлинять или укорачивать в зависимости от глубины воды. Сейчас цепь подогнана точно, я проверял сам.

Явно радуясь возможности поговорить и не выказывая ни тени злобы, мистер Закери Партридж продолжал:

— Должно быть, вам любопытно узнать, почему мы будем вычерпывать ил именно здесь. А потому, ребята, что вон там Королевский арсенал, который снабжает припасами всю армию, но причалов для грузовых судов не хватает. Ваши товарищи по несчастью строят на берегу новые причалы, засыпая землей болотистые низины возле Уоррена. А мы, черпальщики, поставляем им ил, который они, разумеется, смешивают с камнем, гравием и известью, чтобы все это не смыло обратно в реку.

— Спасибо за объяснение, мистер Партридж, — откликнулся Ричард.

— Значит, вам никто и ничего не объяснил? — Партридж вновь указал

на ковш. — Ковш опускается в воду с этой стороны и поднимается с противоположной, возле шлюпбалки. Если потрудиться на совесть, за один раз ковш поднимает пятьдесят фунтов ила и мусора — ужас, что там попадает! Баржа вмещает двадцать семь тонн балласта, как мы, черпальщики, называем его. Чтобы набрать тонну балласта, надо наполнить илом сотню ковшей. Зимой вам предстоит работать шесть часов в день — два часа уходит на то, чтобы доставить вас сюда и отвезти обратно. В удачные дни мы поднимаем двадцать ковшей. За вычетом воскресений, — Ричард уже понял, что их собеседник грамотный и образованный человек, — и ненастных дней, особенно зимой, мы сможем заполнить трюм баржи балластом примерно за десять недель. Затем ее отбуксируют к Уоррену, там балласт придется разгрузить. А потом баржу поставят на новое место, и все начнется сначала.

«Он питает пристрастие к цифрам и фактам, наверняка ученик Джона Уэсли и не из Лондона, — мысленно рассуждал Ричард. — Он любит свою работу — потому, что ему незачем и пальцем шевелить. Как подружиться с этим человеком или по крайней мере заслужить его похвалу? Сможем ли мы выполнить работу, которой он ждет от нас? Если нет, нас ждут изощренные упреки. Впрочем, этот человек не жесток».

— Нам позволено обращаться к вам, мистер Партридж? Можно ли задавать вам вопросы?

— Выполняй то, что я прикажу, Морган, и тебе нечего опасаться. Баловать вас я не стану и, если захочу, любому сломаю руку вот этой дубинкой. Но это мне ни к чему — по одной простой причине. Мистер Кэмпбелл высоко ценит меня, и я намерен и впредь оправдывать его доверие, поставляя балласт. Мне поручили эту новенькую баржу потому, что моя черпалка давала больше балласта, чем все остальные. Вы поможете мне, а я за это помогу вам, — заключил мистер Партридж и поднялся. — А теперь я объясню, что и как вы будете делать.

Ковш представлял собой толстый кожаный мешок длиной около трех футов, перехваченный круглым железным обручем диаметром два фута. К этому обручу снизу была прикреплена стальная пластина в форме неглубокой овальной ложки с острыми краями. Цепи с обеих сторон железного обруча соединялись с еще одной замкнутой цепью, которая тянулась с одного края баржи до другого, провисая так, чтобы ковш можно было опустить на дно. Цепь огибала лебедку, с помощью которой ковш погружали в воду на том конце баржи, где стоял мистер Партридж. Под тяжестью собственного веса ковш уходил на дно, им управляли с баржи с помощью веревки, прикрепленной к днищу кожаного мешка. Затем ковш

подтягивали к шлюпбалке с блоком, укрепленной на другом конце баржи, при этом стальная «ложка» скребла дно реки, а ковш наполнялся илом. Когда ковш приближался к шлюпбалке, его вытягивали вверх. Поворачиваясь вокруг своей оси, шлюпбалка доставляла ковш, из которого лилась вода, к люку трюма. Дергая за веревку, прикрепленную к дну мешка, его переворачивали и опорожняли в трюм. Пустой ковш двигался по цепи к лебедке и отправлялся за следующей порцией ила со дна Темзы.

Чтобы привыкнуть к новой работе, заключенным понадобилась целая неделя, за время которой им ни разу не удалось поднять на баржу полтонны в день. По расчетам мистера Партриджа, один ковш предполагалось поднимать за двадцать минут, а новой бригаде требовался для этого целый час. Но мистер Партридж ни словом ни делом не выразил недовольства: он просто сидел на стуле и посасывал трубку, прихлебывал ром из кружки и наблюдал за движением судов по реке — когда не следил за работой подчиненных. Шлюпка, привязанная к барже, принадлежала одному художнику, который, видимо, намеревался по вечерам уплывать на берег, хотя чаще всего проводил ночи на барже, для чего купил топливо для печки и съестные припасы, а также ром и эль — все эти товары доставили ему пронырливые торговцы, лодками которых кишела река.

Товарищи Ричарда вскоре на собственном опыте убедились, что в каждом деле есть свои тонкости и приемы. Ковш так и норовил всплыть на поверхность, его приходилось удерживать на дне шестом, воткнутым в отверстие железного обруча толщиной три дюйма. При этом следовало действовать, доверившись интуиции, так как разглядеть ковш в мутной воде было невозможно. Четверо заключенных поворачивали шлюпбалку и дергали веревку, один стоял у лебедки, а один шестом придавливал ковш ко дну. Чтобы управлять шлюпбалкой, требовалась недюжинная сила, а человеку, орудующему шестом, приходилось демонстрировать не только силу, но и ловкость. Мистер Партридж по-прежнему молчал, поэтому Ричарду пришлось самому расставлять по местам товарищей. Джимми Прайс занял место у лебедки — такая работа почти не требовала силы. Билл, Уилл и Недди отправились к шлюпбалке, Тэффи управлял веревкой, а сам Ричард — шестом.

С раздражающей медлительностью скорость работы возрастала, а вместе с ней — и вес ила в ковше. Когда же команда наконец вытащила двадцать ковшей балласта за шесть часов, что произошло через неделю после начала работы, мистер Партридж на радостях выставил подчиненным шесть больших кружек легкого пива, большой кусок масла и шесть свежих фунтовых булок.

— Едва я увидел вас, я сразу понял, что вы справитесь. Я всегда стою за то, чтобы люди учились на своих ошибках. Плачу по пять фунтов за каждую баржу балласта, которую доставлю в Уоррен: вы сумели угодить мне, и я отплачу вам той же монетой. Если будете поднимать больше двадцати ковшей в день, получите обед — по кварте легкого пива и по фунту хорошего хлеба. За последнюю неделю вы все отощали, а это недопустимо. Я должен заботиться о своей репутации. — И он задумчиво почесал нос. — Но не могу же я кормить вас обедом каждый день!

— Мы могли бы внести свою лепту, — заметил Ричард. — Я родом из Бристоля, мне знаком запах вашего табака — это «Рикетс». Должно быть, в Вулвиче и даже в Лондоне он не всякому по карману. Я постараюсь найти способ присылать вам лучший табак от Рикетса, мистер Партридж, если вы дадите мне адрес. Боюсь, если табак попадет ко мне на «Цереру», его отнимет мистер Сайкс.

— Неплохо придумано, — отозвался польщенный мистер Партридж. — Помогите мне зарабатывать по шиллингу в день, и я буду кормить вас обедом. А табак можешь присылать в таверну «Утки и селезни» в Пламстед.

Поначалу Айку Роджерсу и его отряду не везло, но после нескольких совещаний с Ричардом и его товарищами работа закипела вовсю, и вскоре товарищи Айка удостоились похвал черпальщика, уроженца Грейвсенда.

Досаднее всего было то, что новая работа оказалась грязной. С головы до пят заключенные были перепачканы черным зловонным илом, им же были заляпаны цепи, проходящие вдоль борта баржи на уровне пояса, он капал с ковша, брызги летели во все стороны, пока ковш опорожнялся. К концу первой недели новенькая баржа ничем не отличалась от остальных ветхих посудин.

Однажды, спустившись в трюм с лопатой, чтобы разровнять вязкий ил вперемешку с разнообразным мусором, Ричард принял важное решение и обратился к своим товарищам:

— У кого-нибудь из вас стерты ноги?

— У меня, — откликнулся Тэффи. — Здоровый такой волдырь, папочка.

— Тогда сегодня, когда мы вымоемся, я дам тебе целебную мазь, но ты будешь беречь ногу, пока ранка не затянется. Мне надоело слушать, как жидкая слизь хлюпает в башмаках. Как только потеплеет, я попрошу у мистера Партриджа, — его товарищи застыли в ожидании, — разрешения снимать обувь и работать босиком. А до тех пор мы будем босиком спускаться в трюм.

Хорошо еще, заключенным разрешали мыться, что они и проделывали каждый вечер, спускаясь на нижнюю палубу «Цереры». Одного вида ила со дна Темзы было достаточно, чтобы убедить товарищей Ричарда следовать его примеру — раздеваться и мыться с мылом у помпы, тщательно промывая грязные цепи и кандалы. Кроме того, Ричард заключил удачную сделку с Уильямом Стенли из Синда, по условиям которой Мики стал Днем стирать запачканную одежду самого Ричарда и его товарищей. Стирать одежду на корабле не возбранялось — благодаря заботам мистера Дункана Кэмпбелла, хитроумного подрядчика-шотландца.

Беспокоясь о своих доходах, мистер Кэмпбелл распорядился выдать подопечным новую одежду — это случалось раз в год и произошло как раз через четыре дня после прибытия заключенных из Глостера. Каждый обитатель «Цереры» получил две пары штанов из грубой и плотной льняной ткани, две рубашки из той же ткани в клетку и одну куртку без подкладки. Заключенные из Глостера вскоре обнаружили, что неровные швы штанов натирают кожу, но, к счастью, штанины у всех, кроме Ричарда и Айка, спускались ниже щиколоток. Впрочем, рост Айка чудесным образом уменьшился на несколько дюймов, однако, поскольку он был новичком на «Церере», этого не заметил никто, кроме его товарищей из Глостера, а они предпочли держать язык за зубами.

В тюремных штанах человеку среднего роста было незачем подкладывать тряпки под ножные кандалы или надевать чулки для защиты от холодного ветра с Темзы. Ричард, которого Лиззи Лок научила держать в руках иглоу, подрезал слишком длинные штанины Джимми и надставил собственные. Аик предложил Уильяму Стенли кружку джина в обмен на обрезки ткани и попросил Ричарда удлинить ему штаны. Эту грубую одежду заключенные сочли замечательным изобретением. Плотные, хорошо отстирывающиеся штаны цвета ржавчины разительно отличались от привычных панталон того времени, прикрывавших только колени. Если панталоны спереди имели широкий лоскут ткани, держащийся на поясе на пуговицах, то у льняных штанов спереди был вертикальный ряд пуговиц, от гениталий до пояса. Справлять малую нужду в таких штанах было гораздо проще.

Мистер Джеймс Тислтуэйт появился на «Церере» на второе воскресенье после того, как туда привезли заключенных из Глостера. Стоя в дверях, он обменялся дружеским рукопожатием с мистером Сайксом, шагнул через порог и уставился на алые стены камеры, точно не веря своим глазам.

— Джимми! Джимми!

Друзья без стеснения обнялись и отстранились, оглядывая друг друга. С тех пор как они виделись в последний раз, прошло без малого десять лет, и эти десять лет заметно изменили их обоих.

Ричард сразу заметил, что мистер Тислтуэйт производит впечатление процветающего джентльмена. Его костюм цвета красного вина был сшит из лучшей ткани и украшен блестящими пуговицами, на голове красовался пышный парик, шляпа была отделана золотым галуном, а золотой брелок, часы и начищенные до блеска черные сапоги довершали картину. У Джимми округлился живот, лицо пополнело, морщины на нем разгладились, хотя красные жилки на крупном носу приобрели пурпурный оттенок. Водянистые, налитые кровью голубые глаза светились любовью.

На взгляд мистера Тислтуэйта, в Ричарде сосуществовали два человека, по очереди выступающих на первый план, — прежний Ричард и неразрывно связанный с ним новый и неузнаваемый. Господи, как он похорошел! Как ему это удалось? Короткий ежик волос заметно потемнел, а обветренное лицо по-прежнему изумляло безупречной чистотой кожи. Ричард был гладко выбрит и умыт, расстегнутая воскресная рубашка обнажала мускулистую грудь. Неужели ему не холодно? В кроваво-красной камере зуб на зуб не попадал, но Ричард, похоже, совсем не мерз. Его башмаки и чулки тоже были чистыми, а цепи... Боже мой, кандалы на ногах терпеливого, дружелюбного Ричарда Моргана! Видеть их было невыносимо. Но разительнее всего изменились серовато-голубые глаза. Прежде они были мечтательными, в них то и дело мелькала улыбка, придающая лицу мягкое, задумчивое выражение. Теперь же взгляд Ричарда стал прямым и сосредоточенным, мечтательность и улыбка исчезли без следа, а выражение его лица никак нельзя было назвать мягким.

— Ричард, как ты повзрослел! Я ждал любых перемен, но только не этих. — Мистер Тислтуэйт дернул себя за нос и растерянно заморгал.

— Уильям Стенли, это мистер Джеймс Тислтуэйт, — представил Ричард друга морщинистому невысокому человечку, который вертелся поблизости. — А теперь отойди и не мешай нам. Оставьте нас в покое, слышите? Позднее я познакомлю вас с другом. Уединение, — продолжал он, повернувшись к Джимми, — редкостная роскошь на борту «Цереры», однако заполучить ее все-таки можно. Ну присядь.

— Так ты здесь за старшего? — с удивлением спросил Джимми.

— Нет, что ты! Просто при необходимости я умею настоять на своем — впрочем, как и все люди. Быть старшим — значит никому не давать спуску, а я не стал разговорчивее, чем в Бристоле. И власть мне ни к чему. Всею виной обстоятельства, Джимми. Иногда эти люди ведут себя не

лучше, чем овцы, а я не хочу, чтобы их отправили на бойню. За исключением Уилла Коннелли, еще одного бристольца и бывшего ученика Колстонской школы, никто из моих товарищей не умеет думать. А меня от Уилла Коннелли отличает лишь то, что я знаком с кузеном Джеймсом-аптекарем. Если бы не его доброта ко мне, Ричарда Моргана уже давно не было бы в живых. Я стал бы подобием вон тех ирландцев из Ливерпуля, превратился бы в рыбу, вытащенную из воды. — И он расплылся в ослепительной улыбке, взяв мистера Тислтуэйта за руку. — А теперь Расскажи о себе. Каким важным ты стал!

— Я могу позволить себе выглядеть важной особой, Ричард.

— Стало быть, ты женился по расчету, как и подобает истинному бристольтцу?

— Нет, хотя женщины помогают мне зарабатывать деньги. Перед тобой человек, который ублажает дам, сочиняя романы — само собой, под псевдонимом. Чтение романов совсем недавно вошло в моду — вот к чему привело то, что мы позволили женщинам учиться читать, но запретили все остальное! Издание книг и публикация отдельных глав в журналах приносят больший доход, чем сочинение памфлетов. В каждом приходе, округе, поместье и гостинице полным-полно прекрасных читательниц, поэтому моя аудитория велика, как сама Великобритания, тем более что в Шотландии и Ирландии дамы тоже увлеклись чтением. Мало того, мои книги читают и в Америке! — Он состроил гримасу. — Теперь я больше не пью ром мистера Кейва. Сказать по правде, я давно забыл вкус рома. Теперь я смакую только лучший французский коньяк.

— Ты женат?

— Нет, зато у меня есть две любовницы, обе они замужем за сущими ничтожествами. Этого мне достаточно. А теперь Расскажи о себе, Ричард.

Ричард пожал плечами:

— Мне почти нечего рассказывать, Джимми. Три месяца я провел в бристольском Ньюгейте, целый год — в глостерской тюрьме и вот уже две недели нахожусь на борту «Цереры». В Бристолe я читал книги, в Глостере ворочал камни. А на «Церере» я черпаю со дна Темзы грязь, которой не сравниться с бристольским илом в часы отлива. Особенно тяжело бывает находить в этой грязи трупки младенцев.

После этого собеседники перешли к более важным денежным вопросам и заговорили о том, как понадежнее спрятать золотые монеты.

— С Сайксом можно поладить, — сообщил Джимми. — Я сунул ему гинею, и теперь он готов лизать мне сапоги. Так что унывать незачем. Я добьюсь, чтобы Сайкс разрешил покупать любую еду и напитки — не

только тебе, но и твоим друзьям. Ты окреп, но стал тонким, как жердь.

Ричард покачал головой:

— Нет, Джимми, не надо ничего, кроме легкого пива. Здесь почти сотня мужчин, не считая тех двух-трех, которые умирают чуть ли не ежедневно. Каждый заключенный зорко следит за тем, сколько еды достается его товарищам. Нам надо только сохранить те деньги, которые у нас уже есть, и при необходимости попросить у тебя еще немного. Нам посчастливилось встретиться с черпальщиком, который любит свою работу, а на Темзе полно лодок, доставляющих провизию. В полдень на барже мы получаем сытный обед: за два пенса с каждого можно купить что угодно, от соленой рыбы до свежих овощей и фруктов. Айку Роджерсу и его молодежи тоже удалось поладить с черпальщиком.

— Верится с трудом, — с расстановкой ответил Джимми. — Но ты стал целеустремленным, и, похоже, это тебе по душе. Вот к чему приводит ответственность.

— Меня поддерживает вера в Бога. Я не утратил ее, Джимми. Для каторжника мне несказанно повезло. В Глостере Лиззи Лок стерегла мои вещи и научила меня держать в руках иглу. Кстати, шляпа привела ее в восторг — не знаю, как и благодарить тебя. Нам недостает общества женщин — по причинам, которые я объяснял в одном из писем. Зато я сумел сохранить здоровье и не утратил способности мыслить. Здесь, среди одичавших каторжников, мы смогли отвоевать себе нишу — благодаря одному алчному жокею и амбициозному черпальщику, в котором рвение методиста сочетается с пристрастием к рому, табаку и праздности. Сомнительные соседи, но я видал и похуже.

Рядом на столе стоял фильтр Ричарда, и он как бы невзначай погладил его ладонью. По камере с красными стенами пробежали любопытные шепотки и ропот. Гость Ричарда вызвал острую зависть у его соседей. Реакция заключенных на беспечный жест Ричарда заинтриговала мистера Тислтуэйта, которого охватило желание разгадать эту тайну.

— Если у заключенного есть хоть немного денег, алчность — его лучший друг, — продолжал Ричард, дружески прикладывая ладонь к фильтру. — Человеческая жизнь в тюрьме не стоит и тридцати сребреников. Сильнее всего я сочувствую уроженцам Нортумберленда и Ливерпуля — у них и гроша на всех не наберется, они чаще прочих умирают от болезней и безысходности. Но некоторых будто опекает Господь — они выживают. А вот лондонцы, живущие палубой выше, поразительно выносливы и наделены хитростью голодных крыс. Кажется, они живут по иным правилам, словно огромные города — это целые

государства и их жители по-другому воспринимают жизнь, не так, как мы. Но я не верю многому, что слышу о лондонцах здесь, на «Церере». На этот корабль свезли заключенных со всей Англии. Наши тюремщики продажны, среди них полно извращенцев. Не забывай и о существовании таких, как Уильям Стенли из Синда. Он доит заключенных усерднее, чем крестьянка — любимую корову. И все мы — от Хэнкса и Сайкса до пьянчуг, доносчиков, провинциалов, лондонцев и умирающих бедолаг — идем по веревке над огненной пропастью. Шаг в сторону — и мы погибли. — Он глубоко вздохнул, удивленный собственным красноречием. — Ни один человек в здравом уме не назовет нашу жизнь игрой, но у нее с игрой есть немало общего. Чтобы выиграть, необходимы смекалка и везение, и, похоже, везением Бог меня не обделил.

Слушая эту речь, мистер Тислтуэйт вдруг понял, что именно в Ричарде с давних пор интриговало и мучило его. Жизнь Ричарда в Бристоле была подобна колыханию плота, который окружающие тянут в разные стороны, повинувшись своим прихотям. Несмотря на все беды и радости, он оставался пассивным плотом. Даже после исчезновения Уильяма Генри он не обрел руль и паруса. Сили Тревилян вверг его в океанскую пучину, где плоту неизбежно предстояло затонуть. Но в этом океане Ричард встретил товарищей по несчастью, неспособных держаться на плаву, и взял их под опеку. Тюрьма даровала ему путеводную звезду, а его паруса надувала сила воли, о существовании которой в себе Ричард не подозревал. Будучи человеком, которому мало любить самого себя, он посвятил свою жизнь спасению друзей — тех самых, чья судьба вынесла из глостерской тюрьмы на простор чуждых и бурных морей.

Познакомившись с Джеймсом Тислтуэйтом, четырнадцать каторжников, среди которых были Уильям Стенли из Синда и Мики Деннисон, расселись вокруг гостя, приготовившись слушать рассказ о том, что с ними будет дальше.

— Первоначально, — заговорил автор книг, которыми зачитывались все грамотные женщины Великобритании, — каторжников, находящихся на борту «Цереры», предполагалось вывезти на Лимейн — остров посреди огромной африканской реки, не уступающий размерами острову Манхэттен в Нью-Йорке. Там вы наверняка погибли бы от болезней в первый же год. Благодарите Эдмунда Берка за то, что Лимейн и вместе с ним вся Африка были вычеркнуты из списка мест, куда предполагалось вывозить каторжников.

При помощи и подстрекательстве лорда Бошана на протяжении прошедших марта и апреля Берк выискивал недостатки в планах мистера

Питта избавить Англию от преступников. Уж лучше, заявлял Берк, повесить их на месте, чем увозить туда, где смерть станет медленной и гораздо более мучительной. После того как была создана парламентская следственная комиссия, мистеру Питту пришлось отказаться от Африки — вероятно, навсегда. Он был вынужден обратиться к предложению мистера Джеймса Матры и рассмотреть в качестве возможного места каторги Ботани-Бей в Новом Южном Уэльсе. Лорд Бошан особенно напирал на то, что остров Лимейн находится на границе английских владений и территории, где господствуют работорговцы из Франции, Испании и Португалии. С другой стороны, ни одна страна еще не предъявила прав на Ботани-Бей, хотя он и не принадлежит Англии. Почему бы не убить одним выстрелом сразу двух птиц? Во-первых, ворону — крупное пернатое существо с жесткими перьями, похожее на вас, каторжников, содержание которых обходится казне в кругленькую сумму. Во-вторых, перепелку — робкую пичугу с нежным вкусным мясом, то есть возможность извлекать прибыль из освоенных территорий на берегах Ботани-Бей.

Ричард достал книгу и попытался показать товарищам местонахождение Ботани-Бей на одной из карт капитана Кука, но добился более-менее сносного понимания лишь от грамотных заключенных.

Мистер Тислтуэйт предпринял еще одну попытку.

— Далеко ли от Лондона до, скажем, Оксфорда? — спросил он.

— Далеко, — согласился Уилли Уилтон.

— Не меньше пятидесяти миль, — добавил Айк Роджерс.

— А расстояние от Лондона до Ботани-Бей в двести раз больше, чем расстояние от Лондона до Оксфорда. Если путешествие в фургоне из Лондона в Оксфорд длится две недели, то понадобилось бы двести недель, чтобы преодолеть расстояние от Оксфорда до Ботани-Бей.

— Но фурунны не ездят по воде, — резонно возразил Билли Эрл.

— Конечно, — терпеливо согласился мистер Тислтуэйт, — по морям плавают на кораблях, а они движутся быстрее, чем фурунны. В четыре раза быстрее. Это означает, что корабль доплывет из Лондона до Ботани-Бей за год.

— Это в худшем случае, — нахмурившись, уточнил Ричард. — Вспомни жизнь в Бристолe, Джимми. При попутном ветре парусное судно способно покрывать двести миль в день. А если еще учесть время, потраченное на стоянки в портах, на погрузки и разгрузки, то плавание займет не более шести месяцев.

— Не будем вдаваться в тонкости, Ричард. Полгода или весь год — не важно. Главное, Ботани-Бей находится на другой половине земного шара. С

меня довольно, я ухожу. — Внезапно сменив тон, мистер Тислтуэйт поднялся.

«Как невозмутимо Ричард тащит на себе этот крест! Будь я на его месте, я хлопнул бы дверью и вслед за Эдмундом Берком призвал бы правительство повесить всех каторжников. Из этой затеи с Ботани-Бей ничего не выйдет. Это последнее средство, к таким прибегают от отчаяния».

— Пока, — простился он с льстиво хихикающим стражником у дверей. — Еще увидимся.

— Этот мистер Тислтуэйт — настоящий франт, — заметил Билл Уайтинг, усаживаясь на освободившееся место рядом с Ричардом. — Он и есть твой лондонский знакомый, милый Ричард?

Давнее прозвище заставило Ричарда поморщиться.

— Не зови меня так, Билл, — грустно попросил он. — Это напоминает мне о женщинах из глостерской тюрьмы.

— Верно, и мне тоже. Прости. — Билл изменился: от прежнего жизнерадостного остряка не осталось и следа. Атмосфера на «Церере» не располагала к шуткам. Билл задумался. — Поначалу я считал, что Стенли из Синда примкнет к нам, но, похоже, он держится рядом только из корысти.

— А чего еще ты ждал, Билл? Вас с Тэффи застукали с украденными живыми животными, а Стенли из Синда схватили, когда он снимал шкуру с мертвого. Он предпочитает стричь шерсть с тех, кто не станет сопротивляться.

— Не знаю, не знаю, — отозвался Билл с задумчивым видом, который не подходил к его округлому добродушному лицу. — Даже если вы с мистером Тислтуэйтом правы лишь наполовину, нам предстоит долгое плавание. Победа может достаться Стенли. А может, разделимся с ним, да заодно и с Сайксом, пока они не разделились с нами?

Ричард схватил его за плечи и с силой встряхнул.

— Не смей даже думать об этом, Билл, а тем более говорить вслух! У нас есть только один способ выжить — терпеть все, не привлекая к себе внимания тех, кто в силах причинить нам лишние страдания. Можешь ненавидеть их, но ты обязан их терпеть. Все имеет свой конец, и пребывание на «Церере» тоже когда-нибудь закончится. Рано или поздно мы окажемся в Ботани-Бей. Мы уже не молоды, но еще не стары. Как ты не понимаешь — мы победим, если выживем! Об остальном нам незачем беспокоиться.

Время шло, отмеряемое движением ковша черпалки на длинной цепи

— вниз, вверх, туда и обратно. Кучи вонючего ила. Душная палуба «Цереры». Зловонные трупы бедняг, которых раз в неделю хоронили на пустыре близ Вулвича, приобретенном мистером Кэмпбеллом для этой цели. Появлялись новые заключенные, многих вскоре увозили на пустырь. Старожилы плавучей тюрьмы тоже умирали, но товарищам Ричарда и Айка Роджерса пока сопутствовала удача.

Между всеми обитателями нижней палубы, на чью долю выпало множество испытаний, возникли дружеские узы — не считая тех отрядов, с которыми едва могли объясниться все остальные. По прошествии семи месяцев все каторжники перезнакомились между собой, приветственно кивали друг другу, обменивались сплетнями и новостями, а иногда и просто любезностями. Временами вспыхивали драки, но не слишком ожесточенные; порой разгоралась вражда, но поскольку доносчики вроде Уильяма Стенли из Синда держали ухо востро, редко кто из заключенных умирал насильственной смертью.

Как случается среди людей, собравшихся в одном месте по стечению обстоятельств, отдельные песчинки в этом людском море постепенно утрачивали яркую индивидуальность и спрессовывались, образуя однообразные наслоения, пока те не стали упорядоченными. Слушая в течение целого месяца мелодии Генделя и призывы к Гиппократу, обитатели тюрьмы пресытились ими, а отряды Ричарда и Айка завоевали всеобщее уважение и заняли особую нишу в этом обществе. Они не были ни вожаками, ни доносчиками, ни хищниками, но не стали и добычей. Живи сам и не мешай жить другим — вот правило, которому они неуклонно следовали.

У мистера Закери Партриджа не было причин менять мнение о своих рабочих. По мере того как световой день удлинялся, а продолжительность рабочего дня возрастала, ему все чаще приходилось платить пять фунтов за каждую наполненную илом баржу. О таких темпах работы он и не мечтал. Его подопечные превратили и работу, и еду в настоящий ритуал.

Подобно всему многочисленному населению реки — от лодочных торговцев до надзирателей — мистер Партридж отчетливо видел нависший над каторжниками призрак Ботани-Бей. Поэтому он проявлял умеренную щедрость к своим рабочим, зная, что они вскоре покинут страну, а вероятность найти другую столь же слаженную команду ничтожна. По просьбе Ричарда мастеру прислали табак и бочонок превосходного рома. Поэтому, когда Ричарду и его товарищам требовалось что-нибудь купить с лодок, мистер Партридж не возражал — при условии, что куча ила в трюме продолжала расти. С любопытством мастер следил, как его подчиненные

закупают парусину, мыло, башмаки, ножницы, хорошие бритвы, точильные ремни и камни, гребни с частыми зубьями, деготь, солод, белье, толстые чулки, корпию, веревки, прочные мешки, инструменты, скобы и гвозди.

— Вы все свихнулись, — однажды заметил мистер Партридж. — Или решили действовать по примеру Ноя?

— Вот именно, — серьезно отозвался Ричард. — Уместное сравнение. Вряд ли в Ботани-Бей найдутся торговцы с лодками.

Разузнав что-нибудь, Джимми Тислтуэйт спешил поделиться новостью с каторжниками. В августе он сообщил им, что лорд Сидней отправил комиссарам казначейства официальное извещение о том, что семьсот пятьдесят каторжников предстоит переправить в новую колонию в Новом Южном Уэльсе, расположенную на берегах Ботани-Бей. Каторжники должны были пребывать под опекой королевского флота и непосредственным надзором трех гарнизонов морской пехоты, служащие которых подписали контракт на три года начиная с даты прибытия в Новый Южный Уэльс.

— Вас не просто высадят на берег, — объяснял мистер Тислтуэйт, — это ясно как день. Министерство внутренних дел завалено списками грузов, от самих каторжников до рома, и подрядами на их поставку. Впрочем, — он усмехнулся, — в плавание отправятся только мужчины. Женщин привезут с соседних островов — должно быть, так, как римляне привозили сабинянок на Квиринал. Кстати, я принес тебе все тома «Упадка и разрушения Римской империи» Гиббона.

— Черт! — выпалил Билл Уайтинг. — Жены-туземки! Но какие? Туземки тоже бывают разные — черные, красные и желтые, прекрасные, как Венера, и безобразные, как Медуза.

Однако в октябре мистер Тислтуэйт выяснил, что каторжникам не придется обзаводиться женами-туземками.

— Парламент отказался от мысли о сабинянках, ибо всем ясно: туземцы вряд ли будут делиться своими женщинами или даже продавать их. Самые осторожные уже подняли шумиху. Поэтому в плавание отправят и каторжниц — не знаю, сколько именно. Поскольку сорок офицеров берут с собой жен и детей, было решено переправить в Ботани-Бей все супружеские пары, находящиеся в тюрьмах. Должно быть, таких немало.

— Мы видели в Глостере одну такую пару — Бесс Паркер и Неда Пу, — сообщил Ричард. — Понятия не имею, что с ними стало, и узнать о них не у кого. Может, мы с ними еще встретимся в колонии, если они оба выжили. Но какой смысл увозить из страны таких заключенных, как Нед Пу и Лиззи Лок, если они уже отсидели в тюрьме пять из семи лет?

— Не надейся увидеть Лиззи Лок, Ричард. Я слышал, что в колонию вывезут только женщин из лондонского Ньюгейта.

Это известие было встречено дружным пренебрежительным возгласом.

Через неделю в распоряжении каторжников появились новые сведения.

— Уже назначены губернатор и вице-губернатор Нового Южного Уэльса. Капитан королевского флота Артур Филлип получил должность губернатора, а его заместителем стал майор морской пехоты Роберт Росс. Вашими надзирателями будут офицеры флота, а это означает, что вы познакомитесь с кошкой-девятихвосткой. Без этой кошки не в силах обойтись ни один моряк, но от таких кошек не услышишь мяуканья. — Помолчав, Джимми решил сменить тему: — Готовы и приказы об остальных назначениях. В колонии будут действовать законы флота, правительство не понадобится выбирать. Кажется, и прокурором назначили морского офицера. В Ботани-Бей отправятся главный врач и несколько помощников и, разумеется, — ибо как можно жить без старого доброго английского Бога? — священник. Но пока это лишь слухи. Официальных объявлений еще никто не слышал.

— Что за человек этот губернатор Филлип? — спросил Ричард.

Мистер Тислтуэйт фыркнул.

— Ничтожество, Ричард. Поистине ничтожество. Узнав о назначении Филлипа, адмирал лорд Хоу отнесся к нему пренебрежительно, но думается мне, он был не прочь приберечь это тепленькое местечко и тысячу фунтов жалованья в год для какого-нибудь юного племянника. Об этом мне сообщил давний друг, сэр Джордж Роуз, казначей королевского флота. Еще он рассказал, что лорд Сидней остановил выбор на Филлипе после длительной беседы с мистером Питтом, который решил всячески способствовать успеху предприятия. Если эксперимент провалится, правительству предстоит признать, что оно не сумело разрешить насущный вопрос тюрем. Заключение некуда девать, с каждым днем их становится все больше. Беда в том, что ревностные доброхоты ставят каторгу в один ряд с рабством. Поэтому если такой доброхот отстаивает одно, то одновременно выступает и в поддержку второго.

— Каторга мало чем отличается от рабства, — сухо подтвердил Ричард. — Расскажи мне подробнее о губернаторе Филлипе, будущем вершителе наших судеб.

Мистер Тислтуэйт облизнул губы, жалея, что поблизости нет стакана бренди.

— Как я уже сказал, этот человек — ничтожество. Его отец, немец, преподавал языки в Лондоне. Мать, вдова капитана военно-морского флота, приходится дальней родственницей лорду Пемброку. Семья жила бедно, поэтому мальчика отправили в морской корпус — заведение, во многом похожее на Колстонскую школу. После Семилетней войны его перевели на половинный оклад и отправили служить в португальский флот, чем он и занимался несколько лет. Самым крупным судном, каким когда-либо командовал Филлип, был корабль четвертого ранга, который ни разу не участвовал в боевых действиях. Ко времени последнего назначения Филлип успел второй раз выйти в отставку. Он еще не стар, но уже немолод.

Уилл Коннелли нахмурился:

— По-моему, все это выглядит очень странно, Джимми. — Он вздохнул. — Похоже, нас просто выбросят на берег Ботани-Бей, и все. В противном случае на пост губернатора назначили бы, ну, скажем, лорда или по меньшей мере адмирала.

— Назови-ка мне хоть одного лорда или адмирала, который согласился бы отправиться на край света ради жалкой тысячи фунтов в год, Уилл, и я отдам тебе английскую корону и скипетр. — Мистер Джеймс Тислтуэйт злобно усмехнулся: в нем проснулся памфлетист. — На приятное путешествие в Вест-Индию они бы еще согласились, но не в Ботани-Бей! Это западня, откуда нет выхода. Никто не знает, что ждет вас в Ботани-Бей, хотя все охотно допускают, что эти земли истекают молоком и медом, — по той простой причине, что так считать гораздо удобнее. Быть губернатором колонии в Ботани-Бей не согласился бы ни один здравомыслящий человек.

— Ты так и не объяснил нам, почему выбор пал на это ничтожество, — напомнил Айк.

— Сэр Джордж Роуз с самого начала выдвинул кандидатуру Филлипа — потому, что он «имеет опыт и умеет сострадать». Так сказал сам Роуз. А кроме того, Филлип — редкая птица на флоте, он свободно говорит на нескольких иностранных языках. Поскольку его отец-немец преподавал языки, сам Филлип всосал их с молоком матери. Он говорит по-французски, по-немецки, по-голландски, по-испански и по-португальски.

— Но что толку от всех этих языков в Ботани-Бей, если туземцы не понимают ни одного из них? — удивился Недди Перрот.

— Ты прав, толку никакого, но языки помогут вам добраться туда, — объяснил мистер Тислтуэйт, едва сдерживая раздражение. Как Ричарду хватает терпения общаться с этими болванами? — Корабль зайдет в несколько портов, среди которых нет ни одного английского. Тенерифе —

испанский порт, острова Зеленого Мыса — португальские, Рио-де-Жанейро — португальский, а мыс Доброй Надежды — голландский. Это на редкость щекотливая задача, Недди. Ты только представь: десять боевых английских кораблей без предупреждения становятся на якорь в гавани, принадлежащей стране, с которой мы воюем, или высаживают пассажиров на спорной территории! Мистер Питт настоятельно требует, чтобы командующий флотилии установил дружеские отношения с губернаторами всех портов, в которые ей предстоит заходить. Но по-английски там никто не понимает ни единого слова.

— А почему бы не позвать на помощь переводчиков? — спросил Ричард.

— И проводить переговоры в присутствии низших чинов? С португальцами и испанцами? Самыми педантичными, скрупулезными людьми на свете? И с голландцами, которые способны ради своей выгоды облапошить самого дьявола? Нет, мистер Питт настаивает, чтобы сам будущий губернатор проводил переговоры со всеми правителями колоний от Англии до Ботани-Бей. На такое способен лишь капитан Артур Филлип. — И Джеймс презрительно хохотнул. — Вот от каких мелочей порой зависит судьба, Ричард, потому что это вовсе не мелочи. Но кто вспомнит о них потом? Мы завидуем таким людям, как сэр Уолтер Рэли, — лихой флибустьер, близкий друг доброй королевы Бесс. Взмах кружевного платочка, изящная табакерка — и все падают к его ногам. Но если говорить начистоту, мы не жили в те времена, а теперь мир изменился. Кто знает? Может, это ничтожество, капитан Артур Филлип, обладает именно теми качествами, которые требуются губернатору новой колонии. Похоже, сэр Джордж Роуз верит в это. И мистер Питт с лордом Сиднеем охотно соглашаются с ним. А возражения адмирала лорда Хоу несущественны. Конечно, он — первый лорд адмиралтейства, но покамест королевский флот еще не правит Англией.

Слухи множились, а тем временем световой день опять начал сокращаться, и мистер Закеи Партридж все реже выплачивал поощрительные пять фунтов своим подчиненным. Вдобавок в ноябре на две недели зарядили проливные дожди, и каторжников не выводили из опостылевшей камеры. Терпение каждого было на исходе; те отряды, которые получали дополнительную еду от надзирателей или мастеров, с недовольством восприняли переход на рацион «Цереры», качество и количество которого ничуть не изменились к лучшему. Мистер Сайкс уже не решался заходить без сопровождения в многолюдные камеры, а шум, который поднимали лондонцы, разносился по всему кораблю.

Впрочем, заключенные находили свои способы коротать время: поскольку ни джина, ни рома им не давали, оставались азартные игры. Каждому отряду принадлежала по крайней мере одна колода игральных карт или пара костей, на кон чаще всего ставили еду, иногда проигравший выполнял поручения победителя. Особую прослойку образовали те, кто умел читать: почти десять процентов от общего числа заключенных обменивались книгами или выпрашивали их у счастливых владельцев, которые бдительно охраняли свои сокровища. Еще двадцать процентов стирали льняные одеяния от мистера Дункана Кэмпбелла, развешивали их на веревках, протянутых между потолочными балками, и тем затрудняли передвижение по камерам. Хотя нижняя палуба не была перенаселена, пройти по камере семенящим шагом, то и дело наклоняя голову, могло всего пятьдесят человек одновременно. Остальные либо ютились на скамьях, либо лежали на нарах. За шесть месяцев — с июля по декабрь — на «Церере» от болезней умерло восемьдесят человек — почти четвертая часть всех обитателей, равномерно распределенных по двум нижним палубам.

В конце декабря мистер Тислтуэйт смог сообщить друзьям нечто новое. К тому времени круг его слушателей увеличился и теперь включал всех, кто мог понять его, а их число тоже возросло благодаря тесному соседству и общению. Даже самые медлительные деревенщины постепенно перенимали речь тех, кто говорил на английском языке, хоть сколько-нибудь напоминающем литературный, а также начинали улавливать смысл большинства жаргонных выражений — при условии, что их произносили медленно.

— Подряды розданы, — сообщил Джимми слушателям, — из-за них чуть не разгорелась драка. Мистер Дункан Кэмпбелл решил, что извлек достаточную прибыль из своих плавучих тюрем, потому не стал заключать новый контракт. Предложение Маколея и Грегори, согласно которому на одного заключенного приходилось семь пенсов в день, было отклонено. Потерпели фиаско и работоторговцы Кэмден, Калверт и Кинг: лорд Сидней счел неразумным доверять им первую экспедицию, хотя они запросили приемлемую сумму. Подряд получил друг Кэмпбелла, некий Уильям Ричардс-младший. Он называет себя судовым агентом, но этим его интересы не исчерпываются. Разумеется, у него есть партнеры. Насколько я понимаю, Ричардс тесно сотрудничает с Кэмпбеллом. Должен заметить, что большинству моряков, отправляющихся в экспедицию, не позавидуешь: их будут кормить так же, как и каторжников, но при этом ежедневно выдавать ром и муку.

— Сколько всего нас будет? — любопытствовал один узник из Ланкастера.

— На пяти транспортных судах разместятся пятьсот восемьдесят каторжников-мужчин и двести женщин, а также почти двести моряков с женами и детьми. Их будут сопровождать три грузовых судна и боевой корабль королевского флота в роли флагмана.

— Что такое транспортное судно? — спросил йоркширец по имени Уильям Дринг. — Я моряк, родом из Халла, но таких кораблей я не видывал.

— Транспортные суда возят людей, — ровным тоном объяснил Ричард, глядя прямо в глаза Дрингу. — Чаще всего войска за пределы страны. Кажется, сейчас существует несколько таких кораблей, хотя они уже устарели. На них перевозили солдат во время войны в Америке и Семилетней войны. Каботажные транспортные суда возят матросов и солдат вдоль берегов Англии, Шотландии и Ирландии, но они слишком малы. Джимми, в договорах подряда что-нибудь сказано о судах?

— Только то, что они должны иметь форму корабля и быть достаточно крепкими, чтобы выдержать длительное плавание по неизведанным морям. Я полагаю, представители флота осмотрят суда заранее, но насколько тщательным будет этот осмотр — не могу сказать. — Мистер Тислтуэйт перевел дыхание и решил говорить начистоту. Какой смысл пробуждать в этих несчастных напрасные надежды? — Сказать по правде, никто не торопится предложить свои суда для экспедиции. Лорд Сидней рассчитывал на предложение Ост-Индской компании, корабли которой считаются лучшими. В качестве приманки он пообещал направить суда из Ботани-Бей к берегам Китая, за грузом чая, но Ост-Индская компания не клюнула на нее. Она предпочитает отправлять суда в Бенгалию — не знаю почему. Следовательно, в распоряжении лорда Сиднея нет кораблей, которые были бы достаточно прочными для длительного плавания. Возможно, комиссии придется выбирать лучшие суда из самых худших. — Увидев, как омрачились лица каторжников, Джимми пожалел о своей откровенности. — Но не бойтесь, друзья: никто не решится везти вас в Ботани-Бей на дырявых посудинах. Ни один судовладелец не станет рисковать своим имуществом, даже если оно будет застраховано. Нет, я говорю совсем о другом...

Вмешался Ричард:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Джимми: что наши транспортные суда — галеры, невольничьи корабли. Чем же им еще быть? Невольничьи суда стоят в портах с тех пор, как прекратился вывоз

каторжников в Джорджию и Каролину, не говоря уже о Виргинии. Должно быть, немало владельцев галер ищут выгодный фрахт. Эти суда изначально предназначены для перевозки живого груза. В Бристоле и Ливерпуле они десятками качаются у причалов, некоторые из них способны вместить несколько сотен человек.

— Да, это так, — вздохнул мистер Тислтуэйт. — Вы попадете на галеры — те, кого выберут.

— И когда же это будет? — спросил Джо Робинсон из Халла.

— Никто не знает. — Мистер Тислтуэйт обвел взглядом слушателей и усмехнулся. — Зато сегодня сочельник, и я договорился, чтобы всем обитателям нижней палубы «Цереры» выдали по полпинты рома. В плавании вам не видать такой роскоши, так что не пейте его залпом, а смакуйте. — Он отозвал Ричарда в сторону. — Я привез тебе еще одну партию каменных фильтров от кузена Джеймса-аптекаря — Сайкс принесет их позже, не беспокойся. — Он раскинул руки и обнял Ричарда так крепко, что никто не заметил, как он сунул мешочек с гинейми в карман куртки друга. — Вот и все, что я могу сделать для тебя, дорогой друг. Если сможешь — пиши мне.

— У меня предчувствие, — произнес Джо Лонг за ужином пятого января тысяча семьсот восемьдесят седьмого года и поежился.

Остальные внимательно уставились на него: простак Джо обладал даром предвидения и редко ошибался.

— С чего бы это, Джо? — спросил Аик Роджерс.

Джо покачал головой:

— Не знаю. Просто предчувствие, и все.

Но Ричард понял, в чем дело. Завтра наступало шестое января, а вот уже два года именно шестого января он попадал в следующий круг ада.

— Джо чувствует приближение перемен, — объяснил он. — Сегодня же надо собрать вещи, вымыться, постричь волосы как можно короче, вычесать вшей и пометить всю одежду, мешки и сундуки. Утром нас увезут отсюда.

У Джоба Холлистера задрожали губы.

— Нас могут еще не выбрать...

— Может быть. Но по-моему, Джо не ошибся.

«Спасибо тебе, Джимми Тислтуэйт, за эти пол пинты рома.

Сегодня вечером, когда обитателей „Цереры“ сморит сон, я успею спрятать гиней в сундуки, и об этом никто не догадается».

Часть 4

Январь 1787 года — январь 1788 года

На рассвете надзиратели выбрали шестьдесят человек, десять отрядов по шесть человек в каждом, и оставшиеся семьдесят три заключенных вздохнули с нескрываемым облегчением. Никто не знал, кто и каким образом составил списки, но мистер Хэнкс и мистер Сайкс сверялись с ними. Среди выбранных оказались заключенные всех возрастов, от пятнадцати до шестидесяти лет, большинство из них не знали никаких ремесел, некоторые были больны. Но мистера Хэнкса и мистера Сайкса это не заботило: они действовали согласно спискам и не вдавались в обсуждения.

Уильям Стенли из Синда и эпилептик Мики Деннисон чуть не запрыгали от радости, узнав, что их нет в списке. На нижней палубе «Цереры» им жилось привольно, тем более что вскоре ожидалось прибытие новых заключенных.

— Ублюдки! — прошипел Билл. Уайтинг. — Только посмотрите, как они радуются!

Дверь открылась, в камеру втокнули четверых новичков. Уилл Коннелли и Недди Перрот одновременно вскрикнули, узнав их.

— Краудер, Дэвис, Мартин и Моррис из Бристоля, — объяснил Коннелли. — Должно быть, их только что привезли.

Билл Уайтинг многозначительно подмигнул Ричарду и закричал:

— Мистер Хэнкс! Мистер Хэнкс!

— Чего тебе? — отозвался мистер Герберт Хэнкс, подкупленный щедрым Джеймсом Тислтуэйтом и пообещавший позаботиться об отрядах Ричарда и Айка, если они окажутся в числе выбранных. Хэнкс намеревался сдержать свое обещание — по той простой причине, что мистер Тислтуэйт предупредил его: на судне у него есть свои соглядатаи. — Ну, говори!

— Сэр, эти четверо из Бристоля. Они есть в списке?

— Есть, — нехотя выговорил мистер Хэнкс.

Шутник Билл Уайтинг искоса взглянул на Ричарда, а потом на его лице отразилось неподдельное благоговение перед мистером Хэнксом.

— Но их всего четверо, сэр, а нам так грустно расставаться со Стенли и Деннисоном. Нельзя ли взять их с собой?

Мистер Хэнкс сверился со списком.

— Двое парней из списка вчера умерли. А этих четверо — слишком много или слишком мало. Вместе со Стенли и Деннисоном будет в самый раз.

— Получилось! — шепотом возликовал Уайтинг.

— Ну спасибо тебе, болван! — процедил Айк сквозь зубы. — Всю жизнь мечтал отбывать каторгу бок о бок с этой парочкой.

Недди Перрот хихикнул.

— Поверь мне, Айк, таких ловкачей и задир, как Краудер и Дэвис, надо еще поискать. Они живо приструнят Уильяма Стенли из Синда.

— И потом, Айк, — добавил Уайтинг с ангельской улыбкой, — нам пригодятся прачки и поломойки.

На каторжников надели пояса с замками и наручники, но не пропустили ножные цепи через замки: вместо этого длинными цепями сковали пояса шестерых узников. Причитая оттого, что они не успели собрать все свои вещи, Стенли и Деннисон очутились в одном ряду с четырьмя новичками из Бристоля.

— Итак, нас шестьдесят шесть человек, или одиннадцать отрядов, — заключил Ричард.

Айк поморщился.

— Почти столько же, сколько лондонцев.

Но вскоре они обнаружили, что Айк ошибся. С первой нижней палубы наверх вывели только шесть отрядов по шесть человек, причем отнюдь не бывших обитателей лондонского Ньюгейта: большинство каторжников были родом из окрестностей Лондона, многие — из Кента, особенно из Дептфорда. Никто не знал, почему выбрали именно этих людей, даже мистер Хэнкс, который просто выполнял распоряжения начальства. Вся экспедиция была загадкой для тех, кто отправлялся в нее и кто оставался на прежнем месте.

С сундуком и двумя холщовыми мешками за спиной Ричард оглядел собравшихся: один отряд из Йоркшира и Дарема, один — из Йоркшира и Линкольншира, один из Гемпшира, три из Беркшира, Уилтшира, Суссекса и Оксфордшира и еще три — из западного графства. Попадались и заключенные из других округов. Но Ричард, любивший разгадывать головоломки, уже давно понял: некоторые графства Англии исправно поставляли в тюрьмы заключенных, а другие — к примеру, Камберленд и окрестности Лестершира — отнюдь не способствовали росту числа узников. Почему так получалось? Может, в тех районах людям живется лучше? Или все дело в их малонаселенности? Нет, Ричард придерживался иного мнения: все дело в судьях.

Возле борта «Цереры» ждали два больших лихтера. Три отряда с запада и два из окрестностей Йоркшира с трудом поместились на первый, а шесть оставшихся втиснули на второй. Около десяти часов этим ясным и холодным утром гребцы вывели лихтеры на середину реки и погнали их вниз по течению к повороту Темзы на восток от Вулвича, где река достигала полумили в ширину. Вести о начале экспедиции уже разнеслись по округе, и владельцы лодок, черпалок и других легких судов махали руками, пронзительно свистели и кричали вслед лихтерам, а заключенные на тяжело осевшем втором лихтере молились лишь о том, чтобы ни одна посудина не подплыла близко и не подняла волны.

За поворотом располагался Гэллион-Рич, пристань для больших судов, у которой в тот день покачивалось только два корабля, причем один был на две трети длиннее второго. У Ричарда упало сердце. Судно не изменилось ни на йоту: барк с полным парусным вооружением поднимался над ватерлинией на целых четырнадцать футов — это означало, что на борту нет никакого груза. Он не имел ни юта, ни полубака — только шканцы да кормовую надстройку возле фок-мачты. Конструкцию корабля упростили до предела, чтобы увеличить скорость.

Ричард переглянулся с Коннелли и Перротом.

— «Александр», — глухо выговорил Недди Перрот.

Ричард сжал губы.

— Да, это он.

— Ты его знаешь? — спросил Айк.

— И мы тоже, — мрачно подтвердил Коннелли. — Это невольничье судно из Бристоля, в недавнем прошлом каперское. Он прославился тем, что на нем часто умирали матросы и пассажиры.

Айк сглотнул.

— А второй?

— Этот корабль мне не знаком, он не из Бристоля, — ответил Ричард. — Но к обшивке на корме должна быть привинчена бронзовая табличка с названием, и мы наверняка сумеем разглядеть его. Нас везут на «Александр».

На табличке незнакомого судна значилось «Леди Пенрин».

— Это судно из Ливерпуля, оно с самого начала предназначено для перевозки рабов, — сообщил Аарон Дэвис, один из новичков. — Судя по виду — новенькое, как с иголки. Первое плавание девственницы! Должно быть, лорд Пенрин в отчаянии.

— На «Леди Пенрин» не видно ни души, — заметил Билл Уайтинг.

— Не беспокойся, скоро там будет негде ступить, — отозвался Ричард.

Им пришлось карабкаться вверх по веревочной лестнице длиной двенадцать футов. Даже тем, кто не был обременен сундуками, подъем дался нелегко: цепи запутывались в веревочных ступенях, и никто не спешил на помощь.

К счастью, цепи, сковывающие вместе шестерых заключенных, свободно двигались под поясами, расстояние между узниками могло увеличиваться или сокращаться.

— Встаньте вплотную друг к другу и дайте мне всю цепь, — распорядился Ричард, когда пришла очередь его отряда. Забросив оба мешка за спину, он обхватил рукой сундук и поспешно подошел к лестнице, чтобы никто не воспользовался случаем и не сорвал мешки у него с плеча. Поднявшись на борт корабля, он отставил сундук в сторону и начал принимать вещи, которые протягивали ему товарищи.

Два баркаса и шлюпка «Александера» были спущены на воду, поэтому Ричард без труда нашел на палубе свободное место и отвел туда свои три отряда. Оглядевшись, он поначалу пришел в замешательство: пехотинцы в алых куртках стояли поодаль, недружелюбно хмурясь, два морских офицера и два капрала возились с вращающимся орудием, заряженным картечью и установленным на планшире шканцев, а пестрое сборище матросов расселось на снастях, точно зрители во время боксерского матча.

Что же будет дальше? Поскольку спросить было не у кого, Ричард ждал, чувствуя, как его замешательство нарастает. Задолго до того, как все одиннадцать отрядов поднялись на палубу, она стала напоминать зверинец — сходство с ним палубе придавали десятки коз, овец, свиней, гусей и уток, за которыми носились лающие псы. Ощувив на себе чей-то пристальный взгляд, Ричард поднял голову и увидел огромного рыжего кота, который уютно устроился на выступающем бруске и с циничным и скучающим видом созерцал царящий на палубе хаос. Знакомых надзирателей Ричард не увидел: они остались на «Церере», чтобы наблюдать за перевозкой.

— Солдаты... — прошептал Билл Эрл из уилтширской деревушки.

— Морские пехотинцы, — поправил Недди Перрот. — Видишь белые нашивки? У солдат нашивки бывают цветными.

Наконец первый лейтенант морской пехоты лихо спустился со шканцев и с отвращением обвел палубу взглядом светло-голубых глаз.

— Я — первый лейтенант пятьдесят пятой плимутской роты Джеймс Шарп, — заговорил он с резким шотландским акцентом. — Вы, каторжники, подчиняетесь только мне и морским пехотинцам его величества. В наши обязанности входит кормить вас и следить за тем,

чтобы вы никому не мешали, в том числе и нам. Вы должны исполнять приказы и молчать, пока вам не разрешат говорить. — Он указал на рубку над люком возле грот-мачты. — Отправляйтесь вниз по одному отряду, не забудьте захватить свои вещи. Сержант Найт и капрал Фланнери проводят вас и покажут ваши места. Имейте в виду, вы должны занять те отсеки, которые вам укажут, и не менять их. Переключки и пересчеты будут проводиться каждый день. Каждому полагается двадцать дюймов места, не больше и не меньше: нам предстоит разместить двести десять человек, а места на нижней палубе мало. Порки полагаются за драки, за кражу еды, за пререкания, за неуместные требования. Пороть вас будет капрал Сэмпсон, а он знает свое дело. Если вы хотите лежать на спине, а больше вам ничего не разрешается, поберегите ее. А теперь ступайте. — Он повернулся и строевым шагом промаршировал на шканцы, к орудию.

Хотя среди заключенных шотландцы попадались редко, Ричард научился распознавать шотландский акцент и теперь сразу угадал в Шарпе уроженца гор. Особенно часто Шарп употреблял устаревшую форму слова «вы» — как и сам Ричард, когда спешил или не придавал своим словам значения. Значит, этот морской офицер родом из Шотландии: Ричард уже знал, что на флоте служит немало шотландцев.

Сержант Найт и капрал Фланнери скрылись в рубке над люком. Рассудив, что под лежащий камень вода не течет, Ричард взмахнул рукой и повел три своих отряда к шестифутовому отверстию в настиле палубы. «Господи, спаси нас и помоги!» — молился он, сбрасывая два своих мешка в отверстие люка и принимая из рук Билла Уайтинга сундук. Внизу, на расстоянии четырех футов, виднелся узкий дощатый стол. Ричард присел на край отверстия и прыгнул прямо на стол, а затем велел Биллу подтянуть цепь и следовать за ним. Наконец все шестеро каторжников спустились вниз, переступили со стола на скамью, а затем на пол и обнаружили рядом еще один стол с длинными скамьями. Все предметы были накрепко привинчены к полу.

— Встать! — рявкнул сержант.

Каторжники поднялись и выстроились между столами, в проходе шириной не более шести футов. Они уже сообразили, что стоят вдоль левого борта судна. К внутренней обшивке левого борта были приколочены два яруса нар, напоминающих нары на «Церере», но двойные. Все нары были крепко прибиты к подпоркам и имели изогнутый наружный край, повторяющий изгиб борта, что придавало им почти изысканный вид. Даже в порыве бешенства никто не сумел бы разметать эту солидную конструкцию. Через каждые десять футов нары разделяли перегородки,

верхний ярус располагался на два фута с небольшим ниже верхней палубы, а нижний — на два фута выше настила нижней палубы. Расстояние между двумя ярусами нар немногим превышало два фута. Поскольку даже Айк Роджерс мог стоять прямо между потолочными балками, Ричард подсчитал, что высота нижней палубы достигает семи футов; от его собственной головы до балок оставалось полдюйма.

— Здесь вы будете спать, — объяснил сержант зловещего вида и осклабился, обнажив гнилые зубы. — Лезьте вон туда, на верхний ярус, в первый отсек от переборки, и называйте свои имена и номера. Капрал Фланнери — ирландец, грамота не дается ему. Ну, живо!

— Ричард Морган, номер двести три, — произнес Ричард, поставил ногу на нижние нары и вместе с вещами забрался на верхний ярус. Скованные с ним цепью товарищи разместились в том же отсеке. Отряд Айка занял соседний верхний отсек, отделенный от отсека Ричарда тонкой дощатой перегородкой, прибитой к балке, которая тянулась от левого до правого борта. Стенли, Мики Деннисон и четверо новичков из Бристоля расположились под нарами Ричарда, а шесть северян, в том числе двое матросов из Халла, Уильям Дринг и Джо Робинсон, — под нарами Айка.

— А здесь уютно! — заметил Билл Уайтинг и ухмыльнулся. — Всю жизнь мечтал спать с тобой, милый Ричард.

— Заткнись, Билл! На палубе полно овец.

Шестеро человек втиснулись в пространство длиной десять футов, шириной шесть футов и высотой двадцать семь дюймов. В такой тесноте они могли только лежать или сидеть согнувшись, как гномы, и каждый из них боролся со свинцовым грузом отчаяния. Сундуки и мешки тоже занимали место, а его и без того недоставало. Джимми Прайс расплакался, Джо Лонг и Уилли Уилтон причитали, повторяя: «Господи, что же с нами будет?»

Середину помещения занимали три стола и шесть скамей, а вдоль правого борта располагались еще два яруса нар. На нижней палубе господствовала темнота, никому из каторжников не удавалось определить, насколько велико помещение и как оно выглядит. На стол один за другим спрыгивали скованные цепью каторжники, их выстраивали в проходе между столами и отправляли на нары. Когда шесть из одиннадцати отрядов заняли все нары по левому борту, сержант Найт начал отправлять прибывающих к правому и указывать им на отсеки между кормовой и носовой переборками.

Оправившись от первого потрясения, Ричард призвал на помощь силу воли. Если он не вмешается, вскоре все вокруг будут рыдать, а это

недопустимо.

— Сначала разберемся с сундуками, — решительно заявил он. — Пока поставим их вертикально, прислонив к обшивке, — между ними хватит места, чтобы вытянуть ноги. Нам повезло, что все твердые предметы у нас в сундуках, а мешки набиты одеждой и тряпьем, — они и послужат нам подушками. — Пощупав жесткий тюфяк, на котором он сидел, Ричард передернулся. — Если одеял нам не дадут, будем греться, прижавшись друг к другу. Джимми, не плачь, прошу тебя. Слезам здесь не поможешь. — Ричард перевел взгляд на перегородку между его отсеком и отсеком Айка. — Если я сумею раздобыть отвертку и крючки, мы подвесим часть вещей к балке. Ну, выше нос! Мы выживем!

— Я хочу спать у стенки, — всхлипывая, заявил Джимми.

— Ни в коем случае! — поспешил возразить Уилл Коннелли. — Мы будем лежать головами к краю нар, чтобы свешиваться над полом. Не забывай: скоро мы выйдем в море, и всех одолеет морская болезнь.

Билл Уайтинг рассмеялся.

— Вы только подумайте, как нам повезло! Нас будет рвать на тех, кто лежит внизу, а над нами никого нет!

— Вот и славно, — подхватил Недди Перрот и свесился с нар. — Эй, Томми Краудер!

Краудер вскинул голову.

— Чего тебе?

— Мы будем плевать прямо на вас!

— Только попробуй, и я сам отделаю тебя!

— Кстати, — продолжал Ричард, прервав опасный разговор товарищей, — вся балка свободна — до самого правого борта. Попробуем превратить ее в полку для лишних вещей — для сундуков, мешков с книгами и запасных фильтров. Похоже, сержант Найт не откажется от лишней пинты рома, а мы попытаемся выменять на ром доски, скобы и веревки. Ничего, ребята, мы справимся!

— Ты прав, Ричард, — отозвался Аик, выглядывая из-за перегородки. — Мы справимся. Это лучше, чем воровать и мошенничать.

— Тем более что воров рано или поздно ждет петля. А нам еще улыбнется удача, — пообещал Ричард, радуясь, что его слышат Аик и его товарищи.

В новой тюрьме царил почти непроглядный мрак, свет сочился только в отверстие люка. В закрытом помещении с затхлым воздухом стояла чудовищная вонь пота, гнилой рыбы и испражнений. Никто из каторжников не знал, сколько времени они провели на нижней палубе. Наконец люк

закрыли железной решеткой, пропускавшей свет, и открыли еще один люк в передней части помещения. Но даже дополнительное освещение не помогло заключенным определить, как выглядит их тюрьма. Каторжники негромко переговаривались, многие плакали, некоторые внезапно вскрикивали и тут же замолкали — Ричард не знал, кто и каким образом заставлял их умолкнуть. Тяжкая безысходность охватила всех новых обитателей нижней палубы.

— О Господи! — вдруг с отчаянием воскликнул Уилл Коннелли. — Я же не смогу читать! Я сойду с ума, я точно свихнусь!

— Вряд ли, — уверенно перебил его Ричард. — Когда мы устроимся на новом месте и разложим вещи, то сразу подумаем о том, как использовать единственное средство от безумия, которое у нас осталось, — наши голоса. Мы с Тэффи умеем петь, и я уверен, остальные нас поддержат. Будем петь хором, загадывать загадки, играть в шарады, рассказывать разные истории и шутить. — Он попросил своих товарищей поменяться местами, чтобы самому сесть возле отсека Айка. — Слушайте меня все, кто слышит! Мы научились коротать время так, как сможем, и не сойдем с ума. Мы привыкнем к вони и к темноте. Если мы свихнемся, победа останется за нашими противниками, а этого я не хочу. Мы должны победить!

Некоторое время все молчали, но никто не плакал. «Слезы еще будут, — думал Ричард, — будут непременно».

Два моряка прошли по камере от кормы к носу, собирая железные пояса и сковывавшие узников цепи. От кандалов их не освободили. Обретя свободу движений, Ричард подполз к краю нар, взглядом разыскивая ведра, заменяющие ночную посуду. Сколько их здесь будет? Часто ли их разрешат опорожнять?

— Ведра под нашими нарами, — сообщил Томас Краудер. — По одному на шестерых — здесь, под нарами, стоят два ведра. Нары! Удачное название для этого ложа, достойного Прокруста!

— Ты наверняка умеешь читать, — отметил Ричард, спускаясь на нижний ярус нар и со вздохом вытягивая ноги.

— Да, и Аарон тоже. Он из Бристоля, а я — нет. Но меня привезли в Бристоль после того, как я бежал с «Меркурия». Меня поймали с поличным. На нас с Аароном донес сообщник. Мы пытались подкупить полицейских — в Лондоне это, сошло бы нам с рук, а в Бристоле дело не выгорело. Там слишком много квакеров и сплетников.

— Значит, ты родом из Лондона.

— А ты, судя по выговору, из Бристоля. Я знаком с Коннелли,

Перротом, Уилтоном и Холлистером, но тебя в бристоальском Ньюгейте не встречал.

— Я Ричард Морган из Бристоля, но меня судили в Глостере.

— Я слышал, что ты говорил о развлечениях. Мы присоединимся к вам, если света не хватит, чтобы играть в карты. — Краудер вздохнул. — А я считал «Меркурий» земным адом! На «Александере» всем нам придется несладко, Ричард.

— А чего еще ты ждал? Эти корабли были построены для перевозки рабов, но вряд ли они вмещали столько же рабов, сколько и каторжников. Нам еще повезло: судя по тому, что в камере есть столы, есть мы сможем сидя.

Краудер фыркнул:

— Знаем мы, как стряпают корабельные коки!

— А ты думал, тебе будет готовить пищу повар с постоянного двора «Куст»? — Ричард полез наверх, чтобы сообщить своим товарищам о том, где находятся ведра, и достать фильтр. — Теперь профильтрованная вода придется особенно кстати. Зато нам незачем опасаться, что кто-нибудь украдет у нас фильтры. — И он сверкнул зубами, усмехнувшись. — Насчет Краудера и Дэвиса ты был прав, Недди. Им палец в рот не клади.

Когда наступило время обеда, двое дюжих рядовых пехотинцев, явно недовольных своими новыми обязанностями, внесли в камеру фонари. Каждый стол имел длину около сорока футов, всего в камере поместилось шесть скамей, и хотя все они были заняты, сосчитав заключенных по головам, Ричард обнаружил, что шестого января тысяча семьсот восемьдесят седьмого года на «Александер» доставили только сто восемьдесят человек. А лейтенант Шарп сказал, что их будет больше двух сотен. Далеко не все обитатели камеры были привезены с «Цереры» — многих прежде держали на «Блюстителе» и «Юстиции». Каторжники с «Юстиции» едва сумели дотащиться до столов. Среди них свирепствовала какая-то болезнь, от которой поднимался жар и ломило кости, но на тюремную лихорадку она не походила. Впрочем, среди каторжников хватало и тех, кто страдал тюремной лихорадкой.

Каждому заключенному полагались деревянная миска, жестяная ложка и жестяной ковш, вмещающий две кварты.^[14]

На человека в день выдавали две кварты воды. Обед состоял из черствого темного хлеба и небольшого ломтика вареной солонины. Заключенные с гнилыми зубами пытались разломать хлеб на кусочки ложками, но тонкие ложки гнулись.

Ричард сразу понял: обосновавшись рядом с кормовым люком камеры,

он получил дополнительные преимущества. Поразмыслив, он решил рискнуть и предложить помощь двум пехотинцам, которые действовали на редкость неумело.

— Можно вам помочь? — спросил он, робко улыбаясь. — Дело в том, что я служил в таверне...

Мрачное лицо рядового удивленно вытянулось и вдруг просияло.

— Да, нам не помешает помощь. Двух человек явно недостаточно, чтобы накормить без малого две сотни каторжников, это уж точно.

Некоторое время Ричард молча передавал сокамерникам миски и ковши, быстро распределив обязанности между собой, молодым пехотинцем, к которому он обратился, и его товарищем.

— Вы чем-то недовольны? — неожиданно спросил он у пехотинцев, понизив голос.

— Нашим кубриком — там потолки еще ниже, чем здесь, помещение набито до отказа. И кормят нас не лучше, чем каторжников, — черствым хлебом да солониной. Правда, — честно добавил он, — нам еще дают муку и полпинты сносного рома.

— Но вы же не каторжники!

— На этом корабле, — раздраженно вмешался второй рядовой, — морских пехотинцев не отличают от каторжников. Матросов поселили там, где должны были жить мы. Свет и воздух попадают в наше помещение через люк в полу их каюты — она находится вон за той кормовой переборкой, а мы ютимся в трюме. Нам говорили, что «Александр» — двухпалубное судно, но никто не предупредил, что вторую палубу превратят в трюм, потому что груза много, а настоящего трюма на «Александрере» нет.

— Это невольничье судно, — объяснил Ричард, — настоящий трюм ему ни к чему. Его капитан привык помещать грузы на нижнюю палубу, негров — там, где сейчас находимся мы, а экипаж — в кормовой отсек. Полубака для команды здесь ист. А ют — владения капитана. — Он искренне сочувствовал морякам. — Насколько я понимаю, ваши офицеры поселились на юте?

— Да, в кладовой, а питаются они вместе с нами: доступа к кладовой капитана у них нет, — объяснил рядовой, который раскладывал по мискам солонину и хлеб. — Их не пускают даже в большую каюту — ее занимают сам капитан и его первый помощник, настоящий франт. На такие корабли мне еще не доводилось попадать. Впрочем, обычно я бывал на боевых судах.

— Когда на борт привезут груз, вы окажетесь ниже ватерлинии, —

задумчиво произнес Ричард. — «Александр» возьмет в плавание не только каторжников, но и грузы. Если плавание затянется хотя бы на два месяца, нам понадобится почти двадцать тысяч галлонов одной воды.

— Для хозяина таверны ты слишком многое знаешь о кораблях, — заметил пехотинец, который разливал воду.

— Я родом из Бристоля, а там все разбираются в судах. Кстати, меня зовут Ричард, а вас?

— Я — Дэви Эванс, а он — Томми Грин, — ответил рядовой, разливающий воду. — Пока мы ничего не можем поделаться, но через неделю, как только прибудем в Портсмут, все изменится. Майор Росс сразу приструнит капитана Дункана Синклера.

— Майор Росс? Ваш начальник и вице-губернатор?

— А ты и это знаешь?

— Да, от друга.

Пока Ричард пропускал через фильтр свою воду, в голове у него вертелась уйма вопросов. «Владельцы судна получили подряд, сообщив вымышленную историю „Александера“ и умолчав о том, что на нем не хватит места и пехотинцам, и каторжникам. Похоже, подрядчики действительно не видели между ними разницы. Значит, через неделю судно будет в Портсмуте. Судя по всему, и капитан Дункан Синклер, и майор Роберт Росс — шотландцы. Похоже, раздоры между ними неминуемы».

* * *

Но ни на этой, ни на следующей неделе «Александр» так и не отплыл в Портсмут — он по-прежнему стоял на якоре у берега Темзы. Лишь десятого января корабль снялся с якоря под аккомпанемент стонов и жалоб тех, кто боялся морской болезни, но доплыл лишь до Тилбери, да и то на буксире. Находясь в спокойных водах Темзы, «Александр» только слабо покачивался.

К тому времени на борт доставили сто девяносто каторжников, но вскоре двое из них умерли, и лейтенант Шарп распорядился соорудить отдельные нары для больных, дабы успокоить недовольных и избежать бунта. С каждым днем на нижней палубе то прибавлялось по одному человеку, то убавлялось по два, поэтому, несмотря на все старания, Ричарду не удавалось насчитать больше двухсот каторжников.

Немало страданий узникам причиняли кандалы, но сержант Найт, охотно предоставивший заключенным доски, скобы и все остальное в

обмен на деньги, тем более что в пристрастии к рому его уличил не только Ричард, ноотрез отказался освободить их от этой обузы. Закипающее недовольство каторжников вылилось в яростную демонстрацию гнева, когда один из них вдруг был помилован. На нижней палубе поднялся оглушительный стук, крик и топот ног. Чтобы раздать заключенным еду и воду, пехотинцам пришлось установить над люком оружие и вооружиться мушкетами. Лишь после этого они поняли, как трудно справиться с двумя сотнями разъяренных мужчин.

Представитель верховной власти на корабле капитан Дункан Синклер распорядился снять с каторжников наручники и каждый день разрешил им по несколько минут гулять по верхней палубе. Но поскольку за каждого сбежавшего каторжника капитану предстояло заплатить сорок фунтов из своего кармана, на воду спустили все шлюпки, которые непрерывно кружили вдоль бортов «Александера».

Несколько минут пребывания на открытой палубе доставляли Ричарду ни с чем не сравнимое наслаждение. Его ножные кандалы становились легкими, как перышки, свежий воздух благоухал, как желтофиоли и фиалки, мутная река напоминала серебряную ленту, а видеть резвящихся животных было гораздо приятнее, чем совокупляться с Аннемари Латур. Оказалось, что почти каждому пехотинцу и половине членов экипажа принадлежат собаки: среди них были и бурые гончие, и брыластые бульдоги, и глупые спаниели, и терьеры, и великое множество дворняжек. У огромного рыжего кота и его полосатой подруги недавно родилось шесть котят, многие свиньи и овцы вскоре должны были принести приплод. Утки и гуси свободно разгуливали по палубе, а цыплят держали в клетке возле камбуза.

После первой же прогулки тюрьма показалась Ричарду гораздо более сносной, и он был не одинок в своих чувствах. Едва каторжников освободили от ручных кандалов, их недовольство утихло: никому не хотелось лишаться драгоценной прогулки.

Во время третьей прогулки Ричард наконец увидел капитана Дункана Синклера и изумленно замер. Какая жирная туша! Наверняка любитель плотно закусить. Но как же он мочится, если его руки с трудом достают до пениса? Притворяясь кротким и смиренным, делая вид, будто в его лексиконе и в помине нет слова «побег», Ричард прошелся по палубе от левого до правого борта, держась поближе к шканцам, где застыл капитан Синклер. На мгновение их взгляды скрестились; заглянув в пронизательные серые глаза, Ричард почтительно склонил голову и зашагал прочь. Нет, несмотря на внушительные размеры, капитан вовсе не

был ходячим сальным пудингом. Да, он казался неповоротливым, но наверняка принял бы даже вызов, брошенный самим дьяволом. Какая буря разразится в Портсмуте, когда капитан и майор Росс заспорят о том, где будут жить пехотинцы! Ричард пожалел, что никогда не узнает о том, что произошло между капитаном и майором. Впрочем, Дэви Эванс и Томми Грин наверняка сообщат ему исход спора.

К концу января к причалу Тилбери подошло еще два судна: огромный боевой корабль шестого ранга и узкий патрульный. Когда пришла очередь Ричарда гулять по палубе, он подошел к борту на носу и пристально уставился на суда — слух об их прибытии уже разнесся по тюрьме. По взаимному согласию Ричард и его пятеро товарищей на палубе расходились в разные стороны, чтобы немного отдохнуть друг от друга. Никто из каторжников даже не пытался сбежать, и пехотинцы немного успокоились. Пока каторжники вели себя тихо и никому не мешали, их старались не тревожить. Поэтому сейчас Ричард стоял в полном одиночестве, положив руки на борт и глядя вдаль. Ему и в голову не приходило, что именно за ним пристально наблюдает один из членов экипажа.

— Эти суда будут сопровождать нас в Ботани-Бей, — произнес незнакомый приятный голос, явно принадлежавший обаятельному человеку.

Обернувшись, Ричард увидел перед собой человека, про которого знал только, что это четвертый помощник капитана «Александера». Предстояло дальнейшее плавание, поэтому экипаж был многочисленным и включал четырех помощников капитана и четырех вахтенных офицеров. Рослый, гибкий, не лишенный той привлекательности, которую кое-кто счел бы смазливостью, четвертый помощник был темноволосым, с большими глазами, окаймленными густыми ресницами. Синие, как васильки, глаза лукаво поблескивали.

— Стивен Донован из Белфаста, — представился он.

— Ричард Морган из Бристоля. — Слегка попятившись и тем самым подчеркнув неравенство положений, Ричард улыбнулся. — Вы что-нибудь знаете об этих кораблях, мистер Донован?

— Большой — старое грузовое судно «Бервик». Недавно его отремонтировали, чтобы превратить в линейный корабль, и переименовали в «Сириус» — это название южной звезды первой величины. Вооружение — шесть карронад и четыре шестифунтовых орудия, но думаю, губернатор Филлип не покинет порт, пока на борт не доставят не менее четырнадцати шестифунтовых пушек. Впрочем, я не виню его: на «Александре» четыре двенадцатифунтовых орудия и пушка,

стреляющая картечью.

— «Александр» был не только невольничьим судном, — непринужденно вступил в разговор Ричард, — но и капером с шестнадцатью двенадцатифунтовыми пушками. Даже с четырьмя орудиями он способен одолеть любого противника — разумеется, если тот его догонит. «Александр» способен покрывать двести морских миль в день при попутном ветре.

— С бристольтцем приятно побеседовать! — заметил мистер Донован. — Вы моряк?

— Нет, хозяин таверны.

Любопытные ярко-синие глаза устремились на Ричарда.

— Вы не похожи на хозяина таверны.

Не сразу сообразив, к чему клонит четвертый помощник, Ричард сделал вид, будто не уловил намек.

— Я пошел по стопам отца, — спокойно откликнулся он.

— Я часто бывал в Бристоле. В какой таверне вы служили?

— В «Гербе бочара» на Брод-стрит. Она по-прежнему принадлежит моему отцу.

— А его сын вскоре отправится в Ботани-Бей. Хотелось бы знать, за какую провинность? На пьянчугу вы не похожи, вы наверняка получили образование. Вы действительно всего-навсего хозяин таверны?

— Да. Прошу, расскажите подробнее про эти два судна.

— Водоизмещение «Сириуса» — шестьсот тонн, на нем повезут в основном людей — жен моряков и так далее. Капитана «Сириуса» зовут Джон Хантер. Филлип пока в Лондоне, воюет с министерством внутренних дел и с Сентджеймским дворцом. Я слышал, что тамошний корабельный врач — сын музыканта, который везет с собой фортепиано. «Сириус» — отличное судно, только слишком уж медлительное.

— А патрульный корабль?

— Это тендер «Запас» далеко не первой молодости — ему уже за тридцать. Капитана зовут Гарри Болл. «Запасу» предстоит серьезное испытание — он ни разу не ходил дальше Плимута.

— Благодарю вас за сведения, мистер Донован. — Ричард выпрямился, отдал четвертому помощнику честь на флотский манер и неловким шагом отошел.

Похоже, мистер Донован любил свою работу, хотя ни разу не совершал на одном и том же судне больше двух плаваний подряд. Его сердце было навсегда отдано неизведанным морям.

Вернувшись во мрак тюрьмы, Ричард поделился новостями с

товарищами.

— Значит, со дня на день мы двинемся в путь, по крайней мере в Портсмут.

Айку Роджерсу тоже удалось кое-что разузнать.

— В Ботани-Бей у нас будут женщины, — с довольной усмешкой сообщил он. — «Леди Пенрин» везет только женщин — говорят, целую сотню.

— По половине на каждого каторжника с «Александера», — мгновенно подсчитал Билл Уайтинг. — Если мне достанется верхняя половина, я предпочту ей овцу.

— В Плимуте на корабли доставят женщин с «Дюнкерка».

— Вместе с овцами, а может, и с телятами — вот здорово, верно, Тэффи?

Первого февраля четыре судна наконец подняли якоря, задержавшись у пристани на двадцать четыре часа по такой обычной причине, как споры из-за уплаты пошлины.

Понадобилось четыре дня неспешного плавания, чтобы покрыть шестьдесят миль до Маргит-Сэндс; едва успели суда обогнуть северный мыс и войти в Дуврский пролив, как несколько каторжников близко познакомились с морской болезнью. В отсеке Ричарда все было спокойно, но Айка Роджерса начало мутить, едва «Александр» вышел в открытое море. Страдания Айка прекратились лишь после того, как корабль бросил якорь в Маргите.

— Удивительно! — повторял Ричард, давая Айку выпить профильтрованной воды. — А мне казалось, наезднику качка нипочем — ведь при езде верхом трясет еще сильнее.

— Вверх и вниз — да, но не из стороны в сторону, — прошептал Аик, благодаря за воду — больше ему ничего не удавалось проглотить. — Господи, Ричард, я этого не вынесу!

— Вздор! Морская болезнь проходит, и ты поправишься, как только привыкнешь к качке.

— Я никогда не привыкну к ней. Для этого, наверное, надо родиться в Бристоле.

— Множество бристольтцев ни разу не выходили в море на корабле. Понятия не имею, как я буду чувствовать себя в открытых водах. А теперь попробуй проглотить эту кашу — это хлеб, размоченный в воде. Тебя не вырвет, я обещаю, — уговаривал Ричард.

Но Аик упрямо отвернулся.

Недди Перрот заключил сделку с Краудером и Дэвисом с нижнего

яруса: Недд пообещал громко предупреждать сидящих внизу, когда кто-нибудь из обитателей верхнего яруса начнет рвать, а Уильям Стенли из Синда и Мики Деннисон должны были убирать извержения и выносить ведра. За кормовой переборкой стояла двухсотгаллонная бочка с морской водой, предназначенной для мытья, стирки и других нужд каторжников. Каторжники обнаружили, что содержимое ведер им придется выливать в воронки свинцовых труб, проходящих под настилом трюма вдоль правого и левого борта. По трубе испражнения поступали в донный отсек, а оттуда ежедневно выкачивались за борт с помощью двух трюмных помп. Мики Деннисон, который повидал немало кораблей, клялся и божился, что такого грязного донного отсека, как на «Александере», никогда не видывал.

В январе каторжники решили как можно чаще выливать в трубу морскую воду, чтобы смыть со стенок трубы испражнения, поэтому для всех нужд у них оставалось всего по две кварты питьевой воды. После осмотра в Маргите лейтенант Шарп, неприятно пораженный состоянием нижней палубы, распорядился поставить под нижние нары еще по одному ведру и выдать каторжникам швабры и щетки. Одно ведро предназначалось для отправления естественных потребностей и мытья пола, а второе — для мытья и стирки.

— А донные отсеки по-прежнему воняют, — заметил Мики Деннисон. — Плохо дело!

Дринг и Робинсон из Халла охотно согласились с ним.

Даже днем сквозь железные решетки, прикрывающие люки, просачивались лишь слабые лучики света. Лейтенант Шарп предупредил, что в море ни одному каторжнику не разрешат подняться на верхнюю палубу. Это означало, что зима для двухсот обитателей нижней палубы «Александера» затянется надолго и пройдет в крошечной тьме, а не в уютном сером свете, а качка придаст плаванью однообразие и монотонность. Попав в Дуврский пролив в небольшой шторм, суда обогнули Дангенесс и очутились в Ла-Манше. Весь день Ричарда мучила тошнота, дважды его вырвало, но в целом он перенес качку на удивление легко для человека, который целый месяц питался черствым хлебом и солониной. Тяжелее всех пришлось Биллу и Джимми, Уилла и Недди только подташнивало, а Тэффи, как и подобало валлийцу, был взбудоражен бездельем и тем, что корабли куда-то плывут.

Айку Роджерсу становилось все хуже. Товарищи преданно ухаживали за ним, в особенности Джо Лонг, однако ничто не помогало бывшему грабителю с большой дороги привыкнуть к качке.

— Истборн остался за кормой, мы приближаемся к Брайтону, —

сообщил Дэви Эванс Ричарду на третью неделю, проведенную в море.

Двенадцатого февраля каторжники начали умирать один за другим, но не от привычных тюремных болезней, а от какой-то странной хвори, непохожей на другие.

Поначалу больные ощущали жар, у них текло из носа и ломило за ушами, а потом их лица опухали, как у детей, больных свинкой. Глотать и дышать они по-прежнему могли свободно, но сами опухоли оказались болезненными. Когда вздутие на одной щеке исчезало, вспухала вторая. Через две недели опухоли пропали совсем, страдальцам стало легче. Но к этому моменту их мошонки раздулись, увеличившись в четыре или даже в пять раз, и начали причинять такую боль, что несчастные старались лежать неподвижно и только тихо стонали. А между тем у них снова начался жар, сильнее, чем прежде. Еще через неделю некоторые поправились, а остальные умерли в муках.

Портсмут! Двадцать второго февраля четыре корабля встали на якорь неподалеку от берега. К тому времени странной болезнью заразились и морские пехотинцы, и один из матросов. Этот недуг не походил ни на тюремную лихорадку, ни на дизентерию, тиф, скарлатину или оспу. Поговаривали, что на корабле начинается эпидемия чумы — но почему же на теле больных нет уродливых бубонов?

Три члена экипажа сбежали на украденной шлюпке, пехотинцы были настолько перепуганы, что лейтенанту Шарпу пришлось немедленно отправиться в Плимут на поиски начальников, майора Роберта Росса и первого лейтенанта Джорджа Джонстоуна. Трех рядовых пехотинцев отправили в госпиталь, на судне осталось еще несколько больных.

На следующий день еще один шотландец, лейтенант Джон Джонстон, прибыл на корабль в обществе врача из Портсмута, который бросил беглый взгляд на несчастных, поспешно приложил к лицу носовой платок, велел отправить их в госпиталь и объявил, что болезнь заразна и неизлечима. Он ни разу не произнес Слово «чума», но его недомолвки были красноречивее всяких слов. В качестве лечения он предложил свежее мясо и свежие овощи.

Совсем как в глостерской тюрьме, думал Ричард. Когда в ней скапливалось слишком много узников, тюрьма порождала болезни, убивая всех слабых. То же произошло и на «Александере».

— Мы не заболеем, если не будем разгуливать по всей камере и начнем почаще мыть полы, — решил Ричард, — протирать миски и ковши дегтем, фильтровать воду и регулярно принимать по ложке солода. Эту болезнь сюда принесли каторжники с «Юстиции», и я убежден, что она

заразна.

Тем вечером им, как обычно, дали черствый хлеб и вареную говядину, но свежую, а не соленую, а к ней — капусту и лук. Эту еду узники сочли амброзией.

А потом про них забыли, как и про распоряжение выдавать свежую пищу. Никто не навещал их, кроме двух перепуганных молодых пехотинцев (Дэви Эванс и Томми Грин куда-то исчезли), приносивших неизменную солонину и черствый хлеб. Дни проходили в тягостном молчании, которое нарушали лишь стоны больных и краткие, раздраженные реплики здоровых. Февраль сменился мартом, март тянулся бесконечно, больные умирали, но трупы никто и не думал выносить наверх.

Когда же люк наконец открыли, то вовсе не затем, чтобы убрать трупы: в грязную, вонючую камеру втолкнули двадцать пять новичков.

— Дьявол! — вскричал Джон Пауэр. — О чем думают эти ублюдки? Здесь полно больных, а к нам подселили целую толпу! Черт бы их всех побрал!

«Любопытный человек этот Джон Пауэр, — думал Ричард. — Он привык верховодить, как старожил лондонского Ньюгейта, хотя изъясняется на простом и понятном английском». Теперь Пауэр завладел не только нарами для больных, но и взял под покровительство новичков. Из двухсот каторжников на «Александере» уцелело сто восемьдесят пять, а вместе с вновь прибывшими их число достигло двухсот десяти.

К тринадцатому марта скончалось еще четыре человека, на нарах разлагалось шесть трупов, некоторые из них лежали здесь уже больше недели. Никто из пехотинцев не решался спуститься вниз и убрать их — все были убеждены, что на корабле свирепствует чума.

Незадолго до рассвета тринадцатого марта решетку люка подняли. Несколько пехотинцев в перчатках и шарфах, прикрывающих рты и носы, вынесли шесть трупов.

— С какой стати? — удивился Уилл Коннелли. — Нет, я ничуть не жалею о том, что их убрали отсюда, но почему они это сделали?

— Похоже, корабль намерена посетить важная персона, — предположил Ричард. — Приведите себя в порядок и держитесь молодцами.

Вскоре после того, как вынесли трупы, на нижнюю палубу спустился майор Роберт Росс в сопровождении лейтенанта Джорджа Джонстоуна, лейтенанта Джеймса Шарпа и человека, манеры которого выдавали в нем врача. Незнакомец был худощавым и длинноносым, с огромными голубыми глазами и завитком светлых волос над широким белым лбом. Гости

принесли с собой лампы, их сопровождали десять рядовых пехотинцев, застывших в проходах по правому и левому борту. Рядовые были еще достаточно молодыми, чтобы робеть, но довольно взрослыми, чтобы понять, какое зрелище их ждет.

Камеру залил мягкий золотистый свет, и Ричард наконец-то увидел место своих страданий во всех ужасающих подробностях. Больные занимали тридцать четыре места на нарах, выдающихся в проход между столами, а за ними, вдоль основания фок-мачты, тянулась еще одна переборка — уже, чем возле нар Ричарда. Двухъярусные нары располагались вдоль обоих бортов, их линия нигде не прерывалась. Так вот как они выглядят! Вот как удалось втиснуть двести десять несчастных в помещение шириной тридцать пять футов и длиной менее семидесяти футов! «Мы теснимся, как бутылки на полке. Неудивительно, что многие умирают. По сравнению с этой камерой глостерская тюрьма кажется раем — там мы по крайней мере могли дышать свежим воздухом и работать. А здесь повсюду только мрак и вонь, неподвижность и безумие. Я твержу своим товарищам, что мы обязаны выжить, но можно ли выжить здесь? Боже милостивый, я в отчаянии. В беспросветном отчаянии...»

Все трое морских офицеров были шотландцами, Росс говорил с самым резким акцентом, акцент Джонстоуна был едва уловим. Мрачный рыжеволосый Росс, человек довольно слабого сложения, обладал ничем не примечательным лицом, тонкими, решительно сжатыми губами и холодными, светло-серыми глазами.

Прежде всего он неторопливо прошелся по камере, начав с правого борта. Он шел, как на похоронах, поворачивая голову из стороны в сторону, его шаги были медлительными и размеренными. Приблизившись к нарам для больных, он помедлил, не выказывая ни малейшего страха, осмотрел несчастных вместе с врачом, пробормотал что-то неразборчивое, а врач в ответ решительно закивал. Затем майор Росс обошел нары для больных и начал осмотр левого ряда нар, двигаясь от носа к корме.

Возле Дринга и Айзека Роджерса он остановился, посмотрел на пол, жестом подозвал одного из рядовых и велел ему опорожнить ведра и прополоскать их. Его взгляд устремился на Айку, голова которого лежала на коленях Джо Лонга.

— Этот человек болен, — сказал Росс Джонстоуну. — Переведите его к остальным.

— Нет, сэр, — мгновенно возразил Ричард, слишком потрясенный, чтобы рассуждать здраво. — Среди нас нет больных. Аик чуть не умер от морской болезни, вот и все.

На лице майора отразились ужас и сочувствие; потянувшись, он пожал Айку руку.

— Тогда я понимаю, что ты пережил, — произнес Росс. — Тебе не поможет ничто, кроме воды и сухих галет.

Морской офицер, не понаслышке знакомый с морской болезнью!

Затем Росс перевел взгляд на лицо Ричарда, оглядел его товарищей, отмечая короткие стрижки и влажные тряпки, развешанные на веревке, протянутой между балками. Не ускользнули от его внимания и чисто выбритые подбородки, и то, что эти каторжники держались с достоинством.

— Вы следите за собой, — отметил он, пощупав жесткий тюфяк. — Да, тщательно следите.

Никто не ответил ему.

Повернувшись, майор Росс отошел к скамье, где сквозь открытый люк вливалась струя свежего воздуха. Он не выдал отвращения, ощутив затхлую вонь тюрьмы, и держался вполне непринужденно.

— Я — майор Роберт Росс, — объявил он гулким командным голосом, — командующий морских пехотинцев в этой экспедиции, а также вице-губернатор Нового Южного Уэльса. Только от меня зависит, выживете вы или нет. У губернатора Филлипа много других забот, присматривать за вами поручено мне. Этот корабль не оправдал наших надежд — люди мрут на нем, и я намерен выяснить, по какой причине. Рядом со мной — корабельный врач мистер Уильям Балмен, который завтра же приступит к исполнению своих обязанностей. Лейтенант Джонстоун — мой заместитель, ему подчиняется лейтенант Шарп. Похоже, последние два месяца вас кормили отвратительно. Пока корабль стоит в порту, вы будете получать свежую пищу. На этой палубе будет проведено окуривание, для чего вас временно переведут в другое помещение. На борту останутся только семьдесят два человека на нарах, прилегающих к кормовой переборке, — они должны помочь нам.

Он подозвал к себе двух лейтенантов, боком уселся на скамью и достал бумагу, чернила и перья из саквояжа, принесенного лейтенантом Шарпом.

— А теперь проведем перекличку, — объявил майор. — Я буду указывать на вас по очереди, а вы — говорить каждый свое имя и название корабля, на котором вас содержали прежде. Начинай. — И он указал на Джимми Прайса.

Перекличка отняла немало времени. Майор Росс оказался дотошным, но двое его писцов были неумелыми и медлительными, к тому же

малограмотными. Расспросив двадцать каторжников, майор Росс решил проверить записи.

— Безграмотные болваны! Вы что, купили свои чины? Тупицы! Олухи! Вам бы только шататься по публичным домам!

«Ну и ну! — думал Ричард. — А он вспыльчивый малый, ему нет дела до того, что сию секунду он опозорил двух подчиненных перед целой толпой каторжников!»

Но какой ненавистной показалась узникам темнота, когда офицеры и рядовые ушли! Свет озарил убожество их страшного пристанища и при этом успокоил большинство несчастных: они таращились на лампы, чувствуя, как тягостные мысли отступают, а жизнь вновь становится терпимой. Когда же унесли последнюю лампу, им осталось только представлять себе окружающие предметы или находить их на ощупь. Наступила ночь, но, несмотря на все заверения майора Росса, никто и не подумал накормить узников.

Утром на корабле началась суeta: пехотинцы в перчатках, с завязанными лицами поднимали на верхнюю палубу больных, не обращая внимания на возгласы боли, вызванные неумелыми прикосновениями. К полудню в тюрьме остались лишь заключенные, разместившиеся в трех двухъярусных отсеках по правому и левому борту, начиная от кормовой переборки. В камеру принесли лампы, и при свете каторжники без труда увидели, в какую выгребную яму превратилось их жилье за два с половиной месяца. Повсюду виднелись следы рвоты, испражнений, переполненные ведра, грязные полы и загаженные нары.

Затем наверх вывели и товарищей Ричарда, но через кормовой люк. «Пусть берут наши вещи — мне все равно, — думал Ричард. — Я не стану оставлять ни одного из друзей внизу, присматривать за нашим имуществом. Впрочем, никто не тронет его — все вокруг убеждены, что мы заражены чумой».

Зажженным порохом пехотинцы окурили все помещения «Александера» и быстро задраили люки.

Корабль покачивался на воде невдалеке от берега, с верхней палубы открывался впечатляющий вид. Огромные бастионы щетинились стволами гигантских орудий. Здесь находилась база английского флота, крепость была обращена на юг, к острову Уайт у французского побережья и к Шербуру, крепости давних заклятых врагов англичан. Сам город Портсмут было невозможно разглядеть за мощными укреплениями. Некоторые из них построили еще во времена Генриха VIII, другие продолжали возводить и по сей день. Неужели здесь всего пять лет назад и вправду утонул корабль

«Георг» с адмиралом Кемпенфелдтом и тысячей человек на борту? Накренившись на волне, самое большое судно Англии мгновенно наполнилось водой, хлынувшей в бойницы тридцатидвухфунтовых пушек, и затонуло, образовав огромную воронку.

Джонстоун и Шарп разошлись во мнении о том, стоит ли заковывать каторжников в наручники. В споре победил Джонстоун, и руки каторжников остались свободными. Проигравший Шарп приказал спустить на воду шлюпку и отправился в гости к своему единомышленнику, офицеру со второго судна, тоже приготовленного к экспедиции в Ботани-Бей. Таких судов у берега выстроилось несколько, но ни одно из них размерами не уступало «Александреру».

— Это «Скарборо», — объяснил четвертый помощник Стивен Донован, держа на руках большого рыжего кота. — А корабли поменьше — «Леди Пенрин» и «Принц Уэльский». Разместить всех каторжников на пяти судах не удалось, поэтому в экспедицию взяли шестой. «Шарлотта» и «Дружба» отплыли в Плимут, за заключенными с «Дюнкерка».

— А вон те суда, груз на которые доставляют лихтеры? — спросил Ричард, метнув предостерегающий взгляд в Билла Уайтинга, готового отпустить скабрзную шуточку, которую вряд ли оценил бы Стивен Донован.

— Это грузовые корабли «Борроудейл», «Фишберн» и «Золотая роща». Необходимых припасов нам должно хватить на три первых года пребывания в Ботани-Бей, — объяснил мистер Донован, многозначительно глядя в глаза Ричарду.

— Интересно, сколько времени займет плавание? — сладко улыбаясь, осведомился Томас Краудер.

Но по мнению мистера Донована, Краудер был слишком похож на обезьяну и не вызывал никаких чувств, поэтому четвертый помощник снова перевел взгляд на Ричарда Моргана, которым успел увлечься. Дело было не столько в облике Ричарда, хотя он заметно похорошел, сколько в его манере держаться с достоинством и умении вовремя промолчать. Он был признанным вожаком, однако совсем не походил на Джонни Пауэра, с которым успели познакомиться все члены экипажа. Пауэр быстро сошелся с матросами, благоразумно воздерживаясь от тюремного жаргона.

— По подсчетам офицеров адмиралтейства, четыре — шесть месяцев, — объяснил мистер Донован, подчеркнуто игнорируя Краудера.

— А по-моему, гораздо больше, — отозвался Ричард.

— Согласен. В адмиралтействе не принимают в расчет встречный ветер, возможные поломки мачт, треснувшие балки, порванные паруса,

лопнувшие тросы. — И четвертый помощник нежно почесал шейку замурлыкавшему коту.

— А собак вы любите? — спросил Ричард.

— Этих тварей? Наш кот Родни лучше любой собаки, потому они и не трогают его. Его назвали в честь адмирала Родни, под командованием которого я служил в Вест-Индии, когда мы вышвырнули лягушатников с Ямайки, — сообщил мистер Донован, цыкнув на подошедшего бульдога. Кот зашипел, и бульдог поспешно ретировался. — На борту двадцать семь собак, все они принадлежат офицерам. Но скоро мы от них избавимся. Спаниели и терьеры нам еще пригодятся — они хотя бы умеют ловить крыс, но гончие в море ни к чему, уж лучше скормить их акулам. И потом, собаки часто падают за борт, а с кошками такого не бывает. — Он поцеловал Родни в макушку и в подтверждение своих слов посадил его на узкие поручни. Не обращая внимания на плещущую внизу воду, кот подобрал лапы, удобно уселся и снова замурлыкал.

— Куда отправили остальных каторжников? — любопытствовал Уилл Коннелли, приходя на выручку Ричарду. Тем временем сам Ричард незаметно удалился.

— Одних — на «Твердыню», других — на «Удачливого», больных — на корабль-лазарет, а остальных — вон на тот лихтер, — указал мистер Донован.

— И надолго?

— По меньшей мере на две недели.

— Но на лихтере они промерзнут до костей!

— Каждый вечер их будут увозить на берег в наручниках и сковывать цепями. Уж лучше побыть на лихтере, чем на какой-нибудь ветхой посудине.

На следующий день корабельный врач «Александера», мистер Уильям Балмен, привез с собой еще двух врачей — видимо, для осмотра корабля, поскольку больные уже покинули его. Стивен Донован шепнул Ричарду, что один из гостей — сам Джон Уайт, главный врач экспедиции. А вторым оказался врач из Портсмута, которого уже однажды привозил на корабль лейтенант Шарп.

Не получив никаких приказаний, каторжники стояли неподалеку от врачей и внимательно прислушивались к их разговору. Не менее любопытные члены экипажа были слишком заняты, чтобы подслушивать, — как раз прибыл очередной лихтер с грузом.

Портсмутский врач был убежден, что странная болезнь — редкий вид бубонной чумы, но Уайт и Балмен не соглашались с ним.

— Это заразная болезнь, — уверял их оппонент. — Бубонная чума!

— Все, что угодно, только не чума! — твердили судовые врачи.

Но все трое решили принять превентивные меры: все помещения корабля вновь окурили, тщательно протерли все поверхности дегтем, а затем покрыли слоем побелки — известкового раствора, смешанного с мелом, клеем и водой.

Стивен Донован, который остался на борту, чтобы следить за погрузкой, недовольно хмурился: вся палуба была заставлена бочонками разных размеров, мешками, ящиками и тюками.

— Груз надо спустить в трюмы, — раздраженно втолковывал он Уайту и Балмену. — А это невозможно — ведь вы распорядились провести окуривание и задраить все люки! К чему все это? Избавить «Александр» от заразы может только одно — новые трюмные помпы!

— Здесь воняет оттого, что трупы долго пролежали на нижней палубе, — надменно возразил Балмен. — После окуривания и двух недель в море запах исчезнет.

Уайт отошел в сторону. Команда начала отправлять в трюм припасы через тюремное помещение: столы и скамьи в нем убрали, открыв шестифутовые люки, находящиеся точно под люками в верхней палубе. Грузы поднимали на шлюпбалках, поворачивали с помощью лебедок и опускали прямо в трюм. Вернувшись на прежнее место, Уайт оттеснил в сторону Балмена и Донована и принялся отдавать распоряжения.

Тридцать шесть каторжников с правого борта отправились в камеру, чтобы протереть все предметы в ней уксусом перед окуриванием, а тридцать шесть узников с левого борта послали в помещение для пехотинцев с той же целью.

— Ужас! — ахнул Тэффи Эдмунде. — Бедняга Дэви Эванс был прав: по сравнению с пехотинцами мы, каторжники, живем в раю. Впрочем, я не отказался бы спать в гамаке.

Пол помещения для рядовых пехотинцев снизу омывала трюмная вода, которая воняла сильнее, чем отверстия сточных труб, и выпускала газы, от которых оловянные пуговицы на алых куртках чернели, как уголь. Здесь расстояние между настилами палуб не превышало шести футов, ходить приходилось, низко пригибаясь под балками, как на «Церере».

Именно в этот момент Ричард и его товарищи стали свидетелями противодействия: на виду у тридцати шести каторжников в помещение для пехотинцев вошли майор Росс и капитан Синклер. Ожесточенное сражение началось, едва майор шагнул на нижнюю ступеньку лестницы.

— А ну, живо спускайся сюда, жирная туша! — взревел Росс. — Иди и

посмотри сам, черт бы тебя побрал!

На лестнице появились начищенные сапоги капитана Дункана Синклера, выражение лица которого выдавало его ярость.

— Никто не вправе так говорить со мной, майор! — отдуваясь, заявил он. — Я не только капитан этого корабля, но и один из его владельцев.

— Тогда ты тем более виноват, толстая задница! Оглянись вокруг! Смотри, куда ты поселил морских пехотинцев его величества на бог знает какой срок! Они провели здесь почти три месяца! Они больны и перепуганы, и за это я ничуть не виню их. Собакам еще повезло — как и овцам, и свиньям, которых ты взял на борт для собственного стола. Нечего сказать, ты недурно устроился — захапал и ночную, и дневную, и большую каюты, а моих двух офицеров поселил в буфетной! Заставил их есть вместе с рядовыми! Или ты немедленно изменишь приказ, Синклер, или я сам выпущу твои жирные кишки в это жидкое дерьмо! — Росс схватился за рукоятку ножа и указал свободной рукой на пол, под которым плескались грязные трюмные воды. Похоже, он был вполне способен привести угрозу в исполнение.

— Твои люди останутся здесь — мне больше некуда их поселить, — отозвался Синклер. — Они и без того заняли драгоценное место, которое я мог заполнить полезным грузом. А вместо этого пришлось разместить тут вороватых пьянчуг и олухов, которым не хватило ума попасть на флот и денег — чтобы пойти служить в армию! Вы все отбросы, Росс, и ты, и твои пехотинцы. Не зря пустые бутылки называют пехотинцами! Моему экипажу пришлось потесниться, две дюжины собак носятся по всей палубе, от бушприта до гакаборта. Ты только взгляни на мои сапоги, Росс, — они все в собачьем дерьме, всюду собачье дерьмо! Псы загрызли двух моих кур, четырех уток и одного гуся! Не говоря уже об овце, которую мне пришлось пристрелить, потому что бульдог вцепился в нее так, что не оторвешь! Конечно, первым я прикончил бульдога — да, вот так-то, шотландский ублюдок!

— Кто это здесь шотландский ублюдок, недоносок из Глазго?

Последовала пауза, за время которой противники лихорадочно подыскивали новые колкости и оскорбления, а каторжники застыли, как статуи, опасаясь, что их заметят и отошлют на палубу.

— Адмиралтейство отдало Уолтону подряд, в условиях которого говорится о распределении корабельных помещений, — заявил Синклер, злобно сверкая глазами. — Вيني свое начальство, Росс, а не меня! Когда я узнал, что на корабль придется взять сорок пехотинцев и двести десять каторжников, то схватился за голову. Словом, твои подчиненные останутся

здесь, нравится тебе это или нет.

— Нет, не нравится, и терпеть я не стану, слонова задница! Ты переведешь моих ребят в помещение для младших офицеров, иначе о твоём самоуправстве узнает не только губернатор Филлип, но и адмирал лорд Хоу, и сэр Джон Миддлтон, не говоря уже о лорде Сиднее и мистере Питте! У тебя есть только два выхода, Синклер. Либо ты переводишь свою команду сюда, а моих пехотинцев — на место матросов, либо передвигаешь кормовую переборку тюрьмы на двадцать пять футов вперед. Каторжников, которым не хватит места, можно отправить на «Принц Уэльский». Вот так-то, толстомордый, — заключил Росс, отряхивая руки в белоснежных перчатках.

— Еще чего! — процедил сквозь зубы Синклер, надменная гримаса на жирном лице которого выглядела комично. — По условиям договора, «Александр» обязан принять на борт, двести десять каторжников, а не сто сорок каторжников и сорок пехотинцев, занявших место семидесяти заключенных! Экспедиция задумана не для того, чтобы покатасть по морю каких-то паршивых морских пехотинцев, а чтобы увезти английских преступников на другой конец света. Я возьму на борт столько каторжников, сколько мне приказано, и если хочешь, их будет охранять мой экипаж. Вот и все, майор Росс. А ты вместе с подчиненными можешь убираться с «Александра» на все четыре стороны. Я прикажу запереть каторжников внизу и буду кормить их через люк на протяжении всего плавания. Ничего, справлюсь и без твоих пехотинцев!

— Лорд Сидней и мистер Питт будут недовольны, — привел весомый довод Росс. — Они требуют, чтобы каторжников доставили в Ботани-Бей живыми и здоровыми, а под твоим надзором половина перемрет в пути, как рабы, которых ты возил на Барбадос! Если ты на целый год запрешь их здесь, на нижней палубе, к концу плавания из них не выживет и половины, а остальные сойдут с ума. Поэтому, — продолжал он со зловещим и неприступным видом, — за следующий месяц тебе придется позаботиться о ютовой надстройке и полубаке. При этом у тебя будут свои апартаменты, а мои офицеры разместятся на шканцах. Не забывай, Синклер, что на корабле еще придется найти место для врача, агента флота и агента подрядчика, а они вряд ли согласятся жить здесь, на нижней палубе. И соседство с тобой им ни к чему, желчный пузырь! А что касается экипажа, посели его там, где положено, — на полубаке. Мои подчиненные разместятся в каютах для младших офицеров, я сам оборудую для них камбуз, чтобы они готовили пищу для себя и каторжников. Свой камбуз можешь отдать макросам, а себе выстроить новый, в ютовой надстройке.

При этом «Александр» наконец-то будет похож на корабль! Подумай хорошенько, толстяк.

Во время этой блестящей отповеди серые щелки глаз капитана то наливались яростью, то хитро поблескивали.

— Это обойдется Уолтону в тысячу фунтов, — заявил Синклер.

Майор Росс повернулся и направился к лестнице.

— Отправь счет в адмиралтейство, — посоветовал он и скрылся в люке.

Капитан Дункан Синклер долго смотрел ему вслед, а потом вдруг заметил стоящих неподалеку каторжников.

— Вычерпывайте грязную воду ведрами и передавайте их по цепочке, — распорядился он, обращаясь к Айку Роджерсу. — Для этого поднимите крышку люка в полу. Пусть одни вычерпывают воду из правого донного отсека, а другие — из левого. Промывайте донные отсеки чистой морской водой — до тех пор, пока отсюда не перестанет вонять. — И он снова взглянул на лестницу, а потом принял решение. — Ты, ты и ты, — заявил он, указывая на Тэффи, Уилла и Недди, — живо подсадите меня на плечи и поднимите вверх.

Как только шаги капитана затихли вдалеке, каторжники разразились безудержным хохотом.

— Я уж думал, Недди, — постанывал от смеха Айк, — что ты не выдержишь и сбросишь его в трюм, прямо в воду!

— Я был бы не прочь, — признался Недди, вытирая слезы, — но ведь он капитан, а с капитаном лучше не ссориться. А майору Россу все равно, кого оскорблять. — Он хихикнул. — Вот уж точно слоновья задница! Пока мы тащили его наверх, я чуть не помер от натуги!

— Майор Росс выиграл спор, — задумчиво произнес Аарон Дэвис, — но в адмиралтействе ему наверняка зададут трепку. Если капитан Синклер построит ютовую надстройку и полубак, а адмиралтейство откажется оплатить счет, майор Росс окажется меж двух огней и получит увесистого пинка под задницу.

— А по-моему, — с улыбкой вмешался Ричард, — майор Росс никому не даст себя в обиду. Его безупречно белые брюки не пострадают, помяните мое слово. Он абсолютно прав: без ютовой надстройки и полубака «Александеру» не вместить столько пассажиров. — Он перевел дыхание. — Итак, кто будет передавать ведра по цепочке? Разумеется, если мы уговорим лейтенанта Джонстоуна выдать нам еще несколько ведер, — одним всю эту грязь не вычерпать. Мы, бристольтцы, встанем в начале цепочек. Джимми, ступай к лейтенанту, улыбнись ему и выпроси ведра.

Капитан Синклер выполнил свои обещания, но потратил на строительство юта и полубака гораздо меньше тысячи фунтов. Пока каторжники протирали стены и нары дегтем и наносили на них слой побелки, на корабле продолжалась погрузка, поэтому товарищи Ричарда видели, какие грузы привозят на судно и где их размещают. Запасные мачты уложили на верхнюю палубу под шлюпками, а рей, паруса и канаты спустили вниз. Стошестидесятигаллонные бочонки с водой, самые тяжелые предметы, по несколько штук расставили среди более легкого груза. На палубе росла гора бочек соленой свинины и говядины, мешков с сухими галетами, сухим горохом — обычным и турецким, мукой, рисом. Затем на судно доставили множество тюков, обшитых грубой мешковиной, на которой чернилами была написана фамилия владельца. Не были забыты и тюки с одеждой — видимо, ее предполагалось раздать каторжникам по прибытии в Ботани-Бей.

Все знали, что на корабле хранятся запасы рома: «сухой закон» в плавании не выдержали бы ни матросы, ни морские пехотинцы. Благодаря рому тесные помещения и дрянная еда казались сносными, поэтому обойтись без него было никак нельзя. Но ни одна бочка рома не попала в общие трюмы под тюремным помещением или кормовой надстройкой.

— А он неглуп, наш жирный капитан, — заметил с усмешкой Уильям Дринг из Халла. — Здесь есть еще два трюма. Один наверху — для дров, ими забили все свободное пространство. А на нижней палубе, под железным люком, хранится ром. До него не добраться из камеры, поскольку носовая переборка в фут толщиной укреплена гвоздями, как и кормовая. И из дровяного трюма до рома не достать. Кроме того, запасы рома есть на шканцах, они принадлежат капитану. Украсть его может только Тримминге.

— Тримминге? — переспросил Ричард. — Стюард Синклера?

— Да, и его верноподданный. Глаза и уши капитана.

— В перестройку корабля капитан вложил собственные средства, — вступил в разговор друг Дринга, Джо Робинсон. Как бывший матрос, он уже успел познакомиться со всем экипажем. — Для работы он отобрал пятерых самых крепких каторжников с «Удачливого». Полубак ничем не отличается от обычных, а ютовая надстройка обшита внутри красным деревом. Капитан велел перенести туда всю мебель из большой каюты, поэтому майору Россу придется самому обставлять свое жилье.

Майору Россу и вправду пришлось нелегко. Его недовольство вызывали не только капитан Дункан Синклер и «Александр». Пехотинцы, которые нередко сплетничали ради развлечения, сообщили каторжникам,

что груз белой муки было решено заменить рисом. К сожалению, договор с мистером Уильямом Ричардсом-младшим был составлен таким же образом, как договоры на поставку провизии в армию, а это позволяло подрядчику без лишних хлопот заменить муку, которой должны были кормить каторжников и пехотинцев, обычным рисом. Рис обошелся гораздо дешевле, при приготовлении он разбухал, поэтому сто хватало на более долгое время. Но беда была в том, что рис не предотвращал вспышки цинги так, как это делала мука.

— Ничего не понимаю, — покачал головой Стивен Мартин, один из двух молчаливых бристольтцев, товарищей Краудера и Дэвиса. — Если мука предотвращает цингу, то почему от нее не спасает хлеб? Ведь его делают из муки.

Ричард силился вспомнить объяснения кузена Джеймса-аптекаря.

— Кажется, все дело в приготовлении, — заговорил он. — Нас кормят не обычным хлебом, а галетами. В них столько же ячменя и риса, сколько и пшеницы, если не больше. Мука — это размолотая в порошок пшеница. Значит, противоцинготные вещества должны содержаться именно в ней. Когда же из муки делают клецки для супа, их варят, а не пропекают, и при этом противоцинготные вещества сохраняются. Лучше всего от цинги спасают овощи и фрукты, но в плавание их не берут. Зато кислая капуста, которую мой кузен Джеймс привозил из Бремена для нескольких бристольтских капитанов, обходится дешевле, чем солод, и надежно предохраняет от цинги. Но матросы соглашались есть кислую капусту только под угрозой порки.

— Ричард, да ты знаешь все на свете! — восхищенно воскликнул Джо Лонг.

— Я почти ничего не знаю, Джо. Вот мой кузен Джеймс — неисчерпаемый источник знаний. Я многое узнал, беседуя с ним.

— Должно быть, ты слушал его в оба уха, — заметил Билл Уайтинг и отступил, любуясь плодами своих трудов. — У побелки есть одно достоинство: даже когда люки задраят, при белых стенах в камере будет казаться не так темно. — И он обнял Уилла Коннелли за плечи. — А если сесть за стол прямо под кормовым люком, Уилл, нам хватит света, чтобы читать!

В начале апреля на корабль привезли всех каторжников, а тем временем строительство юта и полубака продолжалось. Заключенные и не подозревали, что майор Росс по-прежнему слал властям письма об условиях на «Александрере», чтобы капитану и в голову не пришло прервать строительство. Капитан Синклер предусмотрел новое помещение для

своего экипажа и распорядился соорудить вдоль бортов трехфутовые сходни, ведущие от кубрика к галюнам. Пока шла постройка, каторжникам, оставшимся на борту «Александера», было не на что жаловаться: люки не запирали, им разрешили пользоваться матросскими галюнами, а не ведрами. Над носовым люком соорудили рубку — строение, напоминающее собачью конуру с изогнутой крышей, чтобы коки не мокли под дождем, отправляясь в трюм за дровами. Рубку возвели и над кормовым люком, ведущим в кормовые помещения нижней палубы, а два люка над камерой для каторжников снабдили железными решетками, к которым крепились прочные крышки.

«Когда мы выйдем в море, люки задраят, — размышлял Ричард, — и мы опять будем сидеть в темноте, без света и воздуха».

Несмотря на то что теперь каторжникам каждый день давали свежее мясо и овощи и выпускали их погулять по верхней палубе, число больных на «Александре» увеличивалось. Умер Уилли Уилтон, первый из уроженцев запада, но не от болезни, напоминающей свинку. Простудившись на палубе в холодную погоду, он начал гулко кашлять. Врач Балмен прописал ему горячие припарки, размягчающие и вытягивающие мокроту, но хотя такое же лечение назначил бы любой врач свободному бристольтцу, Уилли не выжил. Припарки были единственным известным средством от пневмонии. Смерть товарища потрясла Айка Роджерса. Сам Аик уже не походил на того самоуверенного грабителя, с которым Ричард познакомился в глостерской тюрьме, — его неуживчивость и драчливость были показными. Под этой маской скрывался ранимый человек, любящий лошадей и свободу.

Смерть Уилли не была единственной: к концу апреля скончались еще двенадцать каторжников. Пехотинцев тоже косили болезни — лихорадка, воспаление легких, горячка, паралич. Трое перепуганных рядовых сбежали, четвертый совершил побег в последний день месяца. Сержанта, барабанщика и четырнадцать рядовых отправили в госпиталь, найти им замену не удавалось. «Александр» снискал репутацию «корабля смерти» и постоянно поддерживал ее. То и дело семьдесят каторжников перевозили на берег, а камеру обрабатывали уксусом и дегтем, окуривали и покрывали новым слоем побелки. Каждый раз отряд Ричарда обнаруживал, что донные отсеки забиты грязью.

— Лучше бы этих трюмных помп вообще не было, — с отвращением повторял Мики Деннисон. — Они неисправны.

Скончались еще три человека. С начала апреля умерли уже пятнадцать заключенных, их общее число сократилось с двухсот десяти до ста

девятьюстами пятью человек.

Одиннадцатого мая, через четыре месяца после того как заключенных привезли на «корабль смерти», прошел слух, что губернатор Филлип наконец-то прибыл на флагманский корабль «Сириус» и что завтра одиннадцать судов отправляются в плавание. Но слухи не подтвердились. Экипажу грузового судна «Фишберн» уже давно не платили жалованья, поэтому матросы отказались поднять якорь. Обитателям нижней палубы «Александера» наконец-то выдали одеяла — по одному на двух человек. Возможно, таким способом начальство решило возместить обыск, который по неизвестной причине предприняли пехотинцы. За обыском наблюдал сам майор Росс, поэтому никто из заключенных не пострадал и не лишился собственности.

Тринадцатого мая через час после рассвета — приближался день летнего солнцестояния, рассветало рано — Ричард проснулся и обнаружил, что «Александр» движется, балки потрескивают, об обшивку плещут волны, слегка раскачивая судно. Айка сразу затошнило, но ему вовремя подставили деревянную миску умершего Уилли, которую взялся своевременно опорожнять Джо Лонг.

В тот же день Роберт Джеффрис умер от пневмонии: одеяла были выданы слишком поздно.

Обогнув острые скалы у западной оконечности острова Уайт, «Александр» прибавил скорость и пошел быстрее, чем по пути из Тилбери в Портсмут. Судно раскачивалось, его нос поднимался и опускался, отчего у большинства каторжников началась тошнота. Подташнивало и Ричарда, но после того как его один раз вырвало, ему стало легче. Может, бристольтцы от природы наделены способностью переносить морскую болезнь? Точно так же чувствовали себя остальные уроженцы Бристоля — Коннелли, Перрот, Дэвис, Краудер, Мартин и Моррис. Тяжелее всех пришлось деревенским жителям, однако ни один из них не мучился так, как Аик Роджерс.

На следующий день лейтенант Шарп и врач Балмен спустились в кормовой люк — неуклюже, но сумев сохранить достоинство. Пока Шарп и Балмен ходили по проходам, держась за края нар, двое рядовых унесли труп Роберта Джеффриса. Шарп старался не коснуться руками следов рвоты. Распоряжения остались прежними: заключенные должны были мыть пол, опустошать ведра, содержать в порядке нары, даже если им нездоровилось. Испачканные рвотой одеяла, тюфяки и одежду следовало немедленно стирать.

— Если они каждый день будут осматривать камеру, она засияет

чистотой, — усмехнулся Коннелли.

— Не надейся, — осадил его Ричард. — Это решение Бал-мена, а не Шарпа, но Балмену недостает последовательности. Желудки у всех уже пусты, самое худшее, что нам предстоит, — понос. Половина заключенных не в силах встать, многие из них ни разу в жизни не стирали одежду. Мы остаемся опрятными только благодаря моему кузену Джеймсу и моей настойчивости да еще тому, что остальные заключенные боятся меня пуще воды. — Он усмехнулся. — Но если бы они привыкли мыться, в камере стало бы гораздо чище.

— Ты странный человек, Ричард, — задумчиво произнес Уилл Коннелли. — Можешь возражать сколько душе угодно, но ты — прирожденный вожак. — Он закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям. — Мне уже лучше, попробую почитать. — Он уселся на скамью возле среднего стола, под открытым люком, разложил рядом три тома «Робинзона Крузо», нашел страницу, на которой остановился, и вскоре погрузился в чтение, забыв о качке.

Ричард присоединился к нему с географическим справочником. После побелки стен в камере действительно стало светлее.

К тому времени как «Александр» миновал Плимут, большинство каторжников оправились от морской болезни — исключение составляли только Айк Роджерс и еще пятеро несчастных. Постепенно узники привыкали передвигаться по проходам между столами, не обращая внимания, что палуба то и дело уходит из-под ног. Упражняясь в этом искусстве, Ричард познакомился с Джоном Пауэром, еще одним прирожденным вожаком.

Пауэр был стройным молодым мужчиной, гибким и ловким, как кот, с горящими темными глазами и странной привычкой бурно жестикулировать во время разговора. Он напоминал француза или итальянца, по только не англичанина, голландца или немца. Казалось, его постоянно гнетет неиссякаемый запас энергии и энтузиазма. Судя по глазам, ему нравилось рисковать.

— Ричард Морган! — воскликнул Пауэр, когда Ричард проходил мимо его нар, расположенных в углу, возле носовой переборки. — Ты на вражеской территории.

— Я тебе не враг, Джон Пауэр. Я мирный человек, который занят своим делом.

— Вот и занимайся им — возле левого борта. А ты и вправду чистюля. Таких я встречал только в Бристолье.

— Да, я родом из Бристолье. Если хочешь, приходи к нам и посмотри,

как у нас чисто. Мы содержим себя в порядке. Но никто из нас не говорит на тюремном жаргоне.

— А моим соседям он по душе, хотя сам я не переносу его и матросы тоже. — Пауэр пружинисто прыгнул с нар и подошел к Ричарду. — А я думал, Морган, что ты гораздо моложе.

— Мне уже тридцать восемь лет, но я не чувствую себя стариком, Пауэр. За пять месяцев, проведенных на «Александрере», я немного ослабел, но в Портсмуте нам удалось поработать, и теперь я снова в форме. Нам, бристольтцам, пришлось вычерпывать грязную воду из трюма — мы привычны к зловонию. А куда увозили вас — на лихтер, «Твердыню» или «Удачливого»?

— На лихтер. Среди матросов «Александрера» у меня много приятелей, поэтому мне и моим товарищам не довелось побывать в Портсмуте — нам хватало места на лихтере. — Он вздохнул и продолжал, размахивая руками: — Если повезет, скоро меня возьмут в команду. Мистер Боунз, третий помощник капитана, пообещал мне. Вот тогда ко мне и вернутся силы.

— А я думал, все время плавания мы проведем на нижней палубе.

— Вряд ли, если мистер Боунз не ошибся. Губернатор Филлип не допустит, чтобы мы сидели без дела, — ведь по прибытии в Ботани-Бей мы сразу должны взяться за работу.

Они дошли до кормовой переборки и бочки с морской водой, а потом повернули обратно. Пауэр искоса бросил взгляд на Уилла Коннелли, склонившегося над сочинением мистера Дефо.

— Вы что, все умеете читать? — с завистью спросил он.

— Нет, только шестеро, в том числе пятеро бристольтцев — Краудер, Дэвис, Коннелли, Перрот и я, а еще Билл Уайтинг, — объяснил Ричард. — В Бристоле множество школ для бедняков.

— А в Лондоне таких почти нет. Но я всегда считал, что учиться грамоте — только зря терять время, ведь по любой вывеске сразу можно определить, какой товар увидишь в лавке. — Руки Пауэра словно вели собственную жизнь. — Но теперь я был бы не прочь научиться читать. Книги помогают убить время.

— И отвлекают от мрачных мыслей. Ты женат?

— Еще чего! — Пауэр пренебрежительно отмахнулся. — Женщины — это опиум.

— Нет, они такие же люди, как мы. Среди них попадаются порядочные, коварные и равнодушные.

— А ты повидал всяких? — любопытствовал Пауэр, обнажая в улыбке крепкие белые зубы. Он явно не злоупотреблял спиртным.

— Больше хороших, чем плохих, и ни одной равнодушной.

— И был женат?

— Если верить бумагам — дважды.

— Как говорит лейтенант Джонстоун, никаких бумаг здесь нет. — Пауэр злорадно стиснул кулаки. — Представляешь? Филлип так и не удосужился потребовать наши бумаги, поэтому никто здесь не знает, за какие провинности мы отправлены на каторгу и на какой срок. Я воспользуюсь этим шансом, как только мы окажемся в Ботани-Бей.

— Похоже, в министерстве внутренних дел царит такой же хаос, как в бристольском акцизном управлении, — заметил Ричард. Тем временем они подошли к нарам Пауэра, и тот взобрался на них одним плавным движением. Подвижностью он не уступал Стивену Доновану, общества которого Ричарду так не доставало. Конечно, Донован посматривал на него масляными глазами, но был образованным и свободным человеком, с которым приятно поговорить.

В задумчивости Ричард направился к своим нарам. Любопытно: никто из представителей власти на корабле не знает ни провинности каторжников, ни сроки, которые они должны отбыть... Возможно, Пауэру действительно удастся обмануть губернатора, но может случиться и так, что Филлип сам примет решение и обречет всех заключенных на четырнадцать лет каторги. Зачем везти в такую даль тех, у кого срок заканчивается через шесть месяцев или год? Только теперь Ричард понял, зачем их обыскивали в Портсмуте. Билет на корабль, отправляющийся обратно в Англию, должен стоить недешево, а в планы парламента вовсе не входило платить каторжникам жалованье. Кто-то в свите Филлипа наверняка догадался, что многие каторжники припрячут несколько монет, надеясь вернуться домой. «Вам следовало бы поучиться у мистера Сайкса, майор Росс! Но вы не так жестоки, иначе искали бы деньги совсем в других местах. Я вижу вас насквозь: приверженец кодекса чести, рьяный патриот и защитник подчиненных, шотландец-пессимист, раздражительный, с острым языком, в меру тщеславный и подверженный морской болезни».

Двадцатого мая, пока «Александр» покачивался на невысоких волнах под морозящим дождем, каторжников стали по несколько человек выводить на верхнюю палубу, чтобы снять с них ножные кандалы. Первыми вывели больных, в том числе и Айку Роджерса, который был так слаб, что врач Балмен велел давать ему дважды в день по стакану крепкой мадеры.

Когда Ричард поднялся на палубу, подул ветер, сквозь серую пелену дождя едва просматривались серые волны с белыми гребнями, но небеса

изливали свежую, пресную, настоящую воду. Ричарду велели сесть на палубу, вытянув перед собой ноги. Двое моряков сидели рядом на скамейках; один подsunул широкую стамеску под железный браслет, второй молотком принялся сбивать заклепку. Боль была невыносимой, вся сила удара передавалась в кость, но Ричард терпел. Подставив лицо дождю, он чувствовал, как капли стекают по коже, и жадно смотрел на серые рваные тучи. После еще одного ужасающего взрыва боли была освобождена и вторая нога. Ричард ощутил легкость и головокружение, он промок насквозь, но был блаженно счастлив.

Кто-то подал ему руку, помогая встать. Пошатываясь, Ричард отошел в сторону, стараясь освоиться с мыслью, что после тридцати трех месяцев, проведенных в кандалах, он наконец-то расстался с ними.

Внизу, в камере, он задрожал в ознобе, спешно разделся, выжал из мокрой одежды пресную воду в чашу фильтра и развесил свои вещи на веревке, протянутой между бочонком с морской водой и балкой. Растеревшись сухими тряпками, он облачился во все новое. Этот день ему предстояло запомнить надолго.

Тем утром он долго смотрел на друзей, пытаясь понять каждого из них, как самого себя. Какие чувства они испытывали? Что думали о чудовищном испытании, выпавшем на их долю? Понимал ли хоть кто-нибудь из них, что больше никогда не увидит родину? О чем они мечтали, на что надеялись? Были ли у них вообще мечты и надежды? Ответить на эти вопросы не мог не только Ричард. Если бы он задал их вслух, спросил без обиняков, то получил бы шаблонные ответы: друзья сказали бы, что мечтают о деньгах, имуществе, удобстве, жене и детях, долгой и безбедной жизни. Обо всем этом мечтал и сам Ричард, но не знал, сбудутся ли его желания.

В обращенных на него взглядах товарищей он читал доверие и привязанность — с этого и надо было начинать. Каждый из них должен был понять, что его судьба — в его руках, а не в руках Ричарда Моргана. Как вожак он мог заменить им отца, но не мог стать матерью.

Каторжникам разрешили поочередно выходить на палубу — при условии, если они не будут мешать команде. Впрочем, ошалевшему от радости Джону Пауэру позволили помогать матросам, как и Уилли Дрингу и Джо Робинсону. Как ни странно, далеко не все каторжники захотели выйти на верхнюю палубу. Тех, кто страдал морской болезнью, Ричард еще мог понять, тем более что в Бискайском заливе качка усилилась, но даже теперь, когда со всех сняли ножные кандалы, многие узники по-прежнему предпочитали лежать на нарах или сидеть за столом, играя в карты. На

палубе было ветрено, через борт перелетали брызги, но «Александр» уверенно рассекал воды. Только в сильные штормы, когда волны станут перехлестывать через борта, капитан мог приказать задрать люки.

К тому времени как лейтенант Джонстоун разрешил заключенным выйти на палубу, небо вдруг прояснилось, а узников успели накормить неизбежным черствым хлебом, солониной и напоить грязной портсмутской водой. Шесть рядовых пехотинцев таскали ведрами морскую воду в бочонок; сам лощеный, прямой, как жердь, лейтенант Шарп спустился в камеру и прошелся по проходам, приказывая лентяям вымыть полы и протереть нары. Поскольку территория Ричарда не вызвала у Шарпа никаких нареканий, девять из одиннадцати каторжников направились к люку, помахав на прощание Айку и Джо Лонгу.

Подойдя к борту, они впервые увидели океан. Его синевато-стальные волны венчали белые гребни, на горизонте вода сливалась с небом, неподалеку виднелись другие корабли — некоторые справа, другие слева, а еще два — так далеко за кормой, что Ричарду удалось разглядеть лишь верхушки мачт. Ближе остальных держалось большое невольничье судно «Скарборо»; его паруса надувал ветер, флаги плескались, сообщая что-то всему миру на неведомом морском языке, нос рассекал волны, чередой убегавшие за корму. Надстройки «Скарборо» были гораздо больше, чем у «Александера», вероятно, поэтому на «Скарборо» предпочел отправиться в плавание агент подрядчика, Закери Кларк. Агент флота, лейтенант Джон Шортленд, выбрал грузовое судно «Фишберн», хотя один из его двух сыновей служил вторым помощником капитана на «Александре», а второй — на «Сириусе». На флоте процветала семейственность.

Как и в Тилбери, товарищи Ричарда разошлись в разные стороны, едва успев вдохнуть свежий воздух и получить возможность побыть в одиночестве. Забравшись на одну из двух перевернутых шлюпок, под которыми хранились запасные мачты, Ричард принялся считать корабли. Флотилию вел бриг, вдвое уступающий размерами «Александреру», за ним плыли «Скарборо» и «Александр», следом — двухмачтовое судно «Запас», жмущееся к «Сириусу», как жеребенок к матери. Вдалеке виднелся корабль, с виду напоминающий «Леди Пенрин», рядом — три грузовых судна, а на горизонте возвышалось еще несколько мачт. Флотилию составляли одиннадцать судов.

— Добрый день, Ричард Морган из Бристоля! — послышался голос Стивена Донована. — Как ваши ноги?

С одной стороны, Ричард хотел остаться один, но с другой — обрадовался Доновану, который был достаточно умен, чтобы понять: на его

чувства вряд ли ответят взаимностью. Улыбнувшись, Ричард вежливо кивнул.

— От качки или без кандалов? — переспросил он, радуясь возможности легко спрыгнуть со шлюпки на палубу.

— Качка вам нипочем, это сразу видно. Без кандалов.

— Если бы вы проносили их тридцать три месяца, вы поняли бы меня, мистер Донован.

— Тридцать три месяца! За какую же провинность, Ричард?

— Меня признали виновным в вымогательстве пятисот фунтов.

— И какой вам дали срок?

— Семь лет.

Донован нахмурился:

— Ничего не понимаю! Вас должны были приговорить к виселице. Может, вам изменили приговор?

— Нет. Меня с самого начала приговорили к семи годам каторги.

— Похоже, суд не был уверен в вашей виновности.

— Напротив. Судья даже отсоветовал мне просить о помиловании.

— Но вас это, кажется, не огорчило.

Ричард пожал плечами:

— К чему огорчаться? В том, что случилось, виноват только я.

— Как вы потратили эти пятьсот фунтов?

— Я даже не пытался отнести вексель в банк, поэтому не потратил из них ни гроша.

— Так я и думал. Станный вы человек!

Стремясь отделаться от неприятных воспоминаний, Ричард сменил тему:

— Расскажите мне про эти корабли, мистер Донован.

— «Скарборо» плывет наравне с нами, «Дружба» — впереди. Быстрый парусник! Остальным ни за что не догнать его.

— Почему? Я родом из Бристоля, а в таких тонкостях не разбираюсь.

— Все дело в правильной оснастке. Парус «Дружбы», предназначенный для улучшения управляемости, легко ловит и попутный, и штормовой ветер. — И он вытянул длинную руку, указывая на «Запас». — А у патрульного судна оснастка, как у брига, но она ему не подходит. Поскольку у «Запаса» есть вторая мачта, Гарри Болл решил оснастить его, как лодку. Но он замедлит ход, едва начнет штормить: видите, какая у него низкая осадка? Он не сможет плыть на всех парусах. «Запас» — парусник, которому нужен легкий ветер, как в Ла-Манше, где он и плавал прежде. Должно быть, Гарри Болл молится о том, чтобы погода не

переменилась.

— А вон то судно — «Леди Пенрин»?

— Нет, «Принц Уэльский», еще один транспортный корабль. За ним следуют «Золотая роща», «Фишберн» и «Борроудейл». Позади всех плетутся, как улитки, «Леди Пенрин» и «Шарлотта». Если бы не они, мы прибавили бы ходу, но командор запретил. Нам нельзя терять из виду ни один корабль из флотилии. Поэтому на «Дружбе» не поднимают брамсели, а мы не можем поставить бом-брамсели. Но как приятно снова выйти в море! — Тут четвертый помощник заметил лейтенанта Джорджа Джонстоуна, выходящего из офицерских кают, и усмехнулся: — Надеюсь, Ричард, мы с вами вскоре еще увидимся. — И он направился к офицеру морской пехоты, с которым поддерживал дружеские отношения.

Может, эти двое — одного поля ягоды? Ричард остался на прежнем месте. У него заурчало в животе: на свежем воздухе разыгрался аппетит, однако взять еды было негде. А фунта черствого хлеба и полфунта солонины в день вместе с двумя квартами портсмутской воды было недостаточно, чтобы утолить голод. Ричард с тоской вспомнил работу на черпалке, лодки торговцев и сытные обеды.

Вскоре все каторжники, кроме больных и страдающих морской болезнью, ощутили острый голод. Пока Ричард и его товарищи прогуливались по палубе, лодыри с нар по правому борту изготовили короткий лом из железной полосы и вскрыли люки, над которыми были расставлены столы. Рома они не нашли, зато обнаружили мешки с галетами. Но кто-то донес на них, и десяток пехотинцев ворвались в камеру как раз в тот момент, когда воры шумно пировали и швыряли каменно затвердевшие галеты в руки голодающих товарищей.

Шестерых каторжников вытащили на палубу, где уже ждали лейтенанты Джонстоун и Шарп.

— Двадцать плетей и кандалы, — вынес краткий приговор Джонстоун. Он кивнул капралу Сэмпсону, и тот притащил из кормовой рубки кошку — ту самую, о которой говорил мистер Тислтуэйт, вовсе не похожую на мяукающее четвероногое существо. Это был устрашающий инструмент с толстой веревочной рукояткой и девятью тонкими пеньковыми плетями, завязанными множеством узлов и заканчивающимися свинцовыми шариками.

Первым порывом Ричарда было броситься обратно в камеру, но он тут же увидел, что всех каторжников выводят на палубу.

Шестерых узников раздели до пояса — двадцать плетей вряд ли нанесли бы существенный ущерб их обнаженным ягодицам. Первую

жертву привязали к крыше кормовой рубки. Плетка в мощных руках Сэмпсона со свистом рассекла воздух. Хлыст, трость или тонкая дубинка оставляли на теле красные полосы, толстая дубинка — крупные синяки, а это злодейское орудие с первого удара разрывало кожу, а от свинцовых шариков на концах девяти пеньковых плетей мгновенно вспухали алые волдыри. Капрал Сэмпсон знал свое дело: пехотинцев часто подвергали порке, обычно назначая им не более двенадцати ударов. Каждый раз плеть опускалась на новое место, поэтому к двенадцатому удару спина провинившегося оказалась исполосованной в кровь и покрытой волдырями размером с детский кулак. Несчастливого окатили ведром морской воды, отчего он пронзительно взвизгнул, и унесли, а на его место привязали следующего. Капрал Сэмпсон действовал бесстрастно, не выказывая ни ненависти, ни жалости к своим жертвам. После порки всех шестерых заковали в ножные кандалы, соединенные цепью такой же длины, как на «Церере». Кивком лейтенант Джонстоун отпустил палача и десяток побледневших рядовых.

К горлу Ричарда подкатила тошнота. Он подбежал к борту, наклонил голову, и его вырвало. Слишком обессиленный, чтобы выпрямиться, он еще долго висел вниз головой, глядя в воду, искрящуюся на расстоянии десяти футов. Едва его зрение прояснилось, он заметил, что вода совсем прозрачная. Сквозь нее медузы казались морскими призраками, зонтиками из переливчатого шелка, их длинные извилистые щупальца легко боролись с волнами и течением.

Внезапный сильный плеск заставил Ричарда вздрогнуть: длинное, скользкое, радужно переливающееся тело промелькнуло перед глазами, описало в воздухе над поверхностью воды плавную дугу и снова погрузилось в родную стихию, излучая радость. Дельфин? Морская свинья? Целая стая морских животных резвилась в волнах, словно играя в догонялки с грязным неповоротливым «Александром».

Слезы струились по лицу Ричарда, но он не пытался стереть их. Так устроена жизнь: божественная красота соседствует в нем с людским уродством. Какое место отведено человеку в этом блистающем мире?

Все пассажиры еще долго находились под тягостным впечатлением, оставленным поркой, а «Александр» тем временем плыл на юг, к Канарским островам. Джон Пауэр узнал от своего приятеля мистера Боунза, что его знакомый, Николас Гринуэлл, получил помилование за день до начала экспедиции и был тайно перевезен в Портсмут. Лейтенант Шарп еще помнил, какое негодование вызвала весть о помиловании Джеймса Бартлетта в Тилбери.

— Сначала я не заметил, что этот ублюдок исчез, а потом решил, что он отдал концы, — объяснял Пауэр Ричарду и мистеру Доновану на палубе под порывами ветра. — Ублюдок! Тварь! Это меня должны были помиловать, а не Гринуэлла!

Пауэр непрестанно твердил, что он невиновен, что вовсе не он помогал Чарлзу Янгу, о нынешнем местонахождении которого никто не знал, вывезти с лондонского склада четверть тонны лучшей шерсти, принадлежащей Ост-Индской компании. Сторож узнал Янга, но не мог поручиться, что его сообщником был именно Пауэр. Как обычно, присяжные на всякий случай признали Пауэра виновным, хотя сторож и не был уверен, что видел его. Пауэра приговорили к семи годам каторги.

— Помиловать должны были меня! — кричал Пауэр, потемнев лицом. — Гринуэлл — грабитель, это ясно как день! С такими я не якшался, мне надо было присматривать за больным отцом! Твари, мерзавцы, черт бы их всех побрал!

— Полно, полно, — успокаивал Донован, уже успевший рассказать Ричарду, что он протестант из Ольстера. — Джонни, поздно лить слезы. Помни о порке и возвращайся домой, как только отбудешь срок.

— К тому времени отец умрет!

— Откуда тебе знать? А теперь ступай работать, иначе тебе запретят помогать матросам.

Понемногу ярость утихла, но боль осталась. Джон Пауэр взглянул на четвертого помощника глазами, полными слез, и отошел.

— Странно, что он не пришелся вам по душе, — задумчиво произнес Ричард, решив наконец обо всем поговорить в открытую. — Почему вы выбрали меня, тощего старика?

На смазливом лице Донована отразилось изумление, но в глазах заплясали лукавые искры.

— Я выбрал вас, Ричард, хотя и не рассчитывал на взаимность. Ведь даже кошка имеет право смотреть на короля.

После смерти еще нескольких человек на борту «Александера» осталось сто восемьдесят восемь каторжников.

Когда Томас Гиринг из Оксфорда был на волосок от смерти, из тумана выросла громада Тенерифе. Моросил мелкий дождь, поэтому каторжникам велели спуститься вниз, и они так и не увидели, что корабль входит в гавань.

Пехотинцы, которые на протяжении трех недель только кормили каторжников да лечились сами, рьяно взялись за свои обязанности. Самой сложной из них в море было отваривание кусков солонины, которые

сержант Найт должен был сам взвешивать на весах, проверенных агентом флота, лейтенантом Шортлендом. Но поскольку агент не мог присутствовать при этом обряде, сержант Найт просто резал говядину или свинину на куски весом около полуфунта для каторжников и около полутора фунтов — для пехотинцев. Каторжникам полагалось выдавать горох или овсянку, но такими лакомствами сержант Найт баловал их лишь по воскресеньям, после церковной службы. Ему и без того пришлось зря кормить больных до начала экспедиции, а уж взвешивать порции его нельзя было заставить никакими силами. Даже когда лейтенант Шарп присутствовал при раздаче еды, Найт не делал попытки восстановить справедливость, и Шарп молчал. Попробовал бы он только открыть рот!

Сорок пехотинцев, вынужденных жить в тесноте, постоянно ссорились между собой. Казалось бы, новое помещение должно было порадовать их, но этого не произошло. Конечно, оно было гораздо удобнее, а высота потолка — значительно выше. Но в том же помещении вдоль потолка проходил румпель, который стонал, скрипел, постукивал, а иногда и грохотал, ворочаясь в своем парусиновом гнезде, когда рулевой с силой поворачивал руль. Воздух и свет вливались в помещение через несколько иллюминаторов, к вони пехотинцы притерпелись, а чистоту старались поддерживать сами.

Однако несмотря на все привилегии, пехотинцы чувствовали себя обделенными: законные полпинты рома им выдавали далеко не каждый день. Капитан Дункан Синклер, ведавший запасами спиртного, взял на себя обязанность разбавлять ром водой, приготавливая грог. Это вызвало бурю негодования еще до отплытия «Александера» из Портсмута, в результате чего несколько дней ром подавали таким, каким ему и полагалось быть, — чистым и неразбавленным. Но едва острова Силли скрылись за кормой, пехотинцев вновь перевели на водянистый грог. О блаженном сне их заставляло забыть кряхтенье румпеля, отвлечься от мрачных мыслей было нечем. На борту корабля все земные удовольствия пехотинцам и матросам заменял ром, а теперь и те и другие были вынуждены довольствоваться грогом. Ненависть к Синклеру среди пехотинцев и матросов вспыхнула мгновенно. Но Синклера это не заботило: он предусмотрительно превратил свое обиталище, ютовую надстройку, в настоящую крепость. Чуть позднее он собирался начать продавать ром, который покамест выдавал бесплатно. Если эти уболюдки захотят получать по полпинты чистого рома, пусть платят за него. Ему и так пришлось оплачивать строительство надстроек — Синклер знал, что адмиралтейство ни за что не согласится платить по счету.

И вот теперь, очутившись в порту Санта-Крус-де-Тенерифе,

пехотинцы мечтали лишь об одном: поскорее сойти на берег и разыскать ближайшую таверну. Но майор Росс запретил им покидать корабль! Надменным голосом лейтенант Джонстоун объявил подчиненным, что в дневные часы на корабле решено усилить охрану, поскольку губернатор Филлип распорядился выпускать каторжников на палубу даже во время стоянки в порту. Более того, губернатор Филлип и его адъютант лейтенант Кинг намерены посетить «Александр», а когда состоится этот визит — неизвестно.

— И горе тому морскому пехотинцу, чья кожаная куртка не будет застегнута под горло, а кожаные гетры окажутся неподтянутыми! Корабль кишит самыми отъявленными преступниками, — с усталым взмахом руки заключил лейтенант Джонстоун, — а Тенерифе находится не так далеко от Англии, чтобы позволить себе потерять бдительность.

Сержант Найт, которому за протесты против грога пригрозили трибуналом, приуныл, как и его подопечные.

В довершение всего на «Александре» не было ни одного старшего офицера. Удобно расположившись в каютах на шканцах, лейтенанты Джонстоун и Шарп перестали интересоваться тем, как живет их подчиненным. У них были ординарцы, по совместительству доносчики, и собственный камбуз, возможность брать на борт скот и пользоваться корабельной шлюпкой, если им в море вдруг приходило в голову навестить друзей на других судах флотилии. Рядовые, барабанщики, капралы и единственный сержант совсем забыли, что их главная задача — кормить и охранять почти две сотни преступников. Они не сомневались, что в порту каторжников запрут на нижней палубе. А теперь выяснилось, что сумасшедший губернатор решил выпускать их на палубу даже во время стоянки!

Разумеется, ром появился на борту в тот же момент, когда команду отпустили на берег: договорившись с матросами, пехотинцы в складчину купили вождеденный напиток и наконец-то смочили пересохшие глотки, на время забыв об опостылевшем гроге Синклера. Удача вновь улыбнулась им. Днем четвертого июня губернатор Филлип и его свита в первую очередь решили посетить «Александр». Пока капитан Синклер учтиво беседовал с губернатором, каторжников построили на палубе под надзором пехотинцев. Глаза последних заплыли, от них несло перегаром, но кожаные куртки и гетры выглядели безупречно.

— Как досадно, — заявил Филлип, осматривая камеру, — что мы не можем поудобнее устроить этих несчастных. Я видел, что четырнадцать человек не в состоянии даже ходить, в камере по проходам между столов

могут одновременно прогуливаться не более сорока человек. Вот почему необходимо как можно чаще выпускать их на верхнюю палубу. А если возникнут осложнения, — добавил он, обращаясь к Роберту Россу и двум лейтенантам, — закуйте нарушителей в кандалы — хотя бы на несколько дней, и они присмирят.

Стоя на палубе в строю каторжников, Ричард во все глаза смотрел на человека, которого можно было принять за брата сеньора Томаса Хабитаса. Нос губернатора Филлипа был длинным и крючковатым, на переносице виднелись две глубокие вертикальные морщины, полные губы были чувственными, макушка — лысой. Он не носил парика, редкие волосы зачесывал за уши и заплетал в косицу на затылке. Ричард вспомнил слова Джимми Тислтуэйта о том, что отец губернатора, Якоб Филлип, был учителем языков из Франкфурта, откуда бежал, когда лютеране начали преследовать немецких евреев. Мать Филлипа выросла в респектабельной английской семье, но ее родственник лорд Пемброк не считал нужным помочь подающему надежды юноше получить образование или сделать карьеру. Филлип всего добился сам, в том числе и во время службы в португальском флоте, — еще одна ниточка, связывающая его с сеньором Хабитасом. Оказавшись совсем рядом с его превосходительством губернатором Нового Южного Уэльса, Ричард внезапно ощутил нелепое чувство успокоенности.

Адъютанту и протеже Филлипа, лейтенанту Филиппу Гидли Кингу, было на вид немногим больше двадцати лет. Судя по разговорчивости и энтузиазму, он был англичанином кельтских кровей. Об английском происхождении свидетельствовали его щепетильность и пристрастие к фактам и цифрам, проявившиеся, пока гости осматривали корабль. Похоже, майор Росс презирал юного болтуна.

Во вторник каторжникам удалось наконец рассмотреть Санта-Крус и берега Тенерифе, вид на которые открывался с верхней палубы корабля. В полдень их накормили свежей козлятиной, вареной тыквой, вполне съедобным хлебом и крупным, сырым, сочным луком. Эти овощи мало у кого вызвали прилив радости, но Ричард съел свою луковицу, как яблоко. Смачно похрустывая, он перепачкал весь подбородок соком, смешанным со слезами.

Городок Санта-Крус-де-Тенерифе был маленьким и ничем не примечательным, а земли вокруг него — истощенными, сухими и негостеприимными. Ричард надеялся увидеть гору, о которой читал, но ее скрывали серые облака, нависшие над островом, хотя со стороны моря небо было чистым. Эти облака казались шляпой, нахлобученной на вершину

Тенерифе, как на голову осла, которого Ричард разглядел у каменной пристани, — это было его первое впечатление от мира, так непохожего на английский. Очевидно, с лодок здесь не торговали, или же их отогнали к берегу патрульные суда, описывающие круги возле транспортных кораблей. «Александр» покачивался между двух тросов, привязанных к плавающим бочонкам. Самый трезвый из матросов объяснил Ричарду, что дно гавани усеяно острыми обломками железа: испанцы, которые использовали железные полосы в качестве балласта, просто выбрасывали их за борт, начиная погрузку. Если бы тросы не держались на плаву, железные обломки перерезали бы их.

Им повезло пристать к острову в лучшее время года, сообщил Ричарду второй матрос, который не раз бывал на Тенерифе. Воздух уже прогрелся, но не был ни горячим, ни влажным. Самый невыносимый месяц на острове — октябрь, а с июля по ноябрь здесь дуют раскаленные ветры, которые приносят целые тучи песка из Африки. А ведь до Африки несколько сотен миль! Ричарду всегда казалось, что весь африканский континент занимают непроходимые джунгли, но, видно, он ошибался. Атласские горы, на плечах которых держится весь мир, находятся на той же широте, что и Тенерифе. Поразмыслив, Ричард вспомнил также, что на западном побережье Африки расположена Ливийская пустыня.

В среду на рассвете Стивен Донован спустился в камеру и разыскал Ричарда.

— Морган, мне нужна ваша помощь, — коротко сказал он, недовольно поджимая губы. — Возьмите с собой десять человек. Да поторапливайтесь!

С каждым днем, проведенным в гавани, Айку Роджерсу становилось лучше. Вчера он с таким наслаждением съел свою луковицу, что получил вдобавок несколько чужих. Тыква тоже пришлась ему по вкусу, а от мяса и хлеба он отказался. Айк страшно похудел, щеки ввалились, кожа обтянула кости, а суставы на запястьях казались огромными. Джо Лонгу не хотелось оставлять Айку одного, поэтому Ричард решил взять с собой Питера Морриса из отряда Томми Краудера.

— А почему не меня? — обиделся Краудер.

— Потому, Томми, что четвертый помощник выбирает не тех, кто сумеет лучше ублажить его. Ему нужны работники.

— Тогда пусть идет Пит, — заявил Краудер и успокоился: он как раз вел щекотливые переговоры с сержантом Найтом, надеясь разжиться ромом, пусть даже по непомерной цене.

На палубе десять каторжников увидели, как мистер Донован вышагивает туда-сюда, нахмурив лоб.

— Садитесь в шлюпку, — отрывисто приказал он. — Мне с трудом удалось найти трезвых матросов, чтобы выкатить на палубу пустые бочки для воды, а надо еще отвезти их на пристань и наполнить водой. Этим вы и займетесь. Вы должны подчиняться Дикки Флоуну. Пехотинцы тоже пьяны, охранять вас некому. Сколько человек из вас умеют грести?

Отозвались все четверо бристольцев. Мистер Донован помрачнел еще сильнее.

— Тогда вас отвезут до причала на буксире, хотя я ума не приложу, где бы раздобыть лихтер. — Заметив неподалеку второго помощника, сына морского агента, мистер Донован окликнул его: — Мистер Шортленд, мне необходим буксирный лихтер, чтобы привезти на судно бочки с водой. Вы не знаете, где его найти?

После минутного раздумья мистер Шортленд решил прибегнуть к родственным связям и подал сигнал «Фишберну», где расположился его отец. С «Фишберна» ответили так стремительно, что уже через полчаса шлюпка с «Александера», нагруженная пустыми бочками, плыла на буксире к причалу.

На засушливом и уединенном острове Тенерифе имелась превосходная вода. От источника близ города Лагуна она поступала к побережью по деревянным трубам — по мнению Ричарда, привезенным из Испании — и вытекала из отверстий, расположенных над коротким каменным причалом. Когда никто не наполнял этой водой бочки, она утекала в гавань. С момента отплытия из Портсмута пассажиры «Александера» израсходовали четыре тысячи галлонов воды, поэтому предстояло наполнить двадцать шесть стошестидесятигаллонных бочек, а на наполнение каждой уходило два с половиной часа. Но поскольку труб было несколько, удавалось наполнять по шесть бочек одновременно. А если бы испанцы додумались соорудить деревянный причал на сваях, шлюпки с бочками могли бы подплывать под него и наполнять бочки, не выгружая их на пристань. Товарищам Ричарда пришлось поставить по бортам шлюпки по шесть бочек и то и дело поворачивать шлюпку, доливая воды то в одну, то в другую бочку. Если бы не эта мера предосторожности, лодка перевернулась бы под тяжестью бочек, вес которых превышал полтонны. Потому-то для работы требовалось не менее десяти человек, чтобы отталкиваться от причала, приставать к нему и работать веслами, помня, что Донован приказал наполнить все бочки за один день. Завтра водой предстояло запастись экипажу «Скарборо».

Вторую шлюпку с «Александера» привезло еще одно буксирное судно, в ней стояло четырнадцать бочек. Надеюсь немного побыть на берегу,

матросы с буксира поспешили отвести первую шлюпку обратно к «Александреру». Эти матросы подчинялись приказам мистера Сэмюэла Роттона, одного из помощников капитана «Сириуса», которому было поручено следить за тем, как суда запасаются водой. Слабый здоровьем, Роттон выполнял эту работу, прячась под зеленым шелковым зонтиком, одолженным у прелестной миссис Деборы Брукс, жены боцмана с «Сириуса» и близкой подруги губернатора.

— Это правда? — спросил Ричард у Дикки Флоуна, известного сплетника.

— А как же, Морган! Что тут странного? Об этом знает весь экипаж «Сириуса», в том числе и сам Брукс. Он давний товарищ Филлипа.

Сумерки сгустились задолго до того, как была наполнена последняя бочка; десять каторжников чуть не падали от усталости. За весь день им не перепало ни крошки, и на этот раз Ричард решил забыть о мерах предосторожности: невозможно работать под палящим солнцем, не испытывая мучительной жажды, а вокруг не было пресной воды, кроме той, что поступала по трубам из Лагуны. Ее и пили каторжники, в том числе Ричард.

Только после восьми вечера каторжники поплыли на «Александр», устало прислонившись к бочкам. К своему удивлению, они увидели, что гавань заполнили десятки лодчонок. На каждой поблескивали крохотные огоньки. Очевидно, жители острова ловили в гавани рыбу, которую нельзя было поймать днем. В золотистом свете фонарей иногда мелькали сети и живое серебро в них.

— Вы поработали на славу, — признал четвертый помощник, когда Ричард наконец неуклюже взобрался по трапу. — Пойдемте со мной. — И он направился к полубаку. — Ну, идем же! — снова повторил он. — Я знаю, что вы не обедали: на корабле нет ни единого трезвого человека, способного растопить плиту и не спалить при этом судно. Матросы пьяны в стельку, но кок, мистер Келли, любезно оставил вам еду, прежде чем улегся в гамаке в обнимку с бутылкой.

Это был первый пир Ричарда за последние шесть месяцев, с тех пор как его отряд покинул «Цереру»: жареная холодная баранина, тыквенная каша, лук вперемешку с травами, свежие булочки с маслом и легкое пиво.

— Масло! Глазам не верю! — повторял Джимми Прайс, подбородок которого лоснился.

— Мы тоже не поверили, — сухо отозвался Донован. — Похоже, масло, предназначенное для офицеров, по ошибке положили не в те бочонки. Скоропортящиеся продукты должны храниться в емкостях с

двойными стенками, но подрядчики решили сэкономить и рассовали масло по обычным бочкам. Поэтому оно вскоре начало портиться. Вот его и раздали всей флотилии, чтобы съесть, пока оно не пропало. Плотникам уже поручено изготовить лари для хранения масла, но их заполнят только во время стоянки у мыса Доброй Надежды. Близ Тенерифе молочных коров нигде не найти.

Насытившись, каторжники разбрелись по нарам и спали до тех пор, пока не зазвонили церковные колокола, призывая горожан к полуденной службе. Вскоре после этого заключенных вновь накормили — на этот раз козым мясом, свежими кукурузными лепешками и сырым луком.

Ричард отдал Айку мягкую булочку с маслом, которую припрятал вчера вечером за пазухой.

— Попробуй съесть ее, Айк. Масло пойдет тебе на пользу.

Айк охотно сжевал булочку: после трех дней и четырех ночей, проведенных в порту, ему стало гораздо лучше.

— Скорее! — послышался крик Джоба Холлистера, свесившего голову в люк. — Идем со мной! — Ричард поспешно поднялся на палубу. — Ты только посмотри! Таких громадин я не видел ни в Бристоле, ни даже в Кингсроуде!

В гавань вошел голландский корабль из Ост-Индии. Его водоизмещение превышало восемьсот тонн, рядом с ним «Сириус» казался карликом. Голландское судно имело низкую осадку и, как решил Ричард, направлялось на родину с грузом специй, перца и тикового дерева, которыми изобиловали голландские колонии в Ост-Индии. Возможно, в каюте капитана хранился также сундук с сапфирами, рубинами и жемчугом.

— Идет домой, в Голландию, — произнес Джон Пауэр. — Ручаюсь, судно потеряло чуть ли не половину экипажа. Такое часто случается. — Заметив призывный жест мистера Боунза, Пауэр отошел.

Уверенные, что высшие чины теперь не скоро придут с очередным осмотром, морские пехотинцы воздали должное рому. Импровизированный суд приговорил сержанта Найта к нескольким символическим ударам плетью. Рядовые Элиас Бишоп и Джозеф Макколдрен, зачинщики «ромового бунта» на «Александрере», опасались, что их приговорят по меньшей мере к ста ударам, но вскоре обнаружили, что симпатии морского офицера отнюдь не на стороне капитана Дункана Синклера. Два лейтенанта редко появлялись на борту, предпочитая обедать с товарищами на других судах или скупать коз и кур на базаре в Санта-Крус, не говоря уже о путешествиях по Тенерифе в поисках местных красавиц и всех доступных

развлечений.

Некоторым каторжникам тоже удалось раздобыть ром, а на «Скарборо» заключенным продавали голландский джин, бочонок которого был выловлен в море неподалеку от островов Силли. На вкус англичан, джин был слишком горьким и крепким. В английский джин и ром обычно добавляли сахар, поэтому у тех, кто питал к ним пристрастие, рано портились зубы. Томми Краудер, Аарон Дэвис и остальные обитатели нижних нар разжились у сержанта Найта ромом и теперь блаженно храпели. Впервые со дня погрузки нижнюю палубу «Александера» оглашал столь гулкий храп. В пятницу на верхнюю палубу вышли только Ричард и те из его товарищей, которые не желали тратить деньги на спиртное. Ночью от храпа вновь содрогались переборки.

В субботу, через пять часов после рассвета, высокомерный и грубый первый помощник капитана, Уильям Эстон Лонг, спустился в камеру за Джоном Пауэром, но его на месте не оказалось. Первого помощника проводили недоуменными взглядами, лицо самого мистера Лонга было мрачным.

Несколько морских пехотинцев, отупевших от пьянства, хриплыми голосами приказали каторжникам выходить на палубу, да поживее. Удивленные узники принялись спускаться с нар и выходить из-за столов — многие уже сидели за ними в ожидании обеда.

Из своей каюты вышел капитан Дункан Синклер, надутое лицо которого выражало высшую степень недовольства.

— У моего отца была свинья — вылитый капитан Синклер, — сообщил Билл Уайтинг так, что его услышало человек тридцать каторжников. — Не понимаю, почему все охотники так боятся разъяренных диких кабанов, — ни один кабан или даже бык не совладал бы с этой тварью! Ей подчинялся весь скотный двор, курятник, пруд и мы сами. Воплощенное зло!

Бог давно отчаялся вразумить ее, а сатане это было и подавно не под силу. После этой свиньи оставались огромные кучи навоза, она съедала поросят нам назло. Один хряк чуть не умер от натуги, когда вздумал ублажить ее. Ее звали Эсмеральда.

Отныне все обитатели «Александера» стали за глаза звать капитана Дункана Синклера Эсмеральдой.

Поминутно хватаясь за раскалывающиеся головы, раздраженные пехотинцы обшарили все тюремное помещение, ничего не нашли и продолжили обыск по всему кораблю. Джона Пауэра искали даже в свернутых запасных парусах. Но он как сквозь землю провалился — вместе

с четырехвесельной шлюпкой.

Майор Росс прибыл на борт ближе к полудню, к этому времени растерянные пехотинцы успели слегка протрезветь. Лейтенантов Джонстоуна и Шарпа срочно вызвали с «Леди Пенрин», где они обычно обедали в компании капитана Джеймса Кэмпбелла и двух его лейтенантов. После «ромового бунта» майор Росс был не расположен выслушивать известия о новых происшествиях на борту самого злополучного из одиннадцати кораблей. Каторжники на нем продолжали умирать, морские пехотинцы были вечно чем-нибудь недовольны, а Дункана Синклера Росс считал попросту недоноском какой-нибудь шлюхи из Глазго.

— Найдите Пауэра, Синклер, — потребовал майор, — иначе ваш кошелек облеγχится на сорок фунтов. Об этом происшествии я доложу губернатору, и он вряд ли останется доволен. Найдите его, ясно?

Пауэра нашли, но лишь в воскресенье утром, когда флотилия готовилась к отплытию. Выяснилось, что Пауэр подплыл в шлюпке к голландскому кораблю и долго умолял капитана взять его в команду. Поскольку Пауэр был одет, как многие английские каторжники, которых капитан-голландец повидал на других судах, просителю вежливо отказали и велели покинуть корабль. Но прежде кто-то из сердобольных матросов сунул Пауэру кружку джина.

Отправленные на поиски отряды матросов с «Александера» и «Запаса» сначала нашли шлюпку, привязанную к камню у пустынного мыса. Обессиленный от горя и голландского джина, Пауэр крепко спал, свернувшись за грудой камней, поэтому не успел удрать. Синклер и Лонг требовали отвесить ему двести ударов плетью, но губернатор велел только заковать беглеца в двойные кандалы и приковать к палубе. На палубе Пауэру предстояло провести двадцать четыре часа, а кандалы с него могли снять лишь с разрешения губернатора.

«Александр» вышел в море. Корабельный плотник Чипе заковал Джона Пауэра в кандалы и прибил их к палубным доскам так, что несчастный был вынужден лежать ничком. Под страхом наказания никто не смел приближаться к нему. Но едва наступила ночь, мистер Боунз принес другу миску воды, которую тот вылакал, как пес.

Едва корабли отошли от окутанного утренним туманом Тенерифе, выяснилось, что над морем стоит ясный, солнечный день. На этот раз они видели за кормой остров в течение целых трех дней, и это зрелище Ричард считал незабываемым. Пик Тенерифе возвышался на двенадцать тысяч футов над поверхностью океана, его зубчатую вершину венчала белоснежная шапка, «талию» охватывал пояс серых туч. В лучах заходящего солнца снег

на вершине горы стал нежно-розовым, облака — малиновыми, а на одном из склонов застыл поток расплавленной лавы вперемешку с древними камнями, которых никогда не касались солнце, ветер или песчаные африканские бури. Удивительная картина!

Назавтра утром остров еще виднелся вдали, а на третий день, когда налетел свежий ветер, поднявший волны, остров стал напоминать лежащую на горизонте огромную руку с поднятым пальцем, заканчивающимся острым ногтем. Только когда корабли удалились от Тенерифе на сто миль, остров скрылся за горизонтом.

Пятнадцатого июня флотилия пересекла тропик Рака, по случаю чего была устроена пышная церемония. Все пассажиры судна, ни разу не бывавшие южнее этой воображаемой линии, должны были предстать перед самым владыкой морей Нептуном. Палубу украсили раковинами, сетями, морскими водорослями и огромной медной лоханью с морской водой. Два матроса протрубили в витые морские раковины, и с полубака на палубу вынесли на троне, сделанном из бочонка, вселяющее ужас чудовище, лишь отдаленно напоминающее Стивена Донована. На его голове красовались парик из водорослей и зубчатая медная корона, бороду заменяли опять-таки водоросли, лицо, обнаженный торс и руки были выкрашены в голубой цвет, а на ноги надели хвост пойманной вчера рыбы-меч, которую предварительно выпотрошили. В одной руке Нептун держал трезубец — точнее, гарпун «Александера», инструмент с тремя неровными зубцами, с помощью которого матросы ловили крупную рыбу. Каждого пассажира поочередно выводили вперед два матроса с голубыми лицами, в набедренных повязках из водорослей. Пассажиров спрашивали, пересекали ли они когда-нибудь тропик Рака, и, если те отвечали отрицательно, их макали в лохань с морской водой. После этого Нептун хлопал новообращенного по плечу, пачкая его краской, и отпускал восвояси. Особое удовольствие зрителям доставило купание лейтенантов Джонстоуна и Шарпа — впрочем, оба были заранее предупреждены о церемонии и облачились в матросскую одежду.

Всем выдали ром, в том числе и каторжникам; кто-то принес свистульку, и матросы пустились в странный пляс, наклоняясь и распрямляясь со сложенными на груди руками, описывая круги, перескакивая с ноги на ногу. Затем началось пение хором, после чего матросы, зная, что каторжники тоже умеют петь, уговорили их исполнить пару песен. Ричард и Тэффи спели балладу Томаса Теллиса, перешли на «Зеленые рукава», народные баллады и мелодии, которые часто слышали в тавернах. Каждому досталось по миске сваренной мистером Келли ухи из

рыбы-меч. Размочив в ней черствый хлеб, каторжники сочли яство на редкость вкусным. С наступлением темноты зажгли фонари. Пение продолжалось до десяти часов, пока капитан Синклер не выслал на палубу стюарда Триммингса с приказом разойтись, — приказ касался всех, кроме вахтенных.

Паруса флотилии надували северо-восточные пассаты, морские течения быстро несли ее на юго-запад. Ни одно судно с прямыми парусами не уцелело бы при ветре, дующем прямо в парус: корабли держались под углом к ветру, так, чтобы он попадал на ведущую кромку паруса. Идеальным считался ветер, дующий между кормой и серединой корабля. Поскольку ветры и течения несли корабли к Бразилии, вдаль от побережья Африки и поперек Атлантического океана, все понимали, что рано или поздно флотилия прибудет в Рио-де-Жанейро. Оставалось лишь узнать, когда это будет. Хотя на Тенерифе все бочонки для воды наполнили доверху, губернатор Филлип предусмотрительно распорядился пополнить запасы пресной воды на островах Зеленого Мыса, принадлежащих Португалии и расположенных почти точно к западу от Дакара.

Восемнадцатого июня, ветреным жарким днем, мимо кораблей начали проплывать острова Зеленого Мыса — Саль, Бонависта, Мейо. «Александр» двигался вперед со скоростью сто шестьдесят пять морских миль в день, что равнялось ста девяноста сухопутным милям. Впрочем, при подготовке к плаванию не учитывались отклонения от курса — в расчет принималось только расстояние по прямой. Бывало, корабль проходил за день меньше, чем было намечено, поскольку в полдень время тратилось на определение широты и долготы. Морские сутки продолжались от одного полудня до следующего, когда с помощью секстанта и солнца можно было определить широту, а точную долготу вычисляли по показаниям хронометров — оба этих инструмента хранились на флагмане «Сириус». Как только офицеры «Сириуса» вычисляли долготу, ее передавали другим десяти кораблям, поднимая соответствующие флаги.

Огромный скалистый Сантьяго появился впереди утром девятнадцатого июня. Плавание продолжалось без приключений, пока флотилия не обогнула юго-восточный мыс, направляясь в гавань Прайя. Внезапно наступил полный штиль, ветер утих — если не считать «кошачьих лапок», легких порывов со всех сторон. В довершение всего поднялись высокие волны, бьющиеся о рифы. Увидев, что «Скарборо» и «Александр» отнесло почти в зону прибоя, на расстояние полумили от берега, губернатор приказал флотилии отойти в море. Пополнить запасы воды не удалось.

А потом «Александр» вновь навлек на себя гнев губернатора. Лейтенанты Джонстоун и Шарп часто бывали на борту «Леди Пенрин», одного из двух самых медлительных судов. Офицеры на обоих кораблях держали овец, свиней, кур и уток, которых не только ели, но и резали сами. У капитана, его помощников и команды были свои припасы, и свежая пища ценилась так высоко, что матросы не делились выловленной рыбой с пехотинцами, и наоборот. В команде было несколько заправских рыбаков, зато пехотинцы запаслись лесками, крючками, поплавками и грузилами для ловли. Каторжников, умеющих ловить рыбу, тоже привлекали к этой работе, пополняя их рацион наваристой ухой.

Домашнюю птицу морские офицеры съедали без посторонней помощи, однако в тропических водах подолгу хранить баранину или свинину было невозможно — всю свинью или овцу следовало съесть сразу. Голодные каторжники считали, что морским офицерам следовало бы делиться мясом с экипажем судна, но не тут-то было. Свою провизию офицеры предпочитали уничтожать сами или вместе с равными себе. Поэтому когда Джонстоун и Шарп резали свинью или овцу (коз берегли из-за молока), то вывешивали на корме «Александера» скатерть. Увидев ее, капитан Кэмпбелл и его два лейтенанта посылали шлюпку за своей долей мяса. Когда же скатерть вывешивали на носу «Леди Пенрин», лейтенанты с «Александера» поспешно спускали на воду шлюпку и плыли за свежатиной.

К великой радости Джонстоуна и Шарпа, двадцать первого июня на носу «Леди Пенрин» заполоскалась скатерть. Два офицера тут же велели спустить шлюпку и отправились в гости к друзьям, предвкушая сытный обед. Тем временем губернатор Филлип, капитан Хантер, майор Росс, судья Дэвид Коллинз и десяток других высокопоставленных особ с «Сириуса» с изумлением наблюдали за тем, как офицеры с «Александера» отважно сражаются с высокими волнами, которые ветер гнал с северо-запада. Двенадцать рядовых пехотинцев гребли слаженно и умело, шлюпка быстро проделала путь в оба конца и благополучно вернулась к «Александеру». Пока ее поднимали на палубу, Джонстоун и Шарп глотали слюнки, представляя, как вскоре полакомятся сочной свининой с луком, тушенной в козьем молоке.

Но тут за ними прислал капитан Синклер.

— На «Сириусе» подняли флаги, — бесстрастно сообщил он. — Поднимитесь на ют и прочтите сигнал.

Два лейтенанта взобрались на ют, где Синклер держал своих кур, овец и коз, а также шесть откормленных свиней в грязном загоне, заботливо

защищенном от солнца и снабженном корытом с морской водой.

«Шлюпки с „Александера“ впредь спускать только с особого разрешения губернатора», — гласили флаги.

Приказ был кратким и равнодушным, но майор Росс восполнил это упущение в тот же день, после того как побывал на «Сириусе».

— Чертовы болваны, я прикажу выпороть вас до полусмерти! — ревел он, не заботясь о том, что его слышат все присутствующие на палубе. Майор Росс вовсе не желал терять драгоценное время и вызывать виновных к себе в каюту, чтобы высказать все, что он о них думал. — Мне плевать на ваши уговоры с Кэмпбеллом и молокососами с «Леди Пенрин»! Хватит гонять шлюпки без толку, и точка!

Не дожидаясь ответа, он снова спустился по веревочной лестнице в шлюпку и отправился на «Леди Пенрин», чтобы еще раз излить гнев.

Рядовые пехотинцы, матросы и каторжники покатывались со смеху. Не выдержав унижения, лейтенанты Джонстоун и Шарп заперлись в каютах и принялись обдумывать план самоубийства.

Плавание проходило гладко, пока дули северо-восточные пассаты, но к концу июня ровный и сильный ветер утих, его сменил налетающий временами бриз. Пришлось часто поворачивать и поднимать паруса; все затаив дыхание наблюдали за усилиями рулевого и ждали, поймает ли парус ветер, который сможет направить корабль по верному курсу. Если ветер утихал, корабль вновь менял румб, и все начиналось сначала. Работа с парусами сменялась ожиданием — и так без конца.

Ричард занялся ловлей рыбы — но не потому, что ему везло, а потому, что он проявлял неиссякаемое терпение. Когда же брался удить рыбу Билл Уайтинг, он рассчитывал, что рыба клюнет, стоит только забросить удочку, и наотрез отказывался часами торчать у борта. Солнце стояло в зените, палуба раскалялась, жар становился невыносимым — особенно для светлой кожи англичан. И в этом Ричарду снова повезло: до прибытия на Тенерифе он успел обгореть, а потом покрылся ровным коричневым загаром, как и Тэффи и остальные темноволосые каторжники. Но светлокожие и веснушчатые Билл Уайтинг и Джимми Прайс предпочитали прятаться на нижней палубе, залечивая солнечные ожоги целебной мазью Ричарда и каламиновой настойкой, на которую не скупился доктор Балмен.

Поэтому Ричард искренне обрадовался, увидев, как матросы натягивают над палубой парусиновый тент, привязывая его к леерам, вантам и другим опорам.

— А я и не знал, что Эсмеральда так боится обгореть, — сказал он Стивену Доновану.

Донован залился смехом.

— Ричард, Эсмеральде солнце нипочем. Дело в том, что мы приближаемся к линии экватора — можно сказать, что спокойная жизнь на кораблях кончилась. Эсмеральде известно, что вскоре начнутся штормы. На тентах будет скапливаться дождевая вода, ясно? Видишь, один из углов тента опущен — под него в дождь подставят бочку. Это целое искусство — натянуть тент из старого паруса так, чтобы получилось нечто вроде блюдца с «водосточной трубой» с одной стороны. Мы вышли из зоны действия пассатов — так считаю не только я, но и Эсмеральда.

— Почему же вы всего-навсего четвертый помощник капитана, мистер Донован? По-моему, вы работаете ничуть не меньше мистера Лонга, и, уж конечно, вы гораздо опытнее мистера Шортленда и мистера Боунза.

Синие глаза прищурились, губы растянулись в улыбке, однако Ричарду она показалась горькой.

— Понимаешь ли, Ричард, я ирландец, и хотя мне довелось побывать с адмиралом Родни в Вест-Индии, я служу в торговом флоте. Эсмеральда хотел назначить меня вторым помощником, но агент флота приберег это местечко для своего сына. Узнав об этом, Эсмеральда взбеленился: у него с отцом Шортленда давние счеты. В итоге лейтенант Шортленд обосновался на «Фишберне», а сына оставил здесь. Но мистер Боунз ни за что не согласился бы стать четвертым помощником, поэтому это место досталось мне. Зато мы можем сменяться каждую вахту.

Ричард нахмурился:

— А я думал, слова капитана — закон для всего корабля.

— Если в дело вмешивается королевский флот — нет. Уолтон стремится извлечь из этой экспедиции всю мыслимую прибыль, вот почему капитаном «Дружбы» назначен его родственник, Фрэнсис Уолтон. Эсмеральда Синклер — партнер Уолтона. Строго говоря, почти все капитаны транспортных и грузовых судов — пайщики его компании. — Донован пожал плечами. — Если эксперимент в Ботани-Бей пройдет успешно, за право перевозить туда каторжников развернется ожесточенная борьба.

— Отрадно знать, — Ричард усмехнулся, — что и мы, отъявленные негодяи, кому-то приносим пользу.

— В особенности человеку по имени Уильям Ричард-младший. Это старший подрядчик, именно его вы должны благодарить за отвратительную еду, чтоб ему провалиться! О Боже, пошли нам пару-другую рыбин!

Леска в руке Ричарда дрогнула, как и леска в руке Донована. На корме послышался радостный возглас одного из матросов: мимо проплывала

большая стая тунца. Клевать стало так часто, что все, кто был на палубе, принялись спешно насаживать на крючки наживку, чтобы не упустить такой случай. Благодаря этой лихорадочной деятельности на палубу удалось вытащить не меньше пятидесяти крупных, бьющих хвостами рыбин. Наточив ножи, матросы и пехотинцы принялись чистить и потрошить улов — каторжникам ножей в руки не давали.

— Сегодня ухи хватит на всех, — довольно произнес Ричард. — А еще я рад, что ужин будет плотным. На полный желудок лучше спится. Конечно, наши лейтенанты будут жаловаться на то, что рыбой не наешься, но как-никак, это свежая пища.

С таким компаньоном, как море, было трудно заскучать: в нем всегда что-нибудь да происходило. Ричард уже привык наблюдать за крупными морскими свиньями и более мелкими дельфинами, которые гонялись друг за другом, играли, выскакивали из воды, не переставая завораживать его. Только теперь он понял, что морские обитатели не просто борются за выживание — они наслаждаются жизнью. Менее свободное существо, чем дельфин, вряд ли могло понять, как это прекрасно. Впрочем, прагматичный мистер Лонг объяснил, что эти животные выпрыгивают из волн, чтобы отпугивать хищников плеском и брызгами.

Над кораблями постоянно вились стаи птиц — буревестники, качурки, чайки. Поскольку с «Александера» им перепадали лишь рыбы потроха, Ричард понял, что птиц привлекают косяки рыб, даже самые немногочисленные.

В тот же день он впервые увидел акулу и кита — последний излучал спокойствие, его тело вздымалось над водой, двигалось так плавно, что не поднимало бурунов. Ричарду хотелось окунуться в кристально чистую воду, он надеялся, что когда-нибудь мистер Донован или кто-нибудь еще научит его плавать. Его удивляло то, что матросы никогда не купались, даже в ясные дни, когда забраться на борт не составляло труда.

Причину странной робости матросов он понял, как только впервые увидел морское чудовище. Почему-то один его вид заставил Ричарда похолодеть, хотя внешне это животное во многом напоминало дельфинов. Сначала Ричард увидел спинной плавник, рассекающий воду, как нож. Плавник возвышался на два фута над водой, устремившись к окровавленному клубку рыбьих потрохов, подскакивающих на волнах. Страшное существо темной тенью скользило под водой, и это продолжалось очень долго: похоже, оно имело длину не менее двадцати пяти футов, посередине его тело было округлым, спереди заканчивалось вытянутой мордой, а сзади — тонким раздвоенным хвостовым плавником,

который служил рулем. На крупной голове акулы Ричард разглядел тусклый черный глаз — это случилось, когда хищница подплыла к рыбьим кишкам, перевернулась на бок и втянула кровавое месиво в огромную зубастую пасть. Мелькнуло белое брюхо, и потроха тунцов исчезли; акула проглотила их все, до последнего кусочка, а затем неторопливо заскользила дальше, надеясь поживиться возле остальных кораблей флотилии.

«Господи Иисусе! Я столько слышал о китах и об акулах, я знал, что акула — это огромная рыба, но мне и в голову не приходило, что размером она не уступает киту. Этому существу неведома радость. У нее бездушные глаза».

Кит всплыл на поверхность на расстоянии длины троса от корабля. Это случилось так внезапно, что лишь Ричард, удивший рыбу с правого борта, да те, кто стоял поблизости, увидели, как могучее животное вынырнуло из воды, точно пушечное ядро. Мелькнули заостренная к носу голова, маленький умный глаз, пара пятнистых плавников, синевато-серая шкура, обросшая ракушками. Кит выпрыгнул из воды и снова нырнул, подняв тучу брызг; великолепный гибкий хвост на миг застыл в воздухе, словно зная, и с грохотом обрушился в воду, взметнув фонтан радужной пены. Левиафан глубин был величественнее боевого корабля.

Ричарду удалось увидеть целую стаю китов — они напомнили ему гравюру с изображением пасущихся слонов. Великаны пускали водяные фонтаны, царственно скользили по воде, исполняли неуклюже-грациозные танцы. Самка кита с детенышем долгое время плыли бок о бок с «Александром»; ее тело было испещрено шрамами и ракушками, а кожа малыша казалась безупречной. Ричарду хотелось встать на колени и возблагодарить Бога за такую честь, но долго наблюдать за китами он не осмелился. Куда плывет их флотилия? Подобно морским свиньям и дельфинам, киты наслаждались путешествием.

Шквал начался вскоре после того, как утих попутный ветер. Небо потемнело, на нем быстро сгустились тучи, поднялись высокие темно-синие волны с белоснежными гребнями, зловеще зарокотал гром. А потом налетел ураган, и воды взъярились, с неба полил дождь, засверкали молнии. Но час спустя небо вновь прояснилось, море успокоилось.

Каторжникам и морякам разрешили спать на палубе, и Ричард искренне удивлялся, видя, как многие отказываются от такой роскоши. Узникам было не привыкать спать на жестких досках, и все-таки сразу после темноты, которая в этих широтах наступала мгновенно, они удалялись в вонючую камеру. Морякам при любой погоде было удобно спать в гамаках, но товарищи Ричарда по несчастью не могли рассчитывать

даже на такую привилегию, и он пришел к выводу, что они просто боятся стихий.

Сам Ричард отыскал на палубе местечко и улегся, глядя на фантастическую пляску молний среди туч, с замиранием сердца ожидая ослепительной вспышки и громового удара. Но самую острую радость ему доставил дождь. Ричард предусмотрительно прихватил с собой мыло и теперь торопливо разделся и намылился, наслаждаясь лаской густой пены и зная, что вскоре дождь смоет ее. Он принес все вещи, которые хотел выстирать, — тонкий матрас, одежду, даже одеяла, хотя его уверяли, что после стирки одеяла сядут.

— Все, что не привинчено и не прибито к палубе, унесет ветер или вода! — негодуя объяснял Билл Уайтинг. — И как тебе не надоело торчать здесь? Если уж нам суждено потонуть, я хочу остаться на нижней палубе.

— Если одеяла и уменьшатся в размерах, то ненамного, Билл, не понимаю, почему ты так встревожился. Через час все они высохнут. Ты даже не заметил, как я забрал твоё одеяло, — ты сладко спал и похрапывал!

В последнее время Билл заметно повеселел — вероятно, оттого, что теперь каторжников часто кормили свежей рыбой. В этом и состояло преимущество плавания в океанских водах, как теперь понял Ричард. Хлеб уже никуда не годился, он кишел извивающимися червячками, которых Ричард предпочитал не замечать. Именно по этой причине большинство каторжников ели его, закрыв глаза. Постепенно хлеб становился все мягче, и это свидетельствовало о том, что омерзительные твари начали плодиться. Солонина не портилась, а в горохе и овсянке тоже появилось живое «мясо». А у Ричарда иссякали запасы солода.

— Мистер Донован, — однажды обратился он к четвертому помощнику, которому полагалось бы быть вторым, — не могли бы вы оказать мне одну услугу по прибытии в Рио-де-Жанейро? Я не осмелился бы беспокоить вас, но больше мне не к кому обратиться с такой просьбой, а вам я доверяю.

Он сказал правду. За долгие часы рыбной ловли дружба между ними окрепла. Ричарду казалось, что с Донованом его связывают более прочные узы, чем с остальными. Стивен Донован умел быть и серьезным, и легкомысленным, и остроумным, и чутким, он безошибочно угадывал многие мысли Ричарда. Постепенно Ричард стал относиться к Стивену, как к брату, забыв о том, что тот питает к нему отнюдь не братские чувства. Поначалу каторжники посмеивались над непонятной дружбой Ричарда с четвертым помощником, по-своему истолковывая его странную прихоть —

ночевки на палубе. Но Ричард оставался слеп и глух к насмешкам, даже не пытался возразить или оправдаться, и наконец все сошлись во мнении, что между ним и Донованом нет ничего, кроме дружбы.

В тот день, когда Ричард решил высказать свою просьбу, они со Стивеном опять рыбачили вдвоем. День выдался тихим, клева почти не было, ничто не отвлекало их. Донован нахлобучил на голову матросскую соломенную шляпу. Точно такую же шляпу Ричард купил у корабельного плотника, предпочитающего ром пребыванию на солнечной палубе.

Донован издал негромкий довольный возглас.

— Я буду рад оказать тебе услугу, — заверил он.

— У нас есть немного денег, а нам необходимы мыло, солод, деготь, тряпки, пара бритв и ножницы.

— Оставь деньги себе, Ричард, — на них ты купишь билет домой, когда истечет срок каторги. Я сам куплю тебе все, что понадобится.

Но Ричард отрицательно покачал головой.

— Я не могу принять такой подарок, — решительно возразил он. — Вы должны взять деньги.

Приподняв бровь, Донован усмехнулся.

— Ты думаешь, взамен я потребую любви? Обидно сознавать.

— Нет, что вы! Я не могу принять подарок только потому, что мне нечего подарить вам. А любовь здесь ни при чем.

Донован вдруг разразился неудержимым хохотом.

— Какой великолепный диалог! Я похож на юную девицу из дамского журнала! Нет ничего смешнее мук неразделенной любви «мисс Молли»! Прими подарок, Ричард: я хочу хоть чем-нибудь помочь тебе и не требую от тебя ответных обязательств. Неужели ты ничего не понял, Ричард? Ведь мы друзья.

Ричард растерянно заморгал и улыбнулся.

— Да, я знаю это. Спасибо вам за подарок, мистер Донован.

— Но ты можешь отблагодарить меня за услугу.

— Чем же?

— Зови меня Стивеном.

— Так не пойдет. Будь я свободным человеком, я охотно звал бы вас по имени. А пока я должен знать свое место.

Мимо проплыла акула, голодная, как и пассажиры корабля в этот неудачный день. Тупомордая, длиной не более двенадцати футов, по сравнению с океанскими просторами она казалась головастиком. Окинув корабль бесстрастным взглядом, акула удалилась.

— Злая тварь, — заметил Ричард. — У китов в глазах светится ум, у

дельфинов — жизнерадостность. Но это чудовище словно явилось из ада.

— О, ты истинный сын Бристоля! Тебе никогда не доводилось читать проповеди?

— Нет, но в нашей семье есть проповедники и священники англиканской церкви. Двоюродный брат моего отца — настоятель церкви Святого Иакова, а его отец читал проповеди под открытым небом, обращаясь к углекопам Кингсвуда.

— Отважный человек! И он уцелел?

— Да. И воспитал сына Джеймса.

— А ты никогда не поддавался искушениям, Ричард?

— Только однажды, с женщиной, которая была способна открыть райские врата любому мужчине. И это было ужасно. Уж лучше воздержание!

Леска в руках Донована дрогнула, он спохватился:

— Клюет! Рыба попалась!

Но он ошибся. Акула вернулась и заглотала наживку вместе с крючком, поплавком и грузилом. Донован сорвал шляпу, растоптал ее обеими ногами и выругался.

Пожалуй, всему виной стала жаркая и безветренная погода, а может, краткая передышка, отпущенная обитателям «Александера», закончилась, и наступила очередная полоса бед. Двадцать девятого июня каторжники вновь стали умирать. Доктор Балмен, который терпеть не мог спускаться в тюремное помещение из-за царившей там вони, теперь был обязан проводить там все больше времени. Но его возбуждающие, рвотные и очищающие средства не помогали.

В открытом море не мудрено стать суеверным! Едва каторжники снова начали хворать, «Александр» очутился в сияющей кобальтовой синеве, и все пассажиры, столпившиеся на палубе, сразу поверили, что это дурное предзнаменование. Вода превратилась во множество синих камешков. Каторжники совсем пали духом и стали готовиться к смерти.

— Это же наutilusы! — в ярости кричал доктор Балмен. — Нам попалась огромная стая наutilusов — «португальских воинов», ярко-синих морских животных, похожих на медузы! Это часть природы, а не знак свыше! О Господи! — Потрясая кулаками, он в отчаянии бросился в свою тесную каюту.

— Почему они называются «португальскими воинами»? — спросил Джо Лонг, дождавшись Ричарда, который по очереди с ним ухаживал за Айком.

— Потому что португальские боевые корабли красят в синий цвет, —

объяснил Ричард.

— А не в черный с желтым, как наши?

— Если бы все корабли были окрашены одинаково, как мы отличили бы свои от вражеских? В пороховом дыму нелегко разглядеть флаги и знаки отличия. Ну, ступай на палубу, дружище. Ты слишком подолгу сидишь здесь. — Ричард присел рядом с Айком, снял с него рубашку и штаны и принялся обтирать водой.

— Балмен — идиот, — прохрипел Айк.

— Нет, просто он измучен. Он испробовал все средства и теперь не знает, что предпринять.

— А разве кто-нибудь знает? Можно ли здесь вообще хоть что-нибудь сделать? — Айк совсем исхудал, кожа обтянула кости и стала похожей на пергамент, волосы выпадали прядями, ногти побелели, язык потрескался, губы опухли и запеклись. Но самые зловещие признаки болезни Ричард увидел на его сморщенной мошонке. Бедняга Айк!

— Открой-ка рот, я почищу тебе зубы и язык. — Ричард свернул смоченную профильтрованной водой чистую тряпку и ее уголком принялся чистить товарищу зубы, надеясь, что это немного скрасит его существование. Ричард не раз думал о том, что участь рослого человека незавидна. Если бы Айк был таким же щуплым, как Джимми Прайс, его страдания давным-давно кончились бы. Но эта внушительная гора плоти отчаянно боролась за жизнь. Лишь редкие каторжники сдавались без борьбы, почти все цеплялись за то небольшое, что у них осталось, как лишайник цепляется за скалу.

Вонь в тюремном помещении усиливалась, ее источником была трюмная вода. Балмен считался опытным врачом: он семь лет прослужил на флоте, участвовал в экспедиции к западному побережью Африки, но предотвратить распространение болезни на «Александрере» ему оказалось не под силу. По его настоянию в душных углах тюрьмы укрепили запасные паруса, свернутые в виде труб, — по ним в помещение поступал воздух из люков, прорубленных в настиле верхней палубы. Сначала капитан Синклер и слышать об этом не хотел, но врач оказался упрямым. В конце концов, узнав, что к «Александреру» крепко приклеилось прозвище Корабль смерти, Синклер сдался и приказал плотнику Чипсу изуродовать палубу. Но даже и после этого в камеру почти не поступал свежий воздух, и каторжники продолжали задыхаться.

Ричард похудел, но чувствовал себя здоровым, как и его товарищи по нарам и четверо друзей Айка. Уилли Дринг и Джо Робинсон совсем не показывались в камере, а трое их товарищей (еще один умер в Портсмуте) с

удобством разместились на нарах, предназначенных для шестерых человек.

Томми Краудер и Аарон Дэвис были в таком фаворе у сержанта Найта, что им не приходилось жаловаться на жизнь. И все же чутье подсказывало Ричарду, что новая вспышка болезни будет сильнее прежней.

— Одного человека мы оставим ухаживать за Айком, а сами переселимся на верхнюю палубу и постараемся собирать как можно больше дождевой воды, — решил он.

Джимми Прайс и Джоб Холлистер запротестовали, Джо Лонг заскулил, а остальные были готовы поднять бунт.

— Мы бы предпочли остаться внизу, — заявил Билл Уайтинг.

— Здесь вы подхватите лихорадку.

— Ричард, ты же сам говорил: пока мы будем фильтровать воду и мыться, мы не заболеем, — напомнил Недди Перрот. — Так что никуда отсюда мы не уйдем. Это ты не дорожишь своей кожей, а я боюсь обгореть.

— А я иду с Ричардом, — вмешался Тэффи Эдмунде, собирая вещи. — Мы с ним будем упражняться в пении. Только на нашем корабле редко услышишь песни. Посмотрите на «Скарборо» — там поют каждую неделю. Капрал Фланнер удивляется тому, как славно спелись тамошние матросы и каторжники.

— Конечно, ведь на «Скарборо» каторжников больше, чем на «Александрере», — возразил Уилл Коннелли, — но лишь потому, что они реже умирают и размещены на двух нижних палубах. А мы теснимся на одной, потому что везем еще и грузы.

— А я очень рад, что в трюм «Александера» попали грузы, а не мы, — произнес Ричард, отказываясь от бесполезной борьбы: — Посмотрите, что стало с моряками, когда они жили над самым трюмом. Трюмные помпы на «Скарборо» работают, и это опять-таки заслуга капитана. «Скарборо» командует капитан Маршалл, а нами — Эсмеральда, которому наплевать на трюмные помпы — только бы его стол ломился от еды. Все донные отсеки «Александера» забиты грязью.

К четвертому июля умер еще один человек, а на нарах, предназначенных для больных, уже лежало тридцать каторжников. По мнению врача Балмена, дело обстояло хуже, чем если бы весь трюм «Александера» был забит разлагающимися трупами. Разве мог хоть кто-нибудь выжить в таких чудовищных условиях?

На следующий день с «Сириуса» поступило два приказа. В первом говорилось, что с Джона Пауэра можно снять кандалы; он поступал в распоряжение мистера Боунза и мог вновь помогать матросам. Второй приказ вызвал острое недовольство лейтенантов Джонстоуна и Шарпа.

Норма воды на каждого мужчину (женщины и дети получали меньше нормы) сокращалась с четырех до трех пинт, и это касалось матросов, пехотинцев и каторжников. Каторжникам следовало выдавать по пинте воды утром и две пинты — днем. При раздаче воды был обязан присутствовать морской офицер с двумя подчиненными и двумя каторжниками в качестве свидетелей; пехотинцы и каторжники должны были по очереди осуществлять надзор во избежание мошенничества и сговора. Трюмы велели запереть, возле бочек с водой выставить охрану. Ключи должны были храниться у офицеров. Воду для мытья посуды надлежало выдавать по утрам, как и воду для животных. Домашний скот поили обильно: на каждую лошадь или корову в день приходилось не менее десяти галлонов.

Три дня спустя черед штилей и штормов прервалась, задул юго-восточный пассат, несмотря на то что флотилия еще не пересекла экватор. Все мгновенно воспрянуло духом, хотя старания придерживаться курса мешали кораблям преодолевать положенные сто миль в день. «Александр» тяжело врезался во встречные высокие волны, поскрипывая мачтами, «Скарборо» плыл параллельно ему, «Сириус» и «Запас» — чуть поодаль, а «Дружба», как всегда, впереди, в облаке брызг, словно собака, отряхивающаяся после купания.

Когда серебристые пуговицы на кителях Джонстоуна и Шарпа опять начали темнеть, а вонь распространилась не только по нижней палубе, но и по помещениям юта, оба лейтенанта и врач Балмен отправились к капитану. Выслушав подчиненных, капитан Синклер объявил их жалобы вздором. Его возмутило лишь то, что каторжники украли у него хлеб: за это капитан требовал беспощадно высечь их.

— Лучше благодарите небо за то, что они не украли ваш ром! — желчно процедил Джонстоун.

Капитан обнажил гнилые зубы в довольной ухмылке:

— Пусть этого опасаются на других кораблях, а мой ром останется при мне. А теперь ступайте, оставьте меня в покое. Я уже давно приказал Чипсу починить кормовую помпу — она засорилась. Поэтому на нижней палубе и стоит вонь.

— Но каким образом плотник может починить механизм из металла и кожи? — изумился Балмен.

— Молитесь, чтобы это ему удалось. А теперь убирайтесь прочь.

Балмен не выдержал. Просигналив флагами «Сириусу», он получил разрешение отправить шлюпку на «Шарлотту» за главным врачом экспедиции Джоном Уайтом. Под командованием лейтенанта Шарпа

шлюпка скрылась в волнах — тяжелое парусное судно «Шарлотта» плелось позади остальных кораблей. Обратное плавание было нелегким: дрогнул даже негиббемый лейтенант Шарп. Поэтому доктор Уайт прибыл на борт «Александера» отнюдь не в лучшем расположении духа.

— Бристольцы, вас ждут, — объявил Стивен Донован. — Мистер Уайт и мистер Балмен.

Строго говоря, размышлял Ричард, который узнал многое о насосах за время общения с Томасом Латимером, помпы «Александера» должны размещаться под самым настилом палубы — чтобы уменьшить высоту подъема трюмной воды. Но это судно предназначалось для перевозки рабов, его владельцы не хотели, чтобы в обшивке ниже ватерлинии имелись отверстия. О трюмных помпах вспоминали лишь во время ремонта корабля в сухих доках.

В отсеке, где жили пехотинцы, размещалось два резервуара — один по левому, а другой по правому борту. Каждый был снабжен обычным всасывающим насосом с длинной рукояткой-рычагом. От каждого резервуара за борт судна вела труба, прикрытая клапаном. Правая помпа была разобрана, левая бездействовала.

— Да это сущий ад! — воскликнул побледневший доктор Уайт. — Разве человек может выжить в таком месте? Лейтенант Джонстоун, ваших подчиненных следовало бы представить к награде за выносливость.

Ричард и Уилл Коннелли приподняли крышку люка и наклонились над ним. В трюме царил кромешный мрак, но плеск жидкости явственно различили все, кто стоял поблизости.

— Нам нужны фонари, — объявил Уайт, зажимая нос платком. — Кому-то из нас придется спуститься туда.

— Сэр, — почтительно вмешался Ричард, — лучше бы не зажигать здесь огонь. Мы можем взорваться.

— Но без фонарей нам ничего не разглядеть!

— В этом нет необходимости, сэр. Нам слышно все, что происходит в трюме. Он затоплен — значит, донные отсеки заполнены доверху. Ни одна из помп не работает и, возможно, никогда не работала — в последнее время мы вычерпывали воду ведрами. Это началось еще в Гэллион-Рич.

— Как тебя зовут? — спросил Уайт, не отнимая от лица платок.

— Ричард Морган из Бристоля, сэр. — Он усмехнулся. — Мы, бристольцы, привычны к вони, поэтому вычерпывать воду поручали нам. Но ведра тут не помогут. Воду надо откачивать насосами, причем каждый день и отнюдь не всасывающими насосами. Даже если бы они работали исправно, понадобилась бы неделя, чтобы откачать тонну воды.

— Может ли плотник починить их, мистер Джонстоун?

Джонстоун пожал плечами:

— Спросите у Моргана, сэр, похоже, он разбирается в помпах. А я вижу их впервые.

— Морган, плотнику под силу починить насосы?

— Нет, сэр. В трюмной воде столько мусора, что трубы мгновенно будут забиты. Здесь нужны цепные насосы.

— Чем цепной насос лучше обычного?

— Он способен выкачивать воду вместе с мусором, сэр. Цепной насос — это деревянный ящик размером больше цилиндров всасывающих помп. Подъем воды осуществляется с помощью плоской медной цепи, протянутой через деревянные колеса сверху и деревянный барабан снизу. Деревянные полки соединены с цепью так, что при движении вниз они опускаются, а потом поднимаются и производят всасывание. Хороший плотник может изготовить все детали механизма, кроме цепи. Цепной насос — настолько простое приспособление, что два человека, вращающих барабан, смогут перекачать тонну воды за минуту.

— Значит, «Александр» придется оборудовать цепными насосами. На борту есть цепи?

— Вряд ли, сэр. Но на «Сириусе» перед плаванием установили цепные насосы, а к ним полагаются запасные цепи. Если же их не окажется на «Сириусе», возможно, они найдутся на других судах.

Уайт обернулся к Балмену, Джонстоуну и Шарпу:

— Я отправляюсь на «Сириус» с докладом к губернатору. А вы тем временем прикажите вычерпать воду из трюма и донных отсеков. Пусть этим по очереди занимаются все здоровые пехотинцы и каторжники — незачем возлагать такую задачу только на бристольтцев, — велел он Джонстоуну, а потом гневно уставился на Балмена: — Мистер Балмен, почему вы не доложили о создавшемся положении раньше, если такое продолжается уже семь месяцев? Капитан этого судна — тряпка, он и пальцем не пошевелит, даже если бизань свалится на ют. А вы, как врач, обязаны заботиться о здоровье всех, кто находится на борту, в том числе и каторжников. К сожалению, вы пренебрегли своими обязанностями, и я непременно доложу обо всем губернатору.

На щеках Уильяма Балмена вспыхнули алые пятна стыда и гнева. Шотландец Балмен был шестью годами моложе ирландца Уайта, они недолюбливали друг друга. И вот теперь Уайт нанес коллеге оскорбление в присутствии двух морских офицеров и четырех каторжников — прежде так поступал лишь майор Росс с провинившимися подчиненными. На этот раз

Балмену было нечего возразить, но он мысленно поклялся, что, едва флотилия прибудет в Ботани-Бей, он найдет способ отомстить ирландцу. Он окинул взглядом лица каторжников, ожидая увидеть злорадство или презрение, но ничего не заметил. Эти люди запомнились ему только по одной причине: они никогда не жаловались на здоровье.

Вскоре на «Александр» прибыл майор Роберт Росс, заметивший, что Шарп опять плавает в шлюпке по океану, и охваченный любопытством. Принюхавшись, майор сразу нее понял. К тому времени Балмен уже удалился к себе в каюту — строить планы отмщения и дуться. Объясняться с майором пришлось доктору Уайту.

— А, это ты! — воскликнул Росс, узнав, какую роль в происходящем сыграл Ричард. — Тот самый чистоплотный каторжник! Я хорошо помню тебя. Стало быть, ты разбираешься в помпах, Морган?

— Я знаю достаточно, чтобы утверждать: «Александеру» необходимы цепные насосы, сэр.

— Согласен. Мистер Уайт, мы вместе отправимся на «Сириус», а потом на «Шарлотту». Мистер Джонстоун и мистер Шарп, соберите людей и начните вычерпывать воду из трюма. Прорубите две дыры в обшивке, чтобы вам не пришлось таскать ведра на палубу и выливать за борт.

Лейтенант Филипп Гидли Кинг, прибывший на следующий день вместе с майором Россом и врачом Уайтом, бросил беглый взгляд на помпу, разобрannую Ричардом, и с негодованием воскликнул:

— Этой рухляди не отсосать и семя у сатира! Корабль давно пора оборудовать цепными насосами. Где плотник?

Английская педантичность в сочетании с кельтским энтузиазмом сотворили чудо. Кинг, офицер королевского флота и, следовательно, начальник морских лейтенантов, пробыл на борту ровно столько, сколько понадобилось, чтобы убедиться, что Чипе понял свою задачу и способен выполнить ее. Затем Кинг отправился к командору, чтобы доложить, что вскоре обстановка на «Александре» изменится к лучшему.

Однако судно уже пропиталось ядом, поэтому его обитатели продолжали болеть. Зловонные газы и нечистоты, скопившиеся в донных отсеках, постепенно удалось выкачать. Жизнь на нижней палубе стала почти терпимой. Порадовался ли Эсмеральда Синклер тому, что трюмные воды откачали без вмешательства компании Уолтона? Отнюдь! Кому, черт возьми, возмущался он, стоя на мостике и выслушивая доклады Триммингса, взбрело в голову прорубить целых две дыры в обшивке его судна?

Флотилия пересекла экватор в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое

июля. На следующий день впервые после выхода из Портсмута налетел сильный шквал, палубные люки задраили, каторжники очутились в полной темноте! Для тех, кто подобно Ричарду проводил все время на палубе, происходящее стало кошмаром; их радовало лишь то, что зловоние ослабело. Волны ударяли в левый борт, поэтому «Александр» постоянно колыхался из стороны в сторону, взлетал на гребни и обрушивался вниз, а его пассажиры ощущали то тяжесть в желудке, то жутковатую легкость. При движении поперек волн они катались от одной переборки к другой. Морская болезнь, которая на время отпустила свои жертвы, вновь усилилась; Айк изнемогал от страданий.

Его мучения не прекращались. Когда флотилия миновала полосу штормов, успев наполнить бочонки и вновь увеличить норму пресной воды, всем, даже безутешному Джо Лонгу, стало ясно, что Айзек Роджерс не выживет.

Однажды он позвал к себе Ричарда, и тот присел напротив Джо, который держал голову Айка на коленях.

— Мой путь закончен, — произнес Айк. — Как я счастлив, Ричард! Порадуйся за меня. Присмотри за Джо — ему придется нелегко.

— Не беспокойся, Айк, мы позаботимся о Джо.

Айк с усилием приподнял исхудавшую руку и указал на полку, приколоченную к потолочной балке.

— Ричард, возьми мои сапоги. Только тебе они придутся впору. Я знаю, тебе они пригодятся. Они твои, понял?

— Понял. Я разумно распоряжусь ими.

— Вот и хорошо, — откликнулся Айк и смежил веки.

Больше он не открывал глаз и через час скончался.

На борту «Александера» умирало столько людей, что саваны пришлось шить из старых парусов. Облаченного в чистую одежду Айзека Роджерса завернули в парусину и вынесли на палубу. Раскрыв молитвенник, Ричард прочел заупокойную молитву, вверяя душу Айка Богу, а его тело — океанским глубинам. К труп привязали базальтовые глыбы, собранные на том же берегу Тенерифе, где нашли Джона Пауэра, — запас железных полос на корабле уже иссяк. Брошенный за борт труп немедленно ушел ко дну.

Доктор Балмен распорядился вновь провести оздоровительное окуливание, протереть нижнюю палубу дегтем и покрыть новым слоем побелки. Корабельному врачу жилось одиноко, компанию ему изредка составляли только два лейтенанта. Однако они питались отдельно и явно не желали иметь с врачом ничего общего. Подобно Артуру Боусу Смиту, врачу

с «Леди Пенрин», Балмен ради развлечения изучал морских обитателей, которые попадались на удочки, а если они были невелики, заспиртовывал их. После того как на корабле появились ценные насосы, спускаться на нижнюю палубу врачу стало легче, однако он по-прежнему дулся на доктора Уайта и решил во что бы то ни стало доказать: он не виноват в том, что несчастные каторжники продолжают умирать.

Когда одного из узников, стоявшего на носу, смыло за борт волной, всего на корабле осталось сто восемьдесят три каторжника.

В начале августа флотилия встала на якорь у мыса Фрио, на расстоянии дня пути к северу от столицы Бразилии. Однако высокие зубчатые вершины на побережье были не менее коварными, чем горы Сантьяго: они преграждали путь ветру, и у берегов царил штиль или «кошачьи лапки». В Рио-де-Жанейро суда плелись медленно, как улитки, и добрались до порта лишь ночью с четвертого на пятое августа. Здесь уже наступила зима: Рио-де-Жанейро располагался к югу от экватора, чуть севернее тропика Козерога. Плавание от Тенерифе до Бразилии заняло пятьдесят шесть дней, из Портсмута суда вышли восемьдесят четыре дня назад, и при округлении этих цифр получалось восемь и двенадцать недель. За это время флотилия покрыла шесть тысяч шестьсот сухопутных миль.

Чтобы войти в воды Португалии, требовалось получить особое разрешение, а это было непросто. Только в три часа пополудни флотилия обогнула косу шириной в милю между двумя прибрежными скалами и вошла в гавань под грохот пушек «Сириуса», которым дружно ответили орудия форта Санта-Крус.

Едва рассвело, все обитатели «Александера» столпились на палубе, замороженные видом незнакомого, но прекрасного места. Южный утес с виду напоминал тысячефутовое яйцо из розовато-серого камня, увенчанное рощей, а северный, менее живописный, был совершенно голым. За ними теснились другие скалы, и с ровными, и с остроконечными вершинами, поросшие густыми ярко-зелеными лесами, среди которых попадались равнины и нагромождения серых, белых, розовых камней. Вдоль берега тянулись желтые изогнутые песчаные пляжи с белой пенистой кромкой океанского прибоя, ярость которого смягчала длинная и широкая прибрежная коса. Корабли встали на якорь неподалеку от берега, напротив одной из многочисленных крепостей, воздвигнутых для охраны Рио-де-Жанейро от пиратов. Только на следующий день буксиры отвели все одиннадцать кораблей к пристани у Сан-Себастьяна — так по-другому назывался Рио. Город расположился на квадратном полуострове, а его щупальца протянулись по долинам между горными пиками.

Вода в гавани кипела под веслами множества небольших судов, которыми управляли полуобнаженные негры; каждая лодка была снабжена ярким тентом. Ричард разглядел шпили церквей, увенчанные позолоченными крестами, но в целом Рио состоял из невысоких строений. Никто не запрещал каторжникам подниматься на открытую палубу, никого из них не заковали в кандалы, даже Джона Пауэра. Патрульные шлюпки сновали между шестью транспортными судами, отгоняя лодки торговцев.

Было солнечно и очень жарко, ветер совсем утих. Вот бы сойти на берег! Однако каторжники понимали, что это невозможно. В полдень им раздали огромные ломти свежей говядины, горшки с ямсом и бобами вперемешку с рисом и хлеб со странным привкусом — много позднее Ричард узнал, что он испечен из корня растения кассава. Но узники чуть не забыли о еде: лодки то и дело подплывали вплотную к кораблю, и смеющиеся негры принимались десятками швырять на палубу апельсины. Пассажиры корабля наперебой ловили спелые фрукты, на черных лоснящихся лицах негров сверкали белозубые улыбки. Об апельсинах знал не только Ричард, но и несколько других каторжников. Он читал, что богачи иногда строят оранжереи, чтобы выращивать эти экзотические плоды, а однажды кузен Джеймс-аптекарь даже показал ему апельсин. Аптекарь закупал в колониях и лимоны, из кожуры которых он получал эфирное масло. Лимоны портились в пути не так быстро, как апельсины.

Некоторые апельсины достигали в диаметре шести-семи дюймов, их кожура имела яркий, насыщенный цвет — оранжевый или почти красный, как и сочная мякоть. Обнаружив, что несъедобная кожура легко снимается, каторжники и моряки принялись за редкостное лакомство, упиваясь сладким соком. Им досталось и несколько крупных ярко-желтых лимонов, приглушающих приторно-сладкий вкус апельсинов, а также менее сочные лаймы, по вкусу представляющие собой нечто среднее между лимонами и апельсинами. Каторжники без устали жевали фрукты и никак не могли насытиться. Обнаружив среди апельсинов зеленоватый, недозревший плод, Недди Перрот решил за время пребывания в Рио запастись впрок недозрелыми фруктами, его примеру последовали многие. А некоторые подобно Ричарду собирали семечки апельсинов и лимонов.

Каждый день узники получали свежую говядину, какие-нибудь свежие овощи и хлеб из кассавы. Едва морские пехотинцы узнали, что местный ром не отличается приятным вкусом, но стоит не дороже воды, каторжники остались почти без надзора. Два лейтенанта совсем перестали показываться на борту, как и Балмен, который отправился в экспедицию за огромными пестрыми бабочками и крупными, похожими на восковые

цветами орхидей. Ко времени прибытия в Рио на борту судна осталось всего две собаки, а остальные, как и предсказывал Донован, стали пищей для акул. Соскучившись по своим любимцам, матросы и пехотинцы часто возвращались на корабль с ручными попугаями самых удивительных расцветок. Кот Родни, его подруга и потомство жили припеваючи: на «Александрере» им с избытком хватало и крыс, и мышей.

Вскоре обнаружилось, что Рио кишит тараканами. Английские тараканы были маленькими и пугливыми, а местные великаны имели крылья, громко стрекотали и казались таким же порождением зла, как акулы. Агрессивные и смышленные, они не убегали от людей, а нападали на них. Война с тараканами вскоре довела почти до безумия всех пассажиров флотилии — от высокопоставленных особ с «Сириуса» до каторжников с «Александера».

Большинство обитателей судов спали полуобнаженными на палубах, хотя и не так крепко, как в море. А Рио, похоже, не ведал сна, в нем никогда не наступала полная темнота: церкви и другие строения бывали освещены даже по ночам. Казалось, португальцы и их многочисленные чернокожие рабы боятся ночных теней. Однажды ночью, услышав леденящий кровь вопль какого-то животного, нечто среднее между визгом и ревом, Ричард понял, почему жители Рио не любят тушить огни.

Не реже двух-трех раз в неделю в городе устраивали фейерверки в честь какого-нибудь святого, Девы Марии или события в жизни Иисуса Христа — религиозная жизнь Рио не отличалась строгостью и умеренностью. Это оскорбляло Балмена и Шарпа, считавших католицизм безнравственной, упаднической и сатанинской верой.

— Не понимаю, почему ты до сих пор не попытался сбежать, Джонни, — сказал Ричард как-то Джону Пауэру, любуясь разноцветными искрами и нитями фейерверка.

Пауэр усмехнулся:

— Здесь? Не зная ни слова по-португальски? Меня схватили бы в тот же день. Если не считать португальских галер да грузовых лодок, в этом порту стоит лишь одно китобойное английское судно, получившее пробоину. На нем доставят домой больных моряков с «Сириуса» и «Запаса». — Этот разговор причинял ему острую боль, и он переменял тему: — Вижу, Эсмеральда и не думает позаботиться о корабле. Он даже не приказал очистить обшивку.

— Разве мистер Боунз ничего не сказал тебе? Бока «Александера» обшиты медью. — Ричард потер ладонью грудь, липкую от апельсинового сока. — Мне поручено вымыть их.

— Ты умеешь плавать?

— Нет, поэтому мне придется держаться за веревочную лестницу. Надеюсь, рано или поздно я научусь плавать. Вчера я продержался на воде целых две секунды, а потом испугался. Сегодня я постараюсь взять себя в руки.

— А я умею плавать, но боюсь, — грустно отозвался Пауэр. Даже временная свобода не лишила его бдительности.

Ричард покачивался в воде возле спущенной с борта веревочной лестницы, когда на судно вернулся Стивен Донован в нанятой лодке. Держаться на плаву Ричард так и не научился: стоило ему отпустить лестницу, как он начинал тонуть. Заметив приближающуюся лодку, Ричард приготовился взобраться на палубу.

— Ричард, что ты делаешь! В гавани полным-полно акул! — воскликнул Донован, увидев его. — На твоём месте я бы отказался от купаний.

— Вряд ли акулы польстятся на мои кости — в гавани Рио с избытком хватает другой добычи, — усмехнулся Ричард. — Я пытаюсь научиться плавать, но пока безуспешно.

Донован хитро прищурился.

— Чтобы доплыть до берегов Африки, если «Александр» пойдёт ко дну? Не бойся, «Александр» — прочная, хотя и старая посуда. Даже при сильном крене она не потонет.

— Может быть, но когда мы прибудем в Ботани-Бей и выяснится, что лишних ведер там нет, я смогу по крайней мере купаться в море. Возможно, на берегах залива есть озера и реки, но сэр Джозеф Бэнкс о них не упоминает. Он пишет, что там нет источников пресной воды, если не считать двух-трех неглубоких ручьев.

— Теперь мне все ясно. Понаблюдай за Уоллесом. — И он указал на скотч-терьера, принадлежащего лейтенанту Шарпу. Пес плыл вдоль борта корабля, подбадриваемый смехом хозяина.

— Зачем?

— Ты видишь, как он плывет? В следующий раз, когда вздумаешь подразнить акул, представь, что у тебя четыре ноги, а не две. Ложись на живот, подними голову над водой и загребай всеми конечностями, как утка лапами. — Донован бросил серебряную шестипенсовую монетку потному негру, который только что доставил на палубу кучу свертков. — И ты поплывешь, Ричард. Благодаря Уоллесу и его четырем лапам ты легко научишься держаться на воде и оскоишь все тонкости плавания.

— Джонни Пауэр умеет плавать, но до сих пор не удрал.

— Интересно, стал бы он сопротивляться на Тенерифе, если бы знал то, что я выяснил сегодня?

Ричард встревожился:

— В чем дело?

— Когда флотилия отплыла из Портсмута, у пехотинцев было лишь по несколько зарядов.

— Вы шутите?!

— Ни в коем случае! — Donovan усмехнулся и покачал головой. — Вот как тщательно продумана вся экспедиция! Те, кто возглавляет ее, забыли купить боеприпасы.

— О Господи!

— Я узнал об этом только потому, что его превосходительство губернатор Филлип распорядился приобрести десять тысяч гильз с зарядами здесь, в Рио.

— Значит, если бы на каком-нибудь корабле вспыхнул бунт, во всей флотилии не осталось бы ни единой пули! Я видел, как бездумно пехотинцы расходуют порох.

Мистер Donovan устремил на Ричарда пристальный взгляд, открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и кивнул на свертки:

— Здесь есть кое-что и для тебя. Завтра привезу еще. Я слышал, скоро мы отплываем. — Он сунул свертки в руки Ричарда. — Здесь деготь, какая-то целебная мазь — ее я купил у дряхлой и безобразной карги, наверняка ведьмы — и еще молотая кора, которой, по ее же словам, лечат лихорадку. Я прихватил и флакон лауданума — на случай, если воды Рио вызовут дизентерию. Врачи опасаются ее, а лейтенант Кинг надеется на лучшее. В свертках ты найдешь чистые тряпки и пару новых рубашек из тонкого хлопка. Покупая одежду себе, я не удержался и решил принарядить тебя. Нет ничего приятнее и удобнее прохладной хлопчатобумажной ткани в жаркую погоду! А вот солод раздобыть не удалось — первыми на складах побывали корабельные врачи, черт бы побрал этих проныр! Попробуй засушить апельсиновых и лимонных корок, а потом понемногу жуй их. Матросы говорят, цитрусовые предотвращают цингу.

Ричард не сводил с Donovan глаз, переполненных благодарностью, но Donovan был достаточно умен и не принял это чувство за нечто большее. Ричард — его друг, он готов умереть за этого человека, который когда-то любил, но давно забыл, что на свете существует любовь. Кого из близких он потерял? Как это случилось? Должно быть, женщина, способная открыть райские врата, тут ни при чем. Судя по лицу Ричарда, воспоминания о ней вызывали у него отвращение. Но больше он не

упоминал ни об одной женщине, а тем более о мужчине. «Когда-нибудь я узнаю всю твою историю, Ричард Морган», — мысленно сказал себе Донован.

На следующее утро Ричард встретил четвертого помощника у веревочного трапа.

— Очередная просьба? — с улыбкой спросил Донован, готовый на все.

— Да, но только в том случае, если вы возьмете деньги. — Ричард наклонился и сделал вид, что ищет что-то на палубе. Донован присел рядом. Никто не заметил, как семь золотых монет перешли из одной руки в другую.

— Зачем так много? Этих денег хватит, чтобы купить топаз размером с лайм или почти такой же большой аметист.

— Мне необходимо побольше корундового порошка и самый надежный рыбий клей, — объяснил Ричард.

Донован уставился на него с приоткрытым ртом.

— Корундовый порошок? Рыбий клей? Но для чего?

— Наверное, их можно купить и на мысе Доброй Надежды, но по моему, там цены гораздо выше. В Рио-де-Жанейро все обходится дешево, — рассудил Ричард.

— Ты не ответил на мой вопрос. Ты загадочный человек, дружище. Объясни, зачем тебе понадобилось все это, иначе я не выполню твою просьбу.

— Выполните, — уверенно возразил Ричард и широко улыбнулся. — Ну ладно, я объясню. — И он устремил взгляд вдаль, к холмам, на которых раскинулись джунгли. — Во время плавания я часто и подолгу размышлял о том, чем займусь, когда мы наконец прибудем в Ботани-Бей. Среди каторжников едва ли найдется несколько человек, сведущих хоть в каком-нибудь ремесле, а мы все слышали, о чем говорят морские офицеры — особенно после прибытия в Рио, когда визиты участились. Младший лейтенант Ральф Кларк не умеет держать язык за зубами. Но он не только описывает попойки на шканцах «Дружбы» и расхваливает жену и сына — иногда от него можно услышать кое-что полезное. — Ричард перевел дыхание. — Впрочем, речь не о нем. Вернемся к тому, что среди каторжников почти нет опытных ремесленников. А у меня есть кое-какие навыки, и один из них наверняка пригодится нам в будущем — ведь нам придется рубить деревья и пилить их. Я умею затачивать пилы. Более того, я умею делать разводку, а это настоящее искусство. Возможно, кузену Джеймсу удалось переправить мои инструменты на один из кораблей, а может, и нет. Так или иначе, мне не обойтись без корундового порошка и

клея. Наверное, на судах найдутся напильники, но если об инструментах позаботились так же, как о провизии, то никто не подумал прихватить с собой корундовый порошок или рыбий клей. Известие о том, что в экспедицию не взяли боеприпасы, не радует меня. Что мы будем делать, если туземцы Нового Южного Уэльса окажутся кровожадными и нападут на нас?

— Уместный вопрос, — мрачно отозвался Стивен Донован. — А как ты намерен поступить с корундовым порошком и рыбьим клеем?

— Сам сделаю наждачную бумагу и напильники.

— Тебе понадобятся обычные напильники, если на судах их не окажется?

— Да, но я не могу истратить все деньги, а злоупотреблять вашей щедростью не хочу. Надеюсь, мои инструменты все-таки найдутся.

— Расспрашивать тебя — все равно что выжимать кровь из камня, — пошутил мистер Донован. — Но кое-что я уже выведал. Когда-нибудь я узнаю все.

— Мне почти нечего рассказывать. Заранее спасибо вам.

— Я всегда к твоим услугам, Ричард. Если бы мне не пришлось разыскивать для тебя лекарства, я не успел бы повидать и половины того, что увидел в Рио. Подобно Джонстоуну и Шарпу я шатался бы по кофейням и притонам да обхаживал бы португальские власти в надежде на дорогие подарки. — И, насвистывая, он спустился по веревочной лестнице с небрежной грацией человека, привыкшего карабкаться по вантам.

В последнее воскресенье, проведенное флотилией в гавани Рио, преподобный мистер Ричард Джонсон, священник экспедиции, известный своей рассудительностью и приверженностью англиканской церкви (а также смирением), прочел проповедь и провел службу на борту «Александера» под нестройный аккомпанемент множества колоколов католических церквей. Палубы чисто вымыли, все лишнее с них убрали — верный признак того, что час отплытия близок.

Выводить одиннадцать кораблей из усеянной островками гавани Рио-де-Жанейро начали четвертого сентября и завершили пятого, после целого месяца пребывания в краю апельсинов и фейерверков. Форт Санта-Крус и «Сириус» дали прощальный залп. На судах уже объявили о том, что в день каждому мужчине будут выдавать всего по три пинты воды — видимо, беспокойство врачей по поводу качества бразильской воды не оставило губернатора равнодушным.

К ночи земля скрылась из виду, флотилия устремилась на восток в надежде, что ей удастся быстро преодолеть три тысячи триста сухопутных

миль до мыса Доброй Надежды. Кораблям предстояло держать курс на юго-восток в почти неизведанных водах. До сих пор им изредка встречались португальские торговые суда, но теперь надеяться на частые встречи было нечего: на оживленные морские пути, ведущие в Ост-Индию, флотилия должна была выйти только у самого мыса.

Ричард пополнил свои запасы, вдобавок раздобыл корундовый порошок, клей и несколько хороших напильников. Предметом постоянных тревог стали для него каменные фильтры: у Ричарда еще осталось два запасных, а у его пяти товарищей — ни одного. Если кузен Джеймс-аптекарь не ошибся, то вскоре все пять фильтров отслужат свое. В поисках выхода Ричард сплел из веревки подобие прочной сетки и в ней бросил один из фильтров в море, молясь о том, чтобы акулы не польстились на него. Однажды голодная акула набросилась даже на штаны, которые морской офицер решил хорошенько выстирать, привязав на веревке к борту. Перекусив веревку, акула пожевала штаны и с отвращением выплюнула их. То же самое могло случиться и с каменным фильтром: как только веревка будет перекушена, он пойдет ко дну. Но через неделю Ричард благополучно вытащил фильтр на палубу и оставил его сушиться на солнце, а за борт отправил следующий. Он надеялся успешно промыть все фильтры прежде, чем они окончательно перестанут пропускать воду.

Двигаясь на юг, к быстрому течению, которое должно было пронести суда через весь океан от Бразилии до Африки, путешественники то и дело встречали кашалотов, тоже плывущих на юг. Морды этих громоздких существ сбоку напоминали небольшие утесы, под которыми помещались нелепо тонкие нижние челюсти, вооруженные страшными зубами. Их хвосты были толще, хвостовые плавники меньше, чем у китов, они реже выделяли акробатические трюки, которыми щеголяли другие морские гиганты. Океан изобиловал обычными спутниками кораблей — морскими свиньями, дельфинами и акулами, но съедобная рыба гораздо реже попадалась на крючки, потому что суда двигались быстрее, а волны стали выше. Иногда путешественникам все же случалось полакомиться ухой, но чаще всего им приходилось довольствоваться солониной и черствым хлебом, кишащим долгоносиками и червями. Такая еда ни у кого не возбуждала аппетита.

Каторжники засушили большой мешок цедры цитрусовых и теперь все вместе понемногу жевали ее.

В южных широтах им все чаще попадались гигантские морские птицы — альбатросы, но когда один из морских пехотинцев выбежал на палубу с мушкетом, надеясь подстрелить альбатроса и зажарить его, вся команда

пришла в ужас: убийство этих повелителей воздуха считалось плохой приметой.

Новая болезнь вспыхнула сначала среди морских пехотинцев, а затем ее жертвами стали и каторжники. Окуривание, отмывание и побелка стали регулярными процедурами. Нары заполнились больными, один из каторжников умер во время шторма. Доктор Балмен, уже притерпевшийся к вони тюремной камеры, сновал между ней и помещением для морских пехотинцев. При хорошей погоде он устраивал очередное окуривание, отмывание и побелку, хотя всем уже стало ясно, что эти процедуры не помогают. Впрочем, на нижней палубе стало светлее, и теперь Ричард, Билл, Уилл, Недди и остальные могли читать, сидя за столом, а не на палубе, где они мешали матросам. Ветер часто менялся, и вскоре выяснилось, что капитан Синклер — опытный моряк: едва поднимался попутный ветер, он велел ставить паруса и приказывал убрать их, как только ветер начинал дуть в другую сторону. Паруса то поднимали, то вновь спускали — и так без конца. Неудивительно, что Джон Пауэр, Уилли Дринг и Джо Робинсон и не показывались на нижней палубе: каждому из них нашлась работа. Между вахтами матросы едва успевали отдохнуть.

К концу сентября экваториальные штормы утихли, море стало спокойнее, палуба уже не плясала под ногами. Каким бы ни было небо, ясным или хмурым, «Александр» плавно скользил по волнам, поэтому задраивать люки было незачем. Такое случилось лишь однажды с тех пор, как флотилия вышла из Портсмута.

Усталый и вместе с тем взбудораженный Джон Пауэр время от времени бывал в тюремном помещении — как и Уилли Дринг и Джо Робинсон, которые выглядели усталыми и встревоженными. Они не делали ни малейшей попытки присоединиться к компании Пауэра, и это озадачивало Ричарда, который думал, что постепенно между Дрингом, Робинсоном и Пауэром возникнут дружеские узы. Однако Дринг и Робинсон неловко отводили взгляды каждый раз, когда встречались с Пауэром.

Жизнь обитателей «Александра» потекла размеренно и однообразно: они прогуливались по палубе, удили рыбу или забавлялись с кошками, читали, пели песни, беседовали с товарищами, играли в карты или в кости, размачивали черствый хлеб. Все каторжники опять похудели: жирок, который они успели нагулять в Рио, быстро растаял, едва им вновь пришлось сесть на скудную диету. Те узники, что занимали нары вдоль левого борта, не замечали никаких перемен: товарищи держались с ними как обычно, никто не перешептывался укладкой, не пытался взломать люк

трюма, чтобы украсть хлеб, — на такой хлеб никто и не мог польститься. Возвращаясь на нижнюю палубу, Уилли Дринг и Джо Робинсон валились на нары и мгновенно засыпали, и Ричард счел это странным, но отнюдь не из ряда вон выходящим — ведь предыдущие две недели оба работали без усталости.

Наконец шестого октября, когда флотилия приблизилась к побережью Африки, десять морских пехотинцев спустились в тюремное помещение и схватили Джона Пауэра. Он отчаянно отбивался, пока его не оглушили ударом и не вытащили через кормовой люк на виду у изумленных каторжников. Через несколько минут морские пехотинцы увели двух заключенных из Ноттингема — Уильяма Пейна и Джона Мейнелла, спавших рядом с Пауэром. На этом все кончилось. Пауэр, Пейн и Мейнелл не вернулись.

Некоторые подробности этой истории Ричард узнал от Стивена Донована, а остальные — от Уилли Дринга и Джо Робинсона.

Узнав о том, что две трети морских пехотинцев больны, Пауэр с товарищами замыслили мятеж.

— Более нелепого, опрометчивого плана я еще не слышал, — объяснил пораженный Донован. — Они просто собирались захватить корабль! В их рассуждениях нет ни капли логики. В этом деле я не замешан, ручаюсь, что и юный Шортленд тоже, а Уильям Эстон Лонг ни за что не решился бы на такое — ведь по возвращении домой он надеется стать капитаном судна. Старина Боунз? Он твердит, будто ничего не знал, но я не верю ни ему, ни Эсмеральде. Завладев шканцами и оружием, мятежники намеревались загнать пехотинцев и каторжников на нижнюю палубу и запереть там, а потом направить судно к берегам Африки. Вероятно, Эсмеральду, Лонга, Шортленда, меня и остальных членов экипажа предполагалось отправить в тюремное помещение. Вряд ли негодяи решились бы убить нас.

— Подождите меня! — попросил Ричард, бросился в камеру и растолкал спящих Уилли Дринга и Джо Робинсона. — Вы знали о мятеже? — спросил он.

Оба вздохнули с таким облегчением, словно с их плеч свалился тяжкий груз.

— Мы слышали о нем от Пауэра, который уговаривал нас присоединиться к мятежникам, — объяснил Дринг. — Я ответил, что он спятил, и посоветовал ему образумиться. После этого Пауэр ни с кем не говорил в нашем присутствии, хотя точно знал, что мы его не выдадим. А потом мистер Боунз сказал, что для нас больше нет работы.

Ричард выбрался на палубу.

— Дринг и Робинсон все знали, но не были сообщниками Пауэра — в отличие от Боунза. Как удалось разоблачить мятежников?

— Двое каторжников обо всем сообщили Эсмеральде.

— Доносчики везде найдутся, — заметил Ричард, словно рассуждая сам с собой. — Это сделали Мейнелл и Пейн из Ноттингема. Ублюдки.

— Послушай, Дринг и Робинсон строго следовали воровскому кодексу чести, а эти двое просто хотели выслужиться перед начальством и заработать еду. А ты называешь их ублюдками. Почему?

— Потому что они донесли на товарищей уже не в первый раз. Я давно заподозрил, что среди нас есть доносчики, а как только узнал имена, все встало на свои места. Где они теперь?

— Насколько мне известно, на борту «Скарборо». Эсмеральда отправился к его превосходительству сразу же, как выслушал эту парочку. Я сопровождал его, чтобы помочь ему подняться по трапу. С «Сириуса» прислали две дюжины пехотинцев, которые взяли под стражу матросов, имена которых называли доносчики. Против мистера Боунза и остальных у нас нет никаких доказательств. Но теперь они надолго присмирят, каким бы ненавистным ни был для них Эсмеральда, разбавляющий ром водой.

— А что стало с Пауэром? — с трудом выговорил Ричард.

— Его увезли на «Сириус» и приковали к палубе. На «Александр» он не вернется — это точно. — Донован с любопытством взглянул на собеседника. — Похоже, ты сочувствуешь ему.

— Да, очень, хотя я давно понял, что он плохо кончит. Есть люди, которые притягивают к себе неприятности, как магнит — железные гвозди. Пауэр из таких. Но мне не верится, что он виновен в преступлении, за которое его приговорили к каторге. — Ричард раздраженно покачал головой. — Просто он был одержим желанием вернуться домой, к больному отцу.

— Знаю. Могу сказать в утешение только одно: после стоянки в Кейптауне Джонни больше не представится случая вернуться домой, и он наверняка станет примерным каторжником.

Но слова Донована не успокоили Ричарда — он считал, что тоже не выполнил свой сыновний долг, тем более что вспоминал о кузене Джеймсе-аптекаре чаще, чем об отце.

Ради Джона Пауэра он мог сделать только одно: сообщить всем товарищам имена доносчиков. Они вряд ли ограничатся одним доносом. В Кейптауне слух об этом дойдет до узников «Скарборо», и вскоре все каторжники флотилии будут знать, что с Пейном и Мейнеллом следует

держаться настороже. Они поплатятся за предательство.

Доктор Балмен сразу заметил, какими мрачными и подавленными стали обитатели тюрьмы, и прописал им обычное средство: окуривание, протирание дегтем и побелку помещения.

— Ричард, знаешь, о чем я мечтаю? — с жаром выпалил Билл Уайтинг. — Когда-нибудь схватить этого болвана Бал-мена, взорвать перед ним порох, протереть его дегтем с жесткой щеткой, а потом покрыть слоем побелки. А еще — дать ему мою фамилию. Уайтинг!^[15]

Кейптаун был красивым городом, но не шел ни в какое сравнение с Рио-де-Жанейро — по мнению каторжников, которые были обречены разглядывать и тот и другой издалека. Рио не только выглядел живописнее, но и был населен бесхитростными и счастливыми людьми, излучавшими жизненную силу. А Кейптаун постоянно подвергался натиску ветров, казался унылым и пыльным. Местные жители не торговали с лодок в гавани, лица чернокожих редко озаряли улыбки. Возможно, виной всему было влияние строгих кальвинистов или характер, присущий голландцам. Многие строения города были выкрашены в белый цвет, который давно невзлюбили каторжники с «Александера», на улицах почти не росли деревья. Величественная гора с плоской, заросшей кустарником вершиной возвышалась над крохотной прибрежной равниной. Ричард убедился, что книги не солгали ему: над вершиной Столовой горы постоянно нависали плотные белые облака, напоминающие скатерть.

После стоянки в Рио флотилия провела в море тридцать девять дней и прибыла в Кейптаун в разгар южной весны, четырнадцатого октября. С тех пор как корабли покинули Портсмут, прошло сто пятьдесят четыре дня, или двадцать две недели, за это время флотилия преодолела девять тысяч девятьсот сухопутных миль, а конца плаванию пока не предвиделось. Одиннадцать судов не теряли друг друга из виду ни на минуту: губернатор Артур Филлип бдительно оберегал своих подопечных.

Для каторжников все радости пребывания в порту заменяли отсутствие качки и свежая еда. В первый же день, проведенный в Кейптауне, на борт привезли свежее мясо и свежий, мягкий, чудесный голландский хлеб с зелеными овощами — капустой и какими-то темно-зелеными листьями с необычным вкусом. У каторжников вновь появился аппетит: они набирались сил, твердо решив пережить последний этап плавания, за время которого требовалось пройти расстояние, на тысячу двести миль превышающее расстояние от Портсмута до Рио.

— До нас такие путешествия совершали лишь дважды, — объяснял Стивен Донован, попутно уговаривая Ричарда принять в подарок сливочное

масло. — Голландец Абель Тасман составил карты экспедиции более ста лет назад. Кроме них, мы располагаем картами капитана Кука и его подчиненного капитана Фурно, который побывал в самом низу земного шара и достиг «ледяной земли» во время второго плавания Кука. Но точных сведений о месте, куда мы направляемся, нет ни у кого. Мы — всего-навсего толпа невежд, пытающихся на одиннадцати судах доплыть от мыса Доброй Надежды до Нового Южного Уэльса. Является ли Новый Южный Уэльс частью земли, которую голландец назвал Новой Голландией и которая расположена на расстоянии двух тысяч миль к западу? Кук не был уверен в этом, поскольку так и не увидел южное побережье, соединяющее эти две земли. Ему и Фурно удалось лишь доказать, что Земля Ван Димена является не частью Новой Зеландии, как полагал Тасман, а скорее южной оконечностью Нового Южного Уэльса, который представляет собой прибрежную полосу земли, растянувшуюся на две тысячи миль к северу от Земли Ван Димена. Если Великая Южная земля и в самом деле существует, плавание вокруг нее еще никому не удалось совершить. Но если она все-таки есть, то ее площадь должна превышать три миллиона квадратных миль, то есть площадь всей Европы.

У Ричарда тревожно забилося сердце.

— Значит, у нас нет лоцмана?

— Ни одного. Есть только карты Тасмана и Кука.

— Потому что все путешественники попадали в воды Тихого океана, огибая мыс Горн?

— Да. Даже капитан Кук предпочитал плавание через мыс Горн. А мыс Доброй Надежды считается одной из вех морского пути, ведущего в Ост-Индию, Бенгалию и Китай, но не в Тихий океан. Посмотри, сколько кораблей собралось в здешней гавани. — И Донован указал на десяток судов. — Они поплывут на северо-восток, течения Индийского океана донесут их до самой Батавии. Этих широт они достигнут к началу сезона муссонных ветров, которые отнесут их дальше на север. А зимние пассаты и три огромных течения помогут судам вернуться домой с грузом. Первое течение движется на юг через пролив между Африкой и Мадагаскаром, второе огибает мыс Доброй Надежды и выходит в южную часть Атлантического океана. Третье уводит корабли на север, вдоль западного побережья Африки. Ветры — наши союзники, но иногда гораздо важнее знать толк в течениях.

Донован постепенно мрачнел, и это насторожило Ричарда.

— Стивен, вы чего-то недоговариваете.

— Ты умница, Ричард. Ладно, я буду откровенным с тобой. Второе

течение — то самое, которое огибает мыс Доброй Надежды, — направлено с востока на запад. Это удобный путь на родину, но не в обратную сторону. И обойти его нельзя: течение имеет ширину более сотни миль. С ним можно бороться, направляясь к северо-востоку от Ост-Индии. Но нам придется ловить сильный вест, дующий к югу от мыса, а это нелегкая задача даже для опытного моряка. Последний этап путешествия может затянуться, потому что ждать удобного момента для отплытия придется долго. Я плавал в Бенгалию и Китай и потому хорошо знаю погоду у южной оконечности африканского континента.

Во внезапном приливе любопытства Ричард уставился на четвертого помощника.

— Стивен, почему же вы согласились отправиться в это опасное плавание, зная, что придется повторить маршрут капитана Кука?

Ясные синие глаза вспыхнули.

— Потому, Ричард, что я хочу войти в историю, оставить в ней хоть какой-нибудь след. Это настоящее приключение, а не унылое следование по изученным путям, пусть даже они ведут в страны с экзотическими названиями — такими, как Китай. У меня нет связей в королевском флоте, я никогда не смогу попасть в экспедицию Королевского общества. Когда Эсмеральда Синклер предложил мне место второго помощника, я тут же согласился. И теперь безропотно терплю все тяготы путешествия. А все почему? Да потому, что мы совершаем то, на что прежде никто не решался! Мы везем пятнадцать сотен беспомощных людей в неизведанную землю, где никто из нас раньше не бывал. Но все вокруг ведут себя так, словно мы плывем обычным рейсом из Халла в Плимут! Это сумасшествие, верх безумия! А если в Ботани-Бей мы вдруг обнаружим, что выжить там невозможно? Оттуда до Китая слишком далеко, такое плавание переживут лишь немногие. Мистер Питт и адмиралтейство бросили нас на произвол судьбы, Ричард, ни о чем не позаботившись, ничего не предусмотрев. Еще два года назад в Ботани-Бей следовало отправить экспедицию опытных ремесленников, которые подготовились бы к нашему прибытию. Однако от такой экспедиции отказались — она обошлась бы слишком дорого и не избавила бы Англию от каторжников. Какое значение придает парламент нашему плаванью? Ровным счетом никакого. Но даже если мы все погибнем, экспедиция войдет в историю, и я вместе с ней. Ради этого стоит рискнуть. — Он перевел дыхание и ослепительно улыбнулся. — А кроме того, у меня появится шанс поступить на службу в королевский флот и дослужиться до офицерского чина. Кто знает? Может, когда-нибудь я буду командовать фрегатом!

— Надеюсь, — искренне подхватил Ричард.

— Но ради тебя я готов отказаться даже от заветной мечты, — лукаво добавил Донован.

Ричард воспринял его слова буквально.

— Мистер Донован, мы уже давно знакомы, и я знаю, что плотская страсть для вас отнюдь не превыше всего. Это обычное ирландское преувеличение.

— Плотская страсть! — фыркнул Донован, которому изменила выдержка. — Ей-богу, Ричард, ты мог бы давать католикам уроки воздержания! Значит, вот каково бристольтское воспитание? Впервые вижу человека, который так стыдится самых естественных потребностей! Ричард, не пытайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле. Все мы нуждаемся в общении, Ричард, — в общении! С женщинами не пообщаешься. Они слишком ничтожны. Если они бедны, то обречены на грязную работу. Если они богаты, то занимаются вышиванием, немного рисуют и пишут красками, говорят по-итальянски и отдают распоряжения экономкам. Но поддерживать серьезную беседу им не под силу. Это искусство не дается даже большинству мужчин. — Постепенно он успокоился и заговорил ровным тоном, стараясь выглядеть беспечным. — И кроме того, я не чистокровный ирландец. В жилах жителей Ольстера течет кровь викингов. Вот почему я люблю море и новые, неведомые земли. От предков-ирландцев я унаследовал мечтательность, а от викингов — стремление превращать мечты в реальность.

Но реальность в Кейптауне оставляла желать лучшего. Голландские бюргеры, которые правили городом (кроме них, в Кейптауне жило много англичан, отстаивающих интересы достопочтенной Ост-Индской компании), радостно потирали руки, предвкушая огромную прибыль, и умышленно затягивали переговоры с командором флотилии. В оправдание голландцы объясняли, что недавно в Южной Африке разразился голод, два последних года выдались неурожайными, из-за падежа сократилось поголовье скота, — и так далее, и тому подобное. Губернатор Филлип невозмутимо выслушивал всю эту чушь, прекрасно понимая, что его собеседники вознамерились вздуть цены на свой товар. Ничего другого от жителей Кейптауна он и не ожидал.

А может, губернатор лучше, чем кто-либо из его подчиненных, понимал, что лишь длительные стоянки в портах помогают каторжникам и морякам выжить. Именно он распорядился закупить апельсины, свежее мясо, хлеб и всевозможные овощи. Корабли не предназначались для перевозки сотен пассажиров в год. Значит, в порту следовало пробить

столько, чтобы подкормить их, иначе очередной этап плавания их погубит. Того же мнения придерживались сами пехотинцы и каторжники.

Между капитаном Дунканом-Синклером и агентом подрядчика, мистером Закери Кларком, разразилась яростная ссора: капитан отказался принять на борт новый груз галет, заявив, что на вкус они ничем не лучше опилок. Синклер был занят погрузкой домашнего скота, преимущественно овец и свиней, половина которых предназначалась для разведения в Ботани-Бей. На корабль в огромном количестве свозили кур, уток, гусей и индеек, и вскоре ют и шканцы стали напоминать скотный двор. Со своего наблюдательного пункта на ютовой надстройке Синклер теперь видел лишь поросшие шерстью спины. Тюки сена и мешки фуража запихивали под нижние нары в тюремной камере, так что там едва хватало места ведрам и личным вещам каторжников. Кроме того, все уже узнали, кто из узников нечист на руку, вещи каждого вора периодически осматривали, всякий раз обнаруживая среди них чужую собственность. Чаще всего воры льстились на еду и ром, незаконно приобретенный у сержанта Найта, на которого вскоре донес один из рядовых пехотинцев. Даже во время стоянки в порту на корабле находились люди, способные убить ради кружки рома.

К тому времени все попугаи из Бразилии сдохли, из домашних любимцев уцелели только скотч-терьер Уоллес и принадлежащий лейтенанту Джорджу Джонстоуну бульдог Софи. Софи забеременела — очевидно, от Уоллеса, что весьма забавляло Шарпа, и все обитатели корабля с нетерпением ждали появления потомства двух представителей совершенно разных пород. Котят Родни к тому времени раздали на другие суда, но сам Родни и его подруга ничуть не похудели за время плавания.

К концу первой недели ноября на судно начали грузить провизию, а капитан Синклер распорядился отчистить наружную обшивку «Александера» в тех местах, где ее не покрывали листы меди. Вдохновленный всеобщей суетой, врач Балмен в очередной раз провел окуривание, чистку и побелку камеры и помещения для морских пехотинцев. Он без усталости вспоминал восхитительные поездки в город и к подножиям холмов, восхищался красотой местных кустарников и деревьев, почти сплошь покрытых весенними бутонами — и какими бутонами! Многие из них напоминали каракулевые шапки пастельных тонов, обрамленные гигантскими лепестками.

— Напрасно я не попросил мистера Донована об очередном одолжении, — ворчал Ричард, яростно орудуя кистью. — Сообщить торговцам побелкой, что наш врач закупает ее без разрешения начальства!

Флотилия, покинула оживленную гавань двенадцатого ноября вместе с

американским торговым судном из Бостона. Его экипаж столпился на палубе, впервые видя такой массовый исход кораблей из порта. На якоре суда простояли тридцать дней, и все это время команды так усердно запасались грузами, что теперь на каждом корабле царил теснота. Женщин-каторжниц перевели с «Дружбы» на другие корабли, чтобы освободить место для овец и нескольких коров; на «Леди Пенрин» разместили жеребца, двух кобыл и жеребенка для губернатора. На остальные суда тоже погрузили лошадей и коров, а также множество овец, свиней и домашней птицы, поэтому вскоре нехватка воды стала более чем ощутимой. Особое внимание уделили размещению лошадей: для них соорудили загоны, в которых животные могли только стоять, не сдвигаясь ни на дюйм в сторону. Потеряв равновесие при качке, лошади легко могли сломать ноги. За коровами тоже ухаживали, как за ценным грузом.

Последний этап плавания начался точно так, как предсказывал Стивен Донован. Ветры и течения словно сговорились препятствовать продвижению флотилии и при этом не церемонились; то и дело налетали шквалы и поднимались высокие волны. Страдания пассажиров, подверженных морской болезни, возобновились. Наконец командор передал командование капитану «Сириуса» Джону Хантеру, а сам на «Дружбе» отправился на поиски благоприятного ветра. Через день шквалистый ветер утих, суда вошли в полосу штилей, борьба с парусами окончательно перестала приносить результаты.

За тринадцать долгих дней флотилия отделилась лишь на двести сорок девять миль к юго-востоку от мыса. Норму воды вновь урезали до трех пинт в день, что возмутило всех обитателей судов, которым не хватало даже четырех пинт. Лейтенанты с «Александера» негодовали, поскольку теперь раздача питьевой воды превратилась в настоящий ритуал. Сержант Найт был отстранен от него, поэтому лейтенантам приходилось полагаться на трех весьма ненадежных капралов. А тем временем Найт, ничуть не огорченный новым распоряжением начальства, покачивался в гамаке, потягивая купленный у Эсмеральды ром. Майор Росс считал, что отстранение станет для Найта тяжким ударом; он и представить себе не мог, сколько денег накопил Найт за время плавания, исподтишка продавая ром таким ценителям, как Томми Краудер.

Океан буквально кишел китами. Как зачарованные каторжники часами простаивали на палубе, пытаясь сосчитать их. Казалось, океан вымостили огромными валунами, извергающими фонтаны. Среди гигантских морских животных преобладали кашалоты. Попадались и новые разновидности морских свиней — очень крупные и тупорылые. Некоторые матросы

называли их косатками и часто вели споры о том, что такое косатка. В этих водах акулы достигали таких размеров, что иногда нападали на мелких китов, выскакивая из воды, сжимая голову кита челюстями и утаскивая его на дно кровавой воронки. Лисьи акулы пользовались в качестве оружия длинным острым хвостовым плавником. Одной памятной лунной ночью, бродя по палубе без сна, Ричард стал свидетелем битвы титанов: кита и какого-то чудовища, с виду напоминавшего каракатицу, которое обвило кита щупальцами. Кит нырнул, увлекая противника за собой в глубину. Кто знает, что еще могло таиться в толще воды, где водились левиафаны длиной восемьдесят футов и акулы, достигающие тридцати?

Поговаривали, будто губернатор Филлип намерен разделить флотилию, выбрать два или три судна и двинуться вперед с максимальной скоростью, оставив медлительные корабли позади. «Шарлотта» и «Леди Пенрин» тащились безнадежно медленно, как и грузовые суда, да и «Сириус» никак не мог прибавить ходу. Штурманы испробовали все способы поиска благоприятного ветра, в том числе расставили суда под разными углами, но тщетно.

После двух недель, проведенных в море, флотилии наконец улыбнулась удача — задул свежий бриз, и она поплыла на юго-запад со скоростью восемь узлов в час. Но вскоре поднялись гигантские волны, и «Леди Пенрин», везущая драгоценных лошадей Филлипа, сначала легла на бок, так что мачты нависли над самой водой, а потом мощная волна захлестнула ее с кормы и прокатилась по всей палубе. Судно набрало столько воды, что всем пассажирам пришлось взяться за помпы и ведра. Но ни лошади, ни коровы не пострадали.

А ветер вскоре утих. Вынужденный подчиниться обстоятельствам, губернатор Филлип решил разделить флотилию. Он перебрался на «Запас» и велел следовать за ним «Александеру», «Скарборо» и «Дружбе», а капитану Хантеру с «Сириуса» поручил командование остальными семью судами. «Запас» несколько опережал три других корабля, а лейтенант Джон Шортленд следил за тем, чтобы «Александер», «Скарборо» и «Дружба» не теряли друг друга из виду.

Решение губернатора встретило суровую критику. Многие офицеры, пехотинцы и врачи считали, что если уж Филлип собирался разделить флотилию, то должен был сделать это после выхода из гавани Рио-де-Жанейро. Разумеется, ничего подобного Филлип не допустил бы, размышлял Ричард, подслушавший ссору Джонстоуна и Шарпа, которым пришлось потесниться, чтобы освободить одну каюту для Шортленда. Филлип напоминал наседку, которая не в силах пожертвовать ни одним из

своих цыплят. По-видимому, беспокойство одолевало его. Три выбранных им судна везли преимущественно каторжников-мужчин, способных приступить к работе в Ботани-Бей сразу же, не заботясь об удобствах женщин и детей. По оценкам Филлипа, первый отряд судов должен был достигнуть гавани на две недели раньше второго.

Каторжников, знающих толк в садоводстве, скотоводстве и плотницком ремесле, а их было немного, перевезли на «Скарборо» и «Запас», хотя на «Александрере» свободного места оставалось больше. Никому не хотелось размещать ценных работников на Корабле смерти. Зато ют «Александера» теперь был перенаселен. Сюда переместились лейтенант Шортленд с «Фишберна», прихватив весь свой скарб, агент подрядчика Закери Кларк, каюту которого на «Скарборо» занял майор Росс, и лейтенант Джеймс Ферзер, квартирмейстер пехотинцев (еще один ирландец!). Разумеется, Уильям Эстон Лонг наотрез отказался уступить вновь прибывшим свое жилье.

— Я чуть не помер со смеху, — рассказывал Донован Ричарду, наблюдая с палубы, как шлюпки курсируют от одного судна к другому. — Наши двое лейтенантов-шотландцев возненавидели новичка-ирландца, Кларк сразу начал отстаивать свои права, а Шортленд вовсе не радовался тому, что попал на корабль, где ему следовало находиться с самого начала. Юный Шортленд поселился вместе с папой, а Балмен пришел в ярость, поскольку из большой каюты вышвырнули всю его обширную коллекцию. К счастью, на наше с мистером Боунзом жилье на полубаке никто не посягнул.

— А что сказали наши гости, когда Уоллес ночью опять завыл на луну?

— Это еще полбеда! Софи, которая храпит, как пьяный матрос, устроилась возле койки Закери Кларка, а тот побоялся прогнать ее!

Флотилия разделилась утром двадцать пятого ноября посреди спокойного океана, при небольшом ветре. После того как все вещи были перевезены, губернатор Филлип покинул «Сириус» в шлюпке, провожаемый троекратным «ура» всех, кто столпился на борту. Гребцы налегли на весла, направляя шлюпку к «Запасу». По словам Донована, это было отличное и легкое парусное судно, способное выдержать любой шторм, корабль с оснасткой брига.

К половине первого «Запас» скрылся из виду, а три корабля во главе с «Александром» (их уже успели окрестить рысаками) двинулись следом по проложенному им курсу. Всеобщее удивление вызвало одно событие: едва Филлип поднялся на борт «Запаса», налетел свежий попутный ветер, и

Хантер решил не отставать от рысаков. Поэтому весь день семь медлительных судов находились в пределах видимости и лишь к вечеру вершины их мачт скрылись за горизонтом. При такой погоде «Запас» легко скользил по волнам, к ночи он вырвался вперед, а «Александр», «Скарборо» и «Дружба» продолжали плыть наравне, на расстоянии вытянутого троса или двухсот ярдов.

Но через два дня им вновь пришлось то и дело менять паруса и ждать ветра.

— По-моему, таких ветров, как осты, не существует в природе, — заявил Уилл Коннелли Стивену Доновану, который как раз сменился с вахты и решил наловить рыбы на ужин.

Донован негромко рассмеялся.

— Мы отыщем их, Уилл, и отомстим. Видишь вон тех бурых птиц?

— Похожих на стрижей?

— Да, это предвестники сильных, ровных ветров. И день выдался масляным, на редкость масляным.

— Масленный день? Что это значит? — спросил Тэффи Эдмунде, который вместе с Биллом Уайтингом ухаживал за овцами. То, что выбор пал на этих двоих, развеселило всех обитателей тюрьмы, но ничуть не огорчило самих овцеводов — впрочем, они были слишком умны, чтобы признаваться, что выросли на ферме.

— День ясный, верно? — усмехаясь, спросил Донован.

— Да, пожалуй. На небе ни облачка, ветер утих.

— А небо не голубое, Тэффи, и море тоже. Мы, моряки, называем такие дни масляными, потому что и небо и море словно покрыты тонкой пленкой жира, выглядят тусклыми, без проблеска. К полудню в небе появятся редкие белые облачка, похожие на листы бумаги. Они совсем невелики, потому что их разгоняет ветер, но он дует слишком высоко. Завтра утром начнется шквал. Укрепите на полках свои вещи и приготовьтесь к тому, что люки придется задрать. Через несколько часов вы поймете, что такое настоящий ост. — Донован издал торжествующей клич: — Клюет! — И он вытащил из воды рыбину, похожую на треску, которая вскоре запрыгала по палубе.

— Слышали? — обратился Ричард к товарищам. — Надо спуститься вниз и предупредить остальных.

— Масленный день... — задумчиво повторил Тэффи и направился к шканцам, где Билл вытряхивал фураж из ведра. — Билл, что будет с овцами? Скоро мы попадем в настоящий шторм!

В тот день заключенных накормили в обычный час, к тому времени на

небе появились облака. Но на следующий день о каторжниках никто не вспомнил. Ветер крепчал, швыряя корабль, словно мячик, волны бились о борта судна, дрожащие, как тонкие перепонки, однако люки до сих пор не задраили.

Как только обитатели камеры поняли, что им придется голодать, пока не утихнет шторм, Ричард забрался на стол, схватился за край кормового люка, подтянулся и увидел, как волны набрасываются на «Александр» сразу со всех сторон. Не совладав с искушением, Ричард вылез на палубу и нашел безопасное место возле грот-мачты, откуда принялся наблюдать, как океан бросает судно из стороны в сторону. Волны ударяли в нос, корму и бока, иной раз одновременно. Снасти скрипели и стонали, но все звуки перекрывали вой ветра и рев волн. Приложив ухо к грот-мачте, Ричард услышал треск. Вода ручьями лилась со всех парусов, а матросы карабкались с одной реи на другую, укорачивая некоторые паруса и сворачивая остальные. Нос судна захлестнула волна, но вскоре бушприт вынырнул из тучи брызг, а тем временем вторая волна обрушилась на левый борт, третья — на правый, четвертая — на корму. Ричард предусмотрительно прихватил с собой веревку и надежно привязал себя к мачте: чудовищные волны легко утаскивали с палубы все, что не было прикреплено к ней.

Разглядеть «Скарборо» и «Дружбу» Ричарду не удавалось, пока «Александр» вдруг не взлетел на гребне громадной волны и застыл на нем на секунду, за которую Ричард сумел увидеть, что бедолага «Дружба» почти лежит на боку, а волны катятся через нее. «Александр» соскользнул вниз по волне, вода залила палубу слоем толщиной в целый фут, и тут же судно снова взлетело на следующий гребень. Старик «Александр» был крепкой и надежной посудиною, способной выдержать натиск волн.

Вскоре после того как Ричард покинул камеру, люки задраили. Его исчезновения никто не заметил: все были потрясены яростью небывалой бури. Ночью посиневший от холода, изнуренный Ричард отвязал веревку от мачты и заполз под одну из шлюпок, где устроил себе теплое и почти сухое гнездо в сене. Там он проспал до утра, которое выдалось очень холодным, но небо было синим, а волны, хотя и оставались высокими, прекратили беспорядочную пляску. Люки открыли. Ричард проскользнул в кормовой люк и спрыгнул на стол, чувствуя себя повивальной бабкой, присутствовавшей при рождении конца света.

К его удивлению, товарищи встретили его радостными воплями. После стоянки в Рио Ричард начал замечать в их поведении первые признаки независимости.

— Ричард, Ричард! — кричал Джо Лонг, со слезами обнимая его. — А мы думали, ты утонул!

— Как бы не так! Я просто засмотрелся на волны и не заметил, как задраили люки. Джо, успокойся. Я цел и невредим — просто промок и замерз.

Растираясь сухими тряпками, Ричард узнал, что некий Джон Берд взломал крышку трюмного люка и раздал каторжникам хлеб.

— Мы все ели его, — признался Джимми Прайс. — Ведь вчера нас не кормили.

Но это не помешало Закери Кларку потребовать, чтобы Джона Берда выпороли за кражу собственности подрядчика.

Лейтенант Ферзер, в котором способность сострадать странным образом сочеталась с медлительностью и стеснительностью, подсчитал количество украденного хлеба и объявил, что пропало ровно столько порций, сколько следовало выдать каторжникам вчера. Следовательно, наказывать виновных не за что, добавил он и предложил сегодня выдать узникам по две порции солонины вместе с хлебом.

Несмотря на ссору с Закери Кларком в Кейптауне, капитан Синклер вскоре нашел в нем родственную душу: оба любили поесть. Как только Кларк перебрался на «Александр», Синклер стал приглашать его к обеду, а взамен агент подрядчика делал вид, будто ему неизвестно о махинациях с ромом. Поскольку бульдожка Софи уверенно обосновалась в каюте Кларка, Эсмеральда позволил ему ночевать в своей дневной каюте, в которой пока не нуждался. Услышав вердикт Ферзера, Синклер высказался в поддержку Кларка и приказал высечь Джона Берда за расходование собственности подрядчика без разрешения его агента.

— Пропало только то, что должно было исчезнуть, — ледяным тоном возразил Ферзер, — так почему бы тебе не уgomониться, болван?

— Я доложу о вашей непочтительности капитану! — завизжал Кларк.

— Можешь жаловаться ему хоть до посинения, идиот, — это ничего не изменит. Решения о порке каторжников принимаю я, а не толстяк Эсмеральда.

Каждому матросу «Александера» не терпелось найти хотя бы одного слушателя и сообщить, что в более свирепый шторм ему еще никогда не доводилось попадать: невиданное дело — волны налетали сразу со всех сторон, зловещее предзнаменование! Со «Скарборо» просигналили, что судно пережило шторм без потерь; «Дружбе» пришлось гораздо хуже: все, что находилось на ее борту, вымокло — от животных до одеял.

Однако шторм отнес суда к полосе остов, и теперь они на всех парусах

двинулись вперед, преодолевая в день не менее ста восьмидесяти четырех сухопутных миль. Корабли находились в сороковых широтах и неуклонно продвигались еще дальше на юг. В начале декабря на них обрушился новый шторм, еще сильнее прежнего, но опять-таки отнес их дальше, не сбив с курса. Несмотря на лето, начались холода; самые неимущие и беспечные каторжники жались друг к другу, дрожа в своих тонких льняных куртках, зато у них имелись лишние одеяла, доставшиеся от умерших товарищей. Да и сено пригодилось.

Среди каторжников и пехотинцев вспыхнула дизентерия, люди вновь стали умирать. Со «Скарборо» и «Дружбы» сообщили, что и у них на борту насчитывается немало больных. Ричард убедил друзей пить только профильтрованную воду, хотя каждому доставалось всего по несколько ложек. Если болезнь появилась на всех кораблях, значит, вся запасенная на них вода загрязнена. На этот раз врач Балмен воздержался от очередного окуривания и побелки, сообразив, что его приказ способен спровоцировать мятеж.

Хотя на «Дружбе» впервые за время плавания подняли все паруса, легкое судно не могло угнаться за «Александром» и «Скарборо», покрывавшими за день не менее двухсот семи сухопутных миль. В начале второй недели декабря воздух потеплел; Шортленд приказал двум невольничьим судам сбавить ход, чтобы «Дружба» не отставала. Однажды утром над океаном сгустился белоснежный туман, в котором все вокруг казалось перламутровым, призрачным, прекрасным и вместе с тем зловещим. На всех судах пушки зарядили порохом и палили из них через равные промежутки времени, а один из матросов звонил в колокол «Александера», висящий на корме, делая длинные паузы между ударами. Из тумана доносились ответные выстрелы и звон колоколов «Скарборо» и «Дружбы», идущих параллельными курсами на расстоянии вытянутого троса. В десять часов туман начал рассеиваться, поднялся свежий бриз, и наступил прекрасный солнечный день.

В воде появились большие скопления плавучих водорослей — признак того, что земля уже близко, как утверждали моряки. А земля пока не показывалась, зато косатки вновь устремились за судами, плавали вокруг них, проскальзывали под днищами. Среди водорослей виднелись широкие длинные ленты рыбьей икры, но никто не знал, какие рыбы мечут ее. Где-то неподалеку находился остров Запустения,^[16] где капитан Кук однажды встретил Рождество.

Два дня спустя океанская вода превратилась в кровь. Поначалу ошеломленные и перепуганные пассажиры «Александера» решили, что это

кровь убитого кита, но потом сообразили, что ни в каком левиафане не хватило бы крови, чтобы окрасить воду до самого горизонта. Эту тайну морских глубин им так и не удалось разгадать.

— Теперь я понимаю, — сказал Ричард Доновану, — почему вас так тянет в неведомые края. По своей воле я уезжал из Бристоля только в Бат — потому что это был мой привычный, знакомый мирок. Покидая свой мир, человек неизбежно заражается тягой к странствиям, ему приходится стать более сильным и зрелым, иначе ему не выжить. В людях очень сильна привязанность к родным местам. Вероятно, я и сам таков.

— Привязанность к родным местам — распространенное явление, Ричард. Но я избавился от нее — из-за нищеты и острого желания выбраться из ее трясины, покинуть Белфаст, разорвать все узы.

— Вы учились в благотворительной школе?

— Нет. Один добрый джентльмен взялся опекать меня и учить грамоте. Он справедливо утверждал, что знания — верный путь к процветанию, а пьянство — столь же верный путь в ад.

Воспоминания вызвали у Донована едва заметную улыбку. Опасаясь показаться назойливым, Ричард сменил тему:

— И все-таки почему вода стала красной? Вам когда-нибудь уже случалось видеть такое?

— Нет, но я слышал о воде, превращающейся в кровь. Матросы — суеверный народ, они верят, что красная вода — дурное предзнаменование, символ гнева Божия или дело рук сатаны. Но я считаю, что это такое же естественное явление, как желание совокупляться. — Донован выразительно пошевелил бровями и усмехнулся, заметив, как смутился Ричард. Он уже понял, что Ричарду ненавистны обвинения в ханжестве именно потому, что в глубине души он и вправду немного ханжа. — Должно быть, при извержении вулкана с морского дна поднялся красный ил. А может, эта «кровь» состоит из множества крохотных морских существ.

Порой на флотилию налетали шквалы, по силе не уступающие предыдущим. Во время одного из них «Александр» серьезно пострадал — впервые за все плавание. Короткие цепи, удерживающие деревянную рею на мачте, порвались, и парус, подвешенный к ней, свободно болтался в воздухе. «Скарборо» и «Дружба» замедлили ход и стали дожидаться, когда на «Александре» поймут и укрепят парус, а это было рискованное дело.

В день летнего солнцестояния пошел дождь, сменившийся снегопадом, а потом на палубы судов обрушился град размером с куриное яйцо. Овцы не пострадали, но для свиней и людей удары таких градин

оказались более чем ощутимыми. Вот они, летние радости сорок первого градуса южной широты! На сорок первом градусе северной широты располагались Нью-Йорк в Америке и Саламанка в Испании, где во время летнего солнцестояния никогда не бывало ни снега, ни града. Может, путешественники и вправду оказались с нижней стороны земного шара и мир вокруг них в буквальном смысле слова перевернулся? Должно быть, думали многие матросы, пехотинцы и каторжники, низ земного шара гораздо тяжелее верха.

К Рождеству все три корабля достигли сорок второго градуса южной широты и продолжали преодолевать по сто восемьдесят четыре сухопутные мили в день, несмотря на ненастную погоду. В канун Рождества им повстречался самый громадный кит, какого путешественники только видели за все время плавания: длина этого голубовато-серого животного превышала сто футов. По-видимому, он явился пожелать им счастливого Рождества, от его прыжков дрожала вся палуба маленькой «Дружбы».

В тюрьме ощущалось праздничное настроение. По такому случаю каторжникам приготовили роскошный обед: гороховый суп с соленой свининой, ломтик соленой говядины и обычную порцию черствого хлеба. Каждому также досталось по полпинты чистого рома из Рио, и кроме того, у каторжников появился шанс заполучить одного из щенков Софи. Накануне Рождества бульдожка разродилась пятью отпрысками прямо на койке Закери Кларка, роды принимал доктор Балмен. Помет удивил всех. Два щенка были похожи на мопсов, два — на жесткошерстных терьеров с выступающими вперед нижними челюстями, а еще один оказался точной копией Уоллеса. Гордый «отец семейства», лейтенант Шарп, разрешил Балмену выбрать себе щенка, и тот взял мопса, как и лейтенант Джонстоун, хозяин Софи. Лейтенанту Джону Шортленду и первому помощнику Лонгу достались терьеры с бульдожьими челюстями.

Положение осложнилось, когда лейтенант Ферзер отказался взять себе щенка, похожего на Уоллеса (правда, он умолчал о том, что причина его отказа — ненависть и к шотландцам, и к шотландским терьерам).

— Куда же мы его денем? — растерялся Шарп.

— Может, отдадим Эсмеральде или его прихвостню Кларку? — предложил Джонстоун.

Все собравшиеся саркастически рассмеялись.

— Нет, мы отправим юного Макгрегора в тюрьму. Ни у кого из каторжников нет собаки, — решил Шарп.

Удачное решение срочно обмыли послеобеденным портвейном и ромом.

Чуть позже, сразу после обеда, два морских офицера, хозяева бульдога и скотч-терьера, спустились в камеру. Шарп нес малыша Макгрегора. Оба офицера были пьяны в стельку, но это никого не удивило, особенно в праздничный день. Еще никто из каторжников не видел морских офицеров трезвыми после обеда. Только на «Дружбе» трезвенник Ральф Кларк расплачивался ромом с плотниками, которым заказывал конторки и бюро, и с каторжниками, которые шили ему всю одежду, от рубах до перчаток.

Чтобы выбрать из множества жаждущих будущего хозяина Макгрегора, принесли три колоды карт: в жеребьевке могли участвовать лишь те, кто вытянет из колоды туза бубен. Под радостные крики трое мужчин показали бубновых тузов. Сидящий за столом Шарп попросил принести три соломинки, но, чтобы удержать их в кулаке, ему понадобилась помощь Джонстоуна.

— Кто вытянет самую длинную — тот и выиграл! — объявил Шарп.

Вопя от восторга, длинную соломинку вытащил Джо Лонг.

— Длинная досталась Лонгу! — Шарп так расхохотался, что свалился со скамьи. Пока Ричард и Уилл бережно ставили его на ноги, Джо схватил на руки барахтающегося щенка и принялся целовать его.

— До прибытия в Ботани-Бей он побудет с мамой, — решил Джонстоун. — А на берегу мы отдадим Макгрегора новому хозяину.

«Доброта Бога безгранична, — думал Ричард, убаюканный качкой и ромом, приглушившим желание подняться на палубу. — С тех пор как умер бедняга Айк, жизнь для простодушного Джо утратила всякий смысл. А теперь у него появился пес, маленькое живое существо, требующее заботы и любви. Бог сжалился над одним из моих подопечных. Хорошо бы и остальным повезло. Когда мы сойдем на берег, держаться вместе нам станет труднее».

Скорость движения судов превысила двести семь сухопутных миль в день и оставалась такой до конца декабря; погода стояла отвратительная — высокие волны, шквалы, ревущие ветры. К югу от сорок третьей, «ревущей» широты ветры и вправду ревели.

Тысяча семьсот восемьдесят восьмой год встретил путешественников ненастной погодой и неизбежным ветром, по мере приближения к сорок четвертой широте они все чаще попадали в штормы. А потом налетел попутный бриз — такой сильный, что три судна прошли целых двести девятнадцать миль в день. Поскольку южная оконечность Земли Ван Димена могла появиться на горизонте в любую минуту, лейтенант Шортленд приказал на всякий случай привязать к тросам якоря. Ветер усилился, «Дружба» лишилась лиселя на фор-стеннге, который разорвало в

кочки, а земля все не появлялась.

Опасаясь рифов и подводных скал, в семь часов вечера четвертого января Шортленд приказал кораблям замедлить ход. На следующее утро над океаном разнесся долгожданный крик: «Земля!» Наконец-то! Самая южная оконечность Нового Южного Уэльса представляла собой нагромождение массивных утесов.

Обогнув мыс, корабли сменили курс с оста на норд; последнюю тысячу миль пути до Ботани-Бей время тянулось особенно медленно, цель была совсем рядом, но пока оставалась недостижимой. Ветер вновь переменялся и вместе с течениями оказывал сопротивление судам. Бывали дни, когда трем кораблям удавалось пройти всего несколько миль, но чаще они качались на одном месте, поминутно поднимая и спуская паруса. А порой налетали ветры, которые матросы называли безжалостными. Однажды ночью с «Дружбы» сорвало фор-марсель, а утром — дерик-фал. Суда поднялись до тридцать девятой широты, а затем вновь вернулись на сорок вторую. Стаксель «Дружбы» изорвало в клочья — это был уже пятый парус, которого судно лишилось после отплытия из Кейптауна. Теперь «Дружба» двигалась вперед с черепашной скоростью.

Хотя в отличие от матросов каторжники не слишком унывали от такой медлительности, зато они сильно страдали от недоедания. Вдалеке порой показывались берега Нового Южного Уэльса, но никто не мог определить, что это за земля. К счастью, у путешественников появилось новое развлечение: многочисленные тюлени плескались и резвились вокруг кораблей, важно похлопывали себя плавниками по бокам, ныряли, вертелись, фыркали и вздыхали. Чудесные, веселые существа! А где были тюлени, там обнаруживались и косяки рыбы. На столе каторжников снова появилась уха.

К пятнадцатому января суда продвинулись на север до тридцать шестой широты и вскоре увидели мыс Дромадер, названный так капитаном Куком за сходство с кораблем пустыни.

— Осталось сто пятьдесят миль, — сообщил Донован, сменившись с вахты и встав с удочкой у борта.

Уилл Коннелли вздохнул. Стояла жаркая, но облачная погода, читать ему не хотелось, и он решил заняться ловлей рыбы.

— Мистер Донован, порой мне кажется, что мы никогда не доберемся до Ботани-Бей, — произнес он. — После сочельника умерло еще четыре каторжника — всем известно почему. Их сразила не лихорадка или дизентерия, а отчаяние, тоска по дому и безнадежность. Большинство моих товарищей провело на этом страшном корабле уже целый год — нас

привезли на борт шестого января прошлого года. Прошлого года, подумать только! По-моему, эти люди умерли потому, что перестали верить в то, что когда-нибудь они покинут Корабль смерти. Вы говорите, еще сто пятьдесят миль? Сто пятьдесят или десять тысяч — какая разница? За этот год мы узнали, как далеко находится край света. И как долг путь от него до родины.

Донован поджал губы и заморгал.

— Потерпи еще немного, — наконец заговорил он, глядя на пробковый поплавок. — Капитан Кук предупреждал, что здешние течения коварны, но тем не менее мы движемся вперед. Нам нужен лишь свежий бриз с юго-востока, и мы за один день доплывем до Ботани-Бей. Погода меняется: сначала будет шторм, а потом — ветер с юго-востока. Я точно знаю это.

А пока паруса то поднимали, то опускали. Тюлени уплыли, их место заняли тысячи морских свиней. Однажды душным и влажным днем небеса разразились грозой. По сравнению с ярко-алыми ослепительными зигзагами молний, поражающих воображение англичан, лиловые облака казались темнее дыма над Бристолем, то и дело раздавался оглушительный треск грома, дождь лил сплошной стеной, струи падали отвесно, несмотря на свирепый норд-вест. За час до полуночи гроза вдруг мгновенно утихла, сменившись прекрасным свежим бризом с юго-востока, который дул так долго, что вскоре путешественники увидели белые и желтые скалы, деревья, изогнутые песчаные пляжи и длинные зубчатые челюсти залива Ботани-Бей.

Девятнадцатого января тысяча семьсот восемьдесят восьмого года в девять часов утра «Александр» и два других судна миновали Пойнт-Соландер и мыс Бэнкс и вошли в широкий, почти не отгороженный от моря залив. На берегу залива столпилось пятьдесят или шестьдесят обнаженных взволнованных туземцев, на стальной глади залива покачивался «Запас». Он опередил товарищей всего на один день.

«Александр» проплыл семнадцать тысяч триста сухопутных миль за двести пятьдесят один день, или тридцать шесть недель. Из них шестьдесят восемь дней он провел в портах, а сто восемьдесят три дня — в море. Из двухсот двадцати пяти каторжников к моменту прибытия в Ботани-Бей на борту «Александра» осталось сто семьдесят семь человек.

Как только корабли встали на якорь, лейтенант Шортленд в шлюпке отправился на «Запас», к губернатору Филлипу. Стоя в одиночестве у борта, Ричард разглядывал землю, где, согласно королевскому указу, ему предстояло пробыть до двадцать третьего марта тысяча семьсот девяносто второго года. Еще четыре года. Тридцать девять лет Ричарду исполнилось

на юге Атлантического океана, между Рио-де-Жанейро и Кейптауном.

Земля, которую разглядывал Ричард, была плоской только вдоль берегов, а поодаль начинались невысокие холмы скучных, унылых оттенков — серо-голубого, бурого, желтоватого, серого и оливкового. Бесплодная, иссохшая пустыня.

— Что ты там увидел, Ричард? — спросил Стивен Донован.

Ричард обратил на него взгляд затуманенных слезами глаз.

— Не рай, не ад, а чистилище. Вот куда попадают все потерянные души.

Часть 5

Январь — октябрь 1788 года

За следующие несколько дней не произошло почти ничего, только семь медлительных кораблей на удивление быстро догнали «рысаков»: их принесли те же самые сильные ветры, они пережили столько же штормов. Все корабли покачивались на волнах, стоя на якоре, на палубах толпились пассажиры. Те, у кого имелись подзорные трубы, не сводили глаз с пехотинцев на берегу, морских офицеров, нескольких каторжников и многочисленных туземцев. Но деятельность здесь отнюдь не была бурной. Ходили слухи, что губернатор нашел Ботани-Бей неподходящим местом для столь важного эксперимента и отправился в шлюпке в ближайший Порт-Джексон, который капитан Кук отметил на картах, но не посетил.

Осмотрев берега Ботани-Бей, Ричард пришел к тому же выводу, что и остальные каторжники и вольные путешественники. Жуткое место — таков был всеобщий вердикт. В таких заливах не доводилось бывать ни матросам, ни даже самому Стивену Доновану. Местность была донельзя ровной, унылой, песчаной, болотистой, неприветливой и бесплодной. Обитатели тюремного помещения «Александера» сравнивали берега Ботани-Бей с гигантским кладбищем.

Наконец было решено основать поселение не в Ботани-Бей, а в Порт-Джексоне. Корабли приготовились к отплытию, но тут поднялись встречные ветры, а через узкую косу перекатывались такие бурные волны, что о предстоящем плавании пришлось на время забыть. И вдруг — о чудо! — у входа в гавань появились два огромных судна.

— Странное совпадение! Такое же странное, как если бы при дворе русской императрицы встретились два ирландских крестьянина, — заметил Донован, который пользовался подзорной трубой вместе с капитаном Синклером и мистером Лонгом.

— Это английские корабли? — спросил Джимми Прайс.

— Нет, французские. Кажется, экспедиция графа де Лаперуза. Это корабли третьего ранга — вот почему они такие громадные. Один из них называется «Буссоль», а второй — «Астролябия». Воображаю, как они изумились, увидев нас: Лаперуз покинул Францию в тысяча семьсот восемьдесят пятом году, задолго до того, как была задумана наша экспедиция. А может, они узнали о нас в пути. Год назад суда Лаперуза

сочли пропавшими без вести. А они вот где!

Еще одна попытка выйти из залива Ботани-Бей была предпринята на следующий день, и она тоже оказалась неудачной. Два французских корабля скрылись из виду: ветер отнес их на юг, далеко в море. На закате «Запасу» удалось преодолеть полосу прибоя и взять курс на север, где в десяти-одиннадцати милях от Ботани-Бей находился Порт-Джексон. А остальные подопечные губернатора Филлипа провели еще одну ночь в «чистилище».

К утру задул зюйд-ост. Французские корабли «Буссоль» и «Астролябия» наконец-то вошли в залив, а десять кораблей английского флота подняли якоря и направились к выходу в открытое море. «Сириус», «Александр», «Скарборо», «Борроудейл», «Фишберн», «Золотая роща» и «Леди Пенрин» успешно обогнули косу. Но злополучная «Дружба» сманеврировала неудачно: ее отнесло к самым скалам, и она столкнулась с «Принцем Уэльским». «Дружба» лишилась утлегаря и в довершение несчастий врезалась в корму «Шарлотты». Потеряв большую часть надстройки, «Шарлотта» чуть не села на мель.

За этим хаосом с некоторым злорадством наблюдала команда «Александера», поднимающая паруса, чтобы воспользоваться зюйд-остом. День выдался жарким и ясным, с левого борта открывался завораживающий вид. Желтые пляжи в форме полумесяца, отороченные пеной прибоя, чередовались с красновато-желтыми скалами, которые с каждой милей становились все выше. Пышные и сочные заросли, гораздо более яркие, чем в Ботани-Бей, подступали вплотную к пляжам, в небо поднимались струйки дыма многочисленных костров. А потом впереди показались два грозных четырехсотфутовых бастиона, а между ними — пролив шириной в милю. «Александр» плыл напрямик в страну чудес.

— А вот это — другое дело! — одобрительно воскликнул Недди Перрот.

— Будь в Бристоле такая гавань, он стал бы величайшим портом Европы, — добавил Аарон Дэвис. — Здесь при любом ветре хватило бы места тысяче кораблей.

Ричард промолчал, но на сердце у него стало легче. Деревья на берегах гавани были ярко-зелеными, очень высокими и развесистыми, их оведала прозрачная голубоватая дымка. До чего же причудливо выглядели эти деревья! Их стволы были высокими и крепкими, а листья — немногочисленными, но огромными, узкими, напоминающими изодранные флаги. Маленькие песчаные бухточки располагались с северной и южной сторон гавани, а прямо по курсу корабля ее берега были совсем низкими,

если не считать одного холма напротив входа в гавань. Суда свернули в южную бухту, напоминавшую очень длинный и широкий рукав, и, пройдя по ней шесть миль, увидели у берега «Запас». Бросать якорь здесь было незачем — по крайней мере с самого начала. Корабли почти не качались на воде, тросы привязали к прибрежным деревьям. Бухта была глубокой и спокойной, вода в ней — прозрачной, как в океане, изобиловавшей мелкой рыбешкой.

На закате солнце стало похожим на огненный диск, и моряки определили, что завтрашний день будет ясным, но ветреным. Как всегда в суматохе, каторжников с «Александера» накормили только поздно вечером.

Ричард ни с кем не делился своими мыслями, понимая, что даже Уилл Коннелли, самый сообразительный из товарищей, слишком наивен. Как собеседник он не шел ни в какое сравнение со Стивеном Донованом. Порт-Джексон казался Ричарду райским уголком, красота которого вскоре поблекнет, а не землей, истекающей молоком и медом.

Беспорядочная высадка на берег началась двадцать восьмого января. Никто не знал, куда идти и что делать, и потому толпы каторжников растерянно стояли на берегу, сложив вещи у ног, впервые за целый год ощущая под ногами твердую почву. Суша была негостеприимной: ее покачивало, она шаталась, дрожала, зыбилась. Подобно всем тем, кто не страдал морской болезнью, Ричард мучился тошнотой на протяжении шести недель после высадки на берег. Только теперь он понял, почему на суше моряки передвигаются вразвалку, широкими и неуверенными шагами, точно пьяные.

Морские пехотинцы были так же растеряны, как и каторжники, и в замешательстве слонялись по берегу, пока кто-нибудь из морских офицеров не повышал голос и не указывал им, куда идти. Наконец Ричарду, его девяти подопечным и сотне других каторжников приказали разбить лагерь на сравнительно ровной, окруженной деревьями поляне у восточного берега бухты.

— Начинайте строить укрытия, — отдал невнятный приказ младший лейтенант Ральф Кларк, безмятежно счастливый оттого, что он очутился на твердой земле.

Но как выполнить это распоряжение? Ричард задумался, остановившись на поляне, поросшей жесткой желтоватой травой с разбросанными по ней каменными глыбами. Остальные каторжники с «Александера» тоже пребывали в замешательстве. «Как мы будем строить эти самые укрытия? У нас нет ни топоров, ни пил, ни ножей, ни гвоздей», — рассуждал Ричард. Но вот на поляну вышел один из

пехотинцев с дюжиной топоров. Один из них достался Тэффи Эдмундсу. Тот неуверенно сжал рукоятку топора и беспомощно воззрился на Ричарда.

«Я не могу бросить их на произвол судьбы. Под моим покровительством по-прежнему остались Тэффи Эдмунде, Джоб Холлистер, Джо Лонг, Джимми Прайс, Билл Уайтинг, Недди Перрот, Уилл Коннелли, Джонни Кросс и Билли Эрл. Почти все они родом из деревень, многие неграмотны. Хорошо еще, Томми Краудер и Аарон Дэвис сдружились с Бобом Джонсом и Томом Киднером из Бристоля — им хватит людей, чтобы построить для себя шалаш, конечно, если это входит в намерения губернатора. Неужели никто и в самом деле не знает, что мы должны делать? Такой непродуманной экспедиции еще не видел свет. Старшие офицеры провели на борту „Сириуса“ более девяти месяцев, но, похоже, все это время только пили. У них нет ни плана, ни подобия методического подхода. Нам следовало жить на кораблях, пока не расчистят поляну и не построят жилища. Мы не стали бы возражать, если бы столы и скамьи убрали, чтобы открыть трюмные люки... По крайней мере мы могли бы ночевать на борту. А морские пехотинцы вовсе не желают становиться распорядителями: они считают, что должны только охранять нас в самом узком смысле слова. „Начинайте строить укрытия...“ С одним-единственным топором?»

— Кто умеет держать в руках топор? — спросил Ричард.

Оказалось, умеют все — каждому приходилось колоть дрова.

— А кто может построить шалаш?

Этого не умел никто, зато все каторжники видели, как строят дома из кирпича, камня и потолочных балок. Мастеров на все руки в отряде Ричарда не было.

— Пожалуй, следует начать с коньковой опоры и боковых подпорок для крыши, — после долгого раздумья изрек Уилл Коннелли, который за время плавания прочел «Робинзона Крузо». — А крышу и стены мы сделаем из пальмовых ветвей.

— Значит, там понадобятся коньковая опора и еще две опоры для крыши, — подытожил Ричард. — А потом — шесть разветвленных молодых деревьев, причем два из них должны быть выше остальных четырех. Из них мы соорудим каркас. Мы с Уиллом будем по очереди работать топором. Тэффи и Джимми, разыщите кого-нибудь из пехотинцев и попросите второй топор, хотя бы небольшой, или один из больших ножей — вроде тех, что мы видели в Рио. А остальные пока разыщут пальмы и попробуют наломать веток.

— Мы могли бы сбежать, — задумчиво произнес Джонни Кросс.

Ричард уставился на Джонни так, словно у того вдруг выросла вторая голова.

— Сбежать? Но куда, Джонни?

— В Ботани-Бей, на французские корабли.

— Они окажут нам такой же прием, как голландцы — Джонни Пауэру на Тенерифе. И потом, как мы доберемся до Ботани-Бей? Ты же видел на берегу туземцев. Они мало чем отличаются от американских индейцев. Неизвестно, какой у них нрав, — возможно, они каннибалы, как аборигены Новой Зеландии. Им наверняка пришлось не по душе прибытие сотен чужаков.

— Почему? — спросил Джо Лонг, поглощенный мыслями о том, что лейтенант Шарп до сих пор не отдал ему Макгрегора.

— А ты попробуй представить себя на месте туземцев, — терпеливо объяснил Ричард. — Что они должны думать? Это превосходная бухта, рядом находятся источники пресной воды — наверное, туземцы давно облюбовали ее. А потом явились мы и захватили их территорию. Нам строго-настрого запрещено причинять вред туземцам. Так зачем искушать их, убегая туда, где нет ни одного нашего соотечественника? Мы останемся здесь и займемся делом. А теперь, пожалуйста, выполните мои просьбы.

Вместе с Уиллом Ричард нашел множество подходящих молодых деревьев со стволами не толще четырех-пяти дюймов. По сравнению с вязами и каштанами эти деревца казались безобразными, но обладали одним достоинством: ветки росли у них только на самой верхушке. Взмахнув топором, Ричард оставил на стволе зарубку.

— Черт, это дерево прочное, как железо, и истекает соком! — воскликнул он. — Нам понадобятся пилы, Уилл.

А поскольку взять пилы было негде, оставалось понемногу рубить дерево топором. Топор был тупым и непрочным, и Ричард понял, что после того, как они срубят три больших дерева и шесть тонких, он окончательно придет в негодность. Сегодня же надо достать напильники и попытаться наточить топор. Подрядчик погрузил на суда самые плохие инструменты, не сумев сбыть их в Англии. Когда Ричард срубил дерево и обрубил все ветки, у него закружилась голова, он тяжело отдувался: сказывался целый год безделья и недоедания. Уилл Коннелли взял топор и принялся за второе молодое дерево, но у него работа продвигалась еще медленнее. В конце концов у них появились коньковая опора и две прочные раздвоенные подпорки для карнизов крыши, а потом они выбрали четыре более тонких дерева для боковых подпорок. К тому времени вернулись Тэффи и Джимми со вторым топором, кувалдой и лопатой. Пока Ричард и Уилл искали

деревья, которые предстояло укрепить горизонтально на подпорках, завершив сооружение каркаса, Джимми и Тэффи принялись копать ямы для подпорок. Не имея никаких измерительных инструментов, они отмеряли расстояния на глазок. На глубине шести дюймов от поверхности земли им начали попадаться камни.

Остальные разыскали множество пальм, однако их ветки находились слишком высоко над землей. Затем Недди осенила удачная мысль: он вскарабкался на дерево, схватился за конец ветки, отпустил ствол и повис, чтобы ветка сломалась под тяжестью его тела. Но так удавалось ломать только старые, ломкие ветки, а молодые и сочные выдерживали вес исхудавших каторжников.

— Найди Джимми, — велел Недди Джобу Холлистеру, — и поменяйся с ним местами. Ты будешь копать, а проворному Джимми мы подыщем другое занятие.

Вскоре пришел Джимми, дрожа от усталости.

— Ты не боишься высоты? — спросил его Недди.

— Не боюсь.

— Тогда отдохни немного, а потом заберись на пальму. Ты самый легкий и проворный из нас. Ричард прислал нам второй топор — его ты привяжешь к поясу. Забравшись на пальму, начинай рубить ветки.

Солнце клонилось к горизонту, и это помогло каторжникам сориентироваться, определить, где находятся южная и западная стороны поляны. Губернатор уже распорядился построить временное жилье для него самого, пару складов и большой круглый шатер, где разместились лейтенант Ферзер и интенданты. Каторжники сообразили захватить с собой на берег деревянные миски, ковши и ложки, а также одеяла, тюфяки и ведра. Ричард нашел ручей, велел Биллу Уайтингу распаковать каменные фильтры и принести воды. С виду она казалась чистой и свежей, но Ричард понимал, что первое впечатление может быть обманчивым.

Тяжелее всех приходилось Биллу Уайтингу. Его лицо исхудало, а теперь под глазами появились густые тени. Бедняга дрожал как в лихорадке, но его лоб был холодным — он просто устал.

— Пора отдохнуть, — решил Ричард, собрав свой отряд. — Ложитесь на тюфяки и отдыхайте. А тебе, Билл, надо пройтись — знаю, ты очень устал, но ты поможешь мне найти интендантов. Я кое-что задумал.

Лейтенанту Джеймсу Ферзеру не доставало организаторских способностей, в его владениях царил хаос.

— Вам наверняка нужны рабочие руки, сэр, — заметил Ричард.

— Вы готовы помочь нам? — спросил Ферзер, вглядываясь в лица

каторжников.

— Один из нас — да, — подтвердил Ричард, обнимая Уайтинга за плечи. — Этому человеку можно доверять. Он никому не доставлял хлопот с тех пор, как я познакомился с ним в восемьдесят пятом году в глостерской тюрьме.

— А, ты тот самый вожак с «Александера», Морган! Помню, твои товарищи всегда были послушными и старательными работниками.

— Да, я Морган, лейтенант Ферзер. Так вы возьмете Уайтинга к себе?

— Если он умеет читать и писать.

— И то и другое, сэр.

В лагерь Ричард и Билл вернулись с несколькими буханками черствого хлеба — только его им и удалось выпросить. Хлеб кейптаунской выпечки кишел долгоносиками, но все-таки это была хоть какая-то еда.

— Теперь у нас будет свой человек на складе, — объявил Ричард, деля хлеб. — Ферзер поручил Биллу помогать раздавать солонину. Прежде всего нам надо распаковать чайники и котелки, потому что отныне нам придется готовить еду самим.

Биллу Уайтингу полегчало, отныне ему предстояло работать в тени шатра, пусть даже в духоте, и при этом не заниматься вырубкой деревьев или другим тяжелым физическим трудом, как всем остальным каторжникам.

— Как только лейтенант Ферзер устроится на новом месте, нам будут выдавать провизию на неделю, — добавил Билл, благодарный Ричарду за предусмотрительность. — Говорят, скоро прибудет грузовое судно из Кейптауна, и тогда нам надолго хватит припасов.

Поздно вечером они расстелили на земле тюфяки с «Александера», положили под головы мешки с одеждой и укрылись одеялами и потрепанной верхней одеждой. Днем было жарко, но едва солнце скрылось за горизонтом, резко похолодало. От усталости каторжники мгновенно заснули, не обращая внимания на целые полчища назойливых насекомых.

Утром ночной холод рассеялся, сменившись густым туманом. Каторжники вновь взялись за строительство хижины, которое продвигалось медленно, поскольку им нечем было связать пальмовые ветки — кроме длинных узких пальмовых листьев, из которых они пытались сплести подобие веревок. Шалаш выглядел достаточно прочным, но Ричарда и Уилла, наиболее сведущих в подобных делах, беспокоило то, что основанием ему служил слой песчаной почвы толщиной шесть дюймов. Они навалили кучи земли вокруг подпорок и принялись рубить ветки, чтобы укрепить стены шалаша, установив вокруг них распорки.

Работа остальных отрядов продвигалась с разной быстротой. Она никого не воодушевляла, и к середине второго дня, проведенного на берегу, стало ясно, в каких отрядах есть опытные вожаки, а в каких царит анархия. Отряд Томми Краудера начал устраивать вокруг шалаша частокол из тонких ветвей, и Ричард решил последовать его примеру. Образование и кругозор были существенной подмогой в этом деле, а лондонец Краудер не только поменял множество ремесел, но и был умным человеком.

Изредка по лагерю проходили морские пехотинцы, следя за тем, как идет работа, и пересчитывая каторжников. Вскоре выяснилось, что некоторые заключенные убежали в лес. В их числе была и женщина по имени Энн Смит. Судя по всему, беглецы направились к Ботани-Бей, где, по слухам, должны были еще несколько дней простоять французские корабли.

— Черт, это же суший рай для муравьев и пауков! — воскликнул Джимми Прайс, посасывая палец. — Проклятый муравей укусил меня, да еще как! Вы только посмотрите, какие громадные здесь эти твари! Длиной они в целых полдюйма, у них огромные челюсти. — Он бросил ненавидящий взгляд на дерево, с которого сдирал кору. — Скоро мы оглохнем от этой трескотни. У меня уже звенит в ушах.

Он жаловался не зря: повсюду слышался треск цикад.

Билли Эрл выбежал из-за деревьев с перекошенным, белым от ужаса лицом.

— Я видел змею! — выпалил он. — Она длиннее Айка Роджерса в сапогах с каблуками и толщиной в мою руку! А Томми Краудер говорит, на другом берегу бухты водятся громадные свирепые аллигаторы. Будь проклято это место!

— К здешней фауне мы скоро привыкнем, — успокоил его Ричард. — До сих пор нас кусали только муравьи, пусть даже размером с жука. А эти «аллигаторы» — всего-навсего гигантские ящерицы. Я видел, как одна забралась на верхушку дерева.

Строительство шалашей завершилось к середине душного, ветреного дня, полного неожиданностей и жутковатых встреч. Солнце садилось, на юге начали сгущаться тучи. Темно-синий бархат неба рассекли первые молнии. Отряд Ричарда построил свое жилье возле огромной глыбы песчаника с углублением в одном боку, словно проделанным большой ложкой.

— Пожалуй, — заговорил Ричард, глядя на небо, — надо сложить вещи под камень — на всякий случай. Пальмовые ветви не спасут нас от дождя.

Гроза разразилась через час и бушевала яростнее, чем шторм у мыса

Дромадер; колоссальные, ослепительные зигзаги молний ударили прямо в землю среди деревьев. Неудивительно, что многие из них раскололись и обуглились! Сверкнула молния, и в тридцати футах от шалаша гигантское дерево с атласной золотистой корой мгновенно охватило голубоватое пламя, вверх взметнулся столб искр. Дерево запылало и вскоре сгорело дотла. Вместе с дождем начался пронизывающий порывистый ветер, за минуту разметавший кровлю из пальмовых веток. По сухой земле заструились ручьи, струи дождевой воды с силой били в почву. Каторжники вмиг промокли до нитки. Этой ночью они спали в окружении уцелевших подпорок, стуча зубами от холода. Их утешало лишь то, что под камнем их вещи остались сухими.

— Нам нужны прочные инструменты и веревки, чтобы укрепить кровлю, — заявил утром Уилл Коннелли, едва сдерживая слезы.

Пора поискать кого-нибудь из начальников экспедиции рангом выше Ферзера, решил Ричард. Ему не было дела до того, что каторжникам запретили подходить к палаткам губернатора: Ричард отважился на этот отчаянный шаг ради спасения друзей.

Он зашагал по лагерю, радуясь, что песчаная почва мгновенно впитала дождевую воду. Возле ручья, там, где пехотинцы нагромодили три каменные глыбы, соорудив грубое подобие бастиона, он заметил в зарослях блестящие черные тела и ощутил сильную вонь гниющей рыбы. Значит, это вовсе не игра воображения: Ричард уже не раз слышал, что от туземцев несет рыбьим жиром, как от ила в бристольтском порту. Но туземцы мгновенно скрылись в лесу, а Ричард по камням перебрался через ручей и направился к большому лагерю на западном берегу бухты, где обосновалось большинство каторжников-мужчин и все женщины (их высаживали на берег по несколько человек). Здесь уже были поставлены палатки врачей, палатки морских пехотинцев и офицеров, а также шатер майора Росса. Ричард отметил, что в этом лагере даже каторжников разместили в палатках. Стало быть, палаток на кораблях не хватало. Именно поэтому Ричарда и еще сто каторжников высадили на восточном берегу бухты и велели им самим строить укрытия подальше от недреманного ока губернатора.

— Я могу видеть майора Росса? — спросил он часового-пехотинца, стоящего у входа в большой круглый шатер.

Незнакомый рядовой смерил Ричарда презрительным взглядом.

— Нет, — процедил он.

— Но у меня срочное дело, — настаивал Ричард.

— Вице-губернатор слишком занят, чтобы тратить время на таких, как

ТЫ.

— Тогда можно подождать, когда он освободится?

— Нет. Проваливай отсюда, как тебя там...

— Ричард Морган с «Александера», номер двести три.

— Впусти его! — послышался голос из шатра.

Ричард вошел в шатер с двумя откинутыми боковыми полотнищами и дощатым полом. Внутри он был разделен полотняной перегородкой на два помещения: одно из них служило майору кабинетом, а второе — спальней. Сам майор, как и следовало ожидать, в одиночестве сидел за складным столиком, заменявшим письменный. Росс презирал подчиненных, однако отстаивал права, привилегии и достоинства служащих морского корпуса при всех столкновениях со служащими королевского флота. Губернатора Артура Филлипа он считал непрактичным болваном и тряпкой.

— В чем дело, Морган?

— Я с восточного берега бухты, сэр. Мне хотелось бы поговорить с вами.

— Ты чем-то недоволен?

— Нет, сэр, просто у меня есть несколько просьб, — объяснил Ричард, глядя майору в глаза и сознавая, что он — один из немногих обитателей Порт-Джексона, не чувствующих неприязни к Россу.

— Каких?

— Нам приходится самим строить жилища, сэр, а у нас нет никаких инструментов, кроме пары топоров. Большинству отрядов удалось соорудить каркасы, но кровли из пальмовых веток непрочны, потому что нам нечем их связать. Мы обошлись бы гвоздями и бечевками, но у нас нет никаких инструментов — ни сверл, ни пил, ни молотков. Будь у нас хоть какие-нибудь из них, работа спорилась бы быстрее.

Майор поднялся и коротко приказал:

— Мне надо пройтись. Идем со мной. А ты рассудительный малый, — продолжал он, выходя из шатра, — я заметил это еще с тех пор, как на «Александре» вышли из строя насосы. Ты серьезен, деловит и предпочитаешь работать, а не жалобно скулить. Будь у нас побольше таких, как ты, и поменьше отбросов, которыми кишмя кишат английские тюрьмы, колония смогла бы процветать.

Ричард, с трудом поспевающий за быстро идущим майором, пришел к выводу, что вице-губернатор не верит в успех эксперимента. Они миновали лагерь морских пехотинцев и приблизились к четырем круглым шатрам, где разместились морские офицеры. Лейтенант Шарп сидел в тени под навесом шатра капитана Джеймса Мередита в обществе самого капитана, потягивая

чай из фарфоровой чашки. При виде майора оба офицера поднялись, всем видом давая понять, что им неприятен этот резкий, несдержанный в словах и поступках человек. Об этом знали все, в том числе и каторжники: распаленные ромом и портвейном, офицеры часто ссорились, постоянно находясь в оппозиции к Россу. Впрочем, при любых обстоятельствах у него находились сторонники.

— Лесопилки уже строят? — ледяным тоном спросил майор.

Мерedit махнул рукой вдаль.

— Да, сэр.

— Когда вы в последний раз осматривали их, капитан-лейтенант?

— Я как раз собирался туда. Сразу после завтрака.

— Который вы, как вижу, завершили не чаем, а ромом. Вы слишком много пьете, капитан-лейтенант. Лучше бы вы уделяли больше времени делу!

Отдав честь, Шарп скрылся в шатре и тут же вернулся с Макгрегором на руках.

— Возьми его, Морган. Мне говорили, его выиграл один из твоих товарищей. — Он ухмыльнулся. — Сам я ничего не помню.

Готовый провалиться сквозь землю от смущения, Ричард взял радостно барахтающегося щенка и последовал за майором Россом.

— Ты понесешь эту псину на склад?

— Нет, сэр, отдам кому-нибудь из товарищей по пути через лагерь, — ответил Ричард с невозмутимостью, которой не ощущал. Почему-то во время размовок майора с офицерами он неизменно оказывался рядом.

— Пора и мне побывать там. Веди меня, Морган.

И Ричард пошел вперед, с трудом удерживая на руках резвого Макгрегора.

— Пусть ловит крыс, — распорядился майор, пока они приближались к десятку шалашей, разбросанных по поляне. — Здесь их больше, чем в Лондоне.

— Отдай его Джо Лонгу, — попросил Ричард, сунув Макгрегора изумленному Джонни Кроссу. — Как видите, сэр, мы соорудили довольно прочный каркас, но, по-моему, самая лучшая мысль о том, из чего сделать стены, пришла в голову каторжнику Краудеру. Беда в том, что без инструментов и материалов работа продвигается еле-еле.

— Вот уж не думал, что англичане настолько изобретательны, — заметил Росс, внимательно рассматривая шалаши. — Когда вы закончите работу, предстоит разбить еще один лагерь — между вашим и фермой губернатора, которую уже строят. Если мы не начнем выращивать свежие

овоци, то скоро все перемерем от цинги. На западном берегу бухты скопилось слишком много женщин. Я разделю их и половину отправлю сюда. Но не вздумайте развлекаться вместо работы — ясно, Морган?

— Ясно, сэр.

Они подошли к складам, где по-прежнему царил хаос. Лошадей, коров и другой скот уже перевезли на берег и поместили в наспех построенные загоны из веток. Животные казались такими же несчастными, как и каторжники.

— Ферзер, — выпалил вице-губернатор, врываясь в шатер, — вы олух, как и все ирландцы! Вы что, не в состоянии действовать последовательно? Что станет со скотом, если его не кормить? Все животные до единого подохнут. У нас не осталось овса, сено уже кончается. Для квартирмейстера вы слишком тупы и беспомощны. Поскольку пока плотникам делать нечего, заставьте их построить прочные загоны и навесы для скота — и немедленно! Найдите людей, которые знают толк в скотоводстве, узнайте, какими должны быть свинарники и Коровники. Крупный скот следует пасти, лошадей стреножить и тоже выпустить на пастбище — и горе вам, если они пропадут! Где списки грузов и где теперь эти грузы?

Лейтенант Ферзер не сумел предоставить вышеупомянутые списки, не имел представления, где хранятся перенесенные на берег грузы, в его распоряжении были лишь парусиновые палатки, приспособленные под временные склады.

— Я хотел составить списки после того, как будут готовы постоянные склады, сэр, — с запинкой объяснил он.

— Боже, Ферзер, да вы суций кретин!

Сглотнув, квартирмейстер вздернул подбородок.

— Но мне не хватает помощников, майор Росс, честное слово!

— Привлекайте к работе каторжников. Морган, ты знаешь толковых людей? Ты ведь каторжник, у тебя много знакомых.

— Конечно, сэр. Прежде всего это Томас Краудер и Аарон Дэвис. Они родом из Бристоля и ненавидят грязную работу. Само собой, они преступники, но достаточно умны, чтобы подчиняться тем, кто избавит их от тяжелого труда, и вряд ли станут воровать. А если пригрозить им, что в случае провинности их заставят рубить деревья, они станут шелковыми.

— А что ты скажешь о себе?

— Я могу принести больше пользы в другом месте, сэр, — ответил Ричард. — Я умею точить пилы, топоры и остальные режущие инструменты. И кроме того, я умею делать разводку, а это не каждому по

плечу. У меня есть некоторые инструменты, а если мой ящик найдется на каком-нибудь корабле, у нас будет все, что нужно. — Он прокашлялся. — Мне бы не хотелось брюзжать и наговаривать на тех, кто задумал экспедицию, сэр, но топоры слишком тупы и непрочны — как и лопаты, заступы и кирки.

— Это я и сам заметил, — мрачно подтвердил майор Росс. — Нас дурачат все кому не лень, Морган, — от скаредных офицеров адмиралтейства до подрядчика и капитанов транспортных судов, которые уже начали распродавать обмундирование, прочую одежду и парусину — в том числе и личные вещи каторжников. — Он собрался уходить. — Но я сам постараюсь найти ящик с инструментами, принадлежащий Ричарду Моргану. А пока потребуй у Ферзера все необходимое — шила, гвозди, молотки и проволоку. — Кивнув, он строевым шагом двинулся прочь, поправляя фуражку. Майор Росс неизменно имел лощеный вид, даже в ненастную погоду.

— Пришли ко мне Краудера и Дэвиса, и ты получишь все, что пожелаешь, — пообещал лейтенант Ферзер, уже проглотивший обиду.

Ричард сам привел к лейтенанту Краудера и Дэвиса, отобрал необходимые инструменты и материалы, чтобы закончить строительство жилищ для своих друзей и приступить к новым — для женщин-каторжниц.

Женщины-каторжницы вдруг стали предметом пристального внимания всех мужчин и одиноких пехотинцев, страдающих от продолжительного воздержания. Ночные свидания не смогла бы предотвратить даже усиленная охрана, тем более что сами часовые любыми способами стремились удовлетворить похоть. В довершение всего женщин в лагере было слишком мало, и отнюдь не все они соглашались ублажать изголодавшихся мужчин. К счастью, находились каторжницы, с радостью принимавшие гостей или торгующие собой в обмен на кружку рома или новую рубашку. Случаи насилия были редкими: далеко не каждая отваживалась сопротивляться назойливым ухажерам, а мужчины вовсе не желали принуждать строптивниц.

Но все представители власти, от губернатора до преподобного Ричарда Джонсона, ужасались, узнавая о ночных визитах в женский лагерь, и порицали их как гнусные, безнравственные поступки. Разумеется, сами они не были лишены общества женщин, пусть даже таких, как миссис Дебора Брукс или миссис Мэри Джонсон. Но в отношении каторжников и пехотинцев следовало что-то предпринять, и немедленно.

Товарищи Ричарда тоже украдкой ускользали из лагеря по ночам — все, кроме самого Ричарда, Тэффи Эдмундса и Джо Лонга. Джо хватало

общества Макгрегора, Тэффи был сделан совсем из другого теста — он предпочитал одиночество, а близость женщин окончательно превратила его в женоненавистника. Товарищи считали его чудаком, а сам Тэффи по вечерам подолгу пел. Ричард не знал, по какой причине он также сторонится женского лагеря, — по-видимому, между ним и Тэффи было немало общего. Его вовсе не радовала возможность сблизиться с какой-нибудь женщиной после двух лет воздержания и трех лет, прошедших с момента знакомства с Аннемари Латур. После Аннемари его, непонятно почему, ни разу не охватывало возбуждение. Скорее всего дело было не столько в недостатке жизненной силы, сколько в остром чувстве стыда и вины, воспоминаниях об Уильяме Генри и множестве утрат. Но Ричард не знал причину своего аскетизма наверняка и не хотел знать. Какая-то часть его души умерла, а еще одна погрузилась в сон без сновидений. То, что происходило у него в голове, запрещало сношения с женщинами. Ричард и сам не понимал, ограничивает он себя или, наоборот, оберегает свободу, и самое главное, это его ничуть не печалило.

Седьмого февраля состоялась пышная церемония — первая, на которой позволили присутствовать каторжникам. В одиннадцать утра их собрали у юго-восточной оконечности бухты, посреди большой поляны, расчищенной под огород. Морские пехотинцы в парадных мундирах, с мушкетами в руках промаршировали по поляне под звуки горнов и барабанов, неся знамена. Вскоре прибыл его превосходительство губернатор Филлип в сопровождении белокурого великана капитана Дэвида Коллинза, судьи колонии, вице-губернатора майора Роберта Росса, инспектора Огастеса Альта, врача Джона Уайта и преподобного Ричарда Джонсона.

Моряки опустили знамена, губернатор снял шляпу и отдал приказ, и колонна вновь промаршировала перед ним.

После этого каторжникам велели сесть на землю. Перед губернатором поставили складной стол, на него торжественно водрузили два красных кожаных саквояжа. Взломали печати, и в присутствии всех колонистов судья зачитал указ о назначении Филлипа губернатором новой колонии.

До Ричарда и его товарищей доносились лишь обрывки фраз: именем его величества Георга III, короля Великобритании и Ирландии, Филлип назначался полновластным губернатором Нового Южного Уэльса и получал право строить замки, крепости и города по мере необходимости. Солнце палило, а перечень обязанностей губернатора казался бесконечным. К тому времени как указ был зачитан, часть слушателей клевала носом, а капитаны кораблей, сошедшие на берег, чтобы присутствовать на

церемонии, боролись с дремотой, поскольку никто не позаботился поставить для них удобные кресла в тени. Первым сон сморил капитана Дункана Синклера.

Радуюсь тому, что на нем соломенная матросская шляпа, Ричард старательно прислушивался — особенно когда сам губернатор Филлип поднялся на возвышение и обратился к каторжникам. Он сделал все, что мог, кричал губернатор, да, все, что мог! Но за десять дней, проведенных на берегу, он пришел к выводу, что большинство каторжников неисправимы и безнадежно ленивы, что они не заслуживают даже кормежки, что из шестисот человек, способных работать, трудятся лишь двести. В заключение губернатор объявил, что тех, кто не работает, кормить не будут.

Его речь разносилась по всей поляне: в тщедушном теле губернатора скрывался мощный голос. Он пообещал, что в будущем к каторжникам станут применять самые суровые меры, поскольку, видимо, ничто другое на них не действует. За кражу курицы в Англии не карали смертью, но здесь, где каждая курица стоит дороже, чем сундук рубинов, вор будет казнен. Всех животных надлежало сохранить, чтобы они принесли потомство. За малейшую попытку присвоить любое имущество губернатора виновника ждала виселица — губернатор явно не шутил. Во всякого мужчину, который попытается ночью проникнуть в женскую палатку, часовые будут стрелять — этот долгий путь флотилия проделала не для того, чтобы пассажиры кораблей предавались разврату. Совокупления возможны только в том случае, если мужчина и женщина вступят в брак, иначе зачем колонии понадобился священник? Правосудие будет справедливым, но беспощадным. Ни один каторжник не вправе ценить свой труд так же высоко, как свободный англичанин, отец семейства: каторжнику незачем содержать жену и детей, он сам является собственностью губернатора Нового Южного Уэльса. Никто не должен надрываться на работе, но всякий обязан внести свою лепту в будущее благосостояние колонии. Первый долг каторжников — выстроить постоянное жилье для офицеров, затем — для пехотинцев и, наконец, для самих себя. Переведя дыхание, губернатор велел всем разойтись, хорошенько обдумать его слова и отнестись к ним со всей серьезностью.

— Хорошо, когда ты кому-то нужен! — вздохнул Билл Уайтинг, поднимаясь на ноги. — Почему нас не повесили еще в Англии, если здесь за любую провинность нас ждет виселица? — Он пренебрежительно фыркнул. — Чепуха! «Мы проделали этот путь не для того, чтобы предаваться разврату»! А на что еще они надеялись? Насчет овец я просто шутил. Но если меня застрелят по пути к моей Мэри — это уже не шутки.

— Мэри? — переспросил Ричард.

— Мэри Уильямс с «Леди Пенрин». Стара, как здешние холмы, и безобразна, как смертный грех, но она моя, вся моя! По крайней мере до тех пор, пока меня не пристрелят за попытку удовлетворить вполне естественную потребность. В Англии меня имел бы право убить только ее муж.

— Я рад, что ты познакомился с Мэри Уильямс, Билл. Мы только что слышали, как устами губернатора говорил преподобный Джонсон, — объяснил Ричард. — Ему следовало бы стать методистом. По-моему, за эту работу он взялся лишь потому, что с такими радикальными взглядами не мог даже мечтать о месте епископа какой-нибудь английской церкви.

— Зачем сюда вообще привезли каторжниц, если нас к ним не подпускают? — возмутился Недди Перрот.

— Губернатор хочет, чтобы в колонии появились супружеские пары, иначе преподобному мистеру Джонсону будет нечем заняться. А еще — для того, чтобы сделать вид, будто вся экспедиция получила благословение Бога, — рассудил Ричард вслух. — А незаконные совокупления паствы Джонсон считает непростительным грехом.

— Ну, пока я не собираюсь жениться на Мэри, — заметил Билл. — Я и без того слишком долго носил одни цепи, чтобы сразу менять их на другие.

Никто не стал возражать, но далеко не все товарищи разделяли взгляды Билла. Со следующего воскресенья обрадованный священник начал сочетать узами брака новые пары колонистов.

Каторжникам стали выдавать провизию на целую неделю. Им пришлось нелегко: требовалась огромная сила воли, чтобы сдержаться и не съесть всю еду в первые же два дня. Теперь, когда все каторжники были вынуждены работать, паек казался им особенно скудным. Благодаря любезности лейтенанта Ферзера у них появились чайники и котелки, жаль только, что класть в них было почти нечего.

Отряд Ричарда достроил свое жилище. Стены заменили двумя слоями веток — один был расположен вертикально, а другой горизонтально; прочную кровлю из пальмовых веток поддерживала решетчатая рама. Даже во время ливней в хижине было довольно сухо, но ветер проникал во все щели, и поэтому вскоре пришлось прикрыть стены снаружи связанными пальмовыми ветками. Окон в этом жилище не было, единственная дверь находилась под прикрытием глыбы песчаника. Какой бы убогой ни была эта хибара, она во всех отношениях превосходила тюремное помещение «Александера». В хижине пахло чистой смолой, а не зловонной смесью дегтя и нечистот, пол устилали сухие листья. Кроме того, на каторжников

не надели кандалы и оставили их почти без надзора. Пехотинцы следили только за теми заключенными, кто уже не раз доставлял им неприятности, поэтому благополучные отряды были предоставлены самим себе. Их лишь время от времени навещали пехотинцы, убеждаясь, что работа продолжается.

Рабочим местом Ричарда стал небольшой навес за палатками пехотинцев, поблизости от ям для лесопилок, рыть которые в каменистой почве было нелегко. Вместо лопат землекопы поминутно брали в руки кирки и ломы.

Пилы еще не успели разгрузить (разгрузка шла донельзя медленно), и топоры тупились быстрее, чем Ричард успевал затачивать их.

— Мне нужны помощники, сэр, — однажды обратился он к майору Россу. — Дайте мне двух учеников, и к тому времени, как понадобится точить пилы, я успею обучить их затачивать топоры.

— Ты рассуждаешь разумно. А зачем тебе сразу двое помощников?

— Затем, что по поводу вещей в колонии уже начались споры. Составление списков — хорошее дело, но еще полезнее было бы вырезать имя владельца на рукоятке каждого топора или молотка. А когда разгрузят пилы, точно так же можно поступить и с ними. Так мы избавим интендантов от лишней работы, сэр.

В уголках светло-серых глаз появились мелкие морщинки, хотя улыбка так и не осветила лицо.

— Морган, у тебя и впрямь светлая голова. Ты уже выбрал себе помощников?

— Да, сэр, — двух каторжников из моего отряда. Коннелли будет вырезать имена, а Эдмунде — учиться точить топоры.

— Твой ящик с инструментами я пока не нашел.

Ричард опечалился.

— Очень жаль, — вздохнул он. — Онигодились бы мне.

— Не отчаивайся, я продолжаю поиски.

Февраль принес грозы и штормы, переменчивые ветры с моря и множество жарких, влажных дней, к концу которых на юге или северо-западе в небе неизменно сгущались тучи. После южных бурь обычно наступала блаженная прохлада, а во время северо-западных выпадал град размером с яйцо и зной усиливался.

Фауна окрестных земель казалась каторжникам бедной — ее составляли различные виды крыс и миллионы муравьев, жуков, сороконожек, пауков и других кусачих насекомых. Зато в небе и на деревьях обитали огромные стаи птиц сказочной красоты. Здешные

попугаи казались плодом богатого воображения — огромные белые с торчащими тускло-желтыми хохолками, серые с цикламеновый грудью, черные, радужные, светло-зеленые, пятнистые, красно-синие, зеленые и еще множества самых разных расцветок. Крупные бурые зимородки охотились на змей, ломая их позвоночник о ветки, и издавали звуки, напоминающие дьявольский хохот; одна из больших птиц, гнездящихся на земле, с хвостом наподобие греческой лиры, имела повадки павлина. Колонисты, сопровождавшие губернатора во время экспедиций в глубь материка, видели черных лебедей, орлов с размахом крыльев более девяти футов, ястребов и соколов. Над головами бесстрашно порхали крохотные вьюрки и крапивники — пестрые жизнерадостные пичуги. Все птичье царство поражало разнообразием цветов и оттенков оперения, а также звучными голосами. Некоторые птицы пели мелодичнее соловья, другие пронзительно кричали, голоса третьих напоминали звон серебряных колокольчиков, а громадные черные вороны издавали жуткие звуки, неизменно пугавшие англичан. Но вскоре колонисты с досадой убедились, что ни одна из множества птиц не годится в пищу.

Колонистам удалось увидеть и некоторых местных животных — преимущественно толстых, покрытых густой шерстью грызунов. Но кенгуру, о которых были наслышаны англичане, не приближались к лагерю — видимо, они были слишком робкими и пугливыми в отличие от громадных древесных ящериц. Эти ящерицы преспокойно бродили по лагерю, не удостаивая людей взглядами, и совершали набеги на офицерские палатки, превосходя дерзостью и прожорливостью самых голодных каторжников. Одна из таких ящериц, достигающая в длину четырнадцати футов и похожая на аллигатора, долго наводила ужас на колонистов.

— Интересно, как называется эта тварь? — спросил Ричард Тэффи Эдмундса, когда одна из ящериц важно проползла мимо их навеса, не повернув уродливой головы.

— По-моему, к ней надо обращаться «сэр», — откликнулся Тэффи.

Точильщикам всегда хватало работы — тупые топоры продолжали приносить со всех сторон, а к концу февраля разгрузили и пилы. На западном берегу бухты уже начали работать лесопилки, на восточном берегу под них рыли ямы, выбирая из земли многочисленные камни. Возникло новое затруднение: срубленные деревья, очищенные от коры, никак не удавалось распилить даже на горбыли. Их древесина не только истекала соком, но и была твердой, как железо. Пильщикам приходилось так тяжело, что губернатор распорядился выдавать им дополнительно хлеб

и солод. Это вызвало возмущение у рядовых пехотинцев, забывших, что им выдают масло, муку и ром помимо хлеба и солонины. Пехотинцы бушевали, требуя отменить «привилегии» каторжников. Только благодаря майору Россу и строжайшей дисциплине их удавалось держать в узде, но основным средством убеждения служили розги, и вскоре пехотинцы вновь начали жаловаться — на то, что их подвергают порке чаще, чем каторжников.

Увидев пилы, Ричард пал духом. На кораблях было всего сто семьдесят пять ручных и двадцать продольных, предназначенных для распилки деревьев вдоль волокон. Твердая древесина местных пород не поддавалась, и это означало, что каждое дерево предстояло срубить топором, а потом разрубить им же на части. Оба вида пил должны были быть изготовлены из лучшей стали, но, как всегда, подрядчик сжульничал и закупил никуда не годные инструменты. За долгие месяцы, проведенные в море, пилы покрылись ржавчиной, а сурьмяного масла не нашлось ни на одном из кораблей.

Двадцать пять ручных пил и пять продольных увез лейтенант Филипп Гидли Кинг на остров Норфолк: в середине февраля «Запас» отправился туда, чтобы основать отдельное поселение. По словам капитана Кука, на острове в изобилии росли лен, пригодный для изготовления парусины, и огромные сосны для корабельных мачт.

— Сэр, у меня опускаются руки, — признался Ричард майору Россу. — Я сам сделал наждачную бумагу и счистил почти всю ржавчину, а пилы по-прежнему неровные. От ржавчины их могла бы предохранить ворвань, но у нас ее нет. А масло, которое у нас есть, превращается в клей, как только пилы нагреваются при работе. Мне нужно такое вещество, как ворвань или жидкая сурьма. Пилы изготовлены из настолько непрочной стали, что могут сломаться, если нам и впредь придется пилить такое твердое дерево. У нас пятнадцать маховых пил, но одновременно работают лишь четырнадцать — их поочередно приходится точить, поскольку зубья быстро тупятся и гнутся. Но прежде всего, сэр, нам необходимо средство от ржавчины.

Росс помрачнел: те же слова он слышал от других пильщиков.

— Придется искать какое-нибудь местное вещество, — решил он. — Врач Боуэс Смит вечно собирает древесный сок, вываривает корни и листья — вероятно, готовит лекарственные снадобья или даже эликсир жизни. Дай мне одну из ржавых ручных пил, и я попрошу его поэкспериментировать.

И майор ушел. Ричард искренне сочувствовал ему: Росс был прирожденным вожаком, но не признавал человеческих слабостей,

особенно слабостей его подчиненных. Когда они выходили из повиновения, Росс не стеснялся подвергать их телесным наказаниям. А когда наказать требовалось каторжника, Россу было достаточно намекнуть об этом губернатору. В довершение всех бед Росса постоянно преследовали молнии: его овцы, находящиеся в загоне под деревом, погибли в грозу, а потом сгорел шатер вместе с большинством бумаг и отчетов. Глядя вслед майору, обладавшему безупречной военной выправкой, Ричард думал о том, что без него хаос в Порт-Джексоне продолжался бы и по сей день. Губернатор был идеалистом, а его помощник — реалистом.

К навесу, под которым работал Ричард, пристроили еще один, крытый корой, а в помощь ему дали двух каторжников — Недди Перрота и Джоба Холлистера. Билли Эрл, Джонни Кросс и Джимми Прайс теперь работали вместе с Биллом Уайтингом на губернаторских складах, и только Джо Лонг оставался без привилегированной работы. Ричард раздобыл мотыгу вдобавок к заступу и велел Джо разбить огород возле их хижины, надеясь, что никто не поручит Джо другую работу и не проявит любопытство: всем было известно, насколько простодушен и нерасторопен этот паренек. Но если Джо останется в хижине, несъедобное имущество отряда будет в безопасности. В лагере так часто случались кражи припасов, что все мужчины и женщины носили пайки с собой на работу и не спускали с них глаз. Чаще всего каторжники воровали еду друг у друга, поэтому губернатор и пехотинцы смотрели на эти проступки сквозь пальцы. Сильные отбирали провизию у слабых и больных товарищей по несчастью.

Дизентерия вспыхнула через две недели после высадки на берег. Подозрения Ричарда насчет воды в ручье оправдались, хотя для врачей было непостижимо, что могло загрязнить ее в этом девственном лесу. Оставалось предположить, что вода Нового Южного Уэльса не для английских желудков. Трое каторжников в палатке-лазарете умерли, вскоре для больных пришлось ставить еще одну палатку. Распространенным явлением стала и цинга: сальная кожа и хромота выдавали больных задолго до того, как у них начинали кровоточить и опухать десны. У Ричарда еще оставался солод, и беречь его не было необходимости: лейтенант Ферзер с губернаторского склада так ценил своих помощников-каторжников, что исподтишка снабжал их солодом. Такой фаворитизм был неизбежен, особенно в тяжелые времена лишений.

— Но если понадобится, — непререкаемым тоном объявил Ричард своим товарищам, — мы будем есть кислую капусту — даже если для этого мне придется связывать вас и запихивать ее вам в глотку. Вспомните своих матерей: всех нас воспитывали в уверенности, что хороши лишь те

лекарства, которые отличаются омерзительным вкусом. Кислая капуста — как раз такое лекарство.

В Порт-Джексоне не нашлось естественных средств от цинги в достаточных количествах, чтобы исцелить новых обитателей: лишь некоторые местные растения и ягоды не вызывали симптомов отравления. Посаженные на огороде губернатора овощи пустили ростки, увидели над собой незнакомые небеса и от огорчения увяли. Уберечь не удалось ни один из них.

Лето кончается, скоро наступит осень, думал Ричард, разглядывая семена цитрусовых, собранные еще в Рио-де-Жанейро. Значит, посеять их удастся только в сентябре или октябре, здешней весной. Кто знает, насколько холодной будет зима? В Нью-Йорке летом люди изнывают от жары, а зимой вода у берегов замерзает. Присмотревшись к туземцам, Ричард пришел к выводу, что им незнакомы морозы, но рисковать, сея драгоценные семена, не стал.

Трое каторжников — Баррет, Лоуэлл и Холл — были пойманы с поличным во время кражи хлеба и солонины с губернаторского склада, а еще один неудачник попался на краже вина. Трех сообщников приговорили к виселице, а четвертому, укравшему вино, предстояло привести приговор в исполнение.

На западном берегу бухты, между мужским и женским лагерями, выросло крепкое, мощное дерево с одной странной особенностью — прямой веткой, растущей параллельно земле в десяти футах над ней. Поскольку жертвовать драгоценной древесиной для постройки виселицы было немыслимо, виновных решили повесить на дереве. Двадцать пятого февраля троих преступников вывели на поляну на виду у всех каторжников — перед смертью им предстояло вытерпеть по сто ударов плетью. Губернатор Филлип решил, что этот последний урок окажет желаемое воздействие — так или иначе, виновные прекратят воровать еду! Конечно, желудок самого губернатора, как и желудки его приближенных, был полон. Как и в случае с развратом, крайние меры могли помочь лишь временно. На них надеялись только те, чьи мошонки были пусты, а желудки — наполнены.

Многим собравшимся, свободным людям и каторжникам, уже не раз случалось присутствовать при казнях: в Англии публичные казни приурочивали к праздникам, и их привыкли воспринимать как развлечение. Однако Ричард и кое-кто из его товарищей избегали подобных «увеселений».

Первого из приговоренных, Баррета, поставили на табурет, палачу

велели накинуть ему на шею веревочную петлю. Мертвенно-белый, хнычущий палач исполнил этот приказ, но отказывался выбить из-под ног Баррета табурет, пока несколько пехотинцев не зарядили мушкеты и не прицелились в него. Очень бледный, но спокойный, Баррет держался молодцом. Он умер мучительной смертью. Высота виселицы была слишком мала, чтобы под тяжестью тела сломалась шея, и потому несколько бесконечных минут он бился в петле, пока наконец не умер от удушья. Через час тело убрали, а под ветку вновь подставили табурет.

Лейтенант Джордж Джонстоун, который заменил на посту адъютанта губернатора лейтенанта Кинга, отбывшего на остров Норфолк, вышел вперед и объявил, что казнь Лоуэлла и Холла откладывается на двадцать четыре часа. Каторжникам велели разойтись. Урок Филлипа не пошел впрок: воры продолжали красть, а порядочные люди — удерживаться от соблазна. Единственный результат казни — воров стало на одного меньше.

Покидая поляну, Ричард бросил взгляд на толпу каторжников и вдруг заметил в ней алые страусовые перья на лихо заломленной черной шляпе. Он застыл как пораженный громом. Лиззи Лок! Это она! Ее доставили в колонию вместе с обожаемой шляпой, которая, судя по всему, преспокойно перенесла плавание. Подходить к Лиззи Ричарду было некогда: он порадовался уже тому, что она жива и рядом.

На следующее утро каторжников опять собрали под проливным дождем, только чтобы известить, что его превосходительство губернатор помиловал Лоуэлла и Холла и решил заменить казнь изгнанием, место для которого еще предстояло выбрать. Однако, добавил лейтенант Джордж Джонстоун угрожающим тоном, его превосходительство всерьез подумывает о том, чтобы увезти всех непокорных к берегам Новой Зеландии и оставить там на съедение каннибалам. Когда «Запас» вернется из плавания, преступников доставят в Новую Зеландию, и это не пустые угрозы! А тем временем будущих изгнанников прикуют цепями к скале близ бухты, уже получившей прозвище Кишка, и посадят на урезанный на три четверти хлебный паек. Но ни Кишка, ни реальная угроза со стороны каннибалов не помогли прекратить воровство в лагере.

Если каторжники крали преимущественно еду, то пехотинцы предпочитали ром и женщин. Виновным назначали от пятидесяти до ста пятидесяти ударов плетью, хотя палач усердствовал не так, как в тех случаях, когда наказывал каторжников, что было вполне понятно. Пристрастие пехотинцев к спиртному и разврату объяснялось тем, что они не голодали: порции, выдаваемые им, неизменно были больше тех, что доставались каторжникам. И это тоже ни у кого не вызывало недоумения.

И туземцы мало-помалу осмелели и принялись воровать развешанную для провяливания рыбу, заступы, лопаты и те немногие овощи, которые выросли на плодородном островке в восточной части бухты, где строили обширную губернаторскую ферму в надежде, что к сентябрю здесь удастся посеять пшеницу. Но еще никто не знал, приживется ли пшеница на здешней почве. Однажды на отряд, посланный за камышом для крыш к заливу близ Садового острова, напали туземцы. Одного колониста ранили, двоих убили. При осмотре болотистого истока ручья обнаружили несколько скелетов огромных ящериц — свидетельство тому, что туземцы вовсе не глупы и знают, как отравить воду.

Поселение быстро разрасталось, с каждым днем охранять сто становилось труднее. В соседнем лесу было найдено дерево, которое сэр Джозеф Бэнкс назвал казуариной и признал, что у него очень податливая древесина. Однако казуарины росли довольно далеко от лагеря, на берегах болота, откуда брал начало ручей, а милей дальше от берега обнаружилась превосходная глина для изготовления кирпичей. В глубь материка то и дело отправлялись экспедиции, которые тоже требовалось охранять. Мало того, с каждым днем туземцы совершали все более дерзкие вылазки. Ружейные выстрелы их не пугали — похоже, они поняли, что чужакам запрещено убивать их.

Губернатор Филлип отправился осматривать еще один залив к северу от Порт-Джексона, названный Брокен-Бей, и вернулся разочарованный: залив был пригоден для кораблей, но почва на его берегах оказалась сухой и бесплодной. Видимо, разрабатывая план экспедиции, чиновники министерства внутренних дел в блаженном неведении полагали, что семена непременно прорастут, в какую бы почву они ни попали, что отличная древесина, пригодная для любых целей, есть повсюду, что поголовье скота должно расти в геометрической прогрессии и что через какой-нибудь год колония в Новом Южном Уэльсе сможет прокормить своих обитателей. Поэтому ни министерству, ни адмиралтейству, ни подрядчикам не пришло в голову погрузить на корабли припасы в таком количестве, чтобы их хватило самое меньшее на три года. Первый грузовой корабль должен был прийти в колонию не раньше чем через год. Но доживут ли до этого времени постоянно голодные каторжники?

За два месяца, проведенных в бухте, получившей название Сидней-Коув, всем стало ясно, что эта земля сурова и безжалостна к чужакам. Она была могучей, древней и чужой, на ней люди могли лишь бороться за выживание, но не процветать. Туземцы, сущие дикари, по мнению англичан, служили доказательством тому, что обещает им Новый Южный

Уэльс — страдания и нищету.

В конце марта грозы налетали на бухту одна за другой, влажная жара стала нестерпимой. Колонисты, у которых были шляпы, превратили их в подобие головных уборов янки, отогнув вниз поля. Треуголка Ричарда меж тем сохранила прежний вид, поскольку он работал под навесом и обладал драгоценной соломенной матросской шляпой, а еще потому, что на воскресную церковную службу ему нравилось являться принаряженным. Бристольские привычки оказались живучими.

Воскресные службы проводили где придется, но в то воскресенье, двадцать третьего марта, в день третьей годовщины суда над Ричардом в Глостере, она состоялась близ лагеря холостых пехотинцев, возле горы каменных глыб, на которых разместились прихожане. Преподобный Ричард Джонсон именем Господа призвал их обуздать постыдные желания и присоединиться к рядам тех, кто уже успел сочетаться браком.

Наставленный таким образом на путь истинный, Ричард хотел помолиться и достичь просветления, и все же молитва не помогла. В ответ на нее Бог послал ему Стивена Донована, который поприветствовал Ричарда и зашагал рядом с ним по берегу бухты.

— Плохи дела, да? — спросил Донован, нарушив молчание, когда они присели на камень в пяти футах от плещущей о берег воды. — Я слышал, понадобились шесть человек и целая неделя, чтобы выкорчевать всего один пень на будущем поле. Губернатор решил вспахать его вручную, опасаясь за плуг.

— А это, в свою очередь, означает, что недалек тот день, когда я останусь голодным, — откликнулся Ричард, снимая свой лучший сюртук и растягиваясь под деревом. — Здесь не найдешь даже густой тени!

— И жизнь слишком тяжела. И все-таки, — продолжал Донован, сгребая ногой палую листву, — она когда-нибудь изменится к лучшему. Как в любом новом деле, главное — продержаться первые полгода. Рано или поздно замечаешь, что уже ко всему притерпелся, а может, просто привык. Не одно я знаю точно: создавая эту землю, Бог добивался, чтобы она не была похожей на нашу родину. — Он понизил голос. — Здесь выживут только люди, обладающие сильной волей, и среди выживших будешь ты.

— Это уж точно, мистер Донован. Если я выжил на «Церере» и «Александрере», то не пропаду и тут. Я не отчаиваюсь, просто мне недостает вас. Как поживают «Александрер» и наш дорогой толстяк Эсмеральда?

— Понятия не имею, Ричард, я не бываю на «Александрере». Наши с ним пути разошлись после того, как однажды я застал Эсмеральду в трюме.

Он рылся в вещах каторжников, надеясь что-нибудь продать.

— Ублюдок!

— Да, Синклер — еще тот гусь. — Стивен Донован потянулся всем длинным, упругим телом. — Но теперь мне живется гораздо лучше. Видишь ли, я влюблен.

Ричард улыбнулся.

— В кого, мистер Донован?

— Ты не поверишь — в камердинера капитана Хантера, Джонни Ливингстона! В команде «Сириуса» не хватает шести или семи человек, вот я и попросился туда, и меня приняли. Конечно, капитан Хантер высокомерен и чванлив, однако он не отказался от опытного помощника. Поэтому меня неплохо кормят, да вдобавок я обрел любовь.

— Рад слышать, — искренне отозвался Ричард. — А еще — рад видеть вас в этот день. По воскресеньям я не работаю, и, значит, я весь в вашем распоряжении. Мне необходимо выговориться.

— Одно твоё слово — и я стану не только внимательным слушателем.

— Благодарю за предложение, а как же Джонни Ливингстон?

— Я не прочь поплескаться — вода уже нагрелась, — сменил тему мистер Донован. — Но недавно матросы с «Сириуса» поймали в бухте акулу длиной шесть футов и толщиной полфута. У самого Порт-Джексона! — Он свернул китель и подложил его под голову вместо подушки. — Кстати, давно хотел спросить тебя, Ричард: ты научился плавать?

— Да, как только начал подражать Уоллесу. Джо Лонгу отдали щенка — он подрос и стал азартным охотником на крыс. Пес питается лучше, чем мы, но меня как-то не тянет следовать его примеру.

— А ты когда-нибудь видел кенгуру?

— Ни разу, даже мельком. Правда, я редко покидаю лагерь — слишком много тупых пил и топоров приходится точить. — Ричард сел. — Вы не знаете, есть ли на «Сириусе» сурьмяное масло?

Густые черные ресницы дрогнули, блеснули синие глаза.

— Коровье масло есть, а больше никакого. Но откуда ты знаешь о сурьмяном масле?

— О нем знает любой точильщик пил.

— Таких я раньше не встречал. — Донован опустил веки. — Чудесный воскресный день! Да еще рядом с тобой... Про масло я спрошу. Я слышал, здешние деревья распилить невозможно.

— Можно, только работа продвигается медленно — еще и потому, что пилы никуда не годятся. Сказать по правде, все наши инструменты

непригодны для работы. — Ричард помрачнел. — Теперь мне ясно, как к нам относятся в Англии. Отбросы общества правительство снабдило рухлядью. Нам не дали ни единого шанса выжить. Но здесь есть немало упрямых и выносливых людей.

Донован поднялся.

— Дай мне одно обещание, — попросил он, надевая фуражку.

Разочарованный коротким разговором, Ричард попытался сделать вид, что ему все равно.

— Какое?

— Мне надо уйти на часок. Пообещай дожидаться меня здесь.

— Хорошо, только схожу переоденусь. День выдался слишком жарким.

Ричард вернулся на берег раньше Донована в одежде, которую большинство каторжников носило с момента высадки в Сидней-Коув, — парусиновых штанах чуть ниже колена и потрепанной, едва не до дыр протертой клетчатой рубашке. Донован тоже оделся попроще и сгнулся под тяжестью корзины из Рио.

— Это может тебе пригодиться, — объяснил он, снимая с плеча корзину.

Ричард онемел, кровь отлила от его лица.

— Мистер Донован, я не могу взять имущество команды «Сириуса»!

— Оно досталось мне вполне законным путем — или почти законным, — невозмутимо возразил Донован. — Признаться, я сорвал несколько листьев кресс-салата, который капитан Хантер выращивает во влажной корпии. Мы сытно пообедаем, и ты возьмешь остатки еды с собой, для товарищей. Пехотинцы тебя не остановят, если я провожу тебя до лагеря и сам понесу корзину. Здесь солод, который я купил у нашего интенданта, еще одна матросская шляпа, несколько прочных рыболовных лесок, крючки, куски пробки для поплавков и свинец для грузил. А на дне корзины лежат книги, — добавил он. — Ты не поверишь: кое-кто из пехотинцев покинул корабль в Портсмуте, оставив свои книги на борту! Ну и ну! — И он вытащил из корзины горшочек. — А к свежеиспеченным булкам у нас есть сливочное масло. И кувшин легкого пива.

С обедом, которым Донован угостил Ричарда, мог сравниться только ужин на Тенерифе, после того, как каторжники наполнили водой бочки. Вкус зеленого, сочного кресс-салата затмил великолепие остальной снеди. Ричард жадно ел, а Донован наблюдал за ним, отдав ему весь кресс-салат, масло и почти все булки.

— Ты еще не написал письмо домой, Ричард? — спросил он немного

погода.

Ричард глотнул легкого пива.

— На это у меня не было ни времени, ни желания, — признался он. — Мне ненавистен Новый Южный Уэльс, как и всем остальным. Я начну писать домой в том случае, если наша жизнь изменится к лучшему.

— Времени осталось совсем немного. «Скарборо», «Леди Пенрин» и «Шарлотта» отплывают в мае, но зайдут в один из портов Китая за грузом чая. А «Александр», «Дружба», «Принц Уэльский» и «Борроудейл» поплывут прямиком в Англию в середине июля, поэтому ты можешь отправить письма с одним из этих кораблей. «Фишберн» и «Золотая роща» останутся в бухте, пока не будут возведены прочные, недоступные для воров склады, куда переправят ром, вино, портер и даже медицинский спирт.

— А «Сириус»? Я думал, он вернется к привычным обязанностям сразу после завершения экспедиции...

Донован нахмурился:

— Губернатор не желает отпускать его, не убедившись, что колонисты смогут выжить. «Запас» слишком стар и мал. Но капитан Хантер недоволен распоряжением губернатора. Как и майор Росс, капитан Хантер считает, что вся эта экспедиция — напрасная трата английских денег и времени.

Ричард допил остатки пива.

— Настоящий пир! Не знаю, как благодарить вас. А еще я рад, что вы не ушли сразу. — Ричард состроил гримасу и покачал головой. — Даже от легкого пива у меня теперь кружится голова.

— Приляг и вздремни. Нам некуда спешить.

Ричард так и сделал. Едва его голова коснулась сухих листьев, он провалился в глубокий сон.

Обхватив руками колени, Стивен Донован наблюдал за ним. Спать ему ничуть не хотелось. Должно быть, потому, что он был свободным человеком и моряком, искренне любящим море, к Новому Южному Уэльсу он отнесся совсем иначе, чем каторжник Ричард Морган: ничто не мешало Доновану в любой момент собрать вещи и уплыть прочь. Но Стивену хотелось остаться здесь — преимущественно потому, что его тревожила судьба Ричарда. Конечно, он сожалел о том, что воспылил чувствами к человеку, неспособному ответить взаимностью, и тем не менее не считал случившееся катастрофой. Он сам выбирал себе партнеров, предпочитая оптимистов и здравомыслящих людей, поэтому расставался с ними легко и без угрызений совести переносил вещи с корабля на корабль. Очутившись на борту «Александра», Донован даже не подозревал, что Ричард Морган

лишит его душевного покоя. Он не знал, что в Ричарде привлекло его. Просто так вышло, и все. Такова любовь — нечто необъяснимое, душевный порыв. Увидев Ричарда впервые, Донован пересек палубу словно на крыльях, уверенный, что нашел родственную душу, а когда понял, что ошибся, отступить было уже слишком поздно.

Эта чужая земля тоже манила его остаться. Доновану было любопытно узнать ее судьбу. Несчастные туземцы могли пострадать и предчувствовали это. Вот почему они уже начали сопротивляться. Но они не были столь хитроумными и сплоченными, как американские индейцы, между племенами которых существовали родственные узы. Индейцы знали толк в военном искусстве и заключали то союз с французами против англичан, то с англичанами в борьбе против французов. А здешние аборигены были немногочисленными, и, похоже, их племена враждовали. Искусство заключать военные союзы было им неведомо — Донован подозревал, что оно имеет духовную природу. В отличие от Ричарда Донован знал многое о переговорах и сделках с коренным населением Нового Южного Уэльса. Губернатор избрал верную политику, но морские пехотинцы не разделяли его взгляды — как и каторжники, которые считали туземцев опасными и ненавистными врагами. По иронии судьбы каторжники оказались между двух огней, уподобились куску металла между молотом и наковальней. Уместное сравнение. Иногда на наковальне кусок металла превращается в меч.

Незнакомые места завораживали Донована, хотя, как и все остальные колонисты, он понятия не имел, удастся ли покорить эту землю и добиться на ней подобия английского процветания. Одно он знал наверняка: здесь нечего надеяться на мирную пасторальную жизнь, обрабатывая несколько маленьких полей и выгоняя скот на пастбище, а вечера проводя в местной таверне за кружкой пива. Если эту землю и удастся укротить, расстояния будут огромными, чувство одиночества — постоянным, а до ближайшей таверны путь окажется таким же далеким, как до другого очага цивилизации.

И все-таки Доновану нравилось здесь — возможно, потому, что он любил птиц, а их на берегах бухты водилось множество — парящих в небе, перепархивающих с ветки на ветку, свободных и довольных жизнью. Он путешествовал по океанам, а они — по небесам. И небо здесь было не таким, как повсюду, а безграничным и чистым. По ночам звезды усеивали его так густо, что напоминали мерцающие облака, холодную гигантскую паутину, по сравнению с которой человек чувствовал себя дождевой каплей в океане. Доновану нравилось ощущать свою ничтожность, она утешала

его, ибо он не хотел становиться чем-то значимым. Значительность низводила мир до уровня игрушки человека. Ричард искал утешения в церкви потому, что он так был воспитан, а Донован привык видеть Бога повсюду. И вот теперь он нашел его посреди этого великолепия, а звезды воспринимал, как пар божественного дыхания.

Ричард проспал два часа кряду, свернувшись клубком и ни разу не пошевелившись.

— Долго я спал? — спросил он, садясь и потягиваясь.

— А разве у тебя нет часов?

— Есть, но я храню их в своем сундуке. Они пригодятся, когда у меня будет собственный дом, а кражи прекратятся. — Его внимание вдруг привлекла стайка черно-белых полосатых рыбешек с желтыми плавниками, играющих на мелководье. — Кстати, как прошла экспедиция лейтенанта Кинга на остров Норфолк?

Остров Норфолк часто упоминался в разговорах каторжников, постепенно приобретая славу более подходящего места для основания колонии, чем Порт-Джексон.

— Мне известно только, что плавание заняло пять дней и Кингу понадобилось немало времени, чтобы найти место для высадки на берег. На острове нет ни одной гавани, только лагуна с коралловым рифом у самой полосы прилива. Высадиться на берег можно лишь там, где риф невысок и шлюпка может свободно пройти над ним. Никакого льна на острове Кинг не нашел, а тамошние сосны хоть и годятся для изготовления мачт, переправить их на корабли не удастся. Но почва там на редкость плодородная. «Запас» вскоре должен вернуться сюда, тогда мы узнаем остальное. Сам островок невелик, его площадь не превышает десяти тысяч акров, и он сплошь зарос гигантскими соснами. Боюсь, Ричард, остров Норфолк — такой же мнимый рай, как и Порт-Джексон.

— Этого и следовало ожидать. — Ричард помедлил, а потом все-таки решился заговорить: — Мистер Донован, я хотел бы поговорить с вами об одном деле, лишь на вас я могу положиться. Вы не заинтересованы в нем так, как остальные мои товарищи.

— Говори, я слушаю.

— Один из моих болтливых друзей, который сейчас служит на складе губернатора, проговорился Ферзеру, что Джо Лонг умеет чинить обувь. Так что скоро сторожить наше имущество будет некому. Я попросил Ферзера о недельной отсрочке — потому, что овощи у нас на огороде уже созревают, и все благодаря Джо. С Ферзером можно договориться. Взамен я пообещал ему часть своей доли урожая, — безо всякой досады признался Ричард.

— Овощи ценятся так же дорого, как ром, — сухо заметил Донован. — Продолжай.

— В глостерской тюрьме я познакомился с одной женщиной-каторжницей по имени Элизабет Лок, Лиззи. Я был ее покровителем, а она стерегла мои вещи. Совсем недавно я узнал, что она тоже здесь. Я решил жениться на ней, потому что не вижу другого способа воспользоваться ее услугами.

Донован опешил.

— Ричард, как рассудительно и холодно ты говоришь об этом! Вот уж не думал, что ты настолько... — он замялся, подыскивая слово, — ...бесстрастен.

— Знаю, мои слова прозвучали холодно, — горестно подтвердил Ричард, — но другого выхода я не вижу. Я надеялся, что хоть кто-нибудь из моих товарищей захочет жениться, ведь большинство из них навещают женщин, несмотря на все угрозы губернатора, однако пока никто не изъявлял подобного желания.

— Ты говоришь о неодушевленных предметах так же равнодушно, как о священном союзе, — словно они стоят друг друга и ничем не отличаются. Ты мужчина, Ричард, мужчина, созданный для женщин. Почему бы не признаться, что ты просто хочешь взять эту Лиззи Лок в жены? Что ты изголодался по женскому обществу, как все остальные? Когда ты сказал, что был ее покровителем в глостерской тюрьме, я решил, что ты спал с ней, и пришел к выводу, что так будет продолжаться и дальше. Но твой ледяной тон сбивает меня с толку. По-моему, это благородный поступок из ложных побуждений.

— Я не спал с ней! — рассердившись, выпалил Ричард. — Об этом и речи быть не могло! Для меня Лиззи все равно что сестра, я беспокоюсь о ней. А она боится забеременеть, потому и не желает спать ни с кем.

Подперев подбородок, Донован озадаченно воззрился на Ричарда. Что с ним стряслось? Может, он остерегается удовольствий? Не может быть! Ричард — умный человек, нашедший свой способ появляться в нужном месте в нужное время и умеющий находить подход к власти имущим. Он не раболепствовал, как многие другие, потому что был слишком гордым. «Передо мной тайна, — думал Донован, — но когда-нибудь я разгадаю ее».

— Если бы я знал, что тебе довелось пережить, Ричард, я смог бы помочь тебе, — произнес он. — Пожалуйста, расскажи мне все.

— Не могу.

— Ты боишься чего-то, но не плотских наслаждений. Ты боишься любви. Но что в ней страшного?

— Мне бы не хотелось, чтобы со мной случилось то, что однажды уже было, — нехотя признался Ричард, — второй раз мне этого не пережить. Я способен любить Лиззи как сестру, а вас — как брата, но не более того. Вся полнота любви, которую я испытывал к моей жене и детям, священна.

— Они умерли?

— Да.

— Ты же еще молод, ты покинул родину. Почему бы тебе не начать все заново?

— Может быть. Но не с Лиззи Лок.

— Зачем же ты тогда женишься на ней? — Глаза Донована замерцали.

— Потому что ей тяжело живется, а я по-братски люблю ее. Вы же знаете, мистер Донован: сердцу не прикажешь. Если бы ему можно было приказать, я, возможно, предпочел бы любить Лиззи Лок. Но этого не будет никогда. За год, который мы провели вместе в глостерской тюрьме, я это понял.

— Значит, ты все же не так равнодушен, как мне казалось. Да, ты прав. Приказать сердцу невозможно.

Солнце спускалось за скалы на западном берегу бухты, заливая все вокруг золотистым светом. Стивен Донован задумался о капризах человеческого сердца. Да, Ричард прав. Любовь приходит к нам без приглашения, как незваная гостья. Ричард пытался защититься, выбрав в супруги сестру, которую он жалел и которой стремился помочь.

— Если ты женишься на Лиззи Лок, — наконец заговорил Донован, — ты потеряешь свободу. Когда-нибудь этот союз станет для тебя обузой.

— Значит, вы не советуете мне жениться на ней?

— Да.

— Я подумаю, — пообещал Ричард и поднялся.

* * *

В понедельник утром Ричард попросил у майора Росса разрешения повидаться с преподобным мистером Джонсоном, а также с каторжницей Элизабет Лок, сообщив, что намерен просить ее руки.

В свои двадцать с небольшим лет мистер Джонсон был круглолицым, полногубым, слегка женственным мужчиной в безупречно чистом облачении — от накрахмаленного белого галстука до черной сутаны. Последняя скрывала увесистое брюшко: священник вовсе не желал выглядеть упитанным в этом голодном краю. Его блеклые глаза горели

рвением, которое кузен Джеймс-священник называл иезуитско-мессианским. В Новом Южном Уэльсе мистер Джонсон нашел себе дело по душе: морально поддерживать прихожан, ухаживать за больными и обездоленными, устанавливать свои порядки в церкви, играть роль благодетеля. Он руководствовался поистине благими намерениями, но был весьма ограниченным человеком и приберегал сострадание исключительно для беспомощных. Взрослых каторжников он считал порочными людьми, души которых незачем спасать. Не будь они порочными, разве они попали бы на каторгу?

Узнав, что кузен Ричарда — священник церкви Святого Иакова в Бристоле, и обнаружив, что сам Морган образован, учтив и откровенен, мистер Джонсон дал свое согласие на брак и решил, что его прихожанин женится на Лиззи Лок во время следующей воскресной службы, чтобы все каторжники убедились в том, как их духовный пастырь преуспел в своих проповедях.

После захода солнца Ричард отправился в женский лагерь, показал разрешение священника часовому и спросил, где найти Элизабет Лок. Часовой не сумел ответить ему, но какая-то женщина с ведром воды указала на одну из палаток. Подойдя к ней, Ричард остановился в замешательстве: как постучать в полотняную «дверь» палатки? Не найдя другого выхода, он просто поскреб ногтями по парусине.

— Входи, если ты красавчик! — откликнулся женский голос.

Откинув полотнище ткани, заменяющее дверь, Ричард очутился в помещении, где могли бы с удобством разместиться десять женщин. Однако оно служило домом двадцати. По десять узких коек выстроилось бок о бок вдоль длинных стенок палатки, а пространство между ними заполняли самые разные вещи — от шляпной картонки до подстилки, на которой лежала кошка с шестью котятами. Обитательницы палатки, только что поужинавшие у общего костра, уже начинали раздеваться. Все они были худыми, изможденными и шумными. Лиззи лежала на койке, возле которой стояла шляпная картонка.

В палатке стало тихо, девятнадцать пар округлившихся глаз испытующе уставились на Ричарда. Переступая через вещи, он направился к дремлющей Лиззи Лок.

— Уже спишь, Лиззи? — улыбаясь, произнес он.

Она вздрогнула, открыла глаза и недоверчиво взглянула на Ричарда.

— Ричард! О, милый Ричард! — Она спрыгнула с койки, бросилась к нему в объятия и зарыдала.

— Не плачь, Лиззи, — мягко уговаривал Ричард. — Пойдем, нам надо

поговорить.

Обняв за талию, Ричард повел ее из палатки под прицельными взглядами девятнадцати пар глаз.

— Везучая ты, Лиззи, — вздохнула немолодая каторжница.

— Вот бы и нам так повезло! — добавила вторая, беременная, с огромным животом.

Ричард и Лиззи отошли к берегу бухты, где была построена временная пекарня. Лиззи цеплялась за руку Ричарда так, словно от этого зависела ее жизнь. Ричард усадил ее на обтесанную глыбу песчаника.

— Что было с тобой после того, как нас увезли? — спросил он.

— Я еще долго пробыла в Глостере, а потом нас отправили в лондонский Ньюгейт, — ответила она, начиная дрожать. К вечеру похолодало, а Лиззи была одета только в тесное, поношенное платье, какие выдали всем каторжницам.

Сняв холщовую куртку, Ричард накинул ее на худые плечи Лиззи и взгляделся в ее измученное лицо. В свои тридцать два года она выглядела на сорок два, но в круглых черных глазах иногда по-прежнему мелькали искры. Когда она обняла Ричарда за шею, он ждал прилива любви или даже желания, но не ощутил ни того ни другого. Он заботился о ней, жалел ее — но не более.

— Расскажи мне все, — попросил он. — Я хочу знать.

— К счастью, в Лондоне я пробыла недолго: тамошняя тюрьма — сущий ад. Мы попали на «Леди Пенрин», где не было ни мужчин-каторжников, ни пехотинцев, достойных внимания. На корабле мы жили в такой же тесноте, как здесь, в палатке. У некоторых женщин были дети, другие, беременные, разродились во время плавания. Почти все новорожденные и дети постарше умерли — матерям было нечем кормить их. Умер и сын моей подруги Энн. Кое-кто из моих знакомых забеременел еще в пути и теперь ждет ребенка.

Она вцепилась в руку Ричарда и яростно встряхнула ее.

— Ричард, ты представляешь? Нам не давали даже тряпок, когда у нас текла кровь, нам приходилось рвать на тряпки тюремные обноски! А прежнюю одежду у нас отобрали и спрятали в трюм. В Рио-де-Жанейро губернатор прислал нам сотню пеньковых мешков из-под галет, потому что одежду для женщин не успели привезти в Портсмут до отплытия. Чуть позже он снова вспомнил о нас и прислал самую дешевую ткань, иголки, нитки и ножницы, — с горечью продолжала она. — Мешки не годились даже на тряпки. А когда мы украли несколько матросских рубашек, чтобы разорвать их на тряпки, нас выпороли, остригли и побрили наголо. Тем, кто

пытался сопротивляться, заткнули рты. Однако самым худшим наказанием было другое — когда нас раздевали донага или заковывали в колодки. Мы дорожили каждой тряпкой, старательно стирали их, но морская вода не смывала кровь. Мне удалось заработать несколько пенни — я шила и чинила одежду врачу и офицерам, но многие из моих подруг были так бедны, что мне пришлось делиться с ними всем, что я имела.

Она снова поежилась.

— Но это еще не самое худшее, — продолжала она, стиснув зубы. — Все мужчины на «Леди Пенрин» смотрели на нас как на шлюх, хотя многие из нас никогда не были шлюхами. Они считали, что с нас нечего взять, кроме наших тел.

— Так считают многие мужчины, — отозвался Ричард, у которого перехватило горло.

— Они отняли у нас гордость. Когда нас привезли сюда, нам выдали тюремные платья и собственную одежду, которая хранилась в трюме, — моя шляпа уцелела, разве это не чудо? — добавила она, блеснув глазами. — Как только подошла очередь Энн Смит, интендант Миллер смерил ее взглядом и заявил, что такое уродство не прикрыть никакой одеждой, а у нее, бедняжки, и не было своих вещей. Она швырнула на палубу тюремное платье, вытерла об него ноги и заявила, что будет носить обноски, а Миллер пусть катится ко всем чертям!

— Энн Смит? — переспросил Ричард, которого терзали гнев, горечь и стыд. — Вскоре после этого она сбежала.

— Да, и с тех пор ее никто не видел. Она поклялась, что сбежит: даже самые свирепые чудовища и дикари не страшнее англичан с «Леди Пенрин», говорила она. Каким наказаниям ее ни подвергали, она не сдавалась. Среди нас были и другие гордые женщины, которым тоже пришлось несладко. Однажды капитан Север пригрозил выпороть Мэри Гэмбл, а она ответила, что пусть лучше поцелует ее в задницу — ведь ему хочется переспать с ней. — Лиззи вздохнула и заерзала. — Да, и у нас бывали свои маленькие победы, но нас продолжали угнетать. И потом, всегда находились женщины, готовые проломить переборку, лишь бы попасть в матросский кубрик, — они вожделили мужчин! Но матросы никогда не врывались к нам, прикидываясь святыми... Хватит, хватит об этом! Все кончено, я на суше, и ты рядом, милый Ричард. Больше мне не о чем мечтать.

— Мужчины помогали тебя, Лиззи?

— Никогда! Я не так хороша собой и немолода, от голода у меня совсем высохла грудь, да она и прежде была невелика. Мужчинам нравятся

полные женщины, а на корабле всего-то было шесть пехотинцев и матросы. Компанию мне составляла только Энн.

— Энн Смит?

— Нет, Энн Колпиттс. Она спала рядом со мной. Это ее сын умер в плавании.

Сумерки сгущались, пора было расходиться. Почему судьба так жестока? Чем эти несчастные существа заслужили подобное презрение, столько унижений? У них отняли даже последнее, что у них было, — гордость. Им пришлось носить одежду из мешковины, становиться подстилками, лишь бы получить несчастные тряпки. Как могли подрядчики забыть о том, что у женщин бывают недомогания и что им нужны тряпки? У Ричарда разрывалось сердце.

«Бедняжка, слишком тощая и уже немолодая, Лиззи не привлекала даже внимание матросов — должно быть, им и без нее хватало развлечений. Какая участь ждет ее здесь, на берегу, где жизнь ничем не отличается от жалкого существования на борту „Леди Пенрин“? Я не люблю ее, Бог свидетель, она не пробуждает во мне желания, но в моих силах защитить ее. Пусть Стивен твердит, что мне нравится роль снисходительного благодетеля, — он ошибается. Я просто хочу ей добра, хотя поможет ли ей мой поступок, я не знаю. Мне известно лишь, что я в долгу перед Лиззи. Она заботилась обо мне...»

— Лиззи, — заговорил он, — ты хочешь, чтобы мы заключили такую же сделку, как в Глостере? Я буду твоим покровителем, а ты станешь сторожить мои вещи и имущество моих товарищей.

— Конечно! — воскликнула она и просияла.

— Но для этого тебе придется выйти за меня замуж.

Она в замешательстве умолкла.

— Ты любишь меня, Ричард? — наконец спросила она.

— Можно сказать и так, — с расстановкой ответил он после продолжительной паузы. — Но если ты мечтаешь о муже, который любил бы тебя всем сердцем, лучше откажись.

Лиззи давно поняла, что не привлекает Ричарда как женщина, и была благодарна ему за откровенность. После высадки на берег она тщетно искала Ричарда среди мужчин, по ночам пробирающихся в женский лагерь, и убеждалась, что ни одна из каторжниц не может похвастаться тем, что переспала с Ричардом Морганом. Никто из них даже не слышал этого имени. Лиззи пришла к выводу, что Ричарда нет среди каторжников, привезенных в Ботани-Бей. И вот теперь он здесь, он просит ее стать его женой! Но не потому, что любит или жаждет ее, а потому, что ему

необходима ее помощь. Может, он жалеет ее? Нет, этого она бы не вынесла! Ему просто нужны ее услуги. Это уже лучше.

— Я выйду за тебя, — ответила Лиззи, — но при одном условии.

— Каком?

— О нашем соглашении никто не должен знать. Здесь не глостерская тюрьма, я не хочу, чтобы твои товарищи считали, будто я... в чем-то нуждаюсь.

— Никто из них и пальцем тебя не тронет, — успокоившись, заверил Ричард. — Всех моих товарищей ты знаешь — нас привезли на «Цереру» почти одновременно.

— А Билл Уайтинг жив? А Джимми Прайс, Джо Лонг?

— Да, но уже нет ни Айка Роджерса, ни Уилли Уилтона. Они погибли.

Тридцатого марта тысяча семьсот восемьдесят восьмого года Ричард Морган сочетался браком с Элизабет Лок. Довольный Билл Уайтинг был свидетелем жениха, а Энн Колпиттс — свидетельницей невесты.

Когда пришло время расписываться в церковной книге, Ричард с ужасом обнаружил, что почти разучился писать.

На лице преподобного Джонсона отчетливо читалось сожаление: он считал, что Ричард совершает мезальянс. Лиззи явилась в наряде, который берегла с тех пор, как покинула глостерскую тюрьму: роскошном платье в черно-алую полосу с пышной юбкой, красном боа из перьев, черных бархатных туфлях на высоких каблуках и с пряжками, украшенными фальшивыми бриллиантами, белых чулках с черной отделкой, с алым кружевным ридикюлем и в шикарной шляпе, присланной Джеймсом Тислтуэйтом. Она выглядела как потаскуха, пытающаяся придать себе респектабельный вид.

Внезапное острое желание созорничать охватило Ричарда. Наклонившись, он приблизил губы к уху преподобного Джонсона.

— Незачем беспокоиться, — прошептал он, украдкой подмигивая Стивену Доновану, — я просто нашел себе служанку. С вашей стороны было очень любезно разрешить мне жениться, святой отец. Тех, кого сочетал Бог, никто не разлучит.

Священник отшатнулся так поспешно, что наступил на ногу жене. Она вскрикнула, он принялся рассыпаться в извинениях и тем самым скрыл удивление.

— Два сапога пара, — заметил Донован, глядя вслед удаляющемуся священнику и его жене. — Они с равным усердием трудятся во имя Господа. — Он перевел смеющийся взгляд на Лиззи, подхватил ее и звучно поцеловал. — Я — Стивен Донован, моряк с «Сириуса», миссис

Морган. — И он учтиво поклонился, сняв воскресную треуголку. — Желаю вам всего наилучшего.

Донован крепко пожал руку Ричарда.

— Свадебного пира не будет, — объяснил Ричард, — но мы будем рады, если вы пройдёте вместе с нами, мистер Донован.

— Благодарю, но, к сожалению, через час мне заступать на вахту. А вот и мой маленький подарок. — Он вложил в руку Ричарда сверток и удалился, посылая воздушные поцелуи стайке женщин, строящих ему глазки.

В свертке были сурьмяное масло и алая шелковая шаль с длинной бахромой.

— Откуда он узнал, что я люблю красное? — изумилась польщенная Лиззи.

И вправду, откуда? Рассмеявшись, Ричард покачал головой.

— Этот человек видит всех насквозь, Лиззи, но ему можно доверять.

В мае губернатор обнаружил плодородную землю на расстоянии пятнадцати миль от берега к западу и решил переселить туда некоторых каторжников. Это место получило название Роуз-Хилл — в честь покровителя губернатора сэра Джорджа Роуза. Его предстояло расчистить и приготовить к посеву пшеницы и кукурузы. Ячмень было решено выращивать на ферме в Сидней-Коув. Из-под пил по-прежнему выходило лишь несколько досок в день, но теперь стволы пальм доставляли из ближайших гаваней. Эти круглые, довольно прямые стволы были непрочными и подверженными гниению, но их удавалось легко распиливать и разрубать, поэтому большинство строений возводили из пальмовых бревен и досок и крыли пальмовыми ветками или тростником. Дранки из казуарин оставляли на некоторое время под открытым небом и берегли для постоянных строений, в первую очередь для губернаторского дома.

Для него уже изготавливали кирпичи: неподалеку нашли превосходную глину, и вскоре работа закипела, хотя на кораблях было всего-навсего двенадцать форм для кирпичей. Но едва началось строительство домов из кирпича и местного желтого песчаника, перед колонистами встала еще одна неразрешимая задача: нигде поблизости не нашлось даже следов известняка. Нигде! Это изумляло всех. В Англии известняка было не меньше, чем земли, столько, что никто и не подумал о том, что в Ботани-Бей его может не оказаться. А разве можно без известняка приготовить строительный раствор, чтобы скреплять кирпичи или обтесанные глыбы песчаника?

Необходимость заставляет действовать. Корабельные шлюпки отправляли на пляжи Порт-Джексона и каменистые берега за пустыми раковинами устриц. Туземцы с удовольствием поедали устриц, которые, по мнению старших офицеров, имели отменный вкус, а раковины складывали в кучи, напоминающие миниатюрные терриконы. Поскольку другого выхода не было, губернатор приказал сжигать раковины, чтобы получить известь для раствора. Опыты показали, что для производства раствора, которого хватило бы для укладки пяти тысяч кирпичей, понадобится сжечь тридцать тысяч пустых раковин. Из такого количества кирпичей можно было выстроить лишь крохотный домишко, поэтому вскоре губернатор снарядил новую экспедицию. Ей предстояло собрать все раковины, единственный источник извести, на берегах Ботани-Бей и в Порт-Хекинге, к югу и в ста милях к северу от Порт-Джексона. Миллионы пустых раковин сжигали и перетирали в порошок, а затем превращали в раствор для укладки кирпичей и блоков первых прочных, неприступных строений Сидней-Коув.

К этому времени почти у всех колонистов обнаружили первые симптомы цинги, в том числе и у пехотинцев, которым стали выдавать все меньше муки, поскольку ее запас на складах быстро иссякал. Каторжники жевали траву и все молодые листья, вкус которых не отдавал смолой. Никто не знал, какие из местных растений ядовиты, это выяснялось опытным путем, методом проб и ошибок. А что еще им оставалось делать? Выбрав время и вооружившись до зубов, свободные колонисты собрали в окрестностях всю съедобную зелень: девясил (сочное растение, растущее в соленых болотах Ботани-Бей), дикую петрушку и лианы, отвар листьев которых заменял сладковатый чай.

Несмотря на то что число каторжников, прикованных цепями к скале, подвергнутых порке или повешенных, неуклонно возрастало, еду все равно продолжали красть. Счастливые обладатели овощей рисковали потерять их, утратив бдительность хотя бы ненадолго, и в этом отношении отряду Ричарда повезло: по ночам огород сторожил Макгрегор, а днем за ним присматривала Лиззи Морган.

Смертность угрожающе возросла — как среди свободных людей, так и среди каторжников, особенно женщин и детей. Несколько каторжников сбежали, и больше их никто не видел. Голодных ртов стало меньше, но в Сидней-Коув по-прежнему приходилось кормить более тысячи человек. Из-за цинги и истощения работа продвигалась черепашьям шагом, многие каторжники и пехотинцы наотрез отказывались трудиться. А поскольку губернатор Артур Филлип не был жестоким человеком, за это их не

подвергали порке, находя удобные предлоги для оправдания.

В мае начались первые заморозки, предвестники наступающей зимы, погубившие почти все, что выросло на огородах. Оплавав гибель драгоценных овощей, Лиззи начала ходить в лес в поисках съедобной зелени. Но после того как в лагерь принесли два обнаженных трупа каторжников, убитых туземцами, Ричард запретил жене покидать берег бухты. У отряда был запас кислой капусты, и Ричард велел есть ее понемногу, даже если все вокруг предпочтут умереть от цинги.

Четвертого июня, в день рождения короля, был устроен праздник — вероятно, таким способом губернатор Филлип пытался подбодрить своих изнуренных, вялых подопечных. Орудия дали залп, пехотинцы промаршировали по поляне, всем выдали немного еды, а в сумерках разожгли гигантский костер. Каторжников на целых три дня освободили от работы, но самое главное — выдали им по полпинты рома, разбавленного таким же количеством воды и превращенного в грог. Свободные колонисты получили по полпинты чистого рома и по пинте портера — густого черного пива. Решив приурочить к празднику какое-нибудь официальное распоряжение, его превосходительство губернатор определил границы первого округа Нового Южного Уэльса и назвал его Камберлендом.

— Ха! — воскликнул врач Уайт, услышав об этом. — Несомненно, это самый большой округ в мире, но в нем нет ровным счетом ничего примечательного.

Это заявление не отличалось точностью: достопримечательностью округа Камберленд были четыре черные капские коровы и один черный капский бык. Драгоценное губернаторское стадо, которое паслось близ фермы под присмотром одного из каторжников, воспользовалось тем, что пастух выпил рома и задремал, и сломало загон. Начались лихорадочные поиски, беглецов удалось выследить по навозным лепешкам и объединенным кустам, но возвращаться домой они не желали. Погоня стала сущим бедствием.

«Запас» вернулся из второго плавания к острову Норфолк, привезя как радостные, так и печальные известия. Стволы сосен так и не удалось погрузить на корабли, поскольку на острове не нашлось удобной гавани. Невозможно было и тащить их на буксире — слишком тяжелые стволы мгновенно тонули, зато их начали распиливать на множество потолочных балок и досок для Порт-Джексона. Это означало, что вскоре в Порт-Джексоне появятся дощатые строения, а также каменный склад для спиртного, которое покамест хранилось в трюмах «Фишберна» и «Золотой рожи».

Помимо того, экипаж «Запаса» сообщал, что выращивать растения на острове Норфолк — почти невыполнимая задача, поскольку он кишит миллионами гусениц и червей. В отчаянии лейтенант Кинг велел десяти женщинам-каторжницам собирать насекомых на грядках. Но как бы быстро они ни работали, на место каждой уничтоженной гусеницы являлись сразу две. Почва здесь и вправду была сочной, жирной, плодородной, но ничего вырастить на ней не удавалось. Однако прошел слух, что энтузиазм лейтенанта Кинга не иссяк. Несмотря на мириады вредителей, он искренне считал, что на острове Норфолк каторжников ждет более сытная и привольная жизнь, чем в окрестностях Порт-Джексона.

Наряду со множеством больных в колонии жили и отряды здоровых каторжников — их преимущественно возглавляли изобретательные вожаки, способные сохранить здоровье подопечных. Лишь немногие прибегали к иным средствам, а именно грабили слабых. Никакими угрозами и указами не удавалось добиться, чтобы каторжники, обнаружившие дикую петрушку или чайную лиану, отдавали свою добычу властям колонии. Экспедиции за зеленью запретили в основном из страха перед туземцами, которые осмелели настолько, что иногда даже являлись в лагерь. Губернатор надеялся поймать нескольких незваных гостей и приручить их, познакомить с английским языком и обычаями, а потом отпустить к своим племенам, рассчитывая на то, что они станут преданными союзниками чужаков. Губернатор был убежден, что таким образом можно значительно облегчить жизнь дикарей. Ему и в голову не приходило, что они предпочитают привычный образ жизни, каким бы жалким он ни был, с точки зрения англичан.

По мнению англичан, туземцы были безобразнее африканских негров, потому что от них несло рыбой, они мазали лица белой глиной и уродовали их, выбивая резцы и протыкая носовую перегородку тонкой костью. Бесстыдная нагота аборигенов вызывала у англичан отвращение, как и поведение местных женщин, которые порой дерзко кокетничали с чужаками, а иногда обливали их потоками ругательств.

Чужаки и аборигены не могли ни договориться между собой, ни понять обычаи друг друга. Устав от призывов губернатора обращаться с туземцами доброжелательно и благосклонно, каторжники преисполнились презрением к ленивым дикарям, особенно потому, что их даже не пытались наказать за кражу рыбы, овощей или инструментов. В довершение всего губернатор неизменно возлагал на каторжников ответственность за любые нападения и убийства; даже когда свидетелей не было, он оставался убежденным в том, что каторжники сами разозлили аборигенов. Но

колонисты знали, в чем дело: губернатор встал бы даже на сторону дьявола, потому что считал каторжников более низшей кастой, нежели туземцы. За первые несколько месяцев пребывания в Сидней-Коув между колонистами и местными жителями сложились отношения, просуществовавшие очень долго.

Зимние холода были сносными: никто из колонистов не замерз до смерти. Если бы их кормили не так скудно, они, вероятно, даже не заметили бы похолодания. В некоторых хижинах появились сложенные из песчаника печи, но когда участились пожары, губернатор издал указ, разрешив устраивать печи и дымоходы только в кирпичных или каменных домах. Кузница сгорела дотла; к счастью, все ценности, в том числе мехи и инструменты, удалось спасти, зато остро встал вопрос о строительстве новой, каменной кузницы. Колонии требовались и пекарни: пока их было всего три — в одной выпекали хлеб для колонистов, в двух других — для экипажей «Сириуса» и «Запаса».

Среди колонистов Ричард и его товарищи разыскивали своего давнего друга, Неда Пу из глостерской тюрьмы. Он приплыл на «Дружбе» вместе с женой Бесс Паркер и маленькой дочерью, которой к моменту высадки в Новом Южном Уэльсе минуло два года. Через три недели Бесс и малышка умерли от дизентерии. Безутешного Неда приняла под крыло Ханна Смит — каторжница, которая подружилась с Бесс во время плавания из Рио-де-Жанейро в Кейптаун. Полуторагодовалый сынишка Ханны умер в Сидней-Коув шестого июня. Через девять дней Ханна и Нед Пу поженились и с тех пор жили в мире и согласии, страдая только от недостатка еды. Нед знал толк в плотницком ремесле и был на редкость трудолюбив. Ханна ждала ребенка, которого счастливые будущие родители решили вырастить любой ценой.

Жизнерадостной Мейзи Хардинг, которая так охотно ублажала обитателей глостерской тюрьмы, среди каторжниц не было, хотя ее помиловали, заменив виселицу четырнадцатью годами каторги. Никто не знал, что с ней стало. Зато Бетти Мейсон попала на «Дружбу», опять беременная от глостерского тюремщика. Ее новорожденный сын умер в Кейптауне, после его смерти и предательства надзирателя Джонни Бетти тронулась рассудком, стала плаксивой и озлобленной. Именно ее выпороли за кражу мужских рубашек. Однако Лиззи Морган твердо придерживалась мнения, что их украла другая каторжница, свалившая вину на Бетти.

Отряд Ричарда жил вполне благополучно, если не считать постоянного недоедания. Лиззи поняла, что по меньшей мере половина мужчин относятся к ней, как к сестре; очаровать ей не удалось только Тэффи

Эдмундса, ставшего отъявленным женоненавистником. Он не желал, чтобы Лиззи ухаживала за ним, сам стирал и штопал одежду и пробуждался к жизни только воскресными вечерами, когда отряд разводил костер возле грядок. Сидя у огня, Тэффи пел, подстраиваясь к баритону Ричарда.

У Ричарда и Лиззи появилась своя маленькая комната в пристройке к жилищу, хотя они спали порознь даже в самые холодные ночи. Порой, мучаясь бессонницей, Лиззи обдумывала, стоит ли предложить свои услуги Ричарду, но не решалась. Она слишком боялась отказа и предпочитала не испытывать его терпение. Мужчины колонии мучились от воздержания, однако в отряде Ричарда были три человека, которые не замечали его, — Джо Лонг, Тэффи Эдмунде и сам Ричард. Встречаясь с другими женщинами на берегу, где они стирали белье, Лиззи слышала, что Джо, Тэффи и Ричард — не единственные в своем роде. В лагере были и мужелюбы, а также те, кто предпочитал воздержание и избегал искать утешения в соитиях любого рода, даже в онанизме. Если Ричард и прибегал к последнему способу, то делал это незаметно и молча.

И Лиззи боялась, смертельно боялась совершить поступок, который вызвал бы у Ричарда отвращение к ней.

Отнюдь не вся жизнь колонии вращалась вокруг еды и ее недостатка, в ней случались и маленькие праздники. Хотя матери-каторжницы и жены пехотинцев получали всего две трети пайка, а их малыши — половину, выжившие дети играли, шалили и отчаянно сопротивлялись попыткам преподобного мистера Джонсона обучить их чтению, письму и арифметике. Впрочем, это удавалось только тем ребяташкам, родители которых были живы: все сироты находились под опекой священника. Семейная жизнь каторжников и пехотинцев зачастую складывалась удачно. Случались и ссоры, особенно между женщинами, устраивающими вендетты под стать уроженкам Сардинии. Не желая, чтобы ими помыкали, женщины часто огрызались, их пороли не реже, чем мужчин, — но за кражу не еды, а мужских рубашек.

О Стивене Доноване Ричард ничего не знал. Он не появлялся в лагере с тридцатого марта, и Ричард пришел к выводу, что Стивен одобрил его брак и решил, что этот выход будет наилучшим для всех сторон. Ричард отчаянно скучал по Стивену, ему не доставало легких дружеских отношений, искрометных бесед, споров о прочитанных книгах. Миссис Морган не могла заменить Донована. Ричард ценил ее преданность, трудолюбие, простодушие и жизнерадостность, все эти качества побуждали его заботиться о Лиззи. Однако любить ее как жену он не мог.

Первые транспортные и грузовые суда отплыли в мае, а «Александр»,

«Дружба», «Принц Уэльский» и «Борроудейл» должны были отправиться в плавание в середине июля.

В начале июля, когда супруги-каторжники Генри Кейбл и Сюзанна Холмс из Норфолка открыто обвинили капитана Дункана Синклера в пропаже вещей, все каторжники с «Александера» пришли в волнение, хотя и считали, что Синклер выиграет дело. Кейбл влюбился в Сюзанну в ярмутской тюрьме, Сюзанна родила ему сына. Но потом ее одну увезли на судне «Дюнкерк» в Плимут, не позволив взять с собой ребенка. Эта жестокость спровоцировала взрыв возмущения всех обитателей ярмутской тюрьмы, пославших петицию лорду Сиднею. Последовав за Сюзанной на «Дюнкерк», Кейбл смог взять ребенка с собой. Страдания супругов не оставили равнодушными ярмутцев. Собрав немало одежды и книг, доброжелатели из Норфолка зашили вещи в мешковину и отправили их на «Александр», хотя супругам Кейбл предстояло отплыть на «Дружбе». В Сидней-Коув Синклер отдал им только книги, а одежду найти не удалось.

Поскольку разбирательство было гражданским, в нем принимали участие судья колонии, морской капитан Дэвид Коллинз, врач Джон Уайт и преподобный мистер Джонсон. Синклер уверял, что тюк разорвался, когда его переносили из одного трюмного отсека в другой, и книги вывалились, поэтому их и отдали хозяевам без упаковки. О том, что случилось с остальными вещами, Синклер якобы не имел понятия. Суд решил дело в пользу супругов Кейбл, которых преподобный Джонсон обвинял после высадки на берег. Общая стоимость вещей составляла двадцать фунтов, из них в пять фунтов были оценены книги. Капитана Дункана Синклера приговорили к выплате пятнадцати фунтов за ущерб.

— Еще чего! — в ярости рявкнул он. — Это они должны мне пятнадцать фунтов! За то, что я взял на борт их барахло!

— Лучше заплатите деньги, сэр, — устало перебил судья Коллинз, — и не отнимайте у судей драгоценное время. Ваш корабль выполнял правительственное поручение, согласно которому вам предписывалось доставить сюда каторжников и их имущество. С вас пятнадцать фунтов, сэр! И не вздумайте сопротивляться!

Такой вердикт дал каторжникам с «Александера» понять, что власти отлично осведомлены о том, что Эсмеральда Синклер распродал их имущество.

Этот эпизод имел одно любопытное последствие. Через два дня после суда майор Роберт Росс послал за Ричардом. Майор по-прежнему жил в бревенчатом жилище, для него спешно достраивали каменный дом, поскольку деревянный не считался достойным вице-губернатора.

Девятилетний сын Росса, Джон, теперь жил не на «Сириусе», а с отцом, а его мать и младшие братья и сестры остались в Англии.

Майор пребывал в прекрасном настроении, на его лице сияла улыбка.

— А, Морган! Ты слышал, что капитан Синклер проиграл дело?

— Да, сэр, — осторожно улыбнулся Ричард.

— Возьми свои вещи, — велел Росс. — Этот ящик появился в трюме судна словно по волшебству. Но сначала посмотри, все ли в нем на месте.

На складном стуле стоял деревянный ящик Ричарда с инструментами. Если бы не медная пластина с именем владельца, никто не сумел бы доказать, что он принадлежит Ричарду. Замки были взломаны; увидев это, Ричард приуныл. Но когда он открыл ящик и осмотрел его содержимое, то обнаружил, что все цело.

— Чтоб мне провалиться! — ахнул майор, заглянув в ящик. — Ты же не точильщик, Морган, ты оружейник!

В отделениях ящика царил идеальный порядок. Должно быть, сеньор Томас Хабитас сам уложил его, потому что в ящике нашлись замки кремневых ружей, детали замков, винты, штифты, шурупы, медные и бронзовые накладные детали, пружины, различные жидкости — в том числе и ворвань! — и особые щеточки. Здесь было гораздо больше инструментов, чем требовалось Ричарду для работы. Все они были исправны и целы и так плотно завернуты в корпию, что внутрь не пробрался бы даже клоп. Благодаря всем этим вещам Ричард сумел бы сделать мушкет — не хватало лишь приклада, кованого ствола и казенника.

— Да, я мастер-оружейник, — виновато признался Ричард. — Но я еще и точильщик, сэр. У моего брата лесопилка в Бристоле, мне часто приходилось точить ему пилы.

— Что же ты до сих пор молчал?

— Поскольку я каторжник, майор Росс, я считал, что будет неразумно распространяться о том, что я умею делать оружие. Мои слова могли быть превратно истолкованы...

— Чушь! — прервал его довольный майор. — Ты сегодня же начнешь разбирать и чинить мушкеты, пистолеты и ружья, какие только есть в лагере. Я немедленно прикажу построить мастерскую и тир — здесь слишком много детей, чтобы проверять оружие, стреляя по бутылкам, расставленным на пнях. Твой подмастерье уже научился точить пилы?

— Так же хорошо, как я сам, сэр.

— Тогда пусть он точит пилы, а ты займешься оружием.

— Майор Росс, для этого мне понадобятся верстак определенной высоты, какой-нибудь табурет и хорошо освещенное помещение. Иначе

такую работу не сделаешь.

— Ты получишь все, что тебе понадобится, Морган... Кстати, о ржавчине! Все наше оружие покрыто ржавчиной, от пистолетов до пушек. Половина мушкетов, из которых мы целимся в туземцев или в кенгуру, загораются или дают осечки. Прекрасно, отлично! — Майор торжествующе потер руки. — Я знал, что этот чертов толстяк Синклер присвоил твои инструменты, поэтому сразу после суда схватил его за грудки и сообщил, что у меня есть доказательства тому, что он украл ящик, принадлежащий каторжнику Ричарду Моргану. На следующий день мне принесли его. — И он издал короткий смешок, напоминающий отрывистый лай. — Должно быть, Синклер заглянул в ящик и решил, что его можно выгоднее продать в Лондоне.

— Не знаю, как благодарить вас, сэр, — пробормотал Ричард, жалея, что он не может пожать майору руку.

Майор хлопнул себя ладонью по лбу.

— Подожди-ка! Чуть не забыл: у меня есть еще кое-что для тебя. — Порывшись в куче вещей, принесенных из сгоревшего от удара молнии шатра, он разыскал большую бутылку с вязкой жидкостью. — Помощник врача Балмена получил ее путем перегонки древесного сока, когда месяц назад был... хм... нездоров. Это дерево обнаружил мистер Боуэс Смит до того, как отплыл в Китай. Ему показалось, что сок дерева чем-то напоминает скипидар, только голубоватого цвета. А мистер Балмен попытался отчистить с его помощью ржавую пилу и сказал, что сок действует превосходно.

Ричард слушал майора с невозмутимым видом, поскольку, как и все каторжники, прекрасно знал мнимую тайну офицеров — о том, что мистер Уильям Балмен и мистер Джон Уайт, пылавшие ненавистью друг к другу со времен происхождения с помпами «Александера», в день рождения короля хлебнули лишнего и устроили яростную ссору, которая завершилась дуэлью на пистолетах. Мистер Балмен был ранен в бедро, и губернатору пришлось втолковывать соперникам, что задача врачей — делать кровопускание пациентам, а не друг другу.

— Тогда я приберегу сурьмяное масло и ворвань для ружей, а Эдмундсу отдам эту бутылку — пусть чистит пилы, — решил Ричард и ушел, искренне благодаря судьбу.

Через два дня он устроился под навесом из плотной парусины, за верстаком, на удобном табурете. Майор Росс отнюдь не преувеличивал: все имеющееся в лагере оружие было сплошь покрыто ржавчиной.

— А ты, однако, скрытный малый, Ричард, — заявил Стивен Донован,

прибывший, чтобы убедиться в достоверности новых слухов.

Ричард возликовал, увидев его.

— Я считал, что незачем вспоминать о прошлом, мистер Донован, — объяснил он, не скрывая радости. — Но теперь, когда я официально признан оружейником, я могу поговорить об этом и с вами.

Усевшись рядом и подперев рукой подбородок, в течение следующего часа Донован внимательно следил за тем, как Ричард чистит пару пистолетов, принадлежащих майору. Доновану еще не случалось наблюдать за опытным ремесленником, любящим свое дело. Сильные и уверенные руки Ричарда бережно прикасались к оружию; орудуя палочкой, обернутой корпией, он наносил тонкий слой ворвани на пружинный механизм.

— Пружина ослабла, — объяснял Ричард, — поэтому кремль высекает слишком мало искр. А в остальном майор содержит пистолеты в полном порядке. Я уже счистил всю ржавчину и протер их сурьмяным маслом. Кстати, спасибо вам за свадебный подарок — как видите, он пришелся очень кстати. А чем теперь занимаетесь вы?

— Командую шлюпкой, которая привозит в Сидней-Коув пустые раковины. Теперь нам приходится уплывать все дальше от Порт-Джексона — в округе не осталось ни единой раковины.

— В таком случае вам лучше вернуться в шлюпку, капитан. Сюда идет майор Росс, — сообщил Ричард и с довольным вздохом отложил пистолет.

Уловив намек, Донован удалился.

— Готово? — коротко спросил Росс.

— Да, сэр. Осталось только испытать их.

— Тогда идем со мной, — велел майор, принимая из рук Ричарда ящик из древесины грецкого ореха, в котором хранил пистолеты. — Когда ты приведешь мушкеты в порядок, каждую субботу мы будем упражняться в стрельбе, а ты — присутствовать при учениях. Колонии нужны укрепления, но поскольку его превосходительство считает стены с бойницами и орудийные окопы излишней роскошью, мне остается только готовить своих подчиненных к неожиданным атакам. А если нагрянут французы? Ни один корабль, ни одну пушку не удастся перевести в оборонительную позицию быстрее, чем за три часа.

Испытания оружия проводились в бревенчатом строении без передней стенки, засыпанном внутри песком. Мишень представляла собой почерневший срез ствола дерева, прибитый к столбу. Майор прицелился и выстрелил, а тем временем Ричард зарядил второй пистолет. Испытав оба, майор довольно хмыкнул.

— Они стали лучше, чем были, когда я купил их. Завтра же займись мушкетами. А я найду тебе помощника.

«Вот с какими трудностями сталкиваются диктаторы, — думал Ричард. — Надеюсь, найденный Россом подмастерье окажется достаточно терпеливым и трудолюбивым. Починить пистолеты удалось — как честный человек, майор решил пожертвовать своим имуществом на случай, если я окажусь неумехой, — да, для первого раза все сошло удачно, но мне предстоит разобрать, почистить и снова собрать почти двести „смуглых Бесс“, если не больше. Хороший помощник станет подарком судьбы, а непригодный для работы — помехой».

Рядовой Дэниел Стэнфилд был подарком судьбы. Худощавый, светловолосый, невзрачный юноша, он говорил на правильном английском почти без акцента и, отвечая на расспросы Ричарда, объяснил, что поначалу его учила мать, а потом отправила в благотворительную школу. Он питал пристрастие к чтению, а не к рому, и хотя проявлял рвение в учебе, ему хватало ума не мешать наставнику. Он слушал и запоминал, клал инструменты на место и многое умел делать своими руками.

— Забавно, — однажды произнес он, наблюдая, как Ричард разбирает мушкет.

— О чем вы? — спросил Ричард, отвинчивая ствол. — Смотрите, я собираюсь разобрать этот мушкет на отдельные детали. Следите за мной внимательно, не отводя глаз. Убирать штифты надо осторожно, в верном направлении, не применяя грубую силу. Они суживаются к одному концу, поэтому, если выбивать их не в том направлении, их форма изменится, и собрать ружье снова не удастся.

— Забавно то, — повторил Стэнфилд, — что официально вы считаетесь моим подчиненным, а под этим навесом ваш подчиненный — я. Мне неловко, что вы называете меня мистер Стэнфилд, а я вас — просто Морган. Если вы не против, зовите меня Дэниелом, а я буду обращаться к вам мистер Морган — но только здесь, в мастерской.

Ричард удивленно заморгал и улыбнулся:

— Как вам угодно. Я не прочь звать вас по имени. По возрасту вы годитесь мне в сыновья. — Ричард тут же понял, что напрасно произнес эти слова: у него сжалось сердце. «Отправляйся спать, Уильям Генри, засыпай в дальнем уголке моего разума...»

— Всем известно, что вы один из самых покладистых каторжников, — сказал Дэниел через несколько дней, начиная самостоятельно разбирать мушкет. — Нас не интересует, какое преступление вы совершили и почему, но мы, пехотинцы, разбираемся в людях и каждому знаем цену, не

задумываясь, кому и насколько повезло в жизни. Вы возглавляете несколько самых спокойных отрядов, вас уважают в лагере пехотинцев — благодаря вам у них меньше работы.

Не поднимая головы, Ричард улыбнулся «смуглой Бесс», лежащей у него на коленях.

Когда майор Росс вызвал к себе Дэниела Стэнфилда, тот заверил, что ни разу не подвергался взысканиям, даже за посещение женского лагеря. Он был всецело предан миссис Элис Хармсворт, которая лишилась младшего сына через месяц после высадки, а мужа-пехотинца — через два месяца. Оставшись вдовой с двумя детьми, она влачила жалкое существование. Только покровительство Стэнфилда помогало ей выжить.

— Мне необходим опытный оружейник, Стэнфилд, — сообщил майор Росс. — Я выбрал вас потому, что вы метко стреляете и умеете работать руками. Среди каторжников я разыскал мастера-оружейника — некоего Ричарда Моргана с «Александера». Его превосходительство губернатор все чаще склоняется к мысли о необходимости основания большого поселения на острове Норфолк, а это означает, что нам понадобятся точильщики и оружейники сразу для двух колоний. Поэтому я отсылаю вас к Моргану учиться азам оружейного ремесла. Если вам предстоит отправиться на Норфолк, вы должны уметь чинить мушкеты. А может, на Норфолке понадобится и точильщик — тогда я отправлю туда Моргана. Но это будет лишь после того, как вы приведете в порядок мушкеты здесь, в Порт-Джексоне. Поэтому начинайте учиться, Стэнфилд, и поскорее.

Зима в Порт-Джексоне оказалась дождливым временем года; уже в начале августа, вскоре после того как отряд Ричарда без горечи распрощался с «Александром», дождь зарядил без перерыва на четырнадцать дней. Ручей вышел из берегов и согнал с места женатых пехотинцев, раскинувших лагерь на берегу, даже песчаная почва превратилась в вязкую грязь, а бревенчатые дома — в ловушки, насквозь продуваемые ледяным ветром. Крытые тростником крыши не просто протекали — сквозь них вода лилась струями; имуществу, сложенному под открытым небом, был нанесен невозместимый ущерб, а губернаторский склад превратился в рассадник плесени, сырости, гнили и ползучих насекомых.

Как всегда, меньше всех пострадали наиболее предприимчивые колонисты. Поскольку ухаживать за огородом было незачем, Лиззи принялась изучать местные деревья, которые хотя и не отличались сочной листвой, зато поражали воображение окраской стволов. Среди них попадались растения с коричневой или сероватой корой, как в Англии, а

также с корой множества других цветов и оттенков — белого, серого, желтого, нежно-розового, почти красного, золотистого, кремового, серовато-голубого, насыщенного розовато-оранжевого. На ощупь стволы тоже различались: были гладкими, как бумага, но полосатыми, чуть шероховатыми, точно шелк, или напоминали грубые веревки, пятнистыми, чешуйчатыми, морщинистыми. Ни одно дерево не сбрасывало листья на зиму, зато многие меняли кору.

Этой корой и заинтересовалась Лиззи, узнав, что ею туземцы кроют хижины. Кора представляла собой большие кожистые листы цвета ржавчины. Уговорив Неда Пу сколотить невысокую лестницу, Лиззи принялась укладывать собранную кору поверх пальмовой кровли хижины, сшивая отдельные куски с помощью бечевки и огромной иглы, позаимствованной на складе. Поэтому, когда начались дожди, все течи сразу удалось заделывать заплатками из коры, которую Лиззи хранила в комнате, превращенной в склад. Строительство кирпичных и каменных домиков шло с мучительной медлительностью, и каторжники понимали, что пройдут годы, прежде чем они переселятся в жилье из более прочного материала, нежели стволы пальм или ветки. Решетчатые стены из веток, оплетенных пальмовыми листьями, лучше защищали от холодных дождей, чем напрасно срубленные пальмы.

В сущности, дом отряда был почти уютным. Все товарищи Ричарда продолжали работу даже во время дождей; майор Росс отдал лишнюю палатку точильщикам, как только она освободилась. Сам майор переселился в каменный дом незадолго до начала дождей — за все время, проведенное в колонии, ему впервые повезло. Самое ценное имущество Росса, как и вещи остальных высокопоставленных особ колонии, должно было прибыть на грузовом корабле «Блюститель» — его ждали в Новом Южном Уэльсе со дня на день. То же судно должно было привезти в колонию провизию, коров, лошадей, овец, коз, свиней, кур, индеек, гусей и уток. Лондой оставался безнадежно оптимистичным, считая, что мука, посланная с флотилией, может храниться сколько угодно, и, кроме того, рассчитывал, что в первый же год колонисты соберут огромный урожай зерна, овощей, дынь и других плодов. Но колонисты придерживались иного мнения, и не ошиблись. Запасы черствого хлеба и галет были уже на исходе, свежий хлеб пекли из муки пополам с долгоносиками, а солонина пролежала в бочках так долго, что после вываривания фунтового ломтя едва хватало на четверых. На этой еде да еще на горохе с рисом и существовали каторжники; хлеб теперь выдавали только по воскресеньям, вторникам и четвергам.

Каторжникам вновь начали раздавать еду каждый день: недельные нормы провизии никому не удавалось сохранить, даже после того как отчаявшийся губернатор Филлип приказал повесить за воровство семнадцатилетнего юношу. Истощенные младенцы и дети постарше умирали, чудом казалось уже то, что некоторые из них выжили. В колонии появилось множество сирот, родители которых, каторжники, умерли. Преподобный мистер Джонсон опекал малышей, кормил и радовался тому, что их порочных родителей нет в живых. Он искренне считал всех каторжников закоренелыми, неисправимыми грешниками — иначе почему Бог послал Порт-Джексона землетрясение и вонь серы, которая держалась целые сутки?

С каждым днем туземцы становились все агрессивнее и вскоре начали красть коз. На овец они не лестились, по-видимому, не зная, что скрывается под густой шерстью. А козья шкура напоминала им шкуру кенгуру.

Из-за козы отряд Ричарда впервые чуть не попал в беду. В тот день, когда один из служащих склада, Энтони Роуп, женился на Элизабет Пулли, Джонни Кросс нашел издохшую козу и с радостью преподнес ее новобрачным в качестве свадебного подарка. Из мяса приготовили «морской пирог», хотя за неимением теста запекать его пришлось в хлебе. Весь отряд тут же взяли под стражу и обвинили в убийстве козы. Как ни странно, военный трибунал поверил клятвенным заверениям каторжников в том, что, когда они нашли козу, она уже была мертвой. Всех признали невиновными, в том числе Джонни Кросса и Джимми Прайса.

Все корабли, кроме «Фишберна» и «Золотой рощи», уже уплыли, но Ричард не отправил с ними ни одного письма. Чтобы восстановить навык, он переписывал отрывки из книг, однако писать родным не решался, боясь потревожить ещё свежую рану.

В конце августа началась весна, дожди прекратились, задули экваториальные ветры. Повсюду запестрели цветы. Неприметные деревца и кусты вдруг покрылись огромными пушистыми желтыми шарами, малиновыми гроздьями, напоминающими ершики для бутылок, похожими на пауков розовыми, коричневатыми и оранжевыми бутонами. Даже самые высокие деревья осыпали кремовые цветы, на них появилась молодая листва необычного розового оттенка. По виду большинство цветов напоминало хризантемы и отличалось от английских и американских более узкими лепестками. Вскоре лепестки опали в траву среди кустов с пылающими цикламеновыми цветами, похожими на миниатюрные тюльпаны. К обычному чистому запаху древесной смолы примешивались тысячи ароматов — от утонченных до удушливых.

Пятого сентября колонисты впервые увидели ошеломляющую игру красок на ночном небе, гигантский природный фейерверк. Небесный свод мерцал и сиял, по нему словно перемещались изысканные драпировки и арки с роскошной бахромой — зеленовато-желтой, малиновой и фиолетовой, гигантские темно-синие и стальные лучи металась по небу, возникая со всех сторон и достигая зенита, одни из них были похожи на молнии, а другие подолгу зависали в небе, излучая призрачный свет. В тысяча семьсот пятидесятом году в небе над Англией тоже возникло северное сияние, но все, кто видел его, запомнили только слабые и туманные пестрые переливы. А это сияние, как уверяли матросы на следующий день, не шло ни в какое сравнение с северным.

Колонисты воспрянули духом, хотя пережили ненастоящую зиму и даже не почувствовали, как воздух потеплел. Но у овец и коз начался окот, куры исправно несли яйца. За приплодом старательно ухаживали, приберегая его для туманного будущего. Далеко не все надеялись дожить до него: кормили каторжников по-прежнему скудно.

Лиззи раздобыла семена и с возобновившимся энтузиазмом принялась копать на огороде. Скорее бы взошла картошка! А если вырастут морковь и брюква, им будет чем набить желудки, чтобы наконец-то ощутить приятную сытость. Зелень предотвращала цингу, но не насыщала.

Губернатор Филлип решил отправить «Сириус» в Кейптаун за провизией: грузовой корабль «Блюститель» пока не появлялся, а дожить до его прибытия, ничего не предпринимая, было немыслимо. «Сириусу» предстояло поплыть на восток, к мысу Горн, а обратный курс должен был выбрать сам капитан Хантер. Вслед за «Сириусом» Порт-Джексон покинула и «Золотая роща», на которой почти иссякли запасы спиртного. Сначала «Золотой роще» следовало свернуть к острову Норфолк вместе с первой партией каторжников, которые, по замыслу губернатора, должны были основать новое поселение и освободить место в разросшемся старом.

Узнав в последний день сентября, что за ним послал майор Росс, Ричард сразу понял, что он услышит. Прошел его сороковой день рождения, а с тех пор, как ему минуло тридцать шесть лет, каждый день рождения он справлял на новом месте — в глостерской тюрьме, на «Церере», на «Александере» и в Новом Южном Уэльсе. Прежде чем ему исполнится сорок один год, он должен был оказаться в незнакомом месте, хотя это случилось раньше, чем он предполагал. Через несколько недель он попадет на остров Норфолк, это несомненно.

— Ты сотворил чудо с рядовым Стэнфилдом, Морган, — заявил вице-губернатор, — и подготовил к работе двух точильщиков пил. Я думал

послать Стэнфилда на остров Норфолк, но он заботится о благополучии мистрис Хармсворт и ее детей, а я обязан опекать не только своих пехотинцев, но и их жен, вдов и близких. Стэнфилд останется здесь и будет по-прежнему чинить мушкеты. А ты отправишься на Норфолк — как опытный пильщик, точильщик и оружейник. Лейтенант Кинг известил его превосходительство, что его единственный пильщик утонул. Хотя тебе и не приходилось пилить деревья, Морган, я не сомневаюсь, что вскоре ты овладеешь этим искусством, — такой уж ты человек. В депешах к лейтенанту Кингу я сообщил, что ты — сушая находка для острова Норфолк. — Тонкие губы майора растянулись в кислой улыбке. — Впрочем, как любой другой колонист.

— Могу я взять с собой жену, сэр? — спросил Ричард.

— Боюсь, нет. Его превосходительство уже передал мне список женщин, которые отправятся на остров. Вторым пильщиком я назначил Блэколла с «Александера», поскольку подозреваю, что тебе придется точить уйму инструментов. Вся строительная древесина для Порт-Джексона поступает с острова Норфолк — как тебе известно, мы так и не нашли надежного источника извести для строительства каменных или кирпичных зданий. Местная древесина ни на что не годится, зато балки и доски, привезенные «Запасом», превосходны. После трудного плавания экипаж «Запаса» нуждается в отдыхе, вот почему на Норфолк вас доставит «Золотая роща».

— Можно взять с собой мои инструменты?

Этот вопрос чуть ли не оскорбил Росса.

— Его превосходительство губернатор Нового Южного Уэльса не вправе отобрать у тебя даже один гвоздь! — отрезал он. — Бери с собой все, что принадлежит тебе, — это приказ. Мне очень жаль, что твоей жене придется остаться здесь, но я ничего не могу поделать. Рядовой Стэнфилд получит все необходимое от губернатора — ведь теперь он умеет даже делать наждачную бумагу и напильники. Ступай, собери свои вещи. Завтра в четыре часа пополудни начнется посадка. Жди у восточного причала, только не приводи с собой толпу провожающих, слышишь?

Рядовой Дэниел Стэнфилд был так поглощен работой над «смуглой Бесс», что не поднял головы, когда Ричард вошел в мастерскую.

— Мистер Стэнфилд! — позвал Ричард.

Рядовой вздрогнул.

— А, это вы! Вас отправляют на Норфолк?

— Да, и мне приказано забрать с собой все инструменты и другие вещи, о чем я искренне сожалею. Но майор Росс заверил, что

правительство предоставит вам все необходимое.

— Да, это верно, — подтвердил Стэнфилд, вскочил и протянул руку. — Ричард, я благодарю вас за великодушие и терпение. Мне жаль, что на остров отправляют именно вас. Если бы не бедная мистрис Хармсворт, я с радостью поменялся бы с вами местами.

Ричард крепко пожал ему руку.

Надеюсь, мы еще встретимся, Дэниел.

— И я так думаю. Спешить на родину мне незачем, как и мистрис Хармсворт. Рано или поздно еды здесь будет вдоволь — мы оба уверены в этом. Сейчас я рядовой, мне повезет, если я выйду в отставку в звании сержанта, но после отставки жизнь в Англии для меня будет слишком трудна. А здесь у меня есть шанс через три года стать землевладельцем и обзавестись своей фермой. Наверняка через двадцать лет жить в Новом Южном Уэльсе будет лучше, чем в Англии, — воодушевленно произнес Дэниел Стэнфилд и принялся укладывать инструменты Ричарда в ящик. — Когда у вас заканчивается срок каторги?

— В марте тысяча семьсот девяносто второго года.

— Тогда, вероятно, он закончится во время вашего пребывания на Норфолке, — рассудил Стэнфилд, проверяя, крепко ли заткнут флакон пробкой. — А мне время от времени придется бывать там. Майор Росс запретил надолго отправлять пехотинцев на остров, поэтому мы будем сменять друг друга. Вот почему я должен убедить мистрис Хармсворт связать со мной жизнь, прежде чем меня отправят на Норфолк.

— Она поступит глупо, если откажет вам, Дэниел. Но если у меня все и дальше пойдет так, как прежде, — продолжал Ричард, поправляя инструменты в мягких гнездах из корпии, — то к тому времени, как вы попадете на Норфолк, меня увезут в какое-нибудь новое отдаленное поселение.

— В ближайшие несколько лет этого не случится, — убежденно возразил молодой пехотинец. — Сначала надо доказать, что Порт-Джексон способен выжить. Иначе англичане будут наотрез отказываться переселяться сюда. Губернатор твердо намерен одержать победу, однако далеко не все разделяют его взгляды. — И Дэниел устремил взгляд светлых глаз на Ричарда. — Надеюсь, об этом разговоре никто не узнает?

— От меня — никто, — пообещал Ричард. — По-моему, все наши затруднения можно было разрешить еще до отплытия флотилии. В наших неудачах следует винить непредусмотрительность и недалекость лондонских властей. И соперничество между морскими офицерами и пехотинцами.

— В самую точку! — улыбнулся Стэнфилд.

Переведя дыхание, Ричард решил вручить Дэниелу Стэнфилду свою судьбу.

— Майор — странный человек, — осторожно произнес он.

— Это верно. Он ревностно выполняет свои обязанности, но не одобряет все, что угрожает благополучию или кошелькам пехотинцев. Поэтому он разрешает тем из нас, кто владеет каким-нибудь ремеслом, работать плотниками, каменщиками или кузнецами, но возражает против участия наших офицеров в заседаниях суда — потому, что за это им не платят. Губернатор настаивает, что долг каждого колониста — выполнять любые приказания властей, а в Новом Южном Уэльсе власть олицетворяет он сам. Капитан Хантер поддерживает губернатора только по той причине, что оба они — офицеры королевского флота. — Дэниел пожал плечами. — Все это создает лишние затруднения.

— Особенно потому, что вы — более зрелый человек, чем многие офицеры, Дэниел, — задумчиво добавил Ричард. — Они ведут себя, как дети: ссорятся за кружкой рома, дерутся на дуэлях, никак не могут ужиться друг с другом...

— Откуда вам известно об этом, Ричард? — изумился Дэниел.

— Наш мир тесен, в нем живет немногим более тысячи колонистов. Мы преступники, но у нас есть глаза и уши, как у любого свободного человека. И каким бы низким ни было наше положение, все мы родились свободными англичанами, даже если некоторые из нас родом из Ирландии или Уэльса. Здесь нет шотландцев, потому что их судят соотечественники.

— И в этом еще одна причина разногласий. Большинство наших офицеров — шотландцы, а им подчиняются выходцы из всех графств Англии.

— Будем надеяться, — заключил Ричард, запирая ящик, — что когда-нибудь колонисты научатся забывать о том, что не имеет значения тут, в колонии. Впрочем, это произойдет не скоро. — Он второй раз протянул ученику руку. — Удачи вам, Дэниел.

— И вам, Ричард.

Все мужчины вернулись домой к ужину, который состряпала Лиззи. Поскольку в ее распоряжении были лишь скудные запасы провизии, ей приходилось проявлять завидную изворотливость. К столу подавались густой гороховый суп, отварной рис и кислая капуста.

Унеся ящик с инструментами в хижину, Ричард уселся у огня вместе с товарищами. Строительной древесины в Новом Южном Уэльсе не хватало, зато дрова имелись в избытке.

Как быть? Как объяснить им? Может, поговорить с Лиззи наедине? Да, конечно, сначала надо обо всем сообщить ей, решил Ричард, хотя и боялся слез и возражений. Она должна понять, что ему запретили брать ее с собой.

Он съел ужин молча, радуясь тому, что никто не заметил появления ящика с инструментами в комнате, больше походившей на склад. По привычке каторжники приберегли немного супа с рисом на завтрак, хотя каждый из них мог бы съесть еще такую же порцию и все равно остался бы голодным.

Выживут ли без него эти люди? В этом Ричард не сомневался: за восемь месяцев пребывания в колонии каждый из них нашел свое место и вел почти независимую жизнь. Их объединяли только еда и общее жилье. Товарищи Ричарда, которые работали на губернаторском складе, подружились с каторжниками из других отрядов и с лейтенантом Ферзером, у остальных тоже появились новые друзья и знакомые. Ричард беспокоился лишь о Джо Лонге, таком простодушном и беззащитном. Оставалось надеяться, что за ним присмотрят другие. А Лиззи выжила бы даже на тонущем «Короле Георге». Ричард никогда не был деспотичным вожаком, не считал себя таковым и полагал, что кое-кто из его товарищей будет рад занять его место.

— Пойдем погуляем, Лиззи, — позвал он после ужина.

Она ответила Ричарду удивленным взглядом, но послушно последовала за ним, чувствуя, что сегодня его что-то тревожит.

Сумерки сгустились. В колонии на протяжении всего года комендантский час начинался в восемь вечера, уже после того, как становилось темно. Ричард повел жену к берегу бухты и усадил на камень. В траве трещали сверчки, огромные хищные пауки вышли на охоту, но больше никто не тревожил собеседников.

— Сегодня меня вызывал майор Росс, — бесстрастно начал Ричард, глядя вдаль, где на западном берегу бухты мерцали костры. — Он сообщил, что завтра я должен прибыть на борт «Золотой роши». Меня посылают на остров Норфолк.

Лиззи уже поняла, что Ричард уезжает один, но все же спросила:

— А я?

— Ты останешься здесь. Я просил разрешения взять тебя с собой, однако мне отказали. По-видимому, губернатор уже выбрал женщин, которых намерен отослать на остров.

Слеза упала на еще теплый от солнечных лучей камень. Губы Лиззи задрожали, хотя она изо всех сил старалась сохранить спокойствие, понимая, что истерика вызовет у Ричарда раздражение. Этот человек

неизменно держался в тени, не был нелюдимым, но предпочитал полагаться на самого себя, свои знания и умения. Ничто не могло пробить его доспехи, у него не было слабых мест, никакими уговорами нельзя было заставить его свернуть с выбранного пути. «Для него я — ничтожество, потому он и заботится обо мне. Если в нем когда-то и вспыхивали искры чувства, он гасил их. Я ничего не знаю о нем, потому что он не рассказывает о себе; когда он сердится, то погружается в молчание, а потом продолжает поступать так, как считает нужным. По-моему, он способен даже читать мысли майора Росса... как глупо! Разве можно управлять другим человеком, не говоря с ним и не глядя на него? И все-таки Ричард это умеет. К кому еще майор Росс относится с таким уважением? Майор Росс не терпит подхалимов, к нему нельзя подольститься — в этом убедились все, кто пробовал. Ричард хочет уехать отсюда... он уезжает. Да, он спросил, можно ли взять меня с собой, но заранее знал, что ему ответят отказом. Будь он злым человеком, я решила бы, что он продал душу дьяволу, однако он совсем не зол. Неужели он продал душу Богу? А разве Бог покупает души?»

— Все верно, Ричард, — произнесла Лиззи, ничем не выдавая своего горя. — Мы должны подчиняться приказам, потому что мы не вправе сами принимать решения. Нам не платят за работу, мы не можем иметь то, что хотим. Я буду по-прежнему жить здесь и готовить для твоих товарищей. Если я буду вести себя тихо, никто не заставит меня вернуться в женский лагерь. Я — замужняя женщина, разлученная с мужем по прихоти губернатора. Мне удалось договориться с лейтенантом Ферзером насчет овощей, поэтому он не допустит, чтобы меня отправили в женский лагерь. Да, со мной все будет хорошо. — Она торопливо встала. — А теперь пойдем и обо всем расскажем остальным.

Расплакался только Джо Лонг.

Вскоре после рассвета на удрученном лице Джо появилась радостная улыбка: сержант Томас Смит сообщил, что и Джо должен собраться и прибыть на борт «Золотой рощи». Корабль отправлялся на Норфолк с восточного причала в четыре часа дня. Сержант запретил Джо приводить с собой толпу провожающих.

Немногочисленные пожитки Джо были уложены гораздо быстрее, чем вещи Ричарда, которые с трудом вместились в сундук. Ричарду пришлось долго перебирать книги, решая, какие взять с собой, а какие оставить в Порт-Джексоне для Уилла, Билла, Недди, Томми Краудера и Аарона Дэвиса. Его библиотека изрядно пополнилась — преимущественно за счет собранных Стивенем Донованом книг моряков и пехотинцев, покинувших

«Сириус». Наконец Ричард выбрал самые полезные из книг, в том числе подаренные кузеном Джеймсом-священником. Ему была настоятельно необходима «Британская энциклопедия», но чтобы получить ее, требовалось написать письмо на родину. А еще Ричард мечтал о книге Джетро Талла о сельском хозяйстве — опубликованная пятьдесят пять лет назад, она по-прежнему считалась библией каждого грамотного фермера. Когда-нибудь ему придется написать домой, только не сейчас. Время пока не пришло.

Шлюпка с «Золотой рощи» ждала у наспех построенного маленького причала, парного причалу у западного берега Сидней-Коув. В шлюпке с трудом разместились девятнадцать каторжников, некоторых из них Ричард помнил еще по «Александру». Уилли Дринг и Джо Робинсон из Халла! Джон Аллен со своей обожасмой скрипкой — значит, на острове Норфолк будет музыка. Билл Блэколл, мрачный малый, занимавший нары по правому борту «Александера». Лен Дайер из Лондона, жестокий и коварный, подверженный вспышкам насилия. Уилл Фрэнсис, которого доставили на «Александер» с «Цереры», источник постоянных хлопот для начальства. Джим Ричардсон, тоже с «Цереры» и «Александера», еще один раздражительный тип — вместе с Дайером он верховодил среди лондонцев с «Цереры». Остальные каторжники были незнакомы Ричарду.

«Вот оно, — думал Ричард, усаживаясь рядом с Джо Лонгом и Макгрегором в шлюпке, — решение человеческого уравнения, которое я пойму только со временем. Когда я увижу, каких женщин выбрал губернатор, прояснится остальное».

Поскольку «Золотая роща» была грузовым кораблем, в ней не предусматривалось отдельного помещения для каторжников. Мужчин провели через кормовой люк на нижнюю палубу, где не было ничего, кроме гамаков. Корабль имел две закрытые палубы, грузы для острова Норфолк размещались на самой нижней. Оставив Джо Лонга и Макгрегора караулить вещи, Ричард поднялся наверх.

— Вот мы и встретились, — произнес Стивен Донован, увидев его.

Ричард остолбенел.

— Впервые вижу тебя растерянным, — улыбнулся Донован, взял своего спутника за руку и подтолкнул вперед. — Джонни, это Ричард Морган. Ричард, это мой друг Джонни Ливингстон.

Ричарду хватило одного взгляда, чтобы понять, чем вызвано чувство Донована. Джонни Ливингстон был стройным и грациозным пареньком с шапкой золотистых кудрей и огромными, ясными зеленоватыми глазами, окаймленными очень длинными черными ресницами. Чрезвычайно

миловидный и, вероятно, покладистый, он напрасно выбрал профессию моряка и теперь был обречен служить игрушкой морским офицерам. Он напоминал корабельного юнгу, которых на «Александрере» было трое. Они состояли в подчинении у Триммингса, не проявлявшего к ним ни малейшего сострадания.

— К сожалению, я не могу пожать вам руку, мистер Ливингстон, — с улыбкой произнес Ричард, — но я очень рад знакомству. — Он отошел к борту, чтобы сохранить расстояние между собой и двумя свободными собеседниками. Выходящие на палубу каторжники с любопытством поглядывали на них. — А я думал, вы уплываете на «Сириусе».

— И направляемся к мысу Доброй Надежды, обогнув мыс Горн? — подхватил Донован. — Дело в том, что на острове Норфолк мы нужнее, чем на борту «Сириуса». Его превосходительству не хватает свободных людей, чтобы руководить каторжниками: майор Росс во всеуслышание объявил, что в обязанности морских пехотинцев входит только охрана колонии. Поэтому губернатор поручил мне осуществлять надзор за каторжниками на острове. — Он понизил голос и состроил выразительную гримасу. — Подозреваю, капитан Хантер был не прочь отправиться в длительное плавание в компании Джонни и потому назвал меня губернатору как подходящего кандидата. Увы, Джонни тоже предпочел отправиться на остров Норфолк. Капитану Хантеру осталось только покориться, но он, несомненно, найдет предлог, чтобы вернуться сюда.

— Чем вы намерены заняться на острове, мистер Ливингстон? — спросил Ричард, смирившись с тем, что его товарищи по несчастью узнают о его дружбе с двумя свободными людьми.

Мистер Ливингстон даже не попытался ответить самостоятельно: вскоре Ричард понял, что он очень робок и застенчив.

— Джонни — талантливый резчик по дереву, а на остров Норфолк везут единственный во всей колонии токарный станок. Древесина в Порт-Джексоне не поддается обработке так, как сосна. Поэтому его превосходительство пошел навстречу желанию Джонни покинуть «Сириус» и поручил ему выточить балясины для лестницы нового дома. Кроме того, губернатору недостает множества других полезных деревянных предметов.

— Но ведь такую работу проще выполнить в Порт-Джексоне.

— На борту кораблей, курсирующих между двумя поселениями, не хватает места для древесины: на них грузят доски для постройки домов, предназначенных для холостых моряков и каторжников.

— Ну конечно, как я сам не додумался!

— А вот и дамы, — громко объявил Донован.

В шлюпке разместилось одиннадцать женщин. Многих из них Ричард знал в лицо благодаря Лиззи, но ни с одной не был знаком. Среди них была Мэри Гэмбл — та самая, что предложила капитану Северу поцеловать ее в задницу и постоянно уязвляла достоинство мужчин колкими замечаниями; едва ее спина успевала зажить, ее вновь приговаривали к порке за очередную провинность. Энн Даттон обожала ром и моряков и охотилась за последними, лишь бы заполучить первое. Неряха Рэчел Эрли была способна выиграть поединок даже с железным столбом. Элизабет Коул вышла замуж за каторжника сразу после прибытия в Порт-Джексон и была вскоре после свадьбы до полусмерти избита мужем, поэтому майор Росс снова отослал ее в женский лагерь и поручил ей стирку одежды. Если семь остальных женщин ничем не лучше этих, значит, его превосходительство стремится избавиться от непокорных. Впрочем, Элизабет Коул он наверняка отослал за тысячу миль от мужа исключительно из сострадания.

— Веселенькое плавание нам предстоит, — вздохнул Ричард, глядя, как женщины спускаются вниз через носовой люк.

«Золотая роща» отплыла на рассвете второго октября тысяча семьсот восемьдесят восьмого года, некоторое время ее сопровождал «Сириус», а потом на «Золотой роще» подняли паруса, чтобы поймать норд-ост. Южное прибрежное течение подхватило второй корабль и понесло его к мысу Горн, расположенному в четырех тысячах миль к востоку.

Через пять дней, к тому времени как корабль приблизился к острову Лорда Хоу, Ричард решил загадочное уравнение. Как он и подозревал, губернатор попросту избавился от неугодных, причем не только от таких, как Мэри Гэмбл и Уилл Фрэнсис. Большинству каторжников на корабле повезло еще меньше: они были признаны помешанными. Лишь четверо мужчин удовлетворяли предъявляемым требованиям — были молодыми, крепкими, холостыми и не страдали морской болезнью. Им предстояло ловить с лодки рыбу у берегов острова Норфолк. Ричард так и не понял, почему выбор пал на него самого, — он не был пыльщиком, хотя в списке значился именно как пыльщик. Неужели майор Росс почувствовал, что Моргану опостылел Порт-Джексон? И если так, почему пошел ему навстречу? Порт-Джексон осточертел всем, даже губернатору. Почему-то Ричарду казалось, что майор Росс обошелся с ним, как с крупной денежной суммой, — припрятал, чтобы пустить в оборот позднее. Возможно, так оно и есть...

Робкие, забытые каторжники вроде Джона Аллена и Сэма Хасси вели себя тихо, переговаривались шепотом и подолгу оставались в одном

положении, почти не шевелясь. Но остальные были настоящими задирами, в том числе Уилл Фрэнсис, Джош Пек, Лен Дайер и Сэм Пикетт. Некоторые из них были женаты, и им позволили взять в плавание жен, поскольку чаще всего и они вызывали недовольство губернатора. Такими парами были Джон Андерсон и Лиз Брюс, фанатичные католики Джон Брайант и Энн Кумбс, Джон Прайс и Рэчел Эрли, Джеймс Дэвис и Марта Беркитт.

Каторжников охраняли сержант Томас Смит, капрал Джон Гауэн и четверо рядовых пехотинцев, которые относились к своим обязанностям настолько пренебрежительно, что рядовому Сэмми Кингу, к примеру, хватило времени, чтобы завязать роман с Мэри Ролт, одной из чудаковатых каторжниц — она вела сама с собой продолжительные беседы. Но оказалось, это временное помешательство: едва Мэри и Сэмми стали любовниками, ее диалоги с собственной персоной полностью прекратились. Ричард с усмешкой думал, что морской воздух благотворно повлиял на Мэри.

Для него самого плавание началось плачевно: Лен Дайер и Том Джонс подстерегли его внизу и попытались объяснить, как они относятся к каторжникам, которые не только заискивают перед свободными людьми, но и якшаются с мужелюбами.

— Отвяжитесь! — устало отозвался Ричард. — Если понадобится, я уложу вас обоих одной левой.

— А если нас шестеро? — с вызовом спросил Дайер.

Внезапно Макгрегор зарычал и залаял; Дайер пнул его, но задел лишь заднюю лапу, так как в этот момент «Золотая роща» накренилась. Остальное произошло мгновенно: Джо Лонг ринулся в драку, а трое из шестерых нападающих утратили интерес ко всему, кроме собственных взбунтовавшихся желудков. Ричард ударил Дайера коленом сзади, попав по мошонке, Джо вскочил Джонсу на спину и начал царапаться и кусаться, а невредимый Макгрегор вонзил зубы в сухожилие Джоша Пека. Фрэнсиса, Пикетта и Ричардсона выворачивало наизнанку, и это было очень кстати; Ричард прекратил схватку, ловким ударом уложив Дайера лицом вниз на настил палубы, а потом ухитрился изо всех сил лягнуть в пах Джонса и Пека.

— Имейте в виду, я не стану соблюдать правила, — предупредил он, отдуваясь, — так что больше не вздумайте связываться со мной. Иначе на потомство можете не рассчитывать.

Но поразмыслив, он решил позаботиться о безопасности Джо и Макгрегора, собрал вещи и вместе с товарищами перебрался на верхнюю палубу, рассчитывая во время дождя прятаться под шлюпкой.

— Надеюсь, — сказал он Стивену Доновану позднее, — вы справитесь с ними, мистер Донован. Том Джонс и Лен Дайер терпеть не могут таких, как вы. Не спускайте с них глаз, не говоря уже о Пеке, Пикетте и Фрэнсисе. Последний — вожак этой шайки, но грязную работу он поручает Дайеру. Значит, он особенно опасен.

— Спасибо за предупреждение, Ричард. — Донован внимательно оглядел друга. — Вижу, ты легко отделался: ни одного синяка или ссадины.

— Я лягнул их в пах. А еще мне помогла морская болезнь. — Ричард усмехнулся. — В общем, нам просто повезло. Едва они бросились на меня, в паруса ударил ветер, и началась качка.

— Верно, тебе повезло, Ричард, как ни странно это звучит для человека, который попал на каторгу, будучи невиновным.

— Видно, таков путь Моргана, — согласился Ричард. — Меня оберегает судьба.

— Но ты получил от нее немало пинков.

— В Бристоле — да. А с тех пор как я стал каторжником, мне сопутствует удача.

Остров Лорда Хоу находился между Порт-Джексоном и Норфолком, и, поскольку погода стояла отменная, корабль в первый же день проделал львиную долю пути. Но пассажирам так и не удалось побывать на этом загадочном острове черепах, пальм и горных вершин, расположенном всего в пятистах милях к востоку от побережья Нового Южного Уэльса. «Золотая роща» упорно плыла вперед, преодолевая оставшиеся мили.

Таким стало первое знакомство Ричарда с самым могущественным из океанов, Тихим, который он прежде считал ничем не отличающимся от морей вблизи Англии или безымянного океана к югу от Новой Голландии и Земли Ван Димена. Но Тихий океан был совсем иным: проводя бесконечные часы у борта, вглядываясь вдаль, Ричард понял, что он невообразимо глубок. Волны, бережно и плавно покачивающие «Золотую рощу», имели ультрамариновый оттенок с лиловым отблеском. Никакой рыбы Ричард не заметил, хотя в других обитателях глубин недостатка не ощущалось: мимо корабля проплывали гигантские черепахи, из пучины выскакивали морские свиньи. Акулы легко скользили по волнам, надменно игнорируя крючки с приманкой, их спинные плавники возвышались на три фута над водой, размеры внушали ужас. Пожалуй, это океан гигантских акул, а не китов — так думал Ричард, пока в один прекрасный день не увидел целую стаю китов, плывущих на юг, в то время как «Золотая роща», удивительное морское существо, направлялась на северо-восток. Как странно! На пути в Новый Южный Уэльс Ричард никогда не чувствовал

себя одиноким, но теперь остро сознавал свое одиночество. Вероятно, год назад его подбадривал вид по меньшей мере десяти парусов. А теперь в море не виднелось ни единого суденышка, кроме «Золотой рощи».

Однажды ночью Ричард вдруг почувствовал, что качка прекратилась; паруса спустили. «Мы на месте!»

Палуба была абсолютно неподвижна, поэтому матросы бездельничали, а рулевой только удерживал румпель в одном положении. Ночь выдалась тихой, небо было безоблачным и безлунным, а бесчисленные звезды мерцали особенно ярко, медленно, но неумолимо перемещаясь по небесному своду. Их призрачный блеск, казалось, можно услышать, но кто достоин уловить эту музыку сфер? Ричард не слышал ничего, кроме поскрипывания мачт корабля, покоящегося на водной глади, да шороха крыльев ночных птиц, похожих на тени. Земля была рядом, но оставалась невидимой. «Еще одна страница в книге моей жизни. Меня занесло неведомо куда, я попал на крохотный островок, забытый Богом и остававшийся необитаемым, пока сюда не приплыли мы, англичане. Нас всего шестьдесят человек.

Одно я знаю точно: это место никогда не станет моим домом. Я прибыл сюда в одиночестве и в одиночестве покину остров, поплыв по одинокому океану. Такое отдаленное место не может служить домом. Я обогнул земной шар и достиг точки, где я всецело предоставлен самому себе».

Часть 6

Октябрь 1788 года — май 1791 года

Женщинам приказали оставаться на нижней палубе, а мужчины вынесли свои вещи наверх и стали ждать, когда из рассветного тумана появится остров Норфолк. На рассвете сверкнула молния, тяжелые тучи медленно меняли оттенок с пурпурно-сливового на ослепительно алый с золотом.

— Почему рассвет здесь такой странный? — спросил Джо Лонг, стоя рядом с Ричардом возле борта и поглядывая на вертящегося у ног Макгрегора.

— Потому, что это закат наоборот, — объяснил Ричард. — Цвета меняются с темных на светлые, облака становятся белыми, а небо — голубым.

Макгрегор затыкал, просясь на руки, и Джо поднял его. Он держал пса на самодельном ошейнике и поводке из мелких обрезков кожи, которым не нашел другого применения даже изобретательный лейтенант Ферзер. Привыкший к свободе, Макгрегор сразу невзлюбил ошейник, но со стоическим смирением носил его. За время плавания он удачно поохотился, тем более что капитан Уильям Шарп с удовольствием пускал маленького отважного терьера в трюмы. Корабельный кот (Макгрегор не выносил кошек) с шипением удалился в полубакавовую надстройку, уступив поле боя незваному гостю.

За ночь корабль отнесло на несколько миль от острова, паруса вновь пришлось поднять. Капитан Шарп еще ни разу не бывал здесь и не хотел рисковать. Благодаря любезности Гарри Болла с «Запаса» в плавание на «Золотой роще» отправился лейтенант Дэвид Блэкберн, который знал все прибрежные рифы, подводные скалы и отмели вокруг острова.

Взбираясь по небу, солнце било прямо в глаза путешественникам, и им удалось разглядеть только то, что остров невелик — площадью примерно три на пять миль, как сообщил Донован Ричарду, — и представляет собой почти плоскую равнину, поросшую деревьями. На Тенерифе он ничуть не походил. И вдруг за одну секунду солнце осветило весь остров. В его ярких лучах зелень казалась особенно темной, а трехсотфутовые утесы — либо тускло-оранжевыми, либо угольно-черными. Все это придавало острову угрожающий, мрачный вид. Волны вблизи бортов «Золотой рощи»

приобрели лиловый оттенок, а у берегов острова стали ярко-аквамариновыми. Постепенно светлеющая вода наводила на мысль, что остров вырастает из-под нее, словно часть какого-то гигантского подводного плато, созданного по замыслу неизвестного творца.

Корабль проплыл вдоль острова с запада на восток, подгоняемый «кошачьими лапками», повернул на юго-запад, а потом на северо-восток. К большому острову жались два маленьких: крошечный плоский, сплошь заросший соснами, и второй, побольше. Этот последний находился в четырех милях к югу от Норфолка и высоко поднимался над водой, на ярком фоне низкорослой зелени темнели отдельные сосны. Волны с белыми гребнями бились об утесы и риф, к которому направлялся корабль, но в остальном океан был тихим и мирным.

«Золотая роща» встала на якорь неподалеку от рифа, о который разбивались приливные волны, поднимая тучи брызг. За рифом поблескивала лагуна с зеленой, а не голубой водой, и двумя пляжами: прямым на западе и полукруглым на востоке. Здесь песок был абрикосово-желтым, он доходил до самых сосен, заросли которых успели проредить люди. Таких огромных и высоких деревьев Ричард еще не видывал. Среди них, возле прямого пляжа, виднелось несколько хижин.

Большой голубой флаг с желтым крестом вяло болтался на шесте, установленном неподалеку от прямого пляжа, с которого какие-то люди деловито стаскивали в воду две утлые лодчонки. Шлюпку «Золотой рощи» спустили на воду, и она поплыла к рифу навстречу лодкам; во время прилива вода захлестывала риф, позволяя переплыть через него. Лейтенант Блэкберн решительно заявил, что две большие шлюпки доплывут только до рифа, а оттуда груз из них будут переправлять на берег в лодках.

К кораблю приближалась одна из двух лодок, на корме которой стоял мужчина в темно-синей одежде с белой отделкой и золотым галуном, в пудренном парике, шляпе и со шпагой на боку. Он поднялся на борт и поприветствовал дружеским рукопожатием капитана Шарпа, Блэкберна, Донована и Ливингстона. Это был комендант колонии, лейтенант Филипп Гидли Кинг, которого прежде Ричарду не удавалось рассмотреть. Крепко сложенный, среднего роста, Кинг поражал блестящими глазами орехового оттенка на загорелом лице, которое не было ни привлекательным, ни уродливым. Его резко очерченные губы постоянно растягивались в улыбке, над ними нависал крупный, но не крючковатый нос.

Покончив с любезностями, Кинг повернулся к каторжникам.

— Среди вас есть пыльщики? — спросил он.

Ричард и Билл Блэколл нехотя подняли руки.

Лицо Кинга омрачилось.

— И это все? — Он прошелся вдоль шеренги и остановился перед солидным и крепким Гарри Хамфрисом. — Шаг вперед, — велел он и продолжил осмотр, пока не увидел еще одного крепко сложенного парня — Уилла Марринера. — И ты тоже.

Теперь их стало четверо.

— Кто-нибудь из вас умеет держать в руках пилу?

Ответом ему было молчание. Подавив вздох, Ричард, по обыкновению, решил ответить, чтобы избавить всех товарищей от гнева начальника, раздосадованного молчанием.

— Никто, сэр, — объяснил он. — Мы с Блэколлом умеем пилить, но ни один из нас не работал пильщиком. — Он указал на Блэколла. — Я — точильщик.

— И еще оружейник, — вмешался Донован.

— Вот как? Работы для оружейника у меня нет, зато точильщик придется кстати. Как вас зовут?

Выбранные каторжники назвали свои имена и номера.

— Номера не нужны там, где мало народу, — заявил Кинг. — Морган и Блэколл, вы возглавите отряд пильщиков — отправляйтесь на берег вместе с Хамфрисом и Марринером. И приступайте к работе, не сидите сложа руки. До отплытия «Золотой рощи» мы должны загрузить ее трюмы досками для Порт-Джексона, а мой единственный опытный пильщик утонул. Пилы здесь почти так же тупы, как шотландцы, так что начинай точить их немедленно, Морган. У тебя есть инструменты? У нас только два напильника.

— Инструментов у меня хватает, сэр, — откликнулся Ричард и приступил к нелегкому делу, тонкости которого он изучил опытным путем: попросил дать ему помощника, пока начальник не назначил его сам, выбрав самого неподходящего и не заслуживающего доверия. — Сэр, можно мне взять с собой Джозефа Лонга? Я знаю его, мы с ним сработаемся. Правда, он слаб здоровьем и умом, но расторопен и покладист.

Комендант острова Норфолк перевел взгляд на Джо и Макгрегора, которого тот держал на руках.

— О, какой красавец! — просиял Кинг. — Это кобелек, Лонг?

Джо молча кивнул, ошарашенный необычным тоном начальника. Обычно к нему обращались тоном приказа, рявкали и покрикивали, но так просто и сердечно с ним заговорили впервые.

— Прекрасно! У нас тут всего один пес — спаниель, сучка. Он ловит крыс? Ловит, да?

Джо снова кивнул.

— Какая удача! Дельфиния тоже ловит крыс, значит, у нас будут щенки-крысоловы, а они придутся кстати! — Только тут Кинг заметил, что все пятеро выбранных каторжников стоят столбом, не сводя с него глаз. — А вы чего ждете? Живо спускайтесь в лодку!

— Я сразу понял, что этот парень не в своем уме, — пробормотал Билл Блэколл, когда лодка поплыла прочь от корабля.

— Ну что ж... — начал Ричард, чувствуя себя неловко в присутствии двух незнакомых гребцов, — не следует забывать, что здесь немногочисленно. Должно быть, комендант и его подчиненные уже привыкли друг к другу и обходятся без церемоний.

— Это точно, но мы рады новым лицам, — согласился один из гребцов, мужчина лет пятидесяти, говорящий с девонским акцентом. — Я — Джон Мортимер с «Шарлотты», — он кивнул в сторону второго гребца, — а это мой сын Ной.

Между этими двумя мужчинами не замечалось ни малейшего сходства. Джон Мортимер был рослым, светловолосым, покладистым на вид мужчиной, а Ной Мортимер — невысоким, смуглым и самоуверенным, если только первое впечатление не обмануло Ричарда. Младший Мортимер явно предпочитал жить своим умом.

Лодка, похожая на шотландские рыболовные плоскодонные суденышки, легко проскользнула над рифом, не задев его дном, и переплыла через лагуну к прямому пляжу, где ждали выжившие на острове колонисты — шесть женщин и пятеро мужчин. Самая старшая из женщин была на сносях, среди мужчин оказались и совсем юные, и седые старики.

— Натаниель Лукас, плотник, — представился тридцатилетний каторжник, — а это моя жена Оливия.

Супруги казались умными и привлекательными людьми.

— Эдди Гарт и моя жена Сюзан, — сообщил второй.

— Я — Энн Иннет, экономка лейтенанта Кинга, — объяснила самая старшая женщина, оберегающим жестом поддерживая обеими руками огромный живот.

— Элизабет Колли, экономка врача Джеймисона.

— Элиза Хипсли. Я работаю на огороде, — произнесла рослая статная девушка, обнимающая за плечи ровесницу. — А это моя лучшая подруга Лиз Ли. Мы работаем вместе.

«Отлично, — думал Ричард. — Теперь я знаю, что у них на уме. Элиза Хипсли перепугана прибытием новых мужчин, а это означает, что она не уверена в намерениях Лиз Ли. Лен Дайер, Том Джонс и остальные вряд ли

останутся равнодушными к этой парочке». И Ричард улыбнулся девушкам так, чтобы они сразу почувствовали в нем союзника. Имена путались у него в голове. Теперь на острове Норфолк было семнадцать женщин, причем пять из них звали Элизабет, трех — Энн и двух — Мэри.

Подобно остальным мужчинам, единственный пехотинец не удосужился представиться.

— Лейтенант Кинг приказал нам сразу браться за работу, — сообщил ему Ричард. — Вы не покажете, где здесь лесопилка?

Резиденция лейтенанта Кинга, превосходящая размерами остальные хижины, располагалась на холме сразу за шестом с висящим на нем желто-голубым флагом. Рядом с домом на втором шесте повис еще один флаг королевства. Судя по размерам, дом коменданта состоял из трех небольших комнат и чердака, а в пристройке размещалась кухня. В колонии также имелись общая печь и кухня, кузница и несколько складов площадью десять на восемь футов каждый. На соседнем холме виднелись грядки, к которым и поспешили все женщины, в том числе Энн Иннет. Между двумя холмами среди сосен ютилось четырнадцать дощатых хибар с крышами из шероховатой плотной коры какого-то растения. В стенах, обращенных к океану, не было ни окон, ни дверей.

Лесопилка располагалась у самого пляжа, в конце просеки между соснами. Вдоль тропы громоздились десятки двенадцатифутовых бревен, самые тонкие из которых имели диаметр не менее пяти футов. Ричарду не терпелось осмотреть эти гигантские деревья, которые ему предстояло распилить на бруссы и доски, но он не осмелился: приказ Кинга был недвусмысленным, а пехотинец, который нехотя признался, что его фамилия Херитейдж, явно не привык к неподчинению.

Каким-то образом Ричарду и его неопытному отряду предстояло напилить столько досок, чтобы заполнить трюмы «Золотой рощи», притом за каких-нибудь десять — четырнадцать дней. Два небольших бревна для мачт и рей уже были готовы и лежали в сторонке, рядом со штабелем досок. Вероятно, они предназначались для одного из кораблей, оставшихся в Порт-Джексоне.

Сама мастерская представляла собой дощатый сарай без крыши шириной восемь футов и длиной пятнадцать. Два квадратных бруса лежали поперек мастерской, над ямой, на расстоянии пяти футов друг от друга, концы брусьев опирались на щебеночные насыпи. Ошкуренное бревно уже лежало поперек одного из брусьев, упираясь одним концом в дно ямы, и было закреплено клиньями, но в мастерской Ричард не увидел ни души. Пять маховых пил длиной от восьми до четырнадцати футов лежали на дне

ямы между брусьями, прикрытые старой парусиной.

К Ричарду подошел Натаниель Лукас.

— Здешний воздух вреден для железных и стальных инструментов, — объяснил он, спрыгивая вместе с Ричардом в яму. — Мы не успеваем счищать с них ржавчину.

— Они совсем затупились, — заметил Ричард, проводя подушечкой большого пальца по искривленному зубцу одной из пил. Он поморщился. — Похоже, тот, кто точил эту пилу, думал, что фаски всех зубьев должны быть обращены в одну сторону, а не в противоположные. Черт! Понадобится несколько часов, чтобы выправить эту пилу, не говоря уже о том, чтобы наточить ее. Здесь есть кто-нибудь, кто мог бы научить Блэколла, Хамфриса и Марринера пилить бревна?

— Я могу, — пообещал Лукас, который был довольно худым и невысоким, — но сил у меня маловато. Я понимаю, о чем ты говоришь: тебе придется в первую очередь заняться затачиванием пил.

Ричард нашел среди пил десятифутовую с довольно острыми зубьями.

— Вот эта лучшая из худших... Как тебя обычно зовут — Нат или Натаниель?

— Нат. А тебя Ричард или Дик?

— Ричард. — Он посмотрел на солнце. — Кроме того, понадобится как можно быстрее соорудить навес над ямой. Тут солнце палит сильнее, чем в Порт-Джексоне.

— Еще бы! Ведь остров находится на четыре градуса севернее.

— Но с навесом придется подождать до отплытия «Золотой рощи». — Ричард вздохнул. — Значит, понадобятся шляпы и запас питьевой воды. Куда можно сложить наши вещи? Джо займется ими, а я сразу примусь за работу. — И он присел на дно ямы, стараясь держаться в тени, скрестил ноги и положил на колени двенадцатифутовую пилу. — Джо, принеси мой ящик с инструментами, а остальные вещи сложи там, где покажет Нат. Блэколл, Хамфрис и Марринер, унесите свои вещи и сразу возвращайтесь сюда.

«Значит, я опять стал вожаком людей, которым следует постоянно отдавать приказы и распоряжения...»

По-видимому, чаще всего здесь пользовались двенадцатифутовой пилой — глядя на бревно, диаметр которого превышал пять футов, Ричард понял почему. Разобрав пилы, он нашел две двенадцатифутовые, одну — длиной четырнадцать футов, еще одну — десять и одну — восемь футов. В другой куче под старой парусиной лежала дюжина ручных, безнадежно тупых пил.

Ричард обмотал правую руку тряпками и нашел в ящике крупнозернистый плоский напильник, ширина которого превышала ширину зубьев. Приложив его к металлу под небольшим углом, необходимым для стачивания фаски, он принялся водить напильником по направлению к краю зуба. После грубой обработки первого ряда зубьев он завершил ее мелким напильником, а потом переместил пилу на коленях, переходя к следующему ряду зубьев. Покончив с зубьями, он начал счищать с пилы ржавчину.

Немного погодя над его головой послышался голос Ната Лукаса, объясняющего, как следует пилить деревья, Биллу Блэколлу, поставленному возле вершины ствола, и Уилли Марринеру, который стоял у комля.

— Все зубья отогнуты в разные стороны, — говорил Нат, — поэтому разрез получается довольно широким, и полотно пилы свободно проходит в нем. Будь все зубья отогнуты в одну сторону, пила стала бы еще шире и застревала бы в древесине. Со временем вы научитесь пилить на глазок, но для начала я дам вам мерку. С норфолкских сосен приходится снимать кору, так как в смолистой коре пила застревает. В первую очередь вы сделаете пропил в бревне с одной стороны, затем — с другой. Так, чередуя стороны, вы будете продвигаться вглубь, отпиливая доски толщиной в дюйм, пока не дойдете до сердцевины бревна, от которой отпилите сначала доски шириной два дюйма, затем — четыре и, наконец, шесть дюймов. Пила режет дерево только при движении вверх, при махе, поэтому все зависит от того, кто стоит сверху. Поскольку ему приходится нагибаться и тянуть пилу вверх на высоту почти двух футов, это трудная работа. С другой стороны, на человека, стоящего внизу, сыплются опилки. Он тянет пилу вниз от уровня груди до чресел или еще ниже, если сверху стоит достаточно крепкий человек, чтобы поднять пилу на все три фута.

Марринер прыгнул в яму с той стороны, где лежал комель бревна, и метнул недовольный взгляд в сторону Ричарда.

А Нат Лукас продолжал объяснять Биллу Блэколлу:

— Надо научиться правильно стоять. Советую тебе снять обувь. Если ты ненароком подставишь ногу под лезвие пилы, она рассечет башмак, как масло, поэтому обувь тебя не защитит. Поставь ступни по обе стороны пилы — так легче удержать равновесие, прочно упрись ногами в землю. А теперь обеими руками тащи пилу вверх. Продольная пила предназначена для распиливания стволов вдоль волокон — это не так трудно, как пилить их поперек волокон. Никто в Лондоне не подумал о том, чтобы снабдить нас большими двуручными поперечными пилами, и нам приходится

сначала орудовать топорами, потом продольными пилами, чтобы распиливать бревна на двенадцатифутовые брусья, а это тяжелая работа.

— Вы сможете обойтись без восьмифутовой пилы? — спросил Ричард из ямы.

— Да, если понадобится. А в чем дело, Ричард?

— У меня есть инструменты, чтобы переделать продольную пилу в поперечную. Правда, это займет немало времени.

— Тебя послал нам Бог, — убежденно отозвался плотник и продолжал, обращаясь к Биллу Блэколлу: — Пилить деревья — работа для человека, умеющего думать. Зная, как это делается, ты со временем научишься извлекать как можно больше пользы из каждого движения, тратя меньше усилий. Предупреждаю: тебе понадобятся все силы, первые несколько дней будут особенно трудными.

— А что будет, когда я доберусь до бруса, поддерживающего бревно? — спросил Блэколл.

— Тебе помогут передвинуть бревно, что довольно просто, если вынуть клинья. Затем мы вновь закрепим его клиньями, чтобы при работе бревно не сдвигалось. А когда будет распилено почти все бревно, ты расколешь остаток стальным клином и молотком, и он получится прямым.

Нат Лукас — неплохой человек, решил Ричард, терпеливо орудуя напильником.

Сам Лукас с помощью ручной пилы распиливал горбыли толщиной в дюйм на доски шириной десять дюймов и обрезал закругленные края. Его козлы стояли в тени сосны на краю поляны. Лукас не только выполнял свою работу, но и присматривал за учениками, в том числе за десятком мужчин с «Золотой рощи». Лейтенант Кинг приказал всем прибывшим замяться древесиной, пока трюмы корабля не будут заполнены, поэтому на ближайшие две недели лесопилка стала местом бурной деятельности.

На протяжении этих четырнадцати дней Ричард не видел ничего, кроме пил, напильников и засыпанной опилками фигуры пыльщика, стоящего на дне ямы. Поначалу Ричард думал, что вскоре ему самому придется взяться за распилку, но работа шла с такой скоростью, что ему постоянно приходилось точить то ручные, то продольные пилы. Работая, он гадал, сколько продержатся эти пилы, пока не прибудут новые из Англии. При каждом затачивании зубья пил уменьшались в размерах.

В первый день Ричард проработал дотемна. Джо пришел за ним, чтобы показать, где взять еду. Все колонисты ужинали у большого костра из сосновых веток. Едва солнце закатилось за горизонт, на острове стало холоднее, чем в Порт-Джексоне по ночам. Каторжники получили солонину,

почти свежий хлеб — всего-навсего недельной давности (на острове Норфолк не было черствого хлеба или галет, только мука) и — о чудо из чудес! — зеленые бобы и латук. Ричард жадно набросился на еду, заметив, что порции хлеба и солонины здесь больше, чем те, что он получал в Порт-Джексоне.

— Наш комендант — справедливый и честный человек, — объяснил Эдди Гарт, — поэтому мы получаем паек целиком. А в Порт-Джексоне пехотинцы объедают каторжников. Так было и на «Скарборо».

— И на «Александере». — Ричард облегченно вздохнул. — Но я слышал, что тут совсем нет овощей, что гусеницы и жуки съедают все молодые листья и побеги.

Гарт сидел, обнимая за талию свою жену, она нежно прижималась к нему.

— Это верно, гусеницы пожирают молодую поросль, но не все. Комендант приказал женщинам целыми днями собирать гусениц и слизней. Он сам травит крыс, разбивая бутылки от портвейна и подмешивая битое стекло в овес. Такая отравка годится и для попугаев. — Он провел пальцем под носом и усмехнулся. — Мистер Кинг обожает портвейн. Выпивает по несколько бутылок в день, так что битого стекла нам хватает с избытком. А гусеницы то появляются, то исчезают. Нашествие продолжается от месяца до шести недель, а потом наступает передышка. Здесь есть два вида вредных насекомых: одни любят сырость, а другие — засуху. Поэтому как только наступает благоприятная погода, на огороде появляются гусеницы. Отвратительные твари. — Он прокашлялся и осторожно спросил: — У тебя, случайно, нет каких-нибудь книг?

— Есть, и я охотно дам их тебе почитать — при условии, что ты будешь обращаться с ними бережно и возвращать мне, — ответил Ричард. — Хотел бы я знать, как воспримет мой желудок зелень после столь долгого перерыва? Где здесь уборные?

— Довольно далеко, так что не терпи до последнего. Мистер Кинг распорядился построить уборные подальше от поселка, чтобы нечистоты не загрязняли подземные воды. Питьевую воду мы берем вон в той долине, она превосходна. Никому не разрешают стирать одежду в ручье выше того места, где мы берем воду, а тех, кто помочится в ручей, ждет наказание — дюжина плетей.

— Кому придет в голову мочиться в ручей? Тут полным-полно деревьев.

Джо Лонг, который поужинал раньше, чтобы успеть познакомиться Макгрегора с Дельфинией, показал Ричарду, где находятся уборные, а

потом повел его к дому, освещая путь зажженной сосновой веткой. Смолистое дерево отлично горело.

Войдя в дом, Ричард застыл в изумлении.

— Здесь будем жить только мы с тобой, — горделиво сообщил Джо. — Видишь, здесь целых два окна, которые можно закрыть ставнями и запереть на засовы. Но нам придется запира́ть их только в грозу — Нат говорит, что дождь редко налетает с востока или с запада, чаще всего с севера.

Пол был усыпан каким-то необычным материалом, похожим на мелкие сучки или листья, а точнее — чешуйчатые хвосты длиной двенадцать — пятнадцать дюймов, твердые, но пружинящие под ногами. Под этим странным материалом лежал слой песка, которым был присыпан каменный фундамент. Возле глухой стены, обращенной к лагуне, стояли две низкие деревянные двуспальные кровати с толстыми матрасами и пышными подушками.

— Двуспальная кровать для каждого? — Ричард приподнял матрас и обнаружил, что он лежит на веревочной сетке, а потом понял, что и матрас, и подушка набиты перьями. — Перья! — воскликнул он и рассмеялся. — Наверное, я умер и очутился на небесах.

— Это дом пыльщика, — объяснил Джо, довольный тем, что может блеснуть познаниями. — Пыльщик был моряком с «Сириуса» и жил здесь вместе с помощником, еще одним матросом с того же судна. Оба утонули вместе возле рифа — Нат сказал, это случилось почти три месяца назад. Поскольку они были свободными людьми, то им разрешили отправиться на островок за птицами, перьями которых они набили матрасы и подушки. Нат говорит, что понадобилось убить тысячу птиц, чтобы набить один матрас и две подушки. Теперь этот дом и постели достались нам. — Он вдруг приуныл. — Но Нат сказал, что нам придется отдать постели мистеру Доновану и мистеру Ливингстону, когда для них достроят дом. Это будет только после того, как уплывет «Золотая роща». А пока они оба поживут вместе с мистером Кингом. Дом мистера Кинга невелик, всего десять футов на восемь, а дом мистера Донована будет больше — десять на пятнадцать футов. Раньше Нат был старшим плотником, но поскольку он каторжник, теперь старшим назначен мистер Ливингстон.

— Мне хватило бы и одной ночи, проведенной на таком матрасе и подушке, — откликнулся Ричард. — Я намерен насладиться ими, но сначала схожу на берег и смою пот. Пойдем со мной, Джо.

Но Джо отказался наотрез: его ужасала мысль о том, что придется хотя бы по колено войти в воду, кишашую невидимыми чудовищами, готовыми

сожрать его и Макгрегора. Ричард ушел на берег один.

Небо было безоблачным, звезды — громадными. Оставив одежду на песке, Ричард вошел в прохладную воду и застыл как замороженный: поднятые им волны поблескивали и мерцали, и ему казалось, что он купается в жидком серебре. Удивительное море! Сколько чудес оно таит? Ричард не знал, почему светится вода, поэтому ему осталось только радоваться купанию, наблюдать, как вода скатывается с рук сверкающими струйками, а с волос срываются радужные капли. Какая красота! Он ощущал прилив сил, словно это живое море вливалось в его тело естественную и магическую энергию.

Повернувшись, чтобы выйти на берег, Ричард вдруг обнаружил, что первое впечатление от острова было обманчивым: он оказался совсем не плоским, сразу за пляжами начинались холмы, на фоне звездного неба виднелись их очертания и контуры высоких сосен. Остров изобилдовал деревьями.

Ричард вытерся, стряхнул с босых ступней прилипший песок и вернулся домой, где сразу разлегся на мягкой постели. Ложе оказалось настолько удобным, что он несколько часов пролежал без сна. Воздух был тихим, в тишине лишь изредка слышались шорохи, вскрики морских птиц, легкий плеск волн, накатывающихся на риф. Ни Джо, ни Макгрегор не храпели. Последние четыре года, с тех пор как Ричард попал в бристольский Ньюгейт, он неизменно засыпал под разноголосый храп. Даже когда он лежал в своей комнате рядом с Лиззи Лок, храп товарищей отчетливо доносился до него через тонкую стенку из веток. Но сегодня он слышал лишь тишину и от наслаждения никак не мог уснуть.

Один из каторжников, прибывших на остров вместе с Кингом, Нед Уэстлейк, пилил деревья вместе с утонувшим Уэстбруком, поэтому теперь образовались две бригады пильщиков: Блэколл с Марринером и Уэстлейк с Хамфрисом. Уэстлейк сообщил, что еще никому не удавалось побить рекорд островитян — восемьсот девяносто восемь футов древесины,^[17] распиленной за пять дней, причем только одной бригадой. Хотя Ричард не был свободным колонистом, его считали старшим пильщиком — главным образом потому, что он поселился в доме погибшего пильщика. Первое распоряжение Ричарда не прибавило ему популярности, но было исполнено: он запретил бригадам чередовать работу по дням.

— Если вы проработаете целый день, ваши мышцы этого не выдержат, — заявил Ричард. — . Билл Блэколл и Уилл Марринер будут работать с утра, а Нед Уэстлейк и Гарри Хамфрис — с полудня до вечера. При этом каждый из вас будет занят на лесопилке по пять часов в день. Все

вы по очереди начнете точить пилы вместе со мной. Каждому из вас представится случай и поработать пилой, и заточить ее. В свободное время вы будете помогать Джо ошкуривать бревна. Чем лучше и быстрее мы будем трудиться, тем больших привилегий добьемся. Владеть каким-нибудь ремеслом гораздо полезнее, чем уметь выполнять только простую и грязную работу. Если я правильно понял лейтенанта Кинга, в свободные дни вам разрешат напилить досок для строительства собственных домов. Считайте, что вам несказанно повезло! У вас появятся свои стены и крыша над головой.

На исходе третьего дня темп работы усилился, за первую неделю обеим бригадам удалось распилить пятьсот футов за один день. К концу второй недели производительность лесопилки возросла до семисот пятидесяти футов. Джо Лонг усердно счищал с деревьев кору.

— Вы неплохо потрудились, — радостно заявил лейтенант Кинг пильщикам после того, как двадцать восьмого числа «Золотая роща» уплыла. — А теперь примемся за строительство домов: мне сообщили, что скоро сюда привезут новую партию каторжников. Сейчас нас шестьдесят, а через год будет уже двести. Его превосходительство губернатор решил, что колонии на Норфолке и в Порт-Джексоне должны быть одинаковыми по размеру.

Кинг прошелся по мастерской мимо ям, затем вернулся к шестерым работникам.

— Вы заслужили отдых. Здесь, на Норфолке, мы работаем с понедельника по пятницу на правительство, по субботам — на себя, а по воскресеньям отдыхаем — разумеется, после церковной службы, которая тут обязательна для всех, ясно? Пока грузилась «Золотая роща», вы работали на правительство две субботы и два воскресенья. Хотя сегодня вторник, никто не будет работать до следующего понедельника. В свободное время советую вам напилить досок для строительства собственных домов — их следует ставить в одном ряду с остальными, дальше к востоку.

На участках земли, начинающихся за домами и заканчивающихся у самого болота, можете разбить огороды и выращивать овощи для себя. Здесь чудесно растет кресс-салат, к тому же черви и гусеницы не едят его. Так что выращивайте кресс-салат, а также все остальное — по вашему усмотрению.

Его взгляд остановился на Ричарде, старшем пильщике, но не свободном человеке.

— Морган, мне необходим отчет. Будь любезен следовать за мной.

Его манеры безукоризненны, думал Ричард, шагая рядом с комендантом по тропе, ведущей от лесопилки к дому губернатора и складам. Возле одного из складов стояли рыбацья лодка и второе суденышко, поменьше, собранное из обломков старой лодки, при крушении которой утонули четверо мужчин. Уилли Дринг, Джо Робинсон, Недди Смит и Том Уотсон, четверо молодых, крепких, холостых и влюбленных в море мужчин, ловили рыбу с этих лодок.

— Я обнаружил, что мой дом стоит на более мягкой почве, чем все остальные, поэтому я решил вырыть под полом сухой погреб. То же самое предстоит сделать в бывшем доме врача Джеймисона, которого я переселил в долину, а в его жилище устроил склад. Все дома приходится располагать между скалами у прямого пляжа и болотом — только здесь мы в состоянии вбить в землю сваи, — объяснял лейтенант Кинг, ведя собеседника мимо собственного дома. — Ты любишь рыбу? — вдруг спросил он, по своему обыкновению, резко меняя тему.

— Да, сэр.

— Я думал, каторжники будут рады для разнообразия отведать свежей рыбы, но большинство остаются недовольными, когда я приказываю выдавать им вместо солонины свежую рыбу или мясо черепах. Ничего не понимаю. — Он пожал плечами. — Если они начнут буянить, я прикажу их выпороть. Но похоже, тебя наказывать не придется.

Ричард усмехнулся:

— Лично я предпочту рыбу кошке-девятихвостке, сэр. С тех пор как я попал на каторгу, меня еще ни разу не подвергали порке.

— Да, я сразу понял это. Ты умеешь распоряжаться и руководить. Ты сообразил, что одной бригады пильщиков будет слишком мало. Как ты думаешь, бревна какого размера удобнее пилить нашими инструментами?

— Диаметром не более шести футов, сэр, — до тех пор, пока у нас не появятся длинные продольные пилы. Будь у нас хоть одна двуручная поперечная пила, работа пошла бы гораздо быстрее, поэтому я решил переделать одну восьмифутовую продольную пилу в поперечную, — рассказывал Ричард, чувствуя себя совершенно непринужденно в обществе лейтенанта.

Кинг отличается от майора Росса, как мел от сыра, однако я сумел поладить и с тем и с другим. Кинг держится покровительственно, воспринимает всех нас, как своих близких, а майору это несвойственно. Зато путешествие на остров Норфолк помогло мне понять, насколько пехотинцы Порт-Джексона урезали наши пайки, чтобы увеличить собственные. И я не могу винить их за это — пехотинцы тоже голодают. Ни

губернатор Филлип, ни майор Росс даже не подозревают, что творится на складах у Ферзера. Вот свидетельство тому, что чем больше правительство, тем хуже оно осведомлено о жизни своих подданных.

Лейтенант Кинг истинный педант, он сам взвешивает порции и сравнивает их вес с эталоном. Нам уже не раз выдавали свежее черепашее мясо и такую вкусную рыбу, какой я еще никогда не пробовал. После первого же такого обеда все мы воспрянули духом — не говоря уже о том, что зелень прибавила нам сил. На острове Норфолк никто не болеет цингой, несмотря на обилие гусениц и крыс. Однако я могу понять, почему некоторые каторжники отказываются есть рыбу, — они не привыкли к ее вкусу и считают, что питаться можно только мясом. Кроме того, соленое мясо нам полезно. По словам кузена Джеймса-аптекаря, чем сильнее человек потеет, тем в большем количестве соли он нуждается.

Да, мне повезло попасть сюда. Здесь живется лучше, чем в Порт-Джексоне, нам незачем опасаться туземцев, уходя в лес. Впрочем, здешние леса настолько густы, что в них не мудрено заблудиться...

— Так что ты хотел сказать мне, Морган? — спросил Кинг, пока они переходили болото по хлипкому мосту на сваях, вбитых в неглубокую трясиину.

— Немного: на лесопилке необходимо устроить навес для защиты пильщиков от солнца и дождя, а если вам понадобятся балки длиннее двенадцати футов, придется вырыть вторую яму, побольше.

— Крышу с лесопилки сорвало и унесло в зимнюю бурю — зимой здесь часто дуют сильные ветры. Обломками досок я приказал укрепить погреб под полом моего дома, но теперь я понимаю, что нам необходима новая крыша, и немедленно. Солнце палит все жарче с каждым днем.

Они сошли с моста и очутились на берегу ручья, который впадал в болотце, а не протекал через него. Кинг повернул налево и направился по тропе, ведущей через извилистую долину, которая в нижней части была шире всех расщелин между прибрежными холмами. У подножий этих холмов раскинулся поселок, который Кинг назвал Сидней-Тауном.

— А как насчет пил? — спросил Кинг.

— Пока я успеваю их точить, — просто ответил Ричард.

— Хмм-м... Хорошо, что майор Росс прислал сюда тебя, а не опытного пильщика. Здесь никто не имеет понятия, как следует точить пилы. Отрадно знать, что ты сможешь переделать восьмифутовую пилу в поперечную. Значит, понадобится пополнить запас бревен — я заметил, что он уже на исходе.

Он остановился возле того места, где долина огибала расселину,

которая тянулась с севера на юг.

— Это место я назвал долиной Артура — в честь его превосходительства губернатора. А большой остров к югу отсюда получил название острова Филлипа. Постепенно мы пересаживаем растения из Сидней-Тауна сюда, потому что долина лучше защищена от южных и западных ветров, и, надеюсь, от восточного ветра тоже. Вон тот холм на юге, между долиной Артура и морем, называется горой Георга; мы расчищаем поле у подножия холма, чтобы выращивать там пшеницу, которую пока посеяли только на северных холмах. У нас уже выросли пшеница и кукуруза, а там, чуть дальше, растёт ячмень. Поблизости предстоит построить новую лесопилку. Нынешняя находится очень далеко отсюда, однако к ней по-прежнему будут свозить двенадцатифутовые бревна с холмов и из окрестностей Сидней-Тауна.

Они обогнули расселину и двинулись на запад; долина имела сильный уклон, не менее двадцати футов, по ней протекал ручей, образующий небольшой водопад. Комендант указал на него.

— Здесь я хочу построить запруду, Морган. Берега ручья довольно пологи, чтобы устроить пруд для орошения огородов и садов, которые разобьём ниже по течению. Надеюсь, когда-нибудь возле запруды будет установлено водяное колесо и выстроена мельница. А пока мы мелем зерно ручными жерновами. Но настоящий мельничный жернов ждёт дня, когда мы пустим его в ход. Будь у нас волы или мулы, мы могли бы воспользоваться им уже сейчас. Жернов могли бы вращать и мужчины, по их здесь слишком мало. Остается лишь набраться терпения и ждать. — Он развел руками. — Как видишь, амбар уже почти достроен, а на южном берегу ручья я намерен выстроить второй амбар, побольше, и скотный двор. Солёный ветер с моря — наша беда, Морган. Он губит все живое, за исключением сосен, льна да местных деревьев. Кстати, я нашёл лен: болваны из Порт-Джексона не сумели описать, как выглядит это растение, только и всего. Он даёт превосходное волокно, но ткать из него парусину мы ещё не пробовали. — Он снова довольно засмеялся и вернулся к разговору о долине Артура: — Так вот, о солёных ветрах. Мы нашли более подходящее место для овощей, чем холм, обращённый к острову Филлипа. Я попытался защищать растения ширмами, но они оказались бесполезными. Значит, огород придётся переносить в долину.

И Кинг вдруг ушёл — вероятно, вспомнив о каком-то неотложном деле. Ричард остался один посреди долины Артура.

Погода переменилась, небо грозило дождем. Несмотря на желание прогуляться по долине и осмотреть ее, Ричард рассудил, что будет

благоразумнее вернуться в Сидней-Таун. И действительно, едва он вошел в дом, как небеса разверзлись, хлынул дождь. Джо прибежал с огорода, преследуемый по пятам Макгрегором. Ричард впервые задумался о том, как он будет работать в дождливые дни до тех пор, пока на лесопилке не появится навес или крыша. Прежде в свободное время он был бы рад почитать, но теперь, когда его перестал мучить голод, накопившуюся энергию надо было куда-то девать. Дождь оказался теплым. Ричард покинул дом, оставив довольного Джо лежать на кровати в обнимку с псом и что-то напевать себе под нос.

Ричард шел по тропе, не сняв башмаков: его предупредили, что здешние камни острые как бритва и больно ранят ноги. Полукруглый Черепаший залив смотрелся в дождь не менее соблазнительно, чем в солнечные дни: песок на берегу был чистейшим, вода — прозрачной, к самому берегу подступали величавые сосны. Ставив мокрую одежду, Ричард бросился в воду и обнаружил, что в дождь она становится теплее, чем в солнечные дни. Наплававшись, он надел парусиновые штаны и башмаки, набросил на плечи рубашку и отправился на поиски укромного местечка, откуда он мог бы полюбоваться морем.

Стивену Доновану в голову пришла та же самая мысль, и Ричард нашел его на каменистом холме Пойнт-Хантер, где росло несколько сосен. Стивен смотрел вдаль, на риф и холм Пойнт-Росс на западе.

— Ты когда-нибудь видел такую красоту? — спросил Стивен.

Ричард свернул рубашку и сел на нее, обхватив руками колени. Дождь утих, подул южный ветер. У самого рифа бились приливные волны, закручиваясь в виде длинных конфет в атласной обертке, прежде чем разбиться, превратившись в облако белой пены. Ветер, порывами дующий в противоположном направлении, подхватывал клочья пены и рассеивал ее по воде белыми лентами и плюмажами.

— Нет, никогда, — откликнулся Ричард.

— Я все жду, когда из пены появится Афродита.

Небо на юге и западе посветлело, заходящее солнце позолотило облака, но вскоре снова начался тихий дождь.

— Это место заворожило меня, — признался Стивен со вздохом.

— А я целыми днями сижу на дне ямы с пилой на коленях, — ворчливо отозвался Ричард. — Как вам здесь живется?

— В роли надзирателя?

— Да.

— Эта работа мне не по душе. Ты помнишь Лена Дайера?

— Разве можно забыть такого мерзавца?

— Три дня назад он известил меня, что не собирается выполнять приказы какого-то петуха и убьет меня первым, как только поднимет бунт на острове. А следующим будет мой любовник, белокурый красавчик Ливингстон. Похоже, ему нравится слово «петух» — он употребляет его чаще, чем «мисс Молли».

— Это жаргон лондонских тюрем, — пояснил Ричард. Донован смотрел на него в упор. — Что же было дальше, мистер Донован?

— Почему ты перестал звать меня Стивеном? Теперь меня так зовет только Джонни. — Он съежился и втянул голову в плечи. — Я приказал дать ему сорок восемь плетей и поручил это дело рядовому Херитейджу. К счастью, Дайер еще не успел подружиться с ним, поэтому пехотинец не стал проявлять сочувствие. Фрэнсис, Пек, Пикетт и некоторые другие возмущались, пока не увидели, во что превратилась спина Дайера. — Наконец Донован отвел взгляд. Лицо Ричарда закаменело. — Надеюсь, теперь они убедились, что мужчина, предпочитающий себе подобных, вовсе не тряпка и не размазня. Я пятнадцать лет провел в море, я завоевал уважение и потому не собираюсь подставлять щеку таким подонкам, как Лен Дайер. И он понял это.

— На вашем месте я был бы начеку, — заметил Ричард. — Судя по тому, что я повидал во время плавания на «Золотой роще», вам грозит опасность. Какая именно, я не знаю. При мне эта шайка умолкает — они еще помнят, как я разделался с ними. Возможно, Дайер пригрозил вам только для того, чтобы проверить, на что вы способны. Если я не ошибся, то теперь вы в его глазах не просто какой-то... — Ричард усмехнулся, — ... петух. И все-таки будьте осторожны.

Стивен поднялся.

— Пора ужинать, — сказал он и протянул Ричарду руку. — Если ты узнаешь что-нибудь новое, сообщи мне.

На следующее утро плотники занялись сооружением навеса над лесопилкой. Доев остатки хлеба с пригоршней листьев кресс-салата, Ричард отправился в долину Артура, шагая по северному берегу ручья. Вблизи того места, где лейтенант Кинг намеревался построить большой амбар, отряд каторжников уже начал копать яму для лесопилки, в которой могли бы разместиться тридцатифутовые бревна. Все бунтари были заняты работой, кроме временно нетрудоспособного Дайера. Стивен вместе с двумя новыми пехотинцами приглядывал за ними с «Золотой рощи». Увидев это, Ричард удовлетворенно улыбнулся.

«Не только Стивен мечтает о том, чтобы я звал его по имени, — я был бы рад обращаться к нему, как к равному, — думал Ричард, издали»

помахав Доновану рукой. — Но я преступник, а он — свободный человек. Панибратство между нами неуместно».

И он двинулся на север, к тому месту на склоне, где Кинг решил возвести запруду. Осмотревшись, Ричард понял, почему лейтенант выбрал именно это место: здесь берега ручья были особенно пологими, их окружала низменность, а дальше долина вновь расширялась.

Чуть поодаль начинался лес, деревья карабкались по подножиям холмов — таких же крутых, как холмы за Сидней-Тауном. Увидев бананы, Ричард сразу узнал их по рисункам в книгах и изумился их высоте и крепости. Неужели они так выросли за каких-нибудь восемь месяцев? Нет, это невозможно. Кинг прибыл в долину недавно, значит, эти бананы давно растут на острове Норфолк. Это дерево Ричард счел Божьим даром: на нем уже образовались длинные грозди мелких зеленых плодов — значит, через несколько месяцев колонистам удастся попробовать новый и сытный фрукт.

Долина вновь сузилась, просека вдруг оборвалась, но тропа продолжала бежать в глубь леса по берегу ручья. Тут глубина ручья достигала нескольких футов, а вода в нем была такой чистой, что Ричард отчетливо разглядел в ней крохотных, почти прозрачных креветок. За ужином у костра островитяне говорили о больших угрях, но их Ричард еще не видел.

Ярко-зеленые попугаи порхали над головой, незнакомая птица с веерообразным хвостом чуть не задела Ричарда крылом, словно пытаясь предупредить его о чем-то. Она сопровождала его еще сотню ярдов, по-прежнему пытаясь подлететь поближе. Ричард заметил в траве перепелку, а потом увидел самого прекрасного голубя в мире — нежно-розового с радужным изумрудным отливом. Голубь казался ручным: он спокойно разглядывал чужака, продолжая ворковать и наклоняя головку набок. На острове водилось множество птиц, одна из них напоминала черного дрозда, но ее голова была серой. В воздухе звенели птичьи песни, каких Ричард не слышал даже в Порт-Джеконе. Голоса почти всех птиц звучали мелодично, только попугаи издавали пронзительные, резкие крики.

За все время пребывания на острове Ричарду так и не удалось как следует разглядеть норфолкские сосны по одной простой причине: отдельно стоящих деревьев поблизости от лагеря не было, Кинг предпочитал вырубать все попадающиеся на его пути деревья, не оставляя ни единого. Ричард уже понял, что пол в его доме устлан сосновыми ветками с длинной хвоей. Тропа вела мимо леса — такого густого, что Ричард не рискнул углубиться в него, хотя этот лес ничем не напоминал джунгли, о которых он читал в книгах. Мощные сосны, растущие почти

вплотную друг к другу, затеняли мелкие растения, почти полностью вытесняя их; диаметр стволов сосен превышал пятнадцать футов, среди них лишь изредка попадались тонкие молодые деревца. Шероховатая бурая кора сосен имела лиловый оттенок, ветки росли на неимоверной высоте. Кое-где виднелись лиственные деревья, а остальное пространство занимали ползучие лианы, подобных которым Ричард еще не видывал. Их стебли толщиной в человеческое бедро изгибались, перекручивались, сплетались между собой, стремились вверх, образуя узловатые наросты, беспорядочно путались с более тонкими молодыми стеблями. Если на пути лиан попадалось слабое дерево, они оплетали его, заставляли беспомощно сгибаться в сторону, принуждали расти вверх на расстоянии нескольких футов от того места, где находился корень.

Долина продолжала шириться. На пути Ричарда попало еще несколько бананов с гроздьями зеленых плодов, а также одно удивительное дерево, растущее на берегах ручья. Его ствол был округлым, как у пальмы, ветки такими же прямыми, но ствол усеивали шишковатые наросты, а крона напоминала гигантский папоротник. Папоротник высотой в сорок футов!

Ричард то и дело замечал новые разновидности птиц, среди которых ему попались два зимородка: один бурый, а второй — радужный синевато-зеленый, оттенка воды в лагуне. Но самая загадочная птица, которую Ричард увидел, только когда она пошевелилась, казалась продолжением обросшего мохом пня, на котором она восседала. Превращение было внезапным и пугающим, Ричард невольно вздрогнул. Его новым знакомым был огромный попугай.

— Привет! — воскликнул Ричард. — Ну, как поживаешь?

Попугай склонил голову набок и уставился на непрошеного гостя. Ричарду хватило ума не протягивать к нему руку: громадный, изогнутый черный клюв был достаточно мощным, чтобы отхватить ему палец. Присмотревшись и решив, что незнакомец недостоин внимания, попугай взмахнул крыльями и скрылся в зарослях широколистных кустов на берегу ручья.

На обратном пути Ричард увидел куст, который мог бы соперничать с лесными титанами: его ствол был гладким и розовым, а ветки усыпаны не только листьями, но и ярко-красными ягодами размером с мелкую сливу. Ричард застыл в замешательстве. За несколько недель до смерти незадачливый пыльщик Уэстбрук попробовал местный фрукт и чуть не умер. Ричард сорвал одну ягоду и обнаружил, что она твердая и неподатливая: очевидно, плод еще не созрел. «Я попробую его потом, —

решил Ричард. — От одной ягодки вреда не будет».

Солнце уже клонилось к западу, когда Ричард вернулся по своим следам и очутился в долине Артура; пора было готовить ужин. Остров был удивительным местом, не сравнимым по красоте с Новым Южным Уэльсом. Другие деревья, другая почва, холмы, камни — и ни единой травинки. Может, это результат первой попытки Бога создать твердь из морской воды? Или его последняя попытка? Если последняя, тогда понятно, почему здесь нет аборигенов. Такой человек, как Джимми Тислтуэйт, сказал бы, что Бог пришел к выводу: человеку не место среди его творений.

— Тут водятся змеи? — спросил Ричард Ната Лукаса, с которым крепко подружился, как и с семидесятилетним стариком Диком Уиддикомбом. Кому понадобилось посылать его в колонию?

— Если и водятся, то пока их никто не видел, — ответил Нат. — Никто не встречал здесь и ящериц, лягушек или пиявок. Из животных тут повсюду одни крысы, хотя они не похожи на наших крыс. На Норфолке они светло-серые, с белым животом и не такие крупные.

— Но едят все, что попадется, — добавил Нед Уэстлейк. — Крысы везде одинаковы.

На рассвете Ричард направился на восток, по песчаному пляжу Черепашьего залива, а потом перебрался через скалистый утес и очутился на еще одном прекрасном пляже, вблизи которого не оказалось рифов. На берегу валялись окаменевшие бревна, полузасыпанные песком, а вдали возвышалась массивная скала. Здесь же Ричард нашел еще один сосновый лес: сосны росли повсюду, и везде их заросли были непроходимыми. Обойти лес можно было только одним способом: взобравшись на скалу и пройдя по узкому каменному карнизу, под которым бушевало море. Погода стояла чудесная, с северо-запада дул свежий ветерок. Начинался отлив, и Ричард рассудил, что успеет вернуться обратно до прилива. Два ручейка сливались на равнине, за которой расстилалась изумительная аквамариновая гладь залива. Ричард несколько раз безуспешно попытался взобраться на скалу, чтобы подойти поближе к заливу, и наконец сдался.

Вернувшись на берег Черепашьего залива, он встретил там двух незнакомых каторжников. Перед ними на спине лежала гигантская черепаха. Беспомощное животное слабо перебирало лапами в воздухе.

Как выяснилось, двое незнакомцев — братья. Судя по всему, им не довелось побывать в какой-нибудь из английских тюрем. Оба были молодыми и выглядели вполне благопристойно; на загорелых лицах блестели карие глаза, на лбы спадали каштановые пряди волос.

— А ты, должно быть, Морган, — сказал один. — Я — Роберт Уэбб, а это мой брат Томас. Зови нас полными именами, так мы привыкли. Помоги нам связать эту красавицу: завтра на ужин у нас будет черепашее мясо.

Ричард помог братьям обвязать черепаху веревкой поперек груди, ниже передних лап.

— Мы огородники, — продолжал младший, но более общительный Роберт. — Хорошо, что сюда прислали женщин. Томас до них не охотник, а я уж было совсем отчаялся.

— Кого же ты выбрал? — с любопытством спросил Ричард.

— Бет Хендерсон. Она славная. А это значит, что наши с Томасом пути разошлись, — жизнерадостно продолжал Роберт, брат которого поморщился. — Он уйдет к мистеру Олтри в долину Артура — там как раз разбивают огород.

Черепашу столкнули в воду и потащили вдоль берега залива. Ричард помог братьям Уэбб вытащить ее на пляж возле места высадки, а потом направился к себе домой.

— Тебя искал лейтенант Кинг, — сообщил Джо.

Вздыхнув, Ричард отправился на поиски коменданта и нашел его возле второй лесопилки, яму которой необходимо было укрепить досками.

— Там поймали черепаху, сэр, — доложил Ричард, поздоровавшись.

— О, прекрасно! Просто замечательно! — Кинг заулыбался, глядя в глаза старшему пильщику. — Я не разрешаю ловить сразу по несколько черепах, иначе скоро их тут не останется. А еще я запрещаю собирать черепашьи яйца. Черепах здесь не так много, как на острове Лорда Хоу, так зачем их истреблять?

— Вы правы, сэр.

И лейтенант Кинг тут же продемонстрировал одну из досадных граней своей натуры: он начисто забыл о том, что сказал два дня назад, когда поздравил пильщиков и велел им отдыхать до понедельника.

— Завтра вы снова начнете работать, — заявил он, — а потом мы приступим к строительству третьей лесопилки в долине, неподалеку от будущей запруды. Значит, нам понадобятся рабочие руки. Насколько я понимаю, это тяжелая работа, с которой справится не каждый, поэтому ты сам выберешь людей, Морган. Можешь выбирать кого угодно, но только не плотников. Навес над старой ямой уже построили, так что завтра же берись за работу: нам нужны доски для крыши амбара. В субботу вам тоже предстоит работать на меня, хотя этот день по праву принадлежит вам. Надо достроить амбар до того, как начнется уборка урожая. — И он кивнул, давая понять, что разговор окончен. — Подумай хорошенько,

Морган, а в понедельник назови мне тех, кого ты выбрал.

— Хорошо, сэр, — тупо отозвался Ричард.

Для двух лесопилок потребуется четыре бригады, для трех — шесть. Значит, самому ему даже не представится случая взяться за пилу! Научить Неда Уэстлейка, Билла Блэколла и Гарри Хамфриса работать напильником Ричарду так и не удалось. Способности обнаружились лишь у Уилла Марринера, которого Ричард решил оставить точильщиком на старой лесопилке, чтобы самому перебраться в долину Артура. Пилы приходилось точить после распилки каждого десяти- или двенадцатифутового бревна. Но кто согласится взяться за эту работу? Каторжники ненавидели ее, считали самой грязной. Лена Дайера, Томаса Джонса, Джоша Пека и Сэма Пикетта Ричард отмел сразу. Джон Райс, один из первых колонистов, прибывших на остров, был крепким малым, но занимался плетением веревок. Джон Мортимер и Дик Уиддикомб слишком стары, Ной Мортимер — бездельник, которому лень даже пошевелить пальцем. Если человек ненавидит физический труд, его придется постоянно подгонять — именно таков Ной. Под стать ему был и еще один юноша, Чарли Маклеллан.

Стало быть, остаются каторжники с «Золотой рощи». Джон Андерсон, Сэм Хасси, Джим Ричардсон, Уилли Томпсон. Больше выбирать некого. Ричардсон, увлеченный Сюзанной Триплет, возьмется за пилу без особого энтузиазма. Хасси и Томпсон — известные чудаки, они уже начали строить себе дома, поскольку никто не желал брать их в компанию. Оба напоминали Ричарду Тэффи Эдмундса. Про Андерсона он ничего не знал. Во время воскресной церковной службы Ричард возблагодарил Бога за то, что тот обрек его на участь каторжника: несмотря на все невзгоды, Ричарду никого не приходилось подвергать порке. Ему требовалось найти другие способы заставить своих подчиненных работать — к примеру, поставить в пару с добросовестным пильщиком лентяя, но только не позволять двум бездельникам объединяться.

— Мне удалось собрать всего четыре бригады, — сообщил он Стивену, с которым встретился в Черепашьем заливе воскресным вечером. — Похоже, я обречен всю жизнь точить пилы. Казалось бы, с виду это такая простая работа, а большинство моих подручных не могут понять, в чем ее суть. Им все равно, есть ли на зубьях фаски или нет, подушечки их пальцев слишком загрубелые и нечувствительные. Какая досада, что здесь нет Тэффи Эдмундса! Он не только смог бы точить пилы — ему бы понравилось здесь.

— Насколько мне известно, скоро на остров привезут новую партию каторжников, хотя она будет немногочисленной — на борту «Запаса» мало

места. И поскольку в окрестностях Порт-Джексона обнаружены деревья с прочной древесиной, вряд ли Тэффи отправят сюда. Ричардсон — славный и крепкий малый, он справится с работой. Кто знает, может, у кого-нибудь из второй четверки проявятся способности точильщика? Но я не понимаю, Ричард, почему ты хочешь быть пильщиком, — пожал плечами Стивен.

— Потому что пильщикам моя работа кажется детской забавой. Я сижу скрестив ноги, как портной, и на первый взгляд гоняю лодыря. Именно поэтому я учу всех своих подопечных точить пилы и буду продолжать учить. Все они считают, что если научатся точить, то им будет обеспечена легкая жизнь. Но когда у них ничего не получается, они по крайней мере начинают понимать, что затачивание пил — работа, требующая ума, опыта и терпения.

Стивен улегся на песок и сладко потянулся.

— Я думал, что Джонни, как истинный моряк, согласится составить мне компанию и прийти сюда, — произнес он. — Но нет: Джонни предпочел остаться возле дома, чтобы обточить какую-то деревяшку замысловатой формы. К тому времени как вернется «Запас», он успеет выточить балясины для губернаторского дома в Порт-Джексоне. Как одиноки мы здесь! От единственной в этом краю английской колонии нас отделяет тысяча миль. Я чувствую это каждый раз, когда смотрю на горизонт. Этот остров похож на гигантский корабль, стоящий на якоре неведомо где, окруженный вечностью. Это абсолютно обособленный мирок.

Ричард перевернулся на живот.

— А мне этот остров не кажется крошечным, хотя насчет одиночества я с вами согласен. По-моему, Норфолк ничуть не уступает размерами Новому Южному Уэльсу. Зато здесь нам обеспечено уединение. Здесь я не чувствую себя узником, а в Порт-Джексоне все напоминало мне о том, что я каторжник.

— Там больше представителей власти, — сухо заметил Стивен.

— Ваш Джонни ладит с плотниками?

— О да, в основном потому, что он предпочитает возиться со своим станком, а не поучать Ната Лукаса и не смотреть, как работают остальные. Это моя участь.

— Только будьте осторожны — у меня дурное предчувствие.

— Хочешь, я помогу тебе выбрать четырех пильщиков?

— Это придется сделать либо вам, либо лейтенанту Кингу.

— Уж лучше этим займусь я. Кинг мечется из стороны в сторону, разбрасывается, разменивается по мелочам. Не успев закончить одно дело,

он хватается за новое и каждый раз забывает, что у него слишком мало рабочих рук. Вот почему я настоял на том, чтобы закончить строительство амбара, а уж потом приступить к сооружению большого хранилища для зерна или запруды. А он желает еще строить дома — как тебе это нравится? Впрочем, он служил лишь на огромных кораблях, где даже в разгар шторма или битвы хватало рук.

— Кстати, мистер Донован! Мы с Джо спим на двуспальных кроватях с настоящими матрасами и подушками, набитыми перьями. Они по праву принадлежат вам и мистеру Ливингстону.

Эти слова вызвали у Стивена взрыв хохота.

— Оставьте их себе, сибариты! Мы с Джонни предпочитаем спать в гамаках. — И он взглянул на Ричарда насмешливо поблескивающими синими глазами. — Ричард, когда мужчины предаются любви, им не нужна широкая кровать. Комфорт ценят только женщины.

С собой на новую лесопилку в долине Артура Ричард взял Неда Уэстлейка, Гарри Хамфриса, Джима Ричардсона и Джона Андерсона, который называл себя Джуно.

Само собой, работа сразу замедлилась, что вызвало явное недовольство лейтенанта Кинга.

— Вам понадобилось пять дней, чтобы распилить всего семьсот девяносто один фут досок! — возмущенно выпалил он, разыскав Ричарда.

— Знаю, сэр, но две из четырех бригад еще только учатся работать, а две остальные учат их, — почтительно, но твердо объяснил Ричард. — Некоторое время мы будем работать вполсилы. — Сделав глубокий вдох, он решил идти до конца. — А еще, сэр, нельзя требовать, чтобы пильщики сами ошкуривали бревна. На старой лесопилке Джозеф Лонг трудится без передышки, ему давно нужен помощник, а на новой заняться очищением бревен от коры некому. Я точу инструменты, у меня нет ни минуты свободной, поскольку я еще учу Марринера. Неужели те, кто рубит деревья, не могут сразу счищать с них кору? Чем дольше срубленное дерево пролежит на земле, тем больше вероятность, что короеды попортят древесину. И кроме того, кто-нибудь из лесорубов должен осматривать каждое дерево перед тем, как свалить его, чтобы убедиться, что оно прочное и не гнилое. Половина бревен, которые мы получаем, никуда не годится, но к тому времени, как мы приходим к этому выводу, лесорубов уже и след простыл. Поэтому нам приходится тратить драгоценное время на то, чтобы перенести гнилые бревна в кучи дров, предназначенных для костров.

Ничего подобного лейтенант не ожидал. Слушая Ричарда, он

постепенно мрачнел. «Стало быть, — думал Ричард, спокойно выдерживая немигающий взгляд злых ореховых глаз, — меня все-таки выпорют за дерзость. Но лучше пусть это случится сейчас, а не потом, когда станет слишком поздно — когда он решит соорудить третью лесопилку и у нас останется всего одна запасная пила».

— Посмотрим, — наконец туманно отозвался Кинг и строевым шагом направился в сторону нового амбара, где работали плотники. Его напряженная спина недвусмысленно свидетельствовала о том, что он оскорблен.

— Какого вы мнения о старшем пильщике? — спросил Кинг Стивена Донована за ужином.

Энн Иннет, которая должна была родить со дня на день, подала еду и исчезла. Графин с портвейном был наполовину пуст и к концу ужина должен был опустеть: обычно за ужином комендант выпивал больше, чем за обедом, о чем не подозревал Ричард Морган. Портвейн был слабостью Кинга, не проходило и дня, чтобы он не осушил по меньшей мере две бутылки этого крепкого напитка. Филипп Гидли Кинг не признавал портвейн в бочках. Он предпочитал лучшее вино в бутылках и давал каждой из них отлежаться в течение месяца, прежде чем лично откупоривал ее.

— Вы имеете в виду Ричарда Моргана?

— Да, Моргана. Майор Росс считает его ценным работником, но я в этом не уверен. Не далее как сегодня утром он дерзнул указывать мне, в буквальном смысле слова объяснять, что это из-за меня работа чуть было не встала!

— Да, Морган способен на такое, но уверен, он вовсе не хотел оскорбить вас. Он приплыл сюда на «Алексадере», именно благодаря ему удалось починить корабельные помпы — помните, какая вонь стояла на нижней палубе, когда вы побывали у нас незадолго до прибытия в Рио? Морган сумел доказать, что наше спасение только в цепных насосах.

— Чепуха! — перебил Кинг, изумленно заморгав. — Вздор! Это я посоветовал применить цепные насосы!

— Действительно, вы, сэр, и все же Морган сделал это раньше. Если бы Моргану не удалось убедить майора Росса и врача Уайта в необходимости подобных мер, вас не вызвали бы на «Александер», — невозмутимо объяснил Стивен.

— Вот как? Тогда мне все ясно. Но все равно Морган сегодня утром превысил свои полномочия, — упрямо повторил Кинг. — Он не вправе критиковать мои распоряжения. Мне следовало бы выпороть его!

— Выпороть полезного и трудолюбивого работника лишь потому, что у него есть голова на плечах? — переспросил Стивен, откинувшись на спинку стула и жестом отказываясь от портвейна. Еще стакан — и Кинг станет уступчивее. — Вы же сами сказали, что он неглуп. Он вовсе не хотел оскорбить вас — просто ему небезразлична работа, которой он занимается, вот и все. Он заботится о благе нашего общего дела, — уверял Стивен.

Но комендант был неумолим.

— Сэр, будьте же справедливы! А если бы я дал вам совет — кстати, что именно он вам посоветовал?

— Он заявил, что никто не осматривает деревья перед тем, как срубить их, счищать кору с бревен некому, что счищать ее надо сразу после того, как дерево срубят, что пильщики теряют время, перенося гнилые бревна туда, где хранятся дрова, и так далее, и тому подобное.

«Пейте, лейтенант Кинг, пейте», — думал Стивен, глядя, как его начальник отхлебывает портвейн. Дождавшись, когда опустеет еще один стакан, Стивен протянул руку и умоляюще взглянул на Кинга.

— Мистер Кинг, а вы прислушались бы к этим советам, если бы они исходили от меня, а не от Моргана?

— Но я слышал их не от вас, мистер Донован.

— Потому что я занят другим делом, а Морган — старший пильщик. Это разумные советы, они направлены лишь на то, чтобы распиливать как можно больше бревен. И вправду, зачем запрягать в фургон лошадей, выезженных под седло? В вашем распоряжении превосходные лесорубы и плотники, я заметил, что вы всегда внимательно прислушиваетесь к словам Ната Лукаса. А Ричард Морган — такой же дельный человек, как Нат. На вашем месте я бы нашел применение его способностям. Через два года истекает срок каторги Моргана. Но если ему понравится здесь, он останется на острове надолго, как и Лукас.

И Стивен Донован решил, что пора сменить тему. Лицо Кинга смягчилось, он вовсе не был злобным и жестоким человеком. Жаль, что соблюдение субординации он ставил превыше советов, полученных от каторжника.

К концу ноября воздух стал таким влажным, что распорядок дня пришлось изменить. Работа начиналась на рассвете и заканчивалась в половине восьмого, после чего в течение получаса каторжники завтракали. В одиннадцать утра работа прекращалась и возобновлялась только в половине третьего, чтобы завершиться на закате.

Пришло время собирать первый урожай. Акр ячменя принес

восемьдесят галлонов драгоценного зерна, несмотря на прожорливость крыс и гусениц. Затем в амбар перенесли три кварты пшеницы с двухсот шестидесяти колосьев, до которых не успели добраться гусеницы и крысы. Если бы вредителей удалось отпугнуть, плодородная почва дала бы удивительный урожай.

Маленькие красные плоды, похожие на сливы, — вишневые гуавы — созрели и были такими нежными на вкус, что приходилось удерживаться, чтобы не съесть их слишком много. Известный чревоугодник врач Джеймисон заявил, что по причине поноса не станет освобождать от работы ни каторжников, ни свободных колонистов. Пospели и бананы. С особым нетерпением Ричард ждал, когда лодки вернутся в лагерь с уловом рыбы. Его вкусы разделяли лишь немногие колонисты, поэтому рыбы всегда оставалось больше, чем Ричард мог съесть за один присест. Он обнаружил, что рыба остается свежей два дня, если погрузить ее в холодную морскую воду, поэтому с радостью начал выменивать свою порцию солонины на презируемую всеми рыбу. Какой вкусной она ему казалась! С виду она напоминала окуня, ее можно было запечь в углях и съесть целиком, обсосав все косточки. Акулье мясо тоже нравилось Ричарду, как и мясо стофунтовых уродливых существ, живущих в трещинах кораллового рифа, не говоря уже о местной солнечной рыбе, достигавшей в длину восьми футов. Единственное, что удручало Ричарда, — капризный рыбий нрав, ибо в некоторые дни лодка наполнялась до краев, а в другие не привозила ни единой рыбешки.

Накануне Рождества лейтенант Кинг решил отослать помощника врача Джона Тернпенни Олтри, Томаса Уэбба и Джуно Андерсона в Болл-Бей, на каменистый берег залива в восточной части острова, где был вынужден встать на якорь «Запас». По словам Кинга, трем мужчинам предстояло расчистить проход в прибрежных скалах, чтобы корабельной шлюпке было удобнее подплывать к берегу: базальтовые глыбы грозили повредить киль. Но подобное решение лейтенанта вызвало немало сальных ухмылок и многозначительных замечаний колонистов. Олтри, чудаковатый неудачник, отказывался лечить заболевших каторжниц на «Леди Пенрин», избегал женщин, точно источников заразы. Его повсюду сопровождал Томас Уэбб, который нашел в Олтри утешителя с тех пор, как его брат влюбился в Бет Хендерсон. Радуюсь возможности бросить жену и опостылевшую работу пильщика, Джуно Андерсон охотно последовал за двумя добровольными изгнанниками в Болл-Бей. Расстояние от Сидней-Тауна до залива не превышало мили, но идти приходилось через лес, поэтому однажды Джо Робинсон, возвращавшийся от товарищей, проплутал в чаще целых два дня.

Узнав об этом, лейтенант распорядился проложить тропу в Болл-Бей. Для этого не понадобилось рубить деревья, а толстые, запутанные лианы легко расступались под ударами топора. Колонисты, прокладывая тропу, обнаружили, что из коры лиан получается прочная, хотя и короткая бечевка.

Ричард лишился сразу двух подчиненных, и заменить их было нечем до прибытия «Запаса» — если он вообще когда-нибудь придет. Однажды в воскресенье Джим Ричардсон ушел в лес за бананами и сломал ногу, да так, что кость срослась лишь через несколько месяцев. С тех пор он не брался за пилу. Но о потере Джуно Андерсона не сокрушался ни Ричард, ни жена Джуно.

Поразмыслив, Ричард пришел к выводу, что ему придется взяться за пилу самому, а точить пилы во время дневного перерыва продолжительностью три с половиной часа. Но где взять напарника?

— Необходимость заставляет действовать, — заявил комендант, давно забывший о том, какое оскорбление нанес ему Морган. — Я спрошу рядового Уигфолла, не согласится ли он поработать пильщиком за дополнительную плату. Он сложен, как боксер.

— Отличный выбор, сэр, — похвалил Ричард, а потом изобразил испуг. — А если рядовой Уигфолл не сможет держать пилу прямо и мне придется поставить его на дно ямы? Каторжнику не годится осыпать свободного пехотинца дождем опилок...

— Пусть надевает шляпу, — без обиняков отозвался Кинг и удалился.

К счастью, рядовой Уильям Уигфолл был дюжим парнем, довольно флегматичным и покладистым. Он родился в Шеффилде, среди жителей крохотного поселения у него не было друзей.

— Все мои друзья остались в Порт-Джексоне, — объяснил он Ричарду. — Сказать по правде, я рад переменам, тем более что на лесопилке я сумею подзаработать, чтобы пораньше выйти в отставку. Моя мечта — купить акр хорошей земли и маленький коттедж где-нибудь близ Шеффилда. А если я устроюсь матросом на какое-нибудь судно, то доберусь до родины, не тратя денег.

— Вы не против, если я встану на край ямы? — спросил Ричард. — У меня отличный глазомер, мне не терпится узнать, подведет ли он меня, когда мы начнем пилить. И потом, работать на дне ямы легче, чем вверху. К сожалению, вам придется обойтись без шляпы, чтобы встать вплотную к бревну. Но вы можете держать голову опущенной, чтобы опилки не попадали в глаза.

Глазомер не подвел Ричарда в отличие от Уигфолла, который не

обладал им вовсе. Работа была тяжелой, как и предполагал Ричард, но в лице Уигфолла он обрел великолепного напарника, способного с силой тащить пилу вниз. «В Порт-Джексона, на тамошнем скудном пайке я не выдержал бы ни дня на лесопилке. А здесь нам дают рыбу, иногда — черепах, и вдоволь зеленых овощей, не говоря уже о мягком хлебе, поэтому я могу пилить, не теряя лишних сил. В свои сорок лет я выгляжу более крепким, чем лейтенант Кинг в свои двадцать с небольшим».

В канун сочельника комендант распорядился заколоть огромную свинью для каторжников, и в этот пасмурный и ветреный день они искренне радовались, видя, как мясо шипит над огнем, как трескается кожа, как выступают на ней пузыри. Все мужчины и женщины получили двойную порцию мяса с картофелем и полпинты рома, чтобы запить еду. Ричард отведал мяса впервые с тех пор, как покинул «Герб бочара», и нашел его вкус бесподобным и восхитительным, как и вкус картофеля. «Боже милостивый, — молился он той ночью, лежа на мягком матрасе, — как я благодарен тебе! Только лишения учат наслаждаться маленькими праздниками».

Следующие несколько дней шел дождь, ветер был слишком сильным, чтобы продолжать работу под открытым небом, но пильщики под навесами пилили бревна на доски и брусья. В доме лейтенанта Кинга продолжался ремонт, Стивен Донован получил собственный дом рядом с резиденцией коменданта, а пильщикам разрешили распилить несколько бревен на доски для строительства своих жилищ. Хотя у Ричарда уже был свой дом, он не отказался помочь товарищам.

Первый день нового, тысяча семьсот восемьдесят девятого года выдался ясным и тихим; каторжники проработали только полдня, а потом их отпустили по домам и выдали по четверти пинты рома. Подчиненные лейтенанта Кинга уже научились ненавязчиво втолковывать ему, что если они закончат одно дело, то йотом смогут всецело посвятить себя новому.

На восьмой день тысяча семьсот восемьдесят девятого года Энн Иннет родила Кингу крепкого и здорового сына. Поскольку никто из обитателей острова не отличался набожностью, Кинг сам окрестил мальчика, назвав его Норфолком.

— Норфолк Кинг — это звучит красиво, — заметил Стивен, сидя рядом с Ричардом на пляже Черепашьего залива. — Я рад за лейтенанта. Ему нужна семья, хотя его карьере вряд ли поможет женитьба на мистрис Иннет. Более заботливого отца трудно вообразить. Хотелось бы знать, что будет с ним, когда придет время покинуть остров и вернуться в Англию. Как он поступит с любимым, но незаконнорожденным сыном, не говоря

уже о его матери? Кинг успел привязаться к Энн.

— Он сам разрешит эту задачу, — невозмутимо откликнулся Ричард. — Более взбалмошного офицера не сыщешь во всем флоте, но ему не занимать ни благородства, ни чувства ответственности. Когда он с чем-нибудь не может справиться — к примеру, с распоряжением, — он готов взорваться. Как в случае с Мэри Гэмбл.

Мэри Гэмбл разгневала лейтенанта, швырнув топор в хряка и серьезно ранив его. Чуть не лишившись драгоценного животного и придя в ярость, Кинг отказался выслушивать отчаянные мольбы Мэри. Она пыталась оправдаться тем, что хряк напал на нее и ей пришлось защищаться. Лейтенант, не успевший остыть, назначил ей неимоверно суровое наказание — двенадцать дюжин плетей. Но, едва успокоившись, он пришел в ужас: неужели он и вправду приказал раздеть женщину на виду у таких мужчин, как Дайер, и отвесить ей сто сорок четыре удара плетью, пусть даже самой мягкой из плетей? О Господи, он просто не мог так поступить! А если хряк и вправду напал на нее? Топор действительно мог оказаться под рукой у Мэри, поскольку она очищала от коры поваленные деревья. Боже мой! Столько ударов плетью он никогда не назначал даже мужчине! Как же он влип! Поразмыслив, лейтенант вызвал Мэри к себе и величественным голосом объявил, что помиловал ее.

После этого случая несколько каторжников уверовали, что лейтенант Кинг глуп, мягкосердечен и слабovolен; самые смелые принялись строить дерзкие планы бунта, уверенные, что Кингу не хватит ни смелости, ни ума воспрепятствовать им или наложить суровое наказание.

Садовник Роберт Уэбб сразу же поспешил к лейтенанту.

— Сэр, на острове заговор.

— Заговор? — растерянно переспросил Кинг.

— Да, сэр. Несколько каторжников замышляют взять под стражу вас, мистера Донована, остальных свободных колонистов и всех пехотинцев. А потом они решили дождаться следующего корабля, захватить его и отплыть в Отахейт.

Лицо коменданта побелело, он недоверчиво уставился на Уэбба.

— Господи Боже! Кто это задумал, Роберт, кто?

— Насколько мне известно, сэр, трое каторжников с «Золотой роции» и... — он замялся, сглотнул и сморгнул слезы, — несколько старожилов.

— Быстро же они поддались дурному влиянию, — с горечью заметил Кинг. — Если они готовы поднять бунт вскоре после прибытия новых каторжников, что же будет, когда его превосходительство прийдет сюда сотню колонистов? — Он провел ладонью по лбу, стирая обильный пот. —

Как прискорбно слышать это! Несколько старожилов... Зачем они сделали это? Полагаю, в их числе Нон Мортимер и этот болван Чарли Маклеллан. — Он распрямил плечи и выпятил подбородок. — Но как ты узнал об этом?

— Мне рассказала моя подруга, Бет Хендерсон. Уильям Фрэнсис по секрету сообщил ей о заговоре и спросил, соглашусь ли я поддержать его. Она пообещала уговорить меня, а потом рассказала мне все.

Пот заливал глаза Кинга; в здешних широтах форма морского офицера превращалась в орудие пытки, а лейтенант был обречен носить ее изо дня в день.

— Кто же из прибывших на «Золотой роще» не знает о заговоре? — тонким голосом спросил он.

— Католик Джон Брайант, пильщик Ричард Морган и его сосед Джозеф Лонг.

— Ну, из двух последних один слишком занят на лесопилке, а второй чересчур простодушен. Расспрошу Брайанта, ведь он работает с ними. Ступай к нему и приведи его сюда, да так, чтобы вас никто не заметил. Сегодня суббота, в Сидней-Тауне ни души — должно быть, все каторжники тайком улизнули в долину Артура. А еще попроси мистера Донована немедленно явиться ко мне.

Способности лейтенанта Кинга раскрылись во всей полноте при первом же столкновении с реальным злом: с ним было покончено прежде, чем заговорщики заподозрили, что их разоблачили.

Вооруженные заржавевшими мушкетами, пехотинцы взяли под стражу самых опасных бунтовщиков — Уильяма Фрэнсиса, Сэмюэла Пикетта, Джошуа Пека, Томаса Уотсона, Леонарда Дайера, Джеймса Дэвиса, Ноя Мортимера и Чарлза Маклеллана. Изнурительный допрос помог выявить истинных виновников; хотя почти все обитатели острова выражали желание помочь заговорщикам при условии, что они одержат победу, ядро заговора составляли лишь пятеро. Фрэнсиса и Пикетта заковали в двойные кандалы и заперли в самом прочном из складов, а на Уотсона и Мортимера надели наручники и отпустили их до понедельника, пока не выяснятся все подробности.

Ошеломленному Ричарду Моргану приказали немедленно явиться в Болл-Бей, а своих трех подопечных оставить в Сидней-Тауне. Кинг устроил совещание со своими подчиненными — несколькими свободными колонистами и пехотинцами. Каторжникам запретили покидать хижины.

— Но это еще не все! — возмущенно выпалил Кинг, рассказывая о случившемся Доновану. — Капрал Гауэн обнаружил, что Томпсон крал в

долине кукурузу! По словам Роберта и Брайанта, такие каторжники, как Томпсон, не сомневались, что банда Фрэнсиса захватит остров прежде, чем я прикажу наказать его за воровство! Но он ошибся.

— Им следовало дожждаться прибытия «Запаса» и того времени, когда нам будет не до них, — задумчиво произнес Стивен, слишком тактичный, чтобы объяснять: причиной заговора стало поведение Кинга в случае с Мэри Гэмбл. — А как же женщины?

Кинг пожал плечами:

— А при чем тут женщины? Они почти не доставляют нам хлопот.

— Кого вы намерены наказать?

— Немногих, — озабоченно откликнулся Кинг. — У меня просто нет другого выхода, если я хочу сохранить в своих руках власть. Наши мушкетеры никуда не годятся, на стороне заговорщиков — численный перевес. Но большинство этих людей тупы, как овцы, им нужны вожаки. Следовательно, наказывать овец ни к чему. Придется дожждаться прибытия «Запаса», отправить с ним донесение в Порт-Джексон, а потом туда же переправить заговорщиков, чтобы предать их суду.

— А по-моему, вы ничего не добьетесь, отправив заговорщиков в Порт-Джексон, — заметил Стивен.

Глаза Кинга зло блеснули.

— Я с самого начала понимал, — мрачно ответил он, — что губернатор прислал сюда тех каторжников, от которых хотел избавиться. Он вряд ли примет их обратно, особенно после того, как они чуть не подняли мятеж. Губернатору придется повесить этих людей, а он не из тех, кто злорадствует, видя ближних, болтающихся в петле. Если уж он решится казнить виновных, то лишь тех, кто совершил преступление на виду у всех, а не в тысяче миль от Порт-Джексона, благословенной и процветающей колонии. Остров Норфолк слишком изолирован, чтобы его жители послушно выполняли распоряжения властей, которых здесь нет, людей, находящихся в тысяче миль отсюда. Правительство острова Норфолк должно иметь право самостоятельно решать судьбу заговорщиков. Но у меня нет таких полномочий. Мне придется ждать месяцами, и вряд ли я получу ответ, который принесет Норфолку спокойствие.

— Вот именно, — вздохнул Стивен. — Мы в тупике. — Он подался вперед и с жаром заговорил: — Сэр, зато здесь, на острове, есть мастер-оружейник, который не участвовал в заговоре, — Морган, тот самый пильщик. Может быть, стоит поручить ему привести в порядок наше оружие? Тогда каждое субботнее утро свободные колонисты, пехотинцы и сам Морган могли бы по два часа упражняться в стрельбе. Я прослежу за

тем, чтобы испытательный тир соорудили у восточной окраины Сидней-Тауна, и буду присутствовать при учениях. При условии, что вы отдадите мне Моргана.

— Превосходная мысль! Так мы и сделаем, мистер Донован, — откликнулся комендант. — Если его превосходительство не пожелает судить бунтовщиков в Порт-Джексоне, тогда он наверняка согласится прислать мне еще несколько пехотинцев под командованием офицера, а не какого-нибудь сержанта. А еще мне понадобятся пушки, порох, гильзы и заряды для мушкетов. — Он явно воспрянул духом. — Я немедленно напишу ему письмо. А вы проследите за тем, чтобы в колонии ужесточилась дисциплина. Если каторжники жаждут наказаний, они их получают. Я задею за живое. Я пригрел на груди змею, притом не одну.

Когда расследование завершилось, вся ярость просчитавшихся заговорщиков пала на религиозного фанатика, католика Джона Брайанта. Его преступление было тем более непростительным, что он сообщил, как во время плавания переселенцы замыслили захватить «Золотую рощу», а также добавил, что сам донес на злоумышленников капитану Шарпу. Виновными в подстрекательстве к бунту на острове Норфолк были признаны Уильям Фрэнсис и Сэмюэл Пикетт; их приговорили к длительному заключению. Ноя Мортимера и Томаса Уотсона заковали в легкие кандалы, а остальных подозреваемых отпустили с миром.

Самыми трагическими последствия январского заговора стали для крохотного Сидней-Тауна, прежде осененного высокими соснами и могучими белыми дубами. Лейтенант Кинг распорядился вырубить все деревья и даже низкорослые кустарники, чтобы пехотинцы, стоящие в одном и другом конце единственной улицы поселения, могли следить за перемещениями каторжников. Том Джонс, близкий друг Лена Дайера, получил тридцать шесть хлестких ударов плетью за недвусмысленные намеки по адресу Стивена Донована и врача Томаса Джеймисона.

— Все изменилось, — сказал Ричард Стивену, когда они готовили мушкеты к первым занятиям по стрельбе, — и это печалит меня. Мне нравится этот остров, я был бы счастлив здесь, если бы не другие каторжники. Больше я не желаю жить в этой колонии. Лейтенант приказал вырубить все деревья, нам негде спрятаться, негде даже помочиться вдали от десятков любопытных глаз. Я хочу быть предоставленным самому себе, хочу заниматься своей работой и общаться только со своими напарниками.

Стивен заморгал.

— Неужели они настолько неприятны тебе, Ричард?

— Некоторых я даже полюбил. Но всегда найдутся люди, которые все

испортят — и ради чего? Неужели они не умеют учиться на своих ошибках? Возьмем, к примеру, беднягу Брайанта. Ему поклялись отомстить и наверняка отомстят.

— Как надзиратель, я приложу все усилия, чтобы он не пострадал. У Брайанта чудесная жена, они безумно любят друг друга. Если с ним что-нибудь случится, она этого не переживет.

* * *

Тысяча семьсот восемьдесят девятый год начался плачевно. Дожди и сильные ветры погубили урожай ячменя и несколько бочонков муки, ловить рыбу стало невозможно. Потянулась череда нудных дней в ветхих деревянных хижинах, среди промокшей одежды и сырых постелен, плесени на драгоценных книгах и обуви. Островитян мучили простуды, мигрени и ломота в костях. В середине февраля комендант отпустил Фрэнсиса и Пикетта на свободу, сняв с них наручники, но оставив закованными в ножные кандалы. От «Запаса» не было ни слуху ни духу; последней на острове побывала «Золотая роща» четыре месяца назад. Неужели следующий корабль не придет никогда? Что стряслось с «Запасом»? Что творится в Порт-Джексоне?

Все колонисты стали раздражительными из-за плохой погоды, но больше всех брюзжал и ворчал комендант, которому, к счастью, хватило ума понять, что невозможно приступить к строительству запруды под проливным дождем. И кроме того, младенец не давал ему спать по ночам. Почти все работы пришлось отложить, людям осталось лишь ворчать и ссориться друг с другом. Припеваючи жила только троица в Болл-Бей, уютно разместившись в прочном доме, имея изрядные запасы провизии и возможность удить с берега рыбу даже под дождем.

Двадцать шестое февраля стало потрясением для островитян. На рассвете поднялся сильный юго-восточный ветер, море так разбушевалось, что волны перекатывались через риф и гуляли по лагуне. Стивен и Ричард, дошедшие до самого Пойнт-Хантера, изумились: западное побережье острова представляло собой леденящее душу зрелище. Волны с белыми гребнями взмывали вверх и разбивались об утесы, клочья пены взлетали на триста футов, ветер доносил их даже до горы, расположенной на расстоянии четырех миль.

— Господи помилуй, такой бури здесь еще не бывало! — ахнул Стивен. — Пора заdraивать все люки!

К тому времени как они обогнули по берегу Черепаший залив и оглянулись, в тумане и брызгах исчез не только надменный остров Филлипа, но и второй островок неподалеку от берега. Повсюду бушевали волны — такие же огромные, как в южных широтах, на пути от мыса Доброй Надежды, а ветер продолжал усиливаться, обрушивая на колонию весь гнев моря и небес. Сгибаясь под порывами урагана, колонисты загоняли свиней и птицу в сараи, запирали засовы, захлопывали ставни.

Завывания ветра и грохот волн стали такими оглушительными, что ни Ричард, ни Стивен не слышали жалобный скрип ставосьмидесятифутовой сосны у берега Черепашьего залива. Внезапно они увидели, как громадное дерево, вывороченное с корнем, взметнулось на тридцать футов вверх и обрушилось на землю. Не успокоившись на этом, вихрь вырвал из земли еще несколько сосен; это походило на обстрел крепости армией гигантов — ветер был их луком, сосны с заостренными верхушками — стрелами, а белые дубы — картечью.

Стивен с трудом прошел вдоль ряда хижин, убеждаясь, что все засовы задвинуты. Обнаружив, что Джо и Макгрегор уже заперлись изнутри, Ричард предпочел остаться у дома, радуясь, что его друзья в безопасности. Лично он хотел смотреть в лицо судьбе, а необходимость ждать взаперти, в безвестности ужасала его. Сидя на земле с подветренной стороны, он как замороженный следил за разбушевавшимися стихиями, наблюдал, как падают в болото гигантские дубы и сосны, как свирепствуют волны и ветер.

А потом начался дождь. Струи падали отвесно, и Ричард ухитрился не промокнуть. Такой ураган мог бы сорвать тростниковые крыши домов, как перышки, но он ярился в тридцати футах над землей — это и спасло поселок, да еще отсутствие деревьев вблизи жилищ. Если бы лейтенант Кинг не приказал вырубить их, дома, склады и мастерские давно были бы погребены под толстыми стволами.

Ураган поднялся в восемь часов утра и продолжался до четырех дня. Хижины посреди поселка, в том числе та, в которой жили Ричард и Джо, не пострадали, как и крупные постройки, крытые дранкой, а не тростником.

Только на следующий день, когда вихрь сменился ласковым бризом, шестьдесят четыре колониста с острова Норфолк увидели, что натворил ураган. На месте болота образовался бурный поток, плещущийся у подножия холма, на котором был разбит огород; повсюду валялись сосновые ветки, вырванные с корнем кусты, кучи песка, обломки кораллов и листья; наветренные стены строений были покрыты мусором, настолько глубоко въевшимся в древесину, что отскоблить его стоило немалых трудов.

Поваленные сосны громоздились повсюду; их корни были такими могучими и длинными, что оставалось только удивляться неистовой силе ветра. На месте сосен образовались воронки глубиной в несколько десятков футов, пострадали даже отдаленные леса, которых еще не коснулись топоры колонистов. Множество деревьев ветер вывернул с корнем у самых окраин Сидней-Тауна; три акра недавно расчищенной земли у болота было завалено соснами. Даже пятьдесят лесорубов, работающих в течение месяца, не смогли бы произвести такое опустошение.

— Это не что иное, как каприз природы, — жизнерадостно сообщил лейтенант Кинг своим подопечным, даже тем, кого считал змеями, пригретыми на груди. — Нигде на острове я больше не видел следов подобного урагана, здесь повсюду растут двухсотфутовые сосны, возраст которых исчисляется сотнями лет. Значит, прежде таких ураганов здесь не случалось. — И на его лице появилось выражение проповедника, упрекающего прихожан в греховности. — Но почему он разразился именно в этом году? Ищите ответа в своих душах. Это гнев Божий! Да, гнев Божий! А если так, спросите себя, почему он обрушился на первых людей, поселившихся на богатом, изобильном, любимом Богом острове? Молите о прощении и впредь не грешите! В следующий раз по повелению Бога разверзнется земля и поглотит вас всех!

На протяжении нескольких недель колонисты помнили эту вдохновенную проповедь, а потом забыли о суровом уроке.

А лейтенант Кинг не переставал гадать, не его ли вспыльчивость прогневила Бога: упавшее дерево убило его собственных овец и поросят.

От урагана пострадал весь остров: это было очевидно, поскольку ручей, протекающий по долине Артура, нес множество стволов и веток деревьев, смытых ливнем с окрестных холмов. Чтобы расчистить ручей, мужчинам и женщинам пришлось несколько недель трудиться не покладая рук; прошел целый месяц, прежде чем вода в лагуне, покрасневшая от смывой с берега почвы, вновь приобрела привычный аквамариновый оттенок.

К тому времени как второго марта к берегу острова приблизился «Запас», Ричард и остальные пильщики уже вернулись к привычной работе. Новый Южный Уэльс испытывал острую нехватку досок, дранок и брусьев, не говоря уже о корабельных реях и мачтах. По крайней мере теперь лесорубам было незачем надрываться: деревья уже лежали на земле, хотя большинство оказались старыми и гнилыми.

Помимо прочих пассажиров, на «Запасе» прибыл опытный пильщик Уильям Холмс — еще один Уильям в маленькой колонии. Холмс сразу

заявил, что по сравнению с деревьями Порт-Джексона пилить древесину с Норфолка проще простого.

Зная, что коменданту не терпится обзавестись третьей лесопилкой, Ричард попросил Холмса подыскать трех помощников из числа каторжников, привезенных «Запасом», и приступить к строительству лесопилки на берегу. Холмс был славным малым, он привез с собой жену Ребекку и быстро подружился с островитянами. На лесопилке в долине Артура продолжали работать Билл Блэколл и Уилл Марринер, а сам Ричард твердо решил забрать рядового Уигфолла, Сэма Хасси и Гарри Хамфриса на новую лесопилку в глубине долины. Ричард давно рассудил, что там ему будет удобнее, и намеревался попросить у лейтенанта Кинга разрешения построить поблизости дом. «Джо Лонг пусть решает сам за себя. Я возьму с собой только книги, кровать, матрас и подушку, половину одеял и свои личные вещи. И одного из щенков Макгрегора, ведь мистер Кинг позволил Джо выбрать двух из пяти щенков Дельфинии. В долине мне пригодится пес, умеющий ловить крыс».

* * *

Ричарду удалось осуществить все свои замыслы. Он жалел только о том, что теперь будет реже видаться со Стивеном Донованом, которому раньше было достаточно сделать несколько шагов, чтобы пригласить друга поплавать в Черепашьем заливе.

Зимой на остров прибыли лейтенант Джон Кресуэлл и четырнадцать пехотинцев; рабочих рук прибавилось, порядки ужесточились, и комендант приступил к выполнению своих планов, в том числе и к строительству запруды. Дом Ричарда располагался в нескольких сотнях ярдов от нее выше по течению, на опушке леса. Это было мирное и уединенное местечко.

Внезапно лейтенанту Кингу вздумалось проложить по острову удобные тропы. Одна такая тропа длиной в три мили уже вела к заливу Каскад, названному так потому, что ручей образовывал целый каскад, стекая с утеса в залив. Довольно ровные вершины прибрежных скал позволяли высаживаться на берег в этом месте, когда ветры не давали возможности судам подойти к рифу, огораживающему лагуну возле Сидней-Тауна. Кроме того, в окрестностях залива Каскад рос лучший лен на острове, а лейтенант Кинг задумал ткать из него парусину, оборудовав мастерскую неподалеку от удобной природной пристани, названной Филлипбергом.

Теперь Ричард редко бывал в Сидней-Тауне, который быстро разрастался, образуя целый лабиринт улочек. Если не считать обязательной воскресной службы да походов на склад за пайком, ему было незачем приходить в поселение. Мактавиш оказался таким же отличным сторожевым псом, как его отец, и Ричард не желал никаких других компаньонов — кроме Стивена.

Его дом имел размеры десять на пятнадцать футов, свет вливался в него через несколько больших окон. Джонни Ливингстон сделал по просьбе Ричарда стол и два стула. Крышу пришлось крыть льняным волокном, но к концу года Кинг пообещал своему лучшему работнику дранки. Дощатый пол покоился на прочных лагах из круглых сосновых бревен; поскольку в почве древесина быстро сгнивала, такой фундамент позволял Ричарду своевременно заменять подгнившие бревна, не разбирая дом. Снаружи стены были обшиты тонкими сосновыми досками, излюбленным материалом коменданта. Линии древесины образовывали причудливый рисунок, напоминавший Ричарду солнечные зайчики на спокойной воде. Ричард считал, что подобный рисунок образовался на древесине под воздействием постоянных ветров: он не знал деревьев, способных вырастать абсолютно прямыми, несмотря на натиск ветра, и все-таки норфолкские сосны поражали прямизной, даже те, что росли на вершинах утесов. Во время ужасающего урагана все молодые деревья на острове согнулись до земли или лишились верхушек, но уже через два месяца распрямились и покрылись новыми молодыми побегами.

Население острова достигло ста душ, после прибытия новой партии каторжников кражи участились, но воры неизменно обходили дом Моргана стороной. Всякий, кто видел, как он поднимает четырнадцатифутовую пилу на высоту трех футов, как играют под бронзовой кожей мышцы на его обнаженной груди и спине, приходил к выводу, что с этим человеком шутки плохи. Кроме того, все уже знали, что Ричард предпочитает уединение. Колонистам подобные одиночки внушали суеверный страх: должно быть, они не в своем уме, если стараются оставаться наедине с собой, не желают видеть свое отражение в чужих глазах, слышать похвалы и просто вести неспешные беседы. Такое отношение абсолютно устраивало Ричарда. Если люди считают его странным и опасным — тем лучше. Его же, напротив, удивляло, почему остальные не стремятся к одиночеству даже после того, как были вынуждены подолгу существовать в шумной компании. Одиночество казалось ему не только блаженством, но и исцеляющим средством.

Зачинщики январского заговора той же зимой отправили Джона

Брайанта в последний путь. Фрэнсис, Пикетт, Уотсон, Пек и остальные каторжники с «Золотой роши» рубили дерево на горе Георга, а Брайант — неизвестно как и почему — очутился на пути падающей сосны. Ему разmozжило голову, он умер через два часа и был похоронен в тот же день. Обезумев от горя, его вдова бродила по Сидней-Тауну, издавая нечленораздельные стоны, словно скорбящая ирландка, не понимающая ни слова по-английски.

— Все потрясены, — сообщил Стивен, зайдя к Ричарду после похорон.

— Это не могло не случиться, — коротко ответил Ричард.

— Бедная, несчастная женщина! Здесь нет даже священника, чтобы отпеть его...

— Богу все равно.

— Да, ему все равно! — яростно выпалил Стивен. Он вошел в дом, не пригибаясь под притолокой, и сразу заметил идеальную чистоту, обшитые досками стены и потолок, а также то, что Ричард мало-помалу полировал их. — О Господи, — продолжал он, устало опускаясь на стул, — сегодня один из редких дней в моей жизни, когда мне не повредит стакан рома. Я чувствую себя так, словно это я виновен в смерти Брайанта.

— Это не могло не случиться, — повторил Ричард.

Мактавиш, по виду которого отчетливо угадывалось, что его отцом был скотч-терьер, прыгнул на руки к Ричарду, не путаясь под ногами и не скуля, как обычно делают молодые псы. Ричард вышколил его, подумал Стивен, даже в этом Ричард проявил свою обычную предусмотрительность. Как он ухитряется выглядеть точь-в-точь так, как при первой встрече? Почему все остальные стареют и ожесточаются, а он не меняется ни на йоту? Он просто становится все более сдержанным.

— Если ты раздобудешь мне несколько крепких саженцев сахарного тростника, — заговорил Ричард, поглаживая пса по спине, — через два года у тебя будет море рома.

— Что?

— А еще мне понадобятся два медных бака, несколько листов меди, медные трубы и несколько разрезанных пополам бочонков, — продолжал Ричард с улыбкой. — Я знаю тонкости процесса перегонки, мистер Донован. Вот еще один из моих скрытых талантов.

— Боже, Ричард, да ты поистине мечта нашего коменданта! Ради Бога, скажи, назовешь ли ты меня когда-нибудь просто Стивеном? Я так устал от этой односторонней дружбы! Прошло уже много лет, тебе давно пора сдать, хоть ты и каторжник. Ненавижу твое бристольтское благоразумие!

— Прости, Стивен, — блеснув глазами, отозвался Ричард.

— Наконец-то! — До беспамятства обрадованный своим именем, прозвучавшим из уст Ричарда, Стивен заулыбался, но тут же спрятал улыбку. — Пехотинцы недовольны, им уже давно не выдавали полной порции рома, и лейтенант Кресуэлл не знает, как быть. Впрочем, он ничего и не предпринимает. А Кингу все равно, пока не кончился его обожаемый портвейн. Кресуэлл же предпочитает ром. И в Порт-Джексоне рома почти не осталось. Ручаюсь, его превосходительство разрешит основать на острове Норфолк винокуренный завод. Производить ром здесь будет гораздо дешевле, чем привозить его на грузовых судах, а даже самым идеалистично настроенным офицерам ром так же необходим, как хлеб и солонина.

— Значит, ничто не помешает мне начать выращивать сахарный тростник. Здешняя почва пригодна для этого, тростник вряд ли станут грызть гусеницы. Несмотря на множество насекомых, этим летом мы соберем отменный урожай пшеницы и кукурузы — в этом я не сомневаюсь.

— И я тоже надеюсь, что нам повезет. Гарри Болл с «Запаса» говорит, что скоро сюда привезут новую партию каторжников. В Порт-Джексоне нет прожорливых гусениц, но положение там осложнилось. — Стивен передернулся. — Даже во время урагана я не испугался так, как в тот момент, когда увидел, что вся долина покрыта шевелящейся массой гусениц! Не миллион, а миллион миллионов, целое войско, в сравнение с которым не идут даже орды Аттилы. Возможно, все дело в моем ирландском происхождении, но клянусь: я подумал, что это козни дьявола. Брр! — Снова передернувшись, он сменил тему: — Скажи, Ричард, кто решил отомстить лейтенанту? Одна его овца мертва, вторая искалечена.

Ричард вглядывался в лицо Стивена с нежностью, граничащей с любовью. Он не мог дать определения этому чувству и называл его любовью, несмотря на то что ему недоставало телесной близости. Такую же любовь он испытывал к Уильяму Генри, маленькой Мэри, к Пег. Ко всем, о ком он старался не думать долгие годы.

А теперь их имена всплыли у него в голове так же отчетливо и неумолимо, как ручей пробивался сквозь камни, стали далекими, как звезды, и вместе с тем близкими, как Мактавиш на коленях. А все потому, что он назвал Стивена по имени. И теперь за этим именем наперегонки бросились другие имена, пробуждая давние воспоминания и уверяя, что они не стерлись, не потускнели, не улетучились. «Уильям Генри, малышка Мэри, Пег... Они ушли навсегда и вместе с тем никуда не делись. Я — сосуд, наполненный их светом; где-нибудь и когда-нибудь я вновь познаю такую же любовь. Но не в загробной жизни, а здесь, на острове Норфолк. Я

вновь пробуждаюсь. Я оживаю, становлюсь совсем живым. В изгнании я не утратил своей драгоценной сущности. Я не допущу, чтобы ее уничтожили только для того, чтобы досадить мне. Пег, маленькая Мэри, Уильям Генри. Они здесь. Они ждут, когда я позову их. И они будут со мной».

Эти мысли промелькнули у него в голове в один миг, между двумя ударами сердца, но Стивен понял, что в Ричарде произошла какая-то важная перемена. Казалось, он сбросил старую кожу и предстал перед ним во всем великолепии новой. «Что такого я сказал? Как сумел пробудить воспоминания? Почему именно мне выпала честь увидеть это?»

Ричард ответил на вопрос Стивена об овцах;

— Все очень просто. Это сделал Лен Дайер.

— Но почему?

— Он положил глаз на Мэри Гэмбл, а она никого к себе не подпускает. Добиваясь ее внимания, он поступил так, как и положено мерзавцу, — унизил ее, не признавая, что она тоже человек и нуждается в уважении. Ты без труда представишь себе, как это было: «Эй, Гэмбл, может, побалуемся?» А она доходчиво объяснила ему, как он должен поступить со своим орудием — конечно, если найдет его. И это в присутствии его дружков. — Ричард помрачнел. — Он подлец и потому решил отыгаться. Недавно Мэри швырнула топором в хряка и чуть не убила его. Поэтому Дайер рассудил, что, если пострадают овцы, вина неизбежно падет на Мэри.

— Ну уж нет! Этого он не дождетя. — Стивен поднялся и кивнул Ричарду. — Теперь я знаю, как поступить с Дайером. Пожалуйста, назови меня Стивеном еще раз.

— Хорошо, Стивен, — смеясь, отозвался Ричард. — А теперь ступай, я буду полировать стены.

Лейтенант Кинг обнаружил под слоем почвы местный камень, легко поддающийся обработке. Его залежи простирались под холмом, на котором был разбит огород, и до самого Пойнт-Хантера в Черепашьем заливе. При сжигании этого камня образовывалась превосходная известь, которую решили использовать прежде всего для строительства каменных дымоходов и печей.

В декабре прибыл «Запас». Он привез новую партию каторжников; теперь численность островитян достигла ста тридцати двух человек, а вместе с ней — приказ от губернатора Филлипа урезать пайки на одну треть, как это уже сделали в Порт-Джеконе. Но эта новость не встревожила жителей острова Норфолк: несмотря на то что миллионы гусениц уничтожали каждый листок, попадающийся на их пути, пшеница

на одиннадцати акрах дала превосходный урожай, незадолго до уборки которого дожди прекратились. Урожай кукурузы был еще больше, свиньи, утки и куры плодились, поспевали бананы. А те, кто любил рыбу, мог наесться ею до отвала.

Благодаря выносливости и упорству Ричард Морган стал одним из самых привилегированных каторжников: он никому не доставлял хлопот, неустойчиво работал и никогда ничем не болел. Поэтому Ричард получил столько камня и раствора, что смог построить в своем доме печь и дымоход. Все лесопилки работали исправно, и комендант ничего не жалел для старшего пильщика. «Запас» привез из Порт-Джексона еще несколько пил. Задумав увеличить втрое население острова Норфолк, губернатор Филлип решил, что на острове пилы нужнее, чем в Порт-Джеконе. И он утвердился в своем решении, когда «Запас» вернулся с грузом превосходной чистой извести.

На «Запасе» прибыло столько женщин, что работы для них не нашлось, и тут Ричарда осенило: он взялся обучать шесть каторжниц точить пилы. Мысленно он признался самому себе, что об этом ему следовало подумать еще давным-давно. Такая работа устраивала женщин определенного темперамента — им нравилось сидеть в тени, они не слишком уставали, были старательными и методичными и вместе с тем находились среди людей. На каждой лесопилке требовались по меньшей мере одна точильщица и еще несколько женщин, способных очищать бревна от коры. Между женщинами и пильщиками неизбежно вспыхивали симпатии. Но вскоре каторжницы узнали, что Ричард Морган уже женат и любовные интрижки ему не по душе.

Урезание пайков было симптомом, указывающим, что за два года существования колонии ее не посетил ни один корабль из Англии. Долгожданное грузовое судно «Блюститель» с вещами пехотинцев, тоннами муки, солонины, других припасов и скота так и не прибыло, и никто не знал, по какой причине. Каждый день на вершину Южного утеса у входа в гавань Порт-Джексона забирался часовой, который начинал до боли в глазах вглядываться в даль, принимая за парус то фонтан кита, то его хвост, то низко нависшее над горизонтом белое облако. Но настоящий парус так и не показался. Припасы, привезенные «Сириусом» с мыса Доброй Надежды в мае тысяча семьсот восемьдесят девятого года, иссякли, а корабль все не приходил. Единственным лучом надежды для губернатора Филлипа стал остров Норфолк, где росли хотя бы некоторые овощи и злаки, где водилась дичь и где не было коварных и жадных туземцев.

Каторжники, прибывшие на остров, уверяли, что жизнь в Порт-

Джексона превратилась в ад: люди умирали от голода или превращались в ходячие скелеты. Колонистов отчасти поддерживала ферма на Роуз-хилле, как и поля к северу и западу от Порт-Джексона — Тунгабб и Пограничное. Но хотя на фермах удавалось выращивать некоторые овощи, о хорошем урожае злаков нечего было даже мечтать.

После того как «Запас» вернулся в Порт-Джексон с грузом извести и древесины, губернатор Филлип решил послать «Сириус» в какой-нибудь ближайший порт за провизией. Он уже понял, что поселение на мысе Доброй Надежды не так велико, чтобы обеспечить колонию мукой, солониной и живым скотом. Южноафриканцы предпочитали продавать излишки голландцам, англичанам и судам Ост-Индской компании, заходившим в гавань. Численность их экипажей не превышала пятидесяти человек. Но накормить более тысячи голодных ртов Кейптаун был не в состоянии. «Сириус» вернулся в колонию с полупустыми трюмами.

Поэтому было решено отправить его в Китай, за рисом и копченым мясом, не говоря уже о чае и сахаре, способных подсластить жизнь каторжников, если не насытить их. В Вампоа губернатор надеялся приобрести ром, предназначенный для вывоза в Европу. Тысяча семьсот девяностый год начался еще хуже, чем тысяча семьсот восемьдесят девятый, хотя губернатор и не предполагал, что такое возможно.

Во время бессонных ночей Филлип гадал, что происходит сейчас в Англии, нет ли там массовых политических волнений, не вышел ли в отставку мистер Питт, не принял ли парламент решение прекратить эксперимент в Ботани-Бей — или просто забыл о колонистах. Неизвестность была особенно мучительной, с каждым месяцем у губернатора рождались новые ужасные догадки. Похоже, колонистов обрекли на ту же участь, что постигла Робинзона Крузо.

Пока «Сириус» готовился к дальнейшему плаванью, «Запас» совершил еще один рейс к острову Норфолк с новой партией каторжников. Численность населения острова достигла ста сорока девяти человек. Губернатор распорядился, чтобы «Сириус» по пути в Китай вместе с «Запасом» сделал стоянку возле острова Норфолк, доставив туда сто шестнадцать каторжников, шестьдесят семь каторжниц, двадцать восемь детей, восемь морских офицеров и пятьдесят шесть пехотинцев. При этом население острова должно было за один день достигнуть четырехсот двадцати четырех душ, утроиться за месяц и увеличиться в четыре раза за четыре месяца.

Мягкий, образованный губернатор хорошо знал некоторых своих подчиненных, в особенности лейтенанта Филиппа Гидли Кинга, который

служил под его началом на «Ариадне» и «Европе», прежде чем перешел на «Сириус» незадолго до начала плавания к берегам Нового Южного Уэльса. Возвращаясь в Порт-Джексон, «Запас» всякий раз привозил донесения от Кинга, и все они убеждали его превосходительство, что Кинг не способен управлять многочисленными подданными, которых он не знал даже в лицо. Кинг был истинным патриархом, беззаветно преданным сыну Энн Иннет, Норфолку. Само имя, выбранное Кингом для ребенка, свидетельствовало о том, что в душе этот человек — настоящий романтик. А острову Норфолк предстояло превратиться в маленькое государство, в котором не место романтике.

Имелись у его превосходительства и другие причины для беспокойства, и среди них — две особые: во-первых, майор Роберт Росс оставался острым шотландским шипом у него в боку, а во-вторых, ему требовалось как можно скорее послать в Англию человека, которому он мог доверять, предпочтительно романтика. Этот посланник должен был сообщить, что дела колонии плохи, но вместе с тем убедить власти, что возможности Нового Южного Уэльса неисчислимы, однако, чтобы воспользоваться ими, необходимы вложения капитала. По подсчетам губернатора, колонии хватило бы пятидесяти тысяч фунтов — ничтожная сумма, гораздо меньше той, что тратила в год на взятки distinguished Ост-Индская компания. Губернатор доверял Кингу, но не Россу. Не мог он довериться и капитану «Сириуса» Джону Хантеру, еще одному возможному кандидату и опять-таки шотландцу, который подобно всем своим соотечественникам пророчил колонии крах. Росс и Хантер скептически относились к Новому Южному Уэльсу, не видели в нем никаких возможностей и скорее всего посоветовали бы правительству отказаться от дальнейших экспериментов. Следовательно, Филлип не мог выбрать в качестве посланника ни Росса, ни Хантера. Он твердо знал, что не ошибся в суждениях. Новый Южный Уэльс будет процветать, только не теперь. Для этого понадобятся время и деньги.

Поэтому «Запас» привез на остров Норфолк не только каторжников, но и письмо лейтенанту Кингу. Ему предписывалось вернуться в Порт-Джексон вместе с мистрис Иннет и мастером Норфолком Кингом, чтобы обсудить подробности предстоящего путешествия в Англию. А на пост, который прежде занимал Кинг, Филлип назначил вице-губернатора, майора Роберта Росса. Тем самым он убил одним выстрелом двух зайцев: поскольку «Сириус» отплывал в Китай, это означало, что колонисты на несколько месяцев избавятся от присутствия капитана Джона Хантера.

«Сириус» и «Запас» прибыли на остров в субботу, тринадцатого марта

тысяча семьсот девяностого года. Высадка началась с подветренной стороны залива Каскад, после чего дождливое, грозовое и ветреное лето не замедлило отомстить островитянам. Тропу, ведущую через весь остров, развезло, на берегах залива образовались оползни. Подняться по крутым склонам долины можно было лишь в одном месте, неподалеку от импровизированной пристани. Но склоны взмывали вверх на двести футов так круто, что каторжники не могли взобраться по ним без помощи, особенно после того, как от дождей склон стал скользким, словно лед.

Все островитяне, за исключением пильщиков и плотников, отправились на противоположный берег острова, чтобы поднять вновь прибывших и их вещи по склону, а затем довести их до Сидней-Тауна. В авангарде шел сам майор Росс.

— Мне искренне жаль его, — сказал Стивен Ричарду за обедом, состоящим из холодного и несладкого рисового пудинга, сдобренного кусочком солонины и горстью петрушки. Они сидели вдвоем в доме Ричарда, глядя, как за незакрытым окном в землю бьют струи дождя. Вкладом Стивена в скромный обед были мука и солонина, вкладом Ричарда — рис и петрушка.

— Кого? Майора Росса?

— Вот именно. Они с Хантером ненавидят друг друга, поэтому Хантер отослал Росса с «Сириуса» в шлюпке, нагруженной бочонками, ящиками, курами и индейками. У Росса так свело мышцы ног, что он с трудом перебрался из шлюпки на берег и едва удержал равновесие. И никто не подумал помочь ему, тем более матросы Хантера. Напротив, они со злорадством наблюдали, как майор борется за жизнь, но недаром он майор Росс: он выбрался на берег сухим и невредимым, несмотря на проливной дождь и волны. Багаж Росса должны были доставить на берег вместе с ним, но он по-прежнему на «Сириусе», и, похоже, его сгрузят в последнюю очередь. Я вышел навстречу майору и предложил помочь ему подняться по склону, и что же? Он отказал мне! Он прошел по склону победным маршем, высоко вздернув подбородок и сжав губы. А потом направился по раскисшей тропе через весь остров, не сбавляя шага, так что я тащился за ним, словно тюлень по берегу. Конечно, он бывает невыносим, но он удивительный человек!

Выслушав это повествование, Ричард широко улыбнулся и молча выставил посуду за дверь, под дождь, а потом протер стол. Сразу после прибытия «Запаса» по всему острову прошел слух, что лейтенант Кинг уплывает, его заменит майор Росс. Эти вести вызвали всеобщие вопли негодования и проклятия. Празднику придет конец — уж об этом Росс

наверняка позаботится. Дайер и Фрэнсис заметно приуныли. Но Ричарду Моргану было нечего опасаться. Конечно, лейтенант Кинг — отличный комендант, но со ста сорока девятью подчиненными ему не справиться. Он способен только бушевать, рвать на себе парик и посылать каторжников рубить деревья, пилить их и строить дома. Площадь острова Норфолк не превышает десяти тысяч акров, но разместиться на нем можно не только в окрестностях Сидней-Тауна. Филлипберг был единственной попыткой Кинга расселить колонистов, но на самом деле он предпочитал, чтобы его подопечные жили все вместе, в крохотной прибрежной долине вокруг Сидней-Тауна. Когда же Роберт Уэбб и Бет Хендерсон переселились поближе к заливу Каскад, Кинг явно расстроился. Ричард Филлимор со «Скарборо» хотел поселиться у восточной оконечности дальнего пляжа и разбить огород в удобной долине, но Кинг не позволил ему.

По мнению Ричарда, самым разумным выходом было бы разрешить свободное перемещение по острову Норфолк, позволить людям селиться там, где им нравится. Больше всего его пугало быстрое разрастание Сидней-Тауна и его слияние с долиной Артура, которую Ричард любил за уединенность: здесь он был почти полностью предоставлен самому себе. Он устроил себе подобие купальни на берегу ручья, в чаще папоротников, прорыв отводной канал таким образом, чтобы не загрязнять воду в ручье. Но если бы Кинг остался комендантом острова, рано или поздно Сидней-Таун слился бы с поселением в долине. Ричард надеялся только на мудрость майора Росса: Росс был сделан из другого теста и, следовательно, мог отменить решения предшественника, увидев, как чудовищно увеличился поселок.

— Стало быть, майор уже сушит китель в доме коменданта? — спросил Ричард, гуляя со Стивеном вдоль ручья и направляясь к запруде.

— Само собой. Бедняга Кинг! С одной стороны, он в восторге от ответственной задачи, возложенной на него губернатором, а с другой — ему невыносима мысль о том, что диктатором Норфолка станет майор Росс.

Рядовой Уигфолл, который обедал с несколькими вновь прибывшими пехотинцами — его друзьями из Порт-Джексона, — увидел, как Ричард свернул к лесопилке. Пильщики уже почти распилили тридцатифутовое бревно и добрались до его сердцевины, из которой предполагалось сделать брусья и дранки. Стивен Донован повернул в противоположную сторону — туда, где дюжина рабочих сооружала шлюзы в запруде, сложенной из базальтовых глыб, обтесанного известняка и земли. Даже в сильные дожди запруда держалась, что изумляло всех. А дождь все лил и лил.

«Сириус» и «Запас» привезли больше людей, чем жило на острове до

марта тысяча семьсот девяностого года. Оба судна доставили на Норфолк припасы — от муки до рома.

— Но этого слишком мало! — в отчаянии кричал лейтенант Кинг майору Россу. — Как же мне накормить столько голодных ртов?

— Это не ваша забота, — напрямик отвечал майор. — Вы останетесь комендантом острова только до отплытия «Запаса», а он снимется с якоря, когда трюмы будут пусты. Покамест я прислушиваюсь к вашему мнению, но потом сам буду решать, чем кормить островитян. И где размещать их. — Он обнял за плечи своего десятилетнего сына, Александра Джона, получившего чин младшего лейтенанта морской пехоты после смерти капитана Джона Ши. Эта утрата вызвала перестановки в рядах офицеров, нижняя ступень иерархической лестницы освободилась. Малыш Джон, как его называли, был тихим ребенком, который старался не доставлять отцу лишних хлопот. Он смирился со случившимся, прекрасно понимая, что столь неожиданное продвижение по службе не заставит офицеров дружески относиться к нему. Отец мальчика, стоя на крыльце дома, обвел взглядом прибрежную долину, где царил такой же хаос, как в Порт-Джексона сразу после высадки.

Люди бесцельно бродили по берегу, в том числе и пятьдесят шесть вновь прибывших пехотинцев, которым негде было жить. Офицеры расположились в хижинах, прежде занятых каторжниками, и это усилило суматоху и увеличило число бездомных.

— Надеюсь, у вас есть опытные пильщики, мистер Кинг? — мрачно спросил Росс.

— Да. — Недовольство Кинга росло вместе с внезапным желанием поскорее покинуть остров Норфолк. — Здесь три лесопилки, но рабочих рук нам недостает, а вы сами знаете, майор, как трудно подыскать крепких и умелых пильщиков.

— В числе прибывших есть пильщики из Порт-Джексона.

— А пилы?

— Его превосходительство отправил сюда все пилы, кроме трех продольных. Теперь у нас есть сотня ручных пил. — Росс отпустил сына. — Ричард Морган работает на лесопилке?

Лицо Кинга посветлело.

— Не знаю, что бы я делал без него, — признался он. — И без Ната Лукаса, старшего плотника, и без Тома Краудера, моего секретаря.

— Я же говорил вам: Морган — надежный человек. Где он?

— Пилит дерево, пока еще светло.

— А кто же точит пилы?

Кинг помрачнел.

— Он обучил этому ремеслу женщин, и не ошибся в выборе. Напарник Моргана — рядовой Уигфолл. Нам пришлось привлечь его к работе за неимением подходящих каторжников. Пилить деревья — работа не из легких, но Уигфолл справляется с ней, как и Морган, и еще несколько человек. У них отменное здоровье — вероятно, благодаря физическому труду и сытной еде.

— Надо и впредь кормить их досыта, даже если остальным придется поголодать. Наша первоочередная задача, — продолжал Росс, на время забыв о том, что на острове пока правит Кинг, — построить казармы для пехотинцев. Жизнь в палатках — сущий ад, и потом, неизвестно, когда Хантер соизволит доставить палатки на берег. — И он добавил как ни в чем не бывало: — Как по-вашему, где следует разместить казармы?

— Вон там, по другую сторону от болота, — указал Кинг, сумев подавить раздражение. — У подножия холмов за Сидней-Тауном земля почти сухая, но должен предупредить, что норфолкские сосны в земле быстро гнивают. Лучше сразу заложить каменные фундаменты. Среди каторжников есть каменщики?

— Несколько. И еще каменотесы. Порт-Джексон пока не нуждается в новых строениях, а губернатору известно, что на острове Норфолк их не хватает. Кстати, он обрадовался, узнав, что здесь найден известняк: мы обшарили весь округ Камберленд, но не обнаружили ни крупницы извести.

— Тогда я сообщу ему, что нам не о чем беспокоиться: мы способны производить сотню бушелей извести в день, — заверил Кинг, ощущая острую потребность глотнуть портвейна, но сознавая, что майор не одобряет пристрастия к спиртному — за исключением ежедневной полпинты рома. Заметив, что в дверях дома стоит Энн, Кинг решил на время покинуть майора: Энн ждала второго ребенка и стала раздражительной и капризной. — Мне надо идти, — выпалил он и удалился.

К дому приблизился младший лейтенант Ральф Кларк, которого Росс презирал, пока не обнаружил, что слезливый и сентиментальный Кларк умеет обращаться с детьми и питает нежную привязанность к Малышу Джону. Как пехотинец Кларк был бесполезен, зато оказался превосходной нянькой.

— Сэр, я был бы несказанно рад переодеться в чистую рубашку, — учтиво заговорил Кларк, улыбаясь Малышу Джону. — Уверен, и вы тоже. Почему наш багаж до сих пор не прибыл?

— Сомневаюсь, что его вообще успели разгрузить, — хмуро отозвался

Росс. — Разгрузка «Сириуса» прекратилась — якобы из-за темноты, но трюмы «Запаса» до сих пор продолжают освобождать.

— На «Запасае» Болл и Блэкберн, сэр. Они знакомы со здешними прибрежными водами.

«А Хантер с „Сириуса“ — набитый дурак», — мысленно добавил Росс и сказал вслух:

— Присмотрите за Малышом Джоном, лейтенант. Мне надо пройтись.

Даже теперь, по прошествии целого года, следы урагана были еще заметны на острове. Впрочем, все крепкие поваленные деревья уже успели ошкурить и распилить. От слишком длинных и уже подгнивших деревьев избавлялись самыми разными способами: ветки шли на изготовление факелов и топливо для костров, стволы распиливали на чурбаки и сжигали при обжиге извести. Кинг объяснил, что пока пильщикам хватает поваленных бурей деревьев, хотя вырубка лесов на холмах вокруг долины и в окрестностях Сидней-Тауна продолжается. «Зимой, — решил майор Росс, — мы будем каждую ночь жечь большой костер. Здесь слишком мало ровной земли, чтобы захламлять ее гниющим деревом».

На взгляд Росса, остров во всех отношениях уступал Порт-Джексону, он не сомневался, что этой земле не прокормить более четырехсот едоков. Правда, овощей здесь было множество, несмотря на нашествие гусениц, но человек, питающийся одними овощами, не в состоянии выполнять тяжелую работу — ему необходимы еще и мясо, и хлеб. Собранный урожай пшеницы и кукурузы изумил Росса. Кинг объяснил, что только постоянное присутствие в амбаре отпрысков Макгрегора и Дельфинии помогает сдерживать натиск крыс. Новые переселенцы привезли с собой еще десяток собак и два десятка кошек, способных истребить полчища грызунов. Свиньи здесь плодились гораздо быстрее, чем в Порт-Джексоне. Их кормили кукурузой, кормовой свеклой, рыбьей требухой и всеми прочими объедками и остатками, даже мякотью пальм и древовидных папоротников. Кроме того, на корм скоту шло мясо какой-то морской птицы, гнездящейся в расщелинах горы Георга с ноября по март.

— Эти глупые твари, — рассказывал Кинг, — забывают дорогу к гнездам, едва отойдя от них. По ночам они воют, как призраки, пугая нас до полусмерти. С факелом в руках их легко поймать. Свиньи сами забираются на гору и ловят этих птиц. Мы тоже пробовали их мясо, но оно слишком жирное и отдает рыбой. Гадость!

«Значит, — думал Росс, шагая рядом с Кингом, — мне придется заботиться еще и о том, как прокормить свиней».

Несмотря на то что урожай пшеницы был хорошим, ее не хватило бы

островитянам до следующего урожая; посев начинался в мае или июне, жатва — в ноябре или декабре. По словам Кинга, кукурузу можно выращивать на острове круглый год. Для борьбы с гусеницами и крысами он разработал собственный метод: приказывал сеять пшеницу сразу после того, как схлынет очередная волна и гусениц станет меньше, а кукурузу сажал после пшеницы. Добраться до пшеничных колосьев крысы не могли, но без труда взбирались вверх по стеблям кукурузы. Однако и початкам, и колосьям угрожала еще одна опасность — со стороны зеленых попугаев, прилетавших на поля огромными стаями. Майор понял, что укрощение дикой природы представляет собой непрестанную войну.

Он прошелся по берегу возле Сидней-Тауна, ни на минуту не переставая размышлять. Селиться в долине Артура нельзя: именно там лучше всего растут злаки и овощи, значит, эту землю следует беречь. Вновь прибывших придется разместить в Сидней-Тауне — но только на время. Надо будет побывать в гостях у Роберта Уэбба с женой и бывшего каторжника Роберта Джонса, которые осваивали землю между Сидней-Тауном и заливом Каскад. Майор помнил, что высадился на берег именно в заливе Каскад. Как, должно быть, злорадствовал Хантер, видя вице-губернатора в шлюпке, переполненной домашней птицей! Росс всей душой желал отомстить капитану «Сириуса» Джону Хантеру и мысленно послал ему проклятие, в силу которого верил, несмотря на всю свою приземленность и практичность. Хантеру не видать удачи. Хантер еще узнает, что такое горе. Хантер погибнет. Будь он проклят, будь он проклят...

Немного успокоившись, Росс остановился на берегу, повернулся на восток и принялся разглядывать расчищенный, но ничем не занятый участок вдоль пляжа в Черепашьем заливе. Вот здесь, решил он, да еще вдоль дороги к естественному причалу и разместятся пехотинцы и офицеры, таким образом преграждая каторжникам доступ в долину Артура и к пище, хранящейся в огромных амбарах, выстроенных Кингом. Каторжников придется поселить восточнее, по десять человек в хижине, и к черту наложенные преподобным Джонсоном запреты на ночные свидания мужчин и женщин! По мнению Росса, разрешение беспрепятственно совокупляться облегчило бы жизнь колонистов. Бог простит их, ведь он обрек их на такое множество других испытаний.

Каторжникам, которых офицеры выгнали из хижин у берега, надо будет вернуть их жилища во что бы то ни стало. Горстка людей, работавших здесь, заслуживала хоть какого-то поощрения за свои труды. Они вернутся в свои дома сразу, как только у офицеров появится жилье, и

они же первыми получают земельные участки. Росс уже пришел к выводу, что это единственно верное решение — позволить каторжникам самим заселить островок, затерянный в океане. Самые покладистые и трудолюбивые получают в награду землю — в окрестностях Сидней-Тауна, в долине Артура, но в основном — на девственной, неосвоенной части острова. Дорог здесь уже достаточно, надо только расширить тропу в Болл-Бей, в залив Каскад и Энсон-Бей. Когда на острове появятся дороги, люди смогут свободно перемещаться по нему. Росс подумал о том, что если у него и есть хоть одно преимущество, так это рабочие руки.

Приняв эти решения, майор направился на запад, к долине Артура, бормоча себе под нос, что за два года, проведенных на острове Норфолк, лейтенант Кинг неплохо потрудился, тем более что ему не доставало работников. Деревянные фундаменты амбаров постепенно заменяли каменными, из обтесанных глыб известняка, обнаруженного Кингом в окрестностях кладбища. К амбарам примыкал просторный скотный двор, запруда поражала воображение размерами. Росс также осмотрел вторую лесопилку с навесом от солнца, старательно работающих пильщиков, женщин, деловито затачивающих пилы, а затем направился дальше по долине, где пологие склоны уже были расчищены и подготовлены к посеву пшеницы и кукурузы. Здесь же он обнаружил третью лесопилку, где Ричард Морган распиливал гигантское бревно. Остановившись поодаль, чтобы не привлекать к себе внимания — это было опасно, поскольку Морган орудовал остро отточенным инструментом, распиливая сердцевину бревна на брусья, — майор Росс молча ждал.

Воздух был влажным, за последние четыре дня небо прояснилось, и пильщики работали только в истрепанных холщовых штанах. Росс недовольно нахмурился. Еще по Порт-Джексону он знал, что никто из каторжников не в состоянии позволить себе иметь белье — последнее, которое у них было, истлело год назад. Стало быть, теперь грубые швы натирали им пах. «Каторжники достойны презрения, но я готов признать, что среди них есть немало порядочных людей, а некоторые из них еще и образованны. Кингу нравятся подхалимы вроде Тома Краудера, а я предпочитаю таких, как Ричард Морган: он открывает рот только затем, чтобы высказать здравую мысль. Как и Нат Лукас, старший плотник. Краудер работает на себя, Морган и Лукас — потому, что им приятен сам процесс работы. Чудны дела твои, Господи: ты наделил одних мужчин и женщин трудолюбием и изобретательностью, а других сделал лентяями до мозга костей...»

Когда бревно было распилено, Росс подал голос:

— Ты славно поработал, Морган.

Не скрывая удовольствия, Ричард прыгнул с бруса на твердую почву и подошел к майору. Он уже машинально протянул руку, но вовремя заметил свою ошибку и заменил рукопожатие приветственным жестом.

— Добро пожаловать, майор Росс, — с улыбкой произнес он.

— Тебя уже выселили из дома?

— Нет, сэр, но думаю, это вскоре случится.

— Где ты жил прежде?

— Выше по течению ручья, на правом берегу.

— Покажи мне свой дом.

Дом Моргана, на каменном фундаменте, под крышей из дранки, нельзя было назвать хижинкой, хотя он и стоял среди леса. Росс отметил, что в доме есть каменный дымоход, как в некоторых хижинах на берегу лагуны, — Кинг разрешил построить его в награду за усердие Моргана. Уборная располагалась поодаль, у подножия холма. За домом был разбит ухоженный огород с дорожками из базальтовых плит, еще дальше колыхался на ветру сахарный тростник. На краю огорода росло несколько бананов, а возле уборной — невысокие кусты с краснеющими ягодами.

Войдя в дом, майор Росс сразу понял, что он представляет собой истинный шедевр, тем более что создан человеком, не владеющим ремеслом плотника. К этому времени Ричард уже успел отполировать доски, которыми были обшиты стены, потолок и пол. Впрочем, Росс тут же вспомнил, что оружейники умеют обрабатывать и дерево. Впечатляющая коллекция книг стояла на полке, прибитой к стене, на второй полке красовался каменный фильтр, постель была застелена одеялами с «Александера», посреди комнаты разместились изящный стол и два стула. Окна были прикрыты прочными ставнями.

— Ты выстроил настоящий дом, — одобрительно произнес Росс, присаживаясь на стул. — Садись, Морган, иначе мне будет неловко.

Ричард смущенно сел.

— Я рад видеть вас, сэр.

— Так я и понял. Мало кто обрадовался моему приезду.

— Видите ли, люди боятся любых перемен.

— Особенно если имя этим переменам — Роберт Росс. Нет-нет, Морган, не возражай: я все понимаю. Ты каторжник, но не преступник — в том-то и разница. К примеру, я не считаю преступником и Лукаса. Ты не знаешь, за что его отправили на каторгу? Дело в том, что мне нужны факты, чтобы подкрепить свою теорию.

— Лукас жил в одном лондонском пансионе, ему не позволяли

запирать дверь комнаты, поскольку в любой момент к нему могли подселить второго жильца. Кроме него, в пансионе жили отец с дочерью. Этот отец нашел под матрасом Лукаса вещи, принадлежащие его дочери, — муслиновый передник и все такое прочее. Но у самого отца ничего не было похищено. Лукаса обвинили в краже, отец с дочерью подали на него в суд.

— А что, по-твоему, случилось на самом деле? — заинтересованно спросил майор.

— Похоже, девушка увлеклась Лукасом, а когда поняла, что он не ответит ей взаимностью, решила отомстить. Суд продолжался десять минут, мастер, у которого работал Лукас, не явился, поэтому вступить за обвиняемого было некому. Но насколько мне известно, лондонские суды так загружены работой, что даже присутствие мастера ничего бы не изменило — а может, его просто не впустили в зал заседаний. Лукас отрицал свою вину, но ее подтверждали двое истцов. Суд поверил им и приговорил Лукаса к семи годам каторги.

— Еще одно подтверждение моей теории! — воскликнул Росс, вытягивая перед собой ноги. — Такие истории — распространенное явление. Да, среди каторжников есть мерзавцы и подлецы, но я заметил, что большинство стараются никому не доставлять хлопот. Мы приглядываем лишь за некоторыми. На каждого каторжника, которого мы вынуждены то и дело подвергать порке, приходится три-четыре человека, которых не пороли ни разу. Среди них есть и такие, кто просто испытывает отвращение к тяжелому физическому труду. Английские судебные процессы построены по одному и тому же принципу: кто-то высказывается в пользу обвиняемого, кто-то — против него. В судах редко представляют улики и доказательства.

— Многие из нас совершили преступление, будучи пьяными, — добавил Ричард.

— Значит, так было и с тобой?

— Не совсем, хотя ром сыграл здесь свою роль. Я был главным свидетелем в деле об обмане чиновников акцизного управления, поэтому меня уперли за решетку, чтобы я не смог дать показания. Это произошло в Бристолe, а судили меня в Глостере, где никто меня не знал. — Ричард перевел дыхание. — Но сказать по правде, сэр, во всем виноват только я.

Этот человек напоминал Россу кельтского воина — темноволосый, загорелый, со светлыми глазами и выразительным лицом. Высокий рост он, должно быть, унаследовал от предков-англичан, а мускулы окрепли от тяжелой работы. Тела пильщиков, каменщиков, кузнецов и лесорубов неизменно поражали силой и грубоватой красотой — при условии, что их

сытно кормили, а на острове Норфолк до сих пор хватало еды. Но что будет дальше — неизвестно.

— Ты так и пынешь здоровьем, — заметил Росс. — Впрочем, ты ведь и раньше никогда не болел.

— Мне удалось сохранить здоровье благодаря каменному фильтру. — Ричард кивнул в сторону массивной чаши. — А еще мне просто повезло, сэр. Мне редко приходилось голодать, мне было некогда бездельничать и, следовательно, болеть. Но если бы я остался в Порт-Джексоне — кто знает? Хорошо, что вы отправили меня сюда еще шестнадцать месяцев назад. — Его глаза весело блеснули. — Я люблю рыбу, а здесь ее множество. Я вымениваю ее на свою порцию солонины.

Мактавиш приоткрыл лапой дверь, протиснулся в щель и присел у ног Ричарда, высунув язык.

— Боже милостивый! Неужели это Уоллес? На Макгрегора он не похож.

— Нет, сэр, это внук Уоллеса от местного спаниеля Дельфинии. Его зовут Мактавиш, он отлично ловит крыс.

Росс поднялся.

— Поздравляю, Морган: теперь у тебя есть удобный и прочный дом. Должно быть, летом здесь прохладно благодаря обшивке стен, а зимой тепло.

— Мой дом в вашем распоряжении, сэр, — невозмутимо произнес Ричард.

— Находишь он поближе хоть к какому-нибудь очагу цивилизации, я отнял бы его у тебя. Ты проявил предусмотрительность, построив его в конце долины. Никто из моих офицеров не любит пешие прогулки, за исключением лейтенанта Кларка, а они должны быть всегда рядом со мной. — «И кроме того, дом расположен слишком уединенно, чтобы служить жилищем губернатора острова, — мысленно добавил Росс. — Кто знает, что придет в голову каторжникам?» — Но со временем к тебе придется кого-нибудь подселить.

Ричард проводил гостя до лесопилки, где Сэм Хасси и Гарри Хамфрис уже атаковали новое бревно.

— Сэр, меня назначили старшим пильщиком, поэтому я хотел бы поговорить с вами — как только у вас появится время, — сказал Ричард.

— Лучше сделать это прямо сейчас, Морган. Говори.

Они обошли все ямы поочередно, Ричард рассказывал о том, как его осенило поручить женщинам затачивать пилы и очищать бревна от коры. Он показал места, где можно было вырыть новые ямы, перечислял людей,

которых хотел бы взять в подручные, сообщил, что один день в неделю пильщикам позволяют спиливать дерево для собственных домов, и предлагал переделать одну из запасных продольных пил в поперечную.

— Но эту работу я никому не доверю, — заключил Ричард, стоя на краю последней ямы. — Нет ли среди прибывших Уильяма Эдмундса? — спросил он, уверенный, что майор Росс знает имена всех переселенцев, свободных и каторжников.

— Да, он где-то здесь. Он в твоём распоряжении.

Ричард удовлетворенно улыбнулся: смена власти на острове прошла для него безболезненно. Оказалось, майор Росс вполне способен беседовать с каторжником, как с обычным человеком. Может, поэтому он и отправил Ричарда на остров?

* * *

В пятницу девятнадцатого марта, в тихий и ясный день «Сириус» вошел в гавань возле Сидней-Тауна и принялся разгружаться. На судне уже спускали шлюпки, как вдруг капитан заметил, что его отнесло слишком близко к скалам Пойнт-Хантера; паруса упустили ветер и повисли. Шкипер Келти решил исправить положение, поймав ветер с кормы, но как раз в этот момент бриз сменился сильным порывом. Паруса вновь обвисли. Едва склянки пробили полдень, нахлынула волна и понесла судно бортом на риф. Вооружившись топорами, матросы срубили мачты до настила палубы и стали спускать шлюпки, путаясь в тросах и парусах. Чтобы помочь им, с берега и с «Запаса» отправили лодки, но никто не надеялся добраться до гибнущего судна вовремя. Коварный прибой уже разбушевался и перехлестывал через изогнутый край кормы там, где он сходил с прямым бортом. Пока матросы лихорадочно пытались убрать с палубы упавшие снасти, с судна на берег бросили семидюймовый трос и обвязали его вокруг сосны. Благодаря этому тросу морякам удалось перебраться на берег, избежав ярости полуденного прилива. Но поскольку трос висел над самой водой, прибой изрядно помял капитана Джона Хантера, и майор Росс удостоверился, что его проклятия действовали. Впрочем, все могло кончиться гораздо хуже: если бы судно затонуло, Хантера ждал бы трибунал в Англии.

Офицеры последовали примеру капитана, и только потом кто-то догадался укрепить на тросе блок, чтобы матросы не покалечили ноги о коралловый риф. Подставить под трос треножник можно было лишь после

того, как прибор утихнет.

Матросы с «Сириуса», отпущенные на берег, в напряжении следили за происходящим; Стивен Донован возмущался тем, что никто из моряков с «Сириуса» не удосужился расспросить его о местных ветрах и течениях. Кто-то ведь должен был сообразить, что ветер у берегов острова часто меняется! Почему Хантер не посоветовался с Дэвидом Блэкберном или Гарри Боллом, неужто он не хотел ронять достоинство, обращаясь к какому-то помощнику капитана с торгового судна?

Как всегда, дурные вести быстро дошли до лесопилок. Подумав, Ричард велел подручным продолжать работу, пока их не позовут на помощь. Требовалось спешно построить дома для нескольких сотен людей да еще для матросов с «Сириуса», обреченных задержаться на острове Норфолк, — сотни голодных ртов. Если «Сириус» не удастся подготовить к отплытию в Китай, плавание предстоит совершить «Запасу», и ждать его возвращения придется несколько долгих месяцев. Потом Ричард узнал, что все его выводы были верными.

В субботу на рассвете выяснилось, что корма «Сириуса» разбита и висит над самым рифом, сам корабль опасно накренился. Разгрузка трюмов заметно осложнилась. Ветер усилился, тучи грозили дождем, но тем не менее перевозка провизии на берег продолжалась весь день. К четырем часам дня «Сириус» покинула последняя шлюпка. Матросы опустошили трюмы и перенесли весь груз на расчищенные палубы.

В девять утра в субботу Кинг по требованию майора Росса собрал на совет всех офицеров с «Сириуса» и морских пехотинцев. Совет проводил Росс.

— Как и подобает поступать при чрезвычайном положении, лейтенант Кинг официально передал мне все полномочия губернатора острова, — начал Росс, светлые глаза которого приобрели стальной блеск высокогорных шотландских озер. — Необходимо принять решения, чтобы обеспечить на острове покой, порядок и надлежащее управление. Мне сообщили, что «Запас» в состоянии взять на борт двадцать членов экипажа «Сириуса», а также мистера Кинга, его жену и ребенка. Судно должно отплыть в Порт-Джексон как можно скорее. Его превосходительство следует немедленно известить о катастрофе.

— Я ни в чем не виноват! — выпалил Хантер, побелев так, словно он в любую секунду мог лишиться чувств. — Мы не смогли поймать ветер, просто не сумели! А когда ветер усилился, паруса были спущены. Все произошло слишком быстро!

— Я созвал вас не для того, чтобы кого-то обвинять, капитан

Хантер, — сухо перебил Росс. Он сознавал свою власть и понимал, что капитану королевского флота придется подчиниться ему, офицеру морской пехоты. — Мы собрались здесь, чтобы обсудить прискорбный факт: в поселении, где еще шесть дней назад жило только сто сорок девять человек, теперь собралось пятьсот, в том числе триста каторжников и восемьдесят матросов с «Сириуса». Последние не пригодны ни для охраны каторжников, ни для работы на суше. Как вы думаете, мистер Кинг, согласится ли губернатор Филлип снова прислать сюда «Запас»?

На лице Кинга отразилась сложная смесь потрясения и замешательства. Подумав, он энергично покачал головой:

— Нет, майор Росс, рассчитывать на возвращение «Запаса» нельзя. Как нам известно, колонисты Порт-Джексона голодают, а его превосходительство не без оснований опасается, что в Англии по каким-то причинам забыли про нас. Теперь только «Запас» служит связующим звеном между нами и остальным миром. Ему придется отплыть либо в Кейптаун, либо в Батавию за провизией, и я ручаюсь, его превосходительство выберет Батавию, поскольку старое, изношенное судно не выдержит длительного плавания. Прежде всего необходимо, чтобы кто-нибудь из нас известил правительство о плачевном положении обеих колоний. Конечно, может случиться так, что грузовое судно прибудет со дня на день. Но это, джентльмены, маловероятно.

— Будем исходить из самых худших предположений, мистер Кинг, и не станем уповать на скорое прибытие грузового судна. В амбаре еще есть пшеница и кукуруза, но посев можно начинать лишь через два месяца, а до следующего урожая придется ждать восемь-девять месяцев. Если мы сумеем вывезти всю провизию с «Сириуса», — Росс намеренно игнорировал оскорбленное выражение на лице Хантера, — то нам будет чем кормить людей в течение трех месяцев. Кроме того, мы можем ловить рыбу и питаться мясом здешних птиц.

Просияв, Кинг живо добавил:

— Кроме летних птиц, которые воют, как призраки, есть еще и зимние — жирные и вкусные, которые прилетают на остров в апреле и остаются здесь до августа. Они живут в горах, поэтому мы редко использовали этих птиц в качестве пищи — путь туда долг и опасен. Но сами птицы почти ручные, их можно ловить голыми руками. Здесь их множество. Целыми днями они ловят рыбу в море, а в сумерках возвращаются в норы. Если положение станет отчаянным, мы сможем питаться их мясом. Надо лишь разведать путь в горы.

— Благодарю вас за сведения, мистер Кинг. — Росс прокашлялся. —

Но больше всего меня беспокоит возможный мятеж. — Он перевел взгляд на морских офицеров. — И не обязательно мятеж каторжников. Среди моих подчиненных немало тех, кто не мыслит жизни без рома. А когда я говорил, что провизии нам хватит всего на три месяца, то имел в виду и ром. Чтобы его хватило офицерам, мне придется урезать норму рядовых. А ведь ром должны получать и матросы капитана Хантера — верно, капитан?

Хантер сглотнул.

— Боюсь, да, майор Росс.

— Итак, у нас есть только один выход, — подытожил Росс. — Военное положение и трибунал. Любого колониста, совершившего кражу, будь он свободным человеком или каторжником, придется приговаривать к смертной казни. И я не отступлю от своего решения, джентльмены, можете не сомневаться.

Это заявление было встречено мрачным молчанием. Снаружи доносились голоса колонистов, переносящих припасы с «Сириуса», — они напоминали о том, какой хаос царит в поселке.

— В восемь утра в понедельник, — продолжал Росс, — все жители этого острова должны собраться у флагштока — я сообщу им, как обстоят наши дела. А пока советую вам держать языки за зубами. Не вздумайте проболтаться! Если слухи о трибунале пройдут по острову до понедельника, я прикажу выпороть виновника, окажется он даже старшим офицером. А теперь все свободны.

С «Сириуса» продолжали перевозить на берег вещи и провизию; скот, овец и коз просто сбрасывали за борт и гнали к берегу, причем потери были невелики. С судна благополучно вывезли все бочонки, ящики и мешки. «Сириус» лежал бортом на рифе, то поднимаясь, то опускаясь, но не сдвигаясь с места даже под натиском ветра. Проходили дни, а воды в трюмах не прибавлялось.

В восемь часов утра в понедельник все островитяне столпились возле флагштока. Моряки и пехотинцы выстроились в шеренгу справа, а каторжники — слева от флага, офицеры расположились между ними.

— Пользуясь полномочиями коменданта этой английской колонии, объявляю, что с сего момента в силу вступают законы военного времени. — Командный голос майора Росса далеко разносил западный ветер. — До тех пор пока Бог и британское правительство не вспомнят о нас, мы предоставлены самим себе. Если мы хотим выжить, тогда все мужчины, женщины и дети должны трудиться, поставив перед собой две цели: выстроить жилища и обеспечить себя едой. По моим подсчетам, после отплытия «Запаса» на острове останется пятьсот четыре человека:

численность населения утроилась всего за одну неделю. Не стану умалчивать о том, что всем нам грозит голодная смерть. Но заверяю вас: никто, ни один человек не будет питаться лучше, чем остальные. Бог послал нам испытание, как израильтянам в пустыне, но мы не можем похвалиться добродетелями, присущими этому древнему народу. Мы должны рассчитывать только на собственную находчивость, на силу воли, на трудолюбие. Помня о том, что для нас важнее всего, мы переживем даже самые страшные испытания!

Он сделал паузу, и те, кто стоял поблизости, увидели горечь на его лице.

— Увы, мы не израильтяне. Среди нас есть немало отбросов общества, изгоев, отщепенцев, с которыми надо обращаться соответственно. Тех, кто со смирением и покорностью терпит свою участь, ждут награды. Те же, кто посмеет вырывать еду изо рта своих ближних, будут казнены. Тех, кто станет воровать, чтобы обменять украденное, обеспечить себе удобства, удовлетворить пристрастие к спиртному и по другим причинам, я прикажу подвергать суровой порке. На снисхождение не смогут рассчитывать ни женщины, ни даже дети. На острове вводятся законы военного времени, а это означает, что я стану вашим судьей, судом присяжных и палачом. Мне нет дела до того, с кем вы будете совокупляться и как проводить свободное время, но я не потерплю ни малейшего неповиновения, угрожающего общему благу! В течение первых шести недель все собранные овощи и другие плоды этой земли предназначаются исключительно для правительственных складов, но я предлагаю всем мужчинам и женщинам начать самостоятельно выращивать овощи, чтобы пополнить наши запасы, и тогда через шесть недель вы будете сдавать на правительственный склад лишь две трети урожая. Мой девиз — «упорный труд — путь к процветанию», и это относится не только к каторжникам, но и к свободным колонистам.

Он приподнял верхнюю губу, оскалив зубы.

— Я — майор Роберт Росс, моя репутация всем известна! Я — вице-губернатор острова Норфолк, мое слово здесь — такой же закон, как слово самого короля! А теперь — троекратное «ура» в честь его величества короля Георга! Гип-гип!

— Ур-а-а! — дружно отозвались собравшиеся и повторили этот крик еще два раза.

— И троекратное «ура» в честь лейтенанта Кинга, способного творить чудеса. Мистер Кинг, желаем вам попутного ветра! Гип-гип!

«Ура» в честь Кинга прозвучало еще громче, чем в честь короля.

Лейтенант стоял ошеломленный, сияющий, исполненный благодарности. В эту минуту он по-настоящему любил майора Росса.

— А теперь каждый должен пройти мимо флага Соединенного Королевства, склонив голову в знак преданности!

И островитяне вереницей потянулись мимо флага, храня почтительное молчание.

Хотя Ричард стоял среди своих пыльщиков, у самого флага, он заметил в толпе вновь прибывших много знакомых лиц: Уилла Коннелли, Недди Перрота и Тэффи Эдмундса, Томми Киднера, — Аарона Дэвиса, Мики Деннисона, Стива Мартина, Джорджа Геста и его товарищей Эда Рисби и Джорджа Уитейкра. Среди новых пехотинцев были его помощник-оружейник Дэниел Стэнфилд, а также два рядовых с «Александера» — Элиас Бишоп и Джо Макколдрен. Несомненно, они тоже заметили Ричарда и вскоре должны были разыскать его, чтобы поприветствовать. Как объяснить им, что майор Росс вовсе не шутил? А если ему не понравится, что его старший пыльщик заболтался со своими старыми товарищами? Но тут майор Росс разрешил дилемму Ричарда, выкрикнув его имя.

— Да, сэр? — отозвался Ричард, пробираясь сквозь толпу.

— Я приказал рядовому Стэнфилду разыскать Эдмундса. Ты будешь на третьей лесопилке?

— Да, сэр.

— С тобой поселится Джон Лоурелл — можешь распоряжаться им, как пожелаешь. Славный малый, но слишком уж медлительный. Поручи ему ухаживать за огородом. В течение первых двух недель Том Краудер будет забирать все, что выросло на нем, а потом станет брать только две трети.

— Да, сэр, — еще раз повторил Ричард и поспешно удалился. Джона Лоурелла он немного знал — тот пробыл на Норфолке уже целый год и был добродушным, неуклюжим корнуэльцем с «Дюнкерка» и «Скарборо». Прежде Лоурелл выполнял черную работу под началом Стивена. Что задумал майор Росс? По сути дела, он дал Ричарду слугу.

К тому времени как Ричард добрался до третьей лесопилки, где уже работали Сэм Хасси и Гарри Хамфрис, он понял, как рассудил майор: поскольку остров наводнили вновь прибывшие, прежние жители, имеющие свои огороды, рисковали лишиться урожая, несмотря на грозное предупреждение о военном положении и трибунале. Росс назначил охранника, которому предстояло стеречь огород Ричарда, и собирался поступить так же с другими ценными работниками. Именно поэтому он выбрал Лоурелла — одного из самых безобидных и туповатых колонистов. Подавив вздох, Ричард мысленно поклялся, что с сегодняшнего же дня

начнет строить для Лоурелла отдельный дом. Он был готов обойтись скудным пайком, лишь бы не делить дом с чужим человеком.

— Я схожу к новым ямам, Билли, — сообщил он рядовому Уигфоллу, которого давно считал другом. Уигфолл кивнул и улыбнулся. — И проследи, чтобы сюда больше не присылали Уильямов. — Ричард вдруг вспомнил еще кое-что: — А если появится валлиец по имени Тэффи Эдмунде, посади его в тени — только не с женщинами! — и вели подождать меня. Он будет точить нам пилы. К сожалению, он терпеть не может женщин, но надеюсь, когда-нибудь это пройдет.

Три новые ямы были выкопаны за пределами Сидней-Тауна, к востоку от лагуны, где холмы еще покрывали густые леса. Росс уже продумал свои первые действия и распорядился валить деревья так, чтобы образовалась просека шириной двадцать футов и длиной от Черепашьего залива до Болл-Бей — основа будущей дороги. Деревья на склонах холмов близ Черепашьего залива можно было рубить так, чтобы они сами скатывались вниз. Как только лесорубы приблизятся к Болл-Бей, там придется вырыть еще одну яму для лесопилки. Ричард уже давно понял, что не сумеет следить за работой такого множества лесопилок, поэтому решил выбрать на каждой старшего пильщика, который не даст работникам прохлаждаться даже в отсутствие надзирателей. Кроме дороги из Черепашьего залива в Болл-Бей, майор Росс задумал проложить путь к заливу Каскад, а также третий, самый длинный, до Энсон-Бей. Первоочередной задачей майора было увеличение числа лесопилок.

На обратном пути Ричард заглянул на безымянный пляж, куда прибывало поваленные сосны, скатывающиеся с утесов в воду. Толстые стволы громоздились у самого берега, твердея со временем и превращаясь в подобие камня. Слабый ветер почти не поднимал волны. У самого берега Ричард увидел полощущийся в воде парус с «Сириуса». Сразу сообразив, что его следует выловить, он ускорил шаг. Правда, прилив только начался, можно было не опасаться, что волны вскоре унесут парус в море, но Ричард предпочитал не рисковать и не медлить.

Первым из своих начальников он увидел Стивена, который в эти дни следил за работой на каменоломне.

Расплывшись в улыбке, Стивен моментально забыл о своих подчиненных.

— Черт бы побрал этих вновь прибывших! Из-за них мы не виделись целую неделю. — И вдруг выражение его лица изменилось. — Ричард, какой позор! Мы потеряли «Сириус»! Что за силы зла ополчились против нас?

— Не знаю. И, пожалуй, не хочу знать.

— Что привело тебя сюда?

— Новые лесопилки, что же еще? Теперь, когда комендантом стал майор Росс, нам придется забыть об идеализме Марка Аврелия и привыкать к прагматизму Августа. Конечно, майор вряд ли оставит после себя остров Норфолк в мраморном величии, но наверняка распорядится проложить по нему дороги — хотя бы для того, чтобы расселить людей из переполненного Сидней-Тауна. — Ричард нахмурился. — Ты можешь пожертвовать временем и работниками?

— Только в случае необходимости. А в чем дело?

— Все в порядке, — поспешил заверить его Ричард. — Я принес хорошие вести. Парус с «Сириуса» прибило к берегу там, куда прилив обычно сносит упавшие в воду деревья. Он может послужить палаткой для тех, кто остался без дома. Как только у всех островитян появятся дома, из парусины можно будет выкроить гамаки, простыни для офицеров и многое другое. Полагаю, такие каторжники, как Фрэнсис и Пек, наверняка польстятся на имущество офицеров.

— Ричард, да благословит тебя Бог! — Стивен замахал рукой, созывая своих подчиненных.

Тем же вечером, вооруженный факелом из сосновой ветки, чтобы не заблудиться в темноте на обратном пути (комендантский час начинался в восемь вечера), Ричард отправился в Сидней-Таун поискать старых знакомых, которых он заметил в толпе. Палатки сгруппировались за рядом хижин вдоль берега лагуны, и все-таки многим каторжникам пришлось спать под открытым небом, потому что в палатках поселили прежде всего матросов с «Сириуса». Ричард надеялся, что к завтрашней ночи здесь появится еще одна палатка из паруса, где хватит места всем.

Бездомные островитяне собрались вокруг огромного костра. Ричард провел на острове уже шестнадцать месяцев, но не уставал удивляться тому, как холодно здесь становится сразу после захода солнца даже в самые жаркие дни. Только в сырую погоду температура снижалась не так резко, а в тысяча семьсот девяностом году такое случалось нечасто. «Значит, — со вздохом заключил Ричард, — в этом году нам грозит засуха», — но он и сам не понимал, почему пришел к такому выводу. Должно быть, помогла интуиция, присущая его предкам-друидам.

Около сотни человек обступили гигантский костер, повсюду были разбросаны мешки с вещами. В отличие от пехотинцев и офицеров каторжников доставляли на берег вместе с их имуществом, в том числе одеялами и драгоценными ведрами. Все вновь прибывшие были босы: их

башмаки развалились еще несколько месяцев назад, а на острове Норфолк тоже не было запасов обуви. Ричард помолился о том, чтобы ночь выдалась ясной, — почти всегда дожди на острове начинались ночью, притом неожиданно. При высадке на берег каторжники вымокли до нитки, за день они не успели высушить одежду. Ричард не без оснований опасался эпидемий простуды и лихорадки, хотя и знал, что за два года освоения острова никто из двадцати трех подопечных Кинга не умер своей смертью или от болезни. При всех недостатках остров Норфолк располагал одним достоинством: благоприятным для здоровья климатом.

«Сириус» колыхался на волнах у самого рифа, представляя собой печальное зрелище. До Ричарда уже дошли слухи о том, что Уилли Дринг и Джеймс Брэнаган (с последним Ричард не был знаком) сами вызвались вплавь добраться до судна и сбросить в воду оставшуюся на борту птицу, кошек и собак, а также бочонки, способные удержаться на плаву. Дринг не годился для такой работы: некогда этот йоркширец, товарищ Джо Робинсона, был крепким и сильным, а теперь заметно сдал.

Ричард высмотрел в толпе Уилла Коннелли и Недди Пер-рота, сидящих рядом с женщинами — должно быть, их подругами, — и начал пробираться к ним.

— Ричард! О, милый, милый Ричард!

Лиззи Лок бросилась к нему, обхватила обеими руками за шею и осыпала лицо поцелуями, шепча ласковые слова, плача и смеясь.

Ричард не сумел достойно ответить на ее ласки, не смог сдержаться или дождаться, когда они останутся наедине, чтобы объяснить, что он не желает жертвовать своим уединением. Никто не сообщил ему, что Лиззи здесь, он не вспоминал о ней с того волшебного дня, когда Уильям Генри, маленькая Мэри и Пег вновь воскресли в его душе. Неожиданно для себя он оттолкнул Лиззи.

По его спине пробежал холодок, волосы на затылке встали дыбом. Ричард смотрел на свою жену, словно на демона из ада.

— Не трогай меня! — выкрикнул он, побелев как полотно. — Не прикасайся!

На лице бедняжки Лиззи неистовая радость сменилась ужасом и замешательством, а потом болью — такой острой, что она прижала обе ладони к тощей груди и уставилась на Ричарда, не замечая ничего, кроме отвращения в его глазах. Она задыхалась, приоткрывая и вновь беззвучно закрывая рот, и вдруг упала на колени, обессилив от муки.

Едва она выкрикнула имя мужа, все сидящие у костра обернулись, и те, кто знал Ричарда, уже предвкушали воссоединение супругов, радостно

ахали и улыбались.

— Но я же твоя жена! — тонко вскрикнула Лиззи, стоя на коленях. — Ричард, я твоя жена!

Его глаза прояснились. Он окинул взглядом Лиззи, стоящую на коленях, заметил нарастающий гнев и возмущение на лицах товарищей, жадное любопытство незнакомцев, которым не терпелось узнать, что будет дальше. Как же быть? Что сказать? Пока он мысленно задавал себе эти вопросы, остающиеся без ответа, краем глаза он наблюдал за зрителями и внутренне ежился от ужаса — Лиззи вновь тянулась к нему! Животный страх победил: Ричард отпрянул, стремясь оказаться вне досягаемости.

Жребий был брошен. Уж лучше пусть все закончится так же, как и началось, при трепещущем свете костра, посреди пестрой толпы, которая вправе обвинить его в бессердечии.

— Мне очень жаль, Лиззи, — с трудом выговорил Ричард, — но я не могу взять тебя с собой. Просто... не могу. — Его поднятые руки бессильно повисли. — Мне не нужна жена, я...

Не найдя верных слов, не зная, что добавить, он повернулся и ушел.

* * *

На следующий день, во вторник, он встретился со Стивеном у Пойнт-Хантера, чтобы полюбоваться закатом. Стоял один из безоблачных вечеров, когда огромный алый диск медленно соскальзывал в море, которое, как казалось Ричарду, должно шипеть и бурлить. Дневной свет угасал, небесный свод приобретал темно-синий оттенок, а исчезающее солнце словно пронизывало лучами океанские глубины, придавая им яркий молочно-голубоватый блеск.

— Благословенный край, — вздохнул Стивен, который наверняка слышал о встрече Ричарда с Лиззи, но предпочитал не упоминать о ней. — Здесь и находился райский сад — в этом я убежден. Эти места зачаровывают меня, манят, как голоса сирен. Не знаю почему, но все вокруг кажется мне неземным. Эту красоту ни с чем не сравнить. А теперь, когда здесь появились люди, они ее погубят. Ведь однажды человек уже был изгнан из рая.

— Нет, люди только попытаются погубить эту красоту, как сделали в других местах. Этот остров выживет — потому, что его любит сам Бог.

— Ты знаешь, здесь есть призраки, — неторопливо продолжал Стивен. — Одного я видел собственными глазами, да еще среди бела дня.

Это был мускулистый великан с бронзовой кожей, облаченный только в набедренную повязку. Его лицо поражало строгой патрицианской красотой, на бедрах я заметил татуировку — причудливо изогнутые линии. Такого человека я никогда не видел даже во сне. Он шел навстречу, но когда я протянул к нему руку, повернулся и прошел сквозь стену дома Ната Лукаса. Оливия до смерти перепугалась.

— Значит, мне повезло, что я поселился в долине. Но Билли Уигфолл недавно рассказывал, что видел Джона Брайанта на холме, там, где он погиб. Он исчез мгновенно. Казалось, он сам испугался, поняв, что его заметили.

Волны бились о берег, вдоль острова плыл «Запас», направляясь к заливу Каскад. Ричард подумал о том, что беременной жене лейтенанта Кинга будет нелегко перебираться с каменной пристани в качающуюся на волнах шлюпку.

— Правда ли, что Дринг и Брэнаган вчера ночью нашли на «Сириусе» ром и чуть не спалили судно? — спросил Ричард.

— Правда. Рядовой Джон Эскотт, денщик Росса, заметил огонь в темноте и поплыл к кораблю. Росс не стал удерживать его, зная, что Эскотт отличный пловец. Эскотт обнаружил Дринга и Брэнагана мертвецами пьяными. Они развели костер на палубе, чтобы согреться. Эскотт сбросил их в воду, потушил пламя и пробыл на «Сириусе» до утра. Его увезли с судна вместе с запасами рома. А Дринга и Брэнагана заковали в кандалы и заперли в помещении гауптвахты, выстроенной Кингом. Майор разбушевался: он приказал оставить ром на борту «Сириуса», надеясь таким образом уберечь его. По-моему, как только прежний комендант отплывет на «Запасе», новый назначит виновникам суровое наказание — не менее пятисот плетей — или велит казнить их. Ведь он всех предупредил, что на острове вводится военное положение.

Глаза Стивена казались особенно темными в сгущающихся сумерках. Ричард сидел напряженно, сжавшись, как стальная пружина.

— Я слышал, сегодня утром тебя навестил майор? — спросил Стивен, и Ричард криво улыбнулся.

— У майора Росса слух, как у летучей мыши. Понятия не имею, от кого он узнал о том, что случилось вчера вечером у костра. Ты же знаешь, что он за человек. Он дождался, когда я вернусь домой на обед, ворвался ко мне, сел и уставился на меня так, словно изучал мерзкую гусеницу. «Я слышал, вчера ты при всех отрекся от своей жены», — заявил он. Я кивнул, он только хмыкнул в ответ. Помолчав, он произнес: «Ничего подобного от тебя я не ожидал, Морган, но похоже, у тебя были на то веские причины.

Ты ничего не делаешь просто так».

Стивен усмехнулся:

— Да, он удачно подобрал слова.

— А потом он начал расспрашивать меня, способна ли моя жена стать экономкой офицера. Я объяснил, что она опрятна, расторопна, отлично шьет и штопает, хорошо готовит и, насколько мне известно, до сих пор остается девственницей. Он хлопнул ладонями по коленям и встал. «А она любит детей?» — спросил он. Я вспомнил, как она возилась с малышами в глостерской тюрьме, и ответил утвердительно. «И ты уверен, что она не соблазнительница?» В этом я абсолютно уверен. «Тогда она прекрасно подойдет мне», — заключил майор и ушел довольный, как кот, налакавшийся сливок.

Стивен залился хохотом.

— Ричард, клянусь, в глазах майора Росса ты непогрешим! — воскликнул он, отсмеявшись. — По какой-то причине он очарован тобой.

— Да, он любит меня, — признал Ричард, — потому что я ничуть не боюсь его и всегда говорю правду, а не то, что ему хотелось бы услышать. Вот почему он не станет ценить Томми Краудера так, как ценил его Кинг. Когда я настаивал на своем, Кинг был готов выпороть меня, а с майором Россом мне незачем даже настаивать.

— Наш Кинг — английский король, а не ирландец, — вскользь заметил Стивен. — Он кельт из Корнуолла, но в его жилах есть и примесь валлийской крови. А это значит, что он обидчив и раздражителен. И потом, он офицер королевского флота до мозга костей. Росс же, напротив, типичный шотландец, умеющий только хмуриться. Его предки жили в холодной, унылой стране, где надо ожесточиться, чтобы выжить. — Он поднялся и протянул руку, помогая Ричарду встать. — Я рад, что он примирился с тем, что ты отверг жену.

— Я помню, как ты отговаривал меня жениться на ней, — со вздохом признался Ричард. — Если бы я знал, что она здесь, я подготовился бы к встрече, но гром грянул среди ясного неба. Едва я высмотрел в толпе Уилла Коннелли, как она вылетела откуда-то, обхватила меня за шею и принялась целовать. Я чувствовал ее прикосновения, ее запах. Лица я не видел. С тех пор как мы с ней познакомились, я ни разу не чувствовал приятных запахов. Только вонь Порт-Джексона, зловоние старой тюрьмы, немых тел. Я слишком долго прожил один и привык к чистому аромату дерева. Нет, она чистоплотна, но ее запах оказался для меня невыносимым. Я и сам не понимаю, в чем дело и, Бог свидетель, ничуть не горжусь своим поступком. Но все время, пока она была рядом, я испытывал отвращение,

словно в темноте наткнулся на липкую паутину. Не сумев справиться с собой, я оттолкнул ее. А потом, когда я спохватился, было уже слишком поздно заглаживать свою вину.

— Понимаю, — мягко отозвался Стивен. — Я не могу понять лишь одно: почему ты сразу не сообразил, что ее привезут сюда вместе с остальными каторжниками?

— И для меня самого это загадка.

— Во всем виноват я. Мне следовало предупредить тебя.

— Тебе помешало крушение «Сириуса». Но вот что меня удивляет: она провела на берегу несколько дней, зная, что я здесь, но почему-то не разыскала меня.

Они приблизились к дому Стивена, и тот вошел в дверь, не ответив, а затем долго смотрел в окно вслед Ричарду, удаляющемуся по тропе с факелом в руках. «Почему она не разыскала тебя, Ричард? Да потому, что понимала: если вы встретитесь наедине, ты отвергнешь ее. А может, она, как истинная женщина, мечтала о том, чтобы ты сам нашел ее и увел за собой. Бедная Лиззи Лок... Ричард прожил здесь один целых полгода, в компании своей собаки, и привык к одиночеству. Не знаю, что творится у него в душе, ведь до недавнего времени все его чувства пребывали в спячке, как медведь зимой. В этом полусне он женился на Лиззи, но так и не проснулся. А потом вдруг наступило пробуждение, и я видел это».

Время шло. Стивен взглянул на часы, сжал губы и задумался, стоит ли подогреть суп или можно обойтись сухим хлебом. Капитан Джон Хантер ушел на совещание к майору, Джонни тоже куда-то исчез. Наконец Стивен озяб и решил развести огонь.

Но едва пламя разгорелось, в дом ворвался Ричард.

— Я хочу только одного: чтобы меня оставили в покое с моими книгами и собакой! — выпалил он. — Неужели я не заслужил уединения?

— Тогда что же ты делаешь здесь? — спросил Стивен, присаживаясь на корточки. — Ступай себе в долину, там тебе никто не мешает.

— Да, но... — Ричард осекся.

— Почему бы тебе просто не признаться, — перебил Стивен, который был не в настроении слушать сбивчивые объяснения, — что тебя мучают угрызения совести — оттого, что ты так жестоко обошелся с Лиззи Лок? Ты не из тех людей, что легко мирятся с собственной совестью. Сказать по правде, я впервые вижу такого совестливого человека. Ты настоящий мученик-протестант!

— Довольно проповедей! — воскликнул Ричард. — Твоя беда в том, что ты не католик и не протестант и уж тем более не мученик! Признайся

честно, ведь ты тоскуешь по Джонни и ревнуешь его к Хантеру!

Взгляды синих и серых глаз скрестились, Ричард и Стивен целую минуту смотрели друг на друга в упор, не шелохнувшись. Наконец губы обоих задрожали, и друзья залились хохотом.

— Ну вот, теперь мы наконец-то высказались, — заявил Стивен, вытирая слезы.

— Да, без обвиняков, — подтвердил Ричард.

— Раз уж ты пришел, съешь суп Джонни. Кстати, почему ты вернулся?

— Потому что ты не ответил на мой вопрос. Но мне уже не нужен ответ. Стивен, ты прав. Лиззи — это мой тяжкий крест. Я должен выдержать эту пытку, в том числе и ненависть к себе.

Едва Джон Лоурелл переселился к Ричарду, как ему пришлось перебираться на новое место: всего за месяц Ричард выстроил для него удобный дом на краю огорода. Окно и дверь нового жилища выходили в противоположную сторону от дома, принадлежащего Ричарду. Теперь Ричарду не приходилось по ночам прислушиваться к храпу товарища. Впрочем, Лоурелл оказался покладистым и работающим, у него был лишь один недостаток: он обожал играть в карты и часто проигрывал свой скудный паек.

А Сидней-Таун рос с каждым днем, вдоль узких улочек вырастали ряды деревянных домов. Нат Лукас и его плотники возводили жилища так быстро, что пыльщики Ричарда не успевали снабжать их строительным материалом. Плотникам не хватало ни времени, ни инструментов, чтобы соединять доски взакрой или «ласточкиным хвостом», придавая строениям законченный вид, щели закрывали тонкими рейками, прибитыми гвоздями, но в целом дома выглядели живописно, особенно если доски удосуживались обработать шкуркой. Резиденция губернатора, к которой Кинг распорядился сделать пристройку, чтобы приглашать на обед дюжину гостей, наконец обрела застекленные, хоть и узкие окна — с разрешения губернатора Филлипа. Всем остальным островитянам, в том числе офицерам, приходилось довольствоваться голыми оконными проемами и ставнями. На одной из лесопилок работники занимались исключительно распиливанием бревен на тонкие гонтовые доски, которыми крыли крыши, но прежде древесину приходилось в течение шести недель вымачивать в морской воде, чтобы она стала мягче и податливее. Временно крыши крыли льняным волокном, сбор которого поручили матросам с «Сириуса»: Росс не мог видеть, как они сидят без дела.

Поскольку на время поставки извести в Порт-Джексон прекратились, в каменоломнях добывали глыбы для фундаментов и мелкие камни для

дымоходов. Обнаружив на острове твердую древесину, четыре бочаро-островитянина занялись изготовлением бочек. Росс велел женщинам размалывать зерно ручными жерновами, надеясь, что мука в бочках сохранится лучше, чем зерно в амбаре, где по-прежнему было полно крыс. Аарон Дэвис, который в Порт-Джексоне занимался выпечкой хлеба, был назначен пекарем. Но хлеб колонисты видели далеко не каждый день — его выдавали только по воскресеньям и средам. Понедельники и четверги были «рисовыми днями», субботы — «гороховыми», а по вторникам и пятницам все ели кашу из кукурузы, в которую подмешивали овсянку.

Заметив, как быстро плодятся свиньи, Росс распорядился построить копильню и начать заготавливать впрок солонину и копченое мясо. То мясо, которое было непригодным для засаливания, перемалывали в начинку для колбас.

— Больше всего в свиньях мне нравится то, что их можно есть целиком. В пищу непригодно лишь хрюканье, — часто повторял майор Росс. Поскольку все колонисты знали, что майор лишен чувства юмора, его слова воспринимали всерьез.

С «Сириуса», который по-прежнему колыхался у берега, зацепившись кормой за риф, постепенно перевозили в поселок все, что удавалось спасти, — от шестифунтовых пушек до бочек с гвоздями, которые были необходимы колонии, состоящей сплошь из деревянных хижин. Самой досадной была потеря полос железа, предназначенных для норфолкской кузницы: они лежали в глубине трюма, куда никто не отваживался спуститься. Почти все паруса, ванты и рей судна прибило к берегу, как и весла со шлюпок, но сами шлюпки были вдребезги разбиты рухнувшими мачтами.

Последними с корабля вывезли несколько бочек табака и ящиков дешевого бристольского мыла. Мыло доставили на правительственный склад, чтобы понемногу выдавать колонистам, а табак так и не попал в трубки — к вящему неудовольствию моряков, которые непрестанно попыхивали трубками и ценили табак так же высоко, как ром. Крестьяне Джордж Гест и Генри Хейтуэй сообщили майору Россу, что в Глостере слизней, гусениц и других вредителей отпугивают, опрыскивая растения настоем табака. Его выварили в кипятке, смешали с мылом, процедили и полили все овощи полученным снадобьем. Зловредные насекомые трогали молодые побеги, которые приобрели отвратительный вкус, пока первый же дождь не смыл табак.

С тех пор колонистам запретили выливать на землю мыльную воду. Нескольким женщинам поручили готовить настой табака, который терял

свойства лишь после того, как несколько раз был выварен в кипятке. А что до мыла — его можно было сварить так, как это делали на фермах по всей территории Британских островов: из жира и щелока. В поселении с избытком хватало свиного сала, из которого вытапливали жир. И щелок раздобыть оказалось очень просто: достаточно только вымочить золу от сожженных листьев картофеля, моркови, брюквы и свеклы, прокипятить смесь и процедить ее. Получившаяся жидкость и была щелоком. Леек на острове не было, но женщинам хватало ведер с мыльным раствором табака и оловянных ковшей с проделанными в дне отверстиями, чтобы опрыскивать все овощи и злаки. В ожидании очередного нашествия гусениц отраву для них запасали в пустых бочках из-под рома.

В подобных практических делах новый комендант превзошел самого себя. После производства солонины, колбас и отравы для гусениц он задумался о том, какое применение найти опилкам, скапливающимся в ямах на лесопилках. Провизию, которую не удавалось засолить, можно было закоптить — в том числе и рыбу. Росс располагал целой армией работников и не желал, чтобы хоть кто-нибудь из них сидел без дела. Прежде всего следовало увеличить производство еды, а потом позаботиться о том, чтобы большинство колонистов могло прокормиться самостоятельно, не рассчитывая на правительственные склады. Последняя мера была единственным оправданием всего эксперимента в Ботани-Бей. Что толку увозить тысячи каторжников на другой конец земли, если правительство вынуждено кормить их до гробовой доски?

«Запас» отправился в Порт-Джексон на две недели раньше, чтобы сообщить страшные вести о гибели «Сириуса» губернатору. Вскоре после отплытия судна птицы начали слетаться на гору Питта, вершину высотой в тысячу футов на северо-западной оконечности острова. Через несколько дней островитяне убедились в том, что Кинг сказал правду об этих огромных буревестниках: целыми днями птицы ловили рыбу над морем, а в сумерках возвращались в норы и были настолько глупыми и доверчивыми, что даже не пытались улетать от людей или сопротивляться им.

По распоряжению майора лесорубы прорубили в зарослях лиан (прозванных жилой Самсона за поразительную толщину) тропы, ведущие к вершине горы от новой дороги к заливу Каскад. Работа была закончена вовремя, в первый же день птицеловы вернулись с охоты с набитыми мешками. Порции солонины к тому времени урезали до трех фунтов в неделю, порции хлеба, риса, гороха и овсянки — наполовину. Восполнить недостаток пищи предстояло птицам с горы Питта.

Вместо рома всем пехотинцам и офицерам выдавали по полпинты

сильно разбавленного водой грога. Но лейтенанта Ральфа Кларка это ничуть не заботило: свою долю он предпочитал обменивать на насущно необходимые рубашки, белье, чулки и тому подобные вещи — багаж лейтенанта пропал бесследно, хотя ему казалось, что он видел свой сундук на спине одного из каторжников. Майор Росс тоже остался без вещей, но переносил потерю стоически в отличие от вечно скулящего Кларка.

Картофель выдавали по мере того, как он вырастал, другие овощи тоже делили на всех. Но поскольку зеленые овощи почти не насыщали, а о цинге островитяне давно забыли, этих овощей всегда оставалось в избытке: люди предпочитали есть что угодно, но не рыбу, шпинат или фасоль.

Предстояла отчаянная, долгая борьба за выживание. Майор знал, что «Запас» не вернется. Тридцатичетырехлетнему судну из Ла-Манша предстояло отплыть в Ост-Индию за провизией, иначе колонистам в Порт-Джексоне грозит голодная смерть. Обитатели острова Норфолк могли выжить, но лишь в том случае, если бы унизились до первобытного существования. Великий эксперимент провалился.

Роберт Росс и Артур Филлип свято верили, что какие бы беды и лишения ни готовило им будущее, их подопечные обязаны оставаться истинными христианами не только на территории Англии, но и здесь, в новой колонии. Нравственность, правила приличия, грамотность, технику и все прочие достоинства европейской культуры следовало сохранить во что бы то ни стало. Иначе колонисты просто погибнут духовно, продолжая влачить жалкое существование. Но на более абстрактные добродетели, такие, как оптимизм и вера, у Росса были иные взгляды, отличающиеся от представлений Филлипа. Филлип не сомневался в том, что эксперимент увенчается успехом. А Росс просто знал, что время и деньги потрачены напрасно, что его подопечные зря терпят лишения и страдания. Однако каким бы глубоким ни было это убеждение, оно не мешало майору прилагать все силы, исправляя ошибки напыщенных болванов из Лондона, которые невнимательно выслушали сэра Джозефа Бэнкса и Джеймса Матру и не удосужились тщательно продумать план. Как легко передвигать живые пешки на шахматной доске мира, когда сидишь в удобном кресле, когда твой желудок полон, а рядом, у камина, ждет графин портвейна!

Переход на птичью диету ни у кого не вызвал протеста. Мясо птиц с горы Питта было темным, с легким рыбным привкусом, почти без жира. В начале зимы птицы стали откладывать яйца. Эта пища имела лишь один недостаток: ощипанные тушки были невелики, одной тушки хватало, чтобы накормить ребенка, двух — женщину, трех — мужчину, а четырех или пяти тушек — чтобы насытить обжору. Ловцы были обязаны приносить столько

птиц, чтобы мяса хватало и для коптильни. Поначалу Росс пытался ограничить и количество пойманных птиц, и количество охотников, забирающихся на гору. Но ни военное положение, ни публичное наказание Дринга и Брэнагана, которые получили по пятьсот ударов плетью, не испугали колонистов и не заставили их прекратить походы в гору, за мясом, которое казалось особенно вкусным после опостылевшей солонины, рыбы и овощей. Росс пожал плечами и перестал запрещать ловлю птиц. Лейтенант Ральф Кларк, начальник правительственного склада, попробовал вести подсчеты, пользуясь известными ему цифрами: добыча возросла со ста сорока семи птиц в день в апреле до тысячи восьмисот девяноста птиц месяц спустя. Часть тушек отправляли в коптильню, но большинство просто выбрасывали: ловцы предпочитали поедать только яйца, которые еще не успевали отложить самки. Сам Кларк пристрастился к птичьим яйцам и часто присоединялся к охотникам.

Для Ричарда, который каждый день совершал пешие прогулки в гору и с аппетитом поедал добытое мясо, прилет птиц совпал с временной потерей сторожа, садовника и слуги. Однажды после наступления комендантского часа патруль заметил Джона Лоурелла, волочащего мешок. Когда ему приказали остановиться, он бросился бежать, был пойман и брошен в помещение гауптвахты. Через неделю его выпустили, отвесив дюжину ударов плетью.

— Что на тебя нашло, Джон? — допытывался Ричард, ведя постанывающего Лоурелла к Черепашьему заливу. Рабочий день пильщиков уже закончился. — Шестьдесят восемь птиц! Подумать только! — И он безо всякого сочувствия плеснул на спину Лоурелла ковш морской воды. — Да стой же ты смирно! Мне не пришлось бы так поступать с тобой, если бы ты набрался храбрости зайти подальше в воду и окунуться.

— Проклятые карты! — проскулил Лоурелл, стуча зубами. Еще днем задул очень холодный ветер.

— Опять карты? — Ричард вывел его на берег и растер сухой тряпкой. — Ну вот, теперь ты будешь жить, — заключил он. — Джимми Ричардсон явно пожалел тебя, спина почти не пострадала. Даже будь ты женщиной, ты бы так легко не отделался. А при чем тут карты?

— Я проигрался, — просто ответил Лоурелл, шагая вслед за Ричардом по улице поселка. — И должен был расплатиться. Джош Пек велел мне идти за птицами вместо него. Но я не думал, что они такие тяжелые, потому и опоздал.

— Тогда накрепко запомни этот урок, Джон. Если уж ты играешь в

карты, играй с порядочными людьми, а не с мошенниками и обманщиками. А теперь иди спать.

Стивен Донован перебрался в отличный крепкий дом к востоку от дороги к заливу Каскад, а Нат Лукас выстроил себе такое же надежное жилище на акре земли чуть поодаль. Здешние земли не были болотистыми, а болото возле Сидней-Тауна майор Росс уже велел осушить, прорыв отводной канал к Черепашьему заливу. Ровная земля в окрестностях была пригодна для возделывания злаков, для орошения хватало ручьев, а болото только занимало место.

— Входите! — откликнулся Стивен, когда Ричард постучал в дверь.

— Я только что отправил моего заблудшего сторожа спать, — сообщил Ричард и со вздохом сел. — Пек и его шайка обыграли его в карты и заставили идти на охоту за птицами. Какой он все-таки олух!

— Зато он покладист и неприхотлив. Хочешь рыбы? Сегодня лодка выходила в море, и поскольку Джонни ходит по пятам за капитаном Хантером, я могу съесть и его долю. Сколько можно питаться птицами с горы Питта?

— Я бы предпочел рыбу любому мясу, — признался Ричард, принимаясь за еду. — Не понимаю, почему все так охотятся за самками птиц и ищут в них яйца. Завтра я пришлю тебе молодого картофеля. На моем огороде он отлично уродился, вот почему я рад, что Лоурелла отпустили — иначе мне не удалось бы сберечь и треть урожая.

— С тобой по-прежнему никто не разговаривает? — спросил Стивен, когда они покончили с ужином, вымыли посуду и расставили на доске шахматы.

— Те, кто встал на сторону моей жены — Коннелли, Перрот и другие каторжники с «Цереры» и «Александера», — нет. Но как ни странно, ее знакомые из глостерской тюрьмы — Гест, Рисби, Хейтуэй — поддержали меня. — Он недовольно покачал головой. — Как будто это их касается! Что за нелепость! Лиззи довольна своей работой, она убирает резиденцию вице-губернатора и заботится о Малыше Джоне, но даже не пытается обольстить майора.

— Она влюблена в тебя, Ричард, и оскорблена до глубины души, — объяснил Стивен, считая, что раны уже зажили настолько, чтобы завести этот разговор.

Ричард изумленно воззрился на него.

— Чепуха! Мы никогда не питали друг к другу никаких чувств. Знаю, ты надеялся, что я полюблю ее после женитьбы, но этого не случилось.

— И все-таки она любит тебя.

Озадаченный Ричард промолчал, сделал ход, потерял пешку, но спас коня. Если Лиззи и вправду любит его, значит, ей пришлось хуже, чем он думал. Ричард вдруг вспомнил ее рассказы о плавании на «Леди Пенрин», о том, как каторжниц лишали гордости, и понял, что совершил тяжкое преступление — публично унизил свою жену. А ведь она никогда не говорила с ним о любви, не выразила свои чувства ни словом, ни взглядом... Он потерял коня.

— Как уживаются офицеры флота и пехотинцы?

— Как кошка с собакой. Хантер всегда недолго любил майора Росса, а теперь, оказавшись в изгнании, возненавидел его.

Пока они настороженно следят друг за другом, но открытого столкновения не избежать. В распоряжении Хантера осталась шлюпка с «Сириуса», поэтому он часто выходит в море и подолгу плавает вокруг злополучного острова — подозреваю, ищет способы оправдаться перед английским трибуналом. А когда он прощупает все дно вокруг острова и составит карту, он займется составлением карт всего побережья Норфолка.

— А почему Джонни постоянно сопровождает его? Разве это не вторжение в твой мир?

Пожав плечами, Стивен перестал улыбаться.

— Пожалуй, нет. Моряки привыкают беспрекословно подчиняться капитану, сопротивляться ему способны лишь бунтовщики, а Джонни не из таких. Для него Хантер — полубог.

— А еще я слышал, что лейтенант королевского флота Уильям Брэдли покинул дом, выстроенный для офицеров, и переселился поближе к дороге в Болл-Бей.

— Ты сделал этот вывод потому, что тебе пришлось пилить доски для нового дома? Да, он переехал, но об этом никто не жалеет. Странный человек этот Брэдли — он часами разговаривает сам с собой, поэтому собеседники ему не нужны. Насколько я понимаю, майор поручил ему обследовать остров. И тем самым нанес оскорбление Хантеру, который убежден, что моряку не пристало путешествовать по суше.

Проиграв партию, Ричард поднялся и зажег факел.

— Я был бы рад отыграться, но если я не уйду немедленно, то не успею вернуться домой до начала комендантского часа. Хочешь, завтра мы отправимся в горы за птицами?

— С удовольствием — ведь рыбу мы уже съели.

Стивен немного проводил друга, стараясь представить себе, как удивится Ричард, войдя в свой дом. Парус «Сириуса» уже отслужил свое в роли палатки, его разрезали на части, чтобы сшить гамаки и матрасы.

Поскольку пшеница на острове приносила хорошие урожаи, а лошадей и коров в поселении не было, недостатка соломы для набивки матрасов здесь не ощущалось. Официально считалось, что парус нашел Стивен, поэтому ему разрешили взять столько парусины, сколько он пожелает, и он позаботился не только о себе, но и о Ричарде. После стирки с мылом парусина наверняка станет мягкой, из нее можно будет сшить и простыни, и удобные просторные штаны. Нескольким женщинам, умеющим держать в руках иголку, поручили сшить новые штаны для моряков и пехотинцев, а те отдали свою старую одежду каторжникам. Только теперь, когда парусу с «Сириуса» было найдено применение, колонисты поняли, насколько он был громаден.

— Не знаю, как благодарить тебя за парусину, — сказал Ричард на закате следующего дня, встретившись со Стивеном на дороге к заливу Каскад. — Если стелить одно из одеял вместо простыни, оно быстро износится. А парусина протянет несколько лет.

— Пожалуй, ты прав.

Они взобрались вверх по самой дальней тропе, которую редко выбирали ловцы птиц, и поймали по полдюжине буревестников высоко в горах, где они по-прежнему водились во множестве. Чтобы схватить птицу, было достаточно наклониться, протянуть руки, быстрым движением свернуть ей шею и сунуть тушку в мешок. Начался сезон кладки яиц, но охотники продолжали азартно ловить добычу, каждый день принося в поселение по несколько десятков тушек. Кларк вел подсчет только тем птицам, которых сдавали на правительственный склад, и их число уже перевалило за несколько тысяч.

На обратном пути Стивен и Ричард миновали обширную поляну, где уже были вырублены все деревья. Она располагалась на плоском гребне холма, который отделял ручьи, текущие на север, к заливу Каскад, от тех, что текли на восток и впадали в Болл-Бей. Южный ручей, впадающий в болото, уже получил название Филлимор. С поляны открывался вид на северные горы — возможно, для того ее и приказал расчистить майор Росс.

Наступил безоблачный вечер, на небе высыпали такие обильные и сверкающие звезды, что человеку с воображением могло показаться, будто за темной завесой неба скрывается ослепительно белая даль, а в самой завесе Бог проделал отверстия, дабы люди узрели это сияние. На фоне неба вырисовывалась мрачная тень горы, на склонах которой мелькали крохотные огоньки, стекающие в целые ручейки пламени, — это были факелы в руках людей, возвращающихся в поселок.

— Какая красота! — выдохнул ошеломленный Ричард. — Разве она

способна кому-нибудь наскучить?

Друзья любовались горой, пока огоньки не угасли в долине, а потом двинулись дальше — вместе с десятком отдувающихся, тяжело нагруженных мешками двуногих хищников с факелами в руках.

Зима выдалась более холодной и сухой, чем в прошлом году; пшеницей и кукурузой засеяли много акров, однако ростки тянулись вверх медленно — до первого долгожданного дождя. На следующий день выглянуло солнце, и долина и склоны холмов внезапно изменили окраску с красноватой на изумрудно-зеленую.

По официальным подсчетам, было уже поймано более ста семидесяти тысяч птиц — в среднем по триста сорок птиц на человека за сто дней. На острове по-прежнему действовало военное положение; майор Росс не спешил увеличить пайки, сознавая, что тысячи буревестников, гнездящихся в горах, улетят оттуда, как только окрепнут и научатся летать подросшие птенцы. Джиму Ричардсону, который работал на лесопилке, пока не сломал ногу, а потом был назначен палачом, приходилось каждый день пороть провинившихся. Плохо сросшаяся нога не мешала ему орудовать кошкой-девятихвосткой, в целом ему нравился такой необычный труд. А ненависть, которую испытывали к нему почти все колонисты, как свободные, так и каторжники, ничуть не смущала Джима.

На острове состоялось несколько казней, но казнены были не каторжники, а матросы. Подчиненные капитана Хантера, которым помогал подчиненный Росса, рядовой Эскотт с «Сириуса», разграбили склад рома, выпили почти все скудные запасы веселящего напитка и продали остальное. Выступив в роли судьи, присяжного и палача, вице-губернатор Росс приговорил к повешению трех преступников, в числе которых не было ни Эскотта, ни любимца Хантера Эллиота. Для Эскотта майор нашел другое наказание — лишил его былой славы, объявив во всеуслышание, что грузы с «Сириуса» помогал спасать каторжник по имени Джон Эрскотт. Эскотт и Эллиот получили по пятьсот сильнейших ударов плетью, содравшей с них кожу от шеи до щиколоток. В течение пяти дней им давали по сто ударов, поскольку большее число ударов за один раз не мог выдержать никто. Сначала палач обрушивал плетью на плечи виновников, а потом медленно оттягивал вниз по спине, ягодицам, бедрам и икрам. Матросы стали роптать, но преступление наказанных было таким чудовищным, что капитан Хантер не посмел вступить за своих подчиненных, а разъяренные пехотинцы только и ждали случая, чтобы расстрелять матросов, посягнувших на драгоценный ром. Благодаря рядовому Дэниелу Стэнфилду мушкеты находились в отличном состоянии,

а гильзы оставались сухими. По субботам пехотинцы неизменно упражнялись в стрельбе под надзором Стивена и Ричарда.

Вскоре после кражи рома майор Росс навестил Ричарда. Вице-губернатор был мрачен, как никогда прежде.

Он недолго протянет здесь, думал Ричард, предлагая майору сесть. За время, проведенное на острове, Росс постарел на десять лет.

— Мистер Донован сообщил мне нечто весьма любопытное о тебе, Морган, — начал Росс. — Он сказал, что ты умеешь гнать ром.

— Да, сэр, мне недостает только сырья и оборудования. Но я не ручаюсь, что на вкус он будет лучше пойла из Рио-де-Жанейро. Подобно всем спиртным напиткам ром следует долго выдерживать в бочках, а в процессе перегонки получается первичный продукт — напиток с резким, неприятным привкусом.

— Нищим не пристало привередничать. — Росс пощелкал пальцами, подзывая собаку. — Как дела, Мактавиш?

Мактавиш завилял хвостом и принялся ласкаться к гостю.

— Помимо всего прочего, я когда-то был трактирщиком в Бристоле, — объяснил Ричард, подбрасывая полено в печь, — поэтому я многое повидал и знаю суть вопроса. Те, кто привык каждый день пить ром или джин, не могут обойтись без них. Это справедливо и для женщин. Только отсутствие материалов и военное положение помешали колонистам соорудить тут перегонные аппараты. Я охотно сделаю такой аппарат и буду следить за его работой, но...

Протянув руки к огню, Росс хмыкнул:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Когда здесь появится перегонный аппарат, найдутся люди, которым станет мало полпинты рома в день, а также те, кто захочет нажиться на продаже рома.

— Вот именно, сэр.

— На твоём огороде вырос отличный сахарный тростник.

Ричард усмехнулся:

— Я так и думал, что когда-нибудь он нам пригодится.

— А сам ты пьешь, Морган?

— Нет, ни капли, майор Росс.

— У меня есть один офицер-трезвенник, лейтенант Кларк, которому я поручу эту работу. И поищу исполнительных рядовых тебе в помощники. Стэнфилд, Хейс и Джеймс Редман не станут пить ром и продавать его, а капитан Хантер, — Росс скривился при упоминании имени врага, — порекомендовал своего канонира Драммонда, помощника боцмана Митчелла и матроса Хиббса. Значит, в твоём распоряжении будет шесть

человек и один офицер.

— Но строить винокуренный завод здесь, в долине, нельзя, — твердо заявил Ричард.

— Согласен. У тебя есть предложения?

— Нет, сэр. Я не бываю нигде, кроме как на лесопилках.

— Дай-ка подумать, Морган... — отозвался Росс, нехотя поднимаясь. — А тем временем пусть Лоурелл соберет урожай тростника.

— Конечно, сэр. Но ему я скажу, что вы приказали мне сварить сахар, чтобы подсластить чай для офицеров.

Майор одобрительно кивнул и ушел осматривать строящуюся мельницу. Урожай пшеницы был так велик, что для измельчения зерна не хватало ручных жерновов и рабочих рук. Пришлось сооружать большой мельничный жернов, который приводили в действие мужчины. Росс уже давно задумал превратить работу на мельнице в наказание, заменяющее порку, — не потому, что сочувствовал колонистам, а потому, что убедился: порка хороша лишь в некоторых случаях, к тому же плетью калечит людей. А если приковать виновника цепями к жернову на неделю или на целый месяц и заставить его трудиться, сам человек не пострадает, зато надолго запомнит урок.

Строительство дорог, ведущих в Болл-Бей и залив Каскад, наконец завершилось. Прокладывать восточную дорогу к Энсон-Бей предстояло в начале июня, и едва колонисты приступили к этой задаче, она принесла им приятный сюрприз: около сотни акров пологих холмов и долин, обнаруженных на полпути в Энсон-Бей. По какой-то неизвестной причине здесь почти не росли ни сосны, ни другие деревья. Расценив эту находку как подарок судьбы, майор Росс немедленно решил основать в долине новый поселок. Возле дороги в залив Каскад было решено заложить поселок для матросов; Филлипберг разрастался, тут жили колонисты, которые обрабатывали волокна льна, превращая их в парусину.

Поселок неподалеку от Энсон-Бей называли в честь ее величества королевы Шарлотты — Шарлотт-Филд. Ричард не удивился, когда узнал, что главой нового поселка назначен лейтенант Ральф Кларк, а в помощь ему приданы рядовые Стэнфилд, Хейс и Джеймс Редман. Именно в Шарлотт-Филде предстояло построить винокуренный завод — в этом Ричард не сомневался.

И он был прав. Вскоре Ричарду предложили подыскать место для новой лесопилки в окрестностях Шарлотт-Филда. Долина приятно поразила его. Здесь землю сплошь покрывало ползучее растение, которое напоминало Кларку английский плющ. Вместе с кустом, ветки которого

были усеяны шипами длиной в два дюйма, этот плющ мог служить отличной живой изгородью — в том числе и для загона, предназначенного для свиней.

Майор Росс лично выбрал место для винокуренного завода — в стороне от дороги на Энсон-Бей, перед самым Шарлотт-Филдом, неподалеку от ручья, который стекал по склону холма, сливался с другими ручейками и образовывал небольшую речушку, которая впадала в Сидней-Бей неподалеку от его западной оконечности, Пойнт-Росса. За дополнительную плату три пехотинца и три матроса расчистили место для деревянного строения и сложили в поленницу дубовые поленья. Местным белым дубом топили печи и в коптильне, и там, где обжигали известь, поскольку он сгорал дотла. Каменные глыбы, из которых предстояло сложить очаг, приволокли каторжники из Сидней-Тауна, которые вскоре собирались переселиться в Шарлотт-Филд. Те же каторжники приступили к строительству самого здания. Росс разыскал медные баки, несколько кранов и клапанов, медные трубы и чаны из распиленных пополам бочонков. Ричард сам собрал перегонный аппарат. К его удивлению, строительство винокуренного завода удалось сохранить в тайне; сахарный тростник и початки кукурузы просто исчезли со складов и попали под пресс.

Спустя четыре недели ему удалось получить первый продукт перегонки. Вице-губернатор опасливо попробовал его, поморщился, сделал еще один глоток и допил всю четверть пинты: он был неравнодушен к рому, как и многие другие колонисты.

— Вкус отвратительный, Морган, но в остальном он ничем не отличается от обычного рома, — заявил Росс, расплывшись в улыбке. — Благодаря тебе мы избавлены от мятежа и убийств. Со временем вкус рома станет мягче, однако вряд ли у нас хватит терпения ждать. Кто знает, может, вскоре мы будем снабжать Порт-Джексон, помимо извести и древесины, еще и ромом?

— Если вы не возражаете, сэр, я хотел бы вернуться на лесопилку, — признался Ричард, у которого вид перегонного аппарата пробуждал досадные воспоминания. — А здесь надо только подкладывать сырья, следить за огнем и подливать воды, поэтому помощники справятся и без меня. Стэнфилд возьмет на себя одну задачу, Драммонд — другую. Если же на складе остался хороший ром, можно смешать его с продуктом перегонки, поддержать в дубовой бочке и посмотреть, что получится.

— Ты будешь следить за работой завода вместе с лейтенантом Кларком, Морган. Но ты совершенно прав: тебе незачем зря терять время,

наблюдая за работой аппарата. — Росс прошелся по комнате, причмокивая губами и явно пребывая в наилучшем расположении духа. — Проводи меня до Сидней-Тауна, — попросил он, а затем вспомнил про остальных работников и похлопал каждого по плечу. — Как следует охраняйте эту штукину, ребята, — дружелюбно посоветовал он, не переставая улыбаться. — Она принесет каждому из вас лишних двадцать фунтов в год.

Дорога шла между стройных сосен и поднималась на вершину горы Георга, откуда открывался изумительный вид на океан, Сидней-Таун, лагуну, полосу прибоя и два прибрежных острова. Остановившись, майор Росс залюбовался своими владениями.

— Морган, я решил отпустить тебя на свободу, — произнес он. — Как ты понимаешь, снять с тебя всю вину я не могу, но заменю каторгу условным наказанием, а со временем отправлю прошение о твоём помиловании его превосходительству губернатору Порт-Джексона. Помоему, ты заслужил прощение, и не просто потому, что отбыл срок каторги, — насколько я помню, он заканчивается в марте девяносто второго года?

У Ричарда перехватило горло, глаза наполнились слезами. Он попытался ответить, но не смог и лишь молча кивнул, смахивая слезы. Свободен. Свободен!

Майор устремил взгляд на остров Филлипа.

— Свободным станешь не только ты, но и Лукас, Филлимор, Райс, старший Мортимер и так далее. Все вы получите землю и будете сами себе хозяевами, ибо с тех пор, как я знаю вас, вы вели себя, как подобает порядочным людям. Исключительно благодаря таким, как вы, мы выжили на острове Норфолк, а я сумел управлять им, как это делал до меня лейтенант Кинг. Отныне ты свободный человек, Морган, а это значит, что тебе, как старшему пильщику, будут платить двадцать пять фунтов в год. Кроме того, ты будешь получать вознаграждение за работу на винокуренном заводе — пять фунтов в год, и еще двадцать фунтов — за то, что сделал перегонный аппарат. А поскольку правительство не снабдило нас деньгами, выплачивать твое жалованье наличными мы не сможем. Ты получишь векселя, которые будут учтены в правительственных книгах расходов. Этими векселями ты сможешь рассчитываться с властями острова и с частными торговцами. Никому не проговоришь о винокуренном заводе: возможно, я вскоре закрою его, я просто провел опыт, поскольку не желаю, чтобы офицеры флота и матросы сами занялись перегонкой рома. Меня гложет совесть и терзают сомнения, — закончил он, помрачнев. — Лейтенанту Кларку я могу доверять: он не проговорится никому, даже

своему дневнику. Ему прекрасно известно, что записи должны отражать не только его, но и мои добродетели. Да, я понимаю его стремление к славе, но иногда дневники попадают в чужие руки.

За время этой тирады Ричард успел опомниться.

— Я в вашем распоряжении, майор Росс. Больше мне нечем отблагодарить вас за доброту. — Улыбка засветилась в его глазах, которые вдруг стали ярко-голубыми. — Но я хотел бы просить вас об одном одолжении. Нельзя ли мне, как свободному человеку, пожалть вам руку?

Росс охотно протянул руку.

— Я иду в Сидней-Таун, — сообщил он, — а тебя, Морган, попрошу вернуться на завод и принести мне столько этого жуткого пойла, чтобы разбавить оставшийся ром к ужину. — Он состроил гримасу. — Птицы с горы Питта надоели мне, как и всем колонистам, но думаю, никто не станет жаловаться, если сможет чем-нибудь запить эту еду.

Свободен! Он свободен! Причем помилован, а это много значит. Просто отбыть срок каторги и стать вольным поселенцем — одно дело, а получить помилование — совсем другое. С него снята вина.

Четвертого августа колонисты Сидней-Тауна заметили вдалеке парус и сразу забыли о работе, дисциплине, болезнях и здравом смысле. Лейтенант Кларк и Джордж Джонстоун, ставший капитаном, взошли на гору Георга и подтвердили, что это действительно парус, но корабль неспешно проплыл мимо острова. При сильном южном ветре высадка в Сидней-Бей была невозможна, поэтому капитаны Джонстон и Хантер направились в залив Каскад, воды которого были тихими, как в мельничном пруду. Однако корабль обогнул остров, направляясь на север, и в сумерках исчез за горизонтом.

Все жители Сидней-Тауна, долины, Шарлотт-Филда и Филлипберга пришли в отчаяние. Корабль прошел мимо! Можно ли вообразить себе большее разочарование?

На следующий день майор Росс послал доверенных людей на вершину горы Питта, но все напрасно: корабль исчез, словно его и не было.

Седьмого августа жителей Сидней-Тауна на рассвете разбудил вопль часового: с юга к острову приближался корабль.

Ветер дул со стороны острова, поэтому судно за полдня так и не сумело приблизиться к нему, но зато поодаль появился второй парус. На этот раз островитяне были твердо уверены, что их заметили.

Лейтенант Кларк в шлюпке направился ко второму судну и получил разрешение подняться на борт. Кораблем «Сюрприз» из Лондона командовал Николас Энстис, который некогда был первым помощником

капитана на «Леди Пенрин», а еще раньше служил на невольничьем судне. Кларку сообщили, что «Сюрприз» везет двести четыре каторжника на остров Норфолк — вот весь груз корабля. Пока Кларк боролся с досадой и гневом, Энстис добавил, что второе судно, «Юстиниан», везет только запасы провизии. Обитателям Порт-Джексона и Норфолка больше не придется голодать. К тому времени на острове осталось запасов муки и солонины всего на три недели.

— А что это был за корабль, который прошел мимо, не отвечая на наши сигналы? — спросил Кларк.

— «Леди Джулиана». Он вез женщин-каторжниц в Порт-Джексон, но из-за сильной течи был вынужден взять курс напрямик на Вампоа. Там судну предстоит принять на борт груз чая, однако вначале заделать брешь, встав на ремонт в сухой док, — объяснил Энстис. — «Юстиниан» и «Сюрприз» отправятся в Вампоа, едва закончится разгрузка.

Даже Лен Дайер и Уильям Фрэнсис энергично взялись за работу, наполняя шлюпки обеих кораблей овощами для изголодавшихся по зелени команд, однако о разгрузке пока нечего было и думать. Шлюпки привезли на остров письма из Англии и Порт-Джексона, а также нескольких офицеров. С разгрузкой решили подождать и при необходимости провести ее в заливе Каскад. Обезумевший от восторга лейтенант Кларк получил целых четыре толстых письма от своей обожаемой Бетси, узнал, что она и малыш Ральфи здоровы, и немного успокоился.

Губернатор Филлип в письме к майору Россу сообщал, что «Запас» уплыл в Батавию, чтобы привезти обратно столько провизии, сколько вместят его тесные трюмы, а может, и зафрахтовать какое-нибудь голландское судно, чтобы доставить в Порт-Джексон побольше еды. Кроме того, в Батавии лейтенанту Филиппу Гидли Кингу предстояло пересечь на судно Ост-Индской компании, идущее в Кейптаун или даже в Лондон. Как только «Запас» вернется в Лорт-Джексон и будет разгружен, он отправится к острову Норфолк за капитаном Джоном Хантером и матросами с «Сириуса», но губернатор Филлип сомневался, что это случится до начала тысяча семьсот девяносто первого года. Филлип добавлял, что теперь, когда на острове вдоволь припасов, у майора Росса нет никаких причин по-прежнему править по законам военного времени. Их следует немедленно отменить. Майор яростно выругал Кинга, понимая, что это его рук дело. Но как еще он мог заставить работать матросов Хантера, если не пригрозить им смертной казнью?

Из Порт-Джексона прибыли и другие плохие вести. Грузовое судно «Блюститель» отплыло из Англии, нагруженное провизией, и скупило чуть

ли не весь скот в Кейптауне, перед последним этапом пути в Ботани-Бей. В канун сочельника тысяча семьсот восемьдесят девятого года корабль находился в тысяче миль от Кейптауна и продолжал мирно плыть по невысоким волнам, когда впереди был замечен летний айсберг. Капитан «Блюстителя» ошибся в расчетах, не зная, сколько воды скот выпивает за день, и потому решил воспользоваться случаем, наколоть льда и пополнить запасы пресной воды. Матросы быстро справились с работой, и вскоре «Блюститель» отплыл от ледяного острова. Капитан Райу, убедившись, что айсберг остался позади, ушел в свою каюту обедать. Но пятнадцать минут спустя корабль понесло на айсберг кормой, руль был сломан, корабль получил пробоину в нижней части корпуса. Вода в трюме прибывала медленно, поэтому капитан Райу решил, что сумеет вернуться в Кейптаун. Весь скот сбросили за борт, в пяти шлюпках разместились все члены экипажа и несколько каторжников-умельцев, владеющих ремеслами. Но матросы прихватили с собой ром, боясь медленной смерти среди ледяного океана, и поэтому все пять шлюпок отплыли от корабля, по самые борта нагруженные пьяными. Только одна из них достигла суши. «Блюститель» тоже добрался до берега, правда, лишь после длительного и бесцельного кружения по южной части Индийского океана. Он встал на якорь неподалеку от Кейптауна, почти все содержимое трюмов к тому времени пришло в негодность. То, что удалось спасти, перегрузили на борт «Леди Джулианы», первого корабля, направляющегося в Ботани-Бей и прибывшего к мысу Доброй Надежды после катастрофы. Но когда в Кейптаун через несколько дней пришел «Юстиниан», местным жителям было нечего продать экипажу: «Блюститель» увез весь скот и потерял его в пути. То же самое относилось и к личному имуществу губернатора Филлипа, майора Росса, капитана Дэвида Коллинза и других старших офицеров. Росс так и не оправился от сокрушительного удара: он впустую потратил уйму денег, поручив доверенному лицу приобрести животных для личного хозяйства и разведения.

Голодная смерть никому не грозила. Но требование отмены военного положения и гибель «Блюстителя» заставили майора пожалеть о том, что он не привык заливать горе ромом.

Часть грузов с «Юстиниана» и «Сюрприза» выгрузили на берег в последующие дни, но все каторжники — сорок семь мужчин и сто пятьдесят семь женщин — пока оставались на борту. Женщин доставила в колонию «Леди Джулиана», первый из пяти кораблей, отправившихся в Порт-Джексон с начала июня. Само собой, Филлип ожидал прибытия грузового судна. Обнаружив, что первый долгожданный корабль не привез

ничего, кроме женщин и одежды, он пал духом. Затем на горизонте появился «Юстиниан», а следом за ним — «Сюрприз», «Нептун» и «Скарборо», совершивший второе плавание к берегам Нового Южного Уэльса.

— Какой ужас! — твердил доктор Мюррей с «Юстиниана», окруженный офицерами с острова Норфолк. Он был бледен и тяжело дышал. — «Сюрприз», «Нептун» и «Скарборо» везли в Порт-Джексон еще тысячу каторжников, но из них двести шестьдесят семь погибли в пути. На берег высадили только семьсот пятьдесят девять человек, из которых почти пятьсот смертельно больны. Я думал, его превосходительство губернатор лишится чувств, и никто не смог бы обвинить его в слабости. Вы не представляете, вы просто не представляете себе... — Мюррей осекся. — Министерство внутренних дел сменило подрядчиков, три корабля поступили в распоряжение компании, которая прежде занималась перевозкой рабов, ей заплатили заранее — с условием, что все каторжники будут доставлены в колонию живыми и невредимыми. В сущности, подрядчику была выгодна смерть каторжников еще в начале плавания. Поэтому бедолаг не кормили. На протяжении всего плавания с них не снимали кандалы старого образца — железные прутья длиной в фут, приклепанные к ножным браслетам. Хотя им позволяли подниматься на открытую палубу, они просто не могли этого сделать. Они были лишены возможности передвигаться. Даже негры не выдержали бы шестивосьминедельное плавание в таких условиях — можете представить себе, что стало с людьми, которые провели в кандалах в трюме корабля почти год?

— Они умерли в муках, — произнес Стивен Донован сквозь зубы. — Будь прокляты все невольничьи суда мира!

Больше никто не отозвался, и Мюррей продолжал:

— Хуже всех обстояло положение на «Нептуне», на «Скарборо» оно было немногим лучше — на борт приняли шестьдесят лишних человек, а свободного места осталось гораздо меньше, чем во время первого плавания. Сносные условия были на «Сюрпризе», но и на нем умерли тридцать шесть из двухсот пятидесяти четырех каторжников. Клянусь вам, мы то захлебывались рвотой, то обливались слезами. Эти несчастные превратились в живые скелеты, они продолжали умирать, пока мы помогали им выбраться из трюмов, задыхаясь от вони. Они умирали на палубах, в шлюпках, по пути на берег. Тех, кто был еще жив, приходилось сразу мыть, ибо одежда кишела вшами, тысячами вшей — ведь я не преувеличиваю, мистер Уэнтворт?

— Ничуть, — подтвердил еще один вновь прибывший, рослый, светловолосый, симпатичный парень по имени Дарси Уэнтуорт, назначенный помощником доктора на Норфолке. — «Нептун» казался нам судном из ада. Я отплыл на нем из Портсмута в качестве доктора, но ни разу за время плавания меня не позвали на нижнюю палубу — напротив, запретили спускаться туда. Мы изнывали от тюремной вони, но когда я спустился в трюм в Порт-Джексоне, чтобы помочь вывести каторжников... Боже! Не знаю, как описать то, что я увидел! Черви, разлагающиеся трупы, тараканы, крысы, блохи, мухи, вши — и среди них еще живые люди, представляете? Нам казалось, что всякий, кто выжил в этом аду, должен сойти с ума.

Зная о привычках капитанов торговых судов, Стивен спросил:

— Кто командует «Нептуном»?

— Зверюга по имени Дональд Трейл, — ответил Уэнтуорт. — Он притворялся, будто не понимает, из-за чего мы подняли такой шум. Не знаю, сколько рабов он ухитрился довести живыми до Ямайки! Его, да и Энстиса, волновало только, сумеет ли он продать грузы в Порт-Джексоне по невыносимым ценам, чтобы закупить ром.

— Я слышал о Трейле. — Лицо Стивена исказилось. — Он способен заставить негра жить потому, что продать можно лишь живых рабов. Сделать его подрядчиком было все равно что дать волю убийце. Черт бы побрал все министерство!

— Он был равнодушен даже к участи пассажиров, заплативших за проезд, — добавил Уэнтуорт, качая головой. — Мы думали, что совесть заставит его немного потесниться, чтобы всем хватило места, но не тут-то было! На борту «Нептуна» находились несколько офицеров и рядовых, направленных для прохождения службы в Новый Южный Уэльс. Капитану Джону Макатуру с женой, двумя детьми и слугами пришлось ютиться в крохотной каюте, им было запрещено входить в большую каюту или появляться на палубе — они могли пользоваться лишь коридором, кишасим каторжницами и заставленным ведрами с нечистотами. Младенец умер, Макатур жестоко сцепился с Трейлом и его боцманом и в Кейптауне перебрался на «Скарборо», но было уже поздно: здоровье самого Макатура пошатнулось. Мне известно, что и его сын тоже болен.

— Как же удалось выжить вам, мистер Уэнтуорт? — спросил майор Росс, который до сих пор не проронил ни слова.

— С трудом. Хорошо еще, мне разрешали выходить на палубу. После того как Макатур перебрался на «Скарборо», мы с женой заняли их каюту и вздохнули чуть свободнее. — Он вдруг оскалился. — В Англии у меня

есть влиятельные родственники. Я немедленно напишу им, требуя призвать Трейла к ответу за все его преступления!

— Не надейтесь, что справедливость восторжествует, — посоветовал ему капитан Джордж Джонстоун. — Лорд Пенрин и сторонники работорговли пользуются в парламенте большим влиянием, чем десяток герцогов и графов.

— Расскажите, что стало со всеми этими несчастными в Порт-Джеконе, — попросил майор Росс доктора Мюррея.

— Его превосходительство губернатор распорядился вырыть братскую могилу у окраины поселения, — объяснил Мюррей, — туда перенесли мертвых, мистер Джонсон провел панихиду. Славный человек этот Джонсон — он был добр к выжившим, он сам спускался на нижнюю палубу «Нептуна», чтобы помочь нам вывести каторжников, над могилой он произнес трогательную речь. Но засыпать могилу было нечем. Трупы завалили камнями, чтобы до них не добрались хищники. «Сюрприз» отплыл к острову Норфолк, а люди продолжали умирать десятками, как умирают и по сей день. Губернатор Филлип вне себя от горя и гнева. Мы везем его письмо, адресованное лорду Сиднею, но, боюсь, оно дойдет до министерства лишь после того, как в колонию будет отправлена новая партия каторжников — на тех же судах и в тех же ужасных условиях. Подрядчикам платят заранее, а они доставляют в Порт-Джексон трупы!

— Трейл только радовался, узнавая о том, что его пассажиры гибнут, — добавил Уэнтуорт. — На «Нептуне» умерли и несколько солдат.

— Если я правильно понял, «Нептун», «Сюрприз» и «Скарборо» привезли почти тысячу каторжников-мужчин? — спросил Росс.

— Да, а еще в грязном коридоре на «Нептуне» держали десяток женщин. Остальных послали в колонию раньше, на «Леди Джулиане».

— Что же стало с ними? — мрачно осведомился Росс, вспоминая сто пятьдесят семь живых скелетов, высаженных на берег залива Каскад.

— Им повезло! — оживился доктор Мюррей. — «Леди Джулиана» принадлежит одному из подрядчиков, мистеру Ричардсу. Самое худшее, что можно сказать об этом корабле, — что его экипаж провел время так приятно, как на винокурном заводе. Да еще в обществе женщин! Неудивительно, что судно двигалось с черепашной скоростью.

— Значит, нам есть за что быть благодарными, — подытожил Росс. — Несомненно, нашим повитухам вскоре придется трудиться не покладая рук.

— Да, некоторые каторжницы беременны. А есть среди них и те, кто недавно родил.

— А сорок семь мужчин? Они из Порт-Джексона или их привезли на

одном из адских кораблей?

— Это новая партия каторжников, самые крепкие из них. Впрочем, работать никто из них пока не в состоянии. Хорошо еще, они в своем уме и могут пережевывать пищу.

Островитяне давно поняли, что где-то на Норфолке изготавливают ром, но с самого начала Роберт Росс смешивал его с ромом из старых запасов и называл пойлом из Рио. Продукцию Ричарда он разливал по пустым дубовым бочонкам, добавляя в нее хороший бристольский ром с «Юстиниана», чтобы проверить, каким он станет, когда отстоится. Этот неприкосновенный запас лейтенант Кларк и Ричард спрятали в сухом и надежном месте. Перегонный аппарат продолжал работать: майор Росс подсчитал, что к тому времени, как будет получено две тысячи галлонов дистиллята, запасы сахарного тростника и бочонков иссякнут. Он решил сразу после этого поручить Моргану разобрать аппарат и спрятать его. Уступая голосу рассудка, Росс пришел к выводу, что часть ячменя, выращенного на острове, придется употребить для изготовления пива, к тому же «Юстиниан» среди прочих грузов привез хмель. Теперь даже каторжникам не придется пить одну воду.

Боже милостивый, как управлять всеми этими мужчинами и женщинами, которых правительство короля отдало на съедение паразитам и двуногим чудовищам? Росс приказывал казнить и пороть людей, но вместе с тем заботился о них и не давал им умереть с голоду. Осознал ли Артур Филлип, что нечеловеческие условия жизни на невольничьих судах во второй раз за год спасли его от голодной смерти? Что случилось бы, если бы все тысяча двести каторжников сошли на берег крепкими и здоровыми? Провизии, привезенной «Юстинианом», хватило бы всего на несколько недель. Бог спас Новый Южный Уэльс, сделав своими помощниками бездушных капитанов невольничьих судов. Но кто поплатится за это, когда Бог потребует расплаты?

Утром десятого августа, перед началом вывоза каторжников с «Сюрприза», майор Росс собрал всех своих подчиненных вокруг флагштока и обратился к ним с речью.

— Наша участь улучшилась благодаря запасам провизии, которые позволят нам продержаться некоторое время, — звучно произнес он. — Поэтому я отменяю военное положение. Но это не значит, что вам отныне все позволено! Даже лишившись права предавать вас смертной казни, я все равно вправе пороть вас до полусмерти — и буду пороть за провинности! Численность населения острова увеличится и достигнет семисот восемнадцати человек, а остров и без того перенаселен. К тому же

большинство вновь прибывших — женщины, мужчин намного меньше, да и те больны. Значит, голодных ртов прибавится. В каждый дом будет поселен еще один человек, ибо я не намерен строить отдельные бараки для женщин. Размещением вновь прибывших займутся те, кому непосредственно подчиняются каторжники, — мистер Донован и мистер Уэнтуорт. Каждый из вас, будь он матросом, пехотинцем, помилованным каторжником или каторжником, отбывающим срок, обязан позаботиться по крайней мере об одной женщине. Офицеры могут поступать так, как сочтут нужным. Но прежде выслушайте меня внимательно: дважды предупреждать я не собираюсь! Я не допущу, чтобы женщин избивали, унижали или превращали в игрушки для мужчин. Помешать совокуплениям я не могу, но не стану проявлять снисходительность к тем из вас, кто окажется зверем. За изнасилование и избиение женщин любой из вас получит пятьсот самых хлестких ударов плетью — это касается как пехотинцев и матросов, так и каторжников.

Он замолчал, хмуро вглядываясь в лица безмолвных слушателей и с досадой отмечая злорадство в глазах капитана Джона Хантера: тот один понял, что майору Россу пришлось отменить военное положение по приказу его превосходительства, и восторжествовал.

— Офицеры флота и матросы, не желающие оставаться здесь, могут уплыть на «Запасе». А я намерен сократить численность населения Сидней-Тауна, раздав большинству колонистов земельные участки — при условии, что они согласятся кормить кого-нибудь из привезенных мужчин или женщин. Правительство не претендует на то, что вырастет на вашей земле, но как только она начнет приносить урожай, пайки с правительственных складов будут урезаны. Однако все вы получите право продавать излишки правительству, получая за них определенную плату, — это опять-таки касается и свободных колонистов, и каторжников. Те каторжники, которые будут усердно трудиться, возделывая свои участки, и продавать урожай правительству, вскоре получат помилование — разумеется, если будут достойны его. Некоторых из вас я вскоре объявлю свободными людьми в награду за работу. Правительство выделит каждому жителю острова по акру земли и свинью. Домашней птицы у нас слишком мало, но те из вас, у кого есть деньги, могут купить индеек, кур и уток — как только их поголовье возрастет.

По толпе пробежал ропот, одни колонисты оживились, другие приуныли. Далеко не каждого обрадовало известие о том, что ему отныне придется работать не покладая рук, пусть даже на самого себя.

А майор продолжал:

— Ричард Филлимор, ты можешь выбрать себе акр земли к востоку от Сидней-Тауна. Натаниель Лукас, тебе достанется акр земли на окраине Сидней-Тауна, где ты сейчас живешь. Джон Райс, можешь выбрать себе участок рядом с участком Ната Лукаса, возле ручья, текущего между казармами пехотинцев и внутренним рядом домов. Джон Мортимер и Томас Краудер, ваши участки будут находиться рядом с акром, принадлежащим Райсу. Ричард Морган, тебе достанется земля там, где ты сейчас живешь, в долине. Остальным я сообщу местонахождение их участков, как только мистер Брэдли составит карту острова. Экипаж «Сириуса» может заняться расчисткой земли вдоль дороги к заливу Каскад. Те, кто занят вымачиванием льна, и ткачи, прибывшие на «Сюрпризе», поселятся в Филлипберге, рядом с будущей ткацкой фабрикой.

Поднявшийся шум он заглушил единственной фразой:

— А теперь разойдись!

Ричард вернулся на лесопилку в долине, охваченный радостным возбуждением, в котором была примесь досады. Росс подарил ему акр земли, на котором стоял его дом, — чудесный подарок, поскольку этот участок уже был расчищен и возделан. Такие же дары получили Нат Лукас и Ричард Филлимор, а Краудеру, Райсу и Мортимеру предстояло еще выкорчевать деревья на своей земле. Досаду вызывало лишь одно: майор Росс явно решил положить конец его уединению. Лоурелл теперь жил в собственной хижине, и Ричард понимал, что к нему поделят какую-нибудь женщину, отправить которую к Лоуреллу будет невозможно. Несмотря на тихий нрав, Лоурелл наверняка пожелает насладиться соседкой, независимо от ее желания. Значит, придется поселить ее здесь, в единственной комнате. Ричард понимал, что он вынужден изменить планы на будущие выходные, а он собирался порыбачить с западных скал и прогуляться в компании Стивена. Но вместо этого придется делать пристройку к дому. Не задавая лишних вопросов, Джонни Ливингстон изготовил для Ричарда сани на гладких полозьях, в которые Ричард впрягался сам, словно лошадь. На этих санях он по ночам перевозил сырье к винокуренному заводу, поскольку никому не мог поручить подобную задачу. Сани заменяли ему прочную и вместительную ручную тележку и были неоценимым приобретением. А теперь на них понадобится возить каменные глыбы с каменоломни, чтобы заложить фундамент для пристройки. Черт бы побрал всех женщин на свете!

Зимой старшие офицеры обедали в час дня, и такого же распорядка придерживался сам майор Росс. Миссис Морган, как продолжала называть себя Лиззи Лок, была превосходной и изобретательной поварихой. Сегодня

в честь прибытия «Сюрприза» и «Юстиниана» она поджарила свинину. Из вновь прибывших в резиденцию губернатора были приглашены лишь Уэнтуорт и Мюррей, но ни один из капитанов новых кораблей. Лейтенант Кларк тоже ушел, предварительно приведя домой на обед Малыша Джона. Сам Кларк питался скудно с самого отплытия из Англии. Когда речь заходила о его собственных деньгах, Кларк, не располагающий крупными средствами, проявлял исключительную бережливость. Не явился в резиденцию губернатора и лейтенант Роберт Келлоу: он остался в Ковентри после нелепой дуэли с лейтенантом Фэдди.

За столом собрались майор Роберт Росс, капитан Джон Хантер, капитан Джордж Джонстоун, лейтенант Джон Джонстон и отчаянный сплетник лейтенант Уильям Фэдди.

Перед обедом майор предложил гостям «ром из Рио», приберегая напоследок бутылочку портвейна, преподнесенную ему капитаном Мейтлендом с «Юстиниана». Лиззи немного запаздывала с обедом, и майор налил гостям по второму стакану. Когда же наконец пришло время воздать должное свинине с аппетитной поджаристой корочкой, густой подливой и жареным картофелем, пропитавшимся мясным соком, пятеро мужчин ощущали легкое головокружение, вызванное ромом. К тому же за едой все продолжали прихлебывать пьянящий напиток.

— Мне известно, что вы сместили Кларка с поста начальника правительственного склада, — заметил Хантер, доедая запеченный рисовый пудинг с патокой.

— Лейтенант Кларк — слишком ценный работник, чтобы вынуждать его считать на пальцах, — отозвался Росс, подбородок которого лоснился от жира. — Его превосходительство прислал мне в помощь одного из свободных колонистов. А Кларку я поручил следить за строительством домов в Шарлотт-Филде.

Хантер напрягся.

— Кстати! — произнес он нарочито бесстрастным голосом. — Во время своего памятного выступления сегодня утром вы упомянули, что мои матросы будут выселены из Сидней-Тауна и переселены к дороге, ведущей к заливу Каскад. Кажется, так?

— Вы совершенно правы. — Росс вытер подбородок салфеткой, выкроенной умелой миссис Морган из старой льняной скатерти. Сокровище, а не женщина! С чего вдруг Ричард Морган отказался от нее, Росс не понимал, но чувствовал, что его отвращение как-то связано с интимной близостью. Впрочем, Морган оказался прав: Лиззи вовсе не была соблазнительницей. Свернув салфетку, Росс уставился в упор на Хантера,

сидящего за противоположным концом стола. — А в чем дело?

— Вы здесь больше не судья и не палач, Росс, так почему вы присвоили себе право принимать решения насчет моего экипажа?

— Я по-прежнему вице-губернатор. Следовательно, я вправе переселять колонистов, в том числе и матросов, к Каскад-роуд. Теперь, когда у нас прибавилась сотня женщин да еще полсотни больных, я не желаю, чтобы по Сидней-Тауну болтались пьяницы и лентяи, которых тем не менее надо кормить.

Хантер так резко отодвинул пустую тарелку, что опрокинул кружку из-под рома и подался вперед, упершись ладонями в стол.

— Довольно! — выпалил он, хватив по столу кулаком. — Вы тиран, Росс, и я немедленно доложу об этом губернатору, как только вернусь в Порт-Джексон. Вы вешали моих матросов, пороли их, и за это я проклинаю вас! Вы заставили моряков королевского флота выполнять работу, которую я не поручил бы даже Иуде Искарриоту, — собирать лен, с риском для жизни возводить каменный причал. — Он поднялся и оскалил зубы. — Мало того, вы наслаждались, вводя на острове военное положение!

— Верно, — подтвердил Росс с обманчивой любезностью. — Мне было отрадно видеть, как морякам для разнообразия пришлось заняться настоящим делом.

— А я повторяю, Росс: вы не посмеете выселить из города моих людей!

— Еще как посмею! — Росс поднялся, сверкая глазами. — Я терпел вас и вашу привилегированную свору целых пять месяцев и, судя по всему, должен буду терпеть еще шесть! Ладно, оставайтесь, но не у меня под боком! Вы, ублюдки, считаете себя венцом творения, а это далеко не так! На этом острове вы стая пиявок, сосущих кровь из честных тружеников! К счастью, здесь я найду на вас управу, и пехотинцы мне помогут. Вы выполните мой приказ, Хантер, и довольно об этом. Мне плевать, даже если вы переспите со всеми юнгами флота, но уж будьте так любезны держаться от меня подальше — меня тошнит от вашей вони. Убирайтесь грешить к Каскад-роуд!

— Я подам на вас в суд, Росс! Я заставлю губернатора с позором отозвать вас в Порт-Джексон и отправить на родину с первым же кораблем!

— Что ж, попробуй, старый мужелюб! Но помни, что поплачусь не только я. Если ты подашь на меня в суд в Англии, я не постесняюсь сообщить, что ты не стал слушать советы тех, кто помог бы тебе спасти судно! — взревел Росс. — Тебе, Хантер, не доверят даже водить барку от Вулвича до Тилбери!

Побагровев, Хантер с шипением втянул сквозь зубы воздух, в углах его рта выступила пена.

— Дуэль! — прохрипел он. — Завтра на рассвете, на пистолетах!

Майор взорвался хохотом.

— Ни за что! — отозвался он. — Я не посрамлю морской корпус! Стреляться на дуэли с престарелой мисс Молли, которая уже стоит одной ногой в могиле? Да ни за какие деньги! Убирайся отсюда, и чтоб духу твоего не было в Сидней-Тауне, пока я еще вице-губернатор Норфолка!

Капитан Хантер круто повернулся и вышел.

Трое свидетелей ссоры, сидящих на столе, переглянулись. Фэдди не терпелось под каким-нибудь предлогом покинуть резиденцию губернатора и броситься на поиски Ральфа Кларка, Джон Джонстон был до смерти перепуган, а прожорливый Джордж Джонстоун пребывал в превосходном расположении духа, причиной которому были не ром и не стряпня миссис Морган. Так ему и надо, этому выскочке! Джонстоун всецело разделял мнение Росса об экипаже «Сириуса», и, кроме того, он знал, как люто пехотинцы ненавидят матросов, — только вмешательство капитана помогало последним остаться в живых. Но сдерживать ярость пехотинцев было нелегко. Майор поступил мудро и дальновидно, решив сразу два затруднения еще до того, как в Сидней-Тауне прибавится сразу сто пятьдесят семь женщин.

— Фэдди, — произнес майор, с довольным вздохом садясь на место, — сиди смирно. Я не стану приказывать тебе держать рот как замке: такая задача не под силу даже самому Господу Богу. Джордж, попробуйте портвейн. Предлагаю завершить сей знаменательный обед тостом в честь его величества и корпуса морских пехотинцев, который когда-нибудь станет королевским. И тогда мы встанем на одну ступень с королевским флотом.

В пятницу тринадцатого числа, в день, приближение которого вселило в души колонистов суеверный ужас, женщин-каторжниц с «Сюрприза» начали высаживать на берег залива Каскад, поскольку ветер никак не хотел перемениться на южный.

Хотя теперь Ричарду приходилось следить за работой десяти лесопилок и руководить строительством новой, в Шарлотт-Филде, где Россу не терпелось основать поселение и освоить новые земли, Ричард по-прежнему сам пилил деревья вместе с напарником, рядовым Билли Уигфоллом. Но утром в пятницу тринадцатого ему пришлось явиться к майору Россу с докладом о том, что в этот зловещий день ему не удалось заставить работать ни единого пильщика.

— Положение обстоит так, сэр, что я уже подумывал, не позвать ли на

помощь Ричардсона с плеткой, но такое средство принесет больше вреда, чем пользы. Нам предстоит огромная работа, я не могу рисковать своими людьми, — объяснил Ричард.

— Есть вещи, бороться с которыми бессмысленно, — отозвался майор Росс, сам веривший в дурные предзнаменования. — Сегодня я даю всем вам выходной, но завтра вы должны выйти на работу. Между прочим, я уже запретил всем каторжникам сегодня появляться у Каскад-роуд в поисках доступных женщин. — Он беззлобно усмехнулся. — А еще я предупредил, что если они нарушат мое распоряжение, то в пятницу тринадцатого непременно ошибутся в выборе. Но этим беспомощным существам надо помочь выбраться на берег и подняться вверх по склону, и, поскольку я велел пехотинцам держаться от женщин подальше, эту работу придется поручить матросам с «Сириуса». — Он расплылся в улыбке. — Однако я хочу, чтобы кто-нибудь присматривал за матросами — многие из этих негодяев не помнят ни отца, ни матери. Ты поможешь мистеру Доновану и мистеру Уэнтуорту, Морган.

В восемь часов утра все трое направились к заливу, пребывая в приподнятом настроении, несмотря на зловещую дату. Стивен и Дарси Уэнтуорт быстро подружились; подобно Ричарду, Дарси был слишком деликатным, чтобы питать презрение даже к «мисс Молли». У этих двоих нашлось немало общего, особенно жажда к перемене мест и приключениям, к тому же оба любили читать. В море Стивен находил выход своему стремлению действовать, а Уэнтуорт рано ощутил тягу к странствиям и даже однажды был привлечен к суду по обвинению в грабеже на большой дороге. Лишь благодаря вмешательству влиятельных родственников его оправдали, но терпение всей семьи иссякло, и Уэнтуорту, в свободное от грабежей время изучавшему медицину, было приказано убраться в Новый Южный Уэльс и никогда не возвращаться.

Приказ был подкреплён небольшой рентой, которую ему предстояло получить только в Новом Южном Уэльсе.

Стивен по-прежнему носил длинные волосы, спадавшие на плечи роскошными кудрями, а Уэнтуорт предпочитал современную моду — стрижку, но не такую короткую, как у Ричарда. Трое мужчин, идущих по дороге, невольно приковывали взгляды: привлекательный, рослый и гибкий Уэнтуорт был самым высоким из них и единственным блондином между двух темноволосых товарищей.

Спустившись на прибрежную скалу, возвышающуюся на сто ярдов над естественным причалом, они увидели, что «Сюрприз» стоит у самого берега, слегка покачиваясь на волнах. Два дня назад мистер Донован

объяснил капитану Энстису, как следует действовать, чтобы благополучно переправить всех пассажиров на сушу. Будучи человеком рассудительным, Энстис внял его советам.

— И все-таки этот Энстис — мерзкий тип, — говорил Стивен, присаживаясь на камень. — Мне рассказывали, что в Порт-Джексоне он продавал бумагу по пенни за лист, чернила — по фунту за маленький флакон, а дешевый коленкор — по десять шиллингов за локоть.^[18] Доктор Мюррей говорит, что покупателей у него было немного, поэтому он наверняка станет предлагать свой товар и на острове.

Вспомнив рассказы Лиззи, которую он продолжал мысленно называть Лиззи Лок, а не Морган, о том, что на «Леди Пенрин» не хватало даже тряпок для ежемесячных женских недомоганий, Ричард принял важное решение: хотя у него вызывал отвращение человек, стремящийся нажиться за счет изголодавшихся людей, придется купить у него несколько локтей коленкора для женщины, которую ему, Ричарду, предстоит приютить в своем доме. Возможно, на «Леди Джулиане» женщинам давали тряпки, но в этом он сомневался. Ничем не отличаясь от пресыщенного экипажа «Леди Пенрин», матросы с «Леди Джулианы» вряд ли проявляли сочувствие к пассажиркам. А еще гостю Ричарда понадобится постель — матрас, подушка, простыни, одеяло и, кроме того, одежда.

Джонни Ливингстон уже пообещал склотить кровать и еще несколько стульев, и Ричард подсчитал, что приезд незваной гостьи обойдется ему недешево. Он по-прежнему хранил золотые монеты в сундуке и в каблуках сапог Айка Роджерса. Хотелось бы посмотреть, что привез на продажу Николас Энстис. Может, корундовый порошок? Запас Ричарда почти иссяк. Впрочем, он приспособился изготавливать наждачную бумагу, принося песок из Черепашьего залива и вываривая клей из рыбьей чешуи, но такая бумага была непрочной.

Около десяти часов первая шлюпка пристала к берегу под радостные крики пятидесяти матросов с «Сириуса», с нетерпением ожидавших ее; тем временем женщинам помогали спускаться с «Сюрприза» в остальные шлюпки. День выдался тихим, непохожим на тот дождливый и ветреный день, когда на остров прибыл майор Росс, но едва первая шлюпка подплыла к причалу, под ее днищем прокатилась откуда-то взявшаяся высокая волна, и женщины завизжали, отказываясь прыгать на берег. Один из матросов с «Сириуса» встал на самый край естественного причала и протянул руки, гребцы подвели шлюпку поближе к причалу, а двое матросов, сидящих в ней, почти перебросили испуганно кричащую женщину на берег. Следом пришла очередь остальных пассажирок. Никто из них не свалился в воду и

не лишился скудного имущества. Вскоре к берегу подошла вторая шлюпка, и все повторилось; не прошло и часа, как всю импровизированную пристань заполнили женщины. Но матросы не позволяли себе никаких вольностей: каждый выбирал себе женщину и помогал ей взобраться на вершину утеса, высота которого превышала двести футов.

— Посмотрим, что будет, когда до Сидней-Тауна докатятся слухи о том, что команда «Сириуса» выбрала себе лучших женщин. Пехотинцев придется связывать, чтобы избежать драки, — ведь майор Росс сам запретил им появляться в заливе.

— Он сделал это умышленно? — с любопытством спросил Уэнтуорт.

— Да, но совсем не по тем причинам, о которых ты думаешь, — ответил Ричард. — Еще неизвестно, что было бы хуже — предоставить право первого выбора пехотинцам или матросам с «Сириуса». Майор сумел по крайней мере предотвратить драки между пехотинцами.

— Так или иначе, — улыбнулся Стивен, — выбор здесь небогатый. По сравнению с этими бедняжками даже горгона Медуза показалась бы красавицей. Я насчитал пятьдесят три женщины, а значит, друзья мои, нам придется спуститься на берег: помощники с «Сириуса» уже исчезли.

Подобно Стивену Доновану и Ричарду Моргану, но по совсем иной причине Дарси Уэнтуорт не пытался выбрать себе подругу среди испуганных женщин, оставшихся на берегу. У Дарси была любовница из числа каторжниц, рыжеволосая красавица Кэтрин Кроули, которая отказалась высаживаться на берег в заливе Каскад: ей вместе с новорожденным сыном Уильямом Чарлзом предстояло дожидаться, когда утихнет волнение в Сидней-Бей. Уэнтуорт влюбился в нее с первого взгляда и поселил в своей каюте на «Нептуне». Кэтрин родила ребенка незадолго до того, как «Нептун» приплыл в Порт-Джексон. Это событие стало и радостным, и печальным. Малыш Уильям Чарлз унаследовал медные материнские кудри и отцовскую статью, но родился с сильным косоглазием.

Высадив на берег около семидесяти женщин и почти всех мужчин, «Сюрприз» подал сигнал о том, что высадка прекращается: отлив набирает силу. Женщины и вправду выглядели плачевно; хотя на «Леди Джулиане» их жизнь была сносной, на остров Норфолк их привезли на старом и сыром судне, на нижней палубе, где за время долгого плавания скопились грязь, вонь и нечистоты.

Но и сорок семь мужчин, оказавшихся на берегу, вызывали жалость и сострадание. Значит, это и есть самые крепкие из каторжников, прибывших в Порт-Джексон? Уэнтуорту приходилось спрыгивать в шлюпки —

матросы с «Сюрприза» и не пытались помочь пассажирам, — брать несчастных на руки и передавать их Ричарду и Стивену, поскольку у каторжников не доставало сил даже совершить прыжок. Их тела казались иссохшими, глаза ввалились и напоминали ягоды крыжовника в бумажных кольцах истончившихся век, зубы и волосы выпали, ногти потемнели. Все пассажиры «Сюрприза» страдали цингой и дизентерией, их одолевали вши. Ричард, как самый проворный, помчался в Сидней-Таун и потребовал в помощь пехотинцев или каторжников. К тому времени, когда он вернулся, последние женщины, на которых не польстились матросы с «Сириуса», уже брели по дороге, согнувшись под тяжестью узлов. Сержант Том Смит поднял по тревоге своих подчиненных, крепких, как пилыщики, мужчин, старшему из которых минуло сорок два года. Ни Ричард, ни Смит не заметили, как один из добровольцев-каторжников, Том Джонс Второй, куда-то скрылся прежде, чем отряд достиг залива Каскад.

К наступлению сумерек работа была закончена: всех доставленных на берег каторжников привели в Сидней-Таун, где женщин разобрали по домам, а измученных мужчин поместили в госпиталь и один из складов, наспех переделанный в барак. Оливия Лукас, Элиза Андерсон, вдова Джона Брайанта и экономка коменданта, миссис Ричард Морган принялись хлопотать вокруг больных, с каждой минутой убеждаясь, что им уже не поправиться. Значит, это и есть самые здоровые из тысячи человек? Как они пережили это тяжкое испытание?

Поскольку «Сюрприз» остался стоять на якоре в заливе Каскад, на следующий день Стивен, Дарси Уэнтуорт и Ричард снова вернулись туда, чтобы помогать при высадке, а предыдущим вечером им пришлось тщательно мыться, отскребая грязь и вылавливая вшей. На второй день высадки поднялся ветер, но с «Сюрприза» уже подали сигнал о том, что следующая шлюпка будет последней. Стивен и Дарси повели в поселок последнюю партию женщин, помогая им нести вещи и уверяя перепуганные создания, что им понравится на острове Норфолк, где живется сытнее и лучше, чем в Порт-Джексоне.

Ричард задержался, чтобы убедиться, что капитан «Сириуса» не передумает и не решит отправить к берегу еще одну шлюпку. Подождав немного и увидев, что высадка прекратилась, Ричард направился следом за товарищами. Поднявшись на гребень холма, он оглянулся на побережье, менее знакомое, чем риф в Сидней-Бей, лагуна и окрестные пляжи. Это место Ричард считал на редкость живописным: ручей впадал в залив, образуя водопад, над водой у берега вздымались каменные глыбы, волны бились о них, взметая в воздух клочья пены.

А какими удивительными деревьями были норфолкские сосны! Чтобы проложить дорогу, их срубали под самый корень; короткие пни быстро сгнивали. Через два года никто и не догадается, что прежде здесь сплошь росли сосны. Заметив, что солнце уже висит над самым горизонтом, Ричард ускорил шаг и вскоре пересек поляну на окраине Филлипберга, где Росс предпринимал героические усилия, пытаясь выстроить ткацкую фабрику. Дальше путь лежал через лес у подножия невысокого холма, на который вице-губернатор переселил матросов с «Сириуса». Капитан Хантер наотрез отказался присоединиться к ним и вместе с лейтенантом Уильямом Брэдли перебрался к тропе Филлимора, на берег ручья, который протекал через участок Дика Филлимора.

Значит, еще одну ночь он проведет в одиночестве. Ни одна из женщин не обратила на Ричарда внимания, ни одна не задержала на нем взгляд, предпочитая ему красавца Стивена. Шагая по лесу, Ричард размышлял: если ему повезет, на его попечении останется только Джон Лоурелл. Так будет лучше, даже если майор откажется выдать ему свинью.

Из леса послышался слабый звук, напоминающий мяуканье. Ричард остановился и нахмурился. Вместе с экипажем «Сириуса» на остров попало еще несколько кошек, но их здесь высоко ценили, поэтому им было незачем забредать так далеко в поисках пищи. Даже матросы с «Сириуса» ни за что не выгнали бы из дома своих любимцев. Наверное, кошка заблудилась в лесу, забралась на дерево и теперь не может спуститься.

— Кис-кис! — позвал Ричард и прислушался. — Китти, Китти! — добавил он, сразу придумав имя найденышу.

Ответный звук лишь отдаленно напоминал мяуканье. Насторожившись, Ричард сошел с дороги и начал пробираться между деревьев и обвитых лианами пней. В лесу его сразу обступила темнота. Он остановился, чтобы дать глазам привыкнуть к кромешному мраку, а потом снова двинулся на поиски, вдруг придя к выводу, что странный звук издавало человеческое существо. Какая досада! Он так надеялся найти кошку и подарить ее Стивену — взамен его любимца Родни, корабельного кота, который остался на «Александрере».

— Где ты? — громко спросил Ричард. — Отзовись, иначе мне тебя не найти.

Ответом ему была тишина, в которой слышалось только потрескивание сосен, шорох ветра в ветвях и шелест птичьих крыльев.

— Не бойся, я хочу тебе помочь. Отзовись!

Очередное мяуканье прозвучало издалека. Оглядевшись, чтобы не заблудиться, Ричард двинулся на звук.

— Не молчи, — попросил он. — Здесь ничего не видно.

— Помогите!

После этого возгласа Ричард без труда нашел незнакомку: она съежилась в дупле, которое время и короеды проделали в стволе громадной сосны. Должно быть, в таких убежищах проводили ночи каторжники, которые порой убегали в лес и возвращались в Сидней-Таун лишь через несколько недель, измученные и изголодавшиеся.

Поначалу Ричард принял незнакомку за совсем маленькую девочку и только потом разглядел под рваным платьем худую грудь. Присев на корточки, он улыбнулся и протянул руку.

— Все хорошо, я тебя не обижу. Надо уходить отсюда — уже совсем стемнело, мы можем заблудиться. Дай мне руку.

Она вложила пальчики в его ладонь, и Ричард вытащил ее из дупла, дрожащую от холода и ужаса.

— А где же твои вещи? — спросил он, прикасаясь к холодным тонким пальцам.

— Тот человек забрал их, — прошептала незнакомка.

Крепко сжав губы, Ричард повел ее к дороге, стараясь не сбиться с пути. Женщина не доставала головой ему до плеча, была очень тоненькой, а определить цвет ее грязных волос Ричарду никак не удавалось. Но едва он взглянул ей в глаза, как затаил дыхание. Их блеск затмил бы даже сияние солнца. Глаза Уильяма Генри! Таких глаз больше не могло быть ни у кого в мире.

— Ты можешь идти? — спросил он, размышляя о том, стоит ли предложить незнакомке рубашку, и в то же время боясь перепугать ее.

— Кажется, да.

— На следующей поляне я сделаю факел. Тогда нам не придется так спешить.

Она вздрогнула.

— Не бойся! Факел нам нужен только для того, чтобы освещать дорогу. До дома нам идти еще три мили. — Ричард осторожно пожал руку спутницы. — Я — Ричард Морган, свободный колонист, — с нескрываемым удовольствием объяснил он. — Смотритель лесопилок.

Незнакомка не ответила и зашагала увереннее и быстрее. Впереди показался поселок матросов с «Сириуса». Они жили в палатках, пока плотники строили казармы и дома. Возле самой дороги горел большой костер, но рядом не оказалось ни души — вероятно, матросы были мертвецки пьяны. Никто не увидел ни Ричарда, который сунул в костер сосновую ветку, чтобы сделать факел, ни его спутницу, жмущуюся к нему.

— Как тебя зовут? — поинтересовался Ричард, когда они углубились в лес. Ветер завывал в соснах, издавая такой звук, словно кто-то бухал молотком по тонкому листу меди.

— Кэтрин Кларк.

— Китти, — сразу воскликнул Ричард, — Китти!

Она вздрогнула.

— Откуда вы узнали, как меня зовут?

— Я угадал случайно, — с не меньшим удивлением отозвался Ричард. — Когда я слышал твой голос, то подумал, что в лесу заблудился котенок. Ты с «Леди Джулианы»?

— Да.

Ричард чувствовал, что Китти едва передвигает йоги, и все же боялся взять ее на руки. Какой негодяй так напугал ее?

— Не будем тратить время и силы на болтовню, Китти, — предложил он. — Самое важное сейчас — поскорее добраться до дома.

* * *

Дом. Какое прекрасное слово! Незнакомец произнес его так, словно и вправду дорожил своим домом и обещал ей все те простые, но бесценные радости, которых она была так долго лишена. С тех самых пор, как ее приговорили к каторге и отправили сначала в лондонский Ньюгейт, а потом на «Леди Джулиану», которая сначала стояла в устье Темзы, прежде чем отплыть в Ботани-Бей. Но там Китти почти ничего не боялась, поскольку ни один матрос не домогался ее: на судне жили двести четыре женщины, из которых тридцать мужчин выбирали самых бойких, грудастых и полных. Лишь немногие матросы не удовлетворялись одной подругой, но мистер Никол следил, чтобы никого из каторжниц не подвергали насилию. Почти все члены экипажа вели себя как покупатели на конской ярмарке, присматривая «жену», как они называли подруг. Подобно сотне других каторжниц, Кэтрин Кларк ни разу не привлекла их пристального внимания. В Порт-Джексоне их не высадили на берег, а оставили на борту «Леди Джулианы», пока не были выбраны сто пятьдесят семь мужчин, предназначенных для отправки на остров Норфолк — об этом месте Китти никогда не слышала. Не знала она и о Порт-Джексоне, но название Ботани-Бей вселяло в нее ужас.

На «Сюрпризе» ей жилось гораздо хуже, чем на «Леди Джулиане». Китти отчаянно тосковала по неспешному скольжению «Леди Джулианы»,

морская болезнь стала для нее кошмаром, сводящим с ума. Трюм «Сюрприза» кишел паразитами, повсюду хлюпала жижа, о происхождении которой лучше было не гадать, к омерзительной вони невозможно было привыкнуть, на палубу каторжников не выпускали.

Уже сидя в шлюпке и приближаясь к берегу, Китти холодела от ужаса, представляя себе, как оступится на камне и упадет в воду, но красавец с ослепительной улыбкой и синими глазами ободряюще улыбнулся, вовремя поддержал ее и спросил, сумеет ли она сама подняться по крутому склону. Желая угодить ему, Китти закивала и отошла, чувствуя, как тянут ее к земле узелок и свернутое одеяло. Тогда она даже не заметила Ричарда Моргана, который спускался к воде как раз в тот момент, когда она карабкалась по склону утеса. Наверху она помедлила, переводя дыхание, а затем направилась по дороге, понимая, что слишком ослабела от морской болезни и голода, но твердо решив добраться до поселка. В пути ей повстречалась толпа мужчин, которые пробежали мимо, не обратив на нее внимания.

Едва войдя в лес, Китти поняла, что ноги больше не держат ее. Она бросила узелок и одеяло на землю и села на них, положив голову на согнутые колени и задыхаясь.

— Ну-ка, кто это у нас здесь? — послышался незнакомый голос.

Она подняла голову и увидела перед собой белобрысого мужчину, одетого только в холщовые потрепанные штаны. Незнакомец улыбнулся, и Китти увидела, что у него недостает верхних и нижних передних зубов. Зловещая черная дыра во рту напугала ее, но она слишком устала, чтобы спастись бегством, поэтому взялась за протянутую руку мужчины, надеясь, что он поможет ей встать. Вместо этого он рывком притянул ее к себе и впился ей в губы. Китти слабо отбивалась, чувствуя, как ветхое платье рвется у нее на груди.

Издали донеслись голоса, и обидчик Китти поспешно разжал руки. Она вырвалась и бросилась в лес. Мгновение незнакомец стоял, словно размышляя, стоит ли гнаться за ней, а потом с дороги снова послышались голоса. Он подобрал узелок и одеяло и зашагал по дороге в ту же сторону, куда направлялась и Китти. Голоса приближались. В панике Китти побежала в чащу леса, куда глаза глядят, забыв, где находится дорога. Что-то коснулось ее лица, но она удержалась и не вскрикнула. Наконец она лишилась чувств от усталости и упала, ударившись головой о корень.

Когда она со стоном пришла в себя, чуть не захлебываясь рвотой, вокруг уже стемнело. Отовсюду слышались шорох, писк, скрип могучих деревьев, в кромешной темноте ничего нельзя было разглядеть. Китти на четвереньках подползла к громадному дереву, забилась в дупло и решила

дождаться утра, а потом попытаться найти дорогу к поселку. Дерево, которое дало ей приют, обвивало какое-то ползучее растение толщиной с талию Китти.

На следующий день она не решилась покинуть дупло и, хотя слышала голоса, не откликнулась, боясь, что ее ищет беззубый незнакомец. Китти и сама не понимала, почему с наступлением сумерек вдруг решила подать голос. Едва она позвала на помощь, кто-то отозвался: «Китти, Китти!» Она не знала, кто зовет ее, но почему-то вспомнила красавца, который помог ей выбраться на берег.

Ее нашел человек, очень похожий на того красавца. Волосы незнакомца были коротко подстрижены, серые глаза поблескивали, улыбка оказалась обаятельной, а зубы — целыми и белоснежными. Больше Китти ничего не успела разглядеть, но когда незнакомец протянул руку, взялась за нее, почему-то вновь вспомнив человека, который помог ей перепрыгнуть из шлюпки на камень и навсегда врезался в ее память. Уже на дороге Китти обнаружила, что ее спутник старше того красавца на берегу. Впрочем, несмотря на разный цвет волос и оттенок кожи, эти двое могли быть братьями. Придя к этому выводу, Китти доверилась незнакомцу и послушно зашагала рядом с ним.

— Ты замерзла, — произнес Ричард. — Пожалуйста, возьми мою рубашку. Я вовсе не хочу обидеть тебя, Китти, но мне придется одеть тебя самому.

Китти слишком устала, чтобы сопротивляться, поэтому послушно стояла, пока Ричард снимал рубашку, продевал ее руки в рукава и завязывал полы узлом на поясе.

— Так теплее?

— Да.

Каким-то образом ей удавалось передвигать ноги, пока они не достигли последнего участка дороги, сбегавшего с крутого склона холма в долину, где виднелись огоньки размером с булавочную головку. Внезапно Китти споткнулась и рухнула на землю.

Бросив факел, Ричард поднял спутницу и взвалил ее себе на плечи, ухватив за запястья одной рукой, а за ноги — второй. Он шагал так уверенно, словно вокруг было светло, как днем. У подножия холма стоял дом. Подойдя к нему, Ричард постучал в дверь ногой.

— Стивен! — позвал он.

— Боже мой, Ричард, ты воруешь женщин? — ахнул появившийся на пороге мужчина, в глазах которого плясали насмешливые огоньки.

— Прошлую ночь эта бедняжка провела в лесу близ залива Каскад.

Какой-то ублюдок напал на нее и отнял вещи. Будь другом, проводи меня домой.

— Давай я понесу ее, — предложил Стивен. — Ты, должно быть, выбился из сил.

«Да, да, понеси меня!» — безмолвно взмолилась Китти. Но Ричард Морган покачал головой:

— Мне пришлось нести ее только от последнего холма. У нее полно вшей. Просто проводи нас до дома.

— Подумаешь, вши! Вноси ее, — скомандовал Стивен, приоткрывая дверь пошире. — Дома тебе придется разводить огонь да еще готовить еду — ты же сегодня собирался поужинать со мной. Да входи же, Ричард! За последние два дня я притерпелся к паразитам. — Мельком взглянув на лицо Ричарда, Стивен почувствовал, как у него дрогнуло сердце. Кто знает, как и почему к человеку приходит любовь? Стивен понял, что Ричард шагнул навстречу своей судьбе, как это сделал он сам на палубе «Александера». — Уха уже готова. Нашей гостье не повредит бульон.

— Первым делом надо избавить ее от вшей. Больше всего она нуждается в купании и чистой одежде. У тебя найдется горячая и холодная вода? Или попросить ее у Оливии Лукас?

— Воды достаточно, но нет ни лохани, ни гребня, чтобы вычесать ей волосы. Может, Оливия одолжит их тебе.

Ричард вышел, оставив Стивена наедине со своей находкой. Китти уже пришла в себя настолько, что благоговейно воззрилась на хозяина дома самыми удивительными глазами, какие он когда-либо видел, — глазами цвета эля с темно-коричневыми точками вокруг зрачков, опущенными густыми, такими светлыми ресницами, что только блеск выдавал их присутствие. У этой исхудавшей, с овальным лицом, некрасивой, если не считать огромных глаз, девушки был типичный для англичан крупный нос и выдающийся вперед подбородок.

Стивен поставил стул посреди комнаты и предложил ей сесть.

— Я Стивен Донован, — произнес он, зачерпывая из котелка уху и наливая ее в миску. — А как зовут тебя?

— Кэтрин Кларк, Китти, — ответила она и улыбнулась, показав ямочку на левой щеке и ровные зубы, покрытые желтоватым налетом — признак длительной морской болезни и голодания. — Я помню, это вы помогли мне подняться по склону.

— Как и полсотне других женщин. Расскажи мне о человеке, который ограбил тебя.

Успокаиваясь с каждой минутой, Китти начала рассказ. Ей было уютно

в этой чистой кухне-гостиной, где стояли стол, несколько изящных стульев, кухонный стол, еще один столик, служивший письменным. Отполированные стены были украшены тремя огромными клыкастыми челюстями неизвестного зверя, на письменном столе стояли шахматы и чернильница, тут же лежали перья и бумага.

— Это был светловолосый мужчина. У него нет четырех передних зубов.

— Том Джонс Второй, это ясно как день, — отозвался Стивен и подал ей миску. — Пей.

Едва Китти глотнула горячего бульона, на ее лице возникло выражение наивысшего блаженства. Она жадно осушила всю миску и протянула ее хозяйину.

— А можно еще немножко, мистер Донован?

— Просто Стивен. Немного погодя ты получишь еще, Китти. После голодания нельзя сразу набивать желудок. В море тебя часто тошнило?

— Постоянно, — призналась она.

— С завтрашнего дня начни чистить зубы золой из очага, иначе они сгниют. На зубах накапливается налет, который разрушает их.

— Простите, что я принесла сюда вшей, — пробормотала она.

— Не надо извиняться, детка. Ричард добудет тебе новую одежду, а старую мы сожжем. Но пожалуй, волосы придется остричь, если ты согласишься. Не наголо, а просто подрезать покороче.

Китти вздрогнула, но послушно кивнула.

Вернулся Ричард с жестяной лоханью и охапкой одежды.

— Оливия Лукас — настоящее сокровище, — сообщил он, ставя лохань на пол и вынимая из нее содержимое. — Китти уже рассказала тебе, что с ней случилось?

— Да. На нее напал Том Джонс Второй. Ошибки здесь быть не может.

Двое мужчин наполнили лохань горячей водой и развели ее холодной, действуя так слаженно, что ошеломленная Китти решила, что они и вправду братья.

— Раньше ты часто мылась, Китти? — спросил Ричард. Задать этот вопрос более деликатно он не сумел: судя по виду Китти, за всю жизнь она не мылась ни разу.

— Да, конечно. Не знаю, как благодарить вас, мистер Морган. С тех пор как я покинула «Леди Джулиану», мне ни разу не удалось помыться. На корабле мы следили за чистотой, ни у кого из нас не было вшей. Если вы дадите мне ножницы, я сама остригу волосы, — добавила она, говоря вежливо, с заметным акцентом, который выдавал в ней уроженку Суррея

или Кента.

Ричард ужаснулся:

— Острижешь волосы? Даже не вздумай! У меня найдется гребень с частыми зубьями, мы вычешем всех вшей и гнид. Кстати, меня зовут Ричард, а не мистер Морган. Откуда ты родом, Китти?

— Из Фейвершема в графстве Кент. Сначала я жила в женском работном доме в Кентербери, а потом — в одном поместье в Дептфорде, где служила помощницей кухарки. Меня судили в Мейдстоуне и приговорили к семи годам каторги, — смущенно призналась она. — Я украла из лавки кусок муслина.

— Сколько же тебе лет? — спросил Стивен.

— Месяц назад исполнилось двадцать.

— Пора мыться. — Ричард наклонился и поднял наполненную лохань, как перышко. — Ступай в спальню, прихвати с собой свечу и хорошенько вымойся. Башмаки и грязную одежду выбрось в окно. Стивен, помоги отнести в спальню чистую одежду, мыло и щетку. А ты, детка, тщательно промой волосы, а затем старательно расчеши их. — Он улыбнулся. — От этого зависит судьба твоих волос.

Когда Китти удалилась в спальню, Ричард продолжал:

— А теперь вернемся к Тому Джонсу Второму. Как мы поступим с ним?

— Предоставь это мне. — Стивен зажег свечу, разлил уху по двум глубоким мискам и разрезал хлеб. — Пожалуй, не стоит обращаться по этому поводу к майору — ведь миссис Морган служит у него. И без того она вскоре узнает, что ты подобрал в лесу беглянку. Какая удача, что ее фамилия Кларк! Я поговорю с нашим милым лейтенантом Ральфи и постараюсь убедить его, что эта девочка вовсе не похожа на потаскушку. Поскольку они однофамильцы, лейтенант наверняка поверит мне. К тому же он ненавидит Тома Джонса Второго, а значит, у него прекрасный вкус. Но боюсь, вещи Китти нам не вернут — Джон наверняка уже подарил их какой-нибудь блуднице в обмен на ее услуги.

Ричард принес башмаки Китти, осмотрел их, переглянувшись со Стивеном и поморщился.

— От них воняет, как из трюма «Александера», — заявил он и швырнул башмаки в печь, а потом тщательно вымыл руки. — Попробуй уговорить лейтенанта Ральфи выдать ей новую пару башмаков. — Он сел и жадно стал есть. — Поначалу я принял ее за кошку, — признался он, повеселев от сытной еды. — Она заблудилась в лесу и звала на помощь слабым голоском, словно мяукала. Вот я и решил разыскать ее и подарить

тебе вместо Родни.

Ласково улыбаясь, Стивен взгляделся в лицо друга. Это было похоже на Ричарда — он никогда не заботился о себе. А теперь он принял под крыло ребенка, похожего на преступника не больше, чем Дева Мария, подобрал в лесу несчастную девчушку из рабочего дома. Но как Ричарда угораздило влюбиться в нее? Еще совсем недавно он отгонял даже мысли о любви. И почему именно в нее? Он помог выбраться на берег десяткам хорошеньких девушек и женщин, среди которых попадались даже образованные, остроумные и хорошо воспитанные. Стивен давно убедился, что далеко не все каторжницы — воровки и шлюхи. Так почему Ричард выбрал именно Кэтрин Кларк, тощую, глуповатую дурнушку? Она казалась Стивену ничтожеством, он не замечал в ней ни ума, ни обаяния, ни красоты.

— Я благодарен тебе за заботу, — ответил Стивен, — но Оливия уже пообещала подарить мне котенка — ярко-рыжего кота без единой белой отметины. Его называли Тобиасом. — Подкрепившись, Стивен заглянул в котелок, не зная, стоит ли подлить в миски еще. Немного варева надо было приберечь для Китти. — Ты когда-нибудь видел такие глаза? — спросил он.

Он стоял, отвернувшись от стола, и потому не увидел, как исказилось лицо Ричарда. К тому времени как Стивен обернулся, Ричард уже поборол вспышку боли.

— Да, — ответил Ричард. — Видел. Такие глаза были у моего сына Уильяма Генри.

— У тебя был только один сын?

— Да. Его сестра умерла от оспы до того, как родился Уильям Генри. Моя жена скончалась мгновенно, как от удара молнии, когда мальчику было восемь лет. А он... исчез незадолго до своего десятилетия. Все решили, что он утонул в Эйвоне, а я долго не верил в это. А может, просто не хотел верить. Уильям Генри пропал во время прогулки с учителем из Колстонской школы. Этот учитель застрелился, оставив записку о том, что он был причиной смерти Уильяма Генри. Но это ничего не объяснило. Целую неделю все жители Бристольа искали мальчика, но так и не нашли его. Я продолжал поиски. Самой тяжелой мукой были сомнения. Если он мертв, то как он умер? Единственный человек, который мог бы поведать мне об этом, покончил жизнь самоубийством.

«Не могу поверить, — думал Стивен, — что он относится как к брату ко мне, всеми презираемой „мисс Молли“. Этот учитель — нечего сказать, хороша профессия для человека, питающего греховное влечение к детям! — совершил что-то страшное. Головой ручаюсь, что и Ричард это понимает. И вместе с тем он даже не пытается отождествить меня с этим

человеком, несмотря на все мои странности».

— Продолжай, Ричард, — мягко попросил он.

— После этого жизнь потеряла для меня всякий смысл. Я уже рассказывал тебе о владельце винокуренного завода, обманувшем акцизное управление, и о негодях, которые упекли меня, главного свидетеля обвинения, за решетку. — Он склонил голову набок, рассматривая стол, его ресницы опустились, лицо стало бесстрастным. — Но теперь я точно знаю, что Уильям Генри мертв. Об этом мне сказали глаза Китти. Они ответили на множество вопросов.

Стивен с трудом сдерживал слезы, сожалея об утрате Ричарда и о своей собственной, хотя он никогда не питал радужных надежд, просто смирился со своей ролью друга и брата. Прежде его утешало сознание того, что больше Ричард никому не принадлежит. Но, само собой, Ричард принадлежал своим умершим близким, и в первую очередь — Уильяму Генри, потерянному навсегда. До тех пор пока Бог не послал ему Кэтрин-Китти Кларк с глазами его умершего сына. Это благословение. Так вот как это бывает! Взгляд, смех, слово, жест, бессмысленные для всех остальных, становятся неповторимыми и драгоценными. Страдай и жди.

— Если тебе стало легче, я рад, — откликнулся Стивен.

Дверь спальни открылась, мужчины обернулись.

Китти показалась Ричарду прекрасной: дочиста вымытая, с младенчески-мягкими волосами, перламутровыми ногтями, робкой улыбкой ребенка, впервые выполнившего важное поручение. Очаровательная, милая, маленькая Китти, о которой он будет заботиться до смерти.

Стивен же увидел перед собой просто вымытую девушку — тощую, глуповатую дурнушку. Ее улыбка показалась ему самой обычной, разве что чуть жеманной. О, эти прихоти судьбы! Этой заурядной девушке досталось одно-единственное достоинство, способное сразу и навсегда приковать взгляд Ричарда, завоевать его любовь.

— Ричард, без рубашки ты замерзнешь — уже начались холодные ночные ветры, — заявил Стивен, подавая другу одну из своих рубашек. — Китти, твои башмаки оказались такими грязными, что нам пришлось сжечь их. Я постараюсь поскорее раздобыть тебе новую обувь. А пока мы донесем тебя до дома Ричарда на руках.

— А разве мне нельзя остаться здесь? — спросила она.

— В доме, где нет ни одной кровати, только гамаки? И потом, сегодня ночью я жду гостя.

Выйдя из дома, Ричард со Стивеном крепко взялись за руки, а Китти

села на соединенные руки и обхватила обоих мужчин за шеи. В свободных руках оба несли факелы, спускаясь в долину, мимо запруды Кинга, направляясь туда, где на опушке стоял дом Ричарда.

Стивен помог Ричарду развести огонь в печи, попрощался с другом, учтиво поклонился Китти и ушел. По дороге он припомнил, что ему предстоит еще много домашней работы, а завтра придется присматривать за каторжниками. Нет, не придется — ведь завтра воскресенье.

Ричард отнес Китти в уборную, опасаясь, что острые камни дорожки поранят ее босые ступни.

— Если ночью тебе захочется выйти, разбуди меня, — сказал он, укладывая гостью на мягкий матрас.

— А где будете спать вы? — спросила она.

— На полу.

Она приоткрыла рот, чтобы что-то ответить, но тут сон сморил ее, и Ричард понял, что теперь девушку не разбудит никакой шум. Он разделся, сложил одежду в ведро и вынес его из дома, к импровизированной ванне, чтобы хорошенько выстирать. Вымывшись, он вернулся домой, согрелся у очага, надел старые штаны, разложил на полу парус с «Сириуса» и улегся, довольный собой. Он заснул почти мгновенно.

На рассвете его разбудил крик петуха, принадлежащего Джону Лоуреллу. Огонь в печи догорел; Ричард подбросил в нее дров и провел ревизию своих припасов, которых в доме было не больше, чем у любого другого островитянина. Суда еще не успели разгрузить. Как обычно, в первую очередь на берег доставили ром и одежду — самые бесполезные вещи, по мнению Ричарда. Он разыскал буханку испеченного Аароном Дэвисом хлеба из кукурузной муки, в которую подмешивали немного драгоценной пшеничной, а потом отправился на огород за капустой, кресс-салатом, фасолью, петрушкой и латуком, которые росли на острове круглый год.

Взошло солнце. Вернувшись в дом, Ричард долго смотрел на Китти, которая крепко спала, раскинув руки. На ней была старая мужская рубашка, позаимствованная у Оливии Лукас. Только теперь, когда веки Китти были опущены и прикрывали глаза, так похожие на глаза Уильяма Генри, Ричард смог повнимательнее рассмотреть гостью. Ее светлые прямые волосы нельзя было назвать ни золотистыми, ни льняными, брови и ресницы были тоже светлыми, кожа — бледной, чуть розоватой, из чего Ричард сделал вывод, что она редко выходила на палубу, нос — крупным и курносым. Нежные розовые губы напомнили Ричарду ротик Мэри; тонкие пальцы суживались к ногтям.

По воскресеньям в восемь часов утра начиналась церковная служба, которую майор Росс по примеру Кинга объявил обязательной для всех. Ричард не мог пропустить ее, но знал, что Китти никто не станет искать. И потом, как представить ее Лиззи Лок, не подготовив обеих к встрече? Ни за что! Он искупался у ручья, надел единственные драгоценные короткие панталоны и чулки, жилет, сюртук, треуголку и лучшие башмаки. Китти не просыпалась. Ричард хотел было оставить ей записку, а потом вспомнил, что до сих пор не знает, умеет ли она читать и писать. Наконец он ушел, надеясь, что за полтора часа она не проснется.

— Как Китти? — спросил Стивен, встретившись с ним после службы.

— Спит.

— Сегодня днем Джонни принесет тебе вторую кровать, но боюсь, матрас и подушку тебе придется набить соломой.

— Это не страшно. Спасибо тебе и Джонни. — Ричард свистом подозвал Мактавиша, который спокойно воспринял появление незнакомки в доме и удалился во двор прежде, чем она заметила его.

— Я попытаюсь раздобыть для тебя какой-нибудь еды, но с этим придется подождать до завтра. Ральфи уже не ведает складом, а его преемник слишком ленив, чтобы возиться с ключами в воскресенье.

— Знаю. Лучше не раздражай его. Ну, мне пора.

Стивен дружески обнял его за плечи.

— Ричард, ты стал хлопотливым и беспокойным, как старая наседка.

— Еще бы! Ведь у меня появился цыпленок, — усмехнулся Ричард. — Идем, Мактавиш.

Очевидно, утренняя прогулка изменила мнение пса о незваной гостье: ворвавшись в дом, он мгновенно вспрыгнул на кровать и принялся лизать руку Китти. Она вздрогнула, проснулась, увидела над собой мохнатую собачью морду и улыбнулась.

— Это Мактавиш, — объяснил Ричард, снимая треуголку. — Ну, как ты, Китти?

— Прекрасно, — отозвалась она, садясь на постели. — Который теперь час? Вы куда-то уходили?

— На церковную службу, — объяснил Ричард. — Вставай, я отведу тебя мыться. Возле ручья земля мягкая, так что ты не поранишь ноги. А завтра мы раздобудем тебе башмаки.

Сходив в уборную, Китти последовала за Ричардом к пруду. Он прихватил с собой мыло и полотенце.

— Вода холодная, но едва ты привыкнешь к ней, она поможет тебе взбодриться. Этот пруд чем-то похож на римские ванны — в него можно

погрузиться по шею, но он недостаточно глубокий, чтобы утонуть в нем. Когда вымоешься, возвращайся в дом — мы будем завтракать. Попозже к нам зайдет миссис Лукас, чтобы узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь, но, боюсь, одеваться тебе придется в тюремное платье и грубые башмаки без каблуков и пряжек. В твоём узелке были наряды?

— Нет, только тюремная одежда. — Китти замялась. — Я же мылась вчера вечером. Неужели обязательно мыться и сегодня?

Ричард строго нахмурился, решив сразу расставить все по своим местам.

— Здешний климат не похож на английский, здесь тебе не Англия. Тебе придется работать в огороде, присматривать за свиньей, собирать для нее свежую зелень, носить со склада кукурузу. Ты вспотеешь — здесь все потеют. Значит, мыться ты будешь каждый вечер после работы. А сегодня ты вымоешься дважды: за один раз ты вряд ли отмыла всю грязь, ввевшуюся в кожу и волосы за время плавания. Если ты хочешь жить в моем доме, ты должна быть такой же чистой, как дом и я сам.

Увидев пруд, Китти ахнула:

— Но ведь он открыт со всех сторон! Меня могут увидеть!

— Никто не посмеет вторгнуться в мои владения, а это мой участок. Такой дерзости я не потерплю.

И Ричард ушел, сожалея о своей строгости, но решив, что рано или поздно Китти смирится с его правилами.

Пруд был необычным: канал, ведущий от него к ручью, перегораживал деревянный затвор, а второй канал, с таким же затвором, отводил воду вниз по холму, к огороду. Китти не поняла, зачем понадобилась столь сложная конструкция, ведь прежде ей не приходилось видеть ничего подобного.

Узнав здешние правила и убедившись, что Ричард не из тех людей, которые мирятся с неповиновением, Китти разделась и прыгнула в воду, опасаясь, что ее увидит кто-нибудь, притаившийся среди густых зарослей. От холодной воды у нее захватило дух, но вскоре неприятные ощущения исчезли, и она с наслаждением погрузилась в воду по самую шею. Китти тщательно промыла голову, поскребла кожу головы ногтями, долго втирала мыло в подмышки и лобок. Затем она расчесала еще влажные волосы, морщась от боли, но убеждаясь, что у нее больше нет ни вшей, ни гнид.

Выбраться из пруда было нетрудно — на дне возле стенки лежал плоский камень, служащий ступенькой. На берегах пруда росла чистая трава, о которую Китти вытерла ступни, прикрываясь полотенцем. Поспешно вытершись досуха, она надела рубашку и тюремное платье, позаимствованное у миссис Лукас, которая, по рассказам Ричарда, провела

на этом краю света больше двух с половиной лет.

Теперь, когда и сама Китти очутилась на краю света, она не имела ни малейшего представления, где находится этот край: она знала только, что ее везли сюда почти целый год. По пути корабль заходил в несколько портов, которые она видела лишь мельком. Китти редко поднималась на верхнюю палубу корабля, избегая нежелательного внимания членов экипажа «Леди Джулианы». Она не оплакивала свою судьбу так, как несчастная девушка-шотландка, которая умерла от стыда и горя еще в Англии. У Китти не было родителей, и она считала это обстоятельство неожиданной милостью судьбы. Кроме того, ее спасала морская болезнь: ни один матрос не рискнул бы приблизиться к девушке, которую постоянно рвало. И потом, Китти знала, что она нехороша собой — ее красили только большие и ясные глаза.

Благополучно одевшись и помня о том, что дом Ричарда находится совсем рядом, Китти с любопытством огляделась. Остров Норфолк был так же непохож на Кент, как и на Порт-Джексон.

Когда «Леди Джулиана» прибыла в Порт-Джексон, в залив ее провели на буксире. Это странное место внушало Китти страх. Выйдя на палубу, она первым делом увидела подплывших к кораблю в лодке из коры обнаженных чернокожих людей, которые что-то кричали, указывали на судно пальцами, потрясали копьями. Перепуганная Китти бросилась обратно в трюм и больше не осмеливалась покинуть его. Несколько каторжниц, которыми Китти втайне восхищалась, разделись в платья, припасенные для них капитаном Эйткенем, и теперь горделиво вышагивали по палубе, уверенные, что на берегу им окажут почтительный прием. Какими смелыми они казались Китти! Прожив среди этих женщин восемнадцать месяцев, она поняла, что каторжницы с «Леди Джулианы» отличаются друг от друга, как день и ночь, и что даже самые закоренелые преступницы сохраняют подобие достоинства и уважения к себе. Ни того ни другого у Китти не было.

Ее жизнь на острове Норфолк тоже началась со страшного события, но к счастью, вскоре ей встретились Ричард Морган и Стивен Донован, которые немного напоминали ей стюарда с «Леди Джулианы», мистера Никола — человека, не лишённого сострадания. Китти сразу почувствовала, что Ричард сильнее духом, чем Стивен. Оба они были свободными и влиятельными жителями колонии. Но если Ричард внушал Китти робость, то к Стивену ее влекло. И хотя она не имела ни малейшего представления о том, что ее ждет, где она будет работать и где жить, почему-то она не сомневалась в том, что ее судьба зависит скорее от

Ричарда, нежели от Стивена.

Огромные деревья поразили ее воображение, но показались ей уродливыми. Глубоко вздохнув, она зашагала по тропе, усыпанной хвоей, которая покалывала босые ступни, причиняя больше неудобства, чем боли. Выйдя из рощи, Китти увидела, что Ричард работает у строения в дальнем конце огорода, а собака вертится вокруг него. Облаченный в холщовые штаны, Ричард укладывал на раствор обтесанные камни. Его плечи и руки были сильными и мускулистыми, под загорелой кожей спины перекачивались бугры мышц. Китти редко видела мужчин с обнаженным торсом: капитан Эйткен даже в самую изнуряющую жару запрещал матросам снимать рубахи. Эйткен был набожным человеком, он заботился о своих пассажирах, проявляя истинно христианское сочувствие, но был слишком умен, чтобы запретить матросам спускаться в трюм. Из разговоров с более смелыми и опытными женщинами Китти узнала, как устроены мужчины: ее соседки по трюму во всеуслышание обсуждали мужские достоинства и доблести своих возлюбленных, называя Кэтрин Кларк и Энни Брайанте серыми трусливыми мышками. Внезапно ей вспомнилось, как она очутилась в лондонском Ньюгейте, ее стыд и страх мгновенно ожили. Съежившись в уголке, она старательно прятала лицо, сердобольной Бетти Рили приходилось кормить ее насильно. В Порт-Джексоне Китти впервые увидела мужчин, раздетых до пояса, у некоторых из них спины были покрыты страшными шрамами. Вчера она увидела полураздетым и Ричарда Моргана, но почти не обратила на него внимания, потому что рядом был Стивен.

Вид обнаженного торса Ричарда наполнил ее благоговейным трепетом, подкрепившим ее догадки о том, что этот человек пользуется влиянием и уважением. К тому же он был старым. На его лице и теле не было ни морщин, ни шрамов, но почему-то Китти была уверена, что он стар — если не телом, то душой. Впрочем, любой другой женщине он мог бы показаться просто сильным, подвижным и привлекательным мужчиной. Но после встречи со Стивеном Донованом Китти не хотела знать других мужчин.

Стивен! Он словно явился из сказки — сильный гибкий красавец, молодой, беззаботный, с блестящими глазами и дружеской улыбкой. Он явно сознавал свою притягательность. После того как он помог Китти выбраться на берег, он принялся оказывать такие же услуги другим женщинам, но отвечал на их недвусмысленные намеки и замечания так, чтобы ненароком не оскорбить их. Китти и в голову не приходило, что опытные женщины сразу поняли, кто он такой. Она даже не догадывалась, что существуют люди, предпочитающие совокупляться с себе подобными.

Англиканская церковь при работном доме в Кентербери замалчивала подобные факты, ее задачей было запугивать прихожанок, прививать им привычку трудиться, пока они еще молоды, а потом подыскивать им места почти бесплатной прислуги, создающей собственную ничтожность. Дети этой церкви были неграмотны, многочисленны и беспомощны. Разумеется, Китти слышала в тюрьме такие слова, как «петух» и «мисс Молли», но для нее они не имели смысла и вскоре улетучивались из памяти. Рядом с ней в трюме «Леди Джулианы» жили женщины-лесбиянки, но Китти старалась не замечать и этого.

Стивен, Стивен, Стивен... Почему не он нашел ее в лесу? Почему не он приютил ее у себя? Что надо от нее Ричарду?

Ричард выпрямился и надел рубашку.

— Тебе не понравилось купание? — спросил он, направляясь вместе с Китти к дому. Его глаза поблескивали.

— Напротив, сэр, оно было очень приятным.

— Ричард. Зови меня по имени.

— Так не пойдет, — возразила Китти. — Вы годитесь мне в отцы.

И вдруг она впервые столкнулась с одним из качеств Ричарда, которое не могла оставить без внимания: выражение его лица не изменилось, жесты не стали другими, блеск в глазах не погас, но тем не менее в нем произошло нечто таинственное и непостижимое.

— Да, я действительно гожусь тебе в отцы, и все-таки ты должна звать меня по имени. Здесь мы пренебрегаем правилами приличия — у нас слишком много гораздо более важных дел. Для тебя я не тюремный надзиратель, Китти. Да, я свободный человек, но еще совсем недавно я был каторжником — таким же, как ты. Заслужить помилование мне помогли удача и упорный труд. — Он усадил Китти за стол и подал ей завтрак, состоящий из кукурузного хлеба, латука, кресс-салата и воды.

— А Стивен тоже был каторжником? — спросила Китти, жадно набросившись на еду.

— Нет, никогда. Стивен — бывший моряк.

— Вы с ним давно дружите?

— Нам кажется, что уже целую вечность. — Ричард заправил рубашку под пояс и пригладил ладонью короткие волосы. — Ты понимаешь, почему тебя отправили сюда?

— А что тут понимать? — удивленно переспросила Китти. — Меня послали работать, пока я не отбуду весь срок. Так сказал судья, когда меня судили. С тех пор об этом больше никто не говорил.

— А ты никогда не задумывалась, зачем тебя и двести других женщин

посадили на корабль и увезли за семнадцать тысяч миль от родины? Только для того, чтобы все вы отбыли срок каторги? Не кажется ли тебе странным, что тебя послали туда, где нет ни работных домов, ни фабрик?

В этот момент Китти как раз тянулась к следующему куску хлеба. Услышав вопрос Ричарда, она безвольно опустила руку и широко раскрыла глаза — и Ричард заметил, что они лишь отчасти похожи на глаза Уильяма Генри. Его глаза то и дело заволакивала дымка, а глаза Китти были чистыми, как хрусталь.

— Ну конечно, — с расстановкой произнесла она. — Конечно! О, какая я глупая! Но я была так потрясена и растеряна, а потом долго болела... И вправду, здесь, на краю земли, нет ни работных домов, ни фабрик. Здесь никто не носит вышитые жилеты. В Кентербери я занималась вышиванием. Значит, нас отправили сюда как жен для каторжников?

Ричард помолчал, поджав губы.

— Откровенно говоря, вы предназначены для удобства колонистов. Я не знаю точно, почему правительство приняло такое решение, — может, просто потому, что из Англии выслано слишком много мужчин, а это не способствует росту населения. В прежних колониях часто вспыхивали мятежи, люди, для которых не осталось ничего святого, бежали обратно на родину. А здесь, на краю света, им нечего и мечтать об Англии, даже если они поднимут мятеж или попытаются сбежать. Англии каторжники не страшны. Защищать надо только их тюремщиков, а также жен и детей тюремщиков. — Он сделал паузу и заглянул в глаза Китти. — Когда рядом нет женщин, мужчины превращаются в диких зверей. Следовательно, женщины необходимы, чтобы край света стал подобием обширной английской тюрьмы. Других объяснений я не нашел.

Нахмурившись, Китти вслушивалась в его слова и пыталась осмыслить их: Ричард утверждал, что ее увезли на каторгу лишь для того, чтобы она ублажала мужчин.

— Значит, мы — ваши наложницы, — сказала она. — Так вот почему матросы с «Леди Джулианы» называли нас шлюхами! А я думала, они считают, что всех нас приговорили к каторге за проституцию, и потому удивлялась. Среди нас было больше всего воровок, а также женщин, которые прятали краденое или убивали людей. Некоторые из них утверждали, что блуд — вовсе не преступление, и злились, когда их называли потаскухами. Но теперь я понимаю: матросы намекали, что в будущем нам так или иначе придется стать шлюхами. Я права?

Ричард отвел глаза и вздохнул.

— Знаешь, — наконец заговорил он, криво улыбаясь, — будь моя дочь жива, сейчас ей было бы столько же лет, сколько и тебе. И она была бы такой же несведущей — как добрый отец, я позаботился бы об этом. Как тебе жилось прежде, Китти? Кто твои родители?

— Мой отец был фермером-арендатором из Фейвершема, — с гордостью отозвалась она, вздернув подбородок. — Мама умерла, когда мне было два года, и отец нанял служанку, чтобы она присматривала за мной. Он умер, когда мне исполнилось пять лет. Ферму отдали другому, потому что у отца не было наследников, а меня отправили сначала в церковный приют, а потом в Кентербери.

— Ты была единственным ребенком в семье?

— Да. Если бы папа остался в живых, меня научили бы читать и писать, а потом отдали бы в жены фермеру.

— Но вместо этого ты попала в приют и осталась неграмотной, — негромко закончил Ричард.

— Да. Поскольку у меня ловкие пальцы и зоркие глаза, меня научили вышивать. Но вышиванием я занималась недолго — это слишком тонкая работа для пальцев взрослого человека. Я вышивала, пока мне не исполнилось семнадцать лет, а потом вдруг выросла, и меня отправили в Дептфорд. Там я стала помощницей кухарки.

— И долго ты там пробыла?

— Пока меня не арестовали. Три месяца.

— Как вышло, что тебя арестовали?

— В поместье в Дептфорде жили четыре девушки-служанки — Бетти, Энни, Мэри и я. Мы с Мэри были ровесницами, Энни недавно исполнилось шестнадцать, а Бетти — двадцать пять. Хозяин и хозяйка спешно уехали в Лондон, а мистер и миссис Хобсон разыскали портвейн и напились. Кухарка заперлась у себя на чердаке. У Бетти как раз был день рождения, и она предложила нам пройтись по лавкам. Прежде я никогда не бывала в лавках.

Ричард не мог оправиться от изумления. Он казался самому себе начальником рабочего дома, пожилым и властным человеком, безучастно выслушивающим эту глупую историю. А история и вправду вышла глупой — настолько, что ее было бы немыслимо рассказать в суде, если бы кто-нибудь попросил. Но никто не удосужился просить.

— Неужели тебя ни разу не отпускали погулять из рабочего дома?

— Нет, никогда.

— А ведь в дептфордском поместье у тебя наверняка был выходной день.

— Меня отпускали на полдня раз в неделю, но выходные у меня и других служанок не совпадали, поэтому я всегда уходила гулять в поле. И в день рождения Бетти я бы лучше прогулялась по полю, но она высмеяла меня и назвала деревенщиной, вот я и пошла с ними.

— И в лавке ты не устояла перед соблазном, так?

— Пожалуй, да, — с сомнением отозвалась Китти. — Бетти купила бутылку джина, и мы пили его все вместе по дороге. Я не помню, как мы зашли в лавку, не помню, что случилось потом — только вдруг люди вокруг меня закричали, и откуда-то появился судебный пристав.

— Что же ты украла?

— На суде сказали, что муслин в одной лавке и клетчатую льняную ткань в другой. Не знаю, почему именно эти ткани, — ведь мы были одеты точно в такие же платья. Судья сказал, что десять ярдов муслина стоят четыре шиллинга и шесть пенсов, хотя хозяин лавки твердил, что цена муслину — самое меньшее три гинеи. В краже льняной ткани нас не стали обвинять.

— Ты раньше пила джин?

— Нет, я впервые попробовала его в тот день. Мэри и Энни тоже никогда не пили. — Она содрогнулась. — И я знаю точно: больше я его и в рот не возьму.

— Всех вас приговорили к каторге?

— Да, к семи годам. Когда суд закончился, нас всех отправили на «Леди Джулиану». Наверное, мои подруги где-то здесь, на острове. В море меня постоянно рвало, я ослабела, и они не стали ждать меня, когда нас высадили на берег. А в трюме «Сюрприза» было всегда темно.

Ричард вскочил, обошел вокруг стола и дружеским жестом положил руку на плечо Китти.

— Не будем больше говорить об этом, Китти. Ты еще совсем дитя. Лишь английский церковный приют способен превратить взрослую девушку в ребенка.

В дом вбежал Мактавиш, только что позавтракавший двумя молодыми жирными крысами. Похлопав Китти по плечу, Ричард приласкал собаку и снова сел на место.

— Тебе давно пора повзрослеть, Кэтрин Кларк. Но не для того, чтобы утратить невинность, а чтобы сохранить ее. Теперь ты знаешь, что здесь нет ни поместий, ни работных домов. Если бы ты осталась в Порт-Джексоне, ты попала бы в женский лагерь, но комендант острова Норфолк, майор Роберт Росс, не желает отделять женщин от мужчин. И он прав: такое разделение сулит только лишние хлопоты. Всех женщин, прибывших

на «Сюрпризе», отдадут мужчинам, имеющим свои дома, некоторые попадут в услужение к супругам — например, к Нату и Оливии Лукас, а кое-кто станет служанками и незаконными женами офицеров, пехотинцев и матросов с «Сириуса».

Китти побледнела.

— А я досталась вам? — выговорила она.

Ричард ободряюще улыбнулся.

— Я не насильник, Китти, я вовсе не намерен добиваться твоих ласк угрозами или уговорами. Ты будешь моей служанкой. В ближайшее время я сделаю пристройку к дому, чтобы у каждого из нас была своя комната. Взамен я прошу от тебя лишь одного: выполнять работу, которая тебе под силу. В дальнем конце огорода я строю свинарник — майор Росс обещал дать мне свинью, за которой тебе придется присматривать, как и за курами, когда они у нас появятся, и за огородом. Мой товарищ Джон Лоурелл сторожит огород и выполняет тяжелую работу. Если колонисты узнают, что ты принадлежишь мне, тебя никто не посмеет обижать.

— Значит, у меня нет выбора? — спросила она.

— А если бы у тебя был выбор, как бы ты поступила?

— Стала бы служанкой Стивена, — просто ответила Китти.

Ни лицо, ни глаза Ричарда не изменились, но Китти почувствовала, как в душе у него что-то произошло. Но он ответил своим обычным тоном:

— Это невозможно, Китти. Даже не мечтай о Стивене.

* * *

Остаток дня пролетел почти незаметно; Ричарда навестила миссис Лукас, задыхавшаяся от быстрой ходьбы.

— Я опять жду ребенка, — объявила она, грузно опустившись на стул. — Видишь ли, я беременею, стоит моему Нату снять штаны. А у меня уже двое детей.

— Мальчики или девочки? — осведомилась Китти, радуясь этому бесхитростному разговору больше, чем серьезной беседе с Ричардом.

— Годовалые девочки-близнецы — Мэри и Сара. Но на этот раз я чувствую себя совсем иначе — пожалуй, теперь родится мальчик. — И она обмахнулась самодельной соломенной шляпой. — Ричард сказал, ты упомянула про девушку по имени Энни, которая где-то здесь, на острове. Я хочу взять ее в помощницы, если сумею найти, — думаю, ей будет лучше жить у супружеской пары, чем у одинокого мужчины.

— В этом я уверена, миссис Лукас. Энни такая же, как я.

Оливия хитро прищурилась. «Так, значит, вот какая у тебя гостья, Ричард! Стивен говорил, что ты по уши влюблен, и сегодня я надеялась наконец-то увидеть тебя счастливым. Вряд ли найдется женщина, способная отвергнуть такого мужчину. Но твоей избранницей оказалась вовсе не женщина, а глупенькая девочка, к тому же девственница. Ты думаешь, что в тюрьме и на корабле она успела повзрослеть, но я-то не раз встречалась с такими девчонками, как Китти. К ним не пристаёт грязь, потому что они ведут себя тихо, как мышки. В Порт-Джексоне она умерла бы одной из первой, а на Норфолке ей придется узнать то, чему не смогла научить ее тюрьма: самое большее, на что может рассчитывать каторжница, — встретить доброго, порядочного мужчину. Такого, как мой Нат. Или Ричард Морган».

Размышляя подобным образом, Оливия Лукас ненавязчиво объясняла Китти, как следует вести себя в обществе мужчин.

Беседу прервал приход Стивена и Джонни Ливингстона, принесших кровать. Спohватившись, Оливия заторопилась домой, а трое мужчин и Китти принялись за воскресный обед, импровизированное пиршество, какое только позволили устроить их скромные запасы, — гороховую кашу с кусочком солонины, рис с луком, кукурузный хлеб. На десерт Ричард подал бананы со своих пальм, на которых эти сытные плоды поспевают раньше, чем на многих других.

Китти молча слушала, как беседуют мужчины, и понимала, что впервые в жизни оказалась свидетельницей мужского разговора и очутилась в компании мужчин. Эти полчаса привели ее в полное смятение: оказывается, она так мало знала! Но, внимательно слушая и запоминая, она могла бы кое-чему научиться, а Китти нравилось учиться. Выяснилось, что мужчины не сплетничают так, как женщины, хотя эти трое дружно посмеялись над рассказом красавца Джонни о жестокой ссоре между майором Россом и капитаном Хантером. В основном разговор вертелся вокруг строительства, наказаний, древесины, камня, извести, гусениц, инструментов, выращивания овощей.

Китти заметила, что Стивен любит прикосновения. Проходя мимо Ричарда или Джонни, он клал ладонь им на плечи или спины, а однажды шутливо взъерошил короткие волосы Ричарда так, как густую шерсть Мактавиша. Но мимо Китти он проходил как будто опасливо, стараясь не задеть ее, и ни разу не обратился к ней — впрочем, как и остальные двое.

«Кажется, обо мне забыли, — размышляла Китти. — Никто из них ни разу не взглянул на меня так, как я охотно посмотрела бы на Стивена, — с

любовью и обожанием. Встретившись со мной взглядом, все они поспешно отводят глаза. Почему?»

Разговор вел Стивен, избегая неловких пауз; Китти решила, что Ричард обычно более разговорчив, чем сегодня. В этот день он отвечал только на вопросы товарищей, временами его взгляд становился отсутствующим. Когда мужчины встали и отправились осматривать новый свинарник, Китти принялась убирать со стола и мыть посуду, не желая следовать за остальными. Только тогда она поняла, что это ее присутствие смущало мужчин, в особенности Ричарда.

«Комендант потребовал, чтобы каждый мужчина, имеющий свой дом, поселил у себя женщину, и это вызвало раздражение у Ричарда и, вероятно, у Стивена, поскольку они друзья. Для них я помеха. В будущем надо постараться почаще оставлять их вдвоем».

В ту ночь Ричард спал в кровати такой же конструкции, что и кровать Китти, — на деревянную раму была натянута веревочная сетка. Вскоре после наступления сумерек он велел Китти ложиться, а сам перенес свечу на письменный стол, установил на подставке книгу и углубился в чтение. Какое бы преступление он ни совершил, сонно думала Китти, он воспитанный человек, настоящий джентльмен. Даже у хозяина дептфордского поместья не было таких изысканных манер.

Наутро в понедельник Китти проснулась, когда Ричард уже ушел: еще на рассвете он отправился на лесопилки и вернулся только к обеду, принес ей пару башмаков. Наскоро перекусив холодными остатками вчерашнего ужина, он провел почти весь обеденный перерыв в свинарнике. Это строение имело площадь около двадцати квадратных футов, его стены состояли из кольев, укрепленных на невысоком каменном фундаменте.

— Свиньи роют землю, — объяснил Ричард, — поэтому их нельзя держать просто в загоне, как овец или коров. И кроме того, им нужна защита от солнца, чтобы не погибли от перегрева. Хотя свиной навоз воняет, сами свиньи — чистоплотные существа, они гадят лишь в одном углу свинарника. Поэтому нам будет нетрудно собирать их навоз — это прекрасное удобрение.

— Собирать навоз придется мне? — спросила Китти.

— Да. — Ричард усмехнулся. — Тогда ты поймешь, что мыться необходимо каждый день.

Он предупредил, что вечером не придет домой, и разрешил Китти самой съесть весь ужин. Ричард привык сам заботиться о себе и обычно ужинал со Стивеном, закоренелым холостяком, не терпевшим в доме женщин. Ричард объяснил Китти, что они со Стивеном хотят поиграть в

шахматы, и велел ей ложиться спать, не дожидаясь его. Какой бы наивной ни была Китти, такие объяснения показались ей неубедительными. Стивен вовсе не походил на закоренелого холостяка. Впрочем, она понятия не имела, как ведут себя холостяки. Еще за ужином в воскресенье она поняла, что мужчины избегают женского общества, стесняющего их.

Во вторник явился пехотинец и сообщил, что Китти вызывают в Сидней-Таун, чтобы опознать человека, ограбившего ее. За время пребывания в доме Ричарда Китти почти ничего не видела, и открывшийся перед ней вид на долину Артура ошеломил ее. По обе стороны от дороги на пологих склонах холма росли пшеница и кукуруза, кое-где виднелись дома, рядом с ними Китти разглядела несколько амбаров и сараев, а также пруд, в котором плескались утки. А потом дорога сделала поворот, и ее взгляду предстали несколько рядов деревянных домов, образующих улицы. Широкая ярко-зеленая болотистая низина отделяла их от нескольких крупных строений у подножия холмов. Китти прошла мимо дома Стивена Донована, не узнав его.

Два офицера — Китти не отличала морских офицеров от пехотинцев — ждали ее возле большого двухэтажного здания, которое, как потом выяснилось, служило казармой для пехотинцев. Поблизости выстроилось несколько мужчин-каторжников, офицеры были в париках и шляпах, со шпагами. Все каторжники были одеты в рубахи.

— Мистрис Кларк? — спросил старший из офицеров, пронзая ее взглядом светло-серых глаз.

— Да, сэр, — пролепетала Китти.

— Это на вас тринадцатого августа близ Каскад-роуд напал какой-то мужчина?

— Да, сэр.

— Он домогался вас и разорвал ваше платье? И вы убежали в лес?

— Верно, сэр.

— Что же сделал этот человек потом?

Густо покраснев и стыдливо опустив глаза, Китти объяснила:

— Сначала он пытался догнать меня, а потом услышал голоса. Он схватил мой узелок и одеяло и двинулся в сторону Сидней-Тауна.

— А вы провели ночь в лесу, не так ли?

— Да, сэр.

Майор Росс повернулся к лейтенанту Ральфу Кларку, который, услышав историю Китти от Стивена Донована и ее подтверждение — от Ричарда Моргана, с любопытством разглядывал свою однофамилицу. Он сразу понял, что Китти вовсе не шлюха: она была такой же робкой и

воспитанной, как мистрис Мэри Брэнхем, родившая в Порт-Джеконе сына от одного из матросов с «Леди Пенрин». Мэри и ее младенца привезли сюда на борту «Сириуса», Кларк заинтересовался этой молодой женщиной, как только ей поручили готовить еду для офицеров. Мэри была на редкость миловидна и чем-то напоминала его возлюбленную Бетси. Теперь, когда Кларк знал, что Бетси и малыш Ральфи живы и здоровы, и когда у него появился собственный уютный дом, он решил взять Мэри в экономки. Ее малыш уже начинал ходить и доставлял матери немало хлопот. Да, Мэри Брэнхем будет рада такому повороту судьбы. Разумеется, записывать эти мысли в свой дневник Кларк не стал: дневник предназначался для милой Бетси и потому не содержал подробностей, которые могли бы шокировать или взволновать ее. Конечно, Кларк изредка упоминал в дневнике ничтожных шлюх из числа каторжниц, но ни разу не высказал одобрения в адрес какой-нибудь из женщин, привезенных на остров.

Приняв решение относительно собственного будущего и участи Мэри Брэнхем, Кларк вопросительно взглянул на майора.

— Лейтенант Кларк, пройдитесь вместе с мистрис Кларк вдоль шеренги. Пусть посмотрит, нет ли среди этих людей того, кто напал на нее, — приказал Росс, собравший всех каторжников, когда-либо подвергавшихся наказаниям за изнасилования.

Лейтенант Кларк осторожно взял Китти под локоть, провел ее вдоль шеренги хмурых мужчин и привел обратно к майору.

— Он есть среди них? — отрывисто спросил Росс.

— Да, сэр.

— Который?

Китти указала на беззубого мужчину. Оба офицера дружно закивали.

— Благодарю вас, мистрис Кларк. Рядовой проводит вас домой.

Китти направилась прочь.

— Это Том Джонс Второй, — сообщил ей рядовой по пути.

— Мистер Донован сразу понял, что это был он.

— Да, мистер Донован знает в лицо всех каторжников.

— Он очень добрый человек, — печально отозвалась Китти.

— Для «мисс Молли» он не так уж плох. Он не какой-нибудь слюнтяй и размазня. Я своими глазами видел, как он до полусмерти избил здорового верзилу. Мистера Донована лучше не злить.

Китти молча кивнула. Шагая по дороге рядом с рядовым, она вскоре забыла про Тома Джонса Второго.

По вечерам Ричард по-прежнему уходил, но далеко не всегда играть в шахматы со Стивеном. Он дружил с супругами Лукас, с Джорджем Гестом,

с рядовым Дэниелом Стэнфилдом и многими другими островитянами. Китти обижало то, что никто из этих друзей никогда не приглашал ее к себе, — значит, все считали ее просто служанкой Ричарда. Она была бы не прочь обзавестись подругами, но о судьбе Бетти и Мэри она ничего не знала, а Энни трудилась не покладая рук в доме Лукасов. Знакомство со вторым помощником Ричарда, Джоном Лоуреллом, стало для Китти нелегким испытанием: смерив ее пренебрежительным взглядом, Джон запретил ей приближаться к его курам и огороду.

Поэтому, увидев возле дома женскую фигуру, Китти была готова встретить гостью самой радушной улыбкой и поклоном. На «Леди Джулиане» эту женщину подняли бы на смех, ибо она была разодета ярко и вместе с тем вульгарно — в черно-красное полосатое платье, шелковую алую шаль с длинной бахромой, туфли на высоких каблуках и со сверкающими пряжками и в чудовищную черную бархатную шляпу с красными страусовыми перьями.

— Добрый день, мадам, — поздоровалась Китти.

— И вам тоже, мистрис Кларк, — так, кажется, вас зовут, — отозвалась гостья, входя в дом и с любопытством оглядываясь. — А он неплохо устроился, верно? — продолжала она. — И книг у него прибавилось. Все свободное время он читает. Так уж устроен Ричард.

— Присаживайтесь, — предложила Китти, указывая на стул.

— И мебель у него не хуже, чем у майора, — добавила особа в красно-черном платье. — Меня всегда удивляло редкостное везение Ричарда. С какой бы высоты он ни упал, он, как кошка, всегда успевает перевернуться и встать на лапы. — Она смерила Китти взглядом маленьких черных глаз, сведя прямые густые брови на переносице. — Я никогда не считала себя красавицей, — заявила она, закончив осмотр, — но по крайней мере я одеваюсь со вкусом. А вы невзрачны и худы как жердь, детка.

Китти изумленно приоткрыла рот.

— Простите, что вы сказали?

— То, что вы слышали. Вы попросту дурнушка.

— Кто вы такая?

— Я миссис Ричард Морган. Ну, что вы теперь скажете?.

— Мне почти нечего сказать, — отозвалась Китти, оправившись от потрясения. — Рада познакомиться с вами, миссис Морган.

— Господи Боже, — покачала головой миссис Морган. — Что это Ричард затеял?

Не зная, что ответить, Китти промолчала.

— Вы, случайно, не его любовница?

— Нет-нет, что вы! — Китти решительно потрясла головой. — Какая я глупая! Я думала...

— Да уж, сразу видно, что глупа. Так вы ему не любовница?

Китти вздернула подбородок.

— Я — его служанка.

— Да ну? Скажи-и-ите пожалуйста!

— Если вы миссис Ричард Морган, — при виде пренебрежения гостьи Китти осмелела, — почему же вы не живете здесь, в этом доме? Будь вы здесь, Ричарду не понадобилась бы служанка.

— Я не живу здесь потому, что не хочу, — надменно заявила миссис Ричард Морган. — Я экономка майора Росса.

— В таком случае не стану вас задерживать. Вероятно, вы очень заняты.

Гостья встала.

— Ни кожи ни рожи! — бросила она напоследок, направляясь к двери.

— Да, я дурнушка, миссис Морган, но это не значит, что у меня нет никаких шансов. А вы, случайно, не любовница майора?

— Мерзкая тварь!

И миссис Морган вышла из дома, хлопнув дверью и качнув перьями на шляпе.

Потрясенная не только поведением и речами миссис Морган, но и собственной дерзостью, Китти долго сидела неподвижно, перебирая в уме подробности этой встречи. Судя по виду, ее гостье давно минуло тридцать, она одевалась вульгарно и была лишена обаяния и привлекательности. Вспомнив о своей единственной встрече с майором Россом, Китти пришла к выводу, что миссис Морган отнюдь не его любовница: майор производил впечатление разборчивого и брезгливого человека. Так зачем миссис Ричард Морган приходила сюда, и, что еще важнее, почему она не живет здесь? Закрыв глаза, Китти мысленно представила себе недавнюю гостью, вспомнила боль, печаль и гнев в ее глазах. Отлично сознавая свое бессилие, миссис Ричард Морган попыталась прикрыть его надменностью и агрессией, ни в коем случае не желая показаться отвергнутой и брошенной. «Откуда я узнала это? — удивилась самой себе Китти. — Но я точно знаю, знаю наверняка — это не она бросила его, а он выгнал ее! Иначе и быть не могло. Несчастливая женщина!»

Обрадованная своей сообразительностью, Китти присела на постель, переделась в тюремную рубашку и при свете догорающих в печи углей стала ждать Ричарда. Где он проводит сегодняшний вечер?

Его мерцающий факел показался на тропе через два часа после

наступления темноты. Как обычно, Ричард наскоро перекусил на лесопилке и отправился на винокуренный завод, чтобы убедиться, что там все в порядке, проверить, сколько рома получено, и записать цифры в особую тетрадь. Вскоре завод предстояло закрыть: запас сахара и бочек иссякал. За время работы было изготовлено пять тысяч галлонов рома.

— Почему ты еще не спишь? — спросил Ричард, закрывая дверь и подбрасывая в огонь поленья. — Почему дверь осталась открытой?

— Сегодня ко мне приходила одна гостья, — многозначительно произнесла Китти.

— Она уже ушла?

Ричарда явно не интересовало имя гостьи, и Китти надулась.

— Это была миссис Ричард Морган, — сообщила она с видом обиженного ребенка.

— Так я и думал, — коротко отозвался Ричард.

— Вы не хотите узнать, что здесь произошло?

— Нет. Ложись спать.

Китти послушно направилась к постели, слишком устав за день, чтобы спорить, но неожиданно выпалила:

— Я знаю, вы бросили ее. Бедная женщина!

Дождавшись, когда Китти заснет, Ричард переоделся в ночную рубашку. Он уже напил досок для пристройки, а теперь начал заготавливать камни для фундамента, чтобы привезти их к дому в ближайшую субботу. Через месяц у Китти появится собственное жилье, и он вновь сможет спать в одиночестве. Надо сделать в ее пристройке отдельный вход, а внутреннюю дверь между домом и пристройкой снабдить прочным засовом. Ричарду надоело спать в одежде и постоянно чувствовать себя под надзором. Китти родилась в тысяча восемьсот семидесятом году, как и малышка Мэри. Ричард уже давно понял, что повел себя как старый глупец, не сообразив вовремя, что эта девушка слишком молода. Но даже признавая это, он не мог не поглядывать на нее. Китти лежала неподвижно, свернувшись клубком на кровати.

На следующий день, когда Ричард в полдень вернулся домой, чтобы перекусить, она спросила:

— Что значит «мисс Молли»?

Кусок хлеба застрял в горле у Ричарда. Чуть не подавившись, он закашлялся и попросил Китти постучать его по спине, а потом принести воды.

— Извини, — наконец пробормотал он, вытирая выступившие на глазах слезы. — Так о чем ты спрашивала?

— Что значит «мисс Молли»?

— Понятия не имею. А почему ты вдруг спросила об этом? Из-за разговора с Лиззи Лок? — Выражение его лица выдавало тревогу.

— Кто такая Лиззи Лок?

— Миссис Ричард Морган.

— Значит, вот как ее зовут! Странное сочетание — Лиззи Лок. Это вы бросили ее, верно?

— Мы никогда не были вместе, — возразил он, стараясь отвлечь внимание Китти от вопроса о «мисс Молли».

Огромные глаза Китти удивленно блеснули.

— Но ведь вы женаты!

— Мы поженились в Порт-Джексоне. Это был благородный порыв, о котором я вскоре горько пожалел.

— Понимаю, — произнесла она так, словно и вправду все понимала. — Я знаю, что значит поддаться благородному порыву, а потом пожалеть о нем. Со мной такое бывало.

— Ты думаешь, я жалею о том, что приютил тебя?

— Я стеснила вас, — напрямик объяснила Китти. — Мне не верится, что вам и в самом деле была нужна служанка, но поскольку майор Росс велел вам выбрать одну из женщин, вы выбрали меня. — Она вдруг осеклась, заметив, как изменился взгляд Ричарда, склонила голову набок и вгляделась в его лицо. — У вас в доме и без меня чисто и уютно, — дрогнувшим голосом добавила она. — Ваша жизнь и без меня полна событий.

Ричард встал и отнес на кухонный стол свою миску и ложку.

— Нет, — возразил он, обернувшись с улыбкой, от которой у Китти Сжалось сердце, — в моей жизни чего-то не хватает. И я не собираюсь отказываться от подарков судьбы.

— Когда вы вернетесь? — спросила она, увидев, что Ричард направился к двери.

— Рано, вместе со Стивеном, — откликнулся он, не оборачиваясь. — Мы будем копать картошку.

Работа на огороде тоже была частью его жизни.

Китти нравился ухоженный огород Ричарда, но работа в свинарнике отнимала у нее слишком много времени. Огасту привели сюда уже отяжелевшей, с каждым днем она становилась все прожорливее. Китти и в голову не могло прийти, что ей придется отбывать срок, ухаживая за четвероногой злобной обжорой вроде Огасты. Поскольку Ричард редко бывал дома днем, Китти пришлось научиться орудовать топором, рубить

капустные листья и ветки папоротника, чтобы тут же скормить их ненасытной Огасте, и корзинами носить из амбара кукурузные початки. Китти помнила, как кентские фермеры дорожили кукурузой, как любовно растили ее. Если Огасту и теперь невозможно накормить досыта, что же будет, когда она принесет дюжину поросят?

Китти не раз с благодарностью вспоминала три месяца, проведенных ею в обществе кухарки из дептфордского поместья: хотя самой Китти не позволяли готовить, она с любопытством следила за манипуляциями кухарки и сейчас обнаружила, что вполне способна стряпать простую пищу. Поскольку коров на острове не было, а козьего молока хватало лишь детям, о молочных кушаньях нечего было даже мечтать; свежего мяса тоже недоставало — птицы с горы Питта уже улетели (Китти только слышала о них, но так и не успела попробовать их мясо). К счастью, недостатка в овощах — зеленой фасоли и капусте — не было; Ричард выращивал на своем огороде турецкий горох, а после прибытия «Юстиниана» в пекарне каждый день начали выпекать свежий хлеб. Больше всего Китти скучала по чаю. На «Леди Джулиане» каторжникам часто выдавали чай с сахаром, и хотя некоторые пассажирки предпочитали выменивать на них ром, остальные наслаждались сладким чаем как самым изысканным лакомством. Во время приступов морской болезни Китти удавалось удерживать в желудке только чай, а на острове его не было.

К приходу Ричарда и Стивена она приготовила вареный картофель с отварной солониной, которые выставила на стол вместе с буханкой пшеничного хлеба.

Друзья явились, нагруженные коробками и мешками.

— Капитан Энстис сегодня торговал на берегу, — объяснил Ричард, — и я накупил кучу разных вещей — котелки, настоящий чайник, сковороды, кастрюли, жестяные миски и лохани, оловянные тарелки и кружки, ножи и ложки, неотбеленный коленкор и даже корундовый порошок. Ты только посмотри, Китти! Еще я купил фунт малабарского перца, ступку и пестик! — Он выложил на стол квадратную деревянную коробочку. — А это китайский зеленый чай для тебя.

Китти прижала ладони к щекам, боясь расплакаться.

— Для меня?!

— А почему бы и нет? — удивленно переспросил Ричард. — Я знаю, как ты соскучилась по чаю. Я купил и чайник для заварки, а сахар у нас есть свой: я срежу для тебя стебель сахарного тростника и нарежу его на мелкие кусочки. Тебе останется только измельчить их молотком и сварить сироп.

— Но вы потратили столько денег! — в ужасе ахнула Китти.

— Ричард — щедрый и добрый человек, — объяснил Стивен, помогая другу разгружать деревянные сани. — Кстати, Ричард, тебе несказанно повезло. Я знаю Ника Энстиса: это скупердяй и выжига, каких мало.

— Все дело в том, что я выложил на прилавок золотую монету, — сообщил Ричард. — Энстис рассчитывал разве что на векселя, а о золоте даже не мечтал. Чтобы заполучить монету, он снизил цены на четверть.

— Сколько же у тебя золота? — полюбопытствовал Стивен.

— Достаточно, — безмятежно отозвался Ричард. — Я получил его в наследство от Айка Роджерса.

Стивен застыл как громом пораженный.

— Так вот почему Ричардсон пощадил Джо Лонга, когда лейтенант Кинг назначил ему сто ударов плетью за кражу лучших башмаков! Ну и скрытный же ты человек, Ричард!

Должно быть, ты заплатил и Джеймисону — он подтвердил, что Джо слишком слаб, чтобы вынести порку. О Господи!

— Джо ухаживал за Айком. А теперь я в ответе за Джо.

Они уселись за стол, чтобы воздать должное еде. Все трое были слишком неприятными людьми, чтобы отказываться от донельзя опостылевшей снеди.

— Если не ошибаюсь, сегодня весь день ты провел в Шарлотт-Филде? Наверное, ты еще не знаешь, что стало с человеком, который ограбил Китти, — заговорил Стивен, когда с едой было покончено и Китти принялась мыть посуду в большом новом жестяном тазу, а не в ведре, как прежде.

— Ты прав, я ничего не знаю об этом. Рассказывай.

— Тома Джонса Второго заковали в кандалы и отправили на мельницу. Вчера ночью он взломал замки на кандалах и сбежал в лес — должно быть, чтобы разыскать Грея.

— Птицы уже улетели, теперь обоим придется голодать.

— И я так думаю. Рано или поздно они вернутся на мельницу.

Ричард и Стивен встали, Ричард обнял друга за плечи и увел его за дверь, подальше от Китти.

— Стивен, предупреди майора, что на острове назревает заговор, — сообщил Ричард. — Дайер, Фрэнсис, Пек и Пикетт украли сахарный тростник, растущий в дальнем углу огорода. Сегодня я слышал, как все четверо расспрашивали Энстиса, не найдется ли у него медных баков и медных труб.

— Почему бы тебе самому не рассказать об этом майору?

Винокуренный завод — дело твоих рук.

— Именно поэтому я прошу об одолжении тебя. Стивен, мне приходится быть настороже. Если я заговорю о заговоре, майор, узнавший, что каторжники и пехотинцы где-то добывают ром, может решить, что я все выдумал, чтобы свалить свою вину на других.

«О чем они там шепчутся? — думала Китти, вытерев миски и ложки полотенцем, расставив их на полке, а потом начав перемывать новые оловянные тарелки, кружки и приборы. — Я и вправду стала для них помехой!»

* * *

Китти была слишком занята, чтобы путешествовать по острову за пределами участка, принадлежащего Ричарду. В Сидней-Тауне она побывала лишь несколько раз — на церковной службе и по вызову майора, чтобы опознать грабителя, и ничего не успела разглядеть толком. В ней проснулись сноровка и навыки, присущие фермерам: для жизни, которую вынужден был вести Ричард, он при всем желании не мог бы выбрать лучшей помощницы.

Китти часто слышала разговоры о гусеницах, а восемнадцатого октября наконец увидела их сама. Пшеница на участке Ричарда уже начинала колоситься, а на полях губернатора ее прибили к земле сильные соленые ветры, от которых, впрочем, погибли далеко не все растения. Год выдался засушливым, положение спасали только ночные ливни, утихавшие к утру. Возможно, именно по этой причине нашествие гусениц зимой не состоялось. И вдруг однажды все растения на полях словно покрылись шевелящимся зеленым ковром из тонких гусениц длиной в целый дюйм. А Ричарду вновь повезло: Китти не боялась ни гусениц, ни червяков, ни жуков. Она безо всякого отвращения собирала прожорливых насекомых, хотя смесь мыла с табаком успешнее отпугивала их. Всем женщинам на острове — кроме тех, что прислуживали пехотинцам и работали на лесопилке, — поручили собирать гусениц и опрыскивать растения. Через три недели прожорливые вредители исчезли. Вскоре предстояло собирать кукурузу, пшеница должна была созреть к началу декабря. Согласно распоряжению майора Росса островитяне сдавали на правительственные склады лишь небольшую часть урожая, выращенного на своей земле, но Ричард продолжал методично относить на склад все излишки, за которые с ним расплачивались векселями. Остальное шло к столу для него и Китти, а

также на корм Огасте или же приберегалось для следующего сева.

Орудую мотыгой или пропалывая грядки на корточках, Китти думала о том, что климат Норфолка на редкость благоприятен — здесь не ощущалось недостатка в теплых и солнечных, но нежарких днях. А когда растения начинали увядать от засухи, ночью небо посылало проливной дождь, утихающий к утру. На кроваво-красной рыхлой почве пышно разрастались любые растения. Конечно, Китти по-прежнему тосковала по родному Кенту, однако остров Норфолк словно заморозил ее. Дождливые ночи и солнечные дни превращали его в уголок из волшебной сказки.

Некоторые каторжницы, с которыми Китти познакомилась на «Леди Джулиане», теперь жили в домах друзей Ричарда. Аарон Дэвис, местный пекарь, приютил у себя Мэри Уокер и ее ребенка. Джордж Гест выбрал восемнадцатилетнюю Мэри Бейтман, которую Китти хорошо знала и любила, но чувствовала в ней какую-то странность, приближающееся безумие. Эдвард Рисби и Энн Гибсон были счастливы вместе и собирались пожениться, как только на острове появится священник. Эти женщины и Оливия Лукас часто навещали Китти, и она с удовольствием предлагала им чай с сахаром. Мэри Бейтман и Энн Гибсон были беременны, а Мэри Уокер, чья дочь Сара Ли уже делала первые шаги, ждала первенца от Аарона Дэвиса. Только Китти Кларк оставалась бездетной.

Ловля рыбы почти прекратилась. Шлюпка с «Сириуса», которая прежде выходила на лов за пределы лагуны, потерпела крушение, пытаясь вывезти с «Сюрприза» шесть женщин и ребенка одной из них. Все гребцы утонули, как и человек, поплывший спасать их; из трех выживших женщин одна была матерью утонувшего ребенка. Редкие уловы целиком доставались офицерам, которые не желали делиться ни с матросами с «Сириуса», ни с бывшими каторжниками. Зато «Юстиниан» привез семена и ростки различных растений, в том числе и бамбука, и Ричард раздобыл один саженец, из которого надеялся вырастить бамбук для рыболовных удочек.

Шарлотт-Филд охватила паника. Одна из живых изгородей, которую составляли ползучие растения и кусты с колючими шипами, вспыхнула, и пламя перекинулось на кукурузное поле. Поначалу жителям Сидней-Тауна сообщили, что вся кукуруза сгорела дотла, но лейтенант Кларк, отправившийся на место происшествия, вскоре вернулся и доложил майору Россу, что пострадало всего два акра. Благодаря отваге каторжников огонь удалось потушить. В награду лейтенант Кларк выдал жителям Шарлотт-Филда по паре новых башмаков с правительственного склада.

Дарси Уэнтуорт собирался переселиться в Шарлотт-Филд вместе со

своей любовницей Кэтрин Кроули и маленьким Уильямом Чарлзом, когда будет построен дом: его назначили старшим надзирателем и доктором поселка. Обязанности последнего были самыми разнообразными: доктор и принимал роды, и решал, сколько ударов плетью выдержит провинившийся каторжник. Если виновницей была женщина, Уэнтворт проявлял снисходительность к ней — в отличие от лейтенанта Кларка, который, ненавидя женщин из Шарлотт-Филда, неизменно назначал им самое суровое наказание.

К нескрываемой радости Китти, еда в доме Ричарда вскоре стала разнообразнее. Ричард своими руками установил железную полку чуть выше середины большого очага, а над огнем — прочный вертел. Чтобы протушить блюдо, Китти закрывала котлы, оставляла открытыми те, в которых варился суп, в ее распоряжении были сковороды и чайник, который постоянно кипел в углу печи, чтобы хозяйка могла угостить неожиданных гостей чаем или вымыть посуду горячей водой. Ричард изобрел приспособление, которое он назвал сберегателем мыла, — проволочную корзинку на проволочной рукоятке, в которую Китти клала обмылки, а потом опускала ее в воду для мытья посуды, таким образом не теряя ни капли мыла.

Ричард решительно заставил Джона Лоурелла отдать ему несколько кур и уток, поэтому у Китти прибавилось подопечных, а в меню изредка начали появляться яйца. Огаста принесла двенадцать поросят, но съела самых слабых, предусмотрительно оставив в живых всех шестерых отпрысков женского пола и двух — мужского, которых Ричард собирался зажарить на Рождество. Весь выводок принадлежал хозяину. Если какой-нибудь хозяин свиньи желал продать мясо или приплод губернатору острова, с ним расплачивались векселями, а тем, кто хотел засолить мясо, предоставляли соль и бочки. Росс недвусмысленно дал островитянам понять, что добывается одного: чтобы они как можно меньше зависели от наличия запасов провизии на складах. Такие колонисты, как Аарон Дэвис, Дик Филлимор, Нат Лукас, Джордж Гест, Джон Мортимер, Эд Рисби и Ричард Морган, уже сумели наглядно доказать, что планы Росса со временем станут реальностью.

Больше всего хлопот майору доставляли пехотинцы и матросы с «Сириуса», которые не желали выращивать овощи своими руками и утверждали, что правительство острова обязано кормить их. Когда же Росс отказывал им, они воровали овощи, дыни и птицу у каторжников, и за эти преступления Росс карал их, как за кражи в особо крупных размерах. Пехотинцы и матросы день ото дня мрачнели и ворчали все громче: они

считали, что у каторжников надо отбирать все, что им удалось вырастить. По мнению этих лентяев, каждый кусок, добытый каторжниками, принадлежит только свободным жителям колонии, которых следует кормить в первую очередь. С какой стати они должны работать, если каторжники вполне способны обеспечить их едой? Каторжники — собственность короля, им самим ничего не может принадлежать. У каторжников нет никаких прав. Что это возомнил о себе майор Росс? Матросы и пехотинцы предпочитали умалчивать о том, что две трети урожая, выращенного каторжниками, попадает на склад; весь урожай могли оставлять себе лишь свободные колонисты.

Рождество в этом году пришлось на субботу, день выдался ясным и тихим, хотя южный ветер поднял высокие волны в Сидней-Бей. Ричард заколол двух поросят, Нат Лукас — двух гусей, Джордж Гест — трех жирных уток, Эд Рисби — четырех цыплят, а Аарон Дэвис испек хлеб из чистой пшеничной муки. Пшеницу вырастили собственноручно его друзья, они же смололи ее. Объединившись, они устроили пикник под сенью сосен Пойнт-Хантера, к ним присоединились Стивен Донован, Джонни Ливингстон и Дарси Уэнтворт с семейством. Поросят и птицу зажарили на вертелах, заказанных Дарси в кузнице. Стивен и Джонни внесли свою лепту — десять бутылок портвейна. Всем присутствующим досталось по полпинты напитка.

Майор Росс во всеуслышание объявил, что предстоящее Рождество будет «сухим»: каторжникам разрешалось пить лишь легкое пиво, а пехотинцам было приказано выдать по полпинты рома так, чтобы их не видели каторжники. Лейтенант Кинг по праздникам неизменно выдавал каторжникам ром, но Росс не желал следовать его примеру, особенно после того как узнал, что Дайер, Фрэнсис и остальные намерены заняться перегонкой рома из сахарного тростника.

Для Китти этот день стал самым радостным за все годы с тех пор, как умер ее отец. На земле расстелили парус с «Сириуса», чтобы усадить женщин, для беременных принесли подушки. Здесь, среди сосен, ветер никому не досаждал; отцы с малышами купались в Черепашьем заливе и строили крепости из песка, матери неспешно обменивались сплетнями. Китти прихватила с собой чайник и теперь готовила чай для подруг на отдельном костре. Накупавшись, мужчины вернулись к кострам и расселись вокруг них. Женщины вращали вертелы, резали латук, сельдерей, лук и бобы, пекли картошку. Пир начался около двух часов дня; мужчины предложили тост за его величество короля Великобритании, а насытившись, поудобнее разлеглись на земле, чтобы вздремнуть.

Наблюдая за соседями, Китти видела, как непринужденно они держатся друг с другом, — должно быть, оттого, что вместе им довелось многое пережить. «Мы — новая порода англичан, — внезапно поняла она, — мы никогда не сможем забыть, что власти отослали нас сюда, чтобы избавиться от нас. Но те, кто распоряжается нашими судьбами, и сами ничуть не лучше — они не видят дальше собственного носа». Ее вдруг охватила уверенность, что никто из здешних каторжников не вернется в Англию. Они лишились всякого уважения соотечественников. Остров стал для них домом.

А как же она сама? Море Китти впервые увидела лишь на острове. Она сидела на земле, подтянув колени к груди и обняв их обеими руками, и смотрела, как волны бьются о риф, рассеивая вокруг клочья пены и радужные брызги. Она была наделена способностью чувствовать красоту, но красота здешних мест не трогала ее. В ее глазах поистине прекрасным был только родной Фейвершем, прочный каменный дом с высокими окнами, кусты белых и алых роз, львиный зев, левкой, водосбор, маргаритки, наперстянки, подснежники, нарциссы, яблони, тисы, дубы, зеленые луга, пушистые белые ягнята, березы и буки. Какой аромат витал над садом ее отца! Жители округи казались ей умиротворенными, мечтательными, вдумчивыми людьми, а островитяне — слишком чужими и неукротимыми. Их унизили, но не сломили. Что и говорить, на родине любому человеку живется лучше.

Подняв голову, она заметила, что Стивен смотрит на нее, и густо покраснела. Смутившись, он перевел взгляд на риф. «О, Стивен, почему ты так равнодушен ко мне? Если бы ты полюбил меня, Ричард не стал бы противиться, я это твердо знаю. Для него на мне свет клином не сошелся. Он выстроил пристройку к дому, отгородился от меня дверью с засовом, но не потому, что его влечет ко мне, — ведь дверь запирается с его стороны. Он попросту выставил меня из дома. Дал понять, что мне там не место. Стивен, почему же ты не любишь меня, хотя я тебя люблю? Мне так хочется покрыть твоё лицо поцелуями, приложить к щекам ладони и улыбнуться, глядя тебе в глаза, чтобы улыбка засияла в их синеве, как сияет солнце в небе над Норфолком. Почему, почему ты меня не любишь?..»

Когда стало темнеть и малыши начали капризничать от усталости, все собрались по домам. Ричарду и Китти пришлось идти дальше, чем всем остальным; последними с ними попрощались Нат и Оливия Лукас. Недавно Оливия родила сына Уильяма, которого обожали ее дочери-близнецы. Какое это было славное семейство!

— Тебе понравилось первое Рождество среди антиподов? — спросил

Ричард.

— Среди кого? Да, очень!

— Среди антиподов. Так принято называть людей, которые живут здесь, на самом краю света. Это греческое слово, оно означает «те, кто ходит вверх ногами».

Солнце уже скрылось за западными холмами, на землю спустились прохладные сумерки.

— Хочешь, мы затопим печь?

— Нет, лучше я лягу пораньше, — грустно отозвалась Китти, поглощенная мыслями о Стивене и о том, что он отверг ее. Китти понимала, почему он так поступил: ведь она дурнушка, она худа как жердь, хотя за последние месяцы она заметно поправилась. Ее грудь и бедра округлились, но талия осталась такой же тонкой, как прежде.

— Закрой глаза и протяни руку, Китти.

Она послушалась и почувствовала, как что-то маленькое, твердое и квадратное легло ей на ладонь. Открыв глаза, Китти увидела перед собой коробочку, дрожащими пальцами открыла ее и обнаружила под крышкой золотую цепочку.

— О, Ричард!

— С Рождеством тебя, — с улыбкой произнес он.

В приливе радости она обвила обеими руками его шею и прижалась щекой к его щеке, а потом, не в силах выразить благодарность, поцеловала его в губы. Мгновение Ричард стоял неподвижно, но вдруг обнял ее за талию и ответил на поцелуй, превратив простой жест признательности в нечто совсем иное. Слишком умный, чтобы придать поступку Китти значение, Ричард удовлетворился тем, что осторожно впитывал вкус ее нежных губ. Китти не испугалась, не стала отбиваться, она прижалась к нему и продолжила поцелуй. По ее телу расплылось приятное тепло, она мгновенно забыла про Стивена, повинаясь губам Ричарда, думая о том, что первый настоящий поцелуй в ее жизни оказался необычным и чудесным. Она и не подозревала, что Ричард Морган способен на такую нежность.

Внезапно он разжал объятия и вышел, и вскоре со двора раздался стук топора. Китти застыла, стараясь продлить блаженные ощущения, а потом неожиданно вспомнила про Стивена, и ее охватило чувство стыда. Как она могла наслаждаться поцелуем Ричарда, если на самом деле любит Стивена? Слезы навернулись ей на глаза, она удалилась в свою комнату, присела на край кровати и беззвучно расплакалась.

Все это время Китти сжимала в кулаке коробочку с цепочкой. Когда слезы иссякли, она вынула цепочку и надела ее на шею, решив

полюбоваться своим отражением в пруду во время следующего купания. Как все-таки добр к ней Ричард! Странно, почему в глубине души она жалеет о том, что он прервал поцелуй?

Шестого февраля тысяча семьсот девяносто первого года к острову подошел «Запас». Он привез письмо от губернатора Филлипа, где говорилось, что все моряки с «Сириуса» могут перебраться в Порт-Джексон. Однако тем, кто желал обосноваться на Норфолке, губернатор обещал по шестьдесят акров земли и разрешал приплыть в Порт-Джексон следующим рейсом «Запаса». Одиннадцатимесячное изгнание капитана Джона Хантера завершилось, оказавшись и без того слишком долгим. Его ненависть к острову Норфолк так и не угасла и в продолжение дальнейшей карьеры капитана во многом определяла его поведение. Кроме того, он возненавидел майора Роберта Росса и всех пехотинцев мира. Капитан Хантер спешно покинул остров, взяв с собой Джонни Ливингстона.

Грузовое судно «Горгона», которое колонисты Нового Южного Уэльса ждали уже несколько месяцев, так и не прибыло. Не пришли и другие суда — кроме «Запаса», который девятнадцатого ноября наконец вернулся из Батавии с ничтожным грузом муки и огромным запасом наименее любимой островитянами снеди — риса. Зафрахтованный капитаном «Запаса» корабль «Вааксамхейд» вскоре отплыл из Батавии в Порт-Джексон, куда прибыл семнадцатого декабря с тоннами риса, чая, сахара и голландского джина для офицеров; солонина же, привезенная этим судном, оказалась тухлой, в бочках было больше костей, чем мяса.

По словам лейтенанта «Запаса» Гарри Болла, его превосходительство намеревался поручить капитану «Вааксамхейда» доставить капитана Хантера и экипаж «Сириуса» в Англию. Спеша вернуться в Порт-Джексон, «Запас» отошел от берегов Норфолка одиннадцатого февраля. Остаться на острове пожелали лишь три матроса с «Сириуса», которые работали на винокуренном заводе майора Росса. К этому времени завод уже закрылся, а бочки с драгоценным содержимым хранились в надежном месте. Джон Драммонд влюбился в Энн Рид с «Леди Пенрин». Она жила с Недди Перротом, и, хотя Драммонд понимал, что ему не видать Энн как своих ушей, уплыть в Англию навсегда он не смог. Уильям Митчелл увлекся Сюзанной Хант с «Леди Джулианы», и они вместе решили обосноваться на острове. Питер Хиббс ухаживал за еще одной девушкой с «Леди Джулианы», за Мэри Пардоу, которая жила с матросом и незадолго до завершения плавания родила ему девочку. После этого сожитель бросил ее, и Мэри перевезли на Норфолк.

Пятнадцатого апреля «Запас» вновь подошел к берегу острова.

Первым на берег выгрузили отряд пехотинцев военного корпуса Нового Южного Уэльса, присланных из Лондона, чтобы сменить прежних. Впрочем, всем пехотинцам, отслужившим в колонии три года, предоставлялось право не только вернуться на родину, но и продолжить службу. Капитан Уилл Хилл, лейтенант Эббот, прапорщик Прентис и двадцать один рядовой заменили пехотинцев, служивших в колонии с момента ее основания; четыре офицера покинули остров вместе со своими подчиненными — трое по собственному желанию, а четвертый — по необходимости. Капитан Джордж Джонстоун увез свою любовницу-каторжницу Эстер Абрахамс и их сына Джорджа в Порт-Джексон, дружелюбный лейтенант Кресуэлл, основатель Шарлотт-Филда, отбыл в одиночестве, нелюдимый и мрачный лейтенант Келлоу забрал с собой любовницу Кэтрин Харт и ее двух сыновей, из которых младший был рожден от него, а лейтенанта Джона Джонстона доставили на борт «Запаса» безнадежно больным. Из прежнего состава на острове остались лишь майор Росс, старший лейтенант Кларк и младший лейтенант Фэдди. И, само собой, младший лейтенант Мальш Джон, сын Росса.

Зловещим предзнаменованием был сочтен приезд еще двух докторов — Томаса Джеймисона, отпуск которого в Порт-Джексоне завершился, и Джеймса Коллама с «Сириуса». Поскольку на острове уже были два доктора, Дарси Уэнтуорт и Денис Консиден, теперь медиков стало четверо, а численность населения уменьшилась на целых семьдесят человек.

— Похоже, как только из Англии привезут новую партию каторжников, у нас прибавится хлопот, — мрачно сообщил майор Росс Ричарду Моргану. — Его превосходительство дал мне понять, что он намерен отправить сюда неугодных — тех, кто убивает туземцев, разоряет окрестные деревни и насилует одиноких женщин. Губернатор считает, что за ними будет легче следить на маленьком острове. Значит, придется начать строительство надежной тюрьмы, притом немедленно — неизвестно, когда прибудет следующее транспортное судно. Лондон стремится поскорее избавить Англию от преступников, не заботясь о том, выживут ли они здесь. Поэтому продолжайте пилить лес, Морган, и как можно быстрее, а о том, чтобы закрыть хотя бы одну из лесопилок, даже не мечтайте.

— Как вам новые пехотинцы корпуса Нового Южного Уэльса? — поинтересовался Ричард.

— Я не вижу разницы между пехотинцами нового корпуса и моими подчиненными — все они отщепенцы, которым лишь случай помог ускользнуть от бдительного взгляда английских судей. Конечно, офицеры сделаны из другого теста, но их профессиональные качества оставляют

желать лучшего. А я бы отдал все, лишь бы заполучить хотя бы одного землемера! Мне приказано выделить по шестьдесят акров матросам с «Сириуса», таким, как Драммонд и Хиббс, но землемера на острове нет. Брэдли — жалкий недоучка, Олтри еще хуже. — Он вдруг оживился: — А ты, случайно, не землемер, Морган? Ведь у тебя столько скрытых талантов!

— Нет, сэр, что вы! — засмеялся Ричард.

Кукурузные поля близ Шарлотт-Филда принесли огромный урожай. Десяткам каторжниц было поручено заняться чисткой початков и лущением зерен. Урожай пшеницы тоже был неплохим, несмотря на злые ветры и орды прожорливых гусениц. Но в Порт-Джексоне пайки опять урезали на одну треть, а это означало, что губернатору Норфолка придется сделать то же самое. К счастью, отплывший девятого мая «Запас» принял на борт столько пассажиров, что места для груза зерна не осталось. Остров Норфолк сохранил свой урожай — по крайней мере на время. В Шарлотт-Филде для Дарси Уэнтуорта и его семьи был построен просторный бревенчатый дом, но жена Дарси тосковала по Сидней-Тауну. Вскоре новое поселение переименовали: тридцатого апреля, в субботу, майор Росс официально объявил, что Шарлотт-Филд отныне будет называться Куинсборо, а Филлипберг — Филлипсбергом.

После прибытия «Сюрприза» прошло достаточно времени, чтобы семьсот с лишним жителей Норфолка успели перезнакомиться друг с другом. Остров полнился слухами. Лейтенант Ральф Кларк лично пустил несколько сплетен, и они, катясь по острову, быстро обросли вымышленными подробностями. Миссис Ричард Морган без стеснения делилась самыми пикантными новостями, почерпнутыми из разговоров в доме вице-губернатора, свою лепту в распространение подобных слухов вносила и мистрис Мэри Брэнхем из дома лейтенанта Кларка. Каждый поступок любого колониста, будь он вице-губернатором или каторжником, подробно и долго обсуждался. Если каторжник бросал свою женщину с «Леди Пенрин», увлекшись новой, молоденькой колонисткой с «Леди Джулианы», об этом становилось известно всем; все знали, что рядовые Эскотт, Ми, Бейли и Фишбурн варят пиво из местного ячменя и хмеля с «Юстиниана», что Малыш Джон Росс стал слишком бледным, что несколько каторжников взломали замок на дверях склада и попытались украсть то, что можно было продать. Виновники последнего происшествия, слуга мистера Фримена Джон Голт и каторжник Чарлз Стронг, были приговорены к тремстам ударам плетью: первую сотню им надлежало получить в Сидней-Тауне, вторую — в Куинсборо, а третью — в Филлипсберге. Но даже это страшное наказание, способное сделать их

калеками, не заставило виновников назвать имя третьего сообщника. Однако это имя знала вся колония.

Несмотря на странные, почти дружеские отношения между теми, кого охраняли, и их стражниками, в тяжелые минуты в колонии отчетливо ощущалось неравенство. Когда пайки опять урезали и пехотинцы уже были готовы поднять мятеж, майор Росс не испугался, что каторжники воспользуются случаем. Как обычно, пехотинцев-мятежников возглавили Ми, Плайер и Фишбурн; бунтовщики отказались получать пайки на складе, жалуясь, что мука безнадежно испорчена и что им приходится выменивать на нее более съедобную свежую еду у каторжников. Но бунт был непродолжительным и неудачным. В ответ на все претензии подчиненных майор Росс назвал их ничтожными бездельниками и проходимцами, на которых не стоит тратить ни время, ни сочувствие. Если они желают есть досыта, то пусть сами выращивают овощи. Времени у них предостаточно, так что же им мешает взяться за работу? Бывший ординарец Росса Эскотт и еще несколько рядовых устыдились, бунт был подавлен в зародыше. Вскоре после этого пехотинцы снова стали ежедневно получать по большой кружке рома. Ничто не могло усмирить их так, как этот крепкий напиток. Росс понимал, что поскольку пехотинцы вооружены, они опасны, а разоружить их невозможно. Следовательно, оставался единственный выход: подкупить их.

Само собой, отъезд Джонни Ливингстона не прошел незамеченным. Со Стивена Донована не спускали глаз, с нетерпением ожидая, когда он выберет замену Джонни. Но ожидания были напрасными: Стивен продолжал поддерживать с каторжниками почти дружеские отношения, хотя и соблюдал дистанцию, и в конце концов все пришли к выводу, что Джонни для него ничего не значил.

Гораздо больше любопытства возбуждали сплетни о Ричарде Моргане и его служанке Китти Кларк, которой он, по-видимому, запретил приближаться к его постели.

— И поделом ей, — заявила миссис Ричард Морган, урожденная Лиззи Лок.

О дружбе Ричарда со Стивеном Донованом тоже знал весь остров, но те, кто помнил обоих друзей по «Церере» и «Александреру», клялись, что у Ричарда нет никаких противоестественных наклонностей. Хотя Уилл Коннелли и Недди Перрот по-прежнему избегали Ричарда, они не желали верить, будто между ним и Донованом есть интимная связь. Те, кому удавалось заглянуть в дом Донована через незапертое окно, видели, как эта странная пара сидит за шахматной доской, или у очага, или за обеденным

столом. Китти Кларк оставалась дома, под охраной Лоурелла и Мактавиша.

Стивен попал в затруднительное положение после того, как увидел румянец на щеках Китти на Рождество тысяча семьсот девяностого года. Только теперь он прозрел и заметил, как часто она поглядывает на него, хотя и ее отношение к Ричарду слегка изменилось. До пикника Ричард внушал ей робость: Китти была застенчива по натуре и напоминала серенькую пугливую мышку — милую, но замкнутую и глуповатую. Стивен был уверен: не будь у Китти глаз Уильяма Генри, Ричард не удостоил бы ее даже взглядом. Сила Ричарда, его ум и скрытность вызывали у Китти уважение, побуждали относиться к нему как к отцу или даже к Богу. Она боялась его и повиновалась ему не рассуждая. А после пикника Китти в присутствии Ричарда стала держаться более непринужденно, и Стивен считал, что причиной тому — золотая цепочка, с которой она не расставалась. Подумать только, как женщины обожают блестящие побрякушки! А может, все дело в том, что эта побрякушка стоит огромных денег? Стивен знал, что Китти влюблена в него самого. Ошибиться он просто не мог. Он не понимал, чем внушил ей это чувство, хотя давно привык к знакам внимания со стороны женщин. «Вероятно, — думал Стивен, — я для нее — запретный плод. Женщины больше всего жаждут того, чего не могут заполучить». Однако Китти и в голову не приходило, что Ричард надет к ее ногам, стоит ей поманить его.

Как ему поступить? Стивен терялся в догадках. Как убедить Китти отказаться от напрасных надежд и обратить взоры на Ричарда?

Свернувшийся на коленях у Стивена Тобиас привстал, потянулся и лег поудобнее. Этот ярко-рыжий котенок с крупными лапами со временем обещал вырасти в настоящего великана. Стивен был безмерно благодарен Оливии за такой подарок. Именно о таком смышленном, хитром, своенравном, упрямом и обаятельном питомце он мечтал. А какими замечательными могли быть его отпрыски! Но Стивен, который предпочитал, чтобы его подопечный спал рядом с ним в гамаке, а не бродил по ночам по острову в поисках приключений, кастрировал котенка, не испытывая сожалений.

Задача Стивена оставалась неразрешимой до того времени, как в Сидней-Бей вновь вошел «Запас». Наступил май тысяча семьсот девяносто первого года. Как быстро пролетело время! Стивен вдруг понял, что знаком с Ричардом Морганом уже целых пять лет.

Стивену поручили проведение землемерных работ, поскольку он знал азы этого ремесла; вернувшиеся на «Запасе» колонисты требовали земли, и майор Росс спешил выселить их из поселка. Матросы с «Сириуса» охотно

согласились поселиться в глухом уголке острова, подальше от людей, но у пехотинцев это предложение не вызвало энтузиазма. Такие колонисты, как Элиас Бишоп и Джозеф Макколдрен, неисправимые буяны и задиры, стремились поскорее продать полученную землю, вернуться в Порт-Джексона и на вырученные деньги приобрести участок и там, чтобы тут же продать его. Они жаждали прибыли, но терпеть не могли трудиться. Ожидая, когда им дадут обещанные участки, эти лентяи шатались по Сидней-Тауну, то и дело ссорясь с вновь прибывшими пехотинцами. Бедный майор Росс! В Порт-Джексона и Англии заваривалась нешуточная каша, и он попал в самую гущу. Джордж Джонстоун и Джон Хантер, не говоря уже о разобиженном Брэдли, наверняка настроят против него губернатора Филлипа. Стивен уважал майора по тем же причинам, по которым питал уважение к Ричарду: сталкиваясь с неразрешимыми задачами, Росс не выказывал ни страха, ни отчаяния. У него не было любимцев, он предпочитал оставаться беспристрастным.

— Беда в том, — объяснял Стивен Ричарду, поедая жареную курицу с рисом, которую Китти умело приправила шалфеем, луком и перцем, — что для землемерных работ необходимы открытые пространства, а остров Норфолк почти сплошь покрывают леса. Измерить расчищенные участки мне еще под силу, но большую часть участков площадью шестьдесят акров занимает лес. Я мог бы отправить Элиаса Бишопа в Куинсборо, но Джо Макколдрен не желает переселяться в такую даль от Сидней-Тауна, а Питер Хиббс и Джеймс Проктор требуют участки посреди острова, по соседству друг с другом. Дэнни Стэнфилд и Джон Драммонд предпочитают жить близ Филлипсберга. К тому времени как раздача участков закончится, меня придется одевать в смиренную рубашку и заковывать в цепи. Надзор за Леном Дайером и ему подобными — детская игра по сравнению с этой головоломкой.

— Так, стало быть, Дэнни Стэнфилд вернулся?

— Да, он женился на Элис Хармсворт. Славный он человек.

— Лучший из всех пехотинцев.

— Если не считать Джуна Хейса и Джимми Редмена, — согласился Стивен.

В разговор вмешалась Китти.

— Вкусно? — с беспокойством спросила она.

— Бесподобно! — отозвался Стивен, не желая кривить душой и заявлять, что стряпня Китти никуда не годится. — Особенно после опостылевших всем птиц с горы Питта! Конечно, они помогли нам сберечь солонину, майор принял верное решение, понимая, сколько голодных ртов

нам вскоре придется кормить, но признаться, когда я услышал, что птицы вновь явились на остров и их число ничуть не уменьшилось, меня чуть не стошнило. Зато, — добавил он с усмешкой, — птицы с горы Питта пришлись по вкусу Тобиасу.

— О Господи! А я думала, птиц запрещено скармливать кошкам. — Китти встревожилась. — Как бы вас не наказали за это, Стивен!

Ричард вступил в разговор, заговорив привычным наставительным тоном Бога-Отца:

— Мясо большинства пойманных птиц пропадает зря. Стивену незачем ловить их, чтобы накормить Тобиаса. Ему достаточно только собирать выброшенные тушки. Видишь ли, многие островитяне съедают лишь яйца, найденные в животе самок, а остальное выбрасывают.

— Ах, вот оно что! — Китти смущенно потупилась, схватила пустое ведро и покинула дом, торопливо пробормотав, что ей надо сходить к ручью.

— Ричард, иногда ты ведешь себя как набитый дурак! — заявил Стивен. Ричард удивленно заморгал. — Каждый раз, когда бедняжка осмеливается открыть рот, ты убиваешь ее своей железной логикой и здравомыслием! Она умудрилась приготовить из осточертевшего всем риса восхитительный ужин, а ты даже не поблагодарил ее. — Ведешь себя с ней, будто Бог-Отец!

Ричард приоткрыл рот и застыл.

— Бог-Отец?

— Да, это прозвище для тебя я придумал недавно. Знаешь про Бога-Отца, Бога-Сына и Бога Святого Духа? Бог-Отец восседает на престоле и раздает кары и награды, но сдается мне, он так же слеп, как любой судья-христианин. Китти — самая безобидная из всех его подопечных. Для влюбленного мужчины, Ричард, ты ведешь себя слишком неловко, ты словно превратился в мальчишку-подростка. Если она нужна тебе, почему же, черт побери, ты это скрываешь? — возмущенно закончил Стивен, выплескивая давно копившееся раздражение.

Не будь разговор таким серьезным, Стивен расхохотался бы, увидев появившееся на лице Ричарда выражение. Выслушав эту гневную отповедь, Ричард невозмутимо произнес:

— Я слишком стар. Ты прав, она относится ко мне, как к отцу, и это вполне понятно. Китти годится мне в дочери.

Этот ответ еще больше воспламенил Стивена.

— Тогда заставь ее относиться к тебе иначе, глупец! — выпалил он, дрожа от ярости. — Черт побери, Ричард, более красивого мужчины, чем

ты, я никогда не встречал! Ты безупречен, я точно знаю это, потому что долго выискивал в тебе хоть один недостаток. Я влюбился в тебя еще до рождения и буду любить тебя до самой смерти. Но дело в том, что я — «мисс Молли», а ты — нет. А сердцу не прикажешь, в нем просто вспыхивает любовь, вот и все. Каким-то чудом нам с тобой удалось подняться над тем, что отличает нас, наша дружба слишком прочна, чтобы разбиться. Да, мне известно, что эта глупая девчонка воображает, будто влюблена в меня, поэтому перестань разыгрывать благородного старца! Китти повезло, что она вздумала влюбиться в меня. Иначе она осталась бы ребенком, а какому мужчине в здравом уме нужен ребенок в постели! — Его гнев вдруг иссяк, Стивен устало замолчал.

— Ты же сам сказал, Стивен: сердцу не прикажешь. Она выбрала тебя, а не меня.

— Нет, ты меня не так понял. Господи, Ричард, едва речь заходит о Китти, ты становишься сущим болваном. Я помог ей повзрослеть, пережить переход от детства к юности, я — ее первое девичье увлечение, без которого невозможно обойтись. Этот плод давно созрел, так сорви его, дружище. Однажды я видел, как она шла к складу, неся пустую корзину. Ветер дул прямо ей в лицо, бесформенное платье облепило тело, и если бы я был обычным мужчиной, я мгновенно бросился бы к ней. Не думай, будто остальные колонисты слепы! Ее лицо ничем не примечательно, только глаза хороши, зато она сложена, как Венера. Длинные стройные ноги, округлые бедра, тонкая талия, восхитительная грудь — настоящая Венера! Если она не станет твоей, Ричард, кто-нибудь украдет ее, не боясь твоей ярости. — Стивен поднялся. — Лучше мне уйти домой, пока она не вернулась. Скажи Китти, что я вспомнил об одном неотложном деле. — Уже в дверях он обернулся и добавил: — Ты чересчур терпелив, Ричард. Терпение — лучшая из добродетелей, но пока кот целый час подстерегает мышку, ястреб может упасть камнем с неба и утащить ее.

Китти застыла в тени под незакрытым окном. Не глядя по сторонам, Стивен Донован вышел из дома, прошагал мимо грядок и растворился в темноте. Едва он ушел, Китти побрела к ручью. Как жаль, что он неглубок, что в нем нельзя утопиться! Уходя за водой, Китти услышала, как Стивен назвал Ричарда набитым дураком, и в ней вспыхнуло любопытство. Позабыв о том, что подслушивать некрасиво, она подкралась к окну и навестила уши.

Возможно ли это? Неужели Стивен и вправду влюблен в Ричарда? У Китти стали путаться мысли, она ничего не понимала. Стивен, мужчина, любил и желал другого мужчину. Ричарда! А ее любовь он назвал первым

девичьим увлечением, ее саму — ребенком. Он говорил о ней с нежностью и сочувствием, однако без всякой любви, описывал ее фигуру с отчужденным восхищением, какое она испытывала к Ричарду. А еще Стивен сказал, что Ричард тоже влюблен — в нее, в Китти. Но ведь Ричард годится ей в отцы! Он сам так сказал! Китти упала на колени и съежилась в приступе безмолвных рыданий. «Лучше бы мне умереть, лучше умереть...»

Ричард неслышно подошел к ней и присел рядом.

— Ты все слышала.

— Да.

— Хорошо, что ты обо всем узнала. Было бы хуже, если бы тебе попыталась открыть глаза моя жена, — произнес он, обнял ее за плечи и поставил на ноги. — Рано или поздно тебе все равно все стало бы известно. Пойдем спать. Здесь холодно.

Китти подняла голову; ее лицо было бледным и измученным, глаза Уильяма Генри казались огромными.

— Ступай спать, — бесстрастно и твердо повторил Ричард.

Не прекословя, она удалилась к себе в комнату. Ричард был прав — она успела замерзнуть. Дрожа, она переоделась в ночную рубашку, забралась под теплое одеяло и затихла, перебирая подробности разговора. Это была не ссора, а обмен чувствами и впечатлениями двух давних друзей, которые не обижаются на правду. Такой крепкой дружбы она еще никогда не встречала. Откуда-то в ее голове всплыло слово «зрелость» — оно подходило этим мужчинам. Почему они стали такими? Почему Стивен предпочитал любить мужчину? И почему он выбрал именно Ричарда? По какой причине назвал его Богом-Отцом? «Я совсем не знаю их, — думала она, до боли сжимая пальцы в кулаки, — я ничего не знаю о них, ничего!»

Желание умереть отступило и угасло. Китти вдруг поняла, что ее сердце вовсе не разбито. Да, она с сожалением услышала, что Стивен не любит ее, но она давно догадывалась об этом и потому почти не испытала разочарования. Ее скорбь растворялась, таяла, оказывалась погребенной под градом вопросов. «Может быть, мне хватит ума, чтобы начать учиться, — размышляла Китти, — а я даже не понимаю, какой урок должна усвоить в первую очередь. Всю жизнь я пряталась от суровой правды, но прятаться больше нельзя. Те, кто прячется, ничего не видят». Вдохновленная последней мыслью, она уснула.

Утром, когда она проснулась, Ричарда уже не было дома. Перед уходом он вымыл посуду, выгреб золу из печи, наполнил чайник водой, развел огонь и оставил на столе тарелку с холодной курятиной и рисом.

Китти заварила чай в глиняном чайнике и принялась за еду. События

вчерашнего вечера отдалились, воспоминания о них были еще живы, но прежняя острота чувств исчезла. Чувства... Другого слова она подобрать не могла.

Вошел Ричард со своей обычной дружелюбной улыбкой — как будто ничего не случилось.

— Сегодня ты слишком задумчива, — заметил он.

Китти правильно поняла скрытый смысл его слов: Ричард не желал вспоминать о том, что случилось вчера. Чтобы что-нибудь сказать, она спросила:

— А как же работа?

— Сегодня суббота.

— Ах да. Вам налить чаю?

— Будь добра.

Она наполнила кружку, добавила в нее холодный сахарный сироп и снова села к столу, задумчиво водя ложкой по тарелке. Наконец Китти со звоном отложила ложку и уставилась на Ричарда в упор.

— Если мне нельзя поговорить об этом с вами, — выпалила она, — к кому же мне идти?

— К Стивену, — посоветовал он, прихлебывая чай. — Он умеет слушать и убеждать.

— Я ничего не понимаю!

— Неправда, Китти. Ты не понимаешь только саму себя, а в этом нет ничего странного. Ты слишком плохо знаешь жизнь, — мягко отозвался он.

Впервые за все время знакомства с Ричардом Китти отважилась посмотреть ему прямо в глаза — широко открытые, оттенка воды в лагуне в ненастный день, такие глубокие, что в них было не мудрено утонуть. Без малейшего усилия он притягивал ее к себе и вновь отталкивал, словно прибой. Она вскочила, прижав руки к груди.

— Где Стивен?

— Кажется, ловит рыбу в Пойнт-Хантере.

Китти выбежала из дома и помчалась по долине так, словно за ней по пятам гнались все демоны ада. Она перешла на шаг, только когда убедилась, что Ричард и не подумал последовать за ней. Но что с ней случилось? Как он этого добился?

Появляться в Сидней-Тауне без провожатых было опасно, но Китти разрешила эту задачу, перебегая от одного знакомого дома к другому и перебрасываясь словами со знакомыми женщинами. К тому времени как Китти добралась до Пойнт-Хантера, она немного успокоилась и смогла улыбнуться и помахать рукой Стивену, который двинулся навстречу ей и

отвел ее в сторону от десятка других рыбаков. Похоже, он ни о чем не догадывался, и Китти вдруг поняла, что Ричард ничего не рассказал ему. Неужели Ричард настолько скрытен?

— Они не кусаются, — пошутил Стивен, заметив опасливый взгляд Китти, брошенный в сторону рыбаков. — Что привело тебя сюда? Где Ричард?

— Вчера вечером я подслушала ваш разговор, — сразу призналась Китти и вздохнула. — Я знаю, что не должна была так поступать, но так уж вышло. Простите меня.

— Скверная девчонка! Пойдем присядем вон там на камни. Оттуда виден островок. Ветер заглушит наши голоса.

— Я и вправду еще девчонка, — с горечью отозвалась Китти.

— Да, и это удивляет меня, — сказал Стивен. — К тебе не пристала грязь лондонского Ньюгейта, «Леди Джулианы» и «Сюрприза». Так не бывает, Китти.

— Бывает. Я видела и других таких же каторжниц, как я. Они или умирали со стыда, или старались вести себя тихо и незаметно. Это не так уж трудно, когда вокруг полно народу. Наши соседки по трюму дрались, бранились, сплетничали, перешагивали через нас, словно нас не существовало. Одни были пьяны, другие искали тех, кого можно ограбить, изнасиловать или избить. А мы были худыми, нищими и некрасивыми. Мы не заслуживали внимания.

— Ты стала похожа на ежика, свернувшегося в клубок. — Стивен сидел, повернувшись к ней выразительным и четким профилем. — Из всех слов, обозначающих акт любви, ты знаешь лишь одно — «изнасилование». И это печальнее всего. Ты когда-нибудь видела, как люди занимаются любовью?

— Сказать по правде, нет. Я только слышала тяжелое дыхание. Когда мы понимали, что происходит, то закрывали глаза.

— Да, это один из самых надежных способов отдалиться от мира. А как тебе жилось на «Леди Джулиане»? Странно, что матерые преступницы не заклевали тебя.

— Мистер Никол был очень добр к нам, как и некоторые женщины постарше. Они никому не позволяли обижать нас. И потом, меня постоянно тошнило.

— До сих пор не понимаю, как ты выжила. И все-таки ты уцелела, добралась до острова и встретила не с кем-нибудь, а с самим Ричардом Морганом. А это, мистрис Китти, самое чудесное событие в твоей жизни. Сомневаюсь, что в мире найдется вторая женщина или даже «мисс Молли»,

которая не увлеклась бы этим человеком. Все, кого я знаю, были бы готовы отдать полжизни, лишь бы встретиться с ним. — Он повернулся к ней и рассмеялся.

Как странно! Его глаза были ярче, чем у Ричарда, они отражали синеву неба и казались его осколком, но вместе с тем — стеной, непреодолимым барьером.

— Я влюбилась в вас, — призналась Китти, удивляясь самой себе.

— И в Ричарда.

— Нет, вряд ли. Я испытываю к нему другое чувство, не любовь. Я просто знаю, что оно другое, вот и все.

— Да, оно ни на что не похоже.

— Пожалуйста, расскажите мне о нем.

— Нет, этого я не сделаю. Останься с ним и все узнай сама. Ричард скрытен, тебе будет нелегко, но ведь ты женщина, к тому же любопытная. Уверен, ты сделаешь все, что в твоих силах, — заключил Стивен, помогая Китти встать. Он наклонился, касаясь щекой ее волос, и шепнул: — А когда ты что-нибудь узнаешь, поделись со мной.

Слезы подступили к глазам Китти. Она не знала, почему плачет, но от горя у нее сжалось сердце. Всей душой она сочувствовала Стивену, а не сожалела о том, что потеряла его и отдалилась. «Жаль, что мир устроен так странно, — подумала она. — Я не влюблена в этого человека, но все-таки люблю его всей душой».

— Из нас с Тобиасом получатся отличные дядюшки, — пообещал Стивен, пожимая руку Китти и ведя ее по тропе.

У долины Артура он выпустил ее руку и остановился.

— Дальше я не пойду.

— Прошу вас, проводите меня!

— Нет-нет. Ты должна вернуться домой одна.

В доме было пусто. Ричард ушел, предварительно вычистив печь и подбросив в нее дров. К тому же он наполнил все ведра водой и аккуратно расставил вокруг стола шесть стульев. Разочарованная и растерянная — почему Ричард не дождался ее, чтобы узнать о разговоре со Стивеном? — Китти бесцельно принялась бродить по комнате, а потом отправилась в огород и взялась за работу, выполняя свою давнюю мечту — разбить возле дома цветник. Время шло; явился Джон Лоурелл с шестью выпотрошенными и ощипанными птицами с горы Питта. Китти вздохнула с облегчением: теперь ей не надо было ломать голову над тем, что приготовить на обед, который зимой она подавала в середине дня.

К тому времени как вернулся Ричард, птицы были нафаршированы

хлебом с приправами и успели подрумяниться на сковороде, а в закрытом котелке варился картофель с луком.

— А что это за деревца растут на солнцепеке возле уборной? — спросила Китти, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— А, ты нашла их.

— Давным-давно, но все забывала спросить.

— Это апельсины и лимоны, выращенные из семян, собранных в Рио-де-Жанейро. Через два-три года на них появятся плоды. Проросли почти все семена, поэтому несколько саженцев я отдал Нату Лукасу, майору Россу, Стивену и другим. Здешний климат идеален для цитрусовых — на острове не бывает заморозков. — И он вопросительно приподнял бровь. — Ты нашла Стивена?

— Да, — кивнула Китти, протыкая картофелину ножом, чтобы проверить, сварилась ли она.

— И он ответил на твои вопросы?

Растерянно заморгав, Китти помедлила с ответом.

— Знаете, а ведь я ни о чем не успела спросить. Он сам засыпал меня вопросами.

— О чем?

— Прежде всего о тюрьмах и транспортных судах. — Китти начала раскладывать мясо, лук и картофель по тарелкам, поливая их соусом. — К обеду я приготовила салат из латука, шнитт-лука и петрушки.

— Ты превосходно готовишь, Китти, — похвалил Ричард, усаживаясь за стол.

— Я стараюсь. Ричард, мы ведь можем прокормить себя сами? Все, что лежит на тарелках, мы либо вырастили, либо собрали своими руками.

— Ты прав. Здешние почвы на редкость плодородны, дожди идут достаточно часто. Когда я только прибыл сюда, год выдался сырым, а потом началась засуха. Но ручей ни разу не пересыхал, а это значит, он берет начало из родника. Хорошо бы отыскать этот родник.

— Зачем?

— Чтобы построить возле него дом.

— Но у вас уже есть дом.

— Он расположен слишком близко к Сидней-Тауну, — возразил Ричард, собирая ложкой соус и отправляя его в рот вместе с последней картофелиной.

— Положить еще? — спросила Китти и встала.

— Если можно.

— Да, до Сидней-Тауна отсюда близко, — согласилась Китти, снова

сядаясь за стол, — но мы живем как отшельники.

— Когда прибудет очередная партия каторжников, нашему уединению придет конец. По мнению майора Росса, его превосходительство намерен довести количество островитян до тысячи человек.

— До тысячи? А это много?

— Совсем забыл, что ты не умеешь считать. Ты помнишь церковную службу в прошлое воскресенье?

— Конечно.

— На ней присутствовало семьсот человек. Раздели эту толпу пополам, а затем добавь ко всем людям, которых ты там видела, еще половину. Вот и получится чуть больше тысячи.

— Так много! — испуганно ахнула Китти. — Где же они все будут жить?

— Одни поселятся в Куинсборо, другие — в Филлипсберге, третьи — там, где живут матросы с «Сириуса», но по-моему, майору здесь не нужны лишние солдаты.

— Да, они не ладят с его пехотинцами, — кивнула Китти.

— Вот именно. Здесь, в конце долины, появится много новых домов, поскольку эта земля не принадлежит правительству. Поэтому я предпочел бы перебраться в глубь острова. — Он откинулся на спинку стула, погладил себя по животу и улыбнулся. — Если ты и впредь будешь кормить меня так сытно, мне придется работать не покладая рук, иначе я ожирею.

— Вы не растолстеете — ведь вы же не пьете, — возразила Китти.

— Никто из нас не пьет.

— Полно, Ричард, я не настолько наивна! Солдаты пьют, как и многие каторжники. Если понадобится, они найдут способ самостоятельно варить пиво и делать ром.

Ричард удивленно приподнял брови и усмехнулся:

— Тебе следовало бы стать советником майора. Где ты слышала об этом?

— На складе. — Китти убрала пустые тарелки на кухонный стол. — А еще я слышала, что вы не нуждаетесь в компании, — добавила она, доставая таз и мыло, — и поняла почему. Но если вы переберетесь на новое место, вам придется начинать все заново, а это нелегко.

— Своя ноша не тянет. Никакая работа не тяжела, если она обеспечит будущее моих детей, — решительно заявил Ричард. — Я хочу вырастить их чистыми и неиспорченными, а здесь, поблизости от Сидней-Тауна, это невозможно. Здесь много хороших людей, но немало и дурных. Иначе зачем майору было бы ломать голову, изобретая новые наказания, чтобы

прекратить насилие, пьянство, грабежи и другие преступления, которые неизбежно совершаются там, где люди живут бок о бок? Ты думаешь, Россу нравится отправлять на соседний остров таких людей, как Уилли Дринг, — на целых шесть недель с запасом провизии, которого не хватит и на две недели? Если бы он находил в этом удовольствие, я не стал бы уважать его, а я питаю к нему искреннее уважение.

Первые фразы этой тирады окончательно сбили Китти с толку, поэтому она предпочла ответить на последние:

— Чтобы положить конец преступлениям, надо понять этих людей. Всею виной пьянство. Возьмем, к примеру, меня.

— Дай-ка взглянуть... да, ты заметно поправилась, — отшутился Ричард.

— Я сумела бы повзрослеть, если бы научилась читать, писать и считать.

— Если хочешь, я буду учить тебя.

— Правда? Ричард, это замечательно! — И она застыла с тарелкой в руке. Ее глаза светились так же, как глаза Уильяма Генри после первого дня, проведенного в Колстонской школе. — Бог-Отец! Теперь я понимаю, что имел в виду Стивен. Вам необходимы подопечные, чтобы заботиться о них, как отец заботится о детях. Вы очень сильный и умный человек, как и Стивен, но он не желает быть отцом. Я всегда останусь вашим ребенком.

— В некотором смысле — да. С другой стороны, я хотел бы стать отцом твоих детей. Никакой я не Бог — Стивен просто шутит, а не кощунствует. Для удобства он пытается приклеить ко мне ярлык.

— У вас есть жена, — напомнила Китти. — Быть вашей женой я не могу.

— Да, Лиззи Лок вписана в книгу преподобного Джонсона как моя жена, однако она никогда не была ею. В Англии я добился бы расторжения брака, но здесь, на краю света, нет ни епископов, ни церковных судов. Ты моя жена, Китти, и я уверен, что Бог понимает меня. Он сам отдал тебя мне — я понял это, едва заглянул в твои глаза. В присутствии людей я буду называть тебя своей женой. Ты — мое второе «я».

Наступило молчание, которое длилось целую вечность. Китти и Ричард смотрели друг на друга в упор, не нуждаясь в словах и уверениях.

— Что же будет дальше? — наконец взволнованно спросила она.

— До начала комендантского часа — ничего, — ответил Ричард, собираясь уходить. — Мне не нужны незваные гости, жена. Ступай поработай в саду, но приготовься к тому, что вскоре нам придется пересаживать растения. Я иду к ручью, искать его истоки. Когда ты

прибыла на остров, ты была ходячим скелетом, но солнце, воздух и пища Норфолка преобразили тебя. И я не хочу, чтобы ты целыми днями работала в саду так близко от Сидней-Тауна.

Прежде Ричард был так занят, что ему не хватало времени исследовать берега ручья, к тому же у него не находилось веской причины. Сколько он смог бы ждать, если бы Стивен не потерял терпение? Любовь затмила для него весь мир; он слишком дорожил Божьим даром, чтобы вести себя по примеру большинства мужчин, уговорами и угрозами заставляя Китти предаться тому, что вызывало у нее лишь отвращение. За время пребывания в глостерской тюрьме Ричард понял, что во всех тюрьмах пары совокупаются на глазах у товарищей по несчастью. Он был твердо уверен в том, что Китти ни разу не была жертвой мужской похоти, но эту похоть она видела вокруг много месяцев подряд. Правда, и в тюрьме, и на корабле она пробыла не так уж долго. Ее влечение к Стивену заставило Ричарда на время забыть о своих надеждах, однако не разрушило их: он слишком хорошо знал, что Стивен не ответит Китти взаимностью. Ричард решил набраться терпения и ждать, продолжая заботиться о Китти, пока она не смирится и не поймет, что ей не на что рассчитывать.

Ричард знал, что Китти не любит его, но никогда и не надеялся на любовь. Разница в возрасте между ними превышала двадцать три года, а молодость всегда тянется к молодости. Но сегодня утром, когда она взглянула на него, сидя за столом, он ощутил волнение и выдал его. Да, Китти бросилась за помощью к Стивену, но не осталась равнодушной к Ричарду и не испугалась. Он открыл свою душу, пробудив в ней совершенно новые чувства. Собственная власть привела его в состояние восторга. Ричард был не из тех людей, что на досуге пытаются разобраться в самом себе; он не признавал свою силу, пока Китти не объяснила, что он и вправду подобен Богу-Отцу. Всем мужчинам и женщинам необходимо видеть себе равных и прикасаться к ним, и все же каждого влечет к тем, кто выше его. Им необходим свой король, премьер-министр, властелин. Ричард нехотя брал под свою опеку людей, когда видел, как беспомощно они барахтаются в пучине жизни, обреченные на смерть. Но постепенно сила, спокойствие и целеустремленность стали его сущностью, проникли до мозга костей; то, что некогда было вынужденной мерой, стало привычным действием, проявлением власти. Должно быть, в Ричарде уже давно дремал росток властности, однако, если бы он провел всю жизнь в Бристоле, этот росток вряд ли сумел бы окрепнуть. От рождения нам присуще множество качеств, о некоторых из них мы даже не подозреваем. Все зависит от того, какой путь укажет нам Бог.

После двадцати минут ходьбы по илистому берегу ручья Ричард достиг первого притока, который сбегал с северо-восточных холмов. Долина ручья в этом месте поднималась амфитеатром, всюду росли папоротники и бананы, но это место располагалось слишком близко к долине Артура, поэтому Ричард решил пройти вдоль главного русла ручья, которое поворачивало в сторону и вилось среди папоротников, пальм и бананов и вновь разветвлялось в начале обширной каменистой равнины, почву с которой, должно быть, смыли ливни. Западный рукав, который Ричард обследовал первым, был слишком коротким; юго-западный питал ручей, текущий по долине Артура, стекая откуда-то сверху по довольно крутому склону. Ступая по щиколотку в воде, Ричард поднимался все выше и выше, пока у самого гребня не обнаружил родник, бьющий среди огромных, обросших мхом камней, окруженных папоротниками, каких Ричард еще никогда не видел, — раскидистыми, с пышными ветками, с листьями наподобие рыбьих плавников.

Прищурившись на солнце, которое уже клонилось к горизонту, Ричард прикинул, много ли у него времени в запасе, и вошел в сосновый лес на холме, вершина которого оказалась ровной и широкой. К собственному изумлению, он обнаружил, что неподалеку проходят дорога на Куинсборо и тропа, по которой он возил сырье на винокуренный завод. Любопытно! Ричарда осенило. Он вернулся к роднику и осмотрелся. Чуть ниже по западному склону он увидел террасу — довольно широкую, где хватило бы места просторному крепкому дому, несколькими плодовыми деревьями и огороду.

По пути домой он зашел к Стивену Доновану, который от нечего делать играл в шахматы сам с собой.

— Интересно, почему всякий раз выигрывает моя правая рука? — спросил Стивен, увидев на пороге Ричарда.

— Может, потому, что ты правша? — отозвался Ричард и с глубоким вздохом опустил на стул.

— Сейчас ты похож на человека, который учится ходить по воде, а не предаваться любви.

— Я и в самом деле бродил по щиколотку в воде. И мне в голову пришла одна мысль.

— Какая же?

— Мы оба знаем, что Джо Макколдрен хочет получить землю у дороги на Куинсборо, но не слишком далеко от побережья. А еще мы знаем, что Джо Макколдрен намерен тут же продать свой участок. Верно?

— Совершенно. Выпей портвейну и продолжай.

— Ты не сделаешь мне одолжение и не отмеришь следующий участок для Макколдрена? Я подыскал для него идеальное место, — сообщил Ричард, принимая стакан.

— Должно быть, ты хочешь увезти Китти подальше от поселения, пока не прибыла новая партия каторжников. А хватит ли у тебя денег на покупку шестидесяти акров, Ричард? Джо Макколдрен запросит не меньше десяти шиллингов за акр. — Стивен нахмурился.

— У меня есть почти тридцать фунтов векселями, но я знаю, что он потребует золотые монеты. И потом, все шестьдесят акров мне ни к чему — я просто не смогу их обработать. Помнишь, ты говорил, что все участки по шестьдесят акров должны находиться поблизости от ручья?

— Да, я сам предложил это майору, и он согласился.

— Согласится ли майор разделить один такой участок после продажи?

— Майору Россу все равно, что станет с участками, даже если их захватят птицы с горы Питта. Но он решил выдать по десять — двенадцать акров земли бывшим каторжникам — таким, как ты. Почему бы тебе не приберечь деньги и не получить землю даром?

— По двум причинам: во-первых, свободные колонисты получают участки в первую очередь. Это займет целый год, за это время численность населения острова превысит тысячу человек. Его превосходительство отправит сюда новых каторжников, которые мешают ему управлять Порт-Джексоном. Во-вторых, нам будут выдавать участки, расположенные по соседству. Поскольку все они должны находиться на берегу ручья, каждый участок будет длинным и узким, а дома выстроятся вдоль воды в ряд — на расстоянии нескольких ярдов друг от друга, но все-таки в ряд. А я не хочу так жить, Стивен. Поэтому я предпочту, чтобы мои двенадцать акров окружали участки площадью шестьдесят акров, и выстрою дом возле ручья, в стороне от остальных.

— И назовешь его Путь Моргана?

— Вот именно — Путь Моргана. Такое место я уже нашел — возле главного русла ручья из долины Артура, который берет начало от родника в узкой долине. Там, на склоне горы, есть ровная терраса, откуда недалеко до дороги на Куинсборо и до винокуренного завода. И эта терраса находится в тридцати минутах ходьбы от Сидней-Тауна, что наверняка понравится Макколдрену. Но я хочу, чтобы мои земли располагались по обе стороны от ручья, поскольку лучшее место для строительства дома — западный склон. А если ты отмеришь себе участок к западу от участка Макколдрена, он будет тянуться от ручья до самой окраины Куинсборо.

Стивен восхищенно уставился на Ричарда.

— Стало быть, ты разом решил все задачи? — Он хлопнул ладонями по коленям. — Хорошо, я буду отмеривать участки, двигаясь в том направлении от Каскад-роуд. Шестидесятиакровые участки я чередую с участками площадью двенадцать акров, чтобы никому не пришлось обрабатывать твердую или каменистую почву. Словом, за каждый участок будет назначена та цена, которой он заслуживает. Сейчас я отмеряю участки для Джеймса Проктора и Питера Хиббса. Затем я направлюсь в сторону дороги на Куинсборо и начну двигаться на север, пока не дойду до границ их участков. Я позабочусь о том, чтобы в шестьдесят акров Макколдрена входили все земли, которые ты облюбовал, и тогда верховья ручья целиком достанутся тебе.

— Мне хватит двенадцати акров, Стивен, — в долине по обеим берегам ручья и до самой дороги на Куинсборо. Мне все равно, как Макколдрен распорядится остальными сорока восемью акрами. — Ричард усмехнулся. — А если мой участок будет иметь квадратную форму, в него войдут земли, примыкающие к ручью ниже по течению. За них я смогу заплатить двадцать пять фунтов золотом.

— Если ты позволишь, я дам тебе недостающую сумму, чтобы хватило на все шестьдесят акров.

— Нет, так дело не пойдет.

— Но разве братья не должны помогать друг другу?

— Поживем — увидим, — отозвался Ричард, собираясь уходить. Он поставил стакан на стол, наклонился и погладил Тобиаса, который давно терся о его ноги, жалобно мяукая. — Ах ты, обманщик! Тобиас, ты мяукаешь, словно несчастный сирота, но я-то знаю, что тебе живется не хуже, чем королю!

— Спокойной ночи! — пожелал вслед ему Стивен, а потом взял кота на руки. — А мы с тобой, Тобиас, поужинаем птицей с горы Питта. Объясни, почему кошки и собаки могут каждый день на протяжении всей жизни есть одну и ту же пищу, а нам, людям, так быстро надоедает однообразие?

Ночь прокралась в долину, когда Ричард приблизился к дому. Мактавиш бросился ему навстречу, радостно лая и совершая головокружительные прыжки. Пес был бы рад сопровождать Ричарда повсюду, но хозяин велел ему сторожить Китти, которая, к счастью, любила всех животных, кроме тех, кого она называла отребьем, — в ее лексиконе было немало слов библейского и тюремного происхождения.

Войдя в дом, Ричард увидел Китти возле кухонного стола. Не зажигая свет, она готовила ужин. Несмотря на разрешение Ричарда, она никогда не

тратила зря драгоценные свечи. Китти с улыбкой обернулась, и Ричард подошел к ней и поцеловал в губы, напоминая, что она ему жена.

— Я иду мыться, — сообщил он и взглянул на печь. — У нас есть горячая вода?

— Разумеется.

— Отлично. Тогда я смогу и побриться.

Китти с любопытством наблюдала, как он умело наточил бритву с рукояткой слоновой кости. Впрочем, любые движения Ричарда были грациозными и уверенными. Какие прекрасные руки — сильные, мужские, но ловкие! Они излучали уверенность.

— Не понимаю, как тебе удастся бриться без зеркала, — произнесла она. — Ни разу не видела, чтобы ты порезался.

— Многолетняя практика, — невнятно пояснил Ричард, брея подбородок. — Если есть теплая вода и мыло, это очень просто. На «Александрере» мне приходилось бриться без воды.

Добрившись, он прополоскал бритву, сложил ее и спрятал в футляр, а потом тщательно умылся и надолго застыл у огня, размышляя, стоит ли подложить в печь еще одно полено. Нет, прежде следовало подвинуть поглубже полусгоревшее — наклонившись, он подправил его, поднял крышку чайника, разочарованно нахмурился, увидев, что там почти не осталось воды, и направился к полке с книгами.

— Ричард, — негромко произнесла Китти, — если ты в состоянии что-нибудь проглотить, мы можем поужинать. У тебя в запасе будет несколько минут, чтобы набраться смелости и начать делать детей.

Ричард удивленно оглянулся, запрокинул голову и расхохотался.

— Нет, жена, — ласково возразил он, — теперь мне не до еды.

Китти улыбнулась, искоса взглянув на него, и направилась к двери.

— Закрой ставни, — попросила она, шагнув на порог, и уже из-за двери добавила: — И выпусти Мактавиша.

«Они всегда ведут нас туда, куда хотят, наши иллюзии власти, — думал Ричард. — Они стары, как сам мир».

Раздевшись, он остановился на пороге ее комнаты, где в темноте смутно вырисовывался ее силуэт. Она сидела на кровати.

— Нет, здесь я тебя не вижу. Подойди к огню, но сначала разденься. — И он протянул руку.

Она с шорохом сбросила ночную рубашку и вложила пальцы в его горячую и надежную ладонь. Подведя ее к очагу, он принес со своей кровати соломенный матрас, положил его на пол и залюбовался женой. Она и вправду была прекрасна — Венера, созданная для любви. Он попросил ее

раздеться, не желая, чтобы их любовь походила на судорожные, торопливые совокупления в подвалах лондонского Ньюгейта. Это действие было для него священным, как Бог, который его создал. Вот ради чего он вынес столько страданий — ради единственной божественной искры, способной разогнать тьму сиянием, подобным солнечному. В этом и есть истинное бессмертие. Это путь к свободе.

Он заключил ее в объятия и позволил ей ощутить гладкость кожи, игру мышц, силу и нежность, всю любовь, которая годами копилась в нем, не находя выхода. И похоже, она почувствовала нечто вечное, непреходящее, поняла, что произойдет, где и как. Если он и причинит ей боль, то лишь на мгновение, для которого нет завтрашнего дня, есть только она и вся вечность. «Излей свою любовь, Ричард Морган, ничего не утаивая! Отдай ей все, что у тебя есть, не раздумывая и не поддаваясь сомнениям, которые неведомы истинной любви. Она, мой Божий дар, все поймет, почувствует и примет мою боль».

Часть 7

Июнь 1791 года — февраль 1793 года

Пег была моей первой любовью, — сказал Ричард, вновь ощутив желание поделиться сокровенным. — С Аннемари Латур я испытывал лишь плотское наслаждение. А Китти — моя последняя любовь.

Поблескивая глазами, Стивен всматривался в лицо друга, гадая, как он сумел превратить минутное увлечение в глубокое страстное чувство. А может, он прошел такой долгий путь, что теперь все его чувства усилены в тысячу раз?

— Ты — живое свидетельство тому, что нет ничего смешнее старого глупца. Ты ошибаешься только в одном, Ричард: для тебя Китти — и любовь, и плотское наслаждение. А я привык думать, что наслаждение плоти — если не самая важная, то одна из насущных потребностей, которую я обязан удовлетворять. Но ты многому научил меня, в том числе и искусству обходиться без плотских утех. — Он усмехнулся. — По крайней мере пока рядом нет достойного предмета страсти. Когда он появляется, я теряю голову. К сожалению, все проходит, в том числе и увлечения.

— Подобно любому человеку, ты нуждаешься в них.

— И получаю то, в чем я нуждаюсь, но не нахожу человека, в котором соединилось бы все сразу. И это, насколько я понял, меня вполне устраивает. Мне не о чем жалеть, — жизнерадостно заключил он и встал. — После всех лишений на острове Норфолк я намерен стать моряком королевского флота и непременно добьюсь этого. И тогда смогу разгуливать по шканцам в белом с синим мундире, отделанном золотым галуном, с подозрительной трубой под мышкой и командовать сорока четырьмя орудиями.

Они решили сделать передышку, чтобы попить воды и отдохнуть после утомительного рытья ямы под фундамент нового дома Ричарда. Джозеф Макколдрен получил свои шестьдесят акров и охотно продал двенадцать из них за двадцать четыре фунта, заключив выгодную сделку. Остальные сорок восемь акров приобрел Дарси Уэнтуорт, и он же купил шестьдесят акров у Элиаса Бишопа в Куинсборо. Майор Росс заботился лишь об одном: чтобы все сделки с землей были честными и выгодными для всех сторон.

— Я очень рад, что тебе досталась земля Макколдрена, — заявил

майор Ричарду. — Ты расчистишь и возделаешь ее в самом ближайшем времени, а именно в этом нуждается остров. Нам необходимы пшеница и кукуруза.

Лишь четыре участка на Норфолке простирались по обе стороны от ручья. Поскольку вдоль ручья проходила тропа, эти участки называли путями, прибавляя к этому слову фамилию владельца. Так на карте острова Норфолк появилось четыре новых ориентира — вдобавок к Сидней-Тауну, Филлипсбергу, заливу Каскад и Куинсборо: Путь Драммонда, Путь Филлимора, Путь Проктора и Путь Моргана.

К сожалению, из-за работы на лесопилках у Ричарда почти не оставалось времени для строительства нового дома. В Сидней-Тауне спешно возводили казармы и дома для служащих корпуса Нового Южного Уэльса на том месте, которое раньше занимали матросы с «Сириуса»; заканчивалось сооружение крепкой тюрьмы и домов для старших офицеров — список дел, составленный майором Россом, казался бесконечным. Нат Лукас и пятьдесят плотников, подчинявшихся ему, трудились не покладая рук.

— Я больше не могу ручаться за свою работу, — признался он Ричарду однажды в воскресенье за ужином. — В поселке есть обветшавшие постройки, сколоченные наспех, а я не могу разорваться, чтобы присматривать за работой в Куинсборо, Филлипсберге и так далее. Я ношусь по острову сломя голову, лейтенант Кларк гонится за мной по пятам, спрашивая, когда будут достроены дома в западном поселке, капитан Хилл обвиняет меня в том, что в домах для пехотинцев протекают крыши. Честное слово, Ричард, я выбился из сил!

— Нельзя объять необъятное, Нат. А майор еще не начал жаловаться на усталость?

— Нет, он привык все сносить молча. — На лице Ната отразилась тревога. — Сегодня утром я слышал, что лейтенант Кларк проводит церковную службу потому, что майору нездоровится. Ему и вправду плохо, если верить Лиззи Лок. — Никто из близких друзей Ричарда никогда не называл экономку майора миссис Ричард Морган.

Ужин удался на славу. Китти заколола двух жирных уток и поджарила их с картофелем, тыквой и луком. Она повела Оливию и ее дочерей-близнецов в свинарник, показать Огасту и ее быстро растущий приплод, который вскоре предстояло заколоть и продать на склад либо оставить для дальнейшего разведения. Какая удача, что Ричард построил просторный свинарник!

— Когда ты dokonчишь фундамент, — сменил тему Нат, — мы с

Джорджем соберем плотников и в течение нескольких выходных построим тебе дом. Я уже добился у майора разрешения пропустить церковную службу. Если все пойдет удачно, ты переберешься в новый дом еще до того, как прибудет новая партия каторжников. Правда, мы возведем только стены и крышу, дом будет невзрачным, но пригодным для жилья, а остальное ты сделаешь сам. Тебе хватит досок?

— Да, я напил их из деревьев, срубленных на моей земле. Мне помогли Билл Уигфолл, Гарри Хамфрис и Сэм Хасси, а Джо Лонг ошкуривал бревна. Я решил, что будет полезнее начать расчищать участок, а не распиливать привозные бревна.

«Судя по всему, он счастлив, — думал Нат, — и я рад за него. Когда Оливия рассказала, что Китти для него просто друг, хотя он влюблен в нее, я долго молился, чтобы девушка повзрослела и поняла, как ей повезло. Оливия уверяет, что ни одна женщина не устоит перед Ричардом, но ведь женщины — совсем другая порода. А по мне Ричард — очень привлекательный и порядочный мужчина. Хорошо, что Китти чужды коварство и притворство».

Женщины вернулись в дом, смеясь и перешучиваясь. Китти нежно прижимала к себе малыша Уильяма и сияла такой улыбкой, что Нат растерянно заморгал, не понимая, почему еще недавно считал ее дурнушкой. Маленькие Мэри и Сара остались во дворе играть с расшалившимся Мактавишем. Пес растерялся: близнецы были похожи как две капли воды.

— Мне очень нравятся все твои друзья и их Жены, Ричард, но по моему, Оливия и Нат Лукас — самые лучшие из них, — призналась Китти, когда гости ушли. Она подошла сзади к стулу, на котором сидел Ричард, и прижала его голову к своему животу. Он закрыл глаза и довольно вздохнул.

Китти открылся огромный мир, превосходящий все, что могло быть создано воображением. Первая же ночь любви показалась ей похожей на сладкий, волшебный сон — до сих пор все ее сны не шли ни в какое сравнение с жизнью. Во сне с ней происходили удивительные, немыслимые события, ей постоянно виделись фермы в Фейвершеме, окруженные цветущими садами. Но та памятная ночь стала явью, которая повторилась и на следующую ночь. Руки, которые она считала прекрасными, скользили по ее телу, как нежный шелковистый бархат.

— Почему у тебя такие нежные руки? На них нет ни единой мозоли, — однажды спросила она, наслаждаясь медленными ласками.

— Потому что я — мастер-оружейник и ценю свои руки. Если они потеряют чувствительность и покроются мозолями, я не смогу работать. Я

обертываю руки тряпками, поскольку здесь нет перчаток, — объяснил Ричард.

Таков был его ответ на один из вопросов Китти. Но на многие вопросы он отказывался отвечать — к примеру, о том, как он жил в Бристоле, как попал на каторгу, сколько у него было жен, остались ли у него в Бристоле дети, как умерла его дочь, ровесница Китти. Ричард только улыбался и мягко, однако решительно давал ей понять, что отвечать не намерен. Мало-помалу Китти перестала расспрашивать его, понимая, что все узнает, когда он будет готов к этому разговору. Но иногда ей казалось, что этот момент не наступит никогда.

А как он умел любить! За свою жизнь Китти наслушалась женских разговоров о назойливости мужчин, о том, как трудно и скучно все время потакать их желаниям, но сама она каждый день с нетерпением ждала вечера. Большого наслаждения ей еще не доводилось испытывать. Рано по утрам, ощущая, как Ричард тянется к ней, она охотно прижималась к нему, возбужденная поцелуем в грудь или в шею. Надо сказать, она вовсе не была неподвижной и апатичной любовницей: она с восторгом училась возбуждать его и доставлять ему удовольствие.

И все-таки Китти не верилось, что она влюблена в Ричарда. Да, она любила его, это правда. Он был прекрасным опытным любовником и собеседником. Но при виде Ричарда Китти не ощущала прилива желания, ее сердце не трепетало, дыхание не становилось сбивчивым. Только когда он прикасался к ней или она дотрагивалась до него, ее охватывали тепло и вожделение. Каждый день он не уставал повторять, что любит ее, что для него она затмила весь мир. И Китти с восторгом внимала лестным словам мужа, которые, однако, не задевали ее душу и тело.

Сегодняшний день стал особенным. Китти сама потянулась к Ричарду и прижала его голову к себе.

— Ричард... — заговорила она, глядя на его коротко подстриженные темные волосы и жалея, что он не отпускает их подлиннее, — тогда они начали бы завиваться. — Я жду ребенка.

Услышав это, он словно закаменел, но всего на секунду, а затем повернулся к ней лицом, преображенным радостью. Вскочив, Ричард подхватил Китти на руки и принялся осыпать ее поцелуями.

— О, Китти! Моя любовь, мой ангел! — Но едва схлынул первый прилив восторга, он обеспокоенно нахмурился: — Ты уверена?

— Оливия говорит, что я забеременела, и я сама точно знаю это.

— Когда?..

— Мы думаем, в конце февраля или в начале марта. Оливия уверяет,

что все получилось сразу, как у нее с Натом. Значит, мы оба здоровы и у нас будет столько детей, сколько мы захотим.

Ричард благоговейно поцеловал ей руку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. Недомоганий у меня не было с тех пор, как мы стали близки. Иногда меня подташнивает, но совсем не так, как в море.

— Ты рада, Китти? Все случилось так быстро...

— Ричард, моя мечта сбылась! Я... — она помедлила, подыскивая слово, — я в восторге! У меня будет ребенок!

В понедельник утром до Ричарда дошли слухи о неизлечимой болезни майора Росса. Во вторник к нему явился рядовой Бейли с сообщением, что майор ждет его.

Росс принял гостя наверху, в большой комнате, которая служила ему кабинетом и находилась в стороне от помещений нижнего этажа, часто осаждаемого назойливыми визитерами. Миссис Ричард Морган, подавленная и встревоженная, проводила Ричарда вверх по лестнице. Войдя в комнату, он замер, потрясенный увиденным. Лицо майора стало таким же серым, как его глубоко запавшие глаза в окружении густых теней, он лежал неподвижно, вытянув вдоль тела вялые руки.

— Сэр!

— Морган? Хорошо, что ты пришел. Встань поближе, я не вижу тебя. Миссис Морган, вы можете идти. Скоро придет доктор Коллам, — ровным тоном произнес Росс.

Внезапно по его телу пробежала судорога, губы сжались, но майор издал только еле слышный стон, хотя любой другой мужчина на его месте не сдержал бы вопль боли. Он переживал приступ, постанывая и сжимая в кулаках покрывало, — так вот почему его руки лежали так, словно чего-то выжидали! Ричард стоял молча, понимая, что майор Росс не нуждается ни в сочувствии, ни в помощи. Наконец боль отступила, майор глубоко вздохнул, обливаясь потом.

— Мне уже лучше, — сообщил он. — Коллам говорит, у меня камень в почке. Уэнтурт согласен с ним, но Консиден и Джеймисон возражают.

— Я бы доверился Колламу и Уэнтурту, сэр.

— Так я и сделал. Джеймисон не способен даже кастрировать кота, а Консиден не умеет рвать зубы.

— Не тратьте силы зря, сэр. Что я могу сделать для вас?

— Приготовься к тому, что я могу умереть. Коллам дает мне какое-то снадобье, расслабляющее стенки трубки, связывающей почку и мочевой пузырь. Он надеется, что камень выйдет сам. Больше мне не на что

рассчитывать.

— Я буду молиться за вас, сэр, — серьезно пообещал Ричард.

— Думаю, твои молитвы принесут больше пользы, чем лекарства Коллама.

В этот момент на него обрушился еще один спазм, но майор с честью выдержал испытание.

— Если я умру до прихода корабля, — продолжал он, отдышавшись, — здесь может случиться что угодно. Капитан Хилл — безмозглый болван, а Ральф Кларк не умнее моего сына. Фэдди — простофиля. Между моими пехотинцами и солдатами нового корпуса вспыхнет вражда, и вся шайка Фрэнсиса и Пека поддержит капитана Хилла. Нельзя допустить кровопролития, вот почему я намерен вытолкнуть этот проклятый камень наружу во что бы то ни стало.

— Вы справитесь, сэр. На свете не существует камня, который смог бы одолеть вас, — с улыбкой заверил Ричард. — Что-нибудь еще, сэр?

— Да. Я уже поговорил с мистером Донованом и кое-кем еще, распорядившись выдать мушкеты. Ты тоже получишь оружие, Морган. По крайней мере благодаря тебе все мушкеты пехотинцев исправны. Солдаты корпуса Нового Южного Уэльса не заботятся об оружии, и я не желаю, чтобы ты оказывал услуги Хиллу. Поддерживай связь с Донованом и не доверяй Эндрю Хьюму, стороннику Хилла и соучастнику его преступлений. Хьюм — мошенник, об обработке льна он знает не больше, чем я, но он обосновался в Филиппсберге, точно паук, и теперь плетет паутину вместе с Хиллом, надеясь завладеть островом.

— Сосредоточьтесь на камне, сэр. Мы не допустим, чтобы Хилл и его сторонники одержали победу.

— О, опять начинается! Ступай, Морган, и будь начеку.

В смятении Ричард покинул комнату, пытаясь представить себе остров Норфолк без майора Росса. Каша уже заварилась — по вине рядового пехотинца Генри Райта. Райта застали на месте преступления, когда он насиловал Элизабет Грегори, десятилетнюю девочку из Куинсборо. В довершение всего это было уже второе преступление Райта: два года назад в Порт-Джексоне его приговорили к казни за изнасилование девятилетней девочки, но его превосходительство заменил казнь пожизненной ссылкой на острове Норфолк. Таким образом, он вновь передоверил важное решение майору Россу. Вместе с Райтом на остров прибыли его жена и годовалая дочь, но, узнав о новом преступлении мужа, миссис Райт подала прошение майору, желая со следующим кораблем покинуть остров и вернуться в Порт-Джексон. Росс согласился. Он велел трижды прогнать

Райта сквозь строй: сначала в Сидней-Тауне, затем в Куинсборо и наконец в Порт-Джеконе. Наказание в Сидней-Тауне состоялось в тот самый день, когда заболел майор Росс. Раздетого до пояса Райта прогнали между двумя шеренгами людей, жаждущих отомстить ему и вооруженных мотыгами, топориками, дубинками и хлыстами.

Изнасилование ребенка погубило репутацию пехотинцев даже в глазах самых непокорных каторжников. Все жители Норфолка возмущались тем, что губернатор Филлип решил избавляться от лишних забот, ссылая неугодных на остров.

Росс абсолютно прав, думал Ричард. Если он умрет, здесь начнется война.

Но майор не умер. Несколько недель его жизнь висела на волоске, Ричард, Стивен и немногочисленные друзья постоянно навещали больного. Затем боль начала утихать. Доктор Коллам так и не понял, что случилось с камнем, — или он растворился, или поднялся обратно в почку. Боль исчезла не вдруг — она угасала мало-помалу. Через две недели после первого приступа майор смог самостоятельно спуститься по лестнице, а еще через неделю стал прежним резким, безжалостным и желчным майором Россом, которого знали, любили, боялись или презирали все островитяне.

Чаша весов склонилась в сторону корпуса Нового Южного Уэльса, когда в августе тысяча семьсот девяносто первого года к острову подошла «Мэри Энн» — первый корабль после апрельского рейса «Запаса» и первое транспортное судно в этом году. На нем прибыли еще одиннадцать солдат, три жены и девять детей, а также сто тридцать три каторжника — сто тридцать один мужчина, женщина и ребенок. Когда живой груз перевезли на берег, численность населения Норфолка составила восемьсот семьдесят пять человек. «Мэри Энн» везла девятимесячный запас провизии, но, как обычно, тот, кто ведал грузами, просчитался насчет appetитов островитян и пассажиров. В итоге запасов хватило всего на пять месяцев.

Новую партию каторжников составляли тридцать два неисправимых преступника, давний бич губернатора Филлипа, и девяносто девять изможденных, умирающих от голода переселенцев с «Матильды» — транспортного корабля, прибывшего в Порт-Джексон. «Матильда» и «Мэри Энн» стали первыми из десяти кораблей, отплывших из Англии в конце марта, а это означало, что они проделали путь с большей скоростью и не тратили время на стоянки в портах. «Матильда» доплыла до Порт-Джексона за четыре месяца и пять дней, ни разу не остановившись в порту, «Мэри Энн» почти не уступала ей по скорости. Поскольку плавание было непродолжительным, пассажиры судов выжили. Корабли принадлежали

тем же подрядчикам — Кэмдену, Калверту и Кингу. В пути задержался только грузовой корабль королевского флота «Горгона», да и то из-за длительной стоянки в Кейптауне, где команде было приказано закупить как можно больше скота. Поскольку «Горгона» везла почту и посылки, старожилам Норфолка осталось лишь горестно вздохнуть и настроиться на долгое ожидание. Неизвестность и отрезанность от мира тяготили колонистов. Вдобавок капитан «Мэри Энн», Марк Монро, был настолько невежественным, что не смог рассказать толком, что происходит в большом мире.

Однако Монро не преминул начать на острове продажу привезенных им товаров.

— Стивен, — сказал Ричард, — помнишь, когда-то ты предлагал мне братскую помощь? Ты не мог бы одолжить мне немного денег? Я отдам их векселями — разумеется, с процентами.

— Я охотно одолжу тебе денег золотыми монетами и дождусь, когда ты вернешь мне долг золотом, — с хитрой улыбкой отозвался Стивен. — Какая сумма тебе нужна?

— Двадцать фунтов.

— Сущие пустяки!

— Ты уверен?

— Брат, я получаю щедрое жалованье от правительства. За время пребывания на острове у меня скопилось две или три сотни фунтов — точно не знаю, я никогда не спрашивал об этом казначея. Мои потребности просты, мне все равно, чем оплачивать их, — золотом или векселями. А у тебя есть жена и скоро появится ребенок, не говоря уже о доме, который давно пора достроить. — Закрыв все ставни, Стивен снял со стены челюсть акулы, пойманной им еще на «Александере», нажал какую-то пружину и открыл потайную дверцу в стене. Из тайника он вынул увесистый кошелек.

— Вот тебе двадцать фунтов, — сказал он, отсчитывая монеты на ладонь Ричарда. — Как видишь, без гроша я не остался.

— А если кто-нибудь польстится на акулю челюсть и обнаружит тайник?

— Надеюсь, челюсть окажется последней в списке воров. — Стивен спрятал кошелек и снова повесил на стену трофей. — Пойдем, пока какой-нибудь толстосум не опередил нас.

Ричард купил несколько мер муслина с рисунком тонких веточек, уже давно сообразив, что Китти сказала ему не всю правду: платья для служанок обычно шили из шерсти, а три ярда муслина действительно могли стоить три гиней. Должно быть, судья просто пожалел плачущих,

растерянных девушек, а присяжные поддержали его. Кроме того, Ричард купил дешевый коленкор для повседневной одежды, катушку ниток, иголки, ножницы, линейку длиной в ярд и мастерок для себя, железную печку с решеткой, поддоном для золы и отверстием для дымовой трубы. У капитана Монро нашлась и разборная дымовая труба из тонкой стали, но он запросил за нее больше, чем за всю печку. Оставшиеся деньги Ричард потратил на плотную хлопчатобумажную ткань, из которой получились бы отличные пеленки, и темно-красную шерстяную саржу на зимние пальто Китти и малышу.

— Ты израсходовал почти столько же денег, сколько на покупку двенадцати акров земли, — заметил Стивен, проверяя, прочно ли привязаны покупки веревкой к саням. — Этот Монро — настоящий разбойник.

— Земля требует труда, а трудолюбия мне не занимать, — отозвался Ричард. — Но я хочу, чтобы моей жене и детям жилось на Норфолке как можно удобнее. Шерстяная и холщовая одежда не годится для этого климата, ткань, которую нам выдают со склада, расползается при первой же стирке. Лондон опять обманул нас. Однако, поскольку Китти шьет лучше, чем готовит, скоро у нас появятся обновы. — Он просунул руки в упряжь и застегнул пряжку на груди. Сани легко сдвинулись с места, хотя их груз весил не менее трехсот фунтов. — Кстати, сегодня вечером мы ждем тебя к ужину, Стивен.

— Благодарю за приглашение, но принять его не смогу. Мы с Тобиасом решили отпраздновать отлет птиц с горы Питта, поужинав двумя прекрасными рыбинами, которых я сегодня утром поймал на рифе.

— О Господи! Ты же мог утонуть!

— Только не я! Большие волны я чувю за милю.

Ричард мысленно согласился со Стивеном, зная, что он наделен особым даром предсказывать погоду, чувствовать течения и волны. Никто не знал о климате Норфолка больше, чем Стивен.

Решив сразу увезти печку в новый дом, Ричард начал взбираться по крутому склону горы Георга, двигаясь от дороги на Куинсборо. Такое восхождение было для него не в новинку: по склону длиной в милю ему уже приходилось таскать сани, нагруженные каменными глыбами. Будь у него тележка на колесах, втягивать ее на гору было бы труднее, а полозья саней легко скользили по колеям, даже когда дорогу покрывала грязь. Но в это время года такое случалось нечасто. Только по ночам шли ливни, спасая урожай пшеницы и кукурузы.

Ричард постоянно боролся с искушением бросить работу на

лесопилках и заняться расчисткой собственной земли, но ему хватало здравого смысла, чтобы подавить в себе эти опасные желания. А бедняга Джордж Гест не выдержал, перестал работать на правительство, занялся строительством собственного дома и был приговорен к порке.

Плеть приходилось все чаще пускать в ход: майор Росс, лейтенант Кларк и капитан корпуса Нового Южного Уэльса Уильям Хилл старались поддержать хоть какое-то подобие порядка в колонии, членам которой была чужда солидарность. Они жили в соответствии с традициями своей родины, скудным жизненным опытом и собственными идеалами, а идеалом счастливой жизни для слишком многих была праздность. В Англии большинству колонистов никогда не приходилось трудиться — это было справедливо не только для каторжников, но и для солдат. Положение осложняло еще одно обстоятельство: почти все важные посты занимали шотландцы, а среди солдат и каторжников шотландцы были редкостью.

«Нами правят с помощью плетки, нас высылают на соседний остров и приковывают цепями к мельничному жернову — а все потому, что правительство убеждено: править — значит карать. Но должен же быть какой-то другой способ, а какой — я не знаю. Как сделать хороших пехотинцев из Фрэнсиса Ми и Элиаса Бишопа? Как превратить в порядочных людей негодяев вроде Лена Дайера или Сэма Пикетта? Это ленивые, алчные твари, которым доставляет наслаждение делать подлости и создавать хаос. Нет, наказания не превратят ми, бишопов, дайеров и пикеттов в трудолюбивых, ответственных граждан. Но эта задача оказалась не под силу и сравнительно мягкосердечному лейтенанту Кингу в те дни, когда население острова не превышало сотни душ. За доброту ему платили мятежами и заговорами, презрением и дерзостью. А когда численность его подчиненных достигла ста пятидесяти человек, лейтенант Кинг был вынужден ужесточить дисциплину и все чаще прибегать к помощи плетки. Его загнали в тупик, и в качестве последнего средства он избрал порку. Значит, выхода нет, а как бы я хотел его найти! Чтобы моя Китти и наши дети жили в чистом, упорядоченном мире!»

Так размышлял Ричард, чтобы сделать сносным тяжкое испытание — втаскивание саней на гору Георга. Он одновременно давал работу и мышцам, и уму, изводя последний неразрешимыми вопросами.

На вершине горы он остановился передохнуть; дальше дорога была ровной, без крутых подъемов и спусков. Вдалеке показался Путь Моргана, и Ричард свернул с дороги на тропу между деревьев, среди которых уже попадались свежие пни. Он давно решил сохранить сосны вдоль границ участка и расчистить его плоскую середину. Здесь он намеревался

выращивать пшеницу — капризный злак, страдающий от соленых ветров, дующих со всех сторон. Остров был не настолько велик, чтобы задерживать ветры со стороны моря. Пологие берега ручья Ричард решил засадить кукурузой для свиней.

У берега ручья Ричард расстегнул упряжь и остановился. Он уже проложил по берегу удобную тропу до самой террасы, где возводил дом, но, несмотря на всю силу, не смог бы удержать тяжело нагруженные сани, скользящие вниз по склону. Он выложил на землю всю кладь, кроме печки, снова привязал упряжь к задку саней и начал спускаться мелкими шажками, подталкивая пятками сани перед собой. Этот спуск занял немало времени, но наконец сани с глухим стуком врезались в холмик, который Ричард приспособил для торможения. Встревоженная шумом, Китти вскинула голову, огляделась и бросилась к мужу.

— Ричард, да ты спятил! — запричитала она, увидев тяжелые сани.

Слишком устав, чтобы опровергать это обвинение, тяжело отдувающийся Ричард сел на землю. Китти принесла ему кувшин холодной воды, присела рядом и обеспокоенно оглядела мужа.

— С тобой все в порядке?

Ричард напился, устало покачал головой и усмехнулся.

— Зато я купил тебе печку, Китти.

— У капитана Монро? — Она подошла к саням и внимательно оглядела их груз. — О, Ричард, теперь я сама смогу печь хлеб! И даже кексы, если нам хватит яичных белков! А мясо можно будет как следует прожаривать. Какое чудо! Спасибо, спасибо тебе!

На одной из потолочных балок нового дома был укреплен примитивный подъемник, поэтому втащить тяжелую печку в дом оказалось не так трудно, как спустить ее в санях по склону. Затем Ричард вместе с Китти поднялся на вершину холма, где она увидела ткани и швейные принадлежности.

— Ричард, ты слишком добр ко мне.

— А по-моему, недостаточно добр. Ведь ты носишь моего ребенка. — И Ричард начал нагружать сани, готовясь ко второму спуску. Рассматривая его покупки, Китти, как и полагалось женщине, не обратила внимания на печную трубу. Второй спуск прошел быстрее и легче.

Стоя возле своего дома, Роберт Росс любовался великолепным закатом и наблюдал, как Ричард спускается с горы Георга. Майор видел, как за одну субботу Ричард несколько раз одолел крутой склон, и восхищался выносливостью этого человека. А как он был умен! Само собой, он ведь родом из Бристоля, города саней. За неимением колес он обходился

полозьями. «Должно быть, он сильнее мула, а ведь у него только две ноги. Я всего на восемь лет старше его, но даже в двадцатилетнем возрасте я не смог бы сравниться с ним силой». Майор давно понял, что Китти — единственная слабость Морган. Милая, тихая, как мышка, вежливая и добрая. Воспитанница работного дома, как сообщила майору миссис Морган, презрительно фыркнув. Росс знал, что англиканская церковь, попечительница множества женских работных домов, в том числе и дома в Кентербери (он давно просмотрел бумаги Китти), умеет прививать девушкам добропорядочность. Как образованный мужчина из среднего класса, Морган совершил мезальянс, женившись на Китти. Но с точки зрения майора, самой досадной ошибкой Ричарда была женитьба на Лиззи.

* * *

Ричард и Китти справили новоселье двадцать седьмого и двадцать восьмого августа тысяча семьсот девяносто первого года. К этому времени плотники укрепили потолочные балки, обшили дранкой крышу, а досками — стены, проложили дорожку от передней двери до ручья. Закончен был только один этаж, а за второй было решено взяться, когда понадобится. Ричард понимал, что пройдет еще немало времени, прежде чем новый дом станет таким же уютным, как прежний, но это его не пугало.

Убранство нового дома составляли несколько столов, кухонный стол, шесть крепких стульев, две отличные кровати (одна с матрасом и подушками, набитыми перьями), полка для инструментов Ричарда и каменный очаг с широким дымоходом. Рядом разместилась железная печка, труба которой выходила в каменный дымоход. Благодаря ей в доме не приходилось разводить открытый огонь. По вечерам в нем становилось темно, но Ричард ценил безопасность превыше всего.

Друзья, которым было нечего дарить, кроме растений или домашней птицы, преподнесли супругам на новоселье маленькие подарки, которые Ричард и Китти с радостью приняли, отлично сознавая их истинную ценность. Нат и Оливия Лукас принесли славную кошечку, Джо Лонг — еще одну собаку. Наиболее процветающие друзья семейства Морганов проявили обычную щедрость: Стивен подарил супругам дубовый кухонный шкаф, купленный у доктора Джеймисона, а Уэнтуорт — колыбель. Кошечку называли Тибби, а сучку, с виду напоминающую кинг-чарльз-спаниеля, — Шарлоттой. Мактавиш, единственный представитель мужского пола среди четвероногих обитателей дома, дружелюбно встретил

и кошку, и собаку.

Ричард долго ломал голову, не зная, где разместить уборную и свинарник: он опасался загрязнения грунтовых вод, стекающих в ручей. Вспомнив, как поступил брат Пег, когда ему понадобилось вырыть новый колодец, Ричард срезал раздвоенную сочную ветку кустарника, взял ее за оба конца развилки и призвал на помощь высшие силы, решив попробовать себя на поприще лозоходца. Наградой ему стало прелюбопытное явление: ветка в его руках словно ожила и осторожно потянула его вперед. Но в руках Китти и Стивена она оставалась неподвижной.

— Все дело в нашей коже, — объяснил Стивен, грустно разглядывая собственные ладони. — Она слишком жесткая, сухая и мозолистая. А твоя кожа, Ричард, нежная и влажная. Думаю, руки лозоходцев замыкают водяную цепь.

Не найдя объяснений случившемуся, Ричард решил построить и свинарник, и уборную к северу от дома, где почти не было подземных водных потоков.

Но самое печальное последствие новоселья не сумел предугадать никто, хотя Ричард предпочитал обвинять в непредусмотрительности самого себя. В то же самое воскресенье, когда они с Китти попрощались с домом в долине Артура, капрал морских пехотинцев застал Джона Лоурелла играющим в карты с Уильямом Робинсоном Вторым. Этому капралу майор Росс разрешил занять бывший дом Ричарда. Обрадованный пехотинец отправился осматривать новое жилье. На беду, он оказался набожным человеком и был потрясен увиденным в хижине Джона. Он играл в карты в воскресенье, день, посвященный Богу! Лоурелла и Робинсона приговорили к ста ударам плетью.

— Это несправедливо! — убеждал Ричард Стивена. — Они не причинили никакого зла ни Богу, ни людям. Мне и в голову не приходило, что играть в карты в воскресенье грешно, — просто встретились друзья и решили развлечься. Ведь они играли не на деньги! Если бы я мог поговорить с майором...

— Этого ты не сделаешь, — решительно перебил Стивен. — Не вмешивайся, Ричард. С тех пор как майор побывал на грани смерти, он стал донельзя набожным и горько сожалеет о том, что на острове нет священника. Он уверовал, что рост преступности на Норфолке — следствие безбожия и недостаточного почтения к воскресному дню. И кроме того, майор шотландец, он твердо придерживается норм пресвитерианской этики. Лоурелл уже не находится под твоей защитой, никакими уговорами тебе не заставить майора изменить приговор. В

сущности, это событие подняло тебя в глазах майора: как только ты расстался с Лоуреллом, он согрешил.

— Я не желаю признания, полученного за счет чужих страданий, — с горечью отозвался Ричард. — Временами я ненавижу Бога.

— Ты ненавидишь не Бога, Ричард, а тех глупцов, которые называют себя его слугами.

«Саламандра» прибыла шестнадцатого сентября с живым грузом — двумя сотнями каторжников-мужчин и солдатами корпуса Нового Южного Уэльса. Численность населения Норфолка достигла тысячи ста пятнадцати человек. После прибытия «Мэри Энн» жители острова стали чаще умирать и подвергаться телесным наказаниям; смерти от болезней или в силу естественных причин начались лишь в конце тысяча семьсот девяностого года, когда Джон Прайс, каторжник с «Сюрприза», скончался, так и не оправившись после плавания.

Мужчин стало намного больше, чем женщин, но далеко не все представители сильного пола были крепкими и здоровыми. Многие из вновь прибывших были настолько больны, что их считали обреченными, а менее слабые совершали постоянные набеги на огороды старожилов и не раз пытались ограбить склады, чтобы хоть немного скрасить суровую жизнь на острове. Преступники, сосланные на остров губернатором Филлипом, сразу примыкали к лагерю Фрэнсиса — Пека — Дайера — Пикетта, к ним же присоединялись запуганные и разочарованные колонисты вроде Уилли Дринга, который, как помнил Ричард еще по «Александреру», вовсе не был подлецом по натуре. Яростные драки вспыхивали чуть ли не каждый день, тюрьма постоянно была переполнена, недостатка в рабочей силе для вращения мельничного жернова не ощущалось. Мужчины и даже женщины, закованные в кандалы, стали привычным явлением. Появляться по вечерам в Сидней-Тауне, Куинсборо и Филлипсберге стало опасно. Нат Лукас, дом которого располагался вблизи Сидней-Тауна, начал расчищать новый участок в глубине долины Артура, вознамерившись как можно скорее перебраться в новый дом.

Разумеется, Ричард подарил другу саженцы бамбука и сахарного тростника, поскольку собственноручно выращенного бамбука ему хватило на несколько рыболовных удочек. Больше он не ходил в Пойнт-Хантер ловить рыбу, Стивен тоже перестал бывать там. Слишком уж много рыбаков каждый день устраивалось на прибрежных скалах, к тому же дорога в Пойнт-Хантер проходила через Сидней-Таун. Это поселение все больше напоминало Порт-Джексон, разве что строения в нем были преимущественно деревянными. Норфолкскую известь отправляли в Порт-

Джексон в трюмах «Мэри Энн» и «Саламандры»: новая колония нуждалась в строительном растворе для кирпичных и каменных зданий. Порт-Джексон, который все чаще называли Сиднеем, быстро разрастался.

Теперь, когда Ричард жил в «Пути Моргана», они со Стивеном рыбачили со скал близ небольшого песчаного пляжа между Сидней-Бей и западной оконечностью залива, Пойнт-Россом. Дорога туда не отнимала много времени, а на удочку со скал можно было наловить немало крупной рыбы, обитающей в прибрежных водах.

— Что ты думаешь о революции, которая, по слухам, произошла во Франции? — спросил Стивен, пока друзья потрошили шестифутовую рыбку в тени нависающей над берегом скалы.

— Если революция разразилась в американских колониях, так почему бы ей не вспыхнуть во Франции? Жаль, что «Мэри Энн» и «Саламандра» не привезли газеты из Лондона. Теперь нам придется ждать прибытия «Горгоны» из Порт-Джексона — тогда мы и узнаем, что на самом деле произошло. Говорят, «Горгона» привезет письма от жен Росса и Ральфи.

— А ты когда-нибудь отправлял на родину письма, Ричард?

— Ни разу. Я напишу тогда, когда смогу хоть что-нибудь сообщить родным.

Стивен недоуменно воззрился на него. Хоть что-нибудь сообщить? А как же Порт-Джексон? И остров Норфолк?

— Я не вижу смысла в отправлении печальных писем, — объяснил Ричард. — Я напишу домой, когда смогу сообщить родным и друзьям, что я выжил и теперь процветаю, что моя жизнь среди антиподов отнюдь не пуста и безрадостна.

— Понимаю. Значит, скоро тебе придется написать письмо. Разумеется, если ты не разучился писать.

— Нет, не разучился. Писем я не пишу, зато делаю выписки из каждой прочитанной книги.

По пути домой они занесли Оливии Лукас кусок жирной рыбы, еще немного отдали Дарси, с которым повстречались в городе, прошли вдоль ручья мимо прежнего дома Ричарда и взобрались на гору.

Живот Китти уже заметно округлился. Она стала идеальной женой норфолкского колониста, умеющей держать в руке молоток, справляться с маленькими неприятностями — к примеру, выгонять с огорода разбежавшихся поросят, полировать обшитые досками стены, колоть дрова, разводить костер, носить воду, стирать, готовить еду, убирать дом и шить. А в свободное время она распустила на нитки лоскут парусины, изготовила фитили, перетопила свиное сало и отлила в самодельных формах несколько

свечей. Теперь им не приходилось покупать сальные свечки на складе, где они стоили пенни за штуку.

— Ты слишком много работаешь, — мягко упрекнул ее Стивен, пока они обедали рыбой, запеченной в банановых листьях.

— Да полно тебе, Стивен! — откликнулась Китти, с аппетитом поедая рыбу. — Мне хватает упреков и от Ричарда. Я сильна, здорова, энергична. И я убедилась, что лучше всего чувствую себя, когда чем-нибудь занята. Ведь теперь я живу в собственном доме, который мы с Ричардом построили своими руками.

— Китти, когда я найду человека, которому смогу доверять, я буду платить ему за тяжелую работу — вскоре ты не сможешь выполнять ее сама.

— Будь осторожен: Джордж Гест уже предпринял такую попытку и просчитался, — предупредил Стивен. — Если бы он сначала дождался, когда кончится срок его каторги, а потом с разрешения майора Росса нанял двух работников, ему удалось бы избежать порки.

— Джордж — славный малый, но он чересчур предприимчив. Он надеялся сэкономить деньги, наняв двух пехотинцев самостоятельно, а не заплатив за них правительству. Но на такие сделки правительство не соглашается. Да, я осуждаю его и не вижу смысла подражать ему. Я найму работника, предложив ему десять фунтов в год — такой расход я могу себе позволить. Разумеется, после того, как выплачу долги, — с улыбкой добавил он.

— Ты тоже слишком много работаешь, Ричард.

— Неправда! Рыбалка в субботнее утро — замечательный отдых, как и работа в саду и в свинарнике после воскресной службы. К счастью, майор не запрещает по воскресеньям заниматься делами, благодаря которым запасы провизии на складах могут пополниться. Его запрет распространяется лишь на спиртное и азартные игры.

— Кстати, о спиртном: солдаты корпуса Нового Южного Уэльса собрали перегонный аппарат — с помощью Фрэнсиса Ми и Элиаса Бишопа.

— Это должно было случиться, особенно после того, как майор стал набожным человеком. И потом, ром, изготовленный на острове, он отправил на «Запасе» в Порт-Джексон. Просто поразительно, сколько спиртного может произвести один-единственный перегонный аппарат, работающий круглые сутки, да еще по воскресеньям, — со смехом заключил Ричард.

Стивен ушел. Ричард и Китти до ужина проработали на огороде и

перекусили уже после наступления сумерек. Маленькие цитрусовые деревца хорошо прижились после пересадки, как и почти все остальные растения. Год выдался достаточно сухим, гусеницы не досаждали островитянам, поэтому правительство колонии рассчитывало собрать в долине Артура огромный урожай пшеницы, а в Куинсборо — урожай кукурузы. Конечно, соленые ветры с моря не перестали дуть, но, к счастью, по ночам нередко шли живительные проливные дожди, что способствовало бурному росту злаков. Несмотря на то что на Норфолке теперь жили тысяча сто пятнадцать человек, хлеба и солонины хватало не только им, но и колонистам из Порт-Джексона.

В Сидней-Тауне, Куинсборо и Филлипсберге по-прежнему то и дело вспыхивали ссоры между предприимчивыми огородниками-каторжниками и ленивыми солдатами. Многие из вновь прибывших каторжников были настолько больны, что не могли работать; некоторые умирали, сильные отнимали у слабых еду и одежду. Те же, на кого возложили обязанность кормить больных и праздных, мрачнели день ото дня — особенно те островитяне, которые еще не были помилованы и, следовательно, не имели права оставлять себе весь урожай или продавать его правительству.

В той части острова, где располагался Филлипсберг, голод был обычным явлением: поселения, находящиеся всего в трех милях от дороги, оказывались в такой же изоляции, как Порт-Джексон. В Филлипсберге выращивали меньше съедобных растений, засевая большинство полей льном; привоз провизии из южных областей острова был возложен на коменданта Эндрю Хьюма. Но он предпочитал сколачивать состояние, выгодно продавая грубую ткань, и не раз навлекал на себя гнев майора Росса, урезая пайки своим работникам, чтобы продавать провизию солдатам, живущим неподалеку, у Каскад-роуд. Поскольку в подчинении у вице-губернатора теперь состояли только солдаты корпуса Нового Южного Уэльса, Россу никак не удавалось поддерживать порядок в Филлипсберге и разрушить альянс Хьюма и капитана Хилла. Один из работников ткацкой фабрики, измученный голодом, съел в лесу растение, которое принял за капусту, и умер. Но даже после этого случая Хьюм продолжал мошенничать и обирать колонистов, заручившись поддержкой Хилла и его солдат.

Причиной всех бедствий островитян стало выращивание съедобных растений и животных; глубокая пропасть пролегла между теми, кто ел досыта, и теми, кто ничего не выращивал, и с каждым днем эта пропасть становилась все шире — под свист плетки и вопли тех, кто подвергался порке. При телесных наказаниях были обязаны присутствовать доктора,

поэтому Коллам, Уэнтурт, Консиден и Джеймисон заключили между собой тайный сговор: после пятнадцати — пятидесяти ударов они требовали прекратить порку и возобновить ее лишь после того, как наказуемый поправится. Таким образом, все двести ударов виновники получали по частям, в течение долгого времени, и обычно майор Росс прощал их прежде, чем плетка успевала нанести непоправимый ущерб здоровью.

На острове все чаще устраивали судебные процессы, которые заканчивались яростными спорами и вызывали острое недовольство: зачастую заинтересованные стороны обвиняли друг друга в пристрастности, будь она истинной или мнимой. Большинство моряков и солдат, в том числе и офицеры, были необразованными, ограниченными, вспыльчивыми, незрелыми людьми, к тому же они отличались поразительным легковерием. Небольшая размолвка вырастала до размеров непростительного оскорбления, слухи о ней разлетались по всему острову, сплетников хватало как среди свободных колонистов, так и среди каторжников.

Неутомимый лейтенант Ральф Кларк снискал уважение майора Росса, обнаружив, что один из писцов майора, Фрэнсис Фокс, намеревается отправить письмо судье из Порт-Джексона, капитану Дэвиду Коллинзу. Автор письма обвинял Росса в чудовищной жестокости, называл его угнетателем, морящим голодом свободных колонистов и каторжников, — перечень преступлений майора был бесконечен. По описаниям сообщников Фокса, вице-губернатор Норфолка представлял собой нечто среднее между Иваном Грозным и Торквемадой. В ответ Росс заковал Фокса в кандалы, конфисковал письмо и прилагаемые к нему отчеты сообщников и отправил виновника в Порт-Джексон, к судье Коллинзу. Будучи офицером флота, Коллинз люто ненавидел Роберта Росса, и майор точно знал, кому поверит судья колонии. Но это не волновало Росса. Он сожалел лишь о том, что был вынужден отменить на острове военное положение.

Вести, привезенные прибывшим второго ноября кораблем «Атлантика», стали громом среди ясного неба для всех островитян, кроме самого майора Росса. Судно доставило на остров письма и посылки с «Горгоны», наконец-то доплывшей до колонии из Портсмута, и кроме них — нового вице-губернатора Норфолка, Филиппа Гидли Кинга, вернувшегося из Англии в сопровождении своей жены Анны Джозефы. К тому времени как супруги сошли на берег, она была на сносях, а за ней преданно ухаживал молодой Уильям Нит Чепмен, протеже Кинга и его землемер. Островитяне, доныне подчинявшиеся майору Россу, так и не

смогли определить, кто глупее из этих двоих — Анна Джозефа или Уилли Чепмен: они называли друг друга братом и сестрой, то и дело хихикали, строили друг другу глазки и привлекали всеобщее внимание внешним сходством. Кинг не привез с собой двух сыновей от Энн Иннет, но, по слухам, старшего, Норфолка, теперь опекали в Англии родители миссис Филипп Гидли Кинг. Родители самого Кинга не проявили подобного милосердия, поэтому кое-кто сделал вывод, что в семье Анны Джозефы незаконнорожденные дети — привычное явление, как, вероятно, и сама Анна Джозефа и Уилли Чепмен...

Кроме них, на «Атлантике» прибыли капитан корпуса Нового Южного Уэльса Уильям Патерсон — еще один шотландец — с женой и преподобный Ричард Джонсон, которому предстояло благословлять паству, сочетать ее браками и окрестить тридцать норфолкских младенцев. Некоторые гости намеревались пробыть на острове лишь непродолжительное время. Кораблю «Королева», задержавшемуся в Порт-Джексона, предстояло доставить на остров новую партию каторжников — на этот раз ирландцев, взятых на борт в Корке.

По всем приметам, эпоха безраздельного правления морской пехоты подходила к концу. Майор Росс, лейтенанты Кларк, Фэдди и Росс-младший, а также последние отряды пехотинцев должны были покинуть остров на борту «Королевы» и ждать в Порт-Джексона «Горгону», судно, отправившееся за провизией в Калькутту, где выращивали крепкий и выносливый скот. Порт-Джексон существовал уже несколько лет, но многочисленные стада в нем так и не появились.

Колонистов охватили растерянность и тревога. Казалось, перемены происходят в мгновение ока: корабли и коменданты появлялись и исчезали, число ртов, которые требовалось кормить, неуклонно возрастало. Старожилы острова бродили по своей земле, словно потерянные, гадая, чем все это кончится.

Увидев вновь свой обожаемый остров Норфолк, комендант Кинг пришел в ужас. Черт побери, теперь он ничем не отличался от этого рассадника пороков, Порт-Джексона! А резиденция губернатора! Разве он мог заставить жену жить в полуразвалившейся, ветхой, немыслимо тесной лачуге? Тем более что хозяйством там заправляла эта вульгарная потаскуха миссис Ричард Морган, ради встречи нового губернатора разодевшаяся в самые яркие наряды! Нет, она должна убраться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Настроение Кинга отнюдь не улучшило очередное печальное известие: многочисленный скот, который он по своей инициативе закупил в

Кейптауне, не выдержал тягот длительного плавания. Уцелели лишь несколько больных овец, коз и индеек, все коровы сдохли.

Все вокруг свидетельствовало о нерадивости и пренебрежении. Как посмел майор Росс осквернить этот остров, настоящую океанскую жемчужину? Впрочем, чего еще следовало ожидать от невоспитанного мужлана-шотландца? Кельтские черты взяли в нем верх, и Кинг изнывал от желания немедленно приняться за дело, хотя и признавал, что остров Норфолк вряд ли предоставит ему случай прославиться. Безнадежный романтик, он когда-то в самом деле надеялся, что колония с численностью населения более тринадцати тысяч двухсот человек будет выглядеть точно так же, как поселок, где живут всего сто сорок девять человек. А теперь Кинга утешали лишь присутствие милой Анны Джозефы и сознание того, что его запас портвейна более чем внушителен.

Кинг и майор Росс, вынужденные провести бок о бок несколько дней, настороженно переглядывались, словно псы, заранее решающие спор о том, кто победит в схватке. Со своей обычной прямолинейностью майор отказался извиняться и объяснять, почему остров находится в таком ужасающем состоянии: он ограничился кратким перечнем событий, более пространно изложенных в его отчетах. Шумная ссора за ужином в перенаселенной резиденции губернатора не вспыхнула только благодаря такту преподобного Джонсона, присутствию Анны Джозефы и Уилли Чепмена и превосходным кушаньям, приготовленным миссис Ричард Морган, а также несколькими бутылкам портвейна.

Капитан корпуса Нового Южного Уэльса Уильям Хилл сделал все возможное, чтобы запятнать репутацию майора Росса, и ради этой цели допросил под присягой нескольких каторжников, с которыми еще не успели побеседовать преподобный Джонсон и мистер Уильям Балмен, доктор, прибывший на замену Денису Консидену. Хилл и Эндрю Хьюм вылили на майора целые потоки грязи, но Росс дал им достойный отпор, без труда доказав, что все каторжники — мерзавцы, недостойные сочувствия, а Хилл и Хьюм почти ничем не отличаются от них. Битву предстояло продолжить в Порт-Джексоне, а пока враждующие стороны объявили перемирие и принялись укладывать и распаковывать сундуки и саквояжи.

Ричард старался ни во что не вмешиваться, искренне сочувствуя майору Россу и не зная толком, желает ли он сам видеть на его месте коменданта Кинга. А майор Росс независимо от собственных желаний оставался прежде всего реалистом.

Официальная церемония передачи власти состоялась в воскресенье, тринадцатого ноября, после церковной службы, проведенной преподобным

Джонсоном. Все островитяне собрались перед резиденцией губернатора, в их присутствии был зачитан приказ о назначении Кинга вице-губернатором острова. К этому времени «Атлантика» уже уплыла, а «Королева» стояла на якоре в заливе Каскад. Майор Росс перечислил новому вице-губернатору фамилии всех каторжников, получивших помилование, и Кинг охотно согласился с его решением.

— Мы сделали все, что могли, разве что не обменялись поцелуями, — сообщил майор Ричарду, когда огромная толпа рассеялась. — Проводи меня, Морган, а жену отправь домой под охраной Лонга.

«Мне опять повезло», — думал Ричард, веля Китти идти домой без него. Росс охотно согласился отдать ему в слуги Джозефа Лонга, приговоренного к четырнадцати годам каторги. Лонгу предстояло получать за работу на Ричарда жалование в размере десяти фунтов в год, о чем гласило соглашение, подписанное всеми заинтересованными лицами. Перебрав всех знакомых, Ричард остановил выбор на простодушном и преданном Джо Лонге. Поскольку среди вновь прибывших каторжников нашлось несколько сапожников, майор Росс согласился отпустить Джо. Такая перемена обрадовала и самого Джо: он понимал, что Кинг вряд ли забыл пропажу его лучшей пары обуви.

— Я рад случаю пожелать вам всего хорошего, сэр, — растерянно произнес Ричард. — Мне будет недоставать вас.

— Я не могу так же искренне ответить на твое признание, зато скажу, что мне было приятно видеть и слушать тебя. Это место я ненавижу всей душой, как и Порт-Джексон, или Сидней, или как там он еще называется. Я ненавижу каторжников и пехотинцев, мне отвратительны моряки королевского флота. Я чрезвычайно признателен твоей жене, которая и в самом деле оказалась превосходной экономкой и очень скромной женщиной. А еще я благодарен тебе за изготовление досок и рома. — Он сделал паузу и добавил: — К тому же терпеть не могу солдат корпуса Нового Южного Уэльса. Нам придется поплатиться за все свои ошибки. Идеалисты флота впустили сюда стаю волков, переодевшихся в мундиры солдат нового корпуса, а я бы предпочел мундиры морских пехотинцев, даже под командованием этого мерзавца Джорджа Джонстоуна. Как и мне, солдатам нет дела ни до каторжников, ни до колоний, но если я возвращаюсь в Англию бедняком, они вернутся, успев сожрать всю добычу, что им попадется, и разжиреть. И в этом деле существенную роль сыграет ром. Они будут богатеть, пренебрегая долгом, честью, королем и родиной. Помяни мое слово, Морган, так все и будет.

— Ничуть не сомневаюсь, сэр.

— Вижу, твоя жена ждет ребенка.

— Да, сэр.

— Лучше держитесь подальше от долины Артура... впрочем, ты достаточно умен, чтобы понять это. С мистером Кингом у тебя не будет никаких забот: ему не оставалось ничего другого, как признать справедливыми все мои распоряжения, сделанные, пока я по закону занимал пост вице-губернатора. Разумеется, полностью помиловать тебя вправе только сам губернатор, но поскольку срок твоей каторги кончился несколько месяцев назад, я не вижу причин, по которым он мог бы отказать тебе. — Росс остановился. — Если когда-нибудь жители этого злополучного острова и будут процветать, то лишь благодаря таким людям, как ты и Нат Лукас. — И он протянул руку. — Всего хорошего, Морган.

Сморгнув слезы, Ричард крепко пожал майору руку.

— До свидания, майор Росс. Всего вам наилучшего.

Спеша догнать Китти и Джо, опечаленный Ричард размышлял о том, что половина дела уже сделана. Осталось покончить со второй половиной.

«Королева» разгружалась сначала в заливе Каскад, а потом в Сидней-Бей. В это время Ричард продолжал работу на лесопилке с новым напарником и был слишком занят, поучая его, чтобы следить за происходящим вокруг. Прошло немало времени, прежде чем он случайно поднял голову и заметил неподалеку человека в мундире королевского флота с золотым галуном. С замотанными тряпками руками Ричард направился навстречу вице-губернатору Кингу.

— Зачем старшему пильщику самому понадобилось браться за пилу? — осведомился Кинг, с восхищением разглядывая мускулистую грудь и плечи Ричарда.

— Я не прочь размяться, сэр, и дать моим подчиненным понять, что я еще не утратил мастерства. Лесопилки работают исправно, каждый работник на своем месте. Здесь, на третьей лесопилке, работаю я сам, когда это необходимо.

— Ей-богу, за время моего отсутствия ты заметно окреп, Морган. Насколько я понимаю, ты уже добился помилования и теперь считаешься свободным человеком?

— Да, сэр.

Поджав губы, Кинг хлопнул ладонью по собственной ляжке, обтянутой белоснежной тканью.

— Похоже, пильщики не виноваты в том, что большинство строений поселка вот-вот развалятся.

Намек требовал ответа. Ричард стиснул зубы и уставился на Кинга в

упор, вновь ощутив свою силу, которую впервые почувствовал благодаря Китти.

— Надеюсь, сэр, вы не собираетесь обвинять Ната Лукаса?

Кинг вздрогнул и решительно помотал головой:

— Нет, конечно, нет, Морган! Обвинять моего старшего плотника? До такой глупости я еще не дошел. Я намерен возложить вину на майора Росса.

— Это невозможно, сэр, — ровным тоном возразил Ричард. — Вы покинули остров двенадцать месяцев назад, через неделю после того, как численность его населения возросла со ста сорока девяти до пятисот человек. За время вашего отсутствия численность островитян превысила двенадцать сотен. После прибытия «Королевы» она снова увеличилась, к тому же на остров привезли ирландцев, большинство из которых даже не говорит по-английски. Остров изменился, стал иным, не таким, каким вы оставили его. Да, мы, старожилы, сохранили здоровье — нам жилось нелегко, но мы выдержали это испытание. А теперь нам придется кормить людей, треть из которых больны, к тому же из Порт-Джексона сюда ссылают отпетых мерзавцев. Я убежден, — продолжал он, не обращая внимания на растущее негодование Кинга, — что за время пребывания в Порт-Джексоне вы не раз беседовали с его превосходительством о тяготах жизни в колонии. Жизнь здесь, на острове, ничем не лучше. За последние двадцать месяцев лесопилки произвели тысячи тысяч погонных футов досок. Мы не успевали даже вымачивать древесину в воде, поскольку колонисты продолжали прибывать. Можно сказать, что майор Росс, Нат Лукас, я и многие другие оказались между двух огней. Но в этом никто не виноват — по крайней мере никто из живущих в этом полушарии.

Устремив взгляд на Кинга, Ричард выжидательно замолчал. Он не выказывал ни раболепства, ни дерзости или непочтительности. Если Кинг хочет, чтобы колония выжила, он обязан прислушаться к словам давнего знакомого. Иначе ему не удержать власть, ее захватят солдаты корпуса Нового Южного Уэльса.

Целую минуту вспыхивый кельт боролся в душе Кинга с хладнокровным англичанином. Наконец плечи Кинга поникли.

— Я понял смысл твоих слов. Но так больше продолжаться не может. Я требую, чтобы дома возводили не наспех, а как положено, даже если вновь прибывшим придется на первых порах поселиться в палатках. — Настроение Кинга вдруг переменялось. — Майор Росс доложил, что на острове ожидается огромный урожай — и здесь, в долине, и в Куинсборо. За весь год не пострадал ни один акр. Я готов признать, что это

достижение. Но чтобы сохранить собранную пшеницу, нам приходится приковывать людей к мельничному жернову... — Кинг перевел взгляд на свою запруду, до сих пор исправно несущую службу. — Нам необходима водяная мельница. Нат Лукас уверяет, что сможет построить ее.

— В этом я не сомневаюсь. Единственные враги Ната — время и недостаток материалов. Дайте ему второе, и он найдет первое.

— И я так думаю. — На лице Кинга появилось заговорщицкое выражение, он отвел Ричарда подальше от лесопилки. — Майор Росс сообщил мне, что в трудные времена ты занимался перегонкой рома. С марта по август сего года, пока корабли задержались в пути, этот ром спасал Порт-Джексон от мятежа.

— Да, я умею гнать ром.

— И у тебя есть перегонный аппарат?

— Есть, сейчас он надежно спрятан. Аппарат не принадлежит мне — это собственность правительства. Майор Росс поручил мне спрятать его потому, что он мне доверяет.

— Корыстные капитаны транспортных судов не постесняются продавать перегонные аппараты частным лицам. Я слышал, что некоторые солдаты корпуса и каторжники уже занялись незаконной перегонкой спиртного. В Порт-Джексоне сахарный тростник не растет, а здесь его больше, чем травы. Остров Норфолк способен стать поставщиком рома для всех соседних колоний. Губернатору Нового Южного Уэльса предстоит решить, как быть, — продолжать привозить ром издалека и платить за него бешеные деньги или начать производить его в колонии.

— Сомневаюсь, что его превосходительство губернатор Филлип отважится на такой шаг.

— Но ему не вечно быть губернатором, — печально возразил Кинг. — Его здоровье заметно пошатнулось.

— Сэр, нет смысла беспокоиться о будущем, — отозвался Ричард, постепенно успокаиваясь: он преодолел пропасть, отношения между ним и Кингом наладились.

— Верно, верно, — закивал новый вице-губернатор и удалился, решив провести часа два в своем новом кабинете и ради разнообразия подкрепиться стаканчиком портвейна.

— На складе тебя ждет ящик, — сообщил Стивен, разыскав Ричарда вскоре после этой встречи. — Что случилось, дружище? Ты выглядишь слишком изможденным для человека, способного распилить десяток гигантских бревен.

— Я только что поделился мыслями с вице-губернатором Кингом.

— А, вот оно что! Ну, теперь ты свободный колонист, поэтому он не вправе подвергать тебя порке без суда и следствия.

— Как обычно, мне повезло и на этот раз.

— Лучше не искушай судьбу.

Ричард наклонился и постучал по дереву, отгоняя беду.

— Так или иначе, разговор удался, — продолжал он. — Кингу хватило ума понять, что я говорю чистую правду.

— Значит, он не так безнадежен. Ты понял, что я тебе сказал?

— Нет, повтори, пожалуйста.

— На складе тебя ждет ящик — его привезли на «Королеве». Ящик слишком тяжелый, чтобы нести его в руках, так что возьми сани.

— Ты придешь к нам сегодня ужинать? Тогда мы могли бы вместе вскрыть ящик.

— Хорошо, приду.

В полдень Ричард явился на склад. Том Краудер, вновь попавший под покровительство мистера Кинга, лично указал ему ящик, который уже кто-то вскрыл — явно не на складе, а на «Королеве» или в Порт-Джексона. Кто бы это ни сделал, ему хватило предусмотрительности вновь прибить крышку гвоздями. Судя по весу ящика, его содержимое осталось в целости и сохранности, а значит, его составляли преимущественно книги. Размером посылка превосходила ящик для чая и была сколочена из прочных досок. Ричард наклонился, чтобы поднять ящик и поставить его на сани, и Краудер невольно вскрикнул:

— Ричард, тебе не поднять его в одиночку! Подожди, я позову кого-нибудь...

— Спасибо, Томми, я справлюсь сам.

На боковых стенках ящика было крупными буквами написано «Ричарду Моргану, каторжнику с „Александера“», но имени отправителя Ричард нигде не нашел.

Он привез посылку домой. До конца светового дня оставалось еще несколько часов — обычно на лесопилках заканчивали работу раньше, чем на полях. А Ричард, как свободный колонист, имел право возвращаться домой засветло.

— Китти, ты с каждым днем становишься все прекраснее! — восхитился он женой, выбежавшей на крыльцо навстречу ему.

Они слились в страстном поцелуе, губы Китти обещали сказочную ночь любви — Ричард знал, что до сих пор не утратил для нее физическую привлекательность. Опасаясь причинить вред ребенку, он хотел было на время стать аскетом, но, узнав об этом, Китти искренне изумилась.

— Разве такое волшебство может повредить нашему малышу? — с неподдельным удивлением спросила она. — Ты же не ретивый жеребец, Ричард.

Услышав последние слова, он невольно улыбнулся: видимо, Китти подхватила их на борту «Леди Джулианы».

— Что там внутри? — спросила Китти, пока он снимал ящик с саней.

— Не знаю, я еще не открывал его.

— Так открой, пожалуйста! Я умираю от любопытства!

— Ящик привезли на «Королеве» из Порт-Джексона, а из Англии он прибыл на «Горгоне». Не понимаю, почему его так долго хранили в Порт-Джексона, — может, кто-то хотел узнать имя отправителя? — Ричард стамеской поддел сколоченную из досок крышку ящика и легко вскрыл его. Несомненно, ящик уже открывали, а его содержимое осматривали.

Как и предполагал Ричард, внутри были книги — вероятно, прикрытые изъятой тканью или одеждой, а поверх них лежала шляпная картонка. Джимми Тислтуэйт! Развязав бечевку, Ричард извлек из картонки самую удивительную из шляп на свете — из соломки, обшитой алым шелком, с огромными, лихо заломленными полями и пышными черными, белыми и алыми страусовыми перьями, заткнутыми под громадный атласный бант в черно-белую полоску. Шляпка завязывалась под подбородком такими же черно-белыми атласными лентами.

Увидев шляпу, Китти невольно ахнула и поморщилась.

— Увы, жена, это не для тебя, — поспешил объяснить Ричард, — а для миссис Ричард Морган.

— Правда? Какая радость! Шляпка роскошная, но мне она не пойдет, к тому же мне не с чем носить ее. И потом, — добавила Китти, — миссис Кинг и миссис Патерсон наверняка сочли бы ее вульгарной.

— Я люблю тебя, Китти. Я очень, очень люблю тебя.

Китти не ответила — она никогда не отвечала на признания в любви.

Подавив вздох, Ричард заглянул в картонку и обнаружил там еще несколько мелких предметов, завернутых в бумагу, — их развернули, а потом небрежно завернули вновь. Странно! Кому понадобилось вскрывать ящик и зачем? За такую шляпу даже самый уродливый каторжник Порт-Джексона мог бы целый год пользоваться услугами лучшей из тамошних потаскух, но шляпу никто не взял. Никто не украл и предметы, завернутые в бумагу. Развернув один сверток, Ричард увидел внутри бронзовую печать, прикрепленную к короткой деревянной рукоятке. Ричард ахнул: на ней были изображены его инициалы Р.М. в окружении наручников с цепями. В остальных свертках оказались палочки малинового сургуча — явный

намек.

На дне шляпной картонки лежало толстое письмо с печатью, на ней отчётливо просматривалась эмблема — буквы Дж. Т. и гусиное перо. Судя по отпечаткам грязных пальцев, письмо тщательно прощупали. На миг Ричард задумался о том, кто и зачем открывал картонку. Должно быть, это сделал кто-нибудь из служащих склада в Порт-Джексоне, надеясь найти внутри золотые монеты. Если бы они лежали на виду, то наверняка попали бы в бедную казну колонии. Ричард знал, что где-то в ящике находятся монеты, но сомневался, что их обнаружили при обыске, — он уже давно понял, что служащим склада недостает воображения.

Среди книг он нашел труд Джетро Талла по сельскому хозяйству, «Британскую энциклопедию», дюжину трехтомных романов, целую подшивку «Бристольского журнала» Феликса Фэрли и лондонские газеты, а также книги Джона Донна, Роберта Геррика, Александра Поупа, Ричарда Драйдена и Оливера Голдсмита, шедевр Эдварда Гиббона по истории Древнего Рима, несколько парламентских отчетов, пачку превосходной бумаги, стальные перья, бутылочки чернил, лауданум, тонизирующие средства и настойки, слабительные и рвотные, флаконы с мазями и десяток форм для отливки свечей.

Немного разочарованная тем, что в ящике не оказалось обеденного веджвудского сервиза, Китти нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Впрочем, она вполне разделяла радость мужа.

— От кого это?

— От моего давнего друга Джимми Тислтуэйта. И моих родных из Бристоля, — объяснил Ричард, снова взяв письмо. — А теперь извини, Китти, я хочу побыть один и прочесть письмо Джимми. Вечером к нам придет Стивен, и за ужином я сообщу вам обоим все новости.

К ужину Китти приготовила хлеб с салатом, но услышав, что Ричард ждет гостя, принялась тушить мясо с клецками — превосходного поросенка, выращенного супругами.

Увидев шляпу, Стивен покатился со смеху, настоял, чтобы Китти примерила ее, и сам завязал ленты пышным бантом.

— По-моему, это шляпа носит тебя, а не ты — шляпу, — весело заявил он.

— И мне так кажется, — подтвердила Китти.

— Ну, как твои родные? — спросил Стивен у друга, убирая шляпу в картонку.

— Все здоровы, кроме кузена Джеймса-аптекаря, — грустно отозвался Ричард. — Он почти ослеп, поэтому передал дело сыновьям, а сам

поселился в чудесном особняке на окраине Бата вместе с женой и двумя дочерьми, старыми девами. А мой отец перебрался в таверну «Колокол», потому что корпорация затеяла перестройку улицы и решила снести «Герб бочара». Отцу прислуживает старший сын моего брата, его единственное утешение. Кузен Джеймс-священник пожалован чином каноника, к его бурной радости и гордости. Мои сестры тоже не бедствуют. — На его лицо легла тень. — Из всех моих знакомых умер только Джон Тревильян Сили Тревильян — как пишет Джимми, от неводержанности, но не уточняет, от какой именно.

— Скорее всего от плотских удовольствий и чревоугодия, — предположил Стивен, уже знающий всю подноготную Ричарда. — И я очень рад этому.

— В письме множество других новостей и даже пикантных сплетен. Во Франции действительно произошла революция, там свергли монарха, но король с королевой до сих пор живы. К вящему изумлению Джимми, Соединенные Штаты Америки так и не распались: в них принята новая конституция, страна быстро богатеет. — Ричард усмехнулся. — Если верить Джимми, единственная причина, по которой взбунтовались лягушатники, — меховая шапка Бенджамина Франклина. Как он там пишет? — Ричард зашелестел страницами. — А, вот оно: «В отличие от американцев, которые научно подошли к разработке парламентской системы, основанной на принципе взаимозависимости и взаимоограничения исполнительной и законодательной власти, французы решили не вводить ее. То, что не определено законом, определяется логикой. Но, поскольку французы лишены способности мыслить логически, ручаюсь, республиканское правительство Франции долго не протянет».

— В этом он прав.

Китти посматривала то на Ричарда, то на Стивена, не вполне понимая смысл разговора, но радуясь тому, что они наконец-то получили вести с другого конца света.

— «В тысяча семьсот восемьдесят восьмом году король тяжело заболел, и кое-кто пытался добиться назначения принца Уэльского регентом, но король поправился, а принц окончательно погряз в долгах. Он по-прежнему не женат и влюблен в сторонницу римско-католической церкви, миссис Марию Фицгерберт».

— Религия и религиозные различия, — со вздохом заметил Стивен, — величайший бич всего человечества. Почему мы не можем просто жить и не мешать жить остальным? Посмотри на преподобного Джонсона! Он

охотно сочетает каторжников браком, но не дает им возможности сначала получше узнать друг друга, поскольку объявляет незаконные совокупления греховными. Ха! — Подавив вспышку гнева, он сменил тему: — Что там еще в Англии?

— Бразды правления по-прежнему находятся в руках мистера Питта. Налоги опять повысили. Введен налог даже на новые вестники, газеты и журналы, а тот, кто дает в них рекламные объявления, должен платить налог в размере двух шиллингов и шести пенсов независимо от размеров самого объявления. Джимми пишет, что мелкие лавочники вынуждены отказаться от рекламы своих товаров: платить такие налоги под силу лишь крупным предпринимателям.

— А Джимми упоминает о том, что первый помощник и экипаж «Баунти» подняли мятеж и изгнали с судна лейтенанта Блая? Сейчас все говорят не только о французской революции, но и о мятеже на «Баунти», — объяснил Стивен.

— По-моему, всеобщее любопытство разжег прежде всего тот факт, что экипаж предпочел сладострастных отахейтских девиц плодам хлебного дерева.

— Безусловно. Что еще пишет Джимми? Похоже, в Англии разразился нешуточный скандал. Говорят, что Блай отнюдь не невинная жертва.

— Насколько известно Джимми, задачей экспедиции, отправленной в Отахейт, было привезти семена и саженцы хлебного дерева — кто-то решил, что его плоды станут дешевой пищей для чернокожих рабов в Вест-Индии, — объяснил Ричард, снова принимаясь листать страницы. — Где же это место... стиль Джимми неподражаем, передать его невозможно.

«Офицер флота Уильям Блай сочетался браком с одной жительницей острова Мэн, дядей которой оказался Дункан Кэмпбелл, владелец плавучих тюрем. Как дальше развивались события, неизвестно, но, вероятно, мистер Кэмпбелл познакомил Блая с сэром Джозефом Бэнксом, поглощенным подготовкой к предстоящему плаванию в Отахейт.

Что поражает меня, так это кровосмесительный оттенок союза между королевским флотом и Королевским обществом. Кэмпбелл продал флоту один из своих кораблей — „Бетеа“. Новые хозяева переименовали его в „Баунти“ и назначили мужа племянницы Кэмпбелла, Блая, капитаном и казначеем „Баунти“. Вместе с Блаем в экспедицию отправился некий Флетчер Кристиан, приходящийся кровным родственником жене Блая и племяннице Кэмпбелла. Кристиан не имел чина, но был назначен помощником капитана. Он и раньше плавал вместе с Блаем, и этих двоих давно привыкли считать близкими друзьями, вроде „мисс Молли“... но

молчание, Джимми, молчание!»

— Вот здравая оценка положения в Англии! — отсмеявшись, заявил Стивен. — В стране процветает кумовство вплоть до инцеста!

— А что такое инцест? — спросила Китти, уже зная, кто такие мисс Молли.

— Кровосмешение, половая связь между близкими родственниками, — объяснил Ричард. — Обычно между родителями и детьми, братьями и сестрами, тетками, дядями и племянниками или племянницами.

— Фу! — Китти передернулась. — Но я не понимаю, при чем тут мятеж на «Баунти».

— Это литературный прием, называемый иронией, — пояснил Стивен. — Что еще пишет Джимми?

— Ты сам можешь прочесть его письмо на досуге, — предложил Ричард, — но прежде еще об одной мысли Джимми, достойной упоминания. Он считает, что мистер Питт и парламент смертельно боятся, что после французской и американской революций вспыхнет революция и в Англии, и потому считают колонию в Ботани-Бей необходимым инструментом сохранения власти. В Ирландии начались серьезные беспорядки, среди валлийцев и шотландцев много недовольных. Поэтому Питт намерен включить мятежников и демагогов в список каторжников.

Ричард не стал обсуждать с другом новости в жизни самого мистера Тислтуэйта, а они были превосходны. Создатель пухлых романов для грамотных дам настолько преуспел в своем ремесле, что теперь писал по два романа в год. Деньги непрерывным потоком текли в его сундуки, поэтому он приобрел большой особняк на Уимпоул-стрит, нанял двенадцать слуг, обзавелся четверкой лошадей и любовницей-герцогиней.

После того как Стивен ушел, унося письмо мистера Тислтуэйта, а посуда была вымыта, Китти решила заговорить. Больше она не боялась высказывать свои замечания: Ричард старательно воздерживался от наставительного тона.

— Должно быть, этот Джимми очень важный человек, — заметила она.

— Джимми? Важный? — Ричард рассмеялся, вспомнив коренастую и тучную фигуру друга, его светло-голубые глаза с красноватыми жилками и пистолеты, торчащие из карманов пальто. — Нет, Китти, он такой же, как многие другие. Он не прочь выпить — когда я жил в Бристоле, Джимми был самым частым посетителем таверны моего отца. А теперь Джимми живет в Лондоне, он сумел сколотить целое состояние. Пока меня держали

на «Церере», он помог мне сохранить здоровье и рассудок. За это я буду благодарен ему всю жизнь.

— И я тоже. Если бы не ты, Ричард, мне жилось бы гораздо хуже, — сказала Китти, надеясь польстить ему.

Ричард нахмурился:

— Неужели ты меня не любишь, Китти?

Она ответила ему многозначительным взглядом. Ричард давно перестал сравнивать ее глаза с глазами Уильяма Генри и стал считать их принадлежащими только Китти. Но это не умалило любовь Ричарда к жене.

— Неужели ты меня не любишь, Китти? — повторил он.

— Люблю, Ричард, и всегда буду любить. Но истинная любовь — это совсем другое.

— Ты хочешь сказать, что на мне свет клином не сошелся?

— Нет, ты — вся моя жизнь. — Свои мысли Китти выражала жестами, взглядами, гримасами, когда не находила слов, а сейчас она не могла подыскать верные слова, чтобы объяснить, что происходит с ней. — Знаю, ты считаешь меня неблагодарной, но ты ошибаешься — я по-настоящему благодарна тебе. Просто иногда я думаю о том, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы меня не отправили на каторгу, не отослали так далеко от дома. А если в Англии меня ждет человек, предназначенный мне судьбой, с которым я никогда не увижусь? Если он и есть моя истинная любовь? — Увидев, как изменилось лицо Ричарда, она заторопилась пояснить: — Нет, я счастлива, мне нравится работать в огороде и убирать дом. Я с нетерпением жду, когда появится ребенок, но... Как бы я хотела узнать, чего я лишилась!

Какого ответа она ждет?

— Значит, к Стивену тебя уже не тянет?

— Нет, — уверенно произнесла Китти. — Он прав: это было всего лишь девичье увлечение. Теперь, глядя на него, я удивляюсь самой себе.

— А о чем ты думаешь, когда смотришь на меня?

Китти сжалась, съежилась, словно напроказивший ребенок; заметив это, Ричард пожалел о своем вопросе и о том, что невольно заставил ее солгать. Он понимал, что в эту минуту Китти лихорадочно подыскивает ответ, который удовлетворил бы их обоих, и едва заметно усмехнулся, ожидая исхода этих поисков. Это и есть истинная любовь: Ричард понимал, что его возлюбленная безупречна, несовершенна, и все-таки любил ее всем сердцем. А Китти истинная любовь представлялась совсем иначе, возлюбленный виделся ей рыцарем в сияющих доспехах, который увезет ее далеко-далеко, посадив перед собой в седло. Когда же она наконец повзрослеет и поймет, что она уже окружена любовью? Ричард сомневался

в том, что этот момент когда-нибудь наступит, а со временем решил, что так будет лучше. Два мудреца — слишком много для одной семьи. Его любви хватит на двоих.

Наученная опытом, Китти выбрала самый честный из ответов:

— Не знаю, Ричард. Ты ничуть не похож на моего отца, поэтому то, что происходит между нами, вовсе не инцест. Я всегда рада видеть тебя. Я безумно счастлива оттого, что ношу твоего ребенка, — ведь ты будешь прекрасным отцом...

Внезапно Ричард осознал, что еще ни разу не задавал жене один важный вопрос.

— Кого ты хочешь — мальчика или девочку?

— Мальчика, — не раздумывая, отозвалась Китти. — Как и любая женщина.

— А если родится девочка?

— Я буду любить ее, но постараюсь объяснить, что ей не на что рассчитывать.

— Ты считаешь, что этот мир принадлежит мужчинам?

— Да, это так.

— Но ты не будешь разочарована, если все-таки родится девочка?

— Конечно, нет! Ведь у нас будут и другие дети, и мальчики тоже.

— Я открою тебе одну тайну, — шепнул Ричард.

Китти приникла к нему.

— Какую?

— Самое лучшее, если нашим первым ребенком станет девочка. Девочки взрослеют быстрее, поэтому у мальчика, когда он родится, будет сразу две мамы — одна из них, почти его ровесница, сможет наказывать его за провинности, на что не хватит смелости настоящей матери.

Китти засмеялась.

— Откуда ты это знаешь?

— У меня были две старшие сестры. — Ричард потянулся, словно кот, расправляя ноги. — И я очень рад, что им хорошо живется в Бристоле, но вести о кузене Джеймсе меня расстроили. Если бы не он, я бы не выжил. В отличие от большинства каторжников я ни разу не болел — ни в тюрьме, ни на транспортном судне. Вот почему в свои сорок три года я сильнее любого юноши. Именно поэтому я могу любить тебя, как молодой. Я сохранил и здоровье, и силу.

— Но ты же голодал, как и все остальные.

— Да, но голод опасен только тогда, когда он наносит непоправимый ущерб мышцам, а мышцы у меня крепче, чем у многих. И потом, мне ни

разу не пришлось подолгу голодать. В Рио мне довелось отведать апельсинов и свежего мяса, на Темзе нас кормил старший черпальщик, в море я ловил рыбу, а добрый человек по имени Стивен Донован как-то угостил меня свежими булочками с маслом и кресс-салатом. Мне просто повезло, Китти, — заключил Ричард и улыбнулся, полузакрыв глаза. Сегодняшний день выдался памятным.

— А я не согласна с тобой, — возразила она. — Все дело не в везении, а в каком-то качестве, которого нет у других людей. Зато оно есть и у тебя, и у Стивена, и, судя по вашим разговорам, у майора Росса. А еще — у Ната и Оливии Лукас. У меня его нет. Вот почему я радуюсь тому, что ты станешь отцом моих детей. Они унаследуют от тебя то, чего не могу им дать я.

Ричард поцеловал ей руку.

— Прекрасный комплимент, Китти. Наверное, ты все-таки немного любишь меня.

Китти раздраженно вздохнула и оглядела стол, заваленный книгами. Рядом на стуле стояла шляпная картонка.

— Когда ты отнесешь Лиззи шляпу? — спросила она.

— По-моему, ее должна отнести ты, чтобы помириться с Лиззи.

— Я не могу!

— Я тоже.

Так и не решив, как поступить со шляпой, они улеглись спать. От усталости Китти заснула, прежде чем Ричард успел приласкать ее.

Ричард продремал два часа, в полусне перед ним проплывали знакомые лица, искаженные многолетней разлукой. Проснувшись, он выскользнул из-под одеяла, бесшумно оделся и покинул дом. На крыльце ему пришлось утихомиривать расшалившихся щенят и котят: у Тибби появилась подружка Фатима, а у Шарлотты — Флора. Все они спали в сосновом чурбаке с дуплом, которое Ричард приспособил под конуру. Он уже решил больше не брать ни кошек, ни собак, опасаясь, что они перестанут ловить крыс. К счастью, Мактавиш не мог отвыкнуть от давней привычки охотиться на грызунов. Он оставался единственным представителем мужского пола среди четвероногих обитателей дома.

Полная луна взошла в небе, приглушая ослепительный, но холодный блеск множества звезд, при ее свете можно было читать, не зажигая свечи. На небе не виднелось ни облачка, в лесу слышались лишь журчание ручья, стекающего по склону холма, шорох сосновых веток и крики пары белых крачек, сидящих на ветке на фоне серебристого неба. Подняв голову, Ричард вдохнул напоенный ночными ароматами чистый воздух,

наслаждаясь одиночеством и душевным покоем.

В воскресенье после церковной службы он напишет отцу, обоим кузенам Джеймсам и Джимми Тислтуэйту, сообщая, что ему удалось построить на этом южном острове собственный дом. С помощью золотых монет и везения он отвоевал себе маленькую, но уютную нишу, за которую был благодарен родным. Правда, ему пришлось немало поработать руками и укрепить силу воли. Теперь остров Норфолк стал для него домом.

Ричард решил осмотреть ящик сейчас же, пока Китти и Джо Лонгу не пришло в голову разрубить его на растопку или приспособить для хранения навоза. Вместе с ношей Ричард спустился по склону, удаляясь от хижины Джо, расположенной у самой границы участка, возле тропы, ведущей к большому дому. Джо и Макгрегор были часовыми Ричарда, его первой линией обороны. Пока такой защиты ему хватало, но кто знает, сколько еще каторжников пришлет сюда его превосходительство, когда в Сиднее вновь начнется голод?

На расчищенной поляне Ричард при свете луны начал разбирать ящик с помощью стамески и молотка, действуя осторожно и почти бесшумно. Его ожидания оправдались: между внутренней и внешней обшивкой боковой стенки белел слой корпии. Не прошло и нескольких минут, как Ричард разобрал ящик и оказался обладателем ста фунтов золотом.

Сняв штаны, Ричард сложил в них монеты и завязал штанины узлами, собрал обломки досок и понес их к дому. Китти утверждала, что дело не в удаче. Сам же Ричард так и не мог понять, повезло ему или его просто оберегал Господь. Впрочем, какая разница?

Возводя дом, он обо всем позаботился заранее: одна из каменных опор у западного склона холма была пустотелой. Об этом никто не знал. Отсчитав двадцать монет, Ричард сложил остальные в тайник и направился в дом. Китти сонно забормотала, почувствовав, что он придвигается к ней, Мактавиш застучал хвостом по одеялу. Ричард погладил пса, притянул к себе Китти, положил ладонь на ее бедро и закрыл глаза.

Утром Ричард отправился на работу. Шляпная картонка по-прежнему стояла на стуле, словно немой упрек Китти, которая убирала комнату, вытирала пыль, стирала, расставляла книги, готовила холодный обед. Началась жара, поэтому в разгар дня Ричард и Китти ели только холодную пищу. Наконец Китти решила позвать Джо, прогуляться до Сидней-Тауна, разыскать там Стивена и пригласить его на ужин.

Привычная предусмотрительность не изменила Ричарду и на сей раз: лучина, наколотая из обломков досок, уже лежала на куче растопки возле крыльца. Но разводить огонь Китти не стала, рассудив, что успеет испечь

хлеб и ближе к вечеру. Заботливость Ричарда, который перед работой успел наколоть лучины, тронула ее. Уже собираясь уходить, Китти оглянулась и вновь увидела на стуле злополучную картонку. Вздохнув, она вернулась за ней, а затем направилась к дороге на Куинсборо. Джо занимался вырубкой сосен: Ричард решил расчистить посреди участка несколько акров земли, чтобы в следующем июне засеять их пшеницей и кукурузой. Чтобы пилить доски, Джо был слишком слаб, но ему хватало сил валить деревья. Макгрегор предупредил его о приближении Китти: этот бдительный сторож просто не мог допустить, чтобы падающая сосна придавила гостью.

— Джо, ты не проводишь меня в Сидней-Таун?

Отдышавшись, простодушный парень с немым обожанием взглянул на нее и молча кивнул. Он сдернул с ближайшей ветки рубашку, надел ее и зашагал вслед за Китти к горе Георга. Макгрегор и Мактавиш рыскали в зарослях вдоль тропы.

— Я иду по делу в резиденцию губернатора, — объяснила Китти, — а ты тем временем разыщи мистера Донована и пригласи его сегодня поужинать с нами. Я буду ждать тебя у дома. Не задерживайся!

Резиденция губернатора активно перестраивалась. Вокруг нее суетились рабочие, Нат Лукас хрипло выкрикивал распоряжения, которые послушно исполняли его подчиненные. Лишь самые бестолковые каторжники отказывались поработать на самого губернатора, а таких находилось немного. Переделки носили временный характер: Кинг до сих пор не решил, останется ли он жить в прежней резиденции или велит построить новую на соседнем холме, среди сада. Китти еще ни разу не бывала у губернатора и потому никак не могла разобраться, в какую дверь ей, каторжнице, положено входить — в заднюю или обращенную к морю.

— Кого ты ищешь, Китти? — окликнул ее Нат Лукас.

— Миссис Ричард Морган.

— Она в летней кухне, вон там, — ответил плотник, указывая направление и подмигивая Китти.

Обойдя вокруг дома, она сразу увидела дощатую пристройку, где помещалась кухня.

— Миссис Морган?

Женщина, одетая в темное платье, обернулась к двери, и ее черные глаза недоуменно округлились. Молоденькая девушка-каторжница, которая чистила картошку, сидя у стола, выронила нож и разинула рот. Нетвердой походкой Лиззи обошла вокруг стола, мимоходом толкнув помощницу в бок.

— Возьми картошку и ступай во двор, — резко приказала Лиззи, а

потом обратилась к Китти: — Что вам угодно, мадам?

— Я принесла вам шляпу.

— Шляпу?!

— Да. Не хотите ли взглянуть? Она изумительна.

Китти выглядела здоровой и цветущей, ее живот был уже заметен, лицо прикрывали от солнца широкие поля шляпы, сплетенной из местной травы (последний транспортный корабль привез не столько фермеров, сколько ремесленников и шляпных мастеров), из-под шляпы выбивались вьющиеся светлые прядки, из-за светлых ресниц и бровей лицо казалось особенно чистым и гладким. Эта девушка была невзрачной, но далеко не дурнушкой. До Лиззи дошли слухи, что за последнее время Китти Кларк заметно поправилась, превратившись из худышки, которую миссис Ричард Морган застала в доме бывшего мужа, чуть ли не в красавицу. Теперь Лиззи увидела соперницу своими глазами, и это зрелище не принесло ей утешения, особенно живот Китти. Ее окатила волна скорби и разочарования, Лиззи лихорадочно принялась разыскивать свою заветную и спасительную бутылку.

— Присядьте, — коротко предложила она гостье, украдкой глотнула крепкой жидкости и перевела дух.

Китти с просительной улыбкой протянула ей картонку.

— Прошу вас, возьмите ее.

Лиззи взяла картонку, села, развязала бечевку и подняла крышку.

— О-о-о! — простонала она, совсем как Китти, когда та впервые увидела шляпку. — Ах! — Этот возглас вырвался у Лиззи, едва она извлекла шляпку из картонки и бегло осмотрела ее. И вдруг Лиззи Лок разразилась рыданиями — такими громкими, что Китти вздрогнула.

Чтобы успокоить ее, понадобилось немало времени. Почему-то Лиззи напредила Китти Бетти Рили, девушку-служанку, из-за которой все четыре подруги попали в беду.

— Все хорошо, Лиззи, все хорошо, — успокаивала Китти, поглаживая ее по плечу.

На плите стоял маленький чайник, а на столе — старый фарфоровый чайничек для заварки. Чай! Вот что сейчас поможет Лиззи! Разыскав на столе банку с заваркой и большой кусок сахара, Китти заварила чай, наколола сахар, наполнила дымящейся жидкостью фарфоровую чашку и поставила ее на блюдечко. Как богато, оказывается, живет губернатор! Даже на кухне у него стоят фарфоровые чашки и блюдца! С тех пор как Китти арестовали, она ни разу не виела чашек с блюдцами, а здесь, в кухне, их было целых две — притом одинаковых! Какие же сокровища

скрываются в самой резиденции губернатора? Сколько слуг у мистера и миссис Кинг? Должно быть, они пьют чай, когда захотят, у них наверняка есть фарфоровые тарелки и даже супницы! А может, и картины на стенах, и даже ночные горшки!

— Мне только что сообщили нерадостную весть, — объяснила Лиззи, перестав всхлипывать и утирая слезы. — Мистер Кинг сам передал ее мне...

— Выпейте чаю. Он подбодрит вас, честное слово, — уверяла Китти, приглаживая черные волосы Лиззи.

Лиззи вытерла глаза передником и скорбно воззрилась на соперницу.

— А вы и вправду очень милая девушка, — произнесла она, глотнув чаю, который сразу согрел ее желудок.

— Надеюсь, — отозвалась Китти, осторожно отхлебнув из своей чашки. Почему чай из фарфоровой чашки кажется особенно ароматным? — Вам понравилась шляпка?

— Вы правы, она изумительна. Майор Росс присвистнул бы и заявил, что в ней я выгляжу как королева, но миссис Кинг не умеет делать комплименты. Она на редкость приятная женщина, у нее превосходные манеры, поэтому я не могу ее винить. Во всем виноват вице-губернатор Кинг. И этот проходимец Чепмен! Этот своего не упустит! Спит и видит, как бы набить карманы! Он дурно влияет на миссис Кинг — это заметила не только я, но и сам вице-губернатор. Ручаюсь, скоро Уилли Чепмена отошлют в Куинсборо или Филлипсберг. Но вся беда в том, что мистер Кинг недолгобливает меня, Китти, и тут уж ничего не поделаешь. Он утверждает, что я слишком вульгарна, чтобы прислуживать миссис Кинг. Я вульгарна?! Да он просто не знает, что это такое! Он говорит, что не может допустить, чтобы его дети слышали меня, — да, иногда я забываюсь и могу ненароком чертыхнуться. Но больше я не знаю никаких бранных слов, клянусь вам, Китти! Винить надо не меня, а тюрьму. Прежде я никогда не бранилась и не чертыхалась.

— Я прекрасно понимаю вас, — заверила Китти.

— Так или иначе, он не вправе просто вышвырнуть меня вон, он обязан поступить, как порядочный человек, — процедила Лиззи сквозь зубы, выпятив подбородок. — Я свободная женщина, а не каторжница. Вы знаете, кого он хочет взять на мое место? — в ярости продолжала она.

— Не знаю. Кого же?

— Мэри Ролт. Да-да, Мэри Ролт! Уж если кто и бранится грязными словами, притом без умолку, так это она! А ей выпала такая честь — только потому, что она спит с пехотинцем Сэмом Кингом, а он вечно

околачивается здесь. И губернатор готов терпеть его здесь — лишь потому, что они однофамильцы. Ха! — Она отпила еще чаю и оглядела шляпку. — Жаль, что у меня нет зеркала.

— Должно быть, у миссис Кинг оно есть.

— Конечно, и огромное, оно висит в спальне.

— Тогда попросите у нее разрешения посмотреться в зеркало. Если у нее и вправду превосходные манеры, она не сможет вам отказать.

— Но ведь шляпка замечательная, правда?

— Лучше я никогда не видывала. В письме мистер Тислтуэйт пишет, что это последний крик моды — точь-в-точь такие же шляпки носят герцогини и другие важные дамы. Он уверяет, что в наши дни знатных леди не отличить от потаскух... — Китти внезапно осеклась и мысленно обругала себя за то, что не остановилась вовремя, но Лиззи словно не слышала ее, не сводя пристального взгляда с бутылки. — А может, — поспешила сменить тему Китти, — мистер Кинг оставит вас здесь, на кухне? Ричард говорил, что майор Росс не мог нахвалиться вашей стряпней...

— У меня есть свое мнение, — вдруг надменно перебила ее Лиззи.

У Китти упало сердце: в этих словах слышались горечь и досада, но вместе с тем Лиззи Лок быстро приходила в себя и становилась прежней — надменной и нетерпимой. Она походила на распрямившуюся пружину. «Все мы, каторжницы, чем-то похожи, — промелькнуло в голове у Китти. — Мы не выжили бы, если бы умели только рыдать. Лиззи ожесточилась. Не возненавидела весь мир, а всего лишь ожесточилась — иначе и быть не могло. Любой свободный человек восхитится храбростью миссис Кинг, которая отправилась за мужем на край света, терпя все неудобства, но миссис Кинг никогда не была каторжницей, и потому она недостойна моего восхищения — в отличие от Лиззи Лок. Или Мэри Ролт. Или Китти Кларк. Вот так-то, миссис Кинг! — вела воображаемый диалог Китти. — Пейте из тонких фарфоровых чашек чай, который заварила и подала вам служанка-каторжница! Отдавайте ей стирать и сушить тряпки, без которых даже вам не обойтись во время недомоганий! Да, вы — жена коменданта нашей тюрьмы, и все же вы нам не ровня!»

— Какое мнение? — спросила Китти вслух.

— Я перестала ненавидеть вас — за то, что вы украли у меня Ричарда, — сообщила Лиззи, встав, чтобы долить воды в чайник и наколоть еще сахару.

— В этом я не виновата!

— Знаю, знаю — это он украл вас. Станные люди эти мужчины,

верно? Многим из них достаточно как следует набить брюхо и поваляться с женщиной, чтобы быть счастливыми. Но Ричард никогда не был таким: я помню, как он вошел в камеру глостерской тюрьмы — словно принц крови, спокойный, сдержанный и чуть надменный. Ему ни разу не понадобилось повышать голос. Уверяю вас, он великий человек! Разве не так, Китти?

— Да, — покраснев, согласилась ее собеседница.

— Он сбил здоровяка Айка Роджерса с ног так, что тот и глазом моргнуть не успел. Но я слышала, потом они стали друзьями. Таков уж Ричард. Я влюблена в него, а он никогда не любил меня. Мне не на что надеяться, не на что... — В голосе миссис Ричард Морган послышались рыдания, она схватила бутылку и вылила немного ее содержимого в чай. — Так-то будет лучше. Хотите?

— Нет, спасибо. Как же вы будете жить дальше, Лиззи? — Только теперь Китти поняла, что Лиззи прикладывает к загадочной бутылке с того момента, как мистер Кинг покинул кухню.

— Пожалуй, поселюсь у Томаса Скалли, моряка, который получил на острове землю недалеко от участка Ричарда. Томас тихий человек, чем-то похож на Ричарда. Заводить детей ему не хочется. Он сделал мне предложение после того, как однажды попробовал мои банановые оладьи с ромом. Но я отказала ему, а теперь, когда вице-губернатор выгнал меня, мне придется переселиться к Скалли.

— Мы будем очень рады таким соседям, — приветливо сказала Китти, собираясь уходить.

— Когда должен родиться ребенок?

— Через два с половиной месяца.

— Спасибо вам за шляпку. Вы говорите, ее прислал мистер Тислтуэйт?

— Да, мистер Джеймс Тислтуэйт.

Немного успокоившись, Китти покинула кухню и у подножия горы Георга встретилась с Джо и сопровождавшими его двумя собаками.

— Ты был прав, велел мне самой отнести шляпу, — сообщила она вечером Ричарду, нарезая тонкими ломтиками свинину и раскладывая густую подливу с луком, картофельным пюре и бобами по оловянным тарелкам. — Мы с Лиззи подружились. — Она улыбнулась. — Две миссис Ричард Морган. — Она поставила тарелки перед Стивеном и Ричардом и сама села за стол. — Сегодня утром мистер Кинг выгнал бедняжку.

— Этого я и опасался, — отозвался Стивен, перемешивая кушанье ложкой и сожалея о том, что вилки на острове — большая редкость. — Как и подобает строгому мужу, Кинг стремится оградить жену от дурного влияния, а Лиззи Лок, на его взгляд, принадлежит к отбросам общества. И

это досадно. Миссис Кинг не слишком высокомерна и уж вовсе не ханжа, особенно когда рядом Уилли Чепмен. — Он поморщился. — От кого ее и следовало бы оградить, так это от Уильяма Нита Чепмена. Он присосался к ней, как пиявка.

— У них есть настоящие фарфоровые чашки с блюдцами, — сказала Китти, которая в последнее время ела за двоих. — Я сама пила чай из такой чашки. Если они держат чашки даже на кухне, значит, миссис Кинг и вправду знатная леди.

— Я с радостью подарил бы тебе фарфоровый сервиз, Китти, — отозвался Ричард, — но дело вовсе не в том, что такие вещи дорого стоят.

Заинтересовавшись беседой, Стивен поднял голову.

— Вот именно, — согласился он. — Боюсь, нам еще долго придется довольствоваться теми товарами, что привозят капитаны кораблей. К сожалению, среди них не найдешь таких предметов роскоши, как фарфоровые сервизы или серебряные вилки, — только чайники, печки, коленкор, дешевую бумагу и чернила.

— Чайники, печки и коленкор нам нужнее сервизов, — возразил Ричард привычным наставительным тоном отца семейства. — А ткани на остров иногда все-таки привозят.

— Но я заметил, что женщины не удостоивают их вниманием, — стоял на своем Стивен.

— Потому что эти ткани выбирают мужчины, — с улыбкой объяснила Китти. — Они почему-то считают, что женщины купят ткань охотнее, чем фарфор или шторы, и все-таки ошибаются в выборе.

— А ты хотела бы иметь шторы на окнах? — спросил Стивен, в который раз удивляясь, почему Китти вовсе не волнует то, что она не может сочетаться с Ричардом законным браком. Слова «две миссис Ричард Морган» она произнесла без малейшей досады.

— Разумеется! — Отложив ложку, Китти обвела взглядом гостиную, в которой они сидели: изнутри ее стены уже были обшиты досками и отполированы, книги выстроились на полках, прибитых одна под другой, на подоконнике стояло цветущее растение в помятой кружке. — Мой дом должен быть самым лучшим. Хорошо, если бы в нем появились шторы и ковры, вазы и картины на стенах. А будь у меня шелка для вышивания, я вышила бы подушки, накидки для стульев и настенные коврики.

— Когда-нибудь, — пообещал Ричард. — Все это когда-нибудь появится. Надо надеяться, что рано или поздно какой-нибудь предприимчивый капитан корабля привезет сюда на продажу лампы и керосин, шелка для вышивания, фарфоровые сервизы и вазы. Служащим

правительственных складов недостает воображения: они предпочитают закупать тюремные робы, башмаки, деревянные миски, оловянные ложки и кружки, одеяла, ковши и сальные свечи.

После ужина мужчины заговорили о слухах и сообщениях из газет, а потом перешли к обсуждению более важных вопросов — урожая, вырубки лесов, работы лесопилок, обжига извести и нововведений вице-губернатора Кинга.

— Несмотря на все разговоры о милосердии, порки продолжают каждый день, — сказал Ричард. — Восемьсот ударов плетью, ты только подумай! Гораздо проще и милосерднее было бы повесить виновника. Майор Росс никому не назначал более пятисот ударов, да и то многих прощал, а теперь, я заметил, врачам даже не разрешают вмешиваться и приостанавливать порку.

— Будем справедливы, Ричард: виноваты солдаты корпуса Нового Южного Уэльса — дикари, которыми командуют звери. Ирландцев не следовало изолировать, но именно так и поступили солдаты.

— Все эти ирландцы родом из окрестностей Пейла, почти никто из них не говорит по-английски. Правда, солдаты уверяют, что ирландцы знают этот язык, только не признаются. Разве они смогут работать, не понимая распоряжений? К счастью, мне удалось найти среди них отличного напарника — с ним приятно работать, он орудует пилой лучше, чем Билл Уигфолл. Он покладистый и жизнерадостный малый, но не понимает ни единого моего слова. Нас объединяет только пила.

— Как его зовут?

— Понятия не имею. Наверное, какой-нибудь Флиппети О'Флаппети. Я зову его Пэдди и приношу ему на лесопилку хлеб и овощи, а иногда и холодное мясо. Пильщикам необходимо есть досыта, и я намерен добиться, чтобы мистер Кинг хорошо кормил их.

Вдруг Китти рассмеялась и хлопнула в ладоши.

— О, Ричард, сколько можно твердить о лесопилках! У Стивена важные вести.

— Тысяча извинений, вестник больших приливов! Говори.

— Сегодня утром Кинг вызвал меня и сообщил, что отныне я назначен лоцманом острова Норфолк. Должно быть, Кинг и Росс подсчитали, сколько шлюпок и лодок разбилось о риф лишь потому, что гребцы пренебрегли запретом высаживаться на берег или, наоборот, возвращаться с берега на суда. Отныне такие приказы и запреты буду отдавать я, и только я, что бы там ни говорили по этому поводу капитаны кораблей. Мое слово — закон для любого корабля, подходящего к острову со стороны любого из

заливов. Я — лоцман! Будь я лоцманом, когда к острову подошел «Сириус», он не наткнулся бы на риф.

— Стивен, какая радость! — воскликнула Китти, глаза которой заблестели.

Ричард пожал другу руку.

— Но насколько я понимаю, эта новость не единственная.

— Ты прав. — Стивен словно светился изнутри — сильный, красивый мужчина, перед которым открылся новый мир. — Отныне я — корабельный гардемарин королевского флота, и когда Кинг получит разрешение его превосходительства, я получу чин лейтенанта и место на одном из кораблей, приписанных к Портсмуту. Но тревожиться незачем: пока я останусь здесь и покину остров, только когда получу чин, да и то не сразу. А тем временем я побуду лоцманом. Короче, меня следует называть лейтенант Донован, в свободное время мне поручено следить за вырубкой леса на горе Георга, поэтому мне больше незачем бывать на каменоломне!

— Отличный повод для маленького праздника, — подытожил Ричард и извлек из-за книг бутылку. — Это ром моего изготовления — особый напиток Моргана. Покидая остров, майор Росс оставил мне большой запас рома, но я ни разу не пробовал его. А теперь мы проверим, каким становится местный ром, побывавший в настоящем бочонке и смешанный с бристольским напитком.

— За тебя, Ричард. — Стивен поднял кружку и глотнул, прислушиваясь к своим ощущениям. По его лицу разлилось удивление, он сделал еще один глоток. — Ричард, а он не так уж плох! — И Стивен поднял кружку, глядя на Китти. — А этот глоток — за Китти и малыша, которому я буду крестным отцом. Пусть родится девочка — мы назовем ее Кейт!

— А почему Кейт? — спросила Китти.

— Потому что здесь, на краю света, лучше быть строптивицей, чем мышкой. — Стивен усмехнулся. — И незачем так пугаться, маленькая мама! Наверняка в мире найдется мужчина, способный укротить ее.

— А если родится мальчик? — любопытствовала маленькая мама.

Ей ответил Ричард:

— Моего первенца будут звать только Уильям Генри. Да, Уильям Генри.

— Уильям Генри... мне нравится, — отозвалась довольная Китти.

Склонившись над кружкой, Стивен подавил вздох. Значит, Китти еще ничего не знает. Узнает ли она когда-нибудь всю правду? «Ричард, расскажи ей! Относись к ней как к равной!»

— У меня тоже есть новости, лейтенант, — надеюсь, когда-нибудь вы станете адмиралом флота, — объявил Ричард, поднимая кружку. — Мистер Кинг приказал Томми Краудеру составить список земельных участков и их владельцев. Я войду в него как свободный колонист Ричард Морган, полноправный владелец двенадцати акров земли. Кроме того, я получил десять акров в Куинсборо — это ровный, уже расчищенный участок. Здесь, возле дома, я буду выращивать пшеницу, а в Куинсборо — кукурузу на корм свиньям. — И он снова поднял кружку. — Я предлагаю второй тост за вас, лейтенант Донован, и за вашу безграничную доброту. Ручаюсь, когда-нибудь вы поведете стопушечный корабль в битву против французов, уже успев получить чин адмирала. Китти, отвернись и не подглядывай.

И Ричард сунул в руку Стивена двадцать золотых монет. Тот поднял брови, но молча опустил монеты в карман холщовой куртки. Когда Китти разрешили обернуться, мужчины уже смеялись, но почему — она так и не узнала.

Тысяча семьсот девяносто второй год выдался засушливым, хотя накануне Рождества, уже после сбора урожая, начались дожди. Живот Китти не выглядел безобразно раздутым; она по-прежнему двигалась довольно легко и без труда справлялась с домашними делами.

— Ричард, можно подумать, что это ты ждешь первого ребенка! — не раз со смехом повторяла она. — Ты так беспокоишься!

— По-моему, тебе давно пора переселиться к Оливии Лукас, в долину Артура, — встревоженно заявил Ричард. — Здесь поблизости нет ни души.

— Ни к какой Оливии Лукас я не пойду!

— А если ребенок родится раньше, чем мы предполагаем?

— Ричард, я уже обо всем поговорила с Оливией, я все знаю! Поверь, мне с избытком хватит времени известить Джо, тебя и Оливию. Это же будут мои первые роды, обычно они затягиваются надолго, — объяснила Китти.

— Ты уверена?

— Ну конечно, — голосом умирающей мученицы отозвалась она, плавно подошла к стулу и без труда села, а потом устремила на мужа серьезный взгляд. — Я хочу задать тебе несколько вопросов, Ричард, и получить на них ответы.

Ее лицо вдруг стало властным; как зачарованный, Ричард не мог отвести от него глаз.

— Спрашивай, — произнес он, садясь лицом к жене. — Смелее!

— Ричард, скоро у меня появится твой ребенок, а я по-прежнему ничего не знаю о тебе. То немного, что мне известно, я узнала от Лиззи

Лок, но, по-моему, я вправе знать больше, чем она. Расскажи мне о дочери, которая теперь была бы моей ровесницей.

— Ее звали Мэри, она похоронена рядом со своей матерью на кладбище Святого Иакова в Бристоле. Мэри умерла от оспы, когда ей было три года. Вот почему я предпочел бы, чтобы мои дети росли на острове: самое худшее, что им здесь угрожает, — дизентерия.

— У тебя были другие дети?

— Сын Уильям Генри. Он утонул.

Китти ахнула:

— О, Ричард!..

— Не надо, Китти. Это случилось давным-давно, в другой стране. Моим будущим детям не грозит такая участь.

— Но и тут их может подстеречь беда. Мудрено ли утонуть на острове, окруженном водой?

— Поверь мне, здесь невозможно утонуть по той причине, по которой погиб мой сын. Так погибают люди в больших городах, а не на крохотных островках, где все знают друг друга в лицо. Да, среди нас есть подлецы, но мы не имеем с ними ничего общего, а если здесь когда-нибудь появится школа, мы, родители, будем знать об учителях больше, чем родители из Бристоля. Уильям Генри погиб из-за одного учителя. — Ричард склонил голову набок и вопросительно уставился на Китти. — Есть еще вопросы?

— От чего умерла твоя жена?

— От удара. В то время Уильям Генри еще был жив. Ее смерть была мгновенной, ей не пришлось страдать.

— О, Ричард!

— Незачем печалиться, дорогая. Я убежден: все это случилось лишь для того, чтобы я встретил тебя. Если бы я остался в Бристоле, у меня никогда не было бы ни настоящей семьи, ни собственного дома. Я прошу тебя только об одном: любить меня как отца наших детей. Этого мне будет достаточно.

Китти приоткрыла рот и чуть было не призналась, что Ричарду в ее сердце отведено лучшее место, но не издала ни звука. Произнести эти слова значило дать обещание, клятву, а Китти пока не знала, сумеет ли сдержать ее. Она питала к Ричарду глубокую привязанность и потому просто не могла обмануть его. До сих пор при виде Ричарда ее душа не начинала петь, а сердце — радостно трепетать. Если бы это произошло хотя бы один раз, между ними все изменилось бы. Если бы Ричард вызвал в ней радостный трепет, она сумела бы назвать его любимым.

Наступил ветреный и холодный февраль, на остров то и дело

обрушивались ураганы. Но урожай уже был убран, зерно хранилось в прочных амбарах. Его хватило бы, чтобы прокормить все население Норфолка, разумеется, если бы не пришлось отдать часть запасов Порт-Джексону вместе с известью и древесиной.

Пятнадцатого февраля Ричард с опозданием вернулся домой: вице-губернатор засыпал его таким множеством вопросов, какое Китти не придумала бы и за неделю. Роды еще не начались, но Оливия Лукас уверяла, что это может случиться в любую минуту, а Джо Лонг вряд ли сумел бы заменить повитуху. Вспоминая заверения Оливии и Китти в том, что первые роды обычно бывают долгими, Ричард торопливо шагал по тропе к дому. Издалека заметив, что над трубой не поднимается дым, он ускорил шаг, размышляя о том, что даже на девятом месяце беременности Китти ухитрилась сама печь хлеб.

— Китти! — крикнул он, взбегая на крыльцо.

— Я здесь, — послышался негромкий голос.

Слыша гулкий стук собственного сердца, Ричард ворвался в дом и окинул комнату быстрым взглядом. Китти в ней не было. Значит, она в спальне! О Господи, началось!

Китти сидела в постели, опираясь на две подушки, и на ее лице играла счастливая улыбка.

— Ричард, поздоровайся с дочерью, — попросила она. — Скажи Кейт «добрый вечер».

У Ричарда подкосились ноги. Он с трудом подошел к кровати и присел на край.

— Китти!..

— Ты только посмотри на нее, Ричард. Разве она не прелесть?

И она протянула ему тугой сверток. Ричард мимоходом отметил, что руки Китти загрубели от домашней работы гораздо сильнее, чем его собственные. Взяв сверток, он осторожно отвел в сторону угол пеленки и увидел крохотное сморщенное личико, приоткрытый рот, опущенные пухлые веки, смуглую кожу и хохолок густых черных волос. Океан любви поглотил его целиком, и Ричард утонул в нем, даже не пытаясь спастись. Наклонившись, он поцеловал ребенка в лобик и почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

— Ничего не понимаю... Еще днем ты была совершенно здорова! Почему ты ничего мне не сказала?

— А мне нечего было сказать — я и вправду чувствовала себя прекрасно. Роды начались неожиданно. Отошли воды, начались схватки, я почувствовала, как наружу выходит головка. Поэтому я расстелила на полу

чистую простыню и стала тужиться. Малышка появилась через четверть часа. Как только вышел послед, я нашла нитки, перевязала пуповину и разрезала ее ножницами. Малышка закричала — и так пронзительно! Я выкупала ее, собрала простыню, замочила ее и вымылась сама. — Сияя гордостью, она закончила: — И незачем было поднимать такой шум! — Она расстегнула коленкоровую рубашку, обнажив грудь с набухшим темно-красным соском. — И молоко у меня уже появилось, хотя Оливия говорила, что это будет не сразу. Я умница, правда, Ричард?

Ричард бережно наклонился и благоговейно коснулся ее губ. Переполненный благодарностью, он смахнул слезы и неловко улыбнулся.

— Конечно, умница, Китти. Ты все сделала так, словно уже родила десять малышей.

— У меня нет весов, поэтому взвесить ее я не могу, но, похоже, она родилась крепкой и крупной. И пошла не в Кларков, а в Морганов.

Ричард взгляделся в лицо Кейт, ища подтверждения словам жены, но не нашел его.

— Она прекрасна, Китти, вот и все, что я могу сказать. — Он перевел взгляд на жену. Она выглядела усталой, но вместе с тем улыбалась так ослепительно, что Ричард не мог поверить, что совсем недавно ей грозила опасность. — Скажи честно: с тобой все хорошо?

— Да, я просто немного устала. Малышка выскользнула наружу так легко, что я почти не ощутила боли. Оливия посоветовала мне не лечь, а присесть на корточки — она уверяла, что так будет легче. — И Китти взяла новорожденную на руки. — Ричард, — укоризненно воскликнула она, — неужели ты не видишь: она — твоя точная копия!

— Ты рада, что ее будут звать Кэтрин, как тебя?

— Да. В семье будут две Кэтрин: одна Китти, вторая Кейт. А вторую дочь мы назовем Мэри.

Не выдержав, Ричард расплакался и успокоился только после того, как Китти отложила малышку и обняла его.

— Я люблю тебя, Китти. Люблю больше жизни.

Она вновь приоткрыла губы, чтобы что-то ответить, но тут Кейт расплакалась, и Китти взволнованно спросила:

— Ты слышишь? Кажется, Стивен был прав: у нас родилась строптивница. Надо покормить ее, а то она не успокоится.

Китти спустила рубашку с плеч, распеленала малютку и обняла ее так бережно, что у Ричарда зашло сердце. Крохотный ротик сомкнулся вокруг соска, Китти издала глубокий вздох неподдельного наслаждения.

— О, Кейт, ты моя, только моя!

Китти ни на минуту не сомневалась в том, что Ричард будет замечательным отцом, но даже она изумилась, увидев, с какой величайшей покорностью и готовностью он взвалил на себя все родительские обязанности. Многие подруги и знакомые Китти часто жаловались, что их мужья стыдятся возиться с детьми или выполнять домашнюю работу. Да, они брали детей на руки, целовали и обнимали малышкой, но этим и ограничивались. А Ричарда не волновало, что подумают о нем друзья. Даже в присутствии посторонних он пеленал Кейт, стирал пеленки и развешивал их на просушку, нисколько не боясь уронить себя в глазах других. В одном отношении ему и вправду повезло: Ричард ни в коей мере не выглядел бесхарактерным человеком, иначе, возможно, он стыдился бы новой роли отца.

Работать он стал еще упорнее, при этом дорожил каждой минутой, чтобы проводить побольше времени с Китти и Кейт. А когда Китти робко предложила ему поменьше работать на лесопилке и побольше — в огороде, Ричард ужаснулся: нет, только не это! За работу на лесопилке он получал щедрое жалованье, а каждый вексель был залогом безбедного будущего для его детей. Ричард уверял, что ему на все хватит сил — ведь до старости еще так далеко.

Когда Кейт минуло шесть месяцев, Томми Краудер разыскал Ричарда на второй лесопилке и посоветовал ему внести малышку в правительственные списки.

— Я сам в состоянии прокормить свою жену и дочь, — с достоинством возразил Ричард.

— Но вице-губернатор Кинг утверждает, что они обе находятся под опекой правительства. Зайди ко мне сегодня же, и мы уладим дело, — заключил Краудер и ушел не оглядываясь.

— Не понимаю, почему мои жена и дочь должны получать провизию со склада, — упрямо заявил Ричард, входя в тесный кабинет Краудера. — За них отвечаю я, как глава семьи.

— Нет, Ричард, ты вовсе не глава семьи. Китти — каторжница, мать-одиночка. Вот почему она до сих пор значится в списке, и туда же должен быть внесен ребенок. Ты нужен был мне только как свидетель, — объяснил Краудер.

Глаза Ричарда угрожающе потемнели.

— Китти — моя жена, а Кейт — моя дочь.

— «Кэтрин Кларк, не замужем...» Да, вот она, — пробормотал Краудер, отыскав нужную строку в большой конторской книге. Он взял перо, окунул его в чернильницу и вывел в той же строчке, повторив вслух:

— «Кэтрин Кларк, дочь». — Он поднял голову и улыбнулся. — Вот теперь все в порядке. Спасибо, Ричард. — И он отложил перо.

— Фамилия ребенка — Морган. Я признал его своим!

— Нет, Кларк.

— Морган!

Томми Краудер не отличался дальновидностью: он часто ссорился с теми, кто мог бы помочь ему в будущем. Но теперь, увидев, что глаза Ричарда стали стальными, как волны Сидней-Бей в шторм, Краудер побледнел.

— Ричард, напрасно ты винишь меня, — пролепетал он. — Я тебе не судья, я просто служу правительству острова Норфолк. Вице-губернатор Кинг требует, чтобы все книги были в порядке, как принято в Бристоле. И тебе, бристольтцу, это должно быть приятно. — Он нес околесицу, не замечая, что говорит. — Я должен был внести ребенка в списки и сделал это, призвав тебя в свидетели. Его фамилия — Кларк.

— Но это несправедливо! — бушевал Ричард позднее, встретившись со Стивеном. — Этот подхалим вписал мою дочь в свою проклятую книгу как Кэтрин Кларк! И сделал это у меня на глазах!

Стивен увидел, как перекачиваются мускулы под кожей рук Ричарда, и невольно содрогнулся.

— Ради Бога, успокойся, Ричард! Ни Краудер, ни Кинг ни в чем не виноваты. Понимаю, это несправедливо, да тут уж ничего не поделаешь. Китти тебе не жена и не может быть ею. Ей осталось отбыть еще несколько лет каторги, а это значит, что она находится под опекой правительства острова, которое вправе поступать с ней, как заблагорассудится. И по закону фамилия Кейт — Кларк.

— И все-таки у меня есть один выход, — процедил Ричард сквозь зубы. — Убить Лиззи Лок.

— На это ты не способен, так что незачем болтать попусту.

— Пока Лиззи жива, моя дочь будет считаться незаконнорожденной, как и остальные дети от Китти.

— Лучше давай успокоимся и рассудим здраво, — уговаривал Стивен. — Лиззи Лок счастлива с Томом Скалли, но Том Скалли уже понял, что он вовсе не фермер: ему не под силу выращивать пшеницу или разводить птицу. Рано или поздно он продаст свой участок и покинет остров. Один из бывших пехотинцев по секрету сообщил мне, что Скалли хочет побывать в Китае и Бенгалии. Неужели ты думаешь, что он уплывет на Восток, бросив Лиззи Лок здесь?

Прикрыв глаза, Ричард глубоко задумался.

— В твоих словах есть смысл... Если Лиззи уплывет на Восток, я могу некоторое время подождать, а потом объявить во всеуслышание, что я холостяк.

— Вот именно! Если понадобится, я выведаю у какого-нибудь стряпчего адрес и напишу трогательное письмо шерифу Глостера, сообщив, что миссис Ричард Морган, урожденная Элизабет Лок, отправилась в Макао и пропала без вести. Не осталось ли у нее в Глостере родственников? Ответное письмо послужит доказательством тому, что Лиззи умерла, и ты сможешь жениться на Китти.

— Умеешь же ты выбирать слова, Стивен, — вздохнул Ричард. Он немного успокоился и открыл глаза. — Означает ли эта утешительная речь, что скоро ты покинешь нас?

— Я до сих пор не получил чин, но когда-нибудь это произойдет.

— Мне будет не доставать тебя.

— А мне — тебя. — Стивен обнял Ричарда за плечи и мягко подтолкнул его к дому. Наконец-то ярость Ричарда утихла, по крайней мере на время. Черт бы побрал преподобного Джонсона!

— Случившееся беспокоит его сильнее, чем меня, — заметила Китти, беседуя со Стивеном о недавнем событии. Ричард ушел к ручью смыть с себя опилки и воспоминания о Томасе Краудере. — Мне жаль, что Кейт не может носить фамилию Морган, но кто рискнет отрицать, что она — дочь Моргана? И потом, что вообще означает брак? По меньшей мере половина каторжниц не состоит в законном браке, но это еще не значит, что мы плохие жены. Я ни о чем не жалею, Стивен, честное слово!

— Китти, Ричард — набожный человек, поэтому ему трудно примириться с тем, что с точки зрения англиканской церкви его потомки будут незаконнорожденными.

— После смерти Лиззи он сможет признать их своими детьми, а Лиззи уже немолода, — попыталась утешить его Китти.

Как объяснить ей, что даже брак не смывает пятно с ее репутации? Поразмыслив, Стивен не стал утруждать себя и взял на руки Кейт.

— Ну, здравствуй, мой персик, мой маленький ангел!

— Кейт вовсе не ангел, ты был прав, она строптивница. Своенравная девчонка! Ей-богу, Стивен, в свои шесть месяцев она уже держит нас в ежовых рукавицах!

— Чтобы повелевать Ричардом, ей не нужны ежовые рукавицы, — улыбнулся Стивен, заглянул в глаза малышки и расцеловал ее в пухлые щечки. — Ей достаточно просто подать голос, правда, Кейт? Хотел бы я знать, где сейчас твой Петруччо. В каком обличье он явится сюда? — И он

отдал Кейт матери.

— Петруччо?

— Один джентльмен из пьесы Шекспира, сумевший укротить строптивницу Кейт. Не обращай внимания, я просто болтаю чепуху.

Наступило молчание. Стивен пристально разглядывал норфолкскую мадонну в поношенном коленкоровом одеянии. Как бы ни сложилась ее жизнь, Китти наверняка запомнит минуты, когда она держала на руках своего первенца. Ее младенцу следовало бы стать неистовым буяном, но Стивен недаром сравнивал его с персиком и ангелом. У хороших матерей обычно рождаются прекрасные дети, а Китти стала замечательной матерью.

Чем еще примечательна эта женщина? Она не блещет умом, но и не поражает глупостью. Это мышка, прячущаяся в вырубленном лесу. За два года, проведенных с Ричардом Морганом, дурнушка превратилась в соблазнительницу. А полюбила ли она Ричарда? В этом Стивен не был уверен и не знал, известен ли ответ самой Китти. Вероятно, она испытывает к Ричарду лишь влечение. Она привязалась к нему, как привязываются дети, и все-таки не разглядела в нем неисчислимые достоинства — а почему, неизвестно. Может, все дело в возрасте Ричарда? Вряд ли! Он сильнее и крепче любого юноши.

— Ты любишь Ричарда? — спросил Стивен.

В глазах цвета эля мелькнула печаль.

— Не знаю, Стивен. Я хотела бы знать, но ни в чем не могу разобраться. Я слишком мало знаю, чтобы рассуждать о таких вещах... А как ты сам понял, что любишь его?

— Просто понял — и все. Я постоянно думал о нем, видел его мысленным взором.

— Со мной такого не бывает.

— Прошу тебя, Китти, не обижай его!

— Не буду, — пообещала она, покачивая Кейт на коленях. Помолчав минуту, она улыбнулась и похлопала Стивена по руке. — Стивен, мы с Ричардом никогда не расстанемся. Я слишком многим обязана ему и намерена отдать долг. Этому научила меня каторга, а я надолго запоминаю уроки жизни. Жаль только, что я вряд ли выучусь грамоте, — дом и дети прежде всего.

Когда Китти призналась мужу, что опять ждет ребенка, Ричард ужаснулся:

— Не может быть! Так рано?!

— Такое случается. Второй ребенок родится через четырнадцать

месяцев после первого, — терпеливо разъяснила она. — Они будут расти вместе.

— Да ведь это тяжкий труд, Китти! Ты слишком рано постареешь!

Услышав эти слова, она рассмеялась:

— Полно тебе, Ричард! Я здорова, молода и никак не могу дождаться, когда у нас появится Уильям Генри.

— Я был бы рад подождать! Черт побери, я давно привык ждать!

— Не сердись, — попросила Китти. — Оливия говорила, что я не забеременею, пока кормлю Кейт грудью.

— Бабкины сказки! Мне следовало набраться терпения и подождать!

— Почему?

— Потому что сразу с двумя детьми ты не справишься.

— А я говорю — справлюсь. — Китти протянула ребенка Ричарду и схватила пустое ведро. — В доме нет воды.

— Я сам принесу.

Китти стиснула зубы, ее глаза сердито блеснули.

— Ричард Морган, сколько можно опекать меня? Почему ты мне не доверяешь? Я сама могу вырастить детей, я сама буду решать, когда рожать их! Это мой дом, я сама разберусь, чем и когда мне заниматься! Оставь меня в покое! Дай мне хоть что-нибудь сделать самой! И перестань постоянно упрекать меня — то не так, это не так... Почему я ничего не пытаюсь решить за тебя? Довольно! Я уже не ребенок, я достаточно взрослая, чтобы иметь детей. И если я захочу еще одного ребенка, он у меня будет. Ты мне не хозяин, я принадлежу его величеству королю!

И она широкими шагами в ярости покинула комнату.

Ричард присел на крыльцо, держа на руках дочь. Оба молчали.

— Кажется, детка, меня только что поставили на место.

Кейт выпрямилась и устремила на отца взгляд глаз, не похожих ни на материнские, ни на отцовские: они были серыми, с разбросанными по радужке темными точками и всегда казались глубокими, а их взгляд — пристальным. Возможно, детская красота малышки с возрастом должна была потускнеть, но у нее, как у двух умерших детей Ричарда, черные волосы были густыми и вьющимися, бровки — темными, а огромные глаза окаймляли черные ресницы. Кроме того, она унаследовала от отца пухлые алые губы и безупречно чистую смуглую кожу. Китти была права: Кейт пошла в Морганов, а не в Кларков, хотя и носила материнскую фамилию.

Уже в который раз Ричард проклял себя. Все его дети будут считаться незаконнорожденными; Лиззи вряд ли окажет ему услугу, умерев рано. Конечно, Ричард не собирался убивать ее, но только Бог мог запретить ему

желать жене смерти.

«Почему нити нашей жизни постоянно путаются? Я проявил непредусмотрительность, женившись на Лиззи Лок. Вернее, я не подумал ни о себе, ни о будущем. Я пожалел ее, решил, что многим ей обязан, — я рассуждал, как полагается жожаку. Помню, Стивен предостерегал меня, но я его не послушал. И в итоге я навредил своим собственным детям, а женщину, которую я люблю всей душой, называют не иначе, как моей сожительницей. К ней никто не обращается мистрис — она просто женщина, моя любовница. Это означает, что она не имеет никаких прав, она ничтожество, существо, предназначенное для моего удобства. Подобно многим мужчинам, я вправе вышвырнуть ее из дома, не задумываясь. Сроки каторги истекают, те, у кого есть деньги, уезжают в Англию, в Китай или куда хотят. Исчезают знакомые лица, остров покидают друзья — такие, как Джо Робинсон. И многие из них оставляют здесь прежних возлюбленных, не заботясь о них. Хорошо еще, вице-губернатор Кинг готов отдавать землю не только одиноким мужчинам, но и одиноким женщинам. Значит, этим брошенным созданиям не придется промышлять в солдатских казармах. Мы обращаемся с женщинами непростительно жестоко. Ведь по натуре они не шлюхи. Это мы толкаем их на путь порока».

Кейт залепетала, показывая режущиеся зубки. «Мой первенец, моя дочь... моя незаконнорожденная дочь». Обняв девочку, Ричард дотронулся губами до ангельски нежной кожи, вдохнул чистый детский запах, сознавая, что Кейт достойна восхищения.

— Кейт... — произнес он, поворачивая девочку лицом к себе. Малышка бросила на него лукавый взгляд, который переняла у матери, и Ричард продолжал так, словно она могла понять смысл его слов: — Кейт, что же будет с тобой? Что я должен сделать, чтобы ты не повторила печальную судьбу твоей матери? Как превратить тебя из незаконнорожденного ребенка двух каторжников в благовоспитанную юную леди, покорительницу мужских сердец? — Он поцеловал крошечную ладошку и почувствовал, как малышка уверенно схватила его за палец. Затем Ричард поудобнее усадил девочку, положил подбородок ей на макушку и засмотрелся вдаль, думая о ее будущем.

Китти не стала спешить домой с совершенно ненужным ведром воды. Присев у ручья, она задумалась, затем окунула ведро в воду, чтобы наполнить его, отставила ведро в сторону и опять замерла. Собственная вспышка застала ее врасплох, она и не подозревала, как давно в ней копилось раздражение. Ежедневные домашние заботы не располагали к вдумчивости. Но причина, по которой ее чувства вырвались наружу именно

сегодня, была очевидна: Ричард не хотел, чтобы второй ребенок родился у них так скоро, пожалуй, он больше вообще не хотел детей. Но это не ему решать! Бог создал ее, чтобы она рожала детей, и ей нравилось вынашивать и растить их. Слова, которые она часто слышала в рабочем доме и во время церковных проповедей и потом повторяла, занимаясь вышиванием, теперь приобрели новый смысл. Да, Адам был сотворен первым, и все же, пока не появилась Ева, он оставался... никчемным! Ева гораздо важнее Адама: Ева рожала детей и была хранительницей домашнего очага.

Ричард не вправе решать все сам только потому, что он кормилец семьи, — ведь хлеб из зерна, выращенного им, печет она! Вскочив и как пушинку подняв тяжелое ведро, Китти поклялась, что в будущем заставит мужа считаться с ее желаниями. «Я вовсе не серая мышка и не вещь! Я живой человек!»

Шагая по тропе через огород, Китти увидела на крыльце мужа и неожиданно смягчилась. У нее потеплело внутри. Она застыла и долго наблюдала, как он беседует с малышкой, усаживает ее поудобнее, что-то втолковывает ей, целует ее пальчики и смотрит вдаль. На лице Ричарда читались любовь и радостное изумление. Он вновь прижал к себе ребенка и устремил в никуда взгляд поверх его головы.

«Ричард, очнись!» — мысленно взмолилась Китти, но он оставался неподвижным. Солнце уже скрылось за горой, на землю легли тени, и в наступающих сумерках ребенок и отец казались каменными изваяниями. Внезапно Китти вспомнила начальника рабочего дома: однажды, во время воскресной службы, он вот так же сидел в церкви, глядя в никуда, пока священник читал проповедь о плотских грехах, неведомых большинству его слушателей. А начальник продолжал смотреть в пустоту. Священник замолчал, собравшиеся сироты сидели неподвижно: строгая старая дева бдительно следила за ними, не допуская ни малейшей вольности. Начальник так и сидел, глядя вдаль, словно что-то рассматривал, не выказывая никаких чувств. Только когда священник осторожно тронул его за плечо, начальник пошевелился. И упал вперед, на каменные плиты пола, застыв бесформенной кучей, словно чулки, наполненные песком, которыми пороли сирот потому, что эти орудия наказания не оставляли следов.

«Ричард, очнись!» Но он не шевелился. Время шло, ребенок у него на руках задремал. Вдруг Китти поняла, что Ричард мертв. Ужаснувшись, она рухнула на колени, выронив ведро. Даже грохот ведра в зловещей тишине не заставил Ричарда сдвинуться с места. Он умер, умер!

— Ричард! — выкрикнула Китти, вскочила и бросилась к нему.

Этот крик вывел его из оцепенения, но он не успел успокоить жену.

Китти схватила его в объятия, обливаясь слезами, касаясь его плеч и груди.

— Китти, что с тобой, любимая? Что стряслось?

А она заходилась в рыданиях, слезы струились по ее лицу. Проснувшаяся Кейт тоже расплакалась, Ричард вскочил. Две перепуганные женщины, большая и маленькая, цеплялись за него, словно за соломинку, и он растерялся. Кейт он бесцеремонно усадил в колыбель, где брошенная малышка разразилась яростным криком, а Китти повел к креслу у печи. Она продолжала рыдать так, что сердце Ричарда обливалось кровью. Достав из-за книг бутылку рома, он заставил Китти сделать глоток.

— О, Ричард, я думала, ты умер! — простонала она, всхлипывая и утирая слезы. — Я думала, ты умер! — Обхватив его обеими руками, она уткнулась лицом ему в живот.

— Китти, я жив. — Он с трудом расцепил ее пальцы и усадил жену к себе на колени. Не найдя подходящей тряпки, он вытер ей глаза, нос, щеки и подбородок подолом коленкорového платья и только тут почувствовал, что платье насквозь промокло. — Дорогая, я жив, убедись сама, — твердил он, нежно улыбаясь. — Трупы никому не предлагают ром, — попытался пошутить он и добавил: — Но мне приятно видеть, что меня так безнадежно оплакивают. Выпей еще немного.

Кейт кричала все громче, но Ричард понимал, что Китти еще не скоро оправится от потрясения, поэтому обернулся и строго прикрикнул:

— А ну, прекрати, Кейт! Спи, кому говорят! — И к его удивлению, малышка тут же замолчала.

— О, Ричард, я думала, ты умер, как начальник рабочего дома, и не знала, что делать! Ты сидел совсем как мертвый... а ведь ты так меня любил... а я ничего не понимала, я ни разу не сказала, что люблю тебя! Я люблю тебя так, как ты любишь меня, больше самой жизни. Когда мне показалось, что ты умер, я поняла, что не смогу жить без тебя! Ричард, я люблю, люблю тебя!

Он уткнулся лицом в ее волосы.

— Ушам не верю, — пробормотал он. — Наконец-то для меня настал праздник... Но почему ты вся мокрая?

— Я уронила ведро, вода расплескалась. Поцелуй меня, Ричард! И позволь поцеловать тебя!

Чудо взаимной любви превратило губы в тончайшую преграду между телом и духом. «Отныне у нас не будет тайн друг от друга, — думал Ричард. — Я могу поделиться с ней всем, что у меня на душе. Теперь Китти знает, как душа поет от любви и как трепещет сердце. Любовь уже давно живет в ней».

Стивен зашёл к ним в гости в первый день рождения Кейт — пятнадцатого февраля тысяча семьсот девяносто третьего года — и принес изумительный подарок.

Увидев гостя, Ричард, Китти и даже малышка застыли: лейтенант Донован был облачен в парадный мундир королевского флота с золотым галуном, черные башмаки, белые чулки, белые бриджи и жилет, рубашку с пышными оборками. На боку у него красовалась шпага, на голове — парик, а треуголку он держал под мышкой. Он был не просто на редкость красивым, но и внушительным мужчиной.

— Ты уезжаешь! — ахнула Китти, и ее глаза наполнились слезами.

— Вот это наряд! — подхватил Ричард, смехом пытаясь скрыть свое горе.

— Мундир привезли из Порт-Джексона, как видите, он пришелся мне почти впору, — улыбаясь, отозвался Стивен, — только слегка жмет в плечах. Слишком уж они широки!

— В самый раз для капитана. Поздравляем! — Ричард протянул руку. — Я сразу понял, что нам предстоит разлука, когда пришел этот злополучный корабль.

— Да еще с таким названием — «Китти»! Я облачился в парадный мундир в честь юной Кейт, уезжать я пока не собираюсь. «Китти» отплывает только через неделю, нам хватит времени попрощаться. — И он с облегчением стащил с головы парик. Подражая Ричарду, он коротко подстригся. — Черт, как в нем жарко! Это орудие пытки изобрели для Ла-Манша, а не для душного февраля на острове Норфолк!

— Стивен, где же твои волосы? — воскликнула Китти и вновь чуть не расплакалась. — Они так нравились мне! Я все время уговариваю Ричарда отпустить волосы подлиннее, но он уверяет, что они будут ему мешать.

— И он совершенно прав. После стрижки я почувствовал себя свободным как птица, пока не надел парик. — И Стивен направился к Кейт, сидящей на высоком стульчике, сколоченном Ричардом. — С днем рождения, дорогая крестница! — произнес он и протянул подарок.

— Дай! — воскликнула малышка, улыбнулась и потянулась ручками к лицу гостя. — Стиви, — пролепетала она, перевела взгляд на Ричарда и выговорила еще одно любимое слово: — Папа!

Стивен поцеловал ее, украдкой убрав сверток, что, впрочем, ничуть не огорчило малышку: когда отец был рядом, она больше ничего не замечала.

— Сохрани это для Кейт, — попросил Стивен, протягивая сверток Китти. — Через несколько лет она оценит мой подарок.

Охваченная любопытством, Китти развернула обертку и не сдержала

возглас удивления:

— О, Стивен! Какая прелесть!

— Я купил ее у капитана «Китти». Ее зовут Стефани.

В свертке была кукла с искусно раскрашенным фарфоровым личиком, глазами с поблескивающей радужкой, тонкими ресничками, волосами из желтого шелка, одетая по моде тридцатилетней давности — в розовое шелковое платье с кринолином.

— Значит, ты вернешься в Порт-Джексон на «Китти»? — спросил Ричард.

— Да, а в июне отправлюсь на ней в Портсмут.

Они поужинали жареной свининой и отведали именинный пирог; Китти ухитрилась испечь его воздушным, взбив яичные белки в медной миске венчиком, который Ричард смастерил для нее из проволоки. Он охотно выполнял все ее просьбы.

Корабли изредка появлялись у берегов острова, привозя чай, настоящий сахар и маленькие предметы роскоши, в том числе гордость Китти — хрупкий фарфоровый чайный сервиз. На открытых окнах вскоре затрепетали занавески из зеленого бенгальского хлопка, но ни картин, ни вилок в доме пока не было. Не беда! Через три месяца должен родиться Уильям Генри — Китти твердо знала, что ее следующий ребенок будет мальчиком. А с Мэри было решено подождать — не так долго, как хотел бы Ричард, но все-таки выждать срок. Китти понимала, что не может подарить ему ничего, кроме детей. А их никогда не бывает слишком много: жителей Норфолка повсюду подстерегали опасности. В прошлом году бедный Нат Лукас так неудачно срубил сосну, что она с треском обрушилась прямо на Оливию, держащую на руках малыша Уильяма, и близнецов, цеплявшихся за ее юбку. Оливия и Уильям спаслись чудом, но Мэри и Сара умерли мгновенно. Да, детей должно быть много. Тяжело видеть, как они умирают, но надо быть благодарными за тех, кого Бог пощадил.

В жизнь Китти прочно вошла радость — потому что она любила и была любима, потому что ее дочь отличалась крепким здоровьем, а сын, растущий у нее в животе, непрестанно бил ножкой. Китти сожалела только об отъезде Стивена. Впрочем, без Ричарда ей пришлось бы гораздо тяжелее. Расставания и встречи — обычное дело. Все в мире меняется, все идет своим чередом, и тайное становится явным, лишь когда подступишь к нему вплотную. Стивен уплывает в Англию на корабле, носящем ее имя, а это много значит. «Китти» убережет его от беды, рассекая волны, словно нож — масло.

— Ты оставишь нам Тобиаса? — спросила Китти.

Темные брови высоко взлетели, ярко-синие глаза блеснули.

— Расстаться с Тобиасом? Ни за что! Он морской кот, он поплывет со мной куда угодно. Рядом со мной он чувствует себя как дома.

— А ты наведишь майора Росса?

— Непременно.

Ричард задал мучающий его вопрос, провожая Стивена до дороги на Куинсборо.

— Ты не окажешь мне одну любезность, Стивен?

— Какую угодно. Ты хочешь, чтобы я навестил твоего отца? Или кузена Джеймса-аптекаря?

— Только если у тебя хватит времени. Я хочу попросить тебя отвезти письмо Джимми Тислтуэйту в Лондон, на Уимпоул-стрит, и передать ему в собственные руки. Я знаю, что больше никогда не увижусь с ним, поэтому мне будет приятно, если он получит письмо из рук моего самого близкого друга.

— Так я и сделаю. — Возле дороги Стивен стащил парик и с печалью окинул Ричарда взглядом. — Чтобы написать письмо, у тебя в запасе есть целая неделя. Я уплываю на «Китти», если не передумаю.

С появлением на Норфолке преподобного мистера Бейна посещение воскресной службы перестало считаться обязательным. Но вице-губернатор Кинг настоятельно советовал всем каторжникам посещать каждую службу, а поскольку в церковь являлись и свободные колонисты, там царила страшная давка. Каторжники нуждались в покровительстве Бога больше, чем свободные островитяне.

Зная, что, если он пропустит службу, его все равно никто не хватится, Ричард предупредил Китти, что в ночь с субботы на воскресенье будет писать мистеру Тислтуэйту, а утром поспит подольше. Радуюсь тому, что Ричард отдохнет несколько лишних часов, — все-таки писать письмо легче, чем пилить бревна, — Китти отправилась спать.

Ричард осторожно снял с полки лампу, купленную вместе с чайным сервизом, но стоившую гораздо дороже, потому что к ней прилагался пятидесятигаллонный бочонок ворвани. Ричард редко зажигал ее — от усталости он почти перестал читать по вечерам, но обладая лампой, сознавал, что рано или поздно перечитает все книги, присланные Джимми Тислтуэйтом, хотя это единственное развлечение каждый раз вызывало у него такое чувство, будто он предал своих близких. Он уже понял, что Китти никогда не научится грамоте, у нее есть дела поважнее. Поскольку единственным источником знаний для нее остается он, Ричард, он просто обязан читать.

Придвинув поближе лампу, отбрасывающую на бумагу пятно теплого золотистого света, Ричард окунул стальное перо в чернильницу и начал писать, почти не обдумывая фразы, поскольку они давным-давно сложились у него в голове.

«Джимми, это письмо меня убедил написать лучший человек из всех, кого я знаю, и теперь, расставаясь с ним, я утешаюсь лишь одной мыслью — что ты познакомишься с ним и полюбишь его. Так вышло, что мы с ним жили бок о бок с тех пор, как „Александр“ покинул устье Темзы, мы вместе перебирались с корабля на корабль, из одной колонии в другую. Он свободный человек, а я каторжник, и все-таки мы друзья. Не будь у меня Китти и детей, разлука с ним стала бы для меня сокрушительным ударом.

На этих страницах ты прочтешь то, чего не узнал из письма, которое я отправил, получив твою посылку. Первое письмо было послано с почтой, его могли вскрыть чужие руки, увидеть чужие глаза. Странно, что наши письма вообще доходят до адресатов, но ответы, которые мы получали с тысяча семьсот девяносто второго года (а также письма, привезенные в этом году „Беллоной“ и „Китти“), — свидетельство тому, что почтальоны, увозящие их в Англию, сочувствуют нам. Однако некоторые из нас ни разу не получали вестей из страны, которую почти все мы по-прежнему называем родиной. Не знаю, случайность это или злой умысел. О судьбе этого письма позаботится Стивен. В нем я могу высказать все, что пожелаю, зная, что он молча дождетсЯ, когда ты прочтешь его, не пытаясь вмешаться.

В этом, тысяча семьсот девяносто третьем году мне минуло сорок пять лет. Как я теперь выгляжу, тебе расскажет Стивен — он знает это лучше, чем я сам, ведь на острове Норфолк нет зеркал. Мне известно лишь то, что я сумел сохранить здоровье и даже окреп, поэтому теперь мне по плечу любая работа, в том числе и та, которая была не под силу в молодости.

Я пишу это письмо ночью, слыша только шорох ветра в ветвях могучих деревьев, ощущая запах смолы и свежесть дождя, который прошел несколько часов назад, увлажнив землю.

Я никогда не вернусь в Англию — больше я не считаю ее своим домом и даже мысленно не называю так. Мой дом здесь, на острове Норфолк, где я останусь навсегда. Дело в том, Джимми, что я не хочу иметь ничего общего со страной, которая отправила меня в Ботани-Бей на невольничьем судне. Страдания и лишения, которые я пережил за время плавания, продолжавшегося целый год, до сих пор преследуют меня в ночных кошмарах.

Конечно, и мне выпадали радостные минуты, но отнюдь не по милости

тех, кто распоряжался нами, — алчных подрядчиков, равнодушных писцов, налитых портвейном капитанов и адмиралов. Нам, каторжникам, первыми увезенным в Ботани-Бей, еще повезло — по сравнению с теми, кто последовал за нами: Стивен расскажет тебе, что он увидел на борту „Нептуна“, прибывшего в Порт-Джексон.

Первыми добравшись до Ботани-Бей, мы стали и самыми счастливыми, и самыми несчастными. Никто из нас не знал, за что взяться, даже отчаявшийся губернатор колонии Филлип. Его не снабдили ни планами, ни инструментами, ни материалами. Никто в Уайтхолле не позаботился о доставке грузов, подрядчики мошенничали без зазрения совести, доставляя на суда грубые ткани, тупые инструменты и другие необходимые, но ни на что не годные вещи. Представляю себе, что сказал бы Юлий Цезарь, увидев, в каких условиях нам пришлось существовать!

Но каким-то чудом мы выдержали первые пять лет этого непродуманного, неудачного опыта над живыми мужчинами и женщинами. Не знаю, как это получилось, мне известно только, что мы стали живыми свидетельствами человеческого упорства и решимости. Было бы неверным утверждать, что Англия предоставила нам еще один шанс. Мы не получили никакого шанса — ни первого, ни последнего. Скорее мы действовали так, как советовал нам внутренний голос. Одни из нас просто поклялись выжить и, выжив, заторопились на родину или только стремятся к этому. А другие решили начать все заново — с тем, что мы теперь имеем. Я отношусь ко вторым, таким, кто, будучи каторжником, упорно трудился, не доставлял хлопот властям, не подвергался наказаниям, не предавался порокам и старался быть полезным. Получив помилование или отбыв срок каторги, мы осели на своей земле и занялись непривычным делом — фермерством.

Как много потеряла Англия — ум, изобретательность, выносливость, упорство! Перечень ее потерь мог бы занять несколько страниц. А сколько еще хороших, работающих людей прозябает в каменных и плавучих тюрьмах? Что случилось с Англией, неужели она ослепла, если выбрасывает такое сокровище как никчемный мусор?

Справедливо будет заметить, что лишь немногие из нас имели представление о том, из какого мы сделаны теста. Сам я об этом даже не догадывался. Прежний тихий, терпеливый Ричард Морган, которого не привела в ярость даже потеря трех тысяч фунтов, умер. Он был бездеятельным, удовлетворенным, лишенным тщеславия и ничтожным. Он скорбел лишь о том, о чем скорбят все люди, — о потере близких. Ему были присущи самые распространенные человеческие пороки — потакание

своим прихотям и поглощенность самим собой. У него были свои маленькие, ничем не примечательные радости и добродетели, такие же, как у многих других людей, — вера в Бога и свою страну.

Ричард Морган восстал из пучины боли и увидел, что чужая боль порой бывает острее собственной. Он ничего не принимает как должное, он говорит лишь тогда, когда это необходимо, он готов отдать жизнь за своих близких и свое имущество, он никому не доверяет и полагается на одного-единственного человека — на самого себя.

Джимми, наша трагедия заключается в том, что мы вывезли из Англии самое худшее, что в ней было, — хладнокровную надменность тех, кто правит и распоряжается нами, неписанные законы, по которым лучшими людьми считаются высокопоставленные и богатые, стигматы нищеты и низкого происхождения, смешную веру в то, что монарх и церковь никогда не ошибаются, презрение к незаконнорожденным.

Поэтому я боюсь, что на моих детей ляжет бремя и моих грехов, а не только их собственных. Но я надеюсь, они обретут то, чего никогда не добились бы мои бристольтские потомки. Здесь им хватит пространства, чтобы расправить крылья, Джимми, хватит места, чтобы выйти в люди. О чем еще я могу молить Бога?

Я думал, письмо получится длинным, но теперь вижу, что уже сказал все, что хотел сказать. Береги себя, позаботься о Стивене, который увозит с собой мою любовь, и пиши. Корабли из Англии теперь прибывают сюда каждые шесть месяцев, на Норфолке запасаются пресной водой суда, плывущие в Нутка-Саунд и Отахейт. Если повезет, ты получишь следующее мое письмо прежде, чем я обзаведусь целым десятком малышей. Китти любит детей, а я слишком слаб, чтобы отталкивать ее, когда она льнет ко мне.

Благодаря милости Господа и людской доброте я проделал долгий и славный путь».

Ричард сложил лист вдвое, растопил сургуч и запечатал письмо, оттиснув на нем свою эмблему — инициалы Р.М. в окружении цепей. Оставив письмо на столе, он задул лампу и ушел в спальню, к Китти.

Этим не закончилась сага Ричарда Моргана: он прожил еще много лет и пережил множество приключений, падений и взлетов. Надеюсь, когда-нибудь я допишу историю его семьи.

Послесловие автора

Война за независимость в Северной Америке спутала все карты европейских держав таким образом, какой в то время было невозможно предугадать. До тех пор олицетворением конституции страны считались, как правило, ее законы; существование народа, социальную иерархию которого не возглавлял бы монарх, казалось немыслимым; представители средних и низших классов даже не смели претендовать на такие же права, как высокопоставленные особы, обладатели собственности и/или состояния.

Одним из наименее известных результатов американской Войны за независимость стало основание британской колонии в Новом Южном Уэльсе и почти одновременно с ней — колонии на острове Норфолк. Современные историки резко расходятся во мнении о причинах, побудивших Великобританию заняться колонизацией почти неизученного материка, о котором не было известно ничего, даже его геофизические характеристики. Некоторые эксперты в этой области считают, что планы колонизации Нового Южного Уэльса возникли и были осуществлены исключительно с одной целью: отправить куда-нибудь беспомощные жертвы самой суровой в Западной Европе пенитенциарной системы. Другие же убеждены, что здесь сыграли свою роль более возвышенные идеалы и теории.

Не стану утверждать, будто я располагаю достаточной эрудицией, чтобы разрешить этот спор. Скажу лишь одно: после того как тринадцать американских колоний отказались принимать каторжников, британское правительство осознало, что ему необходимо найти место, куда можно было бы отправлять преступников, приговоренных к каторге, и что это место должен отделять от Англии целый океан. Французская революция и нарастающие волнения не только в Ирландии, но и в Шотландии и Уэльсе стали дополнительным стимулом в борьбе за успех пенитенциарного эксперимента на краю земли. История первых десятилетий существования колоний в Новом Южном Уэльсе и на острове Норфолк содержит немало доказательств явного богатства и даже определенного прироста валового национального продукта, но вместе с тем в ней немало свидетельств тому, что, какими бы возвышенными ни были идеалы и теории британского правительства, новую колонию оно воспринимало прежде всего как место изоляции каторжников, мятежников, политических демагогов и прочих

неблагонадежных граждан. Здесь они могли влачить жалкое существование, не представляя угрозы для «родины».

Среди множества любопытных аспектов этого великого переселения меня привлекали, во-первых, святая вера британского правительства в то, что для осуществления намерений достаточно просто взять и осуществить их, а во-вторых, сами подопытные кролики в этом эксперименте, каторжники. Своим успехом он обязан прежде всего подопытному материалу, каторжникам, а не всему прочему. Именно поэтому я решила написать роман о зарождении Австралийского союза, образовавшегося гораздо позднее, в тысяча девятьсот первом году, описав события такими, какими они предстали глазам каторжника.

Почему все эти люди были приговорены к каторге? Какими на самом деле были обстоятельства, побудившие их совершить преступления? Как действовала английская система правосудия? Какие права имел по закону осужденный преступник? В какой среде выросло большинство каторжников? Как им удавалось уживаться? Почему они выжили, очутившись в совершенно незнакомом краю, притом отнюдь не истекающем молоком и медом? Почему, отбыв срок каторги и в большинстве случаев заработав достаточно денег, чтобы вернуться на родину, лишь некоторые из них покидали колонии? Что поддерживало их в трудные минуты? Как сказывались на них жестокие наказания того времени? Как они восприняли долгожданную свободу, как относились к Англии?

Действие последних частей этой книги разворачивается на острове Норфолк, а не в Новом Южном Уэльсе. Этот крохотный кусочек суши посреди Тихого океана имеет свою насыщенную событиями историю.

Британское правительство предприняло три отдельные попытки колонизации острова, две первые из которых — так называемые Первая и Вторая колонии — оказались неудачными, и остров вновь стал необитаемым. Особой жестокостью порядки на острове отличались во времена Второй колонии (1825–1855 гг.); во времена Первой колонии (1788–1813 гг.) островитянам жилось гораздо легче.

Третья попытка стала еще одним экспериментом по вывозу каторжников за пределы Англии. Потомки мятежников с «Баунти» и их жены-таитянки в 1856 году были все до единого перевезены с острова Питкерн на остров Норфолк, где почва считалась более плодородной. Некоторые из жителей Питкерна, так и не дождавшись, когда правительство исполнит данные им обещания, после 1856 года переселились с Норфолка на Питкерн — именно их потомки сегодня

составляют большую часть населения Второй колонии Питкерна.

Так называемая третья колонизация оказалась успешной — по-моему, потому, что жители Питкерна уже были островитянами в истинном смысле этого слова. Островитяне способны распоряжаться сравнительно небольшим пространством, которое требует совсем иного отношения к жизни и иного стиля управления, чем обширные земли. В 1914 году остров перестал быть территорией, подчиненной британскому правительству, и стал территорией, подчиняющейся Австралийскому союзу. Сменяющие друг друга правительства Австралии и не избираемые «слуги народа» демонстрировали ту же самую надменность и безразличие к судьбе острова Норфолк и переселенцев с Питкерна, какие были присущи и британскому правительству. Можно только удивляться тому, что Австралия, сама побывав жертвой колониального режима, усвоила дух колониализма: ее подданные на сравнительно удаленных островах в Индийском океане страдали не меньше, чем потомки мятежников с острова Норфолк.

Источники сведений о колониях чрезвычайно богаты, но зачастую, как в Публичном архиве в Кью, Лондон, документы хранятся в полном беспорядке ввиду недостаточного финансирования. Как и в случае с исследованиями истории Древнего Рима, я была склонна опираться на первоначальные источники, а не на труды современных историков. Всем, кто изучает тот или иной исторический период, необходимо обращаться к первоисточникам, чтобы составить свое мнение, сделать собственные выводы.

Библиографический список я не прилагаю по той простой причине, что он занял бы слишком много места и включал бы не только книги, но и официальные документы. Впрочем, тем, кто заинтересован в получении библиографии по опубликованным материалам, советую обращаться ко мне через издателей.

Я не могу не поблагодарить тех, кто оказывал мне помощь и предоставлял сведения.

Главным моим помощником стала моя любимая падчерица Мелинда, которая побывала в Кью, Бристоле, Глостере, Портсмуте и других английских городах, а также в исторических архивах Сиднея, Хобарта и Канберры. Привезенные ею материалы оказались бесценными.

Особую благодарность я выражаю Хэлен Редди, еще одному потомку Ричарда Моргана. В свободное от пения и выступлений время она изучала свое генеалогическое древо и снабжала меня удивительными документами.

Сердечно благодарю мистера Леса Брауна, чья осведомленность об истории острова Норфолк, причем об истории всех трех колоний, заметно

превосходит осведомленность других историков. Лес — один из безвестных героев, и теперь я хочу во всеуслышание воспеть ему хвалу. Его библиотека достойна восхищения.

Разве я могу забыть моих давних преданных сотрудников — моего секретаря Пэм Крисп, Кей Пендлтон и Карен Куинтол из офиса, вездесущего мастера на все руки Джо Ноббса, Риа Хоуэлл и Фрэна Джонстона, Далласа Криспа, Фила Биллмора и Луиса Доналда? Исключительно благодаря их усердию и усилиям я смогла работать над книгой в таком напряженном темпе. Я люблю и благодарю всех вас. Спасибо моей свекрови Мэй, которая присматривала за котом Пойндекстером, когда всем нам было не до него. Спасибо Иену Ноббсу, брату Джону и Грегу Куинтолу — за подробное описание того, как пилили норфолкские сосны продольной пилой.

Мой муж Рик — моя опора и лучший друг, правнук в четвертом колене каторжника Ричарда Моргана и мятежника с «Баунти» Флетчера Кристиана. Как причудливо сплетаются нити судеб: встретившись в 1860 году на крохотном островке среди океана, потомки двух славных родов узнали, что один из них восходит к жительнице Норфолка, Кейт, родившейся там в 1792 году! То же самое произошло и с Джо Ноббсом.

И в заключение напомним о своем обещании написать еще два тома из серии «История Древнего Рима». С Божьей помощью они увидят свет, но прежде мне необходим отдых от Рима, а не очередные «римские каникулы».

Сканирование, обработка,
вычитка и конвертирование **dnickn**.
Специально для «Книжного трекера»
(<http://book.libertorrent.com>)
Самый большой выбор книг!

Примечания

«Бристольское молоко» — название сухого хереса, ввозимого в Англию через г. Бристоль. — *Здесь и далее примеч. пер.*

В обращении в Англии находились фунты, шиллинги и пенсы, особой денежной единицей служила гинея. Гинею составлял 21 шиллинг, фунт — 20 шиллингов, а шиллинг — 12 пенсов. Выпускались также монеты достоинством в полпенни и фартинг — четверть пенни.

3

Прозвище принца Уэльского, отличавшегося тучностью.

Уильям Хоу — виконт, английский военный деятель (1729–1814).

Континентальный конгресс — собрание представителей 13
североамериканских колоний Англии (1774–1781).

Молль Флендерс, в одноименном романс Д. Дефо (1722), — женщина из низов общества, вынужденная встать на путь порока и воровства. Разбогатев к концу жизни, умирает в раскаянии.

«Сыны свободы» — организация американских колонистов (1765).

Игра слов: латинское выражение «Caesar adsum iam forte» созвучно английскому «Caesar had some jam for tea».

9

Английский центнер равен 45,4 кг.

Джозеф Бэнкс — английский ботаник, участник экспедиции Кука (1743–1820).

Фелония — тяжкое преступление (*англ.*).

Тэффи — распространенное английское прозвище валлийцев, выходцев из Уэльса.

13

Английское флотское прозвище гомосексуалистов.

Современные английские меры жидкости — пинта, кварта и галлон — больше американских, но в XVIII веке они были примерно одинаковыми. После войны за независимость США сохранили многие британские обычаи и по-прежнему пользовались английскими единицами измерения. Кварта в то время составляла 32 жидкие унции, а не 40, как теперь (1 жидкая унция = 28 мл).

Уайтинг — побелка (*англ.*).

Остров Кергелен.

В квадратных, а не линейных и не кубических единицах, то есть почти 30×30 квадратных футов пиленой древесины.

Один английский локоть равен 45 дюймам (112,5 см).